СТЕНЛИ ВЕЙНБАУМ

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

СТЕНЛИ ВЕЙНБАУМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

STANLEY G.

WEINBAUM

СТЕНЛИ

ВЕЙНБАУМ

Черное Пламя

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
В26

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художники В. Домогацкая, О. Юдин

Перевод с английского

Подписано в печать 21.02.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 10000 экз. Заказ № 459.

Вейнбаум С.
В26 Черное Пламя: Сб. фантаст. повестей и рассказов: Пер. с англ. / С. Вейнбаум. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 685, [3] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-012639-5

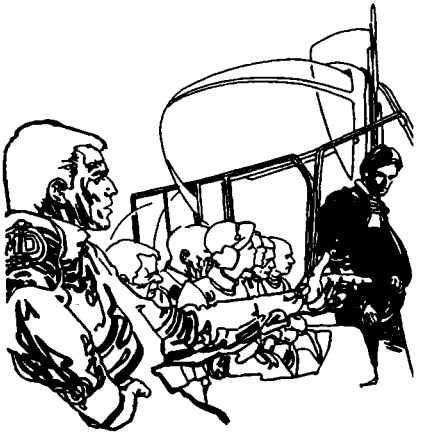
Стенли Вейнбаум (1902–1935 гг.).

Автор «Марсианской Одиссеи» и «Безумной Луны». Предшественник «золотого века» американской научной фантастики, далеко опередивший свое время и предвосхитивший в своих работах темы и сюжеты, получившие развитие в фантастике позднего — классического! — периода...

Стенли Вейнбаум прожил короткую жизнь — и успел издать до смешного мало. Однако НИ ОДНО из его произведений по сию пору, по сей день не утратило своего обаяния!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2002



НОВЫЙ АДАМ

ПРОЛОГ

Перед вами история жизни сверхчеловека. История его появления на свет, его исканий счастья и любви, история со счастливым, а может быть, не очень счастливым концом, о чем судить вам и только вам, дорогой читатель. Эта история кому-то может показаться фантастической, но при всей ее кажущейся неправдоподобности в основе ее заложена определенная вероятность.

Сверхчеловек — это не просто человек с руками и ногами, не существо, отнесенное к виду Homo Sapiens. Ницше и Г. Уэллс заблуждались на этот счет. Они, как, впрочем, и все те, кто занимался природой данного феномена, убеждали нас, что человеческое существо, достигшее неких степеней совершенства, и есть сверхчеловек. Для Ницше это был стандартный набор достоинств, обеспечивающих физическое и сексуальное могущество, превосходящее все известное этому миру. По Г. Уэллсу сверхчеловек — это личность интеллектуальная, склонная к самосозерцанию и умиротворению. Если согласиться с подобными утверждениями, то легко можно предположить, какой образ сверхчеловека мог родиться под темными сводами зловонной пещеры, в скудном воображении неандертальца. Недюжинной силы гигант, великий охотник, у которого собственное брюхо и семейный котел никогда не пустуют. При этом у него не возникнет даже намека на

мысль, что где-то может существовать раса, чьи представления о жизненном идеале могут быть полной противоположностью его собственным представлениям, и который не увидит иронии в возможности на куче угля умереть от холода. С недосягаемых высот мы глядим на пещерного человека, с таких же, по всей вероятности, высот и сверхчеловек будет рассматривать нас. Его пришествие в наш мир — вероятность вполне допустимая, а может случиться так, что и неизбежная.

А все потому, что далеко не все в этом мире подчиняется законам математики. Не всякий всплеск энергии космических вихрей может быть преобразован в законченную формулу, точно рассчитан, проинтегрирован, занесен на аккуратно пронумерованные листы бумаги и оставлен для потомков в толстых научных фолиантах. Ведь если некто встает из-за стола и объявляет своим домашним, что имеет желание отправиться в расположенную за соседней дверью библиотеку, из этого желания вовсе не следует, что он непременно туда попадет. Потому что в мироздании существует случайность, некий Х-фактор (при желании вы можете назвать его энтропией, удачей, свободной волей — как вам будет угодно), не поддающийся никаким, даже самым точным вычислениям. Нет ничего стабильного в этом мире, и в основе каждого события имеется причина еще более непонятная и загадочная. Кухарка ставит на плиту кастрюльку с водой. Конечно же, вода рано или поздно закипит, но все же существует вероятность — маленькая, но все-таки вероятность,— что вода замерзнет. Ибо даже в основе процесса теплоотдачи лежат случайные факторы, и вода может отдать свое тепло огню.

Мендель запаковал свою теорию наследственности в аккуратный ящик из математических формул. Фрейд и Юнг прилежно систематизировали удостоенные их внимания проявления окружающего мира и наклеили на них красивые ярлычки. Так нет же, вползают в нашу жизнь явления, весьма далекие от стройных теорий. Рождается на свет дитя с такими качествами, которые не могло получить по наследству ни от одного из родителей. Биологи скромно называют сие явление

разновидностью. Эволюционисты говорят о мутационных изменениях. Такие явления сплошь и рядом имеют место в царстве растений и мире насекомых и не вызывают даже легких признаков интереса у научных мужей, и этим забавным экспериментам природы не остается ничего иного, как быть предоставленным своей собственной судьбе. Обладая здоровой наследственностью, они вполне способны выжить, произвести на свет себе подобных, то есть дать начало рождению нового вида. Порой они теряют свои отличительные черты и растворяются в массе себе подобных, иногда просто умирают. Так поступает природа с растениями и животными, и редкий ученый рискнет перенести кажущиеся закономерности на биологию человека.

ВСТУПЛЕНИЕ

Глава первая
РАССВЕТ НА ОЛИМПЕ

Умерла Анна Холл так же тихо и безропотно, как и жила. Умерла при родах, и ребенок остался жить лишь благодаря последним родовым схваткам, которые помогли матери вытолкнуть его из лона. Угрюмый и уже не очень молодой Джон Холл стоически перенес утрату жены, понимая, что бесполезно винить в случившемся новорожденного. Жизнь — штука тяжелая и безжалостная, и если выпало на твою долю несчастье, то остается лишь терпеть и не спорить с судьбой. Джон Холл назвал мальчика Эдмондом в честь своего старика отца.

Но что-то, видно, случилось в наследственном механизме с его рецессивными и доминантными признаками, потому что совсем не часто являет природа на свет таких, как Эдмонд Холл — тощенький, с прямыми от рождения ножками и странными, очень светлыми глазами. Но не эти особенности в организме новорожденного заставили многоопытного доктора Линдквиста пробормотать ошарашенно что-то себе под нос. Нет, поразительнее всего были руки, а еще точнее, пальчики новорожденного. Дитя сжимало четырехсуставчатые пальчики в маленький смешной кулачок и без слез смотрело на принявший его мир прозрачными, желтосерыми глазенками.

— И она еще не хотела ложиться в больницу,— бормотал доктор Линдквист.— Вот что получается,

когда рожают дома,— говоря это, доктор смотрел на ребенка, и было непонятно, что он имеет в виду: безвременную ли кончину Анны или рождение ее странного сына.

Джон Холл промолчал, да и что он мог сказать. Не жалуясь на судьбу, он решил принимать вещи такими, какие они есть, и сделал все, что должен был сделать: нанял маленькому Эдмонду няньку и вернулся к практике. Джон был хорошим адвокатом — трудолюбивым, методичным, честным и удачливым.

Конечно, ему не хватало Анны. Он любил разговаривать с ней по вечерам, она была приятным и умным собеседником, а также умела тихо и внимательно слушать. Адвокату необходимо произносить фразы вслух, озвучить мысль, выявить ее достоинства и недостатки. Вот почему особенно остро чувствуя одиночество вечерами, когда ребенок спал или лежал тихо в своей комнате наверху, и до слуха хозяина долетало лишь приглушенное звяканье посуды хлопотавшей на кухне Магды, Джон Холл курил и читал. Много недель подряд он безуспешно пытался продраться сквозь хитросплетения идеалистического мировоззрения Беркли и, отчаявшись, обратился к Юму.

Но прошло время, и он начал разговаривать с ребенком. Дитя, как и покойная Анна, оказалось на редкость тихим и терпеливым слушателем и, вполне возможно, понимало не меньше Анны. Ах, этот странный, маленький уродец! Почти безголосый, со сверкающими непривычно янтарным блеском глазами. Время от времени дитя издавало гортанные звуки, пускало пузыри и никогда — Джон Холл ни разу не слышал — не плакало. Вот так, к радости няньки, обретавшей мгновения свободы, и начались их вечерние беседы. А няньку смущал этот «детеныш», с ненормальными руками, с ненормальным поведением и, как она все чаще думала, с ненормальной головой. Тем не менее, с присущими ее профессии манерами и тактом она была добра и расположена к ребенку. И маленький Эдмонд стал узнавать ее и находил в ней покойное прибежище, этакий островок безопасности. Вполне вероятно, что эта худая, смуглая, нервная особа, волею судьбы и обстоя-

тельств заменившая ребенку мать, подсознательно оказала на него такое влияние, последствия которого, естественно, в те годы не мог предвидеть никто.

Когда Джон впервые заметил в глазах своего дитя осмысленное выражение, он невольно вздрогнул. Потом он достал часы и покачал ими над маленьким личиком. Детские ресницы поползли вверх, распахнулись широко, и немигающий, сосредоточенный взгляд, более похожий на взгляд котенка, нежели человеческого существа, начал следить за легким колебательным движением. А когда глаза маленького Эдмонда и его отца встретились, Джон почувствовал легкое смущение от того, с каким пристальным любопытством рассматривает его этот странный человечек.

Ровной чередой проходили похожие друг на друга дни. Маленький Эдмонд уже смотрел на окружающий его мир с некоторым подобием понимания, уже тянулся к предметам своими странными ручонками. Такие хрупкие, маленькие, но до чего же цепкие, когда вблизи оказывалось нечто, заслуживающее внимания. Пальчики, как маленькие щупальца, обхватывали раскачивающиеся часы Джона и тянули их — и вот что странно — не в рот, как все дети, а к глазам для тщательного изучения.

Время шло, и все также неспешно. Джон перевел контору из Лупа[1] в свой дом в Кенморе. Поставил в гостиной рабочий стол, повесил на стене телефон и объявил, что здесь ничуть не хуже, чем в центре города, да к тому же не надо тратить время и деньги на трамвай. А еще в доме появились люди и опутали комнаты электрическими проводами — в округе соседи тоже начали отказываться от газовых горелок. Поскольку адвокат Холл пользовался вполне заслуженным авторитетом, клиенты скоро узнали о местонахождении его новой штаб-квартиры. А тут как раз в городе возникла новая компания по производству автомобилей с бензиновыми двигателями, и Джон Холл, резонно считавший, что не следует относиться скептически к модным нововведениям, приобрел на пробу несколько ак-

[1] Луп («Loop» — «Петля») — деловой, торговый и культурный центр г. Чикаго.

ций с дальним прицелом возможной игры на бирже. В те времена Луп квартал за кварталом начал расширяться к северу. Чикаго первого десятилетия нового века в блеске и нищете выползал из века прошлого. И ни один мудрец, ни один кудесник не шепнул, что молодой город вылупился из яйца слегка недоношенным.

Эдмонд уже начал выговаривать отдельные слова. «Свет»,— сказал он, когда вспыхнула под потолком угольная нить электрической лампочки. Ковыляя на непослушных ножках по родительскому кабинету, он уже не пугался телефонных звонков. Нянька наряжала его в костюмчики с короткими штанишками, что совершенно не вязалось с его острыми не детскими чертами лица. Маленький Эдмонд был похож на восковую фигурку карлика-эльфа или на ребенка, оставленного карликами-эльфами взамен похищенного. Но, с точки зрения отца, он представлял собой образцовое дитя. Никаких проказ, никаких детских шалостей. И еще странное и настойчивое желание в одиночестве предаваться, по мнению взрослого, несколько бессмысленным играм. Джон продолжал разговаривать с ним по вечерам. Тихий ребенок в молчании внимал отцовским речам, очень редко задавал вопросы. И продолжали катиться дни, а за ними месяцы и времена года.

Ничто не смущало покой в семействе Холлов. Пару раз навестил их такой же угрюмый, никогда не испытывавший теплых родственных чувств родной брат Джона Эдмонд (кстати, тоже названный так в честь их престарелого отца).

— Этот урод одинок,— без обиняков заявил брат Эдмонд.— Ты воспитаешь его со странностями, если не найдешь ему каких-нибудь друзей. Щенку скучно одному.

Папаша Джон задумался, и тогда тонким голоском ответил за него четырехлетний Эдмонд:

— Я не одинок.

— Да? Тогда с кем ты играешь?

— Я играю сам с собой. Я разговариваю сам с собой. Мне не нужен никакой друг.

Дядя засмеялся:

— Вот о чем я тебе и толкую, Джон. Он уже со странностями.

Странный или нет, но детеныш рос, развивался и к шести годам превратился в худенького, молчаливого малыша, с янтарного цвета глазами, каштановыми волосками, который привык многие часы проводить в одиночестве у окна детской. В нем напрочь отсутствовал свойственный его возрасту культ обожания отца, но он по-своему любил начавшего стареть Джона, и, сохраняя дистанцию, отец и сын прекрасно уживались друг с другом. Необычные руки ребенка давно уже перестали привлекать внимание Джона, так как по своим функциональным возможностям мало, чем отличались от нормальных человеческих конечностей, а порой превосходили их в ловкости и сноровке. Дитя было способно возводить сооружения — к примеру, карточные домики — такой высоты и сложности, какие Джон при всем своем упорстве и настойчивости повторить не мог. А еще ребенок собирал сложные, непонятного назначения механизмы из детского конструктора или создавал из бумаги, спичек и клея легкие модели самолетов.

И вдруг безмятежный покой детского мирка Эдмонда был нарушен самым безжалостным образом, ибо Джон принял решение заняться образованием сына.

Глава вторая
УТРО НА ОЛИМПЕ

Начальная школа располагалась в полутора кварталах от их дома в Кенморе. Именно туда, минуя приготовительный класс, и был определен юный Эдмонд. С этого момента нянька, которая в течение последних двух лет и так была практически не у дел, исчезла из жизни Эдмонда. Отец неделю-другую провожал сына до ближайшего к школе перекрестка, а оттуда, с трудом переставляя ноги, Эдмонд добирался до цели самостоятельно,— совсем как те школьники, за которыми он сам прежде наблюдал из окна.

В те дни маленький Эдмонд впервые столкнулся с окружающим миром. Поневоле ему пришлось внести коррективы в прежний размеренный распорядок дня и

окунуться в кипучую жизнь начальной школы. Первый день подтвердил его самые худшие опасения и оказался тяжелым испытанием. Все пялились на него, и он бесконечно долго стоял, ожидая, когда ему скажут, что надо делать. Несколько иначе вели себя бывшие приготовишки, уже искушенные опытом, прошедшие школу жизни. Сбившись в кружок, они называли друг друга по именам и демонстративно отделяли себя от непосвященных. Но таких новичков, как Эдмонд, было тоже предостаточно — жалких малышей с мокрыми от слез глазами, беспомощно ожидающих, когда же, наконец, на них обратят внимание.

Но и по прошествии нескольких недель странный ребенок — как частенько называли Эдмонда взрослые — продолжал сторониться товарищей. Он приходил один, уходил один, на переменах бродил по школьному двору, не выказывая желания присоединиться к играм однокашников. Какими-либо выдающимися способностями юный Эдмонд не выделялся. Дух первенства был ему явно чужд, наш герой решительно отказывался от любой возможности быть замеченным. Спрашивая Эдмонда, учитель всегда получал правильный ответ, но не более. Странный ребенок никогда не тянул руки, но всегда знал, что именно от него хотят услышать. И если быть объективным, то в оценке его способностей следовало бы отметить безупречную память и быстроту, с какой он усваивал материал. В общем, так или иначе, но странный ребенок сумел без особого труда адаптироваться к школьной жизни. Учение давалось ему легко, он никогда не опаздывал, почти никогда не приходил рано и вел настолько уединенный образ жизни, насколько позволяли обстоятельства.

В четвертом классе ему пришлось противостоять молоденькой учительнице гимнастики, прослушавшей за месяцы летних каникул курс лекций по психологии детей с физическими и психическими отклонениями. Объектом проверки современных теорий стал молодой Эдмонд Холл. Замкнутый ребенок с комплексом неполноценности — вот такие ярлыки были немедленно наклеены на бедняжку Эдмонда. И в страстном желании помочь новоиспеченный психолог принялась за дело.

Устраивая игры, она пыталась пробудить в Эдмонде дух соперничества. Каждый раз подбирала ему новую пару — в прыжках, беге, играх — и даже оказывала высокую честь подавать условный знак платком. Одним словом, делала все, чтобы наставить ущербного ребенка на путь истины, открывшейся перед ней на трехмесячных курсах по психологии.

Не станем утверждать, что все эти ухищрения пришлись Эдмонду по вкусу. Как убедительный довод представив свои странные руки, он быстро и решительно получил освобождение от гимнастических упражнений. Правда, за это маленькое удовольствие пришлось платить, ибо сам факт освобождения привлек пристальное внимание одноклассников к его необычной персоне. С присущей десятилетним детям бесцеремонностью они активно обсуждали физические достоинства своего товарища и бесконечное число раз настаивали на демонстрации подозрительных пальцев. И Эдмонду ничего не оставалось, как покорно вертеть всей пятерней перед носами любопытных. В этой вынужденной демонстрации он видел единственную возможность возвращения столь желанного его сердцу уединения. Через какое-то время интерес к его персоне стал угасать, и наш герой снова получил возможность приходить и возвращаться из школы в одиночестве.

Несмотря на присущие Эдмонду находчивость и предусмотрительность, он все же не смог полностью избежать жестоких нравов детства. Часто, наверное, даже слишком часто он становился мишенью злых насмешек. Сколько раз его пытались вызвать на драку, приклеивали обидные, но, правда, скоро отмиравшие прозвища. Однако через все эти испытания странный ребенок прошел хладнокровно и с ледяным равнодушием. И продолжал приходить и уходить, как привык делать всегда,— в одиночестве, спокойный и уравновешенный. Было, правда, одно исключение.

В пору описываемых событий Эдмонду исполнилось двенадцать лет, и он пребывал в шестом классе. Как это часто случается, за годы обучения случайное сообщество мальчиков и девочек обрело черты некой социальной структуры со своим признанным лидером — юным

созданием, облеченным верховной властью, которому все одноклассники подчиняются с примерным рвением. Целых два года таким лидером в классе Эдмонда был сын профессора английской литературы Северо-Западного университета Поль Варней. Славный белокурый мальчик с ясными чертами, весьма крупный для своих лет, воспитанный и не лишенный дара воображения. Этот мальчик был очень развитым. Таким развитым, что в платоническом подражании взрослым ухаживал за маленькой Эванной Мартен из пятого класса, и обладал исключительным правом провожать Ванни — как ласково называли в школе эту девочку с иссиня-черными волосами — до дома. Именно Поль стал автором клички «Змеиный Палец», которая преследовала Эдмонда целую неделю. Первый день появления на свет этого прозвища доставил Эдмонду невыразимые мучения. И дело было не в эпитете, коим его наградили, а в ненависти, которую он испытывал, становясь объектом пристального внимания. В тот памятный день он покидал стены школы с холодной маской безразличия, а следом за ним, подхваченная дюжиной молодых ртов, неслась обидная и глупая кличка. Это охотничья свора Поля Варнея травила добычу. На перекрестке Эдмонд столкнулся с маленькой черноволосой Ванни из пятого. Мгновенно оценив ситуацию, она схватила его за руку.

— Пойдем со мной, Эдмонд.

Сзади наступила мертвая тишина. Это свора предоставляла право разобраться своему вожаку. Решительными шагами Поль — а он был на голову выше своего тщедушного соперника — двинулся к Эдмонду.

— Ванни пойдет со мной! — не терпящим возражений тоном заявил он.

— Я пойду с кем захочу, Поль Варней! — Ванни тут же пресекла собственнические притязания белокурого красавца.

— Этот парень через минуту ходить не сможет! — пообещал Поль и двинулся в сторону Эдмонда.

— Посмотрим,— холодно ответил последний. Его янтарные глаза сверкнули холодным блеском, а пальцы — постоянный источник всяческих бед — сжались в забавные кулаки.

— Какой ты смелый и гораздо больше Эдмонда. Настоящий герой! — звонко рассмеялась Ванни.

И Поль замер на месте. Что остановило его, насмешка Ванни или отпор Эдмонда,— останется загадкой.

— Не могу драться, когда кругом девчонки,— последовало лаконичное объяснение, и, круто развернувшись, Поль покинул несостоявшееся поле боя. А брошенная предводителем охотничья свора уныло провожала взглядами удаляющуюся жертву.

— Почему тебя назвали Эванной? — спросил, вышагивая рядом со спасительницей, Эдмонд.

— Одну бабушку звали Ева, а другую Анна,— пропела Ванни. На этот вопрос она отвечала несчетное число раз, и сейчас ее больше занимал недавний инцидент.— А почему бы тебе как следует не разозлиться на этого Поля? По-моему, он слишком задается.

— Наверное,— ответил Эдмонд.— Когда-нибудь.— После чего умолк и молчал всю дорогу до дома Ванни.

— До свидания, Эдмонд,— сказала Ванни, забрала из рук Эдмонда свои книги и скрылась за дверью.

И Эдмонду ничего не оставалось делать, как в одиночестве потащиться к своему дому. На следующее утро ссора была забыта: по крайней мере, Поль вел себя так, как будто ничего не случилось; естественно, что и Эдмонд не собирался возрождать события дня минувшего. В тот день, как обычно, провожал Ванни Поль — и провожал ее все последующие дни. Эдмонда это вполне устраивало, ибо он не собирался искать встреч с этой девочкой, но всякий раз, когда Ванни улыбалась и здоровалась с ним при встрече в школьной раздевалке или на дворе, сердце Эдмонда слегка сжималось от сладкого удовольствия. И он тоже всегда улыбался в ответ, улыбался, как умел,— слабой, кривоватой, неуверенной улыбкой. Именно так выглядела самая дружественная гримаса, на какую было способно его лицо.

Бесконечно долго тянулись годы ученичества и, как думалось мальчику,— бесполезные, глупые годы. Ведь так никто и не понял, что Эдмонд никогда не учился. Нет, безусловно, он аккуратно исполнял все письменные работы, покупал необходимые учебники, но никогда не заглядывал в них. Объяснения учителя и лег-

кие повторения пройденного на уроке — вот все, что ему требовалось, ибо безупречная память не нуждалась в дополнительных усилиях при постижении научных премудростей.

В эти годы, годы пробуждающегося сознания, он невольно начал понимать, что разительно отличается от окружающих его человеческих существ. Отличается не только физически, что давно перестало иметь для него значение, а скорее, духовно, что и образовывало пропасть между ним и другими людьми — пропасть, которую он не мог преодолеть. Осознание своей необычности пришло к Эдмонду не сразу и началось с ощущения некоторого превосходства, спокойного пренебрежения к одноклассникам. Все они были глупы и медлительны, им приходилось корпеть над проблемами, которые открывались перед странным ребенком без труда, в одно мгновение. По оценке Эдмонда, даже умница Поль, имевший блестящие оценки и вызывавшийся отвечать, когда остальные смущенно чесали в затылках, немногим отличался от прочих олухов и тупиц.

Но жизненно важное различие крылось не в уровне способностей Эдмонда, а в самой его природе. Понимание этого пришло как суммарный накопленный результат бесконечных выговоров учителей, которые частенько наставляли на ум странного ребенка, используя старинные поговорки, смысла которых Эдмонд не понимал и не старался понять, считая пустым сотрясением воздуха. Темная пелена, скрывавшая до времени еще не оформившееся знание, спала в седьмом классе, и случилось это так.

Шел урок географии, на котором учитель неоправданно долго и нудно рассказывал о все возрастающей роли Южной Америки для Соединенных Штатов. В разгаре объяснений скучающий Эдмонд слегка скосил глаза к окну. На улице творилось что-то необычное: на перекрестке, возле помятых машин бегали и суетились какие-то люди, прохожие с интересом наблюдали за развитием событий. Заинтригованный мальчик сделал неосторожное движение головой, что не укрылось от раздраженно-бдительного взгляда классной дамы.

— Эдмонд Холл! — тут же раздался властный окрик.— Сделай одолжение, забудь про окно и слушай, о чем говорят в классе.

И за этим последовало самое немыслимое из всех привычных до тошноты заявлений.

— Никто не может думать о двух вещах сразу!

Но Эдмонд знал со всей очевидностью, что учительница ошибается. Он-то как раз мог с необычайной точностью и ясностью размышлять о двух вещах одновременно.

Глава третья
ПОЗНАНИЕ САМОГО СЕБЯ

Средняя школа. Границы мира слегка раздвинулись, и в освободившемся пространстве стало гораздо проще передвигаться в одиночестве. Новые учителя, приходящие лекторы, и нет бдительных взглядов, подозрительно провожающих одиноко бредущего мальчика. Эдмонд был почти удовлетворен.

Худенький малыш превратился в стройного, довольно высокого четырнадцатилетнего парнишку. Некая аскетическая угрюмость уже наложила свой отпечаток на черты его еще не оформившегося лица, а редкие улыбки, больше похожие на иронические усмешки, предвещали, что скоро сие лицо приобретет законченную «демоническую прелесть». Мальчики недолюбливали его, девочки просто не замечали; его же не тянуло ни к одним, ни к другим; более того, Эдмонд спокойно, но всякий раз решительно отвергал редкие предложения дружбы.

И здесь учеба не легла на его плечи тяжелым грузом. Эдмонд не растерял легкости восприятия нового, не притупилась его феноменальная память. Двух семестров оказалось вполне достаточно, чтобы выполнить все необходимое по выбранному курсу, предав презрительному забвению все остальные предметы. По этой причине в его распоряжении оказалось достаточно свободного времени для исследований, которым с необычайным упорством он предавался вот уже целый год,— познанию самого себя.

Робкое понимание своей исключительности переросло в твердую уверенность. Теперь Эдмонд точно знал, что обладает двумя абсолютно равными и независимыми механизмами мышления, каждый из которых мог следовать своей, совершенно независимой цепочке мыслей. Он частенько читал сложнейший научный труд, предаваясь при этом бездумным и неторопливым мечтаниям. А еще он мог объединить два своих интеллекта в одну могучую силу и, если бы захотел, мог продемонстрировать своим наставникам такой широчайший кругозор и глубину знаний, что, безусловно, сразил бы их наповал. Он мог читать с необычайной быстротой и легкостью, когда одного взгляда оказывалось достаточно, чтобы усвоить половину страницы печатного текста. Или мог позволить себе, не прибегая к помощи мела или карандаша, в уме решать квадратные уравнения из курса школьной алгебры. Но он никогда не щеголял своими способностями и не выставлял их напоказ. Следуя однажды выбранной линии поведения, он не вызывался в добровольцы, никого не поправлял и, лишь слушая ответы умницы Поля, иногда мог себе позволить брезгливо улыбнуться.

Прошел год, и снова замелькали рядом иссиня-черные косы маленькой Ванни. Возмужавший Поль, с манерами, приличествующими выпускнику, прогуливал даму по школьным коридорам; и она по-прежнему улыбалась при встрече с Эдмондом. А он, отметив несколько рассеянное выражение ее лица, вспомнил, что этим летом Ванни похоронила отца.

А в библиотеке их дома на Кенмор-стрит, все так же курил его стареющий отец. Некогда столь дальновидно приобретенные акции, увеличившись в числе, стали приносить вполне приличествующий безбедной старости доход, позволив, ради покойного существования в тени, оставить практику. Джон все так же не признавал автомобили как средство передвижения, бранился, вспоминая суету Лупа, и читал консервативную «Дейли Ньюс». В Европе уже два года шла война, и седовласый филантроп отправился за океан в твердой уверенности к Рождеству вернуть солдат из окопов. После избирательной гонки, когда чаша весов в течение не-

скольких дней склонялась то в одну, то в другую сторону, на второй срок был избран прежний президент.

И на фоне этих исторических событий в тихом доме в Кенморе прекрасно уживались отец и сын Холлы. Старый Джон был вполне удовлетворен сдержанностью и склонностью к одиночеству единственного сына, усматривая в этом признаки трудолюбия и серьезности намерений. И Эдмонд был доволен, что никто не вмешивается и не нарушает размеренный покой его досуга. Вечера они проводили за чтением и иногда беседовали. Беркли и Юм были давно отправлены на полки, и теперь Джон корпел над великой «Критикой» Канта, ну а не признающий романы Эдмонд страницу за страницей перелистывал тома «Британники». Его мозг, не упуская самой малой подробности, как губка впитывал поток знаний, но поток сей был не систематизирован и случаен, ибо при малом жизненном опыте бывает весьма затруднительно определить, что имеет практическую ценность, а что носит характер пространственных, теоретических рассуждений. Таким образом, старый Холл, не имея опоры в простых знаниях, был погружен в мир философии, а молодой подбирал в беспорядке разбросанные кирпичики знаний и складывал из них постройку, не имевшую в своей основе никакой философии.

И годы проходили, как слоны на параде — хвост к хоботу, хобот к хвосту. Эдмонд поступил в Университет, где перед ним открылись такие же широкие возможности пребывать в одиночестве, как и в розовые годы детства. В мире воевали, потом закончили воевать, но все это отразилось на забавном семейном укладе дома Холлов в несколько меньшей степени, чем «гуверизация», заем Свободы и «лишения» вегетарианского дня. Мир зализывал раны, а Эдмонд Холл вступал в трепетную пору юности.

Избрав медицину как свою будущую специальность, Эдмонд вновь погрузился в рутинное существование с единственным маршрутом между домом и аудиториями. Университетский городок располагался в предместье Чикаго, и так как старый Джон продолжал скептически относиться к авто и двигателям внутреннего

сгорания, то до места наш молодой герой добирался весьма прозаическим способом — на городском трамвае. Первый год пребывания на медицинском факультете по сути своей оказался повторением уже виденного и слышанного в школьных стенах. Где-то рядом совершенствовался в английской литературе Поль, и, встречаясь, они бегло кивали друг другу, а сам профессор Варней читал Эдмонду курс лекций. Эдмонд не испытывал особого интереса ни к одному из предметов первого курса, но медицинский факультет не баловал своих студентов правом широкого выбора. Правда, был изученный с необычайной легкостью французский.

Скуку второго курса несколько скрасили лекции по физике профессора Альфреда Штейна. Маленький еврей со светлейшей головой был в ту пору уже знаменит, и его исследования электронных потоков открывали двери в мир неизведанного. За неистребимым акцентом и толстыми стеклами профессорских очков Эдмонд увидел живейший ум, дар предвидения и был слегка польщен тем, что направление профессорской мысли совпадает с его собственными заключениями.

В тот год на его горизонте снова появилась Ванни, и в тот же год тихо скончался старый Джон. Эдмонду в ту пору исполнилось двадцать, и он превратился в изящного молодого мужчину, со странным блеском янтарных глаз. Его угрюмый дядюшка Эдмонд взял на себя труд до совершеннолетия племянника побыть его опекуном и управлял не слишком обильной недвижимостью с неожиданной изворотливостью. Эдмонд не расстался со старым домом в Кенморе и расплывшейся, краснощекой Магдой, вот уже двадцать лет бессменно руководящей их хозяйством.

Вот так и плыл по жизни, забавляясь невероятными возможностями своих двух сознаний, тонкий, с печатью мрачной загадочности на лице человек по имени Эдмонд Холл. И еще читал, проглатывая огромное количество томов из всевозможных областей знаний, но никогда рука его не касалась художественных романов. Учение давалось ему с невероятной легкостью, и он витал в университетской колыбели знаний, как одинокий, загадочный дух с огненными глазами, чьей те-

лесной оболочки никто не замечал, и к кому никогда не обращались вне стен аудиторий. Разве что Эванна Мартен, со своей неизменной копной чудесно сверкающих черных волос, время от времени перебрасывалась с ним ничего не значащими, короткими словами приветствий.

А он не ощущал бремени одиночества, ибо видел перед собой картину города и Университета и был вполне удовлетворен собственным обществом. И все с большей силой охватывало его чувство презрения и ощущение превосходства над окружавшими его существами. Видеть только одну сторону вещей! Не представлять, что означает возможность перебрасываться мыслями в пределах своего собственного «Я»! Не догадываться о существовании явлений, которые просто невозможно описать словами! Неудивительно, что люди ведут этот жалкий, стадный образ существования!

В двадцать один Эдмонд вступил в права наследства. Доходы оказались вполне достаточными, позволяли не отвлекаться на прозаическое, и он внес лишь легкие штрихи в финансовую политику старого Джона. Правда, не отказал себе в удовольствии стать обладателем длинного серого и достаточно дорогого родстера: проявления механического совершенства и законченности всегда влекли к себе его странную натуру. Машину Эдмонд водил с какой-то сказочной ловкостью, чувствуя себя за рулем на удивление легко и свободно. Его тонкие, нервные пальцы-щупальца, казалось, были созданы для управления сложнейшими механизмами, и, сливаясь с несущимся чудом, он с восторгом, каждой клеточкой плоти ощущал себя продолжением этого механического совершенства. Порой он выбирался за город, находил там свободную от дорожного патруля проселочную дорогу и мчался по ней с захватывающей дух скоростью, все умение вкладывая в борьбу с неожиданностью поворотов и изгибов дороги.

Приближался к завершению курс университетских занятий. И чем ближе к концу, тем сильнее Эдмонд ощущал неудовлетворенность. Все чаще и чаще посещало его ощущение ненужности, ибо ему так и не удавалось найти достойную точку приложения своих сил

и энергии. Странный человек впервые понял, что такое одиночество.

«Я заблудился в вязком тумане,— размышлял он,— и нахожусь от конца познания так же далеко, как и все окружающие меня тупицы».

Тогда вторая часть его сознания возражала:

«Я не имею права так говорить, ведь до настоящего времени не предпринял самой ничтожной попытки добиться счастья, а лишь плыл по течению, полагаясь на волю случая».

И тогда в его уме созрел план. Не собираясь открывать практику, он со спокойным безразличием получил диплом и расстался с Университетом. Впереди его ждал великий эксперимент, сладость которого он уже ощущал на губах. Если состояние счастья можно описать формулой, он придумает такую формулу и, по крайней мере, для себя решит эту задачу.

Но так несвойственное ему чувство печали все же не оставляло Эдмонда, и обязательные после окончания факультета формальности он исполнил в мрачном молчании. А когда возвратился домой, то вышел из машины и бесцельно побрел пешком мимо обветшавшего с годами здания начальной школы, мимо дома, который оказался домом Ванни, мимо в это летнее время необычно тихой и пустынной средней школы. Полупустые улицы города усиливали ощущение грусти, и чувство одиночества нахлынуло на него с особенной силой.

Впереди сверкнули витрины торговой улицы. Человек шесть зевак что-то оживленно разглядывали за огромным сияющим стеклом. Это оказался зоомагазин: в витрине кривлялась маленькая обезьянка. Эдмонд замедлил шаги, странное чувство двигало им. И тогда он открыл дверь магазина и весьма скоро вышел оттуда, держа в руке обернутую плотной бумагой клетку. Исчез объект внимания, и зеваки медленно разошлись.

«Вот он, мой компаньон,— думал Эдмонд,— моя защита от одиночества. По крайней мере, он будет столь же понятлив, сколь и те, что недавно смотрели на него сквозь стекла витрины».

И он принес маленькое, смешное существо в свой дом в Кенморе.

— Имя твое,— торжественно произнес Эдмонд,— в честь существа, которое передразнивает тебя с меньшим успехом, чем ты его, будет Homo[1].— Сказал он и, стоило обезьянке весело затрещать в ответ, улыбнулся.— Друг мой, твоя любовь и разум будут помощью мне в исполнении предназначенного.

А обезьянка Homo лишь трещала без умолку, гримасничала и трясла тонкие прутья своей клетки. Эдмонд отодвинул засов, и с удивительным проворством прирожденного древолаза маленькое существо вспрыгнуло человеку на колени. И устроилось там с откровенной радостью обретенной свободы, а странный хозяин обезьянки, почти веселясь, следил за ее ужимками, находя в них, пускай временное, но все же освобождение от своего мрачного естества. Со столь непривычной для него радостью юноша забавлялся зверьком и думал: «Это не способное мыслить, но счастливое существо может указать правильный путь существу мыслящему, но почему-то несчастному; посмотрим, смогу ли я завершить круг, и в поисках знания обрести счастье».

И Эдмонд отправился в путь...

[1] Homo (латин.) — «человек». (*прим. перев.*)

Книга I
В ПОИСКАХ ЗНАНИЯ

Глава первая
ГОНКИ С ПРИРОДОЙ

Едва ли эту часть жизни Эдмонда можно было назвать несчастливой — по крайней мере, пока не виден был конечный результат, он не казался несчастным. В поисках рационального он ринулся в море теорий, гипотез и предположений. На протяжении нескольких месяцев он не испытывал нужды в лабораторных экспериментах лишь потому, что все знания и результаты предшественников были известны и доступны его разуму. Отвергая гипотезы, он оставлял лишь голые факты, ибо с недоверием относился ко всякого рода теориям «полоумных» в сравнении с ним существ и имел склонность подвергать сомнению любую выдвинутую этими существами гипотезу.

Он принялся за свои собственные исследования, работая с удивившим даже его самого энтузиазмом. А ведь побудительные мотивы подобных исследований были бесплодны — искусство ради искусства. Он никогда не относился к знанию как к товару и не имел тщеславных намерений осчастливить человечество. Заставлял же его двигаться вперед — как может подгонять коня один вид сыромятной плетки — страшный образ притаившейся за его спиной скуки. Для существ с подобной Эдмонду организацией этого было вполне достаточно.

Его сбережений и доходов вполне бы хватило на то, чтобы без промедления приступить к намеченному. Но, не торопя события, Эдмонд окунулся в покойный мир гипотез, создавая свою собственную модель Вселенной, способную помочь в осуществлении задуманного. И в этой области человеческих знаний, с некоторыми оговорками признавая лишь Эйнштейна, он не нашел ни одной разумной мысли.

«Атомная теория Бора и атомная теория Шредингера,— размышлял наш герой,— суть просто две бессмысленные попытки описать то, что не поддается никакому описанию, и совершенно бесполезны моим целям. В круг понятий, определяющих природу материи, входят не только физические, но и, частично, метафизические представления, выходящие за пределы опыта, а значит, не подвластные человеческому разуму с его одномерным восприятием.

По моему убеждению, в основе строения Вселенной лежат не представления и не ощущения, как у Беркли, не материя и энергия, как у ученых первого десятилетия века нынешнего, и даже не математические величины, как у Джеймса Джинса,— а всеобъемлющие, идеальные в своем совершенстве законы или один закон. Кресло, в котором я сижу, есть выражение этого закона; мое дыхание, сама эта мысль, есть другие виды его состояния».

В этом месте в дискуссию вступила вторая половина его сознания:

«Если допустить ее корректность, то маленькая брошюрка Эйнштейна в какой-то степени отражает и мое представление о мироздании, но и в ней, безусловно, отсутствует нечто основополагающее! Разве только благодаря уравнению, описывающему закон, человек обретает знания, живет, трудится, спит, производит себе подобных? И чтобы было так, за законами должна стоять Высшая Власть. Имей я такую власть, эта дюжина исписанных математическими значками страниц сделалась бы основой мироздания, но даже мне, с моими возможностями, сие недостижимо».

И в это мгновение два его сознания, понимая, что пришли к единому выводу, слились в одно целое:

«Я не удивлюсь, если обнаружу, что стоящей за законом Высшей Властью является мой старый знакомый Случай. Вполне возможно, что высшая мудрость заключена в законе распределения средних величин».

Внезапно, и без особых сожалений, понимая тщетность попыток разрешить неразрешимое, Эдмонд оставил свои теории. Решив какое-то время развлечься экспериментами, он в бывшей детской собрал имевшееся в его распоряжении оборудование. Целям эксперимента вполне подходила эта комната в глубине дома, с небольшими усовершенствованиями в виде освинцованных стекол, дабы среди ночи отблесками пламени или случайными вспышками не поднять с постелей испуганных соседей.

Какое-то время он развлекал себя исследованием суги Жизни. Многие месяцы процессия кроликов и морских свинок в проволочных клетках следовала в его дом, чтобы в конечном итоге, пройдя через муфельную печь, покинуть его и найти последний приют в корзинах мусорщика. А проблема так и оставалась неразрешимой — ни у виталистов, ни у механистов не нашел он ответа. Ни в одном из этих маленьких зверьков не отыскал Эдмонд следов пребывания «жизненных соков», хотя признавал, что замученные им существа все же нечто большее, нежели просто машины.

«Вполне возможно,— размышлял он,— что жизненные соки есть по природе своей нечто более неуловимое, чем материя или энергия, для коих расставлены мои ловушки. Возможно, они есть составная часть и материи, и энергии — или ни того и ни другого, и все же я не могу безоговорочно признать существование неких величин, именуемых духовными».

«Различие между живыми существами и машинами,— подхватывал мысль его компаньон,— состоит в следующем: природа жизни заключает в себе некую призрачную субстанцию, движущую желанием живущих продолжать страдания и вынуждать других существовать после себя, а значит, тоже обрекать на страдания. Это и есть загадочная жизненная сила, в природе которой не заложена ни материя, ни энергия».

По мере того как продвигались его эксперименты, Эдмонд на какое-то время заинтересовался природой

интеллекта. Он пришел к выводу о зависимости между разумом и размерами мозга и, используя вытяжки гипофиза, открыл вещество, способное стимулировать рост головного мозга. Он обработал препаратом кролика и долгое время наблюдал за маленьким уродцем, чей череп достиг таких немыслимых размеров, что несчастному существу приходилось ползать по клетке, с трудом подталкивая свой капитал лапами впереди себя. Это был продолжительный эксперимент. Только спустя несколько месяцев Эдмонд стал или замечать, или воображать, что кролик разглядывает его с оттенком некоего интереса. Да, кролик совершенно точно узнавал, кто его кормит, как не утруждал себя узнаванием ни один из его сородичей. Ненормальное существо своими черными, с застывшим в них страданием, глазами неотрывно следило за человеком. Более того, в страхе пыталось спрятаться, завидев, как его мучитель приближается с наполненным для очередной инъекции шприцем.

«Возможно, нечто подобное я смогу сделать и для тебя,— говорил Эдмонд, обращаясь к повизгивающей на его плече обезьянке Homo,— хотя подозреваю, что навязывая разум, Судьба наносит живущим самый непоправимый вред, ибо, образно выражаясь, сбрасывает их в пучину страданий. Без сомнения, ты истинно счастлива, Homo, и потому оставайся такой, какая ты есть».

Эксперимент продолжался. Череп кролика рос, заставляя Эдмонда при виде маленького уродца болезненно морщиться. Вот почему он не удивился и не очень огорчился, когда, войдя в лабораторию, обнаружил, что каким-то непостижимым образом кролику удалось отодвинуть защелку клетки и выброситься на пол, где он теперь и лежал, с расколотой, хрупкой черепной коробкой и растекающимся ненормальным мозгом.

«Очень похоже, это и к лучшему,— думал Эдмонд.— Этот бедолага был ужасно несчастлив и, наверное, сделался немножко сумасшедшим».

И снова на полдороги он бросил свои исследования, чтобы возвратиться в царство строгих физических законов. А все началось с простого наблюдения, что

металлический свинец, долгое время подвергающийся воздействию атмосферных осадков, становится слегка радиоактивным. Используя это наблюдение как путеводную нить, он получил свинец с активностью, равной одной четверти активности радия, но как ни старался превзойти полученный результат, продвинуться дальше не удавалось. Сейчас он намеревался разгадать загадку атомного ядра, воочию увидеть заключенную в нем колоссальную энергию, по сравнению с которой все остальные виды энергии не что иное, как падающие в океан дождевые капли. Он хотел не только высвободить эту энергию, но и научиться управлять ею — если в принципе такое возможно. Поставив перед собой задачу, Эдмонд принялся изобретать метод.

«Выбрав правильную тональность,— думал он,— скрипач способен вдребезги разбить хрустальный бокал. Несколько шагающих в ногу солдат способны разрушить величайший из мостов. Без сомнения, я смогу расщепить атом, если использую нужной величины резонансную вибрацию. Но как найти луч со столь немыслимой частотой? Космические лучи обладают такой частотой, но в силу рассеивания она ослабевает и становится для меня бесполезной. Я должен создать свой собственный источник».

И Эдмонд приступил к решению проблемы генерации подобного луча, решив использовать для этой цели энергию распада радона.

«А поскольку космические лучи есть не что иное, как порождение атомов,— думал он,— я, без всяких сомнений, смогу применить их в процессе деления».

Но радон, продукт загадочной эманации умирающего радия, был ему недоступен. Для получения радона требовалось как минимум десять граммов радия, а стоимость этих ничтожных десяти граммов превосходила все его скромные финансовые возможности. Значит, и начинать нужно было с поисков этих средств.

Кому-то подобная проблема могла показаться неразрешимой, но Эдмонд не относился к их числу. Он уже видел множество способов. Но из всех этих способов следовало выбрать идеально подходящий его требованиям. Желательно было получить постоянный источ-

ник дохода, не требовавший никаких дополнительных усилий. Гонорар за патент, с последующими процентами от выпуска, как нельзя лучше подходил для этих целей. Но что бы он ни запатентовал, его открытие должно быть защищено от воровства, подделки, а производимый продукт должен пользоваться немедленным спросом. И что самое главное, патент должен быть полностью защищен от раскрытия заложенных в нем принципов, ибо автор считал эти принципы опасными для общества, не так уж и давно покинувшего первобытные пещеры. Эдмонд не собирался вручать этому обществу мощные разрушительные силы.

«Наверное, я величайший из всех мизантропов,— с горькой усмешкой думал он,— но при всем этом у меня нет никакого желания уничтожать общество, позволяющее мне жить в относительном комфорте, которое готовит мне пищу, поддерживает мое жилище, снабжает светом и теплом. Только дайте этому зверью познать секреты атома, и следующая же война ввергнет цивилизацию в пучину первозданного хаоса».

И тогда Эдмонд обратил удвоенную мощь своего разума к активному свинцу, в результате чего был получен тонкий стержень размерова с обыкновенную спичку. Далее из радиоприемника была извлечена вакуумная лампа, отсоединена от цоколя, после чего с величайшей предосторожностью свинцовый стержень был пропущен через электродную решетку, заменив собой вольфрамовую нить накаливания. С непостижимой ловкостью, на какую были способны странные пальцы Эдмонда, цоколь был возвращен на прежнее место, подающие питание на нить накаливания штыри разъединены, а из лампы откачан воздух.

«Перед вами источник постоянного электронного потока,— думал он, поворачивая в руках лампу.— Вполне возможно, что этим я смогу заинтересовать производителя электронных ламп, которому могут понравиться ее долговечность, отсутствие источника питания и которая не будет создавать помех и будет бесшумна в работе. Все это, безусловно, станет большим преимуществом в схемах простейших электрических цепей».

Он не стал утруждать себя проверкой собственного изобретения в действии, а передал необходимые диаграммы и описания в руки патентного стряпчего и с письмом отправил образец в контору «Стоддарта и К°» — крупного независимого производителя вакуумных ламп. Подготовив необходимую аппаратуру, он стал ждать, когда его облагодетельствуют необходимой суммой, а чтобы не терять зря времени, снова занялся проблемами соотношения материи и энергии.

Глава вторая
ТОРГОВЛЯ

Наверное, прошло не менее двух недель, прежде чем в руках Эдмонда оказалось ответное письмо концерна вакуумных трубок.

«Нами получен и испытан образец присланной Вами лампы... Технические характеристики устройства в какой-то мере соответствуют Вашему описанию, и вполне возможно, что мы проявим интерес к их производству... Если Вы желаете обсудить детали, будем рады принять Вас по известному адресу в...»

Ироническая усмешка скривила губы Эдмонда, после чего небрежно сложенное письмо перекочевало в карман брюк.

«Одна из аксиом поведения покупателя — ни под каким видом не демонстрировать свой истинный интерес,— размышлял наш герой.— Ну что же, потешим их самолюбие. Я принимаю приглашение».

В назначенный день, не отказав себе в удовольствии опоздать часа на три, Эдмонд появился в конторе «Стоддарта и К°» и протянул секретарше свою визитную карточку. Путаясь в юбке, заметно встревоженная девица скрылась за дверями кабинета и не появлялась несколько минут. Эдмонд догадывался, что скрывающиеся за темной дверью верховные силы срочно собирают подкрепление. Наконец, и он переступил порог кабинета.

При его появлении четверо сидящих за столом мужчин поспешно встали, секунда-другая ожидания, и вот

уже знакомое выражение неприязни возникает на обращенных к нему лицах — так Эдмонда встречали везде. Неловкое молчание затягивалось, напряжение росло, и уже холодком потянуло в жарко натопленной комнате. Неторопливо рассматривая присутствующих, Эдмонд ждал, и вот вспыхнуло румянцем лицо пожилого господина, и он виновато кашлянул.

— Мистер Холл? — как бы проверяя себя, спросил пожилой господин и, не дожидаясь ответа, зачастил скороговоркой.— Я Стоддарт, а это наш ученый секретарь — мистер Твейтс. Эти два джентльмена,— рука мистера Стоддарта, описав короткую дугу, указала на сорокалетнюю голубоглазую личность с квадратным подбородком и на личность в очках и помоложе,— Бох и Хоффман — наши инженеры.

Эдмонд слегка поклонился; остальные кивнули. Никто не протянул Эдмонду руки, никто не предложил сесть. Он сел сам, без приглашений. Второй раунд напряженной тишины снова прервал кашель президента.

— Мы ожидали вас несколько раньше,— произнес он.

— Назначенное время меня не устраивало,— коротко возразил гость и замолчал, выжидая.

— Да, да, конечно. Пожалуй, нам лучше сразу перейти к делу. Эта ваша вакуумная лампа, она э-э... скажем, нечто революционное. При первом рассмотрении работает вполне удовлетворительно, но ее производство означает смену технологии и оборудования.

Эдмонд согласно кивнул.

— Вы должны понимать, что за всем этим кроются значительные расходы, и поэтому у меня возникают некоторые сомнения в истинной ценности вашего изобретения.

— И что же? — спросил Эдмонд.

— О каких условиях с вашей стороны пойдет речь, если мы решим приобрести права на вашу лампу?

— Контракт, по которому я получаю пять процентов с продажной цены лампы, а вы — право на производство,— последовал ответ.— Далее, я остаюсь владельцем патента и оставляю за собой право расторгнуть контракт, если объем выпуска окажется менее

двух тысяч единиц в день. Далее, выплата авансовой суммы наличными в размере, скажем десяти тысяч долларов... Да, десять тысяч долларов будет вполне приемлемой суммой, и, если господа пожелают, впоследствии ее можно будет зачесть в счет процентных выплат. И последнее — контракт подписываю я сам.

— Такие условия просто немыслимы! — вскричал президент.

— Очень хорошо,— кротко согласился Эдмонд.

— Вы адвокат? — вступил мистер Твейтс.

— Нет,— ответил Эдмонд,— тем не менее контракт будет обладать законной юридической силой.— Взгляд его равнодушно скользнул по лицам присутствующих, а замечательные пальцы плотнее обхватили набалдашник выставленной вперед трости. Раздражение хозяев кабинета росло с каждой секундой затянувшегося молчания. Все эти люди испытывали непреодолимое отвращение к наглому незнакомцу, и Эдмонд прекрасно это знал. Знал и, тем не менее, не отказал себе в удовольствии улыбнуться своей замечательно-мрачной улыбкой.

С выражением тоскливой безысходности поднял голову и заговорил господин президент:

— Не желаете ли выслушать наши предложения?

— Считаю, что мои условия отвечают интересам обеих сторон,— с равнодушием победителя отвечал Эдмонд.— Но могу ли я указать на обстоятельство, о котором вы, без сомнения, догадываетесь? У вас нет выбора, господа. Откажетесь вы, и следующий концерн, у которого хватит здравого смысла приобрести права, автоматически становится монополистом, а производимая вами продукция мгновенно устаревает. Вы просто обречены принять мое предложение.

Джентльмены «Стоддарт и К°» безмолвно смотрели на вторгнувшуюся в их мир черную силу. Первым от столбняка очнулся мистер Бох. Прикусил своей квадратной челюстью мундштук трубки, раскурил ее и, выпустив несколько клубов дыма, рявкнул:

— Могу я задать несколько вопросов?

— Конечно.

— Что является источником потока электронов?

— Продукты распада.

— Какой металл вы применили для нити накаливания?

— Радиоактивный свинец.

— В природе не существует радиоактивного свинца.

— Существует, и создал его я,— ответил Эдмонд.

— Как?

— На этот вопрос я не буду отвечать.

— Почему же? — голос Боха срывался от раздражения и неприязни.

— Объяснение физики процесса окажется выше вашего понимания.

В ответ на оскорбление инженер презрительно фыркнул и, буравя Эдмонда холодным уничтожающим взглядом, замолчал. А Эдмонд, заметив, как часто-часто затрепетали за стеклами очков ресницы второго инженера, слегка повернулся в его сторону.

— Могу ли я поинтересоваться, чему равна продолжительность жизни нити? — мягко спросил мистер Хоффман.

— Период полураспада составляет порядка восьми тысяч лет.

— Значит, ваше устройство вечно?

Эдмонд одарил его своей патентованной улыбкой, в которой разве что слепец не углядел бы выражение полного превосходства и нескрываемого презрения.

— Вы спросили меня о продолжительности жизни нити. Полезный период функционирования лампы гораздо короче. А так как электронная эмиссия есть процесс постоянный и имеет место не только во время работы лампы, возникают незначительные побочные эффекты. Под действием альфа- и гамма-излучений анод и сетка приобретают активные свойства и создают встречный электронный поток, который при длительной эксплуатации уменьшает плотность основного потока. Явление вторичной эмиссии станет заметным лет через семь.

— Но и этого слишком много! — воскликнул президент.— За этим последует катастрофическое снижение спроса!

— Для концерна с ограниченными возможностями, как у вас,— это не повод для беспокойства. Пройдет

много десятилетий, прежде чем вы насытите мировой рынок.

Во второй раз за все время заговорил мистер Твейтс:

— Мы не получим мирового рынка, мы получим неприятности с законом. Корпорации никогда не позволят независимым производителям захватить рынок без борьбы.

— Если случится то, о чем вы говорите, я доверяю вам решать все спорные вопросы в судебных инстанциях. Вы выиграете, ибо принципы и технология вашего производства будут отличаться от прочих абсолютной новизной,— изучая реакцию, Эдмонд сделал короткую паузу.— Если обстоятельства потребуют, вы можете обратиться ко мне.— Последние слова были полны презрения, и прежняя уничижительная улыбка раздвинула тонкие губы нашего героя. Его откровенно забавляло, что ни один из этой четверки не подверг сомнению правомочность их странного посетителя противопоставить себя могущественной корпорации — обладателю практически всех патентов в области электротехники. Господа явно нервничали, и Эдмонд с усмешкой наблюдал, как сжались готовые перекусить мундштук трубки зубы господина Боха.

— Ваша уверенность в успехе нашего предприятия заслуживает самой высокой похвалы, джентльмены,— невозмутимо произнес Эдмонд.— Будут ли еще вопросы?

— Да! — рявкнул Бох.— И я скажу, что это предложение есть настоящее жульничество! — Голубоглазый инженер с квадратной челюстью не в силах скрыть обуревающие его чувства с шумом отодвинул кресло.— Этот человек купил, а может быть украл, радий из лаборатории или больницы, переплавил его со свинцом и, пожалуйста,— нить готова! Он продает вам радий стоимостью полторы тысячи за десять тысяч наличными. Заплатите ему, и он исчезнет с нашими деньгами навечно!

Вот уже вся четверка вскочила с кресел и возмущенно уставилась на продолжающего невозмутимо сидеть Эдмонда.

— Бох прав,— сказал Хоффман.— Радиоактивный свинец... такого свинца не существует! Это обман!

Твейтс было открыл рот, но, пожевав губами, так и закрыл его, не проронив ни звука. Четверка рассерженных мужчин мстительно разглядывала наглое существо, которое продолжало улыбаться, одаряя их холодным презрением. Тучи сгущались; наступил такой момент, когда уже не раздражение — ненависть витала в воздухе.

— Мои поздравления, мистер Бох.— Ни один мускул не дрогнул на лице Эдмонда.— Ваш метод дедукции доставил мне истинное наслаждение, за исключением одного маленького изъяна — вы не правы, мистер Бох.

С этими словами Эдмонд извлек из кармана завернутый в тускло поблескивающую фольгу круглый, размером с серебряный доллар предмет; на глазах у изумленной четверки слегка подбросил его над столом, куда загадочный предмет, повинуясь законам земного тяготения, и упал с мягким шлепком.

— Перед вами две унции активного свинца. Если он содержит радий, то стоимость его будет значительно выше ваших десяти тысяч долларов. Я оставляю его вам, как залог наших будущих доверительных отношений, джентльмены. Мне он обошелся ровно в три доллара.

Эдмонд усмехнулся, видя, с какой яростью в голубых глазах инженер Бох срывает фольгу со странного предмета.

— Вы можете провести любые испытания этого материала, мистер Бох. Но обращайтесь с ним почтительно — он кусается, как настоящий радий.

Эдмонд встал.

— Я не тороплю вас с испытаниями, но, надеюсь, вы их закончите в течение недели, после чего я пришлю вам на подпись контракт. А в промежутке мистер Бох и мистер Хоффман смогут навестить меня дома,— Эдмонд плавным движением руки указал на визитную карточку, все это время одиноко пролежавшую на столе,— для получения наставлений по методам и некоторым принципам, лежащим в основе производства активного свинца. Они воочию убедятся, что затраты будут до смешного ничтожны.

— Почему только некоторым принципам? — наливаясь бурой краской, спросил Бох.

— Тем принципам, которые будут доступны вашему пониманию,— направляясь к дверям, отвечал Эдмонд.— Всего наилучшего, джентльмены.

Вот так они и расстались, на прощание доставив странному посетителю несколько забавных мгновений, когда тишина за полузакрытыми дверями вдруг взорвалась хором возбужденных и злых голосов, в котором на целую октаву выделялся фальцет президента:

— Да кто он такой? А вы видели его пальцы?

Глава третья
РЫНОК

Эдмонд вышел на улицу, где предзакатное солнце ослепило его десятью тысячами вспышек, отраженных на ветровых стеклах десяти тысяч мчащихся на запад легковых машин. Он на мгновение зажмурил глаза, а потом пересек Адамс-стрит и продолжил свой путь на юг, поневоле захваченный потоком живых существ, в легком водовороте вливающихся в каньоны улиц меж каменных громад небоскребов.

«Эта текущая по своему собственному руслу река управляется законами, столь же предсказуемыми и точными, как законы, регулирующие естественные потоки воды,— размышлял Эдмонд.— Представляя все человечество как некую общность, ее, вероятно, следует отнести к разряду элементарнейших, легко управляемых природных явлений — все равно как тихая речка,— и только говоря о личности, в которой, несмотря ни на что, еще тлеет огонь независимости, можно говорить об индивидуальности и непредсказуемости».

Размышляя подобным образом, он вскоре оказался в холле огромного белого небоскреба. Не обращая внимания на звонкое пощелкивание лифтовых кнопок, пружинистой походкой поднялся на второй этаж и вошел в брокерский зал для клиентов. Торги давно закончились, и Эдмонд оказался здесь наедине с пустыми креслами, горсткой подсчитывающих финальные котировки клерков да старика мусорщика, сметающего бумажные обрывки и окурки сигарет в одну большую кучу

посередине зала. Уже погашенное, зияло в стене мрачным провалом световое табло, и лишь тиккер еще отщелкивал долгую повесть «спроса-предложения», но никто уже не смотрел в его сторону, и бумажная лента нескончаемой желтой извивающейся змеей с тихим шорохом опускалась в мусорную корзинку.

Эдмонд прошел в дальний угол зала и остановился перед информационной доской небиржевых котировок. Одного небрежного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — «Стоддарт и К°» закрылась ниже двадцати пунктов, с незначительными потерями в сравнении с днем вчерашним. В уме подсчитывая свои доступные ресурсы (он никогда не утруждал себя ведением расчетных книг и записей), Эдмонд еще немного задержался у доски, а затем решительными шагами направился к клерку, который время от времени занимался его случайными сделками. Поклонившись, клерк приветствовал нашего героя по имени, за что был удостоен легкого кивка головы.

— Купите для меня пять тысяч «Стоддарта» по двадцать,— произнес Эдмонд.

— Пять тысяч, мистер Холл? Считаете благоразумным играть с таким количеством? Вы же знаете, Стоддарт всего лишь независимый.

— Я не для игры,— ответил Эдмонд.

— Но эта компания ни разу не выплачивала дивиденды.

— Я приобретаю акции для определенных целей.

Более не задавая вопросов, клерк оформил поручение, и Эдмонд расписался, точно выводя каждую букву.

— Надеюсь, вы понимаете, что при небиржевой сделке и с таким низким банковским обеспечением мы не сможем выплатить маржу по этим акциям.

— Разумеется,— согласился Эдмонд.— Я приму меры предосторожности.— На том они и расстались.

Глава четвертая
СМУЩЕНИЕ УМОВ

Бох и Хоффман не заставили себя ждать и после письменного уведомления в скором времени объяви-

лись в доме Эдмонда. Открыла им Магда и провела прямо в лабораторию — дальнюю комнату на втором этаже. Сам хозяин лениво благодушествовал в кресле, забавляясь с маленькой Homo, раздраженно заворчавшей при виде незнакомцев. Не вставая и сдержанно ответив на приветствия, Эдмонд жестом указал на два деревянных стула подле длинного стола.

Хоффман занял предложенное место и с выражением примерного ученика смотрел на хозяина, в то время как Бох беспокойно озирался. Заметив затемненные окна, он перевел взгляд вверх, чтобы определить источник света, так мощно и ровно освещавшего всю комнату. Под потолком висели две большие люминисцентные лампы, в чьем бело-голубом ровном сиянии лица мужчин за столом приобрели безжизненное, мертвенно-серое выражение. И Бох подумал, какое страшное лицо у хозяина этого дома, и удивился, не понимая, как может казаться страшным лицо с такими правильными чертами. Наверное, природа неприязни, которую с первого взгляда вызывал этот человек, заключалась не в наружности, а в чем-то неуловимом, что, безусловно, заключалось во внутренней сути.

Отбросив неожиданные мысли, Бох украдкой занялся исследованием лабораторного оборудования. В дальнем углу небольших размеров генератор постоянного тока, поодаль трансформатор, рядом с ним поблескивал станиолевыми пластинами конденсатор и еще полая катушка с намотанной на нее проволокой — без сомнения, дроссель высокой частоты. На вращающемся столике рядом с его локтем колба с ртутью. Бох слегка дотронулся до тонкой стеклянной стенки, и металлическая жидкость безмолвно качнулась, расплескалась по стенкам, образовав идеальную вогнутую сферу. Внезапно пришедшее на ум сравнение заставило Боха снова взглянуть на потолок, и он увидел то, что и ожидал увидеть,— засов чердачного люка. Отодвинешь его и увидишь черный прямоугольник ночного неба. И заканчивая осмотр, увидел Бох всякие незначительные мелочи: наполненные жидкостью кувшины, в некоторых плавали морские водоросли, один или два чахлых растения в горшках на полке у темного

окна, в углу клетка с двумя меланхолически пережевывающими траву кроликами. В общем, ничего примечательного.

Тем временем Эдмонд сбросил на пол обезьянку, и она, не спуская ярких смышленых глаз с незнакомцев, пятясь выбралась из комнаты в коридор.

— Вас это не впечатлило, мистер Бох.

— Особенно нечему удивляться,— чувствуя, как снова поднимается раздражение при виде мерзкой усмешки, сопровождавшей слова хозяина дома, ответил инженер.

— Инструменты обладают меньшей значимостью, чем руки, владеющие ими.

— Давайте лучше сразу к делу,— ответил Бох.

— Вот и отлично,— не стал возражать хозяин.— Вас не затруднит поставить на стол вот тот отражатель?

И Эдмонд махнул рукой в сторону нескольких одинаковых деревянных чаш, дюймов восемнадцать в диаметре, чья внутренняя поверхность казалась или обожженной на огне, или смазанной графитом. Бох нагнулся за указанным предметом, который оказался на удивление тяжелым и потребовал усилия обеих его рук.

— Спасибо. Ну а теперь посмотрим, что со всем этим можно сделать...

С этими словами Эдмонд открыл ящик стола и извлек оттуда катушку с проволокой и выкрашенную чем-то белым квадратную картонку.

— Это свинцовая проволока, а на эту картонку нанесен слой фтористого кальция.

Эдмонд протянул предметы Боху, принявшему их с выражением терпеливого скептицизма наблюдающего за детскими фокусами взрослого.

— Я хочу, чтобы вы убедились — проволока не активна. Стоит нам погасить свет,— и только Эдмонд произнес эти слова, как лаборатория погрузилась в загадочную и таинственную темноту,— вы увидите, что картонка не флюоресцирует.

Бох потер проволоку о картонку, но желаемого результата тем не менее не получил. Неожиданно снова вспыхнули лампы, и уже при свете инженерам не оставалось ничего иного, как убедиться: ни проволока,

ни картонка, если не считать нескольких глубоких царапин, не изменили своих физических свойств.

— Ваша демонстрация более чем убедительна,— с плохо скрываемой иронией отметил Бох.— С чувством глубокого удовлетворения мы отмечаем, что проволока невинна как младенец.

— Передайте ее мне, посмотрим, смогут ли у младенца прорезаться зубки.

Не отламывая от катушки, Эдмонд отмотал и распрямил дюймов шесть проволоки, после чего она стала напоминать уменьшенных размеров палочку уличного регулировщика. Далее натянул закрепленные по краям чаши три толстые нити, сложил их концы и, отметив вершину полученной в пространстве пирамиды зажимом на стоящем рядом с чашей круглом штативе, позволил себе разжать пальцы, сбрасывая нити вниз.

— Простейший способ определения фокальной точки,— объявил он.— Так как черная поверхность моего прибора не отражает свет, приходится находить иные методы. Как вы, надеюсь, уже отметили, фокусное расстояние равно приблизительно двенадцати дюймам. Поверхность отражателя не параболическая, а сферическая. В данном случае не требуется точной фокусировки, ибо я хочу активировать всю поверхность проволоки, а не одну ее точку.

Два визитера, никак не комментируя происходящее, хранили глубокомысленное молчание. А тем временем их радушный хозяин манипулировал с кусочком проволоки, водя ей через помеченную зажимом штатива точку. Проделав сию несложную операцию с дюжину раз, он протянул катушку Боху.

— Держитесь вот здесь, мистер Бох. Теперь проволока может укусить.

С легким выражением брезгливости инженер разглядывал совершеннейшим образом не претерпевший никаких видимых изменений кусочек металла.

— Ну и что? — резко спросил он.— Надо посмотреть, как поведет себя наш флюоресцирующий экран. Я удалю свет,— и вместе с этими словами, мигнув, погасли лампы. И стоило в наступившей темноте поднести Боху проволоку к картонному квадратику, как

тот в одну секунду озарился бледно-голубым сиянием. Оставленные на его поверхности нетерпеливой рукой Боха царапины пульсировали холодным белым огнем, а сам квадратик походил на маленькое незашторенное окно во мраке беззвездной ночи. Холодный протуберанец огня вспыхнул на ее поверхности, стоило Боху слегка двинуть проволокой.

А в темноте глухо прозвучали слова Эдмонда:

— Попробуйте свой бриллиант, мистер Хоффман.

Хоффман послушно снял с пальца кольцо и поднес его к светящемуся квадрату. И стоило лишь приблизиться, как камень вспыхнул голубым, холодным пламенем — более ярким, чем картонный квадратик. Хоффман отдернул руку, но кольцо продолжало светиться с той же неистовой, неугасающей силой. Вспыхнул свет, застав врасплох двух недоуменно хлопающих глазами инженеров.

— Пройдет некоторое время, прежде чем камень погаснет,— раздался голос Эдмонда.— По крайней мере, вы можете быть спокойны за ваш бриллиант — подделки не реагируют на излучение.

Эдмонд немного помолчал и спросил:

— Какие еще нужны доказательства?

— Это убедительная демонстрация,— коротко ответил Бох.— Теперь бы нам хотелось услышать объяснения вашего метода.

— Частично, лишь частично, господа.— Эдмонд открыл коробку с сигаретами и подвинул ее гостям. Хоффман не отказался, а Бох, отрицательно качнув головой, потянулся за своей трубкой.

— Очевидно,— выпустив густой клубок сигаретного дыма, продолжил Эдмонд,— простейший способ расщепления ядра таится в создании поля резонансной частоты. Принцип скрипки и хрустального бокала.

— Идея старая,— сказал Хоффман,— но не давшая никаких практических результатов.

— Да, и лишь потому, что никто не смог создать вибратор столь высокой частоты. Элементарные частицы большинства веществ имеют период вращения, измеряемый миллионными долями секунды. Но в природе известны лучи, обладающие соизмеримой частотой. Я имею в виду космические лучи.

— Ба! — язвительно воскликнул Бох.— Так, значит, вы изготовили космические лучи!

— Отнюдь,— Эдмонд с ледяным спокойствием взглянул на веселящегося инженера,— и если позволите, я продолжу.

Итак, как подтверждено многочисленными наблюдениями, свинец, долгое время находящийся под открытым небом, становится в незначительной степени радиоактивным. И все глупцы, просиживающие штаны в научных лабораториях, считают, что данными свойствами свинец обязан воздействию солнечной радиации. И они глубоко заблуждаются, ибо причиной служат космические лучи.

Вот почему я создал этот отражатель,— Эдмонд небрежно тронул рукой деревянную чашу,— который фокусирует проникающие в эту комнату космические лучи, тысячекратно их усиливая. Вот что является причиной распада свинца. Однажды начатый, процесс продолжается уже самопроизвольно.— Эдмонд помолчал, затянулся сигаретой и коротко спросил: — Будут еще вопросы?

— Да! — одновременно воскликнули оба, но, уже не с таким агрессивным напором, продолжил один Бох:

— Я всегда считал, что космические лучи, обладая ни с чем не сравнимой всепроникающей силой, без труда могут достигнуть основания самых глубоких подземных шахт, и даже золото не может служить им достойной преградой. Существует общеизвестное представление, что ничто не в состоянии отразить их.

— Почти ничто, мистер Бох. Мой рефлектор способен на это.

— Тогда какой материал вы применяете?

— Вы что-нибудь слышали о нейтрониуме, мистер Бох?

— Нейтрониум! — снова в один голос воскликнули инженеры.

— Это,— после короткого замешательства заговорил Хоффман,— это вещество, лишенное электронов. Нейтрониум образуют твердые протоны, и один кубический дюйм этого вещества весит порядка тонны.

— Но это гипотетическое вещество, в природе его просто не существует,— добавил Бох.

— Не совсем гипотетическое, мистер Бох. Оно встречается в карликовых звездах и в некоторых других местах.

— В каких, например?

— В этой комнате, мистер Бох. На отражающую сторону моего рефлектора нанесен бесконечно тонкий слой вещества — пожалуй, два-три протона, не больше. Этого вполне достаточно, чтобы работать эффективно. Кстати, вы не обратили внимания на его вес?

— Да,— не отрывая глаз от черной вогнутой поверхности, протянул Бох.— Какими средствами вам удалось получить этот материал?

— Средствами, природу которых я не стану раскрывать перед вами — это опасно.

— Опасно! Мы не давали вам повода проявлять заботу о нашей безопасности!

— Не о вашей — о своей безопасности. Процесс представляет экономическую опасность.

— Ба! Знакомые слова. Начиная с эпохи паровых двигателей человечество не перестает их повторять при каждом новом шаге по пути прогресса.

— Да,— согласился Эдмонд,— и тем не менее я не знаю ни одного открытия, которое не было в конечном итоге обращено во вред человечеству.— В первый раз за все время беседы он улыбнулся, и оба его гостя тут же вспыхнули горячим негодованием.— А вы доверите обезьяне в зоопарке ручные гранаты, мистер Бох? Вот и я не доверю.— И с этими словами Эдмонд яростно раздавил в пепельнице сигарету, жестом этим давая понять, что более не намерен возвращаться к обсуждению подобных тем.— Вы, кажется, хотели спросить меня о чем-то, мистер Хоффман?

Хоффман подался вперед, сквозь стекла очков уставив на Эдмонда немигающий взгляд.

— Сможет ли данный процесс привести к распаду других веществ, а не только свинца, мистер Холл?

— Да, но их немного и процесс будет протекать заметно медленнее.

— Почему так происходит?

— На это существует несколько причин. Основная из них кроется в нестабильной по своему характеру природе

строения свинца. Во-вторых — столь тонкий слой нейтрониума способен отражать не все космические лучи, а лишь их определенный спектр частот, который более всего влияет на структуру свинца. А кроме всего прочего, следует отметить, что продукты распада свинца составляют основную часть космических лучей, и, не утруждая вас пространными объяснениями, скажу лишь одно: космические лучи имеют свинцовый оттенок. Вот вам и объяснение, почему свинцовые крыши и водосточные желоба через некоторое время становятся активными, чего не происходит ни с цинком, ни с железом, ни с медью.

— Я понимаю,— медленно произнес Бох.— Скажите, мистер Холл, как долго вы работали над своим открытием?

— Около шести недель,— холодно ответил Эдмонд, не замечая изумления, написанного на лицах его слушателей.— Я считаю, мы обсудили все возможные проблемы. Вы можете прислать за этими четырьмя рефлекторами в любое время. Чтобы на первых порах обеспечить необходимую производительность, этого количества будет более чем достаточно. Если выпуск продукции потребует дополнительных приборов, я вышлю их незамедлительно. Вы можете устанавливать их в любой точке вашего предприятия; при столкновении со стенами зданий космические лучи рассеиваются крайне незначительно. Технологию изготовления и установки нити накаливания я оставляю на ваше рассмотрение, но обязательно проследите, чтобы ваши рабочие трудились в защитных перчатках, иначе вы не избежите радиоактивных ожогов.

Он поднялся, и за ним поднялись остальные.

— Если вы не возражаете, один из них я возьму сейчас,— сказал Бох, с видимым усилием отрывая деревянную чашу от поверхности стола.

Все трое проследовали в коридор, и там неожиданно раздался резкий окрик Эдмонда: — Homo! — позвал он, и в ту же секунду из темноты коридора выпрыгнула обезьянка, с удивительным проворством вскарабкалась на хозяйское плечо, устроилась поудобней и там затихла.

Спускаясь по лестнице, Хоффман заметил, как их радушный хозяин вдруг обернулся, посмотрел назад и

в одно мгновение ярко освещенный прямоугольник дверного проема лаборатории погрузился во тьму. Инженер не проронил не звука, лишь облегченно вздохнул, стоило входной двери захлопнуться за их спинами. Догнав Боха, ноги которого подгибались под тяжестью рефлектора, он помог ему затолкать загадочное приобретение в машину.

— Что ты думаешь обо всем этом, Карл?— спросил он, стоило авто тронуться с места.

— Не знаю.

— Ты веришь всем этим сказкам о космических лучах и нейтрониуме?

— Ничего, дайте мне только добраться до лаборатории. Там у меня лежит настоящий кусок свинца, а не какая-нибудь фальшивка.

На протяжении нескольких кварталов инженеры не проронили ни звука.

— Скажи, Карл, ты видел, как он управлялся со светом?

— Фокусы. У него выключатель на полу.

— Но он выключал свет из коридора...

— Выключатель в коридоре.

Но впечатлительного Хоффмана не удовлетворили объяснения далекого от мистики трезвомыслящего друга. Странный Эдмонд Холл поразил его до глубины души, и более того, за время второй встречи характер этого человека уже не стал казаться ему столь отвратительным, как раньше. Он открыл в нем какое-то странное очарование.

— Как думаешь, он действительно знает то, о чем говорит?

— Если знает — значит — он дьявол.

— И я, Карл, тоже об этом подумал.

Машина затормозила у заводского корпуса Стоддарта, и двое инженеров не мешкая выбрались наружу.

— Помоги мне, Мак, и очень скоро я узнаю, что это за штука!

Опрометчивое обещание, ибо Бох не открыл загадки отражателя. Он долбил черную поверхность стамеской, затупил бессчетное количество ножей, но так и не набрал достаточное количество материала для анализа.

Слой был слишком тонок, а материал настолько тяжел, что никакой силой не удалось отделить его от дерева.

Глава пятая
СЕМЕНА МОГУЩЕСТВА

Прошло несколько недель, и, продав акции Стоддарта с прибылью в четырнадцать пунктов, Эдмонд со спокойным безразличием наблюдал, как индекс их курса переваливает за сорок. Сейчас его больше занимала проблема радия. Часть необходимого количества он приобрел у местных производителей, а остальную пришлось заказывать в Европе. В результате всех этих операций он стал обладателем десяти граммов белого, как соль, кристаллического порошка — сульфата радия,— заплатив за столовую ложку этого удовольствия пятьдесят тысяч долларов. Теперь в его распоряжении оказался неисчерпаемый, практически вечный источник радона, хотя столь высокие эпитеты звучат несколько иронически применительно к веществу, срок жизни которого исчисляется короткими минутами. Но с любой точки зрения назвать сие приобретение бессмысленной тратой денег было нельзя, ибо в любой момент радий мог быть продан и даже с определенной выгодой.

Теперь уже ничто не могло помешать Эдмонду направить все силы своего интеллекта для всеобъемлющего разрешения загадок материи. Радон — газообразная эманация распадающегося радия — распадается сам, и атомы его, соединяясь с другими элементами, образуют длинный ряд превращений из одного вещества в другое, где конечным и устойчивым продуктом в длинной цепи становится свинец. Но радон является на порядок более активным, чем его родитель радий, и именно атомы радона собирался подвергнуть Эдмонд немыслимой вибрации, чтобы в результате деления ядра получить мощнейший пучок лучистой энергии космического порядка. Для этих целей стеклянный шар был заполнен летучим газом; верхняя полусфера покрывалась тончайшим слоем нейтрониума, который

должен был служить и отражателем, и защитным экраном. На противоположных краях экватора — линии соединения черной и прозрачных полусфер — Эдмонд установил два тончайших платиновых электрода, по которым через газ должен был протекать электрический ток бесконечно высокой частоты. Оставалось лишь создать прерыватель, своего рода автоматический выключатель, способный разрывать цепь электрического тока на короткие импульсы, продолжительностью соизмеримые со скоростью вращения электрона.

Снова и снова возвращался Эдмонд к конструкции своего атомного разрушителя. Сейчас в его радоновой трубке имелся вибратор, способный создать необходимые усилия; оставалось создать генератор переменного тока достаточной частоты. Ему нужен был электрический ток такой частоты, чтобы уже имеющие начальную активность атомы радона скручивались и вытягивались с неимоверной силой, и все ради того, чтобы гамма излучение стало еще более жестким и в силе своей сравнилось с энергией космических лучей. И в пытке, которую он собирался учинить над атомами, должен был родиться сигнал, знаменующий собой открытие управляемой ядерной реакции.

Так какую силу он может призвать себе на помощь? Без всяких сомнений, ни одно механическое устройство не создаст колебаний практически бесконечной частоты; даже разрядного тока конденсатора здесь будет явно недостаточно. Он не стал брать себе в помощники и последние достижения химии; ионы не смогут вибрировать с частотой, способной разрушить их строение. Поиски ограничивались лишь тонкой структурой самого атомного ядра, и только электроны обладали требуемой ему колоссальной скоростью перемещения. Забавляясь проблемой, долгие часы провел Эдмонд в тишине лаборатории, но решение, казавшееся столь близким, ускользало, и, устав от яркого света, он спустился вниз. Невидимый из-за затемненных окон покинутой комнаты, на город опускался вечер. Исчезли краски дня, и, размывая знакомые очертания, сумерки воцарились в холле и библиотеке, и лишь стена в гостиной еще горела золотом низкого, предзакатного

солнца. В библиотеке, взывая к Эдмонду и свободе, неистовым чертенком скакала в клетке Homo, и он выпустил переполненное счастьем существо и позволил вскарабкаться к себе на плечо. А сам устроился в кресле у камина и погрузился в размышления. Нет, это были не тягостные и не мрачные размышления; появление столь не свойственной его опыту ускользающей отгадки придавало пикантную остроту всей проблеме.

«Мало кто сомневается в истинности утверждения,— размышлял он,— что законы сохранения массы и законы сохранения энергии — суть один закон; и как следствие, из этого закона вытекает возможность преобразования материи в энергию, и, используя принцип обратимости, у кого-то существует возможность из чистой энергии создать материю. Механизм взаимосвязей становится все более очевиден, ибо уже доказано, что энергия обладает массой. Чистейший из известных видов энергии — свет, подчиняется законам механики так же послушно, как подброшенный в воздух бейсбольный мяч».

После столь впечатляющей разминки ума Эдмонд снова вернулся к решению загадки своего прерывателя — скромной задаче, потребовавшей объединенных усилий двух его интеллектов. И когда Магда объявила ужин, гипотезы и догадки приняли законченное теоретическое выражение, а когда закончился ужин и была потушена традиционная сигарета, он уже имел механизм, соответствующий его целям. Возвратясь в лабораторию поздним вечером, он приступил к практическому осуществлению задуманного.

Для начала были взяты два столбика активного свинца и установлены таким образом, чтобы поток испускаемых ими электронов был направлен навстречу друг другу, а вдоль образованного коридора пропускался электрический ток. Таким образом, был сконструирован прерыватель, способный создавать импульсы, измеряемые одной миллионной секунды, а при определенной подстройке расположения свинцовых излучателей можно было получить импульс продолжительностью в одну миллиардную секунды.

И лишь когда закончилась работа и перед Эдмондом стояло завершенное творение его разума, он остановился и задал себе вопрос — а зачем все это?

«По каким мотивам, ради каких целей я создал прибор, который хоть и откроет неисчерпаемый источник энергии для блага общества, но и выпустит на свободу черные силы, способные развязать мировую катастрофу и сбросить планету Земля с ее орбиты? Я не так люблю человечество, чтобы даровать ему божественное могущество, но и не так сильно ненавижу его, чтобы привести его, а вместе с ним и себя, к страшному финалу полного уничтожения».

И ответил себе сам:

«Я мыслю и создаю лишь ради одного — спастись от скуки. Мой труд лишен смысла, и снова я оказался перед ощущением тщетности и бессмысленности бытия».

Но все равно, ему было любопытно стать свидетелем освобождения этой скорее сказочной, чем реально существующей энергии, ибо свет ее существовал где-то за горизонтами физики и был подобен свету никогда не восходящего солнца. Однако в эти минуты подсознательное понимание тщетности бытия еще не приняло для него законченный образ, не воплотилось в реальные мысли и ощущения, и сейчас он был захвачен водоворотом неизъяснимой гордости и вдохновения от содеянного — ощущениями столь непривычными для его мрачной натуры. Он один держал в руках ключ от дверей близнецов, за которыми скрывалось или спасение, или смерть, и только ему одному решать, какую дверь открыть первой.

«Я единственное существо в этой части Вселенной, кто держит в руках сей знак могущества и власти, и власть моя безгранична».

Для того чтобы испытать в действии свой атомный разрушитель, он избрал объектом распада крохотный, размером не более булавочной головки, кусочек чистого калия. Калий — элемент в природе довольно редкий, и он не хотел проводить испытания на атомах кальция, железа или алюминия, чтобы стать свидетелем того, как вырвавшийся на свободу смертоносный

луч разрушает стены его дома, а при определенном стечении обстоятельств обращает в пыль раскинувшийся на сотни миль сгусток материи под названием город Чикаго.

Этот маленький, все еще влажный от масла кусочек калия он положил на керамическую плитку, расположенную в фокусе действия его радоновой трубки. Некоторое время Эдмонд просидел в неподвижности, мысленно выстраивая в сознании модель атомного ядра калия, подбирая ключевой электрон, на который обрушится сила его воздействия. Потом с необычайной осторожностью установил свинцовые излучатели в требуемую позицию, прошел в дальний угол комнаты, взялся рукой за рубильник генератора и, не решаясь опустить его, долгим оценивающим взглядом рассматривал отдельные узлы и детали своего устройства. А потом вдруг разжал побелевшие пальцы, оставил рубильник, подошел к прибору и убрал керамическую плитку.

Он вдруг подумал, что сама плитка может содержать соли калия или натрия; малейшая ошибка в установке частоты прерываний может ввергнуть родственные элементы в страшное жерло вулкана разрушений. В эту секунду впервые, как никогда раньше, он находился на грани свершения ошибки.

Эдмонд Холл переложил кусочек калия на свинцовую пластинку, вернулся к рубильнику и решительным движением рванул его рукоятку вниз. Ровно загудел генератор, радоновая трубка вспыхнула характерным фиолетовым свечением. Ему хотелось верить, что в эту секунду сквозь незащищенную полусферу рвался на свободу поток космических лучей — не рассеянных атмосферой, а холодных и безжалостных, как кинжальный луч прожектора в ночном небе...

Но калий без движения продолжал влажно поблескивать на своем свинцовом ложе. Эдмонд Холл вернулся к прибору, наугад перенастроил прерыватель на более низкую частоту, включил рубильник, и снова завращался, снова ровно загудел генератор.

И свершилось. Там, где раньше спокойно лежал ничтожный кусочек металла, вспыхнул двухфутовый огненно-фиолетовый раскаленный шар, чей жар опалил

человеку ресницы, чей страшный огонь не могли вынести глаза человека. Громовые раскаты рвали человеку барабанные перепонки, и длинные зигзагообразные молнии вырывались из складок его одежды. Вихрь уничтожения ворвался в жилище человека, а огненный шар его полуослепшим глазам казался открывающимися вратами Ада. Секунду, две секунды полыхало адово пламя, а потом с треском рассыпалось миллионом искр, растаяло, потемнело, превратилось в ничто. Резко пахнуло озоном, и Эдмонд Холл отнял обожженные руки от полуослепших глаз и смотрел, потрясенный, на последствия вызванных им самим черных сил...

Лужица расплавленного свинца растекалась по столу, и по краям ее дымилось дерево. Он забросал лужицу землей из подвернувшегося под руку цветочного горшка и оглядел комнату. Он думал, что будет гораздо хуже. Радоновая трубка разлетелась на мелкие осколки, прерыватель превратился в груду обломков — не беда, все это, стоит лишь захотеть, он быстро восстановит.

Стоит лишь захотеть... но он уже знал, что никогда не захочет. Эксперимент закончен, закончен навсегда — и интерес к нему угас безвозвратно. Пусть все это, никем не отмеченное, остается в обломках, пусть человек утоляет жажду жалкими каплями энергии, как он и привык всегда делать. Он запечатал случайно вырвавшийся на свободу океанский поток; он не хочет быть властелином, и он не хочет разрушать.

Эдмонд Холл позвал Магду убрать мусор и спустился в библиотеку. Посадил Homo на колени и долго сидел так, бездумно разглядывая холодное жерло камина.

Глава шестая
ДРУЖБА И ЮМОР

После кульминации забав с атомной физикой ощущение бесплодности усилий, о котором Эдмонд имел лишь теоретическое представление, встало перед ним

во всем своем практическом великолепии. Он устал от бесплодной погони. Слеп думающий, что знание указывает путь во мраке; ибо, как блуждающий в трясине огонек, ведет оно в никуда. Если ложны отправные точки — все знания тщетны. Если не существует истины Абсолютной, наука есть несовершенный инструмент познания маленьких относительных истин. Стремящийся к знанию подобен тому, кто из бесконечности фактов, сумма коих равна нулю, отщипывает малые крохи. Суета, тщетность — вот имя погони за непостижимым. И разумы-близнецы Эдмонда Холла разошлись на мгновение, чтобы предаться каждый своему логическому построению.

«Каждое усилие заранее обречено на провал, и единственное предназначение живущего, сознавая это, продолжать борьбу и в борьбе обрести свободу».

«Каждое усилие заранее обречено на провал,— с той же отправной точки стала развивать мысль вторая половина его сознания,— и только в понимании бесплодности борьбы заключена истинная свобода».

И, слившись в единое целое, провозгласили:

«Только одно достоверно, что истина есть форма выражения опыта, а значит, понятие субъективное».

На какое-то время Эдмонд решил покинуть стены лаборатории и отправиться в погоню за знаниями несколько иного толка. Заброшенный в мир, населенный человеческими существами, он решил посвятить свое время изучению и анализу деятельности этого общества. Давно придя к пониманию, что он — существо чуждое этому миру, чуждое по разуму, чуждое по внешности,— он все же хотел составить свое собственное мнение о тех, кто его окружает, и если они действительно так чужды его естеству, хотя бы понять, в чем заключается эта пропасть различий. Для Эдмонда, который видел и оценивал происходящее с двух точек зрения, сей мир представлялся немыслимо сложным, и он не понимал, как могут жить в нем существа с одномерными восприятиями их единственного разума.

«Удел всего живущего пребывать в мире, превосходящем их способности, к познанию этого мира,— размышлял он.— Слепой червь, обладающий лишь чув-

ством осязания, живет в мире одного измерения, но тем не менее, существам из другого мира это не мешает нападать и пожирать его. Я отправляюсь в сказочную страну, где все имеет только одну сторону, но я вовсе не уверен, что найду там свою «плотскую королеву».

Итак, Эдмонд Холл запер дверь своей комнаты чудес, оставив за ней надежды в лабиринтах природного естества открыть путь к познанию истины. Ибо понял — неисчислимы грани этого драгоценного камня, и даже для разума, несравненно более могущественного, непосильной окажется задача отыскания истины в лабораторной пробирке. И, заперев одну дверь, он открыл дверь в мир города-великана и бросился в его кипящий, стремительный водоворот.

Забытым остался за спиной Эдмонда родстер, а сам он отважно пустился в путь к автобусной остановке на Шеридан-роуд. Стояла поздняя осень, когда воздух еще чист и прозрачен и сухие листья шуршат под ногами; навстречу идут красивые женщины, но взгляды их лишь равнодушно скользят по лицу нашего героя, а мужчины не утруждают себя даже этим. На остановке дожидались автобуса человек шесть. Одним быстрым взглядом попробовал Эдмонд по их лицам определить характеры — не получилось, и он знал, что не должно получиться. Две девушки в изящных пальто с мехом, нежно ласкающим их шеи, оживленно болтали, а остальные стояли с выражением холодной отстраненности, характерным для людей незнакомых; и Эдмонд невольно прислушался к женскому щебетанию.

— Двоих или троих приведет Поль. Один из них пишет для «Стейт Геральд»,— это сказала темненькая.

— Только Поль в этой компании на что-то способен. В нем действительно чувствуется талант, Ванни.

— Ты это серьезно? Приходи, если хочешь. Не будет ничего официального, обычные посиделки.

— А бридж?

— Только не с этими литературными светилами. Законченные эгоисты, думающие только о себе, а бридж подразумевает наличие партнера.

Эдмонд посмотрел на говорившую, взгляды их неожиданно встретились, и Эдмонд поклонился, узнавая.

И девушка тоже улыбнулась — небрежной, легкой улыбкой. Это была Эванна Мартен — маленькая девочка его юности, превратившаяся в очаровательное существо, не растерявшее живой непосредственности детства, полное стремительной энергии закрученной часовой пружины. Когда автобус остановился, он без каких-либо эмоций, разве что с легким чувством эстетического удовлетворения, смотрел, как сверкнула из-под пальто ее ножка в блестящем, туго натянутом чулке.

Девушки уютно устроились внизу, а Эдмонд предпочел подняться на крышу автобуса, где можно было курить и спокойно предаваться размышлениям. Поднимаясь по узкой лестнице, он услышал вопрос ее компаньонки:

— Кто этот странный поклонник, Ванни?

В ответ зазвучал лишь переливчатый смех. И Эдмонд про себя слегка улыбнулся и забыл о встрече. Не связывая свои сознания какой-то строгой мыслью, он позволил им предаваться легкому созерцанию, впитывать ритмы, слышать неумолкающий гул моторов, наблюдать, как пульсирует жизнь, как бодро катится вперед эта стальная река машин, видеть, как вспыхивает в утренних лучах солнца гладь застывшего озера. Автобус, набирая скорость, вырвался на просторы Линкольн-парквей, и вот уже показался Лосиный заповедник и конная статуя, слишком далекая, чтобы разобрать надпись на пьедестале. Объезд по южной границе парка, маяк, старая водонапорная башня.

Он видел, как вышли Ванни и ее подруга, как быстрыми шагами идут они вдоль озера, мимо рядов модных магазинов и скрываются за дверями шляпного салона «Веблиса». А вот уже мост с застывшими часовыми небоскребов. Через несколько кварталов он сошел и, повернув на запад, окунулся в суету Лупа. Эдмонд плыл в толпе незнакомых ему существ и желал слиться с ней в одно неразрывное целое.

Через какое-то время бесцельного движения он открыл дверь кинотеатра — места, где в последний раз был в далекую пору детства. Смотрел с интересом, впитывая и пропуская через себя не пустой сюжет и не гротескные образы, а идею открыть сознания тех, кто

создавал и кто наслаждался подобным. За экранными картинками Эдмонд видел и автора, и его благодарных зрителей и одновременно предавался легким, самодовольным размышлениям:

«Если это, с позволения сказать, искусство соответствует среднему интеллектуальному уровню человечества, будем считать, что оно уже у моих ног».

И развивая тему, мысль его плавно покатилась вперед: «То, что я вижу здесь,— есть выражение коллективного сознания толпы, а значит, отсутствие образца, изучая который можно сделать окончательные выводы. Человек толпы есть образ собирательный, все тонкие грани которого размыты грубым, подавляющим влиянием окружения. Человек может обладать достаточным разумом, но человек толпы — никогда. И именно такого человека я вижу перед собой, ибо в истинном своем содержании всякая аудитория есть толпа».

Он оставил зал кинотеатра и двинулся по Стейт-стрит, постепенно оставляя за спиной запруженные людской массой каньоны Лупа, переходя в мир улочек с низкими строениями и унылыми в своем однообразии мелкими лавками.

Нищий, что-то подвывая на длинной, протяжной ноте, потянулся к нему грязной ладонью, и Эдмонд бросил в эту ладонь монету, не глядя и не оборачиваясь. Из подворотни, скаля зубы и захлебываясь в злобном лае, кинулась ему в ноги собака, и со сноровкой, приходящей только со значительным опытом, он разделался с никчемной дворняжкой резким ударом трости.

«Человек и его союзник — собака, оба они видят во мне Врага,— думал он.— Почему я Враг им? По чьей непонятной прихоти обречен я быть изгоем в этом мире, с единственной надеждой выжить, приняв личину человека. Что-то случилось в механизме смены лет, и я родился вне своего времени».

Так думал он, но, приняв добровольно роль наблюдателя, не уставая следил за проносящимся мимо человеческим потоком. Да, он плыл в нем, но не органической частью, а чужаком, инородным телом, не способным даже на короткое мгновение слиться с этим

бурлящим морем. Его осмысление и восприятие происходящего коренным образом отличалось от Их восприятия, и он должен был найти общие точки соприкосновения.

Слева мелькнула витрина маленького магазина картинных рамок, невыносимых в своей пошлости, и дешевых эстампов, в изобилии украшавших стены домов его соседей. Образцы их были выставлены в витрине, но не они привлекли внимание нашего героя, а крохотный — шесть на десять дюймов — написанный маслом пейзаж. Маленькая забавная вещица — только дерево, скала и серое небо. Все размытое, неясное, незаконченное, но, безусловно, хранящее непонятный смысл, неведомую тайну. И он смотрел на эти размытые тени и удивлялся, как могла ничтожная вещица пробудить в его холодной натуре какие-то чувства — пускай слабые, всего лишь отголоски, но все-таки чувства. И тогда он вошел в магазин, и остановился у заваленного рамами пыльного прилавка. Скрипнула дверь, и из недр лавчонки появился безликий серенький человечек.

— Я хочу пейзаж маслом с витрины.

— Разумеется, сэр,— угодливо поклонился человечек. Еще мгновение, и картина легла перед Эдмондом.— Премиленькая маленькая картинка, не правда ли, сэр?

— Нет,— сказал Эдмонд, беря ее в руки.

Конечно, это была не миленькая картинка. Потому что в ней жило ощущение ужаса — ужаса существа, перед которым на мгновение открылась картина безумного, перевернутого мира, открылась и, приведя в трепет, запечатлелась навсегда. Эдмонд прочел удивительно четкую подпись — Сара Маддокс.

— Кто написал это?

— Мне трудно сказать, сэр. Когда им становится плохо, они приходят и продают. И не было случая, чтобы они приходили дважды. Помню, это была какая-то худосочная девица, но они сейчас все на один лад — худосочные.— От напряженного желания вспомнить человечек хмурил брови.— Хотя, подождите. Кажется, я выписывал ей чек, а на корешках иногда записываю адрес — на случай, если работу купят сразу.

Он покопался в бумажках и огорченно закачал головой.

— Нет, я заплатил ей наличными. Не думал, что кому-то картинка понравится.

— Сколько она стоит?

Продавец оценивающе взглянул на Эдмонда.

— Восемь долларов, сэр.

Эдмонд заплатил и ушел, унося в руках картину, завернутую в обрывок плотной коричневой бумаги. Он продолжал бесцельно бродить по улицам, его удивляло, что в этом море людей человек как личность остается для него недосягаемым. Как познакомиться? Он уже было решил подойти к первому встречному, но тут же отверг родившийся план, ибо очень живо представил, какова будет реакция. Он пошел в обратном направлении, в сторону вздыбленных башен небоскребов сердца города. Книжный магазин. Он вошел, быстрым взглядом окинул знакомые полки, кивнул назвавшему его по имени клерку. Эдмонд уже заходил сюда прежде и покупал здесь книги.

В глубине зала знакомый длинный стол с беспорядочной грудой потрепанных фолиантов. Он протянул руку и наугад взял первый попавшийся толстый, размером с настольный словарь том. «Откровения Апокалипсиса» Сведенборга. Он листал пожелтевшие страницы, с привычной быстротой поглощая целые абзацы, впитывая смысл целых предложений с той же легкостью, с какой остальные люди — отдельные слова. Ему был интересен сложный, затейливый ход авторской мысли. «Его называли мистиком,— думал Эдмонд.— Мистик... самый неудачный из всех возможных эпитетов. Этот человек — не мистик, а растративший свой талант на бесплодные мечты ученый. Его разум — это резец скульптора, из легкого облака пытающегося извлечь законченный образ». И он, без сожаления отправив фолиант на прежнее место, шагнул к прилавку.

— Какая книга,— обратился он к застывшему во внимании клерку,— теперь считается наиболее популярной?

Клерк улыбнулся и выложил перед нашим героем стопку дешевеньких книжонок. Эдмонд узнал их по многочисленным рецензиям в газетах, где с пестрых

обложек на него глядели автобиографии того, кто некогда занимался малыми формами архитектуры.

— Не думаю, что это заинтересует вас, мистер Холл,— осторожно произнес клерк, вспоминая предыдущие приобретения Эдмонда.— Считается, что они... юмористические.

— Тем не менее одну я возьму.

Он взял в руки тощенький томик, присел на стоящий у прилавка стул и через полчаса перевернул последнюю страницу.

«Если не брать в расчет иронию, у меня напрочь отсутствует всякое чувство юмора,— думал он.— И если я не пойму, что это такое, мотивы человеческих поступков окажутся для меня непостижимыми. Я думаю, что юмор по сути есть выражение радости при виде чужого несчастья; люди органически ненавидят друг друга и объединяются в племена и нации лишь оттого, что гораздо сильнее ненавидят и боятся грозной природы и чужаков-иноземцев, чем своих ближних».

Он опустил книгу в карман пальто, подобрал пакет с картиной и снова отправился в путь. Робкое осеннее солнце скрылось за крышами домов, и в воздухе улиц воцарилась сырая прохлада. Повесив трость на руку, он пошел в сторону озера, добрался до берега и двинулся на север — медленно, лениво, бесцельно. Снова знакомое чувство бесплодности собственных усилий овладело им — овладело настолько сильно, что не хотелось даже думать. И показалось ему, что никогда не перекинет он моста через пропасть между собой и человечеством; что он — изгой и навеки обречен оставаться таковым. Найти родственную душу, друга — есть немыслимый подвиг, и в кругу миллионов он обречен на одиночество. Он смотрел, как, тесня и обгоняя друг друга, несутся мимо пестрым нескончаемым потоком машины, и шел, и шел, и был одинок.

Позади остался мост и серые волны, глухо накатывающиеся на берег. Он увидел скамейки и, чувствуя легкую усталость от проведенного на ногах дня, побрел в их сторону. Сел, положил рядом трость, закурил сигарету и смотрел на игру света и тени меж гребней волн. Унылое одиночество.

Чья-то неясная фигура проплыла мимо, вернулась и примостилась на соседней скамейке. Он продолжал курить, храня мрачное молчание. Сосед неожиданно встрепенулся и пересел на его скамейку; теперь он понял, что это женщина, но продолжал безучастно разглядывать волны.

— Паршивое настроение, да?

Он повернулся. Существо без возраста, белая маска пудры на лице, заметные даже в сгущающихся сумерках красные пятна румян на щеках — порождение современного города.

— Да,— ответил он.

— А может, я тебя развеселю?

— Посиди со мной немного. Я бы хотел поговорить с тобой.

— Боже, только никаких проповедей, мистер! Я их уже наслышалась на своем веку!

— Нет, никаких проповедей. Просто хочу поговорить.

— Пожалуйста, я вся здесь.

Эдмонд достал из кармана купленную книгу.

— Ты читала это?

Она слегка придвинулась, взглянула на название и улыбнулась.

— Ага, а я-то решила, что ты какой-нибудь проповедник. Не-а, не читала. Ко мне ходил один постоянно, вот он рассказывал. Смешно.

— Это действительно смешно?

— Ага, особенно там, где этот втрескался.— Женщина рассмеялась.— Девочки, когда слушали, так чуть не поумирали со смеху.

Эдмонд протянул ей книгу.

— Ты можешь взять это себе.

— Спасибо,— сказала женщина и пододвинулась еще ближе.

— Скажи, мы пойдем куда-нибудь?

— Я хочу немного поговорить с тобой.

— Говори, но мне ведь жить на что-то нужно.

— Да,— согласился Эдмонд,— это правда, но не вся.

— Разговорами сыт не будешь, а мне нужно жить.

— Зачем?

— Зачем? Ты что такое говоришь? Всем нужно жить, разве не так?

— Кажется, люди в это действительно верят.

— Эй, да что с тобой? Я тебе что, не нравлюсь?

— Ты мне нравишься не больше, чем все остальные.

— Слушай, а кто ты вообще-то такой?

— А вот это-то я и сам иногда не понимаю.

Он поднялся, вскочила и его неожиданная подружка. Эдмонд опустил руку в карман, вытащил наугад какую-то купюру — оказалось пять долларов — и протянул их женщине.

— Приятно провести вечер,— пожелал он.

— И это все, что тебе нужно?

— Да.

— Господи, спаси. Чокнутый! Слышишь, со мной никогда...— женщина не договорила.— А я знаю, что с тобой не так! Ты, должно быть, гомик!

Эдмонд холодно разглядывал женщину. И вдруг какое-то бесовское пламя полыхнуло в его глазах. Он вскинул руку, а там, где кончалась ладонь, пять пальцев, как пять маленьких змей, извиваясь потянулись к застывшему лицу. Эдмонд пошевелил ими, и змеи-пальцы начали сворачиваться, обхватывая друг друга все ближе подбирались к глазам женщины. Не в силах пошевелиться какое-то мгновение она зачарованно смотрела, потом пронзительно вскрикнула, отшатнулась и бросилась бежать прямо по пожухлой траве газона в сторону освещенного пятна улицы.

— А вот это,— произнес Эдмонд, снова усаживаясь и доставая новую сигарету,— и есть юмор!

Глава седьмая
ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«Энтомолог,— в привычном кресле перед трепещущим огнем камина предавался размышлениям Эдмонд,— изучив один вид насекомых, переходит к другому и в сравнении познает отличия их жизненных циклов и врожденных инстинктов.

Я же, без всякой пользы, трачу время на изучение одного муравейника под названием Чикаго. Возможно, что в сравнении с другими муравейниками и я познаю желаемое».

И, оставив обезьянку Homo на попечение Магды, Эдмонд отправился странствовать. Без намека на интерес он бросил небрежный взгляд на Нью-Йорк, и тут же отплыл в Ливерпуль, но не оттого, что стремился поскорее окунуться в атмосферу Туманного Альбиона, а лишь потому, что этот маршрут казался наиболее удобным. За Англией пришел черед Франции, где Эдмонд провел несколько месяцев и где более всего оценил достоинства величественных гор на испанской границе.

Немецкий и французский он получил в награду за скуку классных комнат; прочие языки давались ему с такой же удивительной легкостью, и он свободно, со скоростью меняющего окраску хамелеона, овладевал любым местным диалектом. Пожалуй, и все, ибо странствия его оказались бесплодны, и не нашел он заметных отличий в человеческой природе, разве что самых поверхностных.

В Париже и Венеции он пропадал в лавках букинистов и многое добавил к своей книжной коллекции. Несколько раз в руки его попадали воистину удивительные вещи — маленький, не помеченный никакой датой манускрипт, странный жест Жиля де Ре, на двенадцати страничках в подробностях описывающего опыты Роджера Бэкона с механической головой. Были и еще находки.

«Так могу ли я считать себя единственным в своем роде? — мучил он себя вопросами.— Наверное, и в другие времена существовали подобные мне, такие же одинокие, такие же лишенные связи со своим миром». И мысли эти наполняли его невыразимой грустью. «Здесь почти или совсем непонятыми лежат в пыли и забвении их труды, в то время как обладатели разума гораздо меньшей силы и прозорливости оказались вознесенными на трон науки».

Вот так и странствовал наш герой, порой вознагражденный, а чаще гонимый скукой и отчаянием бесполезности собственного бытия — ощущениями, преследо-

вавшими его всегда, от которых не могла избавить никакая сила. Минул год, и он неожиданно бросает свои поиски, в Гавре садится на отплывающий в Новый Свет пароход.

«Homo Sapiens есть общий вид,— делает он заключительный вывод,— и где бы этот вид ни размножался, за исключением лишь разницы в обычаях, не встретишь каких-то коренных отличий в его духовном содержании. В этом скрывается причина серости современного бытия, утратившего какие-либо романтические оттенки, и не существует в этом мире более ничего уникального, не похожего на уже когда-то виденное. Люди разделены на типы, относятся к какому-нибудь классу, и никто из них не заслуживает определенного артикля. Крейкен исчез из их сознания и заменен прозаическим китом. Разве что в памяти торговцев еще живет легенда о золотом руне».

Он появился в Кенморе, наверное, через несколько часов после того, как Homo издала последний слабый кашель-стон и отошла в мир иной, всего-то по причине неестественного климата и окна, вовремя не закрытого Магдой. Склонив голову, Эдмонд смотрел на маленькое, лохматое тельце, и нечто похожее на чувство шевельнулось в его душе.

«Вот уходит мой странный друг, единственное существо, чье общество я мог просто не замечать. В память о дружбе сегодня я воздвигаю памятник».

Он унес трупик в давно преданную забвению лабораторию и через некоторое время вернулся оттуда с тщательно выделанным маленьким черепом. После чего послали за каменщиком, и это странное напоминание о Homo замуровали в камень, и установили на каминной полке, откуда взгляд пустых глазниц был теперь навечно прикован к любимому креслу хозяина дома. И когда закончилась работа, Эдмонд уселся в это кресло и встретился своим задумчивым взглядом с пустым взглядом обезьянки Homo. Долго наш герой просидел так без движения, следуя одному ему понятному, неподвластному словам течению мысли. И лишь когда почувствовал усталость, зашевелился, и своими длинными пальцами потянулся за сигаретой.

— Homo,— произнес вслух наш герой,— освобождена нынче от бесконечного числа маленьких, несбыточных надежд, делающих жизнь невыносимой. Теперь она стала бесконечно мудрее, чем тогда, когда считала себя действительно мудрой... Ибо самой бесплодной из всех иллюзий есть иллюзия постижения знаний. Результат будет всегда отрицательным, ибо чем больше познает человек, тем меньше он знает.— Взгляд Эдмонда скользнул по стене и остановился на пейзаже Сары Маддокс: и снова стало ему казаться, что он смотрит сквозь оконное стекло, за которым притаился незнакомый, далекий мир.

Скидывая с себя странное очарование, Эдмонд неловко задвигался в кресле и, чтобы отвлечься, потянулся к кипе конвертов, накопившихся за время его странствий. Рекламные проспекты, сразу перекочевавшие в пламя камина, несколько текущих банковских счетов (с этим разберется Магда), несколько конвертов с большими буквами имен университетов... Эдмонд Холл улыбнулся; он знал, что его активный свинец не останется незамеченным в среде занимающихся проблемами материи и энергии. Эти конверты он, не раскрывая, отложил в сторону. Потрудиться ответить придется господину Боху.

«Так с чего же начнем сейчас? — спросил он себя.— А не попробовать ли снова поступить по образу натуралиста; пускай его опыт вновь послужит мне путеводной нитью. Изучая повадки своего объекта, натуралист скорее всего раздобудет некий экземпляр и, если пожелает, будет на досуге развлекаться его наблюдением в увеличительных стеклах микроскопа. Вот и моя задача состоит в том, чтобы раздобыть для себя подобный экземпляр».

Но каким образом? Чем сможет он, для кого даже простое знакомство есть преграда непреодолимая, прельстить живое существо быть с ним рядом, жить с ним рядом, делиться сокровенным, и все лишь для того, чтобы некто Эдмонд Холл мог на досуге изучать особенности человеческого сознания? Магда? Нет, это убогий экземпляр — слишком благонравный и слишком тупой, чтобы раскрыть перед экспериментатором все тайники человеческой души, и с эстетической точки зрения не слишком привлекательный.

«Если то, что у них называется другом, для меня недоступно, я, по крайней мере, могу нанять такой экземпляр под предлогом необходимости иметь гида и наставника»,— решил он и исполнение задуманного оставил на волю случая.

Звякнул колокольчик у входной двери, и не успела смолкнуть мелодичная трель, как эхом откликнулась в пустых комнатах тяжелая поступь Магды. А вскоре и сама Магда, как некая малая планета, возникла в дверном проеме библиотеки.

«Она двигается по давно определенной орбите,— продолжая сравнение, думал Эдмонд,— делая за день полный оборот вокруг своей оси. Ее солнце — кухонная плита, ее комната и входная дверь — это ее апогей и ее перигелий».

— К вам какой-то человек, мистер Холл. Заходил уже дюжину раз. Пожилой, в очках,— закончила Магда, протягивая визитную карточку.

— Альфред Штейн, кафедра электронной физики Северо-Западного Университета.

Эдмонд держал в руках визитку, и в памяти ожили воспоминания об университетской аудитории, и маленький, добродушного вида профессор, снующий по кафедре с неизменными указкой в одной и мелом в другой руке — его единственный и незабываемый интерес лет студенчества. Совсем недавно этот Штейн опубликовал труды, ставшие истинной революцией в теории строения атома.

— Я приму его, Магда.

Как отметил про себя Эдмонд, если за эти годы профессор и изменился, то крайне незначительно. Тот же ежик седых волос, те же умные глаза за толстыми стеклами очков, те же сутулые плечи — все, что когда-то Эдмонд уже видел на университетской кафедре.

— Мистер Холл? — с улыбкой (именно с улыбкой) поздоровался профессор.— А я Альфред Штейн из Северо-Западного. Я немного занимаюсь радиоактивными элементами, и этот интерес привел меня сюда.

— Я знаком с вашей работой, профессор Штейн,— с удивившей его самого учтивостью отвечал Эдмонд,— а в 1920-м прослушал несколько курсов ваших лекций.

— Надо же. Тогда я должен вас помнить.

— Совсем не обязательно, это был общий курс лекций. Но с тех пор я тем не менее с вниманием слежу за вашей работой.

Лицо профессора просияло.

— Приятно, чрезвычайно приятно слышать такое, мистер Холл. Но, к сожалению, удается весьма редко. Так, значит, вы разделяете мою точку зрения?

— Я не проверял ваши цифры,— отвечал Эдмонд,— но выводы, безусловно, ошибочны.

Профессор поморщился.

— Давайте не будем спорить. Если кто-нибудь выдвинет другую гипотезу, я буду слушать. А пока ее нет, меня вполне удовлетворяет и моя собственная.

Эдмонд в знак согласия склонил голову и выжидательно посмотрел на профессора. А маленький человечек, близоруко щурясь и моргая ресницами, продолжил:

— Меня очень сильно заинтересовал материал, который все называют активированный свинец и который компания Стоддарта использует для нитей накаливания в своих радиолампах. Мы приобрели несколько таких ламп, извлекли из них свинец, но, по правде говоря, никто из нас так ничего и не понял. Тогда я отправился на завод Стоддарта, и там мне дали еще свинца, а кроме свинца, человек по имени Хоффман рассказывал фантастические истории, и от него я узнал ваше имя. Вот почему,— при этом маленький человечек сделал широкий жест руками,— мне ничего не оставалось делать, как пойти к вам. И я ходил к вам вот уже большое число раз.

— Ради какой цели?

— Вы не знаете ради какой цели? Ну конечно же услышать от вас правдивое объяснение этого удивительного феномена!

— Я не сомневаюсь, что, в пределах его компетенции, объяснение мистера Хоффмана было предельно точным.

— И вы называете предельно точным объяснением сказку про космические лучи и нейтрониум, в которую не поверит даже ребенок?

— Я не смогу предоставить иную версию, профессор Штейн.

— Так вы хотите сказать, что все это правда?

— Да.

— Но это же просто невозможно!

А Эдмонд в ответ лишь улыбнулся своей гадкой, покровительственной улыбкой существа высшего разума, но она впервые не вызвала ответной реакции неприязни и раздражения, ибо его близорукий собеседник вместо лица видел перед собой лишь смутное, расплывчатое пятно.

— Помилуйте, мой юный друг! Существуют же какие-то человеческие обязательства. Мы все в долгу перед развитием науки, и совершенно нечестно скрывать такое важное открытие. Лампа запатентована; вы же ничего не теряете.

— И вы думаете о том,— медленно произнес Эдмонд,— что свинец может заменить применяемый в медицине радий — лечение рака и все прочее.

— Да, я думал об этом.

— И вам бы хотелось запатентовать его применение для этих целей и ради собственной выгоды?

Маленький профессор от удивления часто-часто заморгал ресницами.

— Даю вам честное слово — даже в мыслях я бы не позволил себе...

Эдмонд испытал легкое смущение. Искренность слов профессора не оставляла поводов для сомнений.

«В первый раз я столкнулся с подлинным ученым,— размышлял он.— Встретил во времена, когда альтруизм все более становится просто красивым жестом».

И наш герой открыто взглянул на Штейна.

— Профессор, как у вас любят говорить, вы имеете все права получить объяснение. И если вы не откажетесь подняться со мной наверх, я сделаю все возможное, чтобы вручить вам эти права.

И они поднялись наверх и открыли двери темной маленькой комнаты со свинцом вместо стекол; и стоило вспыхнуть свету, как маленький профессор с любопытством закрутил головой. Мало что изменилось в

лаборатории с тех памятных Эдмонду времен: все так же покоился в обломках атомный разрушитель, стол черным выжженным пятном хранил воспоминания об атомном взрыве; а пока Штейн разглядывал останки прерывателя, Эдмонд разыскал в углу и поставил на стол маленький рефлектор.

Несколько обстоятельнее, чем для Боха и Хоффмана, он повторил демонстрацию своего изобретения. Штейн смотрел за манипуляциями Эдмонда молча и внимательно, но в момент кульминации неприлично громко рассмеялся.

— Все это и чуть больше я уже видел на заводе Стоддарта. Но они мне не дали даже пальцем тронуть прибор. Я думаю — а вы меня извините — все это ловкий фокус.

— Не стоит обижаться на их столь трогательную заботу о приборах,— сказал Эдмонд.— Если с рефлектором что-нибудь случится, кроме меня, его никто не заменит.

— И еще я бы хотел знать, как вы получаете этот так называемый нейтрониум?

И снова Эдмонд улыбнулся своей гадкой улыбкой.

— Этот секрет я вам не смогу раскрыть.

Штейн коротко рассмеялся.

— И в том, и в другом случае не смею вас винить. Если это мистификация, тогда, конечно, не можете раскрыть. А если это правда и секрет попадет в руки нашей промышленности — последствия будут опасны и непредсказуемы...

— Вы правильно поняли причину.

— А какую из двух? — спросил Штейн и снова рассмеялся.— Вот мы и снова в тупике.

— Совсем не обязательно,— задумчиво произнес Эдмонд.— На определенных условиях и в обмен на услуги я предлагаю вам этот отражатель.

— На каких условиях?

— Во-первых, вы не станете производить больше активированного свинца, чем вам потребуется для целей изучения этого прибора, ибо этот элемент так же опасен, как и всякий другой радиоактивный элемент.

— Это простое условие.

— Полученный свинец, надеюсь это понятно, не должен стать объектом продажи. Если у вас получатся какие-то излишки, вы немедленно должны их передать компании Стоддарта.

— И это простое условие.

— Вот и все.

— Но еще остались услуги.

— Да,— повторил Эдмонд,— услуги. В качестве благодарности за подарок я бы хотел получить вашу помощь в задуманных мною социальных исследованиях. Я бы хотел немного больше узнать о людях, их образе жизни, мотивах некоторых поступков, и вы проведете некоторое время в качестве моего гида и наставника. Мы будем исследовать человеческие ветви, выросшие на камнях этого города.

В конце этих слов Штейн развеселился от души.

— Со мной этот номер не пройдет. Если кто и знает о людях и их жизни еще меньше — так это я.— И тут профессор прекратил смеяться и на мгновение задумался.— Однако постойте. Я могу все устроить. Вам нужен молодой и искушенный в житейских делах спутник, кто знает город и людей, к которым вы так стремитесь. Я — старый затворник, но юношу, который окажет вам такую услугу, пожалуй, знаю.

— Я буду платить за эти услуги.

— Вы должны его знать. Он учился в Северо-Западном приблизительно в ваше время. Его отец преподает в Университете — профессор Варней.

— Да,— сказал Эдмонд.— Я помню Поля Варнея. Кроме Университета мы заканчивали одну школу.

— Я его пошлю к вам. Он пытается зарабатывать на жизнь писательским трудом и будет весьма рад дополнительному заработку.

— Я буду вам очень признателен,— поклонился Эдмонд.— Отражатель не слишком большой и не слишком тяжелый. Вы можете взять его прямо сейчас или прислать за ним в любое время.

В одно мгновение рефлектор оказался в руках профессора.

— Спасибо. Но если он откажется работать, не ждите визита Поля.

Глава восьмая
МОРСКАЯ СВИНКА

Когда по прошествии нескольких дней Эдмонд после бесцельной прогулки по берегу озера вернулся в Кенмор, там его дожидался изящный молодой белокурый посетитель, чьи чувственные губы с усилием сложились в жалкое подобие улыбки, стоило хозяину дома появиться на пороге.

— Добрый день, Поль.

Поль протянул руку, и от этого улыбка его стала еще более несчастной. Стоило лишь длинным пальцам Эдмонда сомкнуться на его ладони, как судорога пробежала по его телу.

«И странно то,— думал Эдмонд, не отпуская руки Поля,— что те немногие женщины, с которыми сталкивали меня обстоятельства, не выражали так откровенно свою ненависть ко мне.— Подумал и тут же нашел свое собственное объяснение.— Мужчины ненавидят своих хозяев, а женщины любят их».

Мужчины прошли в библиотеку, и Эдмонд указал рукой на кресло:

— Присаживайся, Поль.

Поль сел, с откровенным любопытством пробежал глазами по корешкам книг, ровными рядами выстроившихся по стенам библиотеки, немного вздрогнул, увидев череп Homo на каминной полке, и лишь тогда вспомнил о цели визита.

— Я здесь по просьбе профессора Штейна.

— Думаю, он смог объяснить, что мне требуется.

— В общих чертах. Насколько я понял, вам нужен спутник, знающий ночную жизнь Чикаго. Я решил, что вы пишете книгу.

— Не совсем так,— сказал Эдмонд, не спуская глаз со своего собеседника.— Но это станет очевидным несколько позже. Я беру на себя все сопутствующие расходы и буду платить, скажем, десять долларов за вечер,— сказал Эдмонд, и с каждым словом ощущение успеха перерастало в твердую уверенность. «Этот подойдет,—подсказывала ему вторая часть сознания.—

Это хороший экземпляр. Нервный, впечатлительный, все его чувственные реакции лежат на поверхности и не потребуют усилий в наблюдении».

— Этого более чем достаточно,— с некоторой горечью произнес Поль.— Я не могу позволить себе отказаться.

— Значит, решено. Вы потребуетесь мне на месяц или чуть больше, но, скорее всего, не на каждый вечер.— Эдмонд привычно потянулся за сигаретой; Поль неловко привстал, видимо считая аудиенцию законченной, но неожиданный вопрос заставил его снова опуститься в кресло.— Как я понимаю, ты продолжаешь писать?

— Пытаюсь, или, правильнее будет, терплю неудачу в попытке заработать этим на жизнь.

— А что пишешь?

— В основном стихи. Изредка пробовал маленькие рассказы.

— У тебя что-нибудь есть с собой?

Поль отрицательно покачал головой.

— Может быть, записная книжка? Какие-нибудь фрагменты?

С видимой неохотой Поль извлек из кармана обернутую тонкой бумагой записную книжку.

— Мне бы не очень хотелось показывать это. Здесь одни наброски и ничего законченного.

— Я не писатель и тем более не критик. Не надо бояться ни насмешек, ни плагиата; меня можно обвинить лишь в скромном желании узнать тебя. Просто пришло в голову, что один взгляд на твою работу может заменить долгие часы взаимного узнавания.

Поль протянул записную книжку, и ее листы в руках Эдмонда зашелестели с поражающей воображение стремительностью. Лишь дважды взгляд Эдмонда задержался на исписанных мелким почерком страницах несколько дольше обычного. А Поль, не сводя глаз с этих легких пальцев, беспокойно ворочался в кресле. Они всегда завораживали его — еще с детства. Не зная, чем занять себя, он взял сигарету, нервно закурил, выпустил густой клуб дыма, и в этот момент, перевернув последнюю страницу, Эдмонд захлопнул книжечку, взглянул на нее в последний раз и вернул Полю.

— Немного же вы прочли,— отметил Поль, опуская книжечку в карман.

— Я прочел все.

Гримаса недоверия промелькнула по лицу Поля, но он промолчал.

— Там есть один отрывок, который, безусловно, заслуживает продолжения,— задумчиво произнес Эдмонд.— Баллада, начинающаяся со слов:

Тяжелая поступь Тотмеса
Слышна в Абиссинии гулко.
Он местью клянется монарху,
Проклятия шлет королю.
Он в плен захватил его сына —
Любимого первенца принца,
Лишив его признаков пола
И вырвав хулящий язык...
В раба превратил он владыку,
Заставив навеки запомнить,
Что может сын Тота великий,
Ваятель божественных статуй
И идолов царства Карнака,
И Севера — Юга властитель
Великий Тотмес из Египта...

Наверное, тебя удивит, что нечто подобное действительно имело место, хотя и не совсем так, как отмечено в этом синопсисе.— Эдмонд неожиданно вскинул на Поля напряженный взгляд.— Ты мне не позволишь рассказать, как это должно звучать?

— Если считаешь, что сможешь...— Губы Поля сжались в едва различимой иронической усмешке.

И еще через мгновение, чувствуя, как поднимается и охватывает все тело холодная волна ужаса, зачарованно поплыл Поль в потоке жесткого ритма стиха Эдмонда...

— Приблизительно вот так,— сказал Эдмонд, закончив.— Наверное, потребуется некоторая шлифовка, но я не поэт и не претендую быть поэтом. Вещица твоя, пользуйся ей по своему разумению, если захочешь,— добавил он и улыбнулся.— Правда, я вовсе не уверен, что значительная часть читающей публики примет ее

с восторгом. И все же я рад отметить, что твои стихи лишены по крайней мере одного недостатка; по моему мнению, не часто в природе встретишь более никчемных существ, чем поэты, с вялым оптимизмом поющие хвалебные оды довольно жуткому биологическому процессу, что зовется жизнью.

Поль оставил странный дом в Кенморе, с легким головокружением и немалым чувством злости. Ему казалось, что в течение всего визита он подвергался удивительно изощренным унижениям и издевательствам, но каким именно, как ни старался, так и не понял.

На следующий день, в точно назначенное время, он снова появился в Кенморе, застав своего странного нанимателя в сизом тумане сигаретного дыма и книгой в руках.

— Сегодня вечером ты покажешь мне какое-нибудь увеселительное заведение,— объявил Эдмонд молчаливо ожидавшему распоряжений Полю.— Там, где играет музыка и где танцуют.

— Толпа сегодня соберется у «Спенгли».

— «Спенгли» подойдет,— милостиво согласился Эдмонд.— Я уже бывал там однажды.

— Тогда к чему мои услуги?

— Ты будешь для меня комментировать.

Быстро набирая скорость, длинный родстер, как капля ртути, плавно и естественно влился в суетливый поток автомобилей; и Поль восторженно отдался ощущению скорости и движения, и порой ему начинало казаться, что машина так же послушна и гибка, как послушно может быть тело живого существа.

В «Спенгли» они заняли скромный угловой столик, откуда, как из тайного наблюдательного пункта, могли обозревать всю блестящую панораму зала. Оркестр отдыхал, и шум голосов, и взрывы смеха оглушили их. Не зная, что от него может потребоваться, Поль молчал и немного нервничал. Эдмонд курил, равнодушно оглядывая соседние столики. Подошел официант, и они заказали.

Но вот на одной протяжной ноте всхлипнул саксофон, рассыпалась дробь ударных, оркестр ожил. Несколько пар встали, за ними потянулись остальные, и вот уже

ранее свободный центр зала наполнился танцующими парами. Вокруг красивые молодые люди; юбки девушек, еще в прошлом году касавшиеся пола, сегодня, кажется, не существовали вовсе, а сами девушки двигались с красотой и грацией, на которую способна лишь очаровательная молодость. Изящно покачиваясь в объятиях партнера, какая-нибудь девушка вдруг на мгновение попадала в поле их зрения и тут же снова скрывалась в тесном кругу танцующих, а на смену ей появлялась другая, не менее очаровательная и юная. Поль следил за ними с выражением явного удовольствия, а Эдмонд — с оттенком критического скептицизма.

— Ты любишь танцевать, Поль?

— Странный вопрос. Конечно.

— А в чем кроется причина твоего наслаждения?

— Пожалуй,— в голосе Поля почувствовалось легкое замешательство,— это наслаждение от единства с музыкой, поэзией, мелодией и ритмом. Человек обычно получает удовольствие от гармонического слияния звука, движения и ритма. Тебе становится хорошо, когда чувствуешь, как легко и свободно подчиняется тебе каждый мускул твоего тела.

— Расскажи мне о каждом из этих чувств, представив, что мне они совершенно чужды, как могут быть чужды существу с другой планеты.

«Ты и есть с другой планеты или законченный идиот»,— подумал про себя Поль, а вслух продолжил:

— Танец по праву можно отнести к разряду искусства, ибо как всякое искусство он создает ощущение прекрасного, с той разницей, что его испытывают лишь непосредственные участники. В области искусств танец, с одной стороны, граничит с драматическим искусством, а с другой — сливается в неразрывное целое с произведениями скульптуры и живописи. Это мимолетное искусство, умирающее в секунды его созидания, такое же, как затихающая с последним аккордом музыка джаза. И при всем этом самое распространенное, ибо для многих является единственным доступным способом самовыражения в прекрасном.

Эдмонд, который все это время следил за ходом мысли своего гида с явным, сосредоточенным вниманием,

резким движением раздавил в пепельнице сигарету и улыбнулся. А Поль вдруг подумал, что каждая улыбка этого человека становится усмешкой, видимо, по причине каких-то нарушений лицевых мускулов. «Просто Гуинплен какой-то»,— решил он.

— Вот, что думаю я,— холодно начал Эдмонд.— В основе танца, каким бы он ни был, заложено сексуальное влечение, подобное сексуальному влечению в брачных танцах птиц. А что касается этого зала, то танец здесь — есть чистейшее выражение сладострастных эмоций. И удовольствие проистекает от чувственного соприкосновения прижимающихся друг к другу тел, и притягательно еще и тем, что тайное можно совершать открыто. Танец есть скрытое выражение победного триумфа чувственности над условностями общества.

Поль улыбнулся:

— Ни одна из женщин никогда не согласится с этим.

— Да, и лишь потому, что женщина должна выражать страсть помимо ее воли. Для того чтобы преуспеть, для того чтобы быть желанной для мужчины, женщина, скрывая свои истинные намерения, должна делать вид, что уступает ему. Вот в чем заложена природа так называемой мужской притягательной силы,— и выпустив густой клуб дыма, Эдмонд закончил: — Существующие тонкие условности во взаимоотношениях мужчины и женщины как раз и строятся на этом факте.

— Да, возможно, ты прав. Но я все же остаюсь при своем мнении, что в танце живет истинная красота, своего рода поэзия движения, не связанного с сексом. Тростник, склоняющийся под упругими ударами ветра, волнующееся поле колосьев пшеницы — все это удивительно поэтично и мило.

— Ну конечно! Ты говоришь о тростнике, а сам представляешь волнующиеся бедра женщины.

Поль пожал плечами и сделал вид, что увлеченно разглядывает танцующие пары. И вдруг он что-то заметил. Краешком глаза Поль продолжал наблюдать за Эдмондом, и ему опять показалось, что его компаньон каким-то странным образом начал раздваиваться; что на него смотрят два лица, что две пары глаз неотрывно следят за каждым его движением. Поль испуганно

вздрогнул, и видение пропало — все тот же Эдмонд с легким прищуром янтарно-желтых глаз, выпуская струю сигаретного дыма сквозь слегка приоткрытые губы, изучающе разглядывал волнующийся танцевальный зал. Слабая тень какого-то чувства мелькнула на его всегда каменно-невозмутимом лице — забава, презрение, триумф? Поль не смог определить, каким именно было это чувство, ибо новая порция густого дыма скрыла от него лицо Эдмонда... «Наверное, мне показалось из-за света»,— решил он и снова повернулся к танцующим.

Знакомая головка, в обрамлении иссиня-черных коротко подстриженных волос, привлекла его внимание. Девушка оглянулась через плечо и улыбнулась, узнавая.

— Ванни, привет,— взмахнул рукой Поль.

Медленный поток танцующих вынес Ванни ближе, она увидела Эдмонда и слегка кивнула.

— Приходите за наш столик,— успела сказать она и скрылась в медленном водовороте танцующих пар.

Музыка смолкла, и Поль видел, как партнер Ванни провел ее, придерживая за локоть, к дальнему от них столику. Эдмонд с видимым равнодушием смотрел на Ванни. На самом деле его очаровала грация, с какой двигалась эта девушка; в ней чувствовалась дерзость и независимость — тип характера, который ему всегда импонировал.

— Это малышка Ванни Мартен. Ты ее должен помнить еще по школе. Мы пойдем за их столик?

— Я помню ее. Нет,— коротко ответил Эдмонд.— Хотя ты поступай, как знаешь. Всего этого на сегодняшний вечер более чем достаточно, я ухожу.— Он позвал официанта и расплатился по счету.

«Ну и как по-твоему,— задал себе вопрос Поль, глядя в спину удаляющегося нанимателя,— что он извлек для себя за этот вечер стоимостью в десять долларов?»

В несколько смятенном состоянии духа Поль побрел к столику Ванни.

— Привет, Поль. И что ты делал с этим типом?

— Привет, Уолтер. Моя новая работа. Таскаю за собой для знакомства с ночной жизнью.

Ванни звонко рассмеялась.

— Все, пропали мои ночки. Ну не переживай так, я как-нибудь устроюсь,— она шаловливо улыбнулась и пропела:

Жил на свете мудрый Пол.
И друзья ему велели
Снять для них в Чикаго холл.
Но случилось, что местами
Поменялись холл и Пол.
Оказалось, это Пола ненароком нанял Холл.

Уолтер смеялся несколько громче, чем позволяли приличия, ибо уже чувствовал прилив возбуждения, вызванного алкоголем. Поль не принимал участия в общем веселье и лишь несколько смущенно улыбался. Закончив смеяться, Уолтер под столом наполнил стакан, протянул его Полю и потянулся за почти пустым стаканом Ванни. Улыбкой и жестом девушка показала, что ей достаточно.

— Пьянству — бой,— прокомментировал Уолтер.

— Нет, простое желание держаться в норме.

— А как ее узнать, эту норму?

— Методом проб и ошибок. Правда, предпочитаю учиться на чужих ошибках.

— Умненькая девочка. Но, к сожалению, система не по мне. Кроме того, что в большом количестве делаю свои, у меня хватает соображения повторять и чужие.

Почти пустой стакан Поля наконец оказался на столе. А сам Поль продолжал находиться все в том же мрачно-задумчивом оцепенении.

— Что с тобой, Поль?— повернулась к нему Ванни.— Потерял дар речи, слушая наши блистательные откровения?

Поль жалко улыбнулся.

— Никак не могу выбросить его из головы. Он такой... ненормальный, что ли,— ненормальный и физически, и духовно.

— У тебя будет интересная работа.

— Да, скучать не придется! — одним глотком Поль прикончил остатки из своего стакана.— Вот ты у нас, Ванни, умненькая девочка, ты прекрасно сочиняешь экспромты и всякие каламбуры, но ты бы послушала,

что я слышал вчера вечером. Этот Холл, он выдал мне за несколько минут тысячу строк, чтобы просто показать, как это делается.

— Получилось хорошо?

— Это было страшно! У этого человека мозг такой же быстрый и изощренный, как его змеиные пальцы!

— Ты знаешь, я бы с ним снова познакомилась.

— С моей помощью — никогда! — сказал Поль, и какое-то мрачное предчувствие шевельнулось в его душе. Он заглянул в темные глаза Ванни и не увидел в них столь знакомого выражения безмятежного покоя, ибо сейчас в них тлел едва приметный огонек возбуждения и любопытства.

— Ну что с тобой, Поль? Я никогда не видела тебя таким расстроенным. Неужели какой-то человек мог так на тебя подействовать?

— Да-а,— протянул Поль, и плечи его вздрогнули.— Но он же не человек!

Глава девятая
СУЕТА

Несколько недель, если не брать в расчет случайных перерывов для решения текущих дел, Поль и Эдмонд повсюду появлялись вместе. Вдвоем они, кажется, побывали во всех сферах рая развлечений: отели, кабаре, ночные клубы — все это гостеприимно распахивало перед ними свои двери. Они прослушали бесчисленное количество танцевальных оркестров, нескончаемая вереница танцующих пар прошла перед их глазами, они выкурили смертельное количество сигарет, и никто бы не отважился заявить, что выпитое ими количество дрянной водки было незначительным. Дни пролетали, сменяясь неделями, а Поль так и продолжал оставаться в смятенном состоянии души. Совершенно очевидно, что его наниматель не испытывал желания окунуться в эту атмосферу в одиночестве, но главное, что Поль никак не мог понять смысла своего участия в этой погоне за развлечениями. Время от времени, и это правда, Эдмонд просил его пояснить какие-то незначи-

тельные детали происходящего, но большей частью их разговоры касались вопросов скорее теоретических, никоим образом не связанных с происходящим. Примером тому мог стать один из вечеров, проведенных в «Венеции у Келси». Они обсуждали человека-творца, человека-гения.

— Великие люди становятся великими,— заявлял Поль,— благодаря ошеломляющему в своей силе импульсу прозрения. Ни один человек не может стать великим, просто желая того. Гений обязан не только иметь свое особое строение мозга и нервной системы, но любить мир и воспринимать его с универсальной, общечеловеческой позиции. Гений неразрывно связан с окружающей его действительностью, и выражение его гениальности находит мгновенный отклик. Это величайшее из наслаждений, дарованных человеку.

На что Эдмонд лишь иронично-пренебрежительно усмехался.

— Все твои предпосылки ложны, за исключением, пожалуй, биологических,— говорил он.— Великие люди становятся великими лишь потому, что того жаждут; вот что является двигательной пружиной, твоим ошеломляющим по силе импульсом. Более того, гений не тождественен жизни, не является выразителем универсальной идеи, более того, он не приспособлен к ней и обладает в высшей степени взглядом индивидуальным. И творение гения не величайшее доступное человеку счастье. Вспомни женщину, рожающую в боли, муке и унижении. Гений всегда несчастен, у него нет своего места в этом мире, он не приспособлен к своему окружению, и, как следствие, он всегда психически ненормален.

— Называть гения сумасшедшим — значит уподобиться мнению толпы.

— Нет, я сказал психически ненормален, и не моя вина, что в сознании толпы это определение является синонимом сумасшествия. Используя твою терминологию, скажу, что в большинстве случаев гениальность — есть следствие гигантски развитого чувства собственной неполноценности. И не забывай, что гений всегда мужского рода.

— Сегодня это звучит смехотворно. В идеи Шопенгауэра давно уже никто не верит, они дискредитированы.

— Поколением феминистов. Как много великих женщин помнит история? И из этого ничтожного количества сколько их не строило свою судьбу через влияние на мужчину или многих мужчин?

Поль на короткое мгновение задумался.

— С этим я, пожалуй, не буду спорить. Но в большинстве случаев это проистекало из исторически сложившегося социального и экономического неравенства в положении женщины. Отсутствие свободы, недостаточность образования, часто помимо ее воли раннее материнство — вот те обстоятельства, которые, угнетая, воздействовали на женщину. Сегодня всем этим запретам и ограничениям приходит естественный конец.

— И опять неверные предпосылки. Мужчинам приходилось бороться с такими же и гораздо большего порядка трудностями. Ты и сам назовешь сейчас сотни имен тех, кому удалось сломать, казалось, непреодолимые барьеры на пути к свободе и знаниям.— Эдмонд замолчал и, словно оценивая, вскинул на Поля пронзительный взгляд своих янтарно-желтых глаз.— То, что ограничивает женщину, что не допускает возможности обрести величие, заложено в физиологии этого пола.

— Ты подразумеваешь более деликатное строение женского организма?

— Отнюдь, я говорю об ее яичниках — вот куда направлены все ее творческие порывы.

— Однако существовала еще и Сапфо.

— Конечно. Сапфо — богиня феминизма. Идол, которому поклоняются все феминисты. Сапфо — порождение утренней зари человечества, робкий луч света, мелькнувший в предрассветном тумане.

— Как ты объяснишь ее феномен?

— Никак.

— Тогда чего стоит твоя теория?

— С моей теорией все в порядке. Разве ты, я или кто-нибудь другой может достоверно утверждать, что

все творения Сапфо действительно принадлежат ей? Где доказательства того, что она действительно была женщиной? Но даже допуская это, допуская, что ненормальная, а значит, отмеченная печатью гениальности Сапфо — исключение из моего правила, все равно остается справедливым утверждение, что женщина обладает меньшим творческим потенциалом по сравнению с мужчиной. Меньшим в способности создавать средства познания, и тут я повторюсь, ибо как никто иной преуспела в создании самой жизненной субстанции.

В спорах, в провозглашении истин, не совместимых с общими представлениями, не способных вызвать ничего, кроме отвращения у человеческого существа с его одномерным восприятием, продолжался эксперимент исследования характера подопытного экземпляра по имени Поль Варней. Как напильник в опытных руках легко снимает слой ржавчины, обнажая блестящую поверхность металла, так и беспощадный в своем могуществе интеллект Эдмонда слой за слоем срывал с души Поля «ржавчину» условностей, обнажая природную наготу ее естества. Всему приходит свой конец, близился к своему завершению и этот злой эксперимент. Эдмонд выдвинул гипотезы, поставив опыты, проверил их правильность и остался доволен результатом. Феномен Поля Вернея был не чем иным, как многофункциональным механизмом, приводимым в движение вожделениями, страхом и в гораздо меньшей степени логикой здравого смысла.

Подобно играющему с куклой ребенку, Эдмонд взводил пружинки часового механизма души Поля и забавлялся наблюдением результатов. И чем больше забавлялся, тем сильнее поднималась в нем тщеславная уверенность, что в пределах своих знаний и могущества он может управлять поступками этого человеческого существа с такой же простотой и легкостью, как некогда с такой же простотой и легкостью управлял действиями обезьянки Homo.

И от этой уверенности почувствовал себя ужасно несчастным. Все равно как в изобретенной китайцами камере пыток, где нельзя ни лечь, ни встать. Ничто в

этом мире не открывало ему возможностей преодолевать трудности на последнем пределе возможного. Все давалось слишком просто — ему не было здесь равных.

Знания! Подобно одинокому путнику в тщетном стремлении достичь горизонта, и он мог пуститься в бесконечную погоню за ускользающей реальностью знаний. Но ради чего? Обретенные знания о человеке оказались ему бесполезными. Чем могло обогатить его душу существо по имени Поль Варней? Ничем...

И снова лицом к лицу оказался Эдмонд со своим горьким выводом: «Стремление к знанию есть самое бесплодное из всех устремлений. Мечта с отрицательным результатом, ибо чем больше познает человек, тем меньше знает».

Глава десятая
ЛЮЦИФЕР

«Кто, я? — снова спрашивал себя Эдмонд.— Несомненно, я другой, чем Поль, но и без всяких сомнений могу утверждать, что тоже мужчина. Я не человек в общепринятом смысле этого определения, ибо обладаю качествами и достоинствами, во много раз превосходящими человеческие. И все же я сродни человечеству, ибо по внешности и физиологическому устройству близок к нему. Но, отбросив внешние черты сходства, я должен считать себя чужим для этой планеты. И если в среде ее обитателей я в своем роде уникум, то должен думать о себе, как о сказочном детеныше эльфов или как о марсианине, заброшенном на эту планету неведомой силой».

Так думал Эдмонд, в праздном созерцании коротая время в своем любимом кресле, напротив черепа обезьянки Homo, и ее пустые глазницы, наводя на новые мысли, настойчиво привлекали его взгляд.

«Твоя кровь течет и в моих жилах, Homo,— продолжал он ленивые размышления.— Во всех отношениях мы ростки одного корня. Мой череп — это твой череп, ставший лишь более вместительным. Мои руки — это твои руки, добившиеся необычайной искусности. Моя

душа — это твоя душа, впитавшая опыт поколений; и моя скорбь — это твоя радость обретения разума. Ты — неопровержимое доказательство моих земных корней, нет видимых противоречий в единстве наших кровных уз, мы — одна семья с одной родословной».

И снова мучил Эдмонда Холла короткий вопрос: «Так кто же я?» И два его сознания, постигая, играют проблемой, выворачивают ее, разглядывают с разных сторон, пробуя найти отправную точку для логических построений.

«Если происхождением своим я обязан человеческой расе, то существуют три варианта ответа, три вероятностные возможности. И первая из них: во мне чудесным образом обрели второе рождение атавистические черты великой древней расы, на заре человеческой эры слившейся с человечеством и растворившейся в нем. Вторая: я не больше чем простая случайность, единственная в своем роде, и не имеющая никого значения. Шутка природы, несчастный случай, без корней и без влияния на мир, расположенный вне сферы действия законов случайных величин. И третье: я предтеча, явлением своим я предвещаю пришествие новой, могучей расы. Я — сверхчеловек, рожденный раньше назначенного ему времени. Решение моей загадки распадается на разрешение загадок прошлого, настоящего или будущего».

И он продолжал: «Я отбрасываю первое по соображениям логики, ибо могущественная раса древности должна была оставить на земле, носившей ее, отпечаток своего пребывания, но нигде в мире я не видел древних руин, кроме тех, что оставило за собой человечество. Египет, Вавилон, Греция, Индия, Юкатан — все эти руины — вот что оставила история как воспоминание о древних народах.

Я отбрасываю второе по соображениям этики, ибо горд и не имею других чувств к окружению своему, кроме горького презрения. И если случайным было мое рождение, разве не испытывал бы я чувство зависти к этим другим существам, помещенным здесь природой по ее желанию и под ее добрым покровительством? Отличие мое стало бы источником стыда, а не началом гордыни и высокомерного презрения.

Остается третья возможность — идея будущего. И коли я отринул первые две, значит, должен признать последнюю и уверовать, что я предвестник прихода новой расы, предтеча заката эры человеческой. Я — Враг, чье призвание — уничтожать; я заменю собой человечество; я — живое воплощение будущего».

И он взглянул на Homo и встретился своим задумчивым взглядом с пустым, безжизненным и одновременно презрительным взглядом пустых глазниц.

«Я для Человека тот, кем Человек был для тебя, Homo. Я тот, кого возлюбят поклоняющиеся дьяволу, как в страхе перед неумолимыми силами, недостойными их понимания, и твои сородичи возлюбили Человека дьявола. Ибо кем еще может быть для Человека его уничтожитель, его Враг? С точки зрения человеческой я — воплощение зла. Я — Сатана!»

Книга II
ВЛАСТЬ

Глава первая
НЕДОЛГАЯ ПОГОНЯ ЗА ВЛАСТЬЮ

Под вечер одного из плывущих длинной чередой неприметных дней наш герой гнал машину по, казалось, бесконечным окраинам расползающегося вширь города-монстра. На какое-то время ощущение мощи и скорости послушно несущегося вперед автомобиля развлекало его, отвлекая от обычных мрачных мыслей. Эдмонд почувствовал неописуемый прилив возбуждения, словно это не машина, а усилия собственного тела несли его вперед быстрее ветра и мысли, пока и это ощущение не исчезло бесследно. И тогда наш герой сбросил скорость, позволив машине лениво и бесцельно скользить по белому бетону шоссе. Здесь шоссе шло параллельно озеру, и иногда в просветах между деревьями Эдмонд видел, как острым трепещущим светом вспыхивает его гладь в лучах уже невысокого солнца. Из объятий шоссе вырывалась ведущая прямо к озеру узкая боковая дорога, и он наугад свернул на нее и ехал в густой тени тесно обступивших дорогу деревьев. Теперь дорога шла прямо над озером, по краю отвесной стеной уходящего к воде маленького обрыва. Эдмонд свернул на обочину, вышел и бесцельно зашагал к обрыву.

Долго он смотрел на нескончаемый бег волн, чей глухой, неумолчный ропот в созвучии с меланхоличе-

скими струнами его души навевал унылую тоску. Затем Эдмонд прилег на поросший травой земляной склон, раскинул руки и посмотрел на небо сквозь ветви дерева, смотрел и каждой клеточкой тела ощущал свое меланхолическое состояние. И он подумал, что тщетность была уделом всех его усилий; и еще думал, что мог добиться и взять все, что пожелает, но он не знал в этом мире того, чего стоило бы пожелать. Даже знание и стремление к нему разочаровали его. Так что же остается?

Любая земная власть возможна для него, стоит лишь протянуть руку и зажать ее в кулаке. Несколько коротких мгновений Эдмонд забавлялся родившейся идеей, рассматривая возможные средства и строя наброски планов. В пределах возможного несколько путей к видимой цели представлялись ему открытыми. Эдмонд мог стать сказочно богатым и обрести финансовое и экономическое могущество. Создание абсолютного оружия сделает его мировым диктатором. Как в те далекие века, когда сознание человека лепили, как воск, он мог стать властелином душ — мессией новой веры. А если взять за основу эти три плана, можно найти разумную комбинацию... И об этом он тоже думал.

Но более остальных ему нравился второй — самый сложный в осуществлении план. Технические задачи изобретения оружия с вытекающими отсюда социальными проблемами предоставляли широчайшее поле деятельности для его нерастраченной энергии. В возможностях своих он не сомневался, ибо планы стратегических действий были уже ранее продуманы до деталей, и оставалось лишь принять решение, каким путем он пойдет к достижению цели. И именно выбор стал неразрешимой проблемой, его камнем преткновения, ибо, испытав крушение надежд, более всего страшащийся скуки бесплодного бытия, наш герой понимал, что не хочет власти над человеческими существами. Он не испытывал к ним ненависти, но и не любил так сильно, чтобы стать пастырем.

Взгляд его рассеянно скользнул по траве, и возле своих ног он увидел холмик муравейника — жилища маленьких, суетливых существ, которые без устали

сновали по важнейшим делам продолжения своего рода.

«С одинаковым успехом ты можешь назвать себя императором вот этого»,— подумал Эдмонд, носком ботинка подковырнул немного песка и смотрел на сумятицу, которую вызвали причиненные этим действием разрушения.

«Ничтожные твари боятся меня так же сильно и знают обо мне так же мало, как и люди. Какое удовлетворение получу я, став властелином их судеб?»

И не найдя ответа, закончил в глубокой печали: «И если разумный муравей признает мою власть над его собратьями, то человек, безропотно подчиняющийся власти себе подобных, осмеет и будет противиться моему могуществу над ним. Каждая вещь в мире существует такой, какой ты ее представляешь,— это истина, в отрицании абсолютных истин ставшая сама абсолютной».

Он снова лег на траву и смотрел, как в погоне за Солнцем катится на запад бледный шар Луны.

«Я могу покойно лежать на твердой земле,— думал он.— Солнце и Луна вращаются вокруг меня, мир и спокойствие царят вокруг. А теперь попробуем изменить точку зрения».

И он снова посмотрел на Луну и увидел в ней небесное тело, с ревом рвущее пространство, и попробовал создать зримый образ своего места в ближайшем космосе. И в одно мгновение разрушился его мир, ибо более не лежал он в покое на поросшем нежной травой склоне холма, но, вцепившись в поверхность огромной сферы, летел с леденящей душу скоростью во мраке вечной ночи, а где-то на неподвластных разуму расстояниях, в гигантском безумстве хаоса, проносились другие — такие же огромные планеты кружились в вихре бесконечной бездны Вселенной — вспыхивали огненной энергией и гасли, умирая, чтобы снова возродиться в огне. И он летел вместе с ними — маленькое насекомое, ничтожный клещ, вцепившийся в крохотный атом пространства, и рядом, подчиняясь слепой игре космоса, продолжали безумную пляску колоссы мироздания, отбрасывая тени на его жалкое ничтожество.

Медленно кружась, падал с дерева сухой лист, и стоило проводить взглядом его невесомый полет, как прежнее видение мира стало возвращаться к нему. Солнце и Луна прекратили бешеный танец, поплыли медленно, величаво, казалось, совсем рядом. И он очнулся от наваждения, отбросил страх, но все еще сотрясала тело дрожь, а скрюченные пальцы цеплялись за мягкую землю в безумном желании не расстаться с ней в этой безумной гонке.

Эдмонд сел, закурил сигарету.

«Вот она, бездна, в которой танцует все. Что в сравнении с ней мечты о власти».

И, вздохнув тяжко, начал думать о двух тщетных попытках обрести счастье.

«Дорога к Познанию,— сказал он себе,— даже если в начале пути будет прямой и верной, пройдет время, и все равно затеряется в извилистом лабиринте окольных путей, и там заблудится путник. Или приведет в бескрайнюю пустыню, по которой сколько ни иди, никогда не достигнешь цели. А дорога к Власти закончится у глухой стены и такая будет короткая и прямая, что, где бы ни стоял, из любой точки увидишь ее конец, и потому нет смысла начинать этот путь».

И еще до конца не родившимся отверг Эдмонд Холл желание стать завоевателем мира, и воспоминания об атомном разрушителе, родившие план создать способное перевернуть планету абсолютное оружие, снова канули в небытие законченного и забытого эксперимента. Сколько великих идей погибает при их зачатии, сколько человеческих гениев умирает непризнанными?

«Своего рода интеллектуальная мастурбация,— подумал Эдмонд.— Семена моих идей чахнут, не принося всходов».

Неужели осталась одна пустота? Неужели все пути отрезаны для него навечно? Или бесплодная борьба с серостью бытия это битва с туманом? Лишь на мгновение разойдется серая пелена от удара, чтобы снова сомкнуться за спиной...

«Лишь один неизведанный путь остался для меня, хотя по природе своей не слишком приспособлен я по

нему странствовать. Счастье в наслаждении. Удовлетворение чувств. Это в погоне за прекрасным означает приобретение нового для меня сексуального опыта. Ну что же, я не против».

Он поднялся с земли, медленно и тяжело стал подниматься по склону к машине — карикатурный анахронизм, родившийся не в свое время.

«Поль должен послужить мне в этом,— думал он.— Поль сведет меня с женщиной».

Книга III
В ПОГОНЕ ЗА НАСЛАЖДЕНИЕМ

Глава первая
СЕМЕНА ПОСЕЯНЫ

— Хоть минуту ты можешь меня послушать, Ванни! — протестуя и умоляя одновременно, воскликнул Поль.— Я говорю более чем серьезно, и ты обязана ответить.

Ванни перестала мурлыкать глупый куплетик и с озорным выражением на лице повернулась к Полю.

— Хорошо. Ответ мой — может быть.

С мгновение Поль балансировал на грани гневной истерики, потом отчаянно всплеснул руками и бросился к окну. За спиной его весело хохотали. Некоторое время он смотрел, как в ореоле света от уличного фонаря кружится, изображая из себя ужасного дракона, летучая мышка, потом резко повернулся и посмотрел на притихшую, но все еще улыбающуюся девушку.

— В искусстве пыток тебе нет равных,— сказал он.

Забавляясь с огромных размеров черным персидским котом, Ванни сморщила носик.

— Ты только послушай его, Эблис. Он оскорбляет твою хозяйку.— И глядя в глаза Полю, добавила со смешным вызовом: — Ты прав, дорогой, я училась у Торквемады.

— Училась! Да ты его сама чему угодно научишь!

— Не рычи на меня, милый. Ведь я прошу такую малость — не делать глупостей.

— Опять! Что с тобой происходит, Ванни? Видит Бог, я люблю тебя, и, мне всегда казалось, я для тебя тоже что-то значу. Почему ты так жестока?

— Я думала, что еще в прошлый раз мы договорились к этой теме более не возвращаться.

— Но почему, почему?

В ответ она одарила его еще одной смешной гримаской:

Девушка сказала: «Наконец,
Ты зовешь меня с собою под венец.
Только свадебных не вижу я колец.
Ты меня поуговаривай немножко,
И тогда к тебе в постельку
Я найду дорожку».

— Ванни, ты просто невозможна!

— И я про это, Поль. На то, что есть у меня, вдвоем с комфортом не проживешь, а у тебя и того меньше.

От такого откровения Поль как подкошенный рухнул на диван, до смерти напугав несчастное животное, которое, поджав хвост, черным клубком скатилось на пол.

— Думаю, ты опять права,— простонал он, закрывая лицо ладонями.

Легкая тень сострадания промелькнула на лице Ванни, она потрепала несчастного по плечу и, видя откровенное проявление столь безутешного горя, даже погладила по светлым волосам.

— Не расстраивайся так, миленький. Заболел — еще не умер. Если сберег честь — значит не все потеряно.

Поль вскинулся, как от удара.

— Очень хорошо, но я тебя честно предупреждаю. И этому придет конец, Ванни! Ты все равно будешь моей.

Она уронила ему на плечо свою маленькую в ореоле иссиня-черных сверкающих волос головку.

— Я тебе разрешаю, милый,— добивайся меня, добивайся насколько хватит сил.

Поль обнял ее, притянул ближе, и некоторое время они молчали. Понимая, что Полю никак не избавиться от своего тягостного состояния, что он мрачен и угрюм, Ванни решила переменить тему.

— Как твоя ночная работа, Поль?

— Слава Богу, закончилась.

— Выгнали?

— Нет, сам бросил. Не мог больше терпеть.

— А почему не мог терпеть?

— Что-то мерзкое в этом парне, Ванни. Что-то очень мерзкое. Или он просто сумасшедший, или... я не знаю, но вижу и чувствую в нем какое-то чудовище. Эти змеиные руки, лицо, улыбка его гадкая...

— В школе мне его руки казались очень милыми.

Поль промолчал. Он продолжал дуться, что-то тяжелое, мрачное тяготило его. Ванни опять посмотрела на него с жалостью.

— Что с тобой происходит, Поль?

— Ничего, что стоит рассказывать.

— Не будь глупцом. Я не ханжа и иногда кое-что способна понять.

— Все это так глупо, Ванни, но я боюсь Эдмонда Холла.

— Боже упаси, но почему? Ты же его можешь прихлопнуть одной ладонью.

— Понимаешь, я бросил работу потому, что отказался привести его... сюда.

Недоумевая, Ванни какое-то время изучала расстроенное лицо своего кавалера, а потом, не выдержав, расхохоталась.

— Боже, как будто раньше ты сюда сумасшедших и полных кретинов не приводил и твой Холл будет первым!

— Хорошо,— снова помрачнев и не разжимая губ, процедил Поль.— Ты его получишь, но без меня.

— Ну к чему эти сцены? Почему бы не привести его сюда просто так, по-приятельски. Ты же ведь у нас не ревнивый без причин, авансом?

— Нет! Ревнивый!

Ванни снова рассмеялась, но уже несколько ядовито.

— Но не так, как ты подумала,— сказал Поль.

— Ну конечно нет, дорогой.

— Пожалуйста, Ванни, у меня и мыслей таких не было, что ты сможешь им увлечься! Он же начисто лишен какой-либо сексуальной привлекательности.

— Тогда что тебя напугало?

— Не знаю,— вздохнул Поль,— кроме ощущения, что он накличет на нас беду. У него воронья душа, и она каркает, каркает при каждом его слове.

— Это надо же! — воскликнула Ванни.— Тогда твоя душа — душа суеверной старухи,— и никогда ты не станешь чемпионом по карканью.

Она отбросила его руку, встала с дивана, развернулась на каблуках и присела в маленьком книксене.

— Вставай, Поль. Включай приемник, будем танцевать.

— Нет настроения.

Ванни вихрем пронеслась к приемнику, покрутила ручку настройки, и синкопы танцевального ритма наполнили комнату. Медленно кружась, она подплыла к Полю, схватила за руки, преодолевая не слишком яростное сопротивление, заставила встать, обнять себя, и, подчиняясь ритму музыки, они заскользили в танце.

— Поль,— она откинула назад голову, чтобы видеть его лицо,— почему ты не хочешь привести его сюда?

— Никогда!

— У тебя не может быть причин для ревности, дорогой. Я просто снова хочу с ним познакомиться.

— Но только не с моей помощью!

— Ну почему ты такой злой!

— Если хочешь его видеть, пожалуйста, приглашай сама.

— Это будет выглядеть немножечко нахально. Десять лет я его не замечала и вдруг...— Они продолжали кружиться по комнате.— А может быть, я так и сделаю...

Глава вторая
СЕМЕНА ДАЮТ ВСХОДЫ

Эдмонд равнодушно перенес предательство Поля. Разве можно обижаться на дождь, ветер, силу тяжести или иные проявления естественных сил природы. Более того, он даже предвидел нечто подобное, ибо при

раскопках души Поля обнаружил некие зерна чувств, которые взошли в итоге ростками непослушания. Но благодаря некоторым достоинствам собственной натуры, постоянной угрозе оказаться один на один со скукой и определенно присутствующему в нем чувству упрямства Эдмонд Холл решил не отказываться от Ванни как объекта страсти. Склонный всякий раз подвергать мотивы своих поступков безжалостному и скрупулезному анализу, он с удивлением пришел к выводу, что дело не только в упрямстве, ибо с эстетической точки зрения рассматриваемый объект притягивал его, оказывается, несколько сильнее, чем предполагалось первоначальным планом.

«Кажется, я сплел паутину лишь для того, чтобы самому в ней оказаться»,— иронично заметила одна часть его сознания, чтобы тут же услышать категоричное возражение второй:

«Мне вполне по силам справиться с любой, тем более созданной мною самим западней».

Итак, объект был определен, и оставалось только решить задачу возрождения былого знакомства. Естественно, что в глазах объекта встреча должна носить характер совершенно случайный и никоим образом не выдать ее тщательную подготовку. А если встреча предполагает быть случайной, значит, и детали определять Его Величеству Случаю.

В течение нескольких дней Эдмонд Холл каждое утро проезжал мимо автобусной остановки на Шеридан-роуд, но Ванни на ней так и не встретил. Однажды ему показалось, что он увидел, как девушка садится в шумно пыхтящий, неуклюжий автобус. До остановки оставалось довольно приличное расстояние, и он не стал преследовать ее. Элемент случайности в таком варианте пропадал, а он хотел соблюсти задуманные формальности.

Ничего не оставалось, как обогнать автобус и найти логичное объяснение своей нерешительности: «Без сомнения, Поль рассказал девице о моем предложении; пусть ее самолюбие будет польщено проявленным интересом, а значит, тем больнее будет укол от его неожиданного исчезновения. Встреча все равно неминуе-

ма, так пусть она пройдет, по крайней мере, в атмосфере взаимного внимания». Так решил он, свернув на боковую улицу, вышел из машины и большую часть дня провел за наблюдением стаек рыбьей мелочи в пруду Линкольн-парка. Он лениво передумал всякие случайные мысли и даже некоторое время развлекался изобретением подвига, который стал бы невозможен в этом мире Материального.

«Все в этом мире возможно,— вынес Эдмонд заключительный приговор,— но заплатив определенную цену и затратив определенное время. И чем больше времени, тем меньше окажется цена. Другими словами — что может произойти, то обязательно произойдет. Фламмарион где-то подбирался к этой истине, но его рассуждения о вечности прошлого и будущего, безусловно, носили ошибочный характер».

Не погрешив против истины, не станем утверждать, что встреча для Ванни получилась совершенно неожиданной, хотя обстановка того вечера не предвещала событий ярких и удивительных. Они сидели с Уолтером Нусманом за привычным столиком на двоих в ресторане «Венеция у Келси», и оркестр, уютно устроившийся в стилизованной гондоле, наигрывал что-то грустное.. Сегодня личико Ванни разрумянилось несколько больше обычного, да и глаза поблескивали не так, как всегда,— четыре хайбола из вместительной фляжки Уолтера сделали свое дело. Сам Уолтер уже начал слегка беспокоиться, ибо Ванни нечасто позволяла себе столь вольное поведение и в описываемый момент была занята тем, что приканчивала уже пятый стакан... А «вечер был еще так юн».

— Перестань переживать из-за него, Ванни. Поль придет — придет непременно и очень скоро.

— Послушай, папик! Мои переживания — это моя личная и никого не касающаяся собственность. А чтоб ты знал, я вовсе ни о ком не переживаю.

— Какая кошка между вами пробежала? Я, человек уже давно не молодой и в этих делах опытный, всегда считал, что вы очаровательно смотритесь вдвоем.

— А мы расплевались. И еще я не хочу быть ни с кем в паре. Потому что я настоящая пьяница!

— Да-а?

— Он был за ограничения в торговле, а я — за закон Шермана — ферштейн?

— Объявляю вас пьяницей,— с интонациями судейского чиновника объявил Уолтер,— а также пьянчужкой, забулдыгой и пропойцей!

Что-то в последнем сообщении Уолтера показалось Ванни на удивление забавным, и она зашлась в приступе неудержимого хохота.

— И вовсе нет! Я такая же трезвая, как и ты.

— Боже мой! — сказал Уолтер.— Тогда собирайся и пойдем поскорее домой.

Ванни снова подняла стакан; в эту минуту вступительные аккорды оркестра поплыли по залу, и Уолтер понял, что нужно пользоваться случаем.

— Поставь стакан на место, мы идем танцевать.

— Ну конечно! Ты будешь кружить меня в вихре танца, и мы обо всем забудем, и это будет так же прекрасно, как и... немножко выпить.

На эстраде молодые красивые пары уже вовсю демонстрировали изысканные танцевальные па. Ванни на ногах держалась не слишком твердо, но ее это отнюдь не расстраивало.

— Больше жизни, Уолтер,— требовала она от партнера, но степенный Уолтер не собирался менять своих привычек и танцевал так, как привык танцевать всегда, а это означало, что блюз в его исполнении мало чем отличался от тевтонского марша. Наконец, и Ванни удалось поймать ритм, она замурлыкала себе под нос неувядаемый «Сент-Луис Блюз», и вскоре ей стало казаться, что тело ее — невесомое — качает в плавных и ласковых морских волнах. И тогда она закрыла глаза. Методичные шаги Уолтера не требовали внимания, и вся она отдалась убаюкивающему ритму движения. И с этим уходило ощущение чего-то неприятного. Поль? Да, кажется, Поль. Ну и пусть он живет воспоминаниями; а она обойдется без него.

Нежная волна зачем-то становится все круче. Вот она вздымается вверх, а потом долго, очень долго падает и тащит ее за собой вниз. Нельзя сказать, что очень приятное ощущение. Лучше открыть глаза — вот

так. Зал, теряя привычные очертания, расплывался и немного кружился, и она, напрягая зрение, неожиданно поняла, что смотрит на Эдмонда Холла. И как старого знакомого, она одарила его улыбкой, и он улыбнулся в ответ. Один за столом. Неужели он сюда приходит только затем, чтобы просто сидеть и пить?

— А вот и Эдмонд Холл,— сказала она.

Уолтер довольно бесцеремонно развернул ее и, вытянув шею, стал выглядывать из-за ее плеча.

— Одинокий джентльмен с кошачьими глазами? Тот самый электрический изобретатель?

— Не верти меня так больше никогда. Я этого не люблю.

— Я делал большую статью о его радиолампах в воскресном приложении,— сказал Уолтер.— Пришлось сочинять без интервью; клиент изволил путешествовать по Европе. В этом хваленом изобретении явно что-то нечисто. Половина из тех, кому я звонил, утверждали, что подобное в природе существовать не имеет права, а остальные уверяли, что это афера. Еле выкрутился благодаря маленькой информации Альфреда Штейна из Северо-Западного.— Уолтер коротко хохотнул.— До сей поры газета продолжает получать грозные письма от научных профессоров!

Оркестр закончил играть, и в веселой толпе возбужденных мужчин и женщин они вернулись к своему столику. Ванни тут же потянулась к стакану — в нем оставалось совсем на донышке,— и тогда она разбавила остатки имбирным элем.

— Я ходила с ним в одну школу,— сказала Ванни.

— С кем ходила? А-а... с этим Эдмондом Холлом.

— Он странный, но не такой плохой, каким изображает его Поль.

— Увы, тут я не судья,— сказал Уолтер.— Послушай, а мы не могли его видеть недавно — кажется, в «Спенгли»?

— Видели, Поль тогда на него работал.

Ванни поднесла стакан к губам, и жидкость в нем вспыхнула янтарным блеском.

— Ты знаешь, Уолтер, а ведь я ему нравлюсь.

— Откуда тебе сие известно?

— Знаю точно. А ты слушай, ты будешь моим отцом, исповедником. Вот из-за этого мы с Полем начали ссориться. Из-за этого Поль бросил работу. Холл хотел, чтобы его пригласили ко мне в дом. А я сказала, что сама приглашу.

— Первый раз становлюсь поверенным твоих душевных тайн. Если дело и дальше так пойдет, ты начнешь рыдать у меня на плече.

— Не бойся, до этого мы не дойдем. А сейчас я хочу пригласить его за наш столик.

— Не смею возражать, мой генерал.

Ванни повернулась и снова встретилась взглядом с холодно поблескивающими янтарными глазами Эдмонда. Она улыбнулась и поманила его пальцем. Эдмонд тут же поднялся...

— Уолтер Нусман,— повторил Эдмонд, напрягая память.— Пишете для «Сан-Бюллютень»?

— Признаюсь и виновен,— Уолтер шумно рассмеялся.— Вы, должно быть, видели мою статью об атомной лампе.

— Да, я действительно ее видел. Если впредь мне потребуется скрыть некоторые детали моих изобретений, я непременно закажу статью у вас.

— Допускаю, что заметочка могла грешить небольшими неточностями.

— Да, совсем незначительными. Удивляюсь, как это вам удалось не перепутать имя.

— Я тоже, представьте, удивляюсь. Пожалуй, спрошу у корректора, как такое могло случиться?

— Ну, будет вам! — капризно прикрикнула Ванни.— Я просто потрясена! Какой град взаимных любезностей! — Она посмотрела на Эдмонда.— Может быть, посидите с нами? Мне показалось, вы такой одинокий.

— Благодарю,— поклонился Эдмонд, а про себя подумал: «Поль сделал все, что от него требовалось, иначе пришлось бы долго объясняться».

— У меня в горле все пересохло,— объявила Ванни.— Уолтер, немедленно сделай мне чего-нибудь выпить.

Уолтер послушно перевернул и потряс фляжку.

— Слава Богу, пустая, моя прелесть. Для тебя это просто немыслимая удача!

— У меня немного найдется,— произнес Эдмонд, вытаскивая свою фляжку. Стараясь не привлекать особого внимания, он осторожно разглядывал Ванни и пришел к заключению, что объект продолжает сохранять над собой контроль, но в какой-то мере подрастерял присущее ему состояние самонадеянности. «Поль, видимо, предостерег ее, и чувство самосохранения еще не притупилось. Надо попробовать взломать эту линию обороны». И в то время, как Уолтер выражал шумное негодование, он не стал возражать, когда девушка потянулась за его фляжкой.

— Потом не говори, что я тебя не предупреждал,— грозил ей Уолтер.— За последствия ты будешь отвечать сама и только сама!

— Ты несносный зануда! Я когда-нибудь заставляла тебя краснеть? Нет, ты скажи, заставляла? — с пьяненькой настойчивостью требовала ответа Ванни.

— Допустим, что нет.

— Вот видишь! И сейчас я в полном порядке — в голове немножко все путается,— а так все в полном порядке.

Она подняла стакан. Прилив вдохновенного сумасбродства захватил ее и потащил в омут неизвестности.

— У-ух,— выдохнула она и одним глотком расправилась с содержимым стакана.— Ну и что ты чувствуешь, мой древний друг и наставник? — подразнила она Уолтера.

— То же самое, что ты будешь чувствовать ровно через полчаса.

— Перестань каркать! Здесь не суд, а ты не коронер. Я пришла сюда веселиться и буду веселиться!

Фляга Эдмонда все еще продолжала лежать на столе, и неожиданно для всех Ванни схватила ее, быстрой рукой отвернула пробку и прижала к губам. Уолтер, хоть и с некоторым опозданием, все же успел выхватить из ее рук фляжку, при этом оставив расплываться на малиновом шелке платья дорожку из темно-коричневых пятен. За соседнем столиком кто-то весело рассмеялся. Ванни взяла салфетку, сначала вытерла губы, а затем промокнула платье.

— Невоспитанный грубиян! — отчеканила она, но, чувствуя, что от последнего глотка ей стало совсем не

лучше и куда-то побежал и стал рискованно наклоняться пол, закончила несколько мягче: — Не буду я больше ничего, никогда пить.

Эдмонд завернул пробку и убрал флягу в карман. «Этого будет вполне достаточно»,— подумал он и приступил к конкретному осуществлению заранее обдуманного плана. Ванни уже почти не владела собой, и он теперь неотрывно ловил ее взгляды, так словно своим настойчивым взглядомсобирался отдать одному ему известное распоряжение, заставить произнести какие-то нужные только ему слова. Ванни, пытаясь отвести глаза, нервно задвигалась на стуле, так, словно увидела что-то неприятное, на что не надо и страшно смотреть.

— Хочу танцевать! — заявила она.

— Пожалуй, не стоит,— обреченно вздохнул Уолтер.— Пожалуй, нам лучше поехать домой.

Оценивая ее нынешнее состояние, Эдмонд продолжал упорно гипнотизировать девушку, при этом близорукий Уолтер явно не замечал напряженного блеска в желтых глазах их нового товарища.

— Думаю, не стоит торопиться. Ванни отлично себя чувствует,— негромко произнес он.— Я потанцую с тобой, Ванни. Если у меня получится.

Они встали, и, придерживая за локоть, Эдмонд провел девушку на эстраду, тесную от кружащихся пар. Двигалась Ванни достаточно твердо и прямо, но было видно, что эта кажущаяся уверенность дается ей с трудом. Эдмонд танцевал первый раз в жизни, но или длительный процесс наблюдения оказал добрую службу, или партнерша находилась в том состоянии, когда трудно критически оценивать чужое мастерство, но, по крайней мере на первых порах, получалось у них все достаточно гладко. Ванни молчала, молчал и Эдмонд, по-прежнему не сводя с нее напряженного взгляда своих странных холодных глаз, словно отдавал одному ему известную команду. И с каждым новым танцевальным па чувствовал он, как все тяжелее движется девушка, каким непослушным становится ее тело в его объятиях.

— Я хочу сесть,— почти простонала она, и Эдмонд с трудом довел ее до столика. Там она без сил рухнула в кресло и спрятала лицо в ладони.

— Боже, только не здесь! — в страшном испуге воскликнул Уолтер.

А она вдруг почувствовала, что ее ожидает нечто страшное и дурное, и мир, еще несколько минут назад казавшийся таким восхитительным, а сейчас, ограниченный рамками ее нынешнего окружения, вдруг потерял всю свою прелесть и стал чужим и холодным. Последний хайбол оказался явно лишним, не говоря уже о том жутком глотке неразбавленного виски. Уолтер что-то говорил ей, но до слуха долетали какие-то бессвязные обрывки слов, и она совершенно не могла понять, чего от нее хотят. И еще пыталась сформулировать какую-то свою мысль, которая настойчиво требовала выхода, но всякий раз ускользала, и ей приходилось вспоминать ее снова и снова.

— Слушайте, вы,— наконец произнесла она.— Это я вам обоим говорю, пока еще все помню. Завтра — воскресенье, или я не права?

— Воскресенье,— подтвердил Уолтер.

— Тогда я хочу, чтобы вы оба пришли ко мне днем. Около четырех. Поль тоже придет. Обоих жду — особенно тебя, Эдмонд Холл.

Сказала и снова спрятала лицо в ладони.

— Здесь очень душно, хочу на воздух.

Потом она слышала голоса и с трудом понимала, что говорят о ней. Взволнованный голос Уолтера:

— Нет, мы поедем на такси...

И спокойное возражение Эдмонда:

— У меня своя машина...

Она не видела победного блеска его глаз, когда он брал ее под руку и вел к выходу из зала. Она только понимала, что они рядом — слева Уолтер, а справа Эдмонд.

Последнее, что она запомнила с необычайной ясностью, стало огромное, во весь рост зеркало в холле. Там Ванни увидело отражение своего мертвенно-бледного лица, но самое странное заключалось в Эдмонде, ибо казалось, что он раздвоился и поддерживает ее с обеих сторон. Она стояла между двух близнецов Эдмондов, а отражение Уолтера исчезло каким-то таинственным образом и никак не хотело появляться.

Глава третья
ЦВЕТЫ РАСПУСТИЛИСЬ

По комнате важно прошествовал Эблис, возмущенно зашипел на Уолтера, осмелившегося занять его любимое кресло, и прыгнул на колени к Ванни. Вытянув ноги в пижамных штанишках, девушка ласкала черную бархатную шкурку.

— Я вчера очень плохо себя вела? — спросила она с некоторой печалью в голосе.

— Ни разу не доводилось видеть что-нибудь хуже.

— Мне очень стыдно. Я хотела стать немножко счастливее.

— В этом ты преуспела. Помнишь, как ехали домой?

— Очень смутно. Помню, это была машина Эдмонда.— Она задумалась на мгновение.— Мы где-то останавливались, правда?

— М-да. Причем несколько раз. Один раз в Линкольн-парке — это тебе пошло на пользу; а второй раз — у его дома. Кстати, как ты себя сегодня чувствуешь?

— Совсем неплохо. Иногда и с меньшего количества бывало гораздо хуже. Зачем ты спрашиваешь?

— Этот Холл тебя чем-то поил. Совсем ничего не помнишь?

— Уолтер, ради Бога, не задавай мне вопросов. Сегодня я только слушаю.

— Значит, он зашел к себе в дом, вынес оттуда какое-то зелье. Потом я тебя держал, а он убеждал это зелье выпить. Клялся, что утром не будет известных последствий.

— Действительно нет.

— Не могу знать, что сие было, но ты свалилась, как будто тебя треснули палкой по голове. Я уже начал беспокоиться, но твой друг сказал, что изучал медицину.

Ванни наморщила лобик.

— Кажется, действительно изучал.

— Потом он привез нас сюда. Всю дорогу ты довольно мирно похрапывала на моем плече, а потом мы уже

вдвоем долго затаскивали твое безжизненное тело по лестнице.

— И надеюсь, как два хороших мальчика тут же ушли.

Уолтер ядовито улыбнулся.

— Нет, сначала мы провели следствие. Я был коронер, а ты — «corpus delicti», что в переводе означает вещественное доказательство состава преступления.

Ванни слегка покраснела.

— Я помню свои слова, но нельзя же быть таким жестоким к бедной девушке. Мне и так сегодня все утро отвратительно плохо.

Уолтер сменил гнев на милость.

— Нет, дорогая, ничего худого, кроме того, что доставили тебя по известному адресу, мы не предпринимали. Я, правда, собирался побыть рядом, но твой нежный друг объявил, что снадобье будет действовать часов пять-шесть, после чего ты проснешься, как ангел. Так что оставили мы тебя на этом диване и тихо удалились.

Ванни одарила рассказчика очередной жалкой улыбкой.

— Где я и очнулась сегодня утром — в своем черно-красном платье, которое видело свой последний выход. Как я любила это платье,— она горестно вздохнула.— Ни о чем другом не могу думать, кроме как о приглашении, которое сделала тебе и Эдмонду. Единственное, что помню из всего вечера. Как думаешь, он придет?

— А почему бы нет? Вполне прилично для джентльмена навестить даму и узнать о состоянии ее здоровья.— Уолтер выдержал многозначительную паузу.— На всякий случай я пришел несколько раньше. И если ты захочешь передумать, мы можем куда-нибудь уйти. Объяснить забывчивостью при определенных смягчающих обстоятельствах. Я подумал, что для тебя будет несколько стеснительно, если он и Поль заявятся сегодня вместе.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны. Но я не очень уверена, что Поль после нашей маленькой ссоры сегодня придет, просто вчера мне так показалось. Раньше он всегда приходил по воскресеньям ужинать. Такая у него была привычка. А кроме того, я

просто жажду взглянуть на Эдмонда трезвыми глазами. Мои впечатления от вчерашнего вечера слегка размыты,— говорила Ванни, а сама думала о том странном двойном изображении в холле дансинга. Неужели у алкоголиков и правда все двоится в глазах? Если так, то почему второй Эдмонд за счет респектабельного Уолтера?

— Выбор за тобой, Принцесса Ночи.

— Мы остаемся.

И стоило ей принять решение, как раздался звонок у входной двери. Уолтер отправился открывать, а когда вернулся, лицо его хранило несколько смущенное выражение. Потом он пожал плечами и украдкой взглянул на Ванни. «Поль»,— беззвучно зашевелились его губы. Ванни, с выражением шутливой покорности развела руками, и вошел Поль. Последний явно не испытывал счастья лицезреть Уолтера и потому продолжил:

— Я надеялся застать тебя одну.

— Я собирался уходить,— усаживаясь и сосредоточенно набивая трубку, заявил Уолтер. Не обращая внимание на гневные взгляды Поля и будто не замечая благодарной улыбки Ванни, для которой присутствие Уолтера стало, появись здесь Эдмонд, чем-то вроде защитного барьера, респектабельный джентльмен продолжал возиться с трубкой, раскурив ее, выпустил густой клуб дыма и самодовольно развалился в кресле.

— Не обращай внимания, милый,— глядя в глаза Полю, нежно проворковала Ванни.— С твоим темпераментом мне просто необходимо иметь рядом такого солидного и уважаемого члена общества, как Уолтер.

— Проявления моих эмоций зачастую вполне оправданны!

— Вот и славно, мой Эверет Справедливый! — Она повернулась к Уолтеру.— Перестань молчать, займи нас беседой.

— Доложу вам — это совершенно бестолковое занятие писать воскресные обозрения. Не только воскресные обозрения, а вообще писать — это ужасное дело!

— Это не дело,— мрачно произнес Поль.— В том смысле, что не приносит нормального дохода для нормальной, обеспеченной жизни.

— Тогда почему ты решил стать писателем?

Поль не обратил внимания на порочащее его достоинство замечание.

— Как говорит учитель Тристрам Шанди: «Я не стану адвокатом и не буду жить за счет ссор человека с человеком; и не стану врачом, чтобы наживаться на их несчастьях».— Вот почему,— Поль сделал широкий жест руками,— я стал писателем.

— Чтобы жить за счет их глупости,— закончил возникший в дверном проеме Эдмонд Холл. И в мгновенно установившейся тишине часы на каминной полке медленно пробили четыре раза, похоронным звоном своим аккомпанируя горестному восклицанию Уолтера:

— Боже, я оставил двери открытыми!

— Вы действительно оставили двери открытыми,— не обращая внимания на всеобщее замешательство и мстительные взгляды Поля, невозмутимо подтвердил Эдмонд. Далее последовал холодный, адресованный только мужчинам поклон и поворот головы в сторону Ванни.

— Я предвидел ваше выздоровление,— сказал он,— и рад отметить, что не ошибся.

Ванни, предчувствуя, какой вопрос сорвется сейчас с губ Поля, вспыхнула от смущения и досады.

— Спасибо вам,— сказала она, быстро соображая, какими средствами предвосхитить законное любопытство Поля. Уолтер тоже испытывал замешательство, ибо вовсе не ожидал от Эдмонда в присутствии Поля воспоминаний об их вчерашнем конфузе и последовавшим за ним паническим бегством. Эдмонд сам нарушил напряженную тишину.

— Я к вам заехал буквально на пару минут,— сказал он, обращаясь только к Ванни,— предложить вам сегодня вечером поужинать вместе.

Ванни просто физически ощущала тяжелый взгляд Поля на своем лице. Она было начала придумывать слова вежливого отказа, как вдруг помимо воли губы ее раскрылись, и она с удивлением услышала собственный голос:

— Я буду очень рада, Эдмонд.

— Благодарю,— поклонился Эдмонд,— я заеду за вами в шесть тридцать.

Произнес, повернулся и пошел к дверям.

— Подождите, Холл, я с вами,— неожиданно прозвучал голос Уолтера. Неожиданно для остальных, ибо сам Уолтер с уходом Эдмонда посчитал свою миссию выполненной, а стать свидетелем и выдержать сцену, содержание которой явно угадывалось на лице Поля, у него просто бы не хватило душевных сил.

Дверь закрылась, и негодующий взгляд Поля устремился на несчастную девушку.

— Превосходно! — заявил он.

— Ничего особенного,— ответила она.

— Что значит твое выздоровление? Выздоровление от чего?

— Я тебе все расскажу! Я вчера была нетрезвой.

— Ты — нетрезвой?

— Ну, напилась! Мне теперь все равно, как это называется.

— Ванни! Ты?

— Да, я! Мне это не понравилось. Меня вырвало.

— Но почему?

— Ты должен знать! Я пыталась забыть нашу ссору. Я просто хотела стать немножко счастливее.

— Кто был там?

— Уолтер привел меня в «Венецию». Там был Эдмонд, он был одинок, подошел и сел за наш столик.

— Уолтер! — в неутешной печали и к немалому удивлению Ванни, простонал Поль. А девушка ожидала, что запас гневного красноречия Поля обрушится скорее на Эдмонда.

— Ну и при чем тут Уолтер? Он никому ничего не расскажет.

— Ах этот жирный, самодовольный филистер! Я знаю, он никогда ничего не скажет! Он будет прикидываться тихоней, так, словно оказывает тебе услугу! Он любит оказывать услуги — бурдюк с салом!

— Но никто же ничего не узнает!

— Он будет все знать, и я буду все знать! Он будет считать, что я ему обязан, раз он такой джентльмен! Он будет думать, что теперь ему все можно!

— О Боже! — простонала Ванни, несколько довольная тем направлением, в котором нашел себе эмоцио-

нальный выход гнев Поля.— Я не думаю, что это так важно.

— Хорошо! А ужин с Холлом — это тоже, по-твоему, не важно? Почему ты согласилась?

— Не знаю,— ответила Ванни и сказала истинную правду, потому что сама не понимала, как это у нее вышло.— Наверное, чтобы позлить тебя. Наша последняя ссора была из-за него.

— Тебе наплевать на мои чувства!

— Ты же знаешь, что не прав, Поль!

— Ты хочешь сказать, что не пойдешь? Ты откажешься от свидания?

— Нет, я не хочу так сказать,— сказала Ванни и для убедительности встряхнула головкой, рассыпав свои блестящие смоляные кудри.— Я пойду на свидание.

— Ты пойдешь с этим? — настолько чудовищной показалось Полю эта мысль, что он на мгновение потерял дар речи.— Ба! — наконец выдавил он, натыкаясь на кресла, выбежал из комнаты и на прощание громко хлопнул дверью.

Готовая заплакать, Ванни смотрела на это поспешное бегство, а потом спрятала лицо в мягкой шкурке кота, все это время мирно промурлыкавшего в уголке дивана. Здоровенный кот, почувствовав на спине что-то неприятно-мокрое, брезгливо выгнулся и спрыгнул на пол. Ванни проводила его бегство печальной, тусклой улыбкой:

— Одним небесам известно почему, но тебе дали правильное имя — Эблис.

Глава четвертая
ЮПИТЕР И ЛЕДА

По соображениям, которые она не стала подвергать пристальному изучению, Ванни очень тщательно одевалась, готовясь к скорому свиданию с Эдмондом. Не имея представления, какой ресторан выберет ее новый-старый друг, она в конце концов остановилась на строгом, красного бархата костюме с воротничком — черным, как и ее волосы — немного подумала и, в на-

рушение всех традиций моды, добавила к нему черные очень тонкие чулки и маленькие лакированные черные туфельки. Когда в точно назначенный час появился Эдмонд, она была полностью готова.

Янтарные глаза нового кавалера — и она это с удовольствием заметила — рассматривали ее с выражением весьма похожим на восхищение. Справедливости ради стоит сказать, что Эдмонд, которому все прекрасное было отнюдь не чуждо, оценил ее как весьма и весьма привлекательную, но его холодный разум, с его постоянными поисками причин и следствий, не мог не отметить некоторой экстравагантности избранного Ванни — причем избранного скорее всего подсознательно — наряда.

«Очевидно, она предвидит неизбежность конфликта и так тщательно наряжается для того, чтобы поддержать в себе чувство уверенности. Она использует свою красоту не как оружие, а как средство защиты».

Правда, вслух он ограничился лишь словами приветствия.

— Выпьешь чего-нибудь на дорожку? — спросила Ванни.

Молча и без особого желания он согласился, а когда увидел лишь один стакан, в свойственной ему манере позволил себе мрачно и одновременно загадочно улыбнуться. С легкой гримаской неудовольствия Ванни быстро нашла оправдание:

— Просто сейчас не хочется.

Эдмонд поставил пустой стакан на поднос, и только тогда девушка спросила:

— Куда мы отправимся?

— Есть какие-нибудь пожелания?

— В принципе нет.

— Тогда позволь мне выбрать место, которое, надеюсь, будет для тебя новым.

Весь путь до города Ванни, чувствуя некоторую скованность, была молчалива и на его вопросы отвечала односложно. Все эти «как-ты-поживала» и «чем-таким-занималась» — обычный разговор между давно не встречавшимися бывшими одноклассниками — всегда казались ей пустыми и ужасно раздражали. И потом у нее

было ощущение, что, кроме них, в машине катили воспоминания об устроенной Полем сцене, вот почему беседа их носила несколько односложный характер и ограничилась лишь общими темами.

Эдмонд завез ее в малознакомый район к западу от Лупа, где они поднялись на второй этаж неприметного дома и вошли в маленький ресторанный зальчик всего на дюжину столиков, накрытых красными в белую клетку скатертями.

Ванни с любопытством оглядела зальчик и тут же воскликнула:

— Ох, да это же русский ресторан!

Она сразу узнала огромный самовар, символизирующий в Америке все славянское, а в углу увидела двух неприметного вида мужичков со смешными инструментами.

«Балалайки»,— догадалась она.

— Ты права,— подтвердил Эдмонд.

Они выбрали свободный столик в углу, что, учитывая всего два занятых, оказалось задачей не из трудных. Ванни была просто очарована появившимся как из-под земли степенным бородатым официантом и страшно удивилась, когда Эдмонд заговорил с ним на каком-то напевном, немного гортанном, очевидно, славянском языке. Потом наступило время наслаждаться кухней; восхищаться закусками, особенно яйцами, на первый взгляд совершенно целыми, но при этом почему-то с черной икрой внутри; немножко испугаться тарелки борща; и снова наслаждаться кремовым, удивительно сочным пудингом.

— Боже, какая прелесть!

Неожиданно она осознала, с каким энтузиазмом ела, а ведь целый день ей просто не хотелось даже смотреть на еду. Вместе с закуренной сигаретой она вернулось в прежнее состояние, стала прежней Эванной Мартен. Вернулось чувство уверенности, и последствия вздорного поведения Поля перестали тяжелым грузом давить ей на плечи. Она снова могла трезво оценивать происходящее и свое место в этом происходящем. Настало время повнимательнее изучить своего нового компаньона. А он, с этой его странной полуулыбкой, все это время, оказывается, разглядывал ее.

— Я ужасная обжора, но это не моя вина. Нечего было выбирать такой замечательный ресторан.

— Я так и надеялся, что тебе понравится.

Ванни затушила в пепельнице сигарету.

— Ну что, пошли?

— Как скажешь. У тебя свободный вечер?

— Разумеется. Мои воскресные вечера обычно принадлежали Полю, но сегодняшний — исключение, и Поль об этом знает.

— В таком случае, может быть, театр?

— Нет,— поморщилась Ванни.— Меня тошнит от развлечений, которые можно купить за деньги. Хочется получить что-нибудь бесплатно. Давай просто покатаемся. Мы столько времени вместе и еще ни о чем не поговорили.

Они ехали на север. Слева серебрилось озеро, воздух осени холодил щеки, сквозь багровую вуаль вечернего неба едва заметно проглядывали звезды, казавшиеся отсюда мерцающим отражением настоящих звезд. Ванни взглянула на Эдмонда.

— Почему ты вдруг захотел встретиться со мной?

— Ты рождаешь ощущение прекрасного — именно то, что я так долго искал и не мог найти.

Она негромко рассмеялась. Комплимент окончательно вернул ее в родную стихию; она вдруг подумала, что и это похоже довольно загадочное существо можно привязать к себе, точно так же, как Уолтера или милого, славного, такого необузданного Поля, который всякий раз возвращался к ней очень тихим и с виноватым видом — ну совсем ручной. А вот надоест ли новый поклонник так же быстро, как и все остальные?

— Вот она и промелькнула — первая искорка.

— Какая искорка?

— Твоего демонического характера. Ну правда, Эдмонд, о тебе рассказывают такие ужасные вещи, а я, пока, кроме чудесно проведенного вечера, так ничего и не увидела.

— Признаюсь, ты и вблизи такая же очаровательная, какой казалась издали, хотя я и не заметил в тебе никаких признаков нимфомании, говорят, так свойственной женщинам.

— Согласись, нимфомания куда лучше, чем дурной характер, вот только проявляется куда реже. Кстати, раньше меня все считали холодной. И мне нравится моя репутация.

Эдмонд на короткое время оторвал взгляд от дороги.

— Очень возможно — это репутация незаслуженная.

И когда взгляды их встретились, Ванни вдруг почувствовала странное волнение — едва ли не страх. Мгновение, и все исчезло, осталось лишь ощущение холода. Должно быть, усиливался холодный ветер с озера. Она зябко передернула плечами.

— Вот теперь я по-настоящему холодна.

— Может, куда-нибудь заедем?

Ванни думала лишь короткое мгновение.

— Решила! Едем ко мне домой. Там мы сможем поговорить и никто нам не будет мешать.

Машина послушно развернулась и помчалась к Шеридан, вдоль каменных берегов которой тянулись фасады огромных домов. Они вошли в квартиру Ванни, и Эдмонд, как и в предыдущий вечер, сразу включил одинокую лампу под розовым абажуром. Потом они стояли у окна и смотрели на несущийся внизу поток машин.

— Я всегда испытываю перед этим какой-то суеверный трепет,— нарушила молчание Ванни.— Города — настоящее средоточие жизни.

— Цивилизация,— тихо произнес Эдмонд.— А она неразрывно связана со строительством городов.

Ванни отошла от окна и присела на диван. Неслышно ступая, в комнату вошел огромный Эблис; играя с котом, девушка вытянула было вперед ногу, оголив колено, но, поймав взгляд Эдмонда, поспешно вновь поджала ее и в странном смущении одернула юбку.

«У этой леди извращенное понимание стыдливости,— думал Эдмонд.— С каким удовольствием я лишу ее этих иллюзий». Вслух же продолжил начатую тему:

— Этот колосс, имя которому Чикаго, и все остальные подобные ему — суть воплощение огромного сгустка энергии. Рождение городов есть циклический процесс самосохранения, ибо с одной стороны — города пожирают огромное количество энергии, а с другой — дешевая энергия стимулирует рост городов.

— Недавно Поль рассказывал мне о городе будущего,— прервала его Ванни.— Это будет совсем другой — чистый, прекрасный город. Поль считает, что со временем большие города исчезнут совсем.

— Человеческое существо по имени Поль, безусловно, заблуждается. Невозможно объяснить будущее с точки зрения прошлого, как нельзя описать дерево, глядя на еще не посаженное в землю семя. Все простейшие элементы, все клетки будущего строения как будто на твоей ладони, но результат получается зачастую противоположный ожидаемому,— говорил Эдмонд, тем временем — как в случае с Полем — исследуя сознание нового экземпляра и осторожно касаясь невидимых связей, совокупность которых называлась человеческим характером. Два вечера, проведенные в компании этой девушки, снабдили его исходными данными, и, предчувствуя приближение конфликта, он вступил в завершающую стадию задуманного эксперимента.

— Хочешь я расскажу тебе о Городе Будущего — о его величии и ужасе?

— Если чувствуешь, что можешь сделать это, давай,— улыбнулась девушка.

— Сейчас мы увидим,— произнес Эдмонд, и губы его искривились в странной сардонической улыбке-усмешке.

Он начал говорить, и звук его голоса — монотонный и тихий, проникая в сознание Ванни, действовал на нее, как убаюкивающий плеск волн, накатывающихся на прибрежный песок. И вскоре она перестала понимать смысл этих слов, но зато рождаемая ими картина, захватывая воображение, перерастала в ощущение странной реальности. Какое-то короткое мгновение она еще пыталась понять причины, но, захваченная магическим потоком воображения, тут же забыла обо всем, не осознавая, что находится в состоянии гипнотического транса.

— Здесь очень жарко, влажная духота обволакивает нас. Здесь мы никогда не видим неба; над нашей головой арка первого яруса — артерии питающей город, начало Авеню Палаццо. Это город Урбс — столица

планеты, величайший из городов мира, а там, внизу, похороненная в самой глубине его стальных внутренностей, лежит забытая всеми, давшая ему жизнь земля. Мы слышим над головой приглушенный рев несущихся машин — это голос великой Улицы — и змеиное шипение воздуха, испаряющегося в охлаждающих стены механизмах.

Ты смотришь на меня и говоришь: «Прошел целый год с тех пор, когда я последний раз ступала на землю».

Огромный грузовик проносится мимо, заставляя прижаться к стене. Мы идем дальше, ибо это твой причудливый каприз — идти по земле мимо сложенных из безликого камня стен, в которых нет окон, а имеется лишь бесчисленное количество беспрерывно пожирающих грузы дверей. Здесь, во мгле нижнего уровня, воздух Урбса тяжел от дыхания тридцати пяти миллионов его обитателей. Тела наши, по современной моде едва прикрытые одеждой, покрыты испариной, и нам трудно дышать. Раздраженным жестом ты откидываешь со лба пряди влажных черных волос.

«И все равно я люблю это,— шепчешь ты.— Это и есть город Урбс». И действительно, не увидев этого, не постичь все истинное величие могучего организма. Сзади раздаются крики — это плотная людская масса запруживает улицу. Мы оборачиваемся, кидаем на нее мимолетный взгляд и идем дальше. На нижнем уровне всегда кто-то бастует, но теперь в глазах твоих появляется тревога.

Над неприметной каменной аркой портала Башни Атласа тускло мерцает красный сигнал; огромные ворота, пропускающие человеческие потоки, будут гораздо выше. Здесь мы садимся в кабину лифта, чтобы, оставив внизу полтысячи этажей, через десять минут стремительного подъема оказаться в Небесных Садах. Мимо нас, как в каком-то черно-белом калейдоскопе, проносятся изгибы ярусов, мелькают стекла окон, и вот уже за зубцами башен, чьи вершины прячутся в дымке тумана, сверкнул край опутанного стальной паутиной монорельсовых дорог неба. Еще мгновение, и вот оно — бездонное небо, и плавный бег его облаков

над городом Урбсом, и мы оказываемся среди музыки, прохлады и солнца Садов. Время обеда, и почти все столики заняты. И вдруг шквал аплодисментов — они для тебя, Эванна, которую все здесь называют Черное Пламя...

Подхваченная вихрем грез, Ванни мечтательно уставилась на рассказчика.

— Но ведь часть этих аплодисментов для тебя, Эдмонд. Расскажи мне, почему?

Мрачная улыбка трогает тонкие губы Эдмонда. Он понимает, что план удался, и с этого момента слова мало что значат, ибо вся картина отныне — реальность. И он продолжает, теперь уже усилиями двух сознаний, внушать желанные мысли.

— Мы выбираем себе места, и официант приносит вина. Артист поет «Черное Пламя» — эта песня о тебе, Ванни. Но мы смотрим на великую Улицу, где на уровне глаз наших вздымаются над куполом Дворца два шпиля-близнеца. Там обитает тот, кого в Урбсе называют Магистром, а в остальном мире — Господином.

«Еще один час, лишь только час, ну пожалуйста,— умоляешь ты.— Ну почему встречи с тобой всегда так коротки?» И я отвечаю: «Восстал Китай, и пламя революции полыхает над Африкой. Все здание Империи колеблется, лишенное равновесия, и кто-то должен приплясывать на его верхушке, чтобы сохранить незыблемыми его основы» И мы снова смотрим на купол дворца и остроконечные шпили — символ Магистра, столь любимого в Урбсе и так ненавидимого в остальном мире.

И Эдмонд, чья рука пока только сжимала ладонь Ванни, начинает привлекать ее все ближе и ближе к себе, и вот уже блестящая черная головка касается его плеча, и он обнимает тонкое тело.

— Куранты часов отбивают четверть, и в ту же секунду в вихре движения оживают огромные вентиляторы, всасывающие в себя грязный воздух человеческого дыхания. Это город Урбс дышит — четыре вздоха каждый час. Но не это увлекает нас, ибо с горькими улыбками на губах смотрим мы, как опускается меж двух шпилей Дворца воздушный корабль. Это мой «Не-

бесный Скиталец», и нам ясно, что неумолимо приближается час прощания. Я придвигаю к тебе кресло и обнимаю тебя — таков обычай правителей города Урбса. И губами своими чувствую сладость твоего поцелуя...

Эдмонд прижимает свои тонкие губы к полураскрытым губам Ванни, и, вся во власти грез, девушка отвечает на ласку и все теснее прижимается к нему. Неожиданно она вздрагивает, отшатывается.

— Эдмонд,— шепчет она,— это ведь ты, Магистр!

— Да,— говорит Эдмонд, и тон его голоса меняется, становится властным, жестоким.— Я Магистр!

Сонный дурман отпускает Ванни, но она продолжает без движения лежать в чужих объятиях. Сладкая истома переполняет ее, она бесконечно счастлива, и даже беспомощность не пугает. Теперь над ее волей господствует Эдмонд; врожденное искусство владеть собой медленно оставляет ее, становится бесполезным, тяжелым грузом пробитых в бою рыцарских доспехов, однако она спокойна и счастлива.

И все вдруг рушится, ибо действительно нет больше воли, покоя и сладких грез!

Тонкие пальцы Эдмонда нащупывают на левом плече пряжку платья и расстегивают ее. Сильные руки обхватывают, поднимают ее, и с легким шорохом бархатное платье цвета красного вина спадает к ногам. Страх перед чудовищностью насилия переполняет Ванни, но страшная усталость вдруг обрушивается на плечи и она молчит — молчит не в силах сопротивляться, и лишь широко распахнутые глаза молят своего мучителя прекратить пытку. То, что она порицала и считала слабостью в других, сейчас побеждало ее, сделав совершенно беспомощной перед лицом неизбежного.

Но в эти секунды торжества совсем другие чувства захватили Эдмонда. Он исполнил данное себе слово надругаться над целомудрием Ванни, и вид ее полуобнаженного тела волновал его и был ему приятен, но его вдруг охватило странное, незнакомое до этой поры чувство жалости. Он видел мольбу в испуганных глазах и ощущал дрожь ее тела, и понял, что не так холоден и не так жесток, как привык думать о себе раньше.

«Это бессмысленная жестокость,— решил он.— Девушке надо дать средство оправдать свою слабость».

Он привлек ее ближе.

— Ты любишь меня, Ванни?

Вот она соломинка, за которую можно схватиться.

— О да! Да!

— Ты прекрасна, дорогая. Станцуй для меня, Ванни!

Внезапно в сумраке комнаты вдруг разлились нежные звуки музыки. Эдмонд отступил, сел, откинулся на спинку дивана, и она осталась одна.

«Я должен оправдать этот наряд в ее глазах»,— подумал он.

— Танцуй для меня, Черное Пламя!

Ванни повернулась, сделала несколько неуверенных шагов; розовый свет пробежал по обтянутым черным шелком чулок гладким ногам... Как вдруг плечи ее поникли, и, прижав ладони к лицу, она зарыдала. Эдмонд вскочил, обнял ее, поднял невесомое тело и бережно опустил на диванные подушки. Продолжая держать ее в объятиях, он решил: «Чего-то не хватает. Необходимо найти оправдание ее покорности моим желаниям.— План созревал буквально одно мгновение.— А почему бы нет? Ведь внешняя форма для меня не имеет никакого значения, а она действительно премилое создание».

Он наклонился над Ванни.

— Когда ты выйдешь за меня замуж, дорогая?

Она сжалась, взглянула на него яркими от слез очень серьезными глазами.

— Я ведь уже сказала, что люблю тебя, Эдмонд. Когда угодно. Хоть сейчас!

Глава пятая
ПЛОДЫ

Волнующая скука бракосочетания в Краун Пойнте наконец позади; с самого утра Ванни — законная жена, а ведь еще даже не вечер! Впервые за все время столь стремительно разворачивающихся, едва ли не эпохаль-

ных, событий она осталась одна. Эдмонд дал ей ключи от машины — заехать на старую квартиру, сложить и забрать вещи — все, что ей понадобится теперь в Кенморе.

Она распорядилась достать из гардеробной первого этажа чемодан и, поджав губы в гримаске непонятно отчего нахлынувшей грусти, вставила ключ в замочную скважину. Ах, как стремительно все завертелось! Кто бы мог подумать, кто бы мог представить себе что-нибудь подобное еще два дня назад — даже еще вчера вечером? Как отреагировал Поль на разбегающиеся строчки ее нескладной, второпях нацарапанной записки? Рассказал ли знакомым? Что подумали они и что сказали — особенно Уолтер, который часто называл ее Ванни Неприступная? Неприступная! Шутливое прозвище, придуманное Уолтером и с удовольствием поддержанное ей самой! Боже, почему с ней все это случилось с ней, как это могло произойти?

«Теперь мне все равно,— уговаривала она себя, открывая дверь в гостиную.— Я просто... влюбилась, и с этим ровным счетом уже ничего не поделаешь!»

Обиженный на весь свет, с громкими, отчаянными стенаниями в комнату ворвался Эблис; в суматохе стремительных событий она забыла покормить его. Быстро восстановив справедливость, Ванни прошла в спальню и замерла перед темно-красным пятном ее вчерашнего платья, брошенного на полу у кровати, да так и оставленного лежать рядом с черными чулками на поясе и крохотной игривой комбинацией из черного шелка. Воспоминания о событиях минувшей ночи вызвали в ней некоторое смущение.

«Теперь мне все равно,— снова решила она, подбирая с пола белье.— Я ужасно рада, что все это было на мне вчера». Она приложила на себя комбинацию, шагнула ближе к зеркалу, разглядывая отражение, сделала маленький пируэт. Смотрела и думала, что черным чулкам не следовало бы вызывать столько чувственных эмоций, а может быть, дело не в чулочках — просто очень короткой оказалась рубашечка... Она приподняла подол юбки и стала критически разглядывать свои ноги. Длинные, ровные, с круглыми коленками — замечательные ноги!

— Я очень рада,— сказала она, обращаясь к собственному отражению, и вновь повторила.— Рада, что ему понравилась. Рада, что рядом со мной был мужчина, и я оказалась женщиной, способной волновать! И главное, что я честно могу себе признаться в том, что рада! И вообще, я законченная Полианна — ну и пусть будет так!

Она сложила платье, бросила его на кровать, а сверху полетели на него из всевозможных шкафов, полок и шкафчиков, хороня под собой груз воспоминаний, ворох других вещей и вещичек. Неуклюже цепляясь за двери огромным, плоским, созданным для морских путешествий чемоданом, появился портье, и, отстегнув ремни, не разбираясь, она стала бросать свои вещи в распахнутую кожаную пустоту. Подобрала со столика зеркальце на длинной ручке — еще бабушкино. Взяла маникюрный набор — подарок к окончанию школы, еще какие-то дорогие ее памяти мелочи. Несколько мгновений колебалась, глядя на фотографию Поля в рамке, да так и оставила лежать на столике. «Если останется место»,— подумала она.

Звякнул дверной колокольчик, и она торопливо бросилась открывать.

— Ох, это ты, Уолтер!

— Привет, Ванни.— Он стоял в дверях и немного растерянно протирал стекла очков.— Не будешь против, если я зайду? — Переступая порог, выдавил несколько натянуто: — Поздравляю... или наилучших пожеланий? Никак не запомню, что в таких случаях говорят невесте.

— Я возьму немножко от одного и немножко от другого,— улыбнулась Ванни.— Правда, вид у тебя для таких торжественных поздравлений не слишком-то приподнятый.

— Что касается меня — тебе просто показалось! А вот Поль... ты меня, надеюсь, понимаешь

— А что Поль? — помимо ее воли и немножко взволнованно вырвалось у Ванни.

— Ничего особенного, кроме дурного настроения. Твое письмо... по-видимому, оно сильно его огорчило.

— Наверное, мне следовало быть немного тактичнее, только вот я не знала как,— разглядывая круглое лицо Уолтера, сказала Ванни.

— Ты даже не представляешь, как ты права! И потому попробуй представить, как твой друг в растерзанном виде врывается в мой дом, поднимает с постели и кричит: «Ты тут главное действующее лицо,— кричит он мне.— Ты втерся к ней в доверие, ты ее тайный агент! Сейчас ты немедленно встанешь и найдешь ее!» А когда успокоился, рассказал о письме и при этом горестно стонал: «Она подписалась Эванна. Ты представляешь, мне и — Эванна.»

— Я так не хотела,— сказала Ванни.— Я очень торопилась и была немножко возбуждена.

— Значит, так,— слегка замявшись, начал Уолтер, и лицо его тут же приняло несчастное выражение бедолаги, которому представилась возможность искупаться в ледяной проруби.— Если кратко, то все его стенания можно выразить всего в нескольких словах. Он считает, что твой брак с Эдмондом Холлом есть следствие вашей ссоры...

— Это совершеннейшая нелепость!

— Это не мои — это его слова. Он сказал: «Ты должен разобраться, что здесь правда, а что нет. Я не могу пойти сам, я не могу написать или позвонить, но если ты поймешь, что это правда, передай,— мы как-нибудь все уладим. Попроси ее не страдать и скажи, что мы вытащим ее оттуда».

— Передай Полю, что он нанес мне ужасное оскорбление!

— А теперь выслушайте мои слова, юная леди,— горестно вздохнул Уолтер.— Я, видите ли, могу взглянуть на всю эту историю глазами Поля. Ты прекрасно знаешь, как о вас двоих думали в нашем маленьком обществе. Если бы они так не думали, то я знаю как минимум троих с самыми серьезными по отношению к тебе намерениями. Кстати, я бы тоже не отказался попробовать... И вдруг такое стремительное изменение формы и содержания.

— Поль и я никогда не были помолвлены.

— Мне как-то казалось, что у него на этот счет несколько иное мнение.

— Наверное, я и вправду давала ему повод так думать,— произнесла Ванни.— Он мне страшно всегда нравился, и я — я была не права. Мне стыдно.

— Не сочтите за бестактность, леди, но почему вдруг — Эдмонд Холл?

Щеки девушки вспыхнули.

— Потому что я люблю его!

— Ты удивительно стойко хранила сию тайну.

— Я не знала об этом до вчерашнего вечера! И кроме того, я не на допросе, я ненавижу выслушивать всякие бестактные глупости!

Уолтер мгновенно сбавил наступательный порыв.

— Не хотел тебя обидеть, дорогая. Обещаю исполнить этот реквием нашим общим знакомым.— И с этими словами он начал потихоньку отступать к дверям.

Прощая ему пережитое смущение, Ванни милостиво кивнула.

— Уолтер, ты и Поль — вы оба — должны непременно навестить нас после возвращения. Поль знает, где меня найти.

— О-о, так, значит, вы куда-то уезжаете?

Ванни опять почувствовала себя неуютно.

— Ну конечно, я так предполагаю, право... если захочет Эдмонд. Мы еще не обсуждали.

— «Если захочет Эдмонд!» Так быстро сделать из тебя маленького послушного ангелочка! Никогда бы не поверил, что такое действительно возможно!

— Он замечательный!

— Он и должен быть таким. Прощай, Ванни. Без тебя буйство и разгул нашей компании потеряет былое очарование.

Пришли за чемоданом. Торопливо она побросала туда еще какую-то мелочь и смотрела, как чемодан закрывали, застегивали ремни и уносили. Потом настала ее очередь подхватить сопротивляющегося Эблиса и спуститься вниз, к машине, оставив лежать лицом вниз позабытый портрет Поля.

Глава шестая
ЛЮБОВЬ НА ОЛИМПЕ

Когда Ванни вернулась, Эдмонд сидел в лаборатории, и она взбежала по лестнице, счастливая, запыхав-

шаяся, немножко разгоряченная от проделанных усилий. Взбежала и остановилась в дверях. Ее благоприобретенный супруг восседал на деревянной скамье и неотрывно следил за вращающимся перед ним стеклянным сосудом, наполненным какой-то яркой жидкостью. На цыпочках она прокралась поближе, выглянула из-за его плеча и на мгновение увидела в стекле свое искаженное отражение.

Эдмонд обернулся, и, обмирая от испытываемого удовольствия, Ванни снова увидела написанное на его лице выражение восхищения. Он обнял ее, усадил рядом.

— Ты так прекрасна, дорогая.

— Я очень рада, если ты так действительно думаешь.

Некоторое время они сидели молча. Ванни — бездумно, переполненная счастьем прикосновения рук возлюбленного. Эдмонд — погрузившись в затейливое переплетение мыслей и логических рассуждений. «Я оказался близок к решению загадки счастья,— думал он, обнимая Ванни за плечи.— Обретение счастья в чувственных наслаждениях или поиски прекрасного — вот самый восхитительный, самый многообещающий путь, когда-либо открывавшийся передо мной. И это существо, названное по заведенной традиции моей супругой, есть самое эстетичное, самое желанное средство пройти по этой дороге до цели и не сбиться в пути».

Ванни шевельнулась в его объятиях, ловя взглядом его глаза, глянула снизу вверх.

— Пока я собиралась, приходил Уолтер Нусман.

— Вовсе не трудно догадаться. И конечно, с посланием от Поля.

— Да... ты знаешь? — сказала она.— Все наши так удивлены неожиданностью и быстротой произошедшего. И я,— она вдруг улыбнулась,— представь, и я тоже! Нет, только не подумай, что я жалею,— нет — просто мне еще никак не представить и не понять...

— В этом нет ничего странного,— сказал Эдмонд.

— И ты, и ты тоже удивлен — удивлен совсем, как я?

— Я — нет.— Он мог позволить себе быть искренним; запутавшаяся в силках птичка уже сидела в клетке.— Я ведь играл.

— Ты хочешь сказать, что выдумывал, сочинял,— Ванни засмеялась.— Мужчины всегда так поступают с девушками — особенно влюбленные мужчины.

— Я никогда не лгу,— возразил Эдмонд,— ибо никогда не видел в этом необходимости, никогда. Твоя любовь — есть заранее спланированное событие. Первый раз я увлек тебя в «Венеции» — ты была безвольна и не могла сопротивляться. Вчера я поймал тебя во второй раз — насытил едой, от которой тебе захотелось спать и убаюкал речами, подготовив таким образом к тому, чтобы стать жертвой чужой воли, которая сильнее твоей; и уже потом поставил в положение, где твои стыдливость, воспитание, чувство собственного достоинства, наконец, изменили тебе и вынудили признаться в любви ко мне. Ты была заранее обречена, слишком тщательно были продуманы детали этого эксперимента.

Тень ужаса, тень болезненной обиды промелькнула на ее лице, и он замолчал. Но это были лишь тени чувств, а не взрыв эмоций, которые он предвидел и почти ожидал.

— Эдмонд! Эксперимент! Ты говоришь так, словно я значу для тебя не больше всех этих вещей? — Пренебрежительным жестом она обвела клетки, приборы, машины и ждала ответа.

— Ты значишь для меня гораздо больше, дорогая. Ты мой символ прекрасного, мой единственный пригласительный билет в мир счастья. Отныне и навсегда все остальное станет лишь ничтожной забавой.

Эдмонд был доволен. Прирученная птичка смирно чирикает в клетке и даже не понимает, что уже поймана. «И это,— размышлял он,— есть успешный финал подготовки, дающий начало самому эксперименту. И если я действительно его прообраз, попробуем погрузиться в атмосферу исследования значимости любви для сверхчеловека».

Он знал, что Ванни хорошо в его руках, и она уже не думает о только что прозвучавшем откровении, ибо в сознании ее живет мысль, что все делалось с единственной целью добиться ее и оправдывалось желанностью этой цели. Он привлек ее еще ближе и ласкал

гибкое тело своими длинными пальцами. И снова она подчинилась безропотно, и, когда ее одежды упали к ногам, два его разума-близнеца вдруг захлестнула волна каких-то непривычных чувств, и они забыли на время, что рождены для холодных логических размышлений. И тогда Эдмонд подхватил обнаженное трепетное женское тело, и отнес туда, где некогда рожала его безответная, робкая Анна.

И на смятых простынях вдруг напряглась, забилась Ванни.

— Эдмонд! Здесь кто-то есть.

Она как-то чувствовала его раздвоенность.

— Здесь нет никого, дорогая. Это тени пугают тебя.— Он успокаивал ее, ласкал это трепетное тело, и она отвечала, и страстные, прерывистые вздохи обжигали его лицо. «Дыхание Чейн-Стокса»,— отметил он, и это было последнее, что логически могли оценить его сознания, ибо в ту же секунду сам провалился в бездну экстаза, и крик его, и стоны женщины слились в одну победную песню.

Потом он лежал без движения и сил в тишине затихающих всхлипов Ванни, и тогда сжались его пальцы в странные кулаки.

«Сверхчеловек! — злобно глумился он над собой.— Ницше — Ницше и Гобино вместе взятые! Не ваши ли тени сейчас хныкали у моего брачного ложа?»

Глава седьмая
МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ МЕЧТЫ

Эдмонд проснулся с непривычным ощущением разбитого, непослушного тела. И вместе с усталостью опять вернулось мрачное предчувствие тщетности и никчемности бытия. «Это избитая истина,— размышлял он, откинувшись на подушки,— что наслаждение достается ценой боли. Все в космосе состоит в равновесии и за все, что оказывается у твоих ног, приходится платить ответную цену — платить до последнего знака после запятой». И закончила вторая его половина: «Если так, то по крайней мере я все же принадлежу к человече-

ству, ибо и тут желания мои превосходят мои возможности».

Зато Ванни поднялась счастливой; напевая тихонько, пробежала по дому, познакомилась на кухне с флегматично встретившей ее Магдой и лишь совсем немного погоревала о предательстве Эблиса. Черный кот сразу же не полюбил новый дом и его хозяина и спокойно, без последнего прости, как и принято у существ его породы, таинственно растворился в черноте ночи.

Теперь уже Ванни основательно занялась исследованием своих владений; нашла в старинной обстановке многое из того, что достойно восхищения, и еще многое из того, что дала себе слово переделать. Мрачная библиотека, с воздвигнутым над камином черепом, произвела на нее гнетущее впечатление. Ей показалось, что прячущиеся в углах тени обязаны своему рождению этим старинным фолиантам, создающим тревожную, невидимую глазу ауру. Она взяла наугад несколько книг, полистала, поняла, что ей неинтересно, поднялась наверх раскладывать свои вещи и там обнаружила, что Эдмонд встал и исчез, скрывшись, без сомнения, за дверями своей лаборатории. Но все равно она чувствовала себя безмерно счастливой. Поль, Уолтер и все прочие ее друзья бесследно исчезли из ее памяти, и случилось это, наверное, в тот самый момент, когда в судьбе ее появился Эдмонд,— всего-то три вечера тому назад. Ей вдруг показалось, что она переродилась в совершенно другого человека, с абсолютно другим характером.

Спускаясь помочь накрыть завтрак, Ванни нашла своего молодого мужа в библиотеке. Наверное, чтобы смягчить сырую прохладу наступающей осени, он развел огонь и сидел у камина, лениво листая страницы серого книжного тома — лениво, словно не читая, а лишь бесцельно скользя по ним взглядом. Ванни смотрела сквозь распахнутую дверь и в свете огня, отбрасывающего слабые блики на тонкие черты бледного, возвышенного чела сидящего перед ним человека, ей почудилось нечто средневековое и ужасно романтическое. «Как студент со старинной гравюры»,— подумала она, на цыпочках пробралась в комнату и села рядом

с ним в массивное кожаное кресло. Он обнял ее, и, склонив голову, Ванни заглянула в открытую книгу.

— Какие смешные, будто курица водила лапой, буквы! Что ты читаешь, милый?

Эдмонд откинулся на спинку кресла.

— Единственный сохранившийся том трудов Аль Голла Ибн Джейни, моя дорогая. Это имя что-нибудь говорит тебе?

— Гораздо меньше, чем просто ничего.

— Монах-отступник, принявший магометанскую веру. Его книги забыты совершенно; никто, кроме меня, не читал этих страниц вот уже почти пять веков.

— О-о! Так о чем они?

Эдмонд перевел открытую страницу, и Ванни слушала, поражаясь. «Тарабарщина»,— было первой ее мыслью, как вдруг холодный озноб заставил все тело ее содрогнуться. Смысл этого безумного богохульства был мало понятен ей, но ощущение ужаса, исходившего от каждого рожденного Эдмондом слова, окутал ее, окружил, надвигаясь, и она вскрикнула:

— Эдмонд! Остановись!

Он замолчал, потрепал ее по руке, и тогда Ванни встала и отправилась на кухню, к Магде, и, пока шла, ее преследовало какое-то странное видение, словно гигантская тень кралась за ней — бесформенная, расправив огромные крылья, неотступно и незримо кралась, приплясывая, за ее спиной черная тень и, не желая расставаться, несколько томительных минут жила в залитой солнечным светом кухне. Здесь, в прозаическом общении с Магдой по поводу меню завтрашнего обеда и ревизии оставшихся припасов, Ванни наконец пришла в себя.

Закончив поздний завтрак, они снова вернулись в библиотеку. Эдмонд сел в свое привычное кресло перед черепом Homo, а Ванни у его ног примостилась на маленькой скамеечке. Внимание ее привлекла игра теней на написанном маслом маленьком пейзаже.

— Эдмонд, мне не нравится эта картина.

— Я ее перевешу в лабораторию, дорогая.— Интерес к размышлениям о скрытой сути этой мазни давно прошел, и уже не волновала его маленькая картинка неизвестной Сары Маддокс.

— И еще, Эдмонд.

Глядя на нее, он улыбнулся.

— Поедем ли мы куда-нибудь ненадолго? Нет, если ты не хочешь, тогда нет... но мне хочется маленькой передышки, чтобы приспособиться, привыкнуть. Все так быстро случилось.

— Конечно, Ванни. Я понимаю. В любое место, какое ты выберешь.

Ванни так и не узнала, путешествовали ли они по-настоящему. Вместо того, чтобы приспособиться к нахлынувшим переменам, реальность бытия стала ускользать от нее, как ускользает меж пальцев тающий в ладони кусочек льда. Путешествие — если это действительно было путешествие — оказалось невероятным, немыслимым, хотя временами принимало вполне законченную форму реальных красок и образов. Был день и была ночь в Новом Орлеане — она отчетливо помнит ошеломившие просторы Канал-стрит,— где испытала исступленное счастье любви Эдмонда, и еще какие-то места, где они были вдвоем, чтобы потом, без видимого перехода, снова оказаться в Кенморе. И тут же в памяти оживали другие города и другие страны, которые не могли — и она точно это знала — существовать в реальном мире. Долгие дни они шли по жгучему, кроваво-красному песку пустыни, жадно глотали воду из меха, который нес на плече Эдмонд и, чтобы не умереть от голода, ели кувыркающиеся в воздухе, словно это картошка в кипятке, похожие на грибы поганки невиданные существа.

И была страна, где они кутались в меховые шкуры, но все равно страшно мерзли по ночам, а дни были серые, тоскливые, и висевшее над горизонтом красное солнце казалось ничуть не больше суповой миски. А однажды, замерев неподвижно, смотрели, как над ними пролетало огромное, отдаленно напоминавшее те пустынные грибки поганки существо. Оно летело слишком высоко, чтобы разглядеть его хорошенько, но и так было понятно, что летело с разумным упорством, преследуя только ему известную цель.

И было время, когда они стояли на пологом склоне холма и видели под собой размытые туманом огни стран-

ного города. Эдмонд шептал ей какие-то тревожные слова, ибо там, внизу, в этом странном городе притаилось черное зло, и, наверное, оттого рука ее так сильно сжимала стальную трубку длиной в шесть дюймов. Она так и не вспомнила, чем закончилось это приключение, но сохранила ощущение невиданной разрушительной силы, таившейся в этой маленькой стальной трубке.

И еще было много вечеров в доме на Кенмор-стрит, когда, откинувшись на спинку кресла, Эдмонд сидел у камина, а Ванни танцевала для него — танцевала, откинув прочь стыдливость, самозабвенно, с каким-то первобытным наслаждением отдаваясь красоте танца и радуясь послушной легкости своего тела; огонь камина черным углем рисовал на стенах ее тонкий, колеблющийся силуэт, и ее странный супруг смотрел на нее с выражением такого неподдельного восторга и восхищения, что она бы, не задумываясь, умерла ради повторения этих минут счастья. В один из таких вечеров он скинул с нее одежды, обнажив ничем не прикрытую белизну кожи, и укутал в мантилью переливающегося багряного шелка; и в ту ночь, при робком свете камина, ее танцующее тело сверкало и переливалось, подобно разящему лезвию стального клинка. И казалось, что даже маленький череп обезьянки Homo восторженно провожал пустыми глазницами каждое ее движение, а пропитанные пылью веков, пожелтевшие страницы древних фолиантов источали райское благоухание фимиама. Да пребудет вовеки незабываемой эта ночь неземного экстаза! Никогда более не казался ей Эдмонд таким нежным, искренним и человечным, как в ту ночь любви.

Но капля за каплей, оставляя ее маленький мирок, уходила из ее сознания реальность бытия. Массивные стены дома вдруг начинали изгибаться и дрожать, как картонные декорации театральной сцены; дубовые панели дверей вдруг окутывал непонятный туман, а кресла сами собой двигались, покидая привычные места. Даже знакомая улица за окнами расплывалась, растягивалась вширь, скрываясь за серой мглой клубящегося белесого дыма. Она уже не могла читать, пугаясь

наползающих на нее из темных углов мрачных, причудливых теней. Медовый месяц укутал туманной пеленой ее маленькое напряженное до предела сознание; реальность и фантазия смешались и стали неразделимы. Все, что раньше, храня простую, законченную форму, так покойно и привычно окружало ее, нынче стало зыбким, эфемерным, а таящиеся по углам тени, наоборот, приобрели устрашающую реальность.

Нельзя сказать, что Эдмонд следил за крушением психики Ванни с холодным безучастием жестокого экспериментатора; поставленный опыт весьма неожиданно затронул некие чувственные струны и его души, о существовании коих он не знал и до сей поры даже не догадывался. И для него все творящееся вокруг не проходило бесследно, ибо все сильнее и сильнее окутывал его туман непонятной, лишавшей жизненных сил истомы. Проницательный анализ мгновенно выявил этот неучтенный в разработке эксперимента, неведомый Х-фактор.

«Я и Ванни — мы два чужеродных друг другу существа,— заключил он.— Она не способна духовно выдержать близость со мной, я же не способен на это физиологически. Наша любовь — это любовь орла к молодой оленихе, и если каждый в своей среде представляет вполне достойное существо, то орлиный клюв слишком остер для мягких губ, а задок оленихи слишком неутомим для птичьих достоинств.— От этих мыслей черты его лица сложились в некое подобие мрачной улыбки.— Но во всем этом продолжают существовать некие компенсирующие недостатки прелести».

Развязка приближалась и свершилась с неотвратимостью. В оковах столь неестественного союза первой лишилась сил Ванни. Застыв на пороге стрельчатой арки дверей библиотеки, Эдмонд увидел распростертую на полу, с багровым кровоподтеком на переносице Ванни, к чьей пурпурной мантии, пытаясь лизнуть, уже подбирались жадные языки пламени камина. Он поднял ее, уложил на свое кресло, привел имеющимися под рукой средствами в чувство; но еще несколько минут девушка казалась невменяемой и испуганно жалась к нему.

— Оно вышло из стены,— шептали ее губы.— Оно вышло из стены, и у него были рваные, зазубренные крылья.

— Ты надышалась газом от камина,— говорил он, гладя ее волосы.— Ты потеряла сознание и ударилась о каминную полку.

— Нет! Я видела это, Эдмонд. Оно махало крыльями и летело прямо на меня!

— Тебе стало дурно, и ты ударилась головой,— настойчиво повторил Эдмонд. Он заставил ее подняться и повел наверх, в спальню.

— Я видела! Я видела это! — продолжала истерично шептать Ванни.— Оно размахивало крыльями, летело на меня, и в глазах его было такое...

Осторожно поддерживая, он уложил ее на подушки, тонкие длинные пальцы коснулись лба девушки, и взгляд его, ставший вдруг тяжелым и напряженным, встретился со взглядом ее молящих, испуганных глаз.

— Ты не видела никаких призраков, дорогая,— сказал он.— И отныне не будет больше никаких призраков и теней. Теперь ты будешь спать. Ты очень хочешь спать, дорогая.

И Ванни послушно заснула. Эдмонд на мгновение задержался у ее постели, а затем, ступая осторожно, вышел из спальни. Снова вихрь непривычной и непонятной жалости ворвался в его душу.

«Я не имею права погубить ее,— подумал он и повторил беззвучно и яростно.— Я не должен погубить ее».

Глава восьмая
МАТЬ ЕВА

Прошло несколько дней, прежде чем Ванни начала понемногу приходить в себя; она еще продолжала с отсутствующим видом и в пурпурной мантией на плечах, не находя себе места, бродить по дому, но таящиеся в темных углах тени уже не пугали ее, и стены дома оставались неподвижными. Эдмонд проявлял трогавшую ее заботу и большую часть своих вечеров прово-

дил с ней, развлекая отточенными, как кинжальное лезвие, комментариями, забавными, наверное, выдуманными историями и описаниями, но видения прекратились, и она уже не становилась их реальным участником, наверное, потому, что их совместные беседы не выходили за рамки доступных ее пониманию общих мест. Как бы невзначай, он ликвидировал облигации, которые, принося незначительный доход, обеспечивали ее скромное существование, и купил акции различных компаний, за два месяца их союза резко поднявшиеся в цене. Ванни еще не вставала с постели, когда он пришел к ней, держа в руках целую пачку сертификатов. Объяснил, что принял решение продавать, для чего требовалась ее подпись.

— Сегодня лишь глупцы в бездумной радости могут потирать руки. Подъем курса не продержится и до конца этого месяца,— говорил он откинувшейся на подушки Ванни.

А про себя отметил, что легкие деньги возбуждают ее. Ванни никогда не была близка к нищете, но и никогда не испытывала сладкого ощущения полной свободы, дарованной материальной независимостью. Оказывается, она была знакома с жаргоном Улицы, видно, Уолтер и остальные в ее старой компании не остались в стороне от безудержной биржевой гонки, и поэтому он не удивился, услышав:

— Почему ты решил продавать на подскоке, дорогой? Будет ли это разумным?

— Более чем разумным, дорогая. Это будет единственно правильным решением. Воздушный шарик надули слишком сильно — вот-вот он лопнет. Доходы наши даже в этом году и в этом городе можно считать вполне достойными. Большее станет только обузой, ибо потребует серьезного управления. Я же не намерен взваливать столь тяжкий груз на свои плечи.

Доверие к нему у Ванни было безграничным, и более она не задавала вопросов.

Через несколько дней она снова была на ногах, и, если не считать выражения задумчивой отрешенности в беспричинно застывающем на одной точке взоре черных глаз, она снова была прежней Ванни, и по-пре-

жнему смеялась над маленькими житейскими недоразумениями, и снова казалась счастливой, наверное, потому, что казаться счастливой было самым простым. Принеся с собой ранние вечерние сумерки, наступил октябрь; она прожила рядом с Эдмондом вот уже восемь недель и нисколько не скучала по своему бывшему окружению.

После ее выздоровления Эдмонд вернулся к своему привычному жизненному расписанию. Первую половину дня он проводил в городе, где, не слишком обременяя себя, занимался житейскими проблемами их маленького семейства, а вечера — большей частью в лаборатории или в библиотеке. Ванни привыкла к его уходам и возвращениям, приспособив под них вращение машины их семейного уклада, безусловно, не без помощи Магды, взявшей на себя основное бремя забот и несущей их с прилежанием и сноровкой дарованного двумя десятилетиями службы опыта.

Покойно катились дни, но почему-то все чаще переставала Ванни ощущать себя счастливой. Эдмонд изменился. Он продолжал оставаться к ней добрым и предупредительным, он продолжал быть в меру участливым и заботливым, но уже не было тех безумных вечеров у пламени камина. Непреодолимый барьер — невидимая постройка Эдмонда выросла между ними, разделив, как тяжелые запоры двух тюремных камер. Он разлюбил ее? Ее зовущее, дышащее любовью тело стало постылым?

Так час за часом уходили в прошлое дни горестных раздумий. Может, во всем этом ее вина, но тогда в чем именно? Она не находила ответа и, теряясь в догадках, все чаще в задумчивой отрешенности возвращалась в памяти к тем, казалось, уже таким далеким ночам счастья.

Тогда она решилась сделать сладострастной приманкой свое тело — свое самое сильное оружие. Она решилась на такое, что еще несколько недель назад не представила бы даже во сне. Она танцевала для Эдмонда, как могла танцевать перед своим возлюбленным божеством разве что бесконечно преданная жрица,— танцевала едва прикрытая полупрозрачным накидками, не

прячущими, а, наоборот, раскрывающими прелесть и гибкость ее зовущего тела. И хотя она всей сутью своей ощущала, что он вовсе не холоден и не безразличен, наградой ей было лишь смущенное выражение восхищения на лице любимого. Жертва ходила рядом с наживкой, но так и не осмеливалась проглотить ее.

Настала последняя неделя октября. Дни стали заметно короче, по радио исполняли новые песни, а шатающаяся биржа, наконец, рухнула и рассыпалась с потрясшим мир грохотом, который, наверное, не услышала одна Ванни, ибо продолжала теряться в догадках и мучиться от равнодушия Эдмонда. Наверное, тогда впервые в памяти ее всплыло употребленное им выражение «эксперимент», доставившее непроходящую боль.

К этому добавилось ощущение чужеродности ее мужа и остального мира. Между ним и другими мужчинами существовало безусловное отличие — отличие настолько неуловимое, что она не могла выразить его словами и тем более найти достойное сравнение. Это Ванни волновало все же меньше, чем холодность Эдмонда, потому что она как-то сразу приняла за данное его безусловное превосходство над остальными, и если бы это отличие и превосходство ограничивалось лишь физическими проявлениями — глаза, руки,— она бы не стала уделять этому столь большого внимания — что есть, то есть, и ничего с этим уже не поделать. Но порой, а со временем все чаще и чаще, она пугалась от несхожести совсем иного рода — заключенной в странном течении, нечеловеческой природе происхождения самой сути его мысли. Время от времени она чувствовала это в случайно оброненной фразе, а иногда это принимало и вовсе устрашающие формы. Танцуя для него в одну из ночей, Ванни вдруг с ужасающей откровенностью поняла, что из кресла на нее смотрят два человека; она безошибочно чувствовала, как этот — другой — каждое ее движение провожает жгучим, исполненным страстного желания взглядом. Она замерла в оцепенении, бросила короткий взгляд на Эдмонда и, содрогаясь, увидела, как с его тонкого лица смотрят на нее две пары глаз. И видение это повторялось вновь и вновь, и теперь она уже полностью уверовала, что за

желтыми зрачками Эдмонда таится еще кто-то, неведомый и потому страшный. Ноябрь принял в свои объятия молодую испуганную женщину, в которой проснулась изголодавшаяся мать Ева и настойчиво требовала пищи.

Глава девятая
ЕВА ВОССТАЕТ

Если утверждать, что Эдмонд не знал о метаниях Ванни, значит, погрешить против истины. Он читал ее мысли, как раскрытую книгу,— до последнего слова. И тем не менее, наверное впервые за прожитые годы, оказался бессилен что-либо изменить. Продолжить смертельную близость первых недель? В этом он видел неизбежную трагедию для них обоих. Объяснить ей все? Невозможно, ибо и сам до конца не понимал происходящего. Выгнать ее? Жестокость — не меньшая той, с какой он мучает ее сейчас. Он был потрясен силой чувства, им самим пробужденного, в этом зовущемся его женой существе. Простого чувства под названием — любовь.

«Я слишком хорошо вжился в роль Эрота,— размышлял он.— И мои стрелы нанесли слишком глубокие раны». И за первой повторила старую мысль вторая половина сознания: «Нельзя винить ни ее, ни меня, ибо вина заключается в неестественности самой природы нашего союза. Продолжение нашей интимной жизни убьет меня и сведет с ума Ванни. Ее сила и моя сила стремятся попасть в самые больные, самые уязвимые точки другого. Мы — кислота и щелочь, чье воздействие друг на друга приводит к реакции нейтрализации — то есть к взаимному уничтожению. Ни один из нас не способен выдержать влияния другого».

Так он думал и со дня на день откладывал решение в тайной надежде, что придет время и появятся некие новые элементы и помогут найти выход. Только третья сила — сила, пока неведомая и далекая,— могла нарушить это губительное для них обоих равновесие и подтолкнуть его интеллект к разрешению тупиковой про-

блемы. По своему обыкновению, собираясь в это ничем не примечательное утро в город, он не мог знать и потому не предвидел, что так желанная им третья сила уже готова к действию. Не предвидел, наверное, еще и потому, что разум его был поглощен расчетом вариантов давно предвиденной финансовой ситуации.

«Система пережила точку предельного роста,— размышлял он.— Из немногих возможных рациональных путей возрождения здания всеобщего благоденствия я вижу лишь один реальный — пожирающую людские массы войну. Эти с недалекими умами людишки все-таки научились управлять своим обществом и, ошибаясь и путаясь, все же дойдут до столь желанной цели: процветания, как случалось и в давние времена, когда падения сменялись взлетами. Это довольно гостеприимная и добрая земля, во все времена гарантировавшая человечеству высокий процент при рискованной игре. Вполне возможно, что через несколько лет какая-нибудь индустрия явит на свет новую иллюзию, которую вновь примут за процветание. Иллюзия, подобная получившему массовый кредит доверия автомобилю».

Увидев на пороге дома мрачного Поля, с копной соломенных волос в большем художественном беспорядке, чем раньше, Ванни испытала истинный прилив теплоты и удовольствия от пробуждения далеких воспоминаний.

— Поль! Как я рада, что ты пришел.

Поль был смущен, подавлен и, видимо, от переживания собственных страданий все никак не мог решиться посмотреть Ванни прямо в глаза. Тогда она взяла его за руку, провела в гостиную и усадила на диван напротив себя.

— Расскажи мне о себе, милый.

Поль неопределенно пожал плечами.

— Почти голодаю.

— Извини.— Увидев, как вздрогнуло лицо Поля, как ему неприятно ее, пускай искреннее, проявление жалости, Ванни поспешила сменить тему.

— А как поживает Уолтер?

— У него плохо с головой! Играл на бирже и в прошлый четверг доигрался окончательно.

Не к месту, но Ванни испытала прилив гордости за мужа.

— Эдмонд продал наши еще десять дней назад. Он говорил, что такое обязательно произойдет. Он говорил, что все это только начало.

— Тогда он или Бабсон, или сам Сатана,— произнес Поль и, вдруг заметив, как, пугаясь, вздрогнула Ванни, впервые с момента встречи с пристальным вниманием вгляделся в ее лицо. Вгляделся и в глубине этих черных глаз уловил застывшее, отрешенное выражение.— Что с тобой, Ванни?

— Ничего... что ты такое придумал, глупенький! Что со мной может быть?

— Ты стала другой. Не такой задиристой и смешной, как раньше. Ты стала серьезной.

— Я проболела несколько дней, милый. Ничего страшного.

— Он хорошо с тобой обращается?

— Не будь глупым!

— Ты счастлива с ним, Ванни? — настаивал Поль.— Ты так изменилась!

Ванни взглянула на Поля с плохо скрываемым выражением растерянности. Она была удивлена — оказывается, все ее беды написаны на лице... или их могут увидеть и прочесть только очень любящие глаза? Она почувствовала угрызения совести и одновременно сострадание к Полю. Действительно, так низко поступить! Перед ней сидел ее Поль — тот самый Поль, который любил ее, и которого она так беззаботно и жестоко сбросила со счетов. Тогда она протянула руку и, пропуская сквозь пальцы, коснулась его мягких волос. И с этим жестом что-то сладкое шевельнулось в ней — это тело ее жаждало и просило любви — любви, не данной ей мужем. Она отдернула руку и, захваченная порывом чувственной страсти, на мгновение зажмурила глаза. Поль подался вперед, смотрел на нее, не спуская глаз.

— Что с тобой, Ванни?

Взволнованный голос заставил ее очнуться.

— Ничего. Наверное, все еще немножко нездорова.

— Выслушай же меня хоть немного, Ванни. Я не собираюсь прятаться, не уплатив по счету. Я потерял

тебя, и с этим уже ничего не поделать. Но неужели ты и сейчас не понимаешь — я был тысячу раз прав, отказываясь привести его к тебе. Я хотел тебя и должен был за тебя бороться. Ты ведь все понимаешь...

— Да, Поль. Ты был прав.

— От боли я стал как бешеный, Ванни. Я думал, это твоя подлая выходка отпихнуть меня так — так беззаботно и весело. Я думал, что заслужил хотя бы объяснения, возможности молить о прощении, если в чем-то была и моя вина,— Поль на мгновение замолчал.— Сейчас, сейчас я ничего уже не понимаю. Ты изменилась. Я с трудом узнаю в тебе прежнюю Ванни. Наверное, ты так поступила потому, что не могла поступить иначе.

— Да, милый. Поверь мне, я не хотела причинить тебе боль.

— Не надо об этом, Ванни, не надо. Разве сейчас это имеет значение? Это тогда мне было очень плохо... все время чувствовать на губах горькую сладость твоих поцелуев. Их вкус преследовал меня так мучительно долго.

— Если хочешь, поцелуй меня снова, Поль.

Он криво усмехнулся.

— Нет, спасибо, дорогая. Я знаю цену поцелуям милых замужних дам — в них может быть все, что угодно, кроме огня. Такое же удовольствие, как затягиваться потухшей сигаретой.

С трудом подавив неожиданно охватившее желание вновь повторить предложение и непременно настоять на своем, Ванни не решилась продолжать обсуждение, сочтя благоразумным сменить тему. Они проговорили час, и ощущение возврата былой близости, простоты и искренности общения охватило их безраздельно, и Ванни вдруг почувствовала себя прежней, беззаботной и счастливой Ванни. Поль был такой живой, такой настоящий! Он — кто считал себя поэтом, личностью тонкой духовности, ценителем всего прекрасного — каким все же простым он был в действительности — каким простым, человечным и понятным! Совсем не такой, как чародей этого дома, могущий заставить грезить наяву, могучий творец, способный вызывать призра-

ков и оживлять спящие в темных углах черные крылатые тени! А теперь рядом Поль — простой и любящий!

«Но ведь он не Эдмонд! — думала она.— Он не Эдмонд. Я без усилий могу снова сделать Поля своим рабом. Он такой милый, такой нормальный, такой умный, наконец. Но он не охваченный пламенем, необузданный, все подчиняющий своей силе волшебник, которого судьбой предназначено мне любить всю жизнь! — Она почти не слышала, что говорит Поль, снова и снова в мыслях своих возвращаясь к Эдмонду.— Боже милостивый! Как бы я хотела, чтобы Эдмонд любил меня, как любит Поль!»

Так прошел их час. И с приближением полдня все явственнее стали напоминать о себе забытые домашние дела. Она вдруг услышала, как гремит на кухне кастрюлями старая Магда, и с улыбкой вспомнила, что Поль, не замечая, никогда не придавал значения времени. Ей нужно напомнить ему об этом.

— Скоро ленч, дорогой. Я хочу попросить тебя остаться, только, боюсь, еды на тебя, меня и Эдмонда может не хватить — ты так неожиданно навестил нас.

Она не знала, стоило ли ей открыто сказать о своих сомнениях, о желанности встречи своего гостя с Эдмондом. Не потому, что сомневалась в тактичном поведении мужа — ее, безусловно, больше беспокоило, хватит ли у Поля выдержки в подобной ситуации вести себя деликатно. Но Поль и сам прекрасно все понял.

— Благодарю,— сказал он, скривив губы в горькой усмешке.— Но в его обществе вряд ли смогу чувствовать себя легко и свободно.

Он встал откланяться, и Ванни пошла провожать его до дверей с каким-то странным ощущением, что с его уходом ее покидают воспоминания прежних беззаботных дней. Но не жалела, что те дни прошли и нет к ним возврата, ибо сейчас она — частица души, частица плоти Эдмонда и будет этими малыми частицами столько, сколько он пожелает... Просто в воспоминаниях прошлого жило свое неповторимое очарование.

— Поль, милый!

Он остановился у дверей.

— Ты ведь придешь снова, ведь правда придешь?

— Конечно, Ванни. Я буду приходить так часто, как ты позволишь,— если хочешь — завтра.

— Нет, только не завтра,— и тут же подумала, как бы это было замечательно.— Приходи утром в среду, хорошо?

Он ушел. И короткую минуту Ванни сквозь стекло парадной двери провожала глазами его сгорбленную фигуру, и на губах ее играла задумчивая, немного грустная улыбка. Но скоро должен был вернуться Эдмонд, и она отвернулась от двери, чтобы идти на кухню к Магде, и внутри ее крепким сном спал мятежный дух древней Евы.

Глава десятая
ЯБЛОКО В РАЮ

Не станем утверждать, что в браке Эдмонд был совершенно несчастен, но и не нашел в нем средства исполнения всех своих желаний. И если еще продолжал восхищаться сверкающей прелестью супруги, то все равно был лишен общества, которого жаждал, и продолжал оставаться в одиночестве, как и раньше. Нигде он не мог найти понимания, и вынужденные беседы ограничивались темами и высказыванием точек зрения, казавшимися ему слишком элементарными. Как и прежде, Эдмонд все чаще уходил в себя, где общение ограничивалось рамками восприятия двух его независимых сознаний. Он продолжал читать, но читал со все убывающим интересом, а значит, со всевозрастающим ощущением скуки, ибо философия, литература, наука — все это стало приобретать горький привкус давно известного, раздражало его безмерно, а драгоценный камень непознанного отыскать стало почти невозможно. Наш герой начал понимать, что истощил все доступные ему запасы сокровищницы человеческого разума и возможностей: сама человеческая природа и результаты ее трудов были известны ему в такой степени, что более уже не могли ни увлечь, ни взволновать. И, придя к такому скорбному выводу,

большую часть времени он проводил, погруженный в собственные мысли. Источником их стали забытые на время практических экспериментов, отвлеченные, чисто теоретические рассуждения взаимосвязаных понятий общего и частного. Понятные только ему рассуждения в основном касались областей философии, как, к примеру, вот это:

«Фламмарион — личность ума проницательного — хотя ход мысли его есть скорее демонстрация ограниченности человеческого разума, чем истинной способности к проникновению в суть вещей и событий, все-таки сумел разглядеть отблеск одного примечательного факта. Как утверждает Фламмарион: что может случиться в окружающей нас вечности, обязано произойти, или, другими словами,— на временном отрезке достаточной длины обязана произойти вся допустимая и возможная комбинация реальных событий. И, отталкиваясь от этого умозаключения, он приходит к выводу, что поскольку вечность существует не только впереди нас, но и за нашими спинами, то есть как в будущем, так и в далеком прошлом, то вполне закономерно утверждение о законченности всех возможных событий — ибо что должно произойти, обязательно когда-то происходило. Утверждение вполне похожее правду и достойно всестороннего рассмотрения».

И, подхватывая идею, вторая часть его сознания одновременно объявляла свой вердикт: «Совершенно ошибочная теория, ибо в основе ее лежит определение Фламмарионом Времени как одномерной субстанции. В результате чего он рисует бесконечной длины линию, ставит на ней точку, определяющую настоящее, и утверждает: так как слева от этой точки существует бесконечное множество других точек, значит, и абсолютно все возможные точки-события находятся на этой прямой. Очевидное заблуждение, ибо такое же бесконечное количество точек находится как по одну, так и по другую сторону этой прямой! И в действительности существует не одно Время, но бессчетное количество иных — параллельных — Времен, как заключает в своей маленькой, приятной сердцу моему, фантазии Эйнштейн. Каждая система, каждая отдельно взятая лич-

ность обладает своим маленьким отрезком времени, и они могут пересекаться, но совсем не так, как думал и верил Фламмарион».

Так рассуждал Эдмонд, чувствуя все большую неудовлетворенность от ставших тесными ему рамок общения внутри своего сознания, ибо не только Ванни, но и все окружающее человечество отвергалось им, как недостойное осознать и понять ход его мыслей. Даже Ванни с ее огромным желанием просто физически была не способна понять своего странного мужа.

Нельзя сказать, что она не пыталась; напрягая до предела свой маленький, но не лишенный остроты разум, она предпринимала отчаянные попытки увлечь его; извлекала из глубин памяти все то достойное, что когда-то запомнила из книг, и задавала вопросы, и с напряженным вниманием выслушивала порой находящиеся вне пределов ее понимания ответы. Эдмонд никогда не отталкивал ее, всегда был готов выслушать, терпеливо, с предельно ясными подробностями удовлетворяя ее любопытство, но при этом она всякий раз понимала, что интерес его в общении с ней лишь видимый, поверхностный; она чувствовала его стремление к упрощению, как упрощают в объяснениях маленькому и, следовательно, неразумному ребенку. Это обижало, волновало и приводило ее в замешательство. «Я совсем не дурочка,— говорила она себе.— Я всегда имела свое мнение — мнение, с которым считались в кругу моих прошлых знакомых, многие из которых считались блестящими умами. Значит, это просто мой Эдмонд такой замечательный — замечательный, как никто другой в этом мире».

Но если с интеллектуальным превосходством Эдмонда она еще как-то могла смириться, то его физическое к ней равнодушие угнетало безмерно. Кажется, теперь Эдмонда вполне удовлетворял лишь процесс созерцания прекрасного, и в те моменты, когда Ванни принимала облик, по ее мнению не способный не волновать, он всякий раз отзывался выражением истинного восхищения, но ласки его были так бессердечно редки, и короткие мгновения экстаза были лишь бледной пародией всепоглощающего обвала чувственного наслажде-

ния первых недель! Предвидя трагический финал, Эдмонд отказывался возрождать столь гибельную для них обоих физическую близость, и, не догадываясь об этом, Ванни напрасно танцевала перед ухмыляющимся черепом Homo.

«Я сделалась не более чем украшением, миленьким домашним животным, пляшущей заводной куклой,— с тоской говорила она себе.— Я не могла ничего дать ему в духовном общении, а теперь и тело мое надоело и стало постылым». Она чувствовала себя предельно уставшей, старой и никому не нужной. Однажды узнавшее ласку, тело ее с непрекращающейся настойчивостью требовало ласки все новой и новой.

С завидной частотой повторяющиеся утренние визиты Поля служили ей в какой-то мере слабым утешением, хотя бы потому, что в них она обретала утраченное чувство дружбы. Его искренняя преданность льстила растоптанному чувству собственного достоинства, не давая окончательно угаснуть тлеющим искоркам былого пламени гордости, так бессердечно затушенного холодным безразличием Эдмонда. Видно, и Поль каким-то одному ему известным способом чувствовал ее внутреннюю неудовлетворенность, понимая, что его искренние проявления любви и привязанности уже не прогневят ее. Кипящий в груди Ванни вулкан неудовлетворенной чувственности наперекор всем условностям воспитания и приличий готов был выплеснуться огненной лавой. Приближалась развязка.

Время от времени, как это часто случалось в прошлом, Поль приносил ей на суд отрывки своих сочинений и всякий раз радовался готовности, с какой она одобряла и поддерживала его. Правда, со временем Ванни становилось это делать все труднее и труднее — то ли ее вкус под мрачным влиянием Эдмонда изменился, то ли из поэтических строк Поля исчезло еще недавно трогавшее ее вдохновение? Так случилось и в это памятное утро. Они сидели на диване в гостиной — Поль, со взлохмаченной головой, так свойственной богемному облику его художественной натуры, а она, оторванная визитом от повседневной рутины, в простеньком домашнем платье. Он декламировал короткое стихот-

ворение, названное без всяких претензий на оригинальность просто «Осень».

Глаза ее с печалью смотрят вдаль.
Горьки ее черты и лик не молод,
Но вдруг былой огонь блеснет в очах
И на мгновение отступит холод.
Огонь затмит сокровища земли, но миг пройдет,
И смерть стучится в двери.
Она — не просто Старость, Вечности слуга,
Посланница Потери!

Закончив, Поль ждал приговора, и его молчание вернуло Ванни из состояния меланхолии и задумчивого созерцания к прозе реальности.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Конечно... правда, очень милый сонет, Поль, но тебе не кажется, что он... немножко простой и очевидный?

— Очевидный? — У него вдруг, как у ребенка, сделалось обиженное лицо.— Что ты, Ванни! Здесь и не предполагалась какая-то изысканная сложность, ведь это просто ощущения.

— Извини меня, милый. Наверное, я просто слушала не очень внимательно. А может быть, увидела в нем то, что не думал и не хотел ты сказать.

Поль внимательно вгляделся в черты ее лица и снова увидел в них странное, рассеянное выражение отстраненности и застывшую в глазах тревогу — все вместе создававшие картину душевной неустроенности и страданий.

— Тебя что-то мучает, Ванни! Скажи, чем я могу помочь тебе?

Не пряча глаза, она смотрела на Поля. В его яркие синие глаза, на его соломенные волосы, которые так любила, и будто очнулась, будто вспомнила нечто важное, что нельзя было забывать. Это старушка Ева проснулась и стала горько сетовать на свою судьбу, и тело Ванни заныло по тому, чего так безжалостно лишил его Эдмонд.

— Может быть, скажу,— тихо ответила она.— Поль, ты по-прежнему меня любишь?

— Ты ведь знаешь, как я тебя люблю!

— И ты по-прежнему находишь меня привлекательной? Могу ли я, как и раньше, увлечь тебя?

— Ванни! В чем я виноват, что ты так безжалостно мучаешь меня жестокими вопросами?

Нечто благоразумное, что еще жило в смятенном в это мгновение мозгу Ванни пыталось предостеречь ее. Но та половина, что была Евой, уже не слушала ее вторую, цивилизованную половину. Воспитанному правилами и наследственной моралью общества существу противостояло другое, зачатое в первородных клетках, существо, необузданное и дикое. И тогда она приняла решение, казавшееся ей в ту минуту единственно правильным. Спустив маленькую ножку на пол, Ванни потянулась к Полю всем своим изголодавшимся телом. Легкое шелковое домашнее платье натянулось, не оставляя Полю ни малейшей надежды обмануться в ее истинных намерениях.

— Поцелуй меня, Поль. Я тоже хочу тебя.

Поль подался вперед, и в ту же секунду руки любимой им женщины обвили его плечи. Как огнем ожгло его прикосновение мягких губ, и тело ее все сильней и сильнее, становясь с ним одним целым, вжималось в его грудь. В этом объятии было столько естества, столько необузданной страсти — это была совсем не та Ванни, которую он когда-то знал! И тогда руки Поля напряглись, и он еще крепче прижал к себе горячее, желанное тело.

Неожиданно она откинула назад голову, и Поль совсем рядом увидел горевшие странным блеском, широко распахнутые глаза.

— Ну что, Поль, погасила я свой огонь?

— Ванни,— прошептал он, задыхаясь.— Я не понимаю ничего! Разве ты не любишь его?

Ванни оправила платье, пересела, как и раньше, в дальний угол дивана, но щеки ее пылали, и глаза попрежнему горели неистовым огнем.

— Нет, Поль. Я люблю его. Я люблю его так сильно, насколько способна.

— Тогда почему?..

— Выслушай меня, дорогой. Я говорю, что люблю его. Я не обманываю и не краду ничего ему принадле-

жащее. То, что я отдаю тебе, не значит для него ничего — это часть моя, которую он не желает, часть моя, которую он отверг. Ты понимаешь?

— Нет,— выдохнул Поль.— Я не понимаю, но и не буду просить объяснений.

— Я ничего не краду у него,— так, словно разговаривая с собой, вновь повторила Ванни.— Я живу так, как могу жить. И я делаю единственное, что предназначено мне делать. Я не знаю, есть ли на земле мудрость выше этой. И если такая существует, я оставляю ее для Эдмонда — это его провинция, а не моя.

Она подняла глаза и вздрогнула, так словно впервые увидела Поля.

— Милый, я хочу, чтобы ты сейчас ушел. Приходи завтра утром. Обещай мне, что придешь.

— Конечно,— не переставая удивляться, говорил Поль, а она уже торопливо вела его к дверям.

На обратном пути, повинуясь странной причуде, она неосознанно для себя открыла дверь библиотеки. Череп Homo взирал на нее с каминной полки и скалил зубы в усмешке — вылитой копии горькой улыбки Эдмонда.

— Знаешь, так молчи! — прикрикнула она на Homo.— Что еще я могу с собой поделать?

Не найдя ответа, маленький череп продолжал горько и загадочно улыбаться.

Глава одиннадцатая
БЕСЕДА НА ОЛИМПЕ

Безучастно взирал Эдмонд на судорожные корчи рынка, упрямо и безнадежно катящегося к краю уже второй пропасти.

Возле конторки распорядителя серой, безликой массой волновалась толпа разгоряченных джентльменов; счастливчики, у которых еще оставалось на что покупать, в стремлении урвать на разнице, тянули дрожащие руки к бумагам, чья стоимость в сравнении с недавними ценами казалась немыслимой. На волне всеобщего психоза купить — купить во что бы то ни ста-

ло — никто не обращал внимания на стремительное падение курсов.

На мгновение выпавший из хаоса броуновского движения остановился подле Эдмонда биржевой маклер.

— Вы на редкость удачливый человек, мистер Холл. Выбрались из этой свалки как раз вовремя.

— Я позволил себе значительный запас во времени. Паника случилась ровно через неделю.

— Да-а? Это фантастика! Но сегодня вы, конечно, покупаете?

— Пожалуй, что нет.

— Как это нет? Но позвольте, есть предпосылки к росту. Сегодня вы сможете выкупить свой пакет с разницей в пятьдесят пунктов!

— Вы когда-нибудь занимались анализом предыдущих кризисов?

— Безусловно, но сейчас абсолютно иная ситуация. Прибыли великолепные, промышленность на подъеме. Масса финансовых кредитов. Временное падение курса — это не что иное, как следствие внутренней перестройки рынка!

— Совсем как при землетрясениях,— невозмутимо откомментировал Эдмонд.

Скорее забавляясь реакцией толпы, чем наблюдая за взлетами и падениями ставок, наш герой не спешил покинуть биржевой зал. Пик ажиотажа первой паники прошел; были здесь и такие, кто смотрел на закручивающиеся спиралью ставки со скучающим выражением полнейшего безразличия, большинство же, наоборот, громкими, сливающимися в единый возбужденный гул голосов репликами сопровождало любой подъем цен. Покупали Морганы. Рокфеллеры тоже покупали. Ходили слухи, что для финансовой поддержки рынка образован пул могущественных банков. Лениво вслушиваясь в обрывки доносящихся до него взволнованных фраз, Эдмонд еще некоторое время постоял в зале, а затем скорой походкой вышел на улицу.

Он стоял на пересечении Адамс и Мичиган и смотрел, как, тесня друг друга, боролись за жизненное пространство или, наоборот, с облегченным гулом клаксонов, не выдержав соперничества, стремительно скрывались в тихих боковых улицах автомобили.

«Вот они зародышевые клетки, из которых образуется истинная цивилизация,— размышлял он.— «Истинно цивилизованный человек», в конечном счете, будет представлять собой свободный разум, заключенный в машинную оболочку».

И в то же мгновение последовало категоричное возражение его второго Я: «Существование свободного разума в механическом теле машины, независимо от обстоятельств, безусловно, приведет к полной деградации либо к запрету всех видов искусств. Искусство в его простейшем определении — есть отражение человеческих инстинктов и традиций воспитания. Поэзия, музыка, танец — все это рождено и навеяно наблюдениями за брачными играми птиц и рыб, неразделимо связано и тесно переплетено с чувственным влечением различных полов. Произведения литературы рождаются в желании перемен, в неистребимом стремлении к познанию еще непознанного. С равным правом это же можно отнести к рождению произведений живописи и скульптуры. В философии и религии заложены функции самосохранения. Лишенный инстинктов живого тела, такой свободный разум не поймет и не увидит прекрасного, а следовательно, недостоин считаться частью истинно цивилизованного существа».

Но и рациональная половина сознания нашла свои достойные аргументы: «Но искусство само по себе не несет прекрасное, ибо прекрасного per se просто не существует. Не станем же мы отрицать, что восход солнца — есть кульминация ужаса, испытываемого разумной летучей мышью; а населяющим планеты красной звезды Альдебаран зеленая растительность нашей Земли покажется отвратительным в своей непристойности зрелищем. Без наблюдателя истина и красота никогда не станут едиными категориями, ибо существовать вместе могут лишь в ощущениях. Доказательство обратного в сути своей уже содержит опровержение, ибо цивилизация есть продукт разума, а не инстинктов».

В состоянии задумчивой отрешенности Эдмонд продолжал свой путь, скользя инородным телом в потоке реально существующих, но чуждых ему существ, как

вдруг — это можно было сравнить с внезапным пробуждением — два сознания его сплелись в единое целое, и он понял, что застыл в оцепенении и напряженно, более не видя никого вокруг себя, вглядывается в идущую впереди женскую фигуру. Он ускорил шаг, и ранее никогда не испытанные ощущения вдруг наполнили волнением его существо.

Женщина обернулась. Взгляды их встретились, слились в одно неразделимое целое, как два расплавленных металла сливаются в горниле раскаленной печи. Глаза — такие же светлые, как у Эдмонда, такой же напряженный, проницательный взгляд; тонкая, гибкая фигурка чуть ниже его ростом, и не вяжущееся со всем обликом выражение неестественной мужественности. Руки затянуты в черные перчатки, но само строение гибких, длинных пальцев было настолько очевидным...

Эдмонд смотрел на женщину, каждой частицей своей являвшуюся его двойником!

И пока смятенное сознание его пыталось признать и приспособиться к поражающей воображение мысли о существовании подобной реальности, некие спрятанные в глубине мозга злобные клеточки уже ухмылялись. «Свояк свояка...» — угрюмо подумал он и распушил невидимые перья.

Потом он заговорил:

— Я не мог даже мечтать о том, что ты существуешь.

Глядя ему в глаза, с проницательностью и силой, равной его собственной, женщина улыбалась.

— Я чувствовала, что ты где-то рядом.

Смешавшись с толпой, но не как неразделимая часть ее, а подобно двум малым молекулам кислорода в воздушном потоке, две странные фигуры в молчании двинулись на север. Без слов, они оба знали, что дорога приведет их к жилищу женщины. От реки они повернули на запад и шли по улицам маленьких лавок и обветшалых домов.

И когда зашли в один из них и поднялись наверх, то увидел Эдмонд клетку, похожую на бесчисленное множество подобных ей клеток, куда добровольно за-

точило себя человечество; разве что на стенах этой в изобилии висели карандашные наброски, акварели, маленькие сюжеты маслом, и еще в углах стопками лежали листы, которым не хватило места на стенах.

— Значит, ты — Сара Маддокс,— сказал он.— Мне нужно было догадаться раньше.

Женщина улыбалась.

— У меня два разума,— сказал Эдмонд,— или двойной разум, но совсем не такой, какой подразумевают эти звери, когда говорят о двойной личности.

— Да,— кивнула Сара.

— Я видел Город — не прошлого и не настоящего, но место, где я могу жить в согласии со всем миром.

— Я знаю,— сказала Сара.

Эти двое продолжали смотреть друг на друга и чувствовали теплоту и родственную близость, словно два давних друга, нечаянно встретившиеся в чужих и далеких краях. Снова заговорил Эдмонд:

— Я не думаю, что это реальные, действительно существующие города. Это скорее символы, чем то, что когда-то будет существовать. Это мир, к которому мы придем, ибо сейчас я понимаю, что значим мы оба и что значит для этого мира наше пришествие.

— Тебе не нужно объяснять,— сказала женщина.— Не нужно, потому что я знаю.

— Цвет и образы — вот твой язык. Я же обречен выражать мысли фразами, не имея для этого нужных слов.

Сара улыбалась.

— Наша причастность к этому миру,— говорил Эдмонд,— лишь в том, что мы продукт мутации. Мы не первообразы тех, кто еще не зачат в утробе Времени, но частица его изменений. Вейсман действительно увидел отблеск истины, и эволюция есть не только медленное перемалывание всего сущего в прах, но и возможность возрождения из этого праха высших форм жизни. Эра гигантских ящеров и вдруг — эра млекопитающих. Гигантские папоротники сменяются полевыми цветами. Природа стабильна и неизменна в течение геологической эпохи, и вот, непрошеным, врывается в мир новый, более сильный вид, катастрофой знаменуя конец старой эпохи.

Те, кто сейчас заполнили улицы, будут продолжать рожать таких, как мы, нас будет становиться все больше и больше и мы придем им на смену. Эпоха господства Homo Sapiens станет самой короткой геологической эпохой. Всего пятьсот веков назад этот вид вышел из кроманьонцев, чтобы уничтожить последних, придет время, и мы уничтожим человечество.

Грядут вихри катастроф, и многое перемелют жернова Времени, изменяя мир, когда власть перейдет к нам. Сможем ли мы лучше распорядиться ею, чем звери?

— Как судить? С нашей или с их точки зрения.

И снова эти двое молча улыбались, глядя в глаза друг другу. Единство духа ласкало их в своих объятиях, и этого было достаточно. И опять говорил Эдмонд:

— Передо мной сейчас открылось то, что доступно было лишь в мечтах. Говорить и знать — тебя понимают. Давай же говорить о том, что не привыкли обсуждать люди, разве что их мистики, чувственные поэты и бредущие на ощупь философы. Давай говорить о сути вещей. Об их начале и конце.

Женщина улыбалась.

— И буду говорить я словами стиха, не оттого что многие верят — это самый естественный способ выражения мысли, не потому, что поэзия прекрасна, но потому, что только этим искусством смогу я выразить мысли, невыразимые простым языком. Ритм и символы несут то, что скрывается за вуалью самых проникновенных слов. У зверей это называется эмоциями, но мы понимаем под этим воплощенную мысль.

— Да,— сказала Сара.

Эдмонд, который как вошел в этот дом, так и остался, не сходя с места, стоять на пороге, сел и обхватил подбородок своими удивительными пальцами.

— В начале всего было Нечто, ибо без него не возникнуть состоянию бытия всего сущего. Нигде рядом с нами не может находиться это Нечто, разве что в далеких мирах, как планета Нептун. Нептун — есть символ моей мысли.

Эдмонд опустил глаза, задумался, словно что-то вспоминая, и заговорил медленно:

Свет звезды ледяной и холодной луны
Отражается в бездне полумертвого мира,
Где пустым безразличием тени полны,
Где гора над обрывом возвышается сиро.
В этой пропасти мрачной отсутствует смерть,
Но и жизни людской никогда не бывало.
То — планета-отшельник свершает свой бег...
Вдруг незримое что-то в тишине зашептало.
И в ответной мольбе задрожал Мириарх,
Кто оплакивал горько Имя Господа Бога.
Взмыл он ввысь, в темноту и во мраке исчез,
А планету одела ночи черная тога...
Я — планета-отшельник, что мерцает во тьме,
Свет холодной луны отражая в пространстве.
Равнодушные звезды глядят в тишине,
Даже шелест не слышен в пустующем царстве.

Эдмонд поднял голову, и снова взгляды их, напряженные, всепроникающие, столкнулись, как два стальных кинжала. И Эдмонд улыбнулся удовлетворенный — его поняли.

— И было начало,— сказала Сара.

— Рождение гораздо доступнее для понимания, чем начало,— отвечал Эдмонд.— Даже человечеству в какой-то мере свойственно то, что мы называем творением, хотя невежественные глупцы в культе рождения своего почитают не Бога, но богиню... Но и об этом стоит говорить:

Рассветный луч прорезал тьму,
Рассек пространства острым ятаганом,
И, словно подчинившийся ему,
Вихрь разорвал густую сеть тумана.
И из тумана, трепеща и содрогаясь,
Не зная цели: благо или вред,
В природе появился Разум
Как вестник скорый радостей и бед.
И появились в жизни два Начала
Мужчин и Женщин, Пламя и Вода,
Навек Природа воедино их связала,
Незыблемых, как Небо и Земля.

Сара:

Я факел потухший, тебе зажигать его.

Эдмонд:

Тебе — покой хранить, мне — разрушать его.

Сара:

Тебе — сажать, мне — расцветать весной.

Эдмонд:

Ты — вечность, я — лишь миг простой.

Эдмонд молчал, и два сознания его слились в единое целое, осмысливая услышанное. Наконец он заговорил:

— Ты права, считая, что мужчина дает начало рождению, а женщина продолжает. Семя мое, но твоим становится дитя. Ты права и в том, что принуждение возлагается на нас не в смысле исполнения обязанностей, а по велению и принципам природы. Нам обоим доверено сделать так, чтобы подобные нам могли жить. Мы должны размножаться.

И в мгновение это глаза Сары, что неотрывно смотрели в его глаза, полыхнули неистовым, глубинным пламенем. Тот самый огонь, что одинаково вспыхивает в глазах женской половины всего живущего независимо от вида их. И это тоже увидел Эдмонд, и сознанию его показалось это странным, но не сказал он ничего.

— И еще будет конец,— сказала Сара.

— Конец проще в сути своей, чем бытие,— отвечал ей Эдмонд.— Гибель, как и рождение, по природе своей гораздо ближе к женскому началу. Я же общаюсь с вещами уже созданными, но пока не уничтоженными. Начало и окончание всего — это твоя провинция; мое лишь то, что существует в простых видах. Твое — тайны рождения и смерти; мое — сама жизнь. Ты, как и всякая женщина, ближе к простому, чувственному восприятию и потому острее способна понимать природу рождения и гибели. Самой природой вам дана способность и право к рождению новой жизни, но при необходимости вы готовы вызвать самую зловещую,

самую разрушительную силу. Потому прошу — расскажи ты о неизбежном конце и возвращении к хаосу.

Спустилась тьма, и ночь пришла,
И ветер смел следы живого.
Оставив в жертву онемевшие тела
Лишив их дара памяти и слова.
Укрыла ночь пространство темным покрывалом,
Упрятав глубоко живого пульса кровь.
Тогда на свете оставались лишь Начала,
Что в вечную борьбу за жизнь вступили вновь.

— Это,— произнес Эдмонд,— правда лишь отчасти. Музыка планет, возникающих из небытия и уходящих в ничто, подобна грому, сотрясающему Вселенную.

И в это время вторая часть его сознания подсказывала: «Интеллектуально — она то, чего я так всегда жаждал. Физически — в ней отсутствует даже намек на какую-либо притягательную силу. Почему?»

И тогда он поднялся.

— Меня ждут дела. Я должен идти.

И Сара, не проронив ни слова, лишь улыбнулась в ответ. Оба понимали, что следующая встреча неизбежна и желанна ими. Эдмонд снова оказался на улицах среди обгоняющих друг друга машин.

Глава двенадцатая
САТАНА

А тем временем Поль и Ванни удобно устроились в креслах у охраняемого черепом обезьянки камина, и Поль говорил о вещах, в которых находят прелесть лишь поэты. Ванни слушала — не без скуки, но и не без некоторого удовольствия. В то утро щек ее не коснулись румяна и в глазах все явственнее проступало с каждым днем усиливающееся выражение непонятной внутренней отстраненности.

— И если кто-то считает, что все достоинства поэзии, как в бое барабана, заключены лишь в размере и ритме, то не думают ли они, что прекрасное можно выразить четырьмя арифметическими действиями,—

произнес Поль и в ожидании ответа посмотрел на собеседницу.

Но ответа не последовало. Лишь блуждающий взгляд скользнул по его лицу.

— Ты меня совершенно не слушаешь,— обиделся Поль.

— Я слушаю, Поль. Ты правильно сказал — очень правильно — этакая настоящая детская правда. Но Поль — ты лишь ребенок, и все мы для него, как неразумные дети!

— Хоть минуту ты способна не думать о нем?

Ванни опять не ответила.

— Дьявол! — в сердцах бросил Поль.

— Да, и имя ему — Люцифер.

— Калибан — ему имя. Он же сумасшедший, Ванни! Он сошел с ума, и тебя сведет тоже!

— Боже, как часто — как часто думала я, может, это единственное объяснение. Наверное! Но есть здесь еще нечто другое — это не выразить словами, оно или от Бога, или от... дьявола. Нечто...— Голос ее задрожал, и она замолчала, не договорив. И вдруг вскинула глаза, и увидел Поль, как полыхнуло в них огнем такое неистовое пламя, что отшатнулся в страхе.

— Поль, милый Поль, он совсем другой, иногда совсем не похожий на человека! Порой,— голос ее напрягся, а глаза смотрели с таким горестным отчаянием,— порой мне начинает казаться, что их двое!

— Что ты сказала?

— Да, я серьезно, Поль! Я чувствую это! Я ощущаю присутствие второго, и эти оба — один он. Я боюсь его, Поль, и люблю его — люблю, как преданная собака может любить своего хозяина, как...— Она неожиданно замолчала, оставив новое сравнение загадочно незаконченным.— В нем заключена какая-то невероятная сила,— после долгой паузы вновь заговорила она.— Ничто не может стать препятствием на пути его к выбранной цели. Вспомни, Поль, как он побеждал тебя во всех стычках,— побеждал, начиная еще со школьных дней, и порой это действительно выглядело жестоко!

— Ты и вправду так думаешь? — возразил Поль.— Я же...

Он помолчал, переосмысливая фразу, которая готова была сорваться с его губ. Ему вдруг пришла в голову мысль, что в последнем столкновении именно он одержал верх над своим грозным соперником, получив в награду самое драгоценное из всех его сокровищ. Но так ли это? Действительно ли он так счастлив от обладания остатками — той части, которую Эдмонд Холл по соображениям, достойным лишь законченного безумца, отверг в Ванни? «Он как древний Дьявол совратил ее,— думал Поль,— и, похитив душу, бросил тело на легкую поживу всем, кто придет после него».

— И еще я знаю,— снова заговорила Ванни,— что, если целый мир объединится что-либо сделать: все священники, ученые, богачи, генералы, сенаторы и президенты — и лишь один Эдмонд будет против, он уйдет в свою комнату со свинцом вместо стекол и придумает средство победить их всех. Вот почему, Поль, быть рядом с ним, быть ему близкой — это такое мучительное счастье. Но близость эта пагубна, она обжигает, как раскаленное солнце в пустыне, а любовь его невыносима! — Тело ее под напором чувств вздрогнуло, и капельки слезинок появились в уголках глаз.— Но я люблю его, Поль! Я так жаждала его любви и так безжалостно обманута! — Она всхлипнула, сдерживая рвущиеся рыдания; и, умножая страдания, слово «эксперимент» снова всплыло в ее памяти.

— Что бы он ни захотел, неизбежно становится его,— прошептала она безжизненно, и вдруг голос ее окреп, задрожал на высочайшей ноте.— Его единственная слабость, его заклятие — это ничего не жаждать так сильно, чтобы достигнутое, став истинным счастьем, принесло радость удовлетворения — ни я, ничто иное в этом мире!

Теперь она рыдала — рыдала горько, безутешно, не тая горести своих чувств. Поль обнял ее за плечи, притянул ближе, и, пряча глаза, она уткнулась ему лицом в грудь.

— Ты должна уйти, Ванни! Это сумасшествие.

— Нет, Поль.

Она — как много раз до этого — снова оказалась в его объятиях, и снова почувствовал Поль, как соблазнительна и желанна его любовь.

— Поль?

— Да, любимая.

— Дай мне снова пережить любовь — человеческую любовь — как между мужчиной и женщиной, как между всем живущим на этой земле!

В безумном вихре взметнулось время и... незамеченным вошел Эдмонд, остановился и смотрел на них со своей обычной иронической усмешкой.

Бледный как полотно вскочил и встал перед Эдмондом в растерзанных одеждах Поль, а Эдмонд молчал и, что-то выжидая, с горькой улыбкой смотрел на Поля. В страхе Ванни сжалась на диване, руки ее судорожно метались, поправляя одежду, и она тоже не сводила глаз с Эдмонда.

Молчание.

— Хорошо,— наконец произнес Поль,— после того, что случилось, пожалуй, мне нужно спросить — что ты собираешься предпринять?

Эдмонд не ответил и не отвел глаз.

— Не вини в этом Ванни,— сказал Поль.— Тут моя вина, а еще больше твоей вины. Ты не подходишь ей, и ты это знаешь.

Эдмонд не ответил.

— Только ты один виноват,— сказал Поль.— Она хотела твоей любви, а ты лишил ее любви. Она все рассказала мне. Ей нужна была всего лишь любовь, а ты довел ее до отчаяния.— Полю было страшно, и чтобы заглушить страх, он почти кричал.— Ты должен отпустить ее. Ты — безумец, и сделаешь ее такой же безумной. Хотя бы это ты понимаешь? Она не в силах вынести муки, на которые ты ее обрек! Отпусти ее — это я тебе говорю!

Эдмонд не ответил.

— Ты чертов дьявол! — голос Поля сорвался на визг.— Ты отпустишь ее? Тебе она не нужна, ты же не хочешь ее! Отпусти ее, пусть ей достанется счастье, которое она заслужила!

Он задохнулся. Эдмонд снова не ответил.

И уже крик не помогал побороть страх, превратившийся в ужас, ибо Поль понял, что стоит перед лицом нечеловеческим. И тогда он пронзительно закричал и

сделал то, что только мог сделать объятый ужасом маленький человек,— рука его, взлетев вверх, сжатым кулаком обрушилась на лицо Эдмонда. Силой удара Эдмонда откинуло к стене, и в алых каплях крови, сочившейся из разбитых губ, его горькая улыбка стала еще горше. Но он не опустил головы и не отвел пронзительного взгляда от лица Поля; и тогда, вскрикнув, Поль кинулся прочь.

Эдмонд повернулся и посмотрел на Ванни. Оправив волосы и платье, она стояла перед ним мертвенно бледная, застывшая, как статуя из белой слоновой кости.

— За это он заслуживает смерти,— заговорил, наконец, Эдмонд,— но в словах его заключена правда. Ты должна получить свободу. Я уйду.

— Может быть, ты думаешь, Эдмонд,— медленно заговорила Ванни,— что с кем-нибудь другим смогу я найти и испытать такую же любовь, какую познала с тобой? Ибо через тебя узнала я дорогу к непостижимому, в сравнении с тобой все остальные мужчины словно дети или неразумные звери.

Эдмонд с горечью покачал головой.

— Не разлучай нас, Эдмонд. Я люблю тебя. Они думают, что мы оба сошли с ума,— говорила Ванни,— и я порой думаю, как и они. Но часто чувствую и другое — ты или ангел, или дьявол, но гораздо большее, чем просто человек. Но кем бы ты ни был, я люблю тебя, Эдмонд.

И, не слыша ответа, она снова заговорила:

— Не наказывай меня, Эдмонд, за то, что поддалась я зову своей чувственной плоти, ибо во мне больше от зверя, чем в тебе. Но клянусь — это умерло во мне, Эдмонд. Я не буду просить у тебя больше того, что ты захочешь мне дать.

И, снова не получив ответа, спросила она:

— Поймешь ли ты меня сейчас, Эдмонд?

Наконец, заговорил он тихо.

— Нет у меня гнева, Ванни, и я в силах понять все. Но между нами лежит то, что нам не переступить никогда. Я не человек, Ванни!

— Ты признаешься в том, что ты Дьявол, но я люблю тебя, Эдмонд.

— Нет, Ванни, это было бы слишком просто. Не по расе мы чужды, а по виду, к которому принадлежим. Вот почему не сможешь ты понести от меня ребенка, никогда не сможешь. Так распорядилась судьба, и ребенок наш будет гораздо хуже, чем дитя смешанной породы — это будет гибрид.

И в его сознании вдруг мелькнуло сравнение белоснежного тела Ванни со своим уродством.

— Когда спаривается лошадь и осел, результатом становится мул. Наш ребенок будет мул, Ванни!

И видя, как неотрывно продолжает смотреть на него Ванни измученными глазами, добавил:

— Может быть, я — Дьявол, ибо судьбой назначен быть злейшим врагом человечества и призван сюда уничтожить его. А чем иным может быть Дьявол?

И от этих слов мелькнула в сознании Ванни догадка об истинной сути мужа своего и, промелькнув, расцвела ощущением неизбежного прихода страшного. Они были враги, чуждые друг другу существа, как лев и овечка, вдруг испытавшие желание возлечь рядом.

— Тогда прощай, Эдмонд.

На этот раз произнес Эдмонд понятное ей:

— Прощай, Ванни!

И когда Эдмонд Холл вышел на улицу, то был как никогда несчастен и жалок.

Глава тринадцатая
ЛИЛИТ И АДАМ

Союз Эдмонда и Сары — двух чуждых элементов этого фантастического по своей природе четырехугольника — на первых порах существования являл собой образец гармонии и взаимопонимания, что само по себе было весьма неожиданным в союзе столь сложных и неудовлетворенных характеров. Холодная, нетребовательная в любви Сара казалась ее спутнику достойной супругой — истинным прибежищем тихого покоя и понимания. Но теперь если и прорывались наружу плотские желания Эдмонда, все же отравивший его сладкий яд продолжал жить в крови.

Воспоминания о потерянной Ванни не уходили, продолжая наполнять его душу горькой печалью. Два чувства — сострадание и жалость — уже не были чужды ему, и с каждым днем их печальные лица становились все ближе и понятнее. Лишь благодаря полному взаимопониманию с Сарой сумел Эдмонд перенести первую, пронзительную горечь самоотречения. Благодаря Саре смог подавить в себе жажду обладания прекрасным — к чему он стремился и что вознаградило его, пускай ничтожным, но все же удовлетворением. Но иногда, мысленно возвращаясь к пережитым ощущениям, Эдмонд заново переосмысливал себя, пытаясь найти истоки непонятного ему самому, неизвестно откуда взявшегося томления духа, заставившего искать прекрасное в чуждом ему существе.

«В моей Саре живет какое-то сатанинское волшебство,— так думал он.— Ее независимость достойна восхищения и полностью соответствует внутреннему содержанию. Самое драгоценное в нашем союзе — это понимание и дружба, и Сара единственная, кто может предложить все это. Глупо искать в ней прекрасное, ибо природа ее наследственности отрицает прекрасное, но так же глупо искать это в женщине человеческой породы. Но рационально это или нет, мне все же не хватает тех белоснежных и немного печальных прелестей Ванни. Пожалуй, я действительно неоправданно пытался втиснуться в столь неестественные моей природе и существу рамки».

С такими чувствами он вступил в новый союз, где одна половина его была полностью удовлетворена, а вторая — безутешно скорбела о потерянном. Он перевез Сару из ее скучного пристанища в просторные, с окнами на парк, апартаменты на Лейк-Вью-авеню, но при этом сомневался, оценила ли она его старания, ибо для такого замкнутого, углубленного в себя существа, как Сара, из всех доступных ей чувств восприятие внешнего мира являлось самым незначительным по силе и значимости. Но было бы вовсе несправедливым предполагать, что красота и Сара — это явления несовместимые; искусство, коим она владела, делало такое утверждение изначально несостоятельным, но Сара чер-

пала вдохновение из источника, ничего не имевшего общего с реальностью, и он брал свое начало в глубинах ее сложного характера. Именно там — в глубине своего спокойного, умиротворенного естества — она нашла то, что так безуспешно пытался и не мог найти мятущийся дух Эдмонда.

Отношения их на брачном ложе носили вялый, подчеркнуто спокойный характер. Все досталось слишком обыденно и просто, а в отсутствии борьбы ради достижения цели и новизны в ощущениях острота обладания исчезала, уступая место унылой скуке разочарования. Сара вела себя послушно и не более, отвечая томной лаской на не слишком активные предложения Эдмонда. В этих отношениях не было и намека на тот экстаз, пережитый с Ванни, чья любовь, как огненный метеор, воспламеняла все лежащее на ее пути. Благородное по своей природе и естественное назначение воспроизводства отныне железным ошейником сдавило горло Эдмонда, горечью отравляя его союз с Сарой, заставляя снова и снова возвращаться в памяти к наслаждениям, от которых он по своей воле отрекся.

«Если в этом заключается предел достаточных для моей расы чувственных наслаждений,— размышлял он,— то какими бы ни были достижения их разума, им действительно стоит кое-чему поучиться у своих прародителей!»

И когда наступило и тянулось привычной чередой смены дней лето, ощущение внутренней неудовлетворенности усилилось еще больше, отравляя прелесть уже и платонической близости с Сарой.

«Теперь я теряю и Сару,— думал он.— Нет для меня другого пути, чем пребывать в вечном, угрюмом одиночестве».

И, сделав столь неутешительный вывод, Эдмонд продолжал свои мрачные размышления: «Забавный факт, но исключительно все предположения, касающиеся природы сверхчеловека и рисующие его в сравнении с простым человеком существом более счастливым, несут в себе вопиющую ошибку. Ницше, Гобино, Уэллс — каждый из них и все вместе наперекор всякой логике повторяют это всеобщее заблуждение. Неужели совре-

менный человек счастливее, чем Homo Neanderthalis из зловонной пещеры? Или, может быть, последний счастливее питекантропа, и оба они счастливее обезьяны, обитавшей на деревьях эпохи плейстоцена? И я думаю, что справедливым будет обратное утверждение, и с ростом интеллекта счастье станет явлением настолько иллюзорным и в природе своей настолько незначительным, что без сомнения, если и наступит эпоха сверхчеловека, то из всех обитавших до него существ станет он самым несчастным. Я его прототип и немедленное тому подтверждение».

С неизъяснимым чувством облегчения он узнал о беременности Сары; часть обязательств перед природой была выполнена, часть его ответственности оказалась позади. Казалось, что владевшее Сарой напряжение тоже понемногу спадает; взаимный интерес, основанный на чисто рациональной потребности продолжения рода, связывал их весьма непрочными узами. И теперь Сара еще глубже ушла в себя, и казалось, что сейчас, как никогда раньше, ей не требуется общество большего, чем ее собственное.

Часто в эти летние месяцы Эдмонд забирался в свою серую огромную машину и мчался в ней многие часы и многие мили в элементарном желании бежать, скрыться от скуки и уныния своих собственных мыслей. Ибо с некоторых пор даже мысли его стали казаться серым и унылым подобием, болезненной подменой реальности известного ему бытия. Но даже это удавалось слишком редко по простой причине, что проклятие разума преследовало его с такой скоростью, с какой не могло справиться выбранное для бегства механическое приспособление.

И все же, несмотря ни на что, странный союз продолжал свое существование. Ни Эдмонд, ни Сара никогда не вступали в открытый конфликт, наверное, лишь оттого, что Сара не видела необходимости противиться его импульсивному характеру и желаниям, со спокойной уравновешенностью и без всякого проявления вражды, уступая ему во всем и находя вполне достаточное утешение в еще не родившемся ребенке, искусстве и самой себе. К концу лета это весьма стран-

ное сообщество продолжало покоиться на достаточно прочно и основательно утвердившемся фундаменте семейного благополучия.

Глава четырнадцатая
ЕВА И ЛИЛИТ

После ухода Эдмонда Ванни погрузилась в молчаливое и неподвижное созерцание собственных страданий, и вместе с ней дом ее тоже погрузился в тишину, какая способна существовать разве что в глубинах египетских пирамид, и оттого казался таким же, как они, древним и лишенным живого дуновения жизни. В результате стремительных событий она впала в подобие сонной одури тяжело больного человека. С потерей Эдмонда, утратив силу, стал бессмысленным приводной механизм ее существования. И если возможно такое сравнение, она стала мотором, внезапно и без всякого на то основания отключенного от источника электрического тока. Оцепенев от горя, она продолжала сидеть в полной неподвижности, и вряд ли до ее сознания дошел смысл звона посуды, с которым Магда накрывала стол для ленча. Прошел, наверное, не один час прежде, чем она услышала, как исполнительная и флегматичная прислуга убирает нетронутые блюда. Эдмонд ушел! Это была катастрофа. Разве можно такое передать словами, разве можно понять всю последующую трагедию, если бы сейчас вошли и просто сказали: «Солнце ушло навсегда. Отныне, и во веки веков, мир приговаривается к полному мраку».

Приближался вечер, а Ванни продолжала без надежды и мысли пребывать в глубочайшем оцепенении собственных страданий; и не сразу до нее дошло, что звонит дверной колокольчик и звонит уже не в первый раз. Она было решила подняться, но, услышав тяжелую поступь Магды, снова застыла в тупом безразличии. А через мгновение непонимающе смотрела на ворвавшуюся в гостиную возбужденную фигуру. Понимание приходило медленно, и с трудом она узнала во взъерошенном незнакомце Поля.

— Дорогая моя! — вскричал он с порога.— Я примчался в ту же минуту, как обнаружил твою записку.

— Записку? — Она даже не удивилась тому, как монотонно и безжизненно звучит ее голос.

— Да, да! Вот же она!

С полным безразличием она взглянула на измятый лист бумаги. И действительно, почерк был ее. Всего одна строчка — «Поль, возвращайся» — и ее подпись, совершенная и знакомая до последнего росчерка пера. Зачем эта ироничная насмешка Эдмонда? Теряясь в догадках, она думала, что это могло быть проявление ложной доброты, или, может быть, из глубин своей мудрости он указывает ей единственный, самый приемлемый путь продолжения ее жизни? Какая, впрочем, разница, он передал ей распоряжение, которому она должна будет отныне следовать.

— Он ушел,— сказала она, поднимая измученный взгляд своих страдающих глаз на вспотевшего от возбуждения Поля.

— И прекрасно, дорогая. Мы освободим тебя. Мы начнем немедленно заниматься разводом!

— Нет,— сказала Ванни.— Я этого не хочу.

— Но отчего, дорогая! Это единственно правильное решение!

— Нет,— монотонно и безжизненно повторила девушка.— Если Эдмонд захочет освободиться от меня, он придумает что-нибудь сам.

— Этот, безусловно, придумает! И не забудь, за твой счет, Ванни,— за счет твоего достоинства и чести.

— Он не сделает этого, Поль. Если он захочет, он найдет другое средство.

Теперь, когда рядом с ней оказался друг, в чьем доверии и привязанности Ванни нисколько не сомневалась, состояние апатии сменилось бурной истерикой.

— Я ужасно несчастна,— всхлипнула она и горько разрыдалась.

Поль, всегда такой предупредительный во всем, что касалось ее желаний, и на этот раз повел себя удивительно деликатно и, давая ей возможность выплакаться и тем самым освободиться от страданий, не издав ни единого звука, неподвижно сидел рядом, и только, ког-

да уже не стало сил плакать и безутешные рыдания Ванни сменились жалкими, судорожными всхлипываниями, он обнял ее и, лаская, попытался утешить. И ему это удалось, потому что через какое-то время глаза ее высохли, к лицу вернулась прежняя бледность, и она окончательно успокоилась.

— Сегодня ты останешься здесь, Поль,— сказала она.

— Только не здесь! Мы уйдем отсюда вместе и немедленно!

— Здесь,— повторила Ванни.

Закончился день, за ним медленно протянулся вечер, и вот уже ночь приняла город в свои объятия; а они все не покидали гостиную, с каждым часом от разгула черных теней приобретавшую вид все более унылый и мрачный. Ванни, с неподдающимся ни уговорам, ни логике здравого смысла упрямством, отказывалась покинуть стены этого дома, и у Поля не хватило жестокосердия оставить ее наедине с горем в этом пустом и мрачном доме. В конце концов, чувствуя, что сдается, и Ванни одержала над ним очередную, неизвестно какую по счету победу, он остался. Но как ни странно, остался он и на следующую ночь, и еще на одну...

Вот таким образом и для этой пары начался странный, мало понятный период новой жизни. В обладании существом, коего он так страстно жаждал, Поль был, пожалуй, что счастлив. Заняв письменный столик Ванни, он с несвойственными ему прилежанием и энергией усердно и вдохновенно трудился в гостиной комнате, и в рожденных его пером строках Ванни с удивлением и не без удовольствия стала находить все больше и больше достоинств. К эйфории видимого счастья Поля Варнея следовало бы прибавить и легкое головокружение от успехов, ибо не отличавшийся значительным тиражом, но имевший солидную и добрую репутацию в писательских кругах журнал принял его маленькую новеллу, после чего, с небольшим перерывом, тот же издатель благосклонно согласился напечатать и только что произведенную на свет поэму в стихах.

Что до Ванни, то ее душевное состояние вряд ли можно было назвать счастливым, и лишь горькая тоска толкала ее в объятия Поля, где она искала и порой находила недолгое для себя утешение. Понимая, что одиночества ей не вынести, она с какой-то алчной жадностью собственника вцепилась и не отпускала от себя Поля. Он был прост, понятен, любил ее, и порой она испытывала чувство, похожее на облегчение от сознания, что всякая мысль его находится на уровне, доступном для восприятия любому человеческому существу. И, понимая это, порой испытывала некую тщеславную гордость от мысли, что вольна распоряжаться поступками и сознанием Поля с такой же простотой и легкостью, с какой некогда управлял ею Эдмонд. Это в какой-то мере утешало и примиряло с действительностью, и порой ей казалось, что сделалась она хранительницей частицы чуждых для примитивных существ городских улиц могущественных способностей Эдмонда.

Магда — третий обитатель странного дома — продолжала трудиться с обычным для нее флегматичным усердием, словно не замечала изменения в составе персонала, ею обслуживаемого. Она, как повелось, готовила еду, подавала и убирала ее со стола и каждую субботу принимала причитающиеся ей деньги. Выходило так, что служила она не жильцам, а дому, чем и занималась вот уже почти четверть века.

В течение этого лишенного счастья и событий полудремотного существования Ванни, по крайней мере, была избавлена от необходимости думать о деньгах. Она имела в банке свой собственный счет и там же свой маленький сейф. В результате равнодушной инспекции последнего она неожиданно обнаружила, что, оказывается является обладательницей солидной пачки ценных бумаг, в количестве, совершенно для нее необъяснимом и неожиданном. Мысль, что у Эдмонда мог быть второй ключ, так и не пришла ей в голову.

Так и тянулась жизнь, и на смену старому году пришел новый год, а на смену зиме — весна и лето. И с ощущением, что невероятные, словно из сладкого сна события их совместной с Эдмондом жизни понемногу

стираются и уходят из памяти, выражение внутренней отстраненности начало все чаще исчезать из ее глаз. Она понимала, что воспоминания уходят, теряя реальные очертания, становятся зыбкими, расплываются и тонут в серой пелене прожитых серых дней, но ничего не могла поделать с этим, ибо скрывались за этими воспоминаниями представления слишком чуждые и непонятные ее неискушенному сознанию человеческого существа. Она уплывала в океан забвения, лишаясь и ужаса, и прелести памяти пережитого, с каждым прожитым днем понимая, что ее остается все меньше и меньше, мучилась, но ровным счетом ничего не могла поделать, дабы задержать или вовсе прекратить этот необратимый процесс забвения.

Порой она помогала Полю, включаясь в его работу то неожиданным предложением поворота темы, то удивительно точным критическим замечанием. Но большей частью она читала, ибо книги во внушительной библиотеке бывшего мужа были всегда под рукой. Правда, прочитанное в толстых фолиантах, требовавшее более глубоких знаний и совершенно особенного внутреннего видения, большей частью оставалось непонятым и оттого малоинтересным. Не занятая ни тем и ни другим, она усаживалась в кресло и мечтала. Поль, бывало, удивлялся, сколько времени может проводить в таком состоянии его старая знакомая Ванни, в недалеком прошлом всегда поражавшая бурным деятельным характером, для нее несвойственно было ни состояние глубокомысленной задумчивости, ни праздного безделья. Для уединения она избрала библиотеку, которую Поль не любил и старался обходить стороной,— ему казалось, что череп обезьянки Homo встречает и провожает его чрезмерно оскорбительной, иронической усмешкой.

Прошло время, и ее перестала интересовать собственная внешность, и в отсутствии косметики кожа ее стала казаться белее самой белоснежной слоновой кости. Теперь она могла бесцельно бродить по дому в тех самых переливающихся багряных одеждах, в которые некогда обернул Эдмонд ее плечи. Волосы ее, как черный бархат, обрамляли тонкое лицо, и Поль находил

ее еще более прелестной, чем когда-либо раньше. А когда повеяло в воздухе первой осенней прохладой, она вдруг почувствовала в поведении Поля присутствие некой странной скованности и неловкости. С поразительной, сродни Эдмонду, проницательностью она вдруг поняла — от нее скрывают неприятное.

— Поль,— неожиданно для сидящего за письменным столом спросила она,— ты видел его?

— Видел кого, дорогая? — ответил он, неловко пытаясь скрыть замешательство.

— Эдмонда, разумеется. Где он?

— С чего ты вдруг решила спрашивать, Ванни? Откуда мне знать!

— Где он сейчас, Поль? — снова повторила она.

И, мрачнея лицом, Поль сдался.

— Я действительно видел его, дорогая. Он живет в квартирах на Лейк-Вью. Я думаю, он живет там с женщиной.

От жестоких слов и раньше бледное лицо Ванни вдруг стало таким мертвенным и безжизненным, что Поль испугался; и тогда он вскочил из-за стола, бросился к ней, но, встретив спокойный взгляд ее черных пронзительных глаз, замер на полдороге.

— Скажи мне, где это, Поль,— попросила она,— или проводи меня туда. Я хочу увидеть ее.

— Ни за что! Ты не должна, ты не имеешь права просить меня об этом!

— Я хочу видеть ее.

— Она отвратительна,— сказал Поль.— Тощая, костлявая, бесформенная — вылитая он.

— Я хочу поговорить с ней.

— Но этот же будет там!

— Утром не будет.— Ванни встала, пошла в коридор, и с печальным вздохом следом за ней потянулся Поль.

— В таком случае, я с тобой,— с тоскливой миной в очередной раз вынужденный капитулировать Поль начал натягивать пальто.

Эдмонд не оставил свой серый родстер, и, поймав такси, в угрюмом молчании парочка тронулась к странной цели. Всю дорогу по запруженной машинами Шеридан-драйв Ванни молчала и заговорила, лишь когда

такси свернуло и остановилось у красного кирпича доходного дома на Лейк-Вью.

— Жди меня здесь,— бросила она и без колебаний пошла к почтовым ящикам; и там, на аккуратной табличке, нашла знакомое имя — он не снизошел до необходимости соблюсти видимость приличий и сменить его.

Она нажала кнопку звонка рядом с табличкой. Прошла томительная минута ожидания, и тогда она снова нажала непослушную кнопку — вдавила нетерпеливо, настойчиво — и снова ждала. И наконец замок входной двери щелкнул, зазвенел коротким звонком механического приглашения. Ванни толчком распахнула входную дверь, увидела автоматический лифт, открыла его и стояла в тесной кабинке, наполовину загипнотизированная монотонным, пчелиным жужжанием равнодушного механизма, чувствуя, как от напряжения, казалось, никогда не кончающегося подъема немеет каждая клеточка ее тела. Но стоило с металлическим лязгом захлопнуться за ее спиной дверям лифта, как отворилась дверь квартиры. На пороге появилась Сара, взглянула на застывшую Ванни безучастным, пронзительным взглядом, и в то же мгновение безошибочным женским чутьем Ванни поняла, кто перед ней и ради кого бросил ее Эдмонд. Это была женщина его породы — способная одновременно быть и спутником, и матерью, способная помочь ему исполнить истинное предназначение в этой жизни. И в одно мгновение решимость сменилась горькой меланхолией. Разве мыслимо одержать победу над такой соперницей, разве мыслимо вернуть Эдмонда назад!

А женщина Сара все так же пронзительно смотрела на нее, и не в силах более перенести молчание заговорила первой Ванни:

— Я — миссис Холл,— сказала она.

И тогда другая женщина кивнула молча, открыла дверь шире и отступила в сторону. Ванни переступила порог, и дверь за ее спиной с тихим стуком захлопнулась. В молчании Ванни окинула взглядом меблированную комнату и увидела на стенах картинки маслом, акварели, пастели, и узнала руку, писавшую их. Такая же манера размытой незаконченности, как и на

том, смущавшем и пугающем ее пейзаже, что со стены библиотеки перекочевал в лабораторию. Сара движением руки указала на кресло и сама села напротив. Снова напряженное молчание как удушливым покрывалом окутало Ванни.

— Я хотела увидеться с вами,— сказала она, наконец.

И вторая женщина молча кивнула в ответ.

— Я хотела понять,— снова заговорила Ванни,— с тех пор как потеряла его так безвозвратно,— и добавила горько:

— Потеряла оттого, что была так глупа!

— Не надо воображать,— впервые заговорила Сара, и Ванни поразилась каким монотонным и бесстрастным, оказывается, может быть человеческий голос.— Не надо воображать, что это ваши маленькие шалости заставили его уйти. Они не имеют и не могут иметь для него никакого значения.

— Вы тоже его любите? — прошептала Ванни.

И прозвучал ответ второй женщины:

— У меня есть то, чего я желаю,— сказала она и снова замолчала.

— Вы его действительно любите,— еще тише прошептала Ванни, но не было уже ей ответа.— Простите меня,— вновь заговорила Ванни,— что решилась прийти сюда со столь безнадежной затеей. Но и поймите — я должна сделать все, чтобы вернуть его обратно. Сделать все, что могу сделать, или, по крайней мере, попытаться...

Вторая женщина подняла свой странный взгляд на Ванни и заговорила.

— Нет необходимости пытаться,— сказала она,— ибо вы никогда не теряли его. Он всегда стремился к миражу под названием прекрасное, который, находя в вас, теряет во мне.

Легкой краской радостного возбуждения заалели мертвенно бледные щеки Ванни.

— Это он так сказал? — срывающимся голосом спросила она.

— Он не сказал ничего. В этом нет никакой необходимости. А сейчас, пожалуйста, уходите и не делайте

больше попыток увести его от меня, ибо вы, безусловно, преуспеете, и результат будет ужасен.

— Ужасен! Для кого же?

— Из нас четверых, для всех,— сказала Сара,— но более всего для Эдмонда.— И снова Сара замолчала, а Ванни терялась в догадках, как она могла узнать о Поле.

Более не о чем было говорить, и Ванни поднялась уходить.

— Я все же буду пытаться,— сказала она, двигаясь к дверям.

Сара провожала ее молча, не проронив ни единого слова, но, кажется, Ванни показалось, что промелькнула в странных глазах, чтобы тут же исчезнуть, тень сожаления и печали.

Глава пятнадцатая
ПОТЕРЯ КРАСОТЫ

Сара должна была родить Эдмонду ребенка в марте, и к концу сентября их временное меблированное жилище начало приобретать видимые очертания семейного дома, в котором ожидают рождения ребенка. И может быть, потекли бы один за другим покойные дни, но с прогрессом беременности, по естеству природы своей погружаясь в глубины новых для нее переживаний и ощущений, Сара стала все заметнее уходить в себя. Два ее сознания, и до этой поры покойно проживавшие в фантастическом мире грез, теперь окончательно повернули свои одинаковые спины к реальности, довольствуясь лишь собой и очертаниями своих собственных построений. Никогда, подобно Эдмонду, не испытывавшая настоятельного желания иметь подле себя понимающего и близкого по духу сотоварища, ожидающая ребенка женщина теперь еще в меньшей степени, чем прежде, нуждалась в компаньоне из внешнего мира. Правда, время от времени Сара искала его ласку, и он давал ей желанное — давал без страсти, с едва скрываемым безразличием. И рожденное глубоким разочарованием чувство одиночества — одиноче-

ства еще более мучительного, чем прежде,— вновь вернулось к Эдмонду.

«Красота покинула мой мир,— думал он,— ничего не оставив взамен, кроме готовящегося стать матерью и потому не способного быть спутником и товарищем моим существа».

И пока думала так одна половина его сознания, вторая рисовала в воображении плавные изгибы тела Ванни, пробуждая сладкие воспоминания и рождая картины лучей солнечного света и обманчивой безмятежности болотных топей — всего земного, простого и прекрасного.

«Проклятие первобытной Пещеры,— размышлял Эдмонд,— хоть и в меньшей степени,— чем у тех джентльменов, кто каждое утро, оставляя своих дам беречь огонь семейного очага, отправляется на охоту,— все же руководит мною. Жизнь — это последовательность строго повторяющихся циклов, и даже самая независимая личность рано или поздно обнаруживает, что ее маленький жизненный круг захвачен кругом гигантским, и название ему — общество».

А вторая половина уже рисовала новый образ, и был он...

Однажды вечером он увидел Ванни и Поля на Мичиган-авеню — увидел и, подчиняясь уже не чуждому, а отныне хорошо знакомому ему чувству сострадания и жалости, затаился в темном подъезде «Норт Американ Билдинг». Древнее, как этот мир, желание вмиг разметало логические построения его двойного сознания, а неживая бледность щек Ванни болью остро отточенного клинка пронзила плоть. Но и в смятении чувств все же увидел Эдмонд, как затрепетал взгляд женщины, как отчаянно заметался по сторонам в поисках чего-то безнадежно потерянного. А Поль, видимо, ничего не понял и говорил о чем-то ненужном и мелком.

«Она чувствует близость моего присутствия, как дано чувствовать только Саре,— думал Эдмонд в это мгновение.— Гибкость ее ума поразительна. Разве можно было в представлениях своих ограничивать потенциальное могущество простого человеческого мозга? Ока-

зывается, она взяла от меня гораздо больше, чем считал я возможным!»

Но никакие логические построения холодного разума не в силах были заглушить мучительной боли от утраты. Снова Эдмонд жаждал страстной и сильной любви человеческого существа, и оттого вялые ласки Сары казались еще более постылыми, чем прежде.

«Я вкусил опиумной отравы,— сказал он тогда себе.— Человеческая любовь не для моей породы. Ванни и я — мы смертельный яд друг для друга, и если я способен убить ее разум запретными видениями, она уничтожит мое тело фатальной прелестью наслаждения. Мы — чужие друг другу, мы — враги по природе своей; ничего дарующее счастье не родится в мимолетном союзе нашем».

Сказал и горящим взором проводил уходящую в темноту и теряющуюся там фигурку Ванни.

«Серебряное пламя чистого леса,— думал он.— Почему не Сара, а это враждебное духу моему существо так манит и зовет меня? Почему стремлюсь я не к породе своей, подобно жеребцу, стремящемуся к кобылице?»

Но молчало его второе «Я», не находя ответа.

«Потому, что мое понимание прекрасного замкнулось на женском теле. Красота — есть результат опыта; и не Сара, а Ванни ее живое воплощение».

Все чаще пока еще слабая, неоформившаяся в конкретное действие мысль о самоубийстве приходила и манила его за собой. Но упрямая гордость за расу свою отметала ее, негодуя.

«Без всяких сомнений, раса, чей первый индивид становится самоубийцей, не наделена природой способностью к выживанию. Именно на мне лежит груз ответственности доказать обратное».

А вторая половина возражала: «Столь примитивное понимание, что есть Долг, безусловно приведет к выводам ошибочным и непоправимым. Патриотизм, зов крови и гордость за текущую в жилах кровь — это химера. Покой — вот, чего стоит жаждать, вот, чего действительно проще всего добиться; и главное, что я знаю путь к нему».

Но первый разум настойчиво продолжал взывать к рациональному: «Мысль, допускающая слабость вида моего, в самой природе своей отвратительна. Для меня лучше будет продолжать жизнь и страдания жизни, дабы приблизить и облегчить приход расы моей».

И опять лукаво нашептывало второе сознание: «Зачем обрекать на страдания, подобные моим, последователей своих? Если суждено им прийти, пусть придут они; но не указывай им пути, не веди их на муки Ада. У Цербера было три головы — не две...»

И закончил Эдмонд обреченно: «Ни в погоне за знаниями, ни в погоне за властью невозможно обрести счастия. Счастье таится лишь в поисках его. Поиск — вот истинное наслаждение, а от достигнутого лишь удовлетворение. Но для меня — того, кто пришел в этот мир раньше назначенного ему срока,— недоступно ни одно, ни другое, ибо и желанная награда скрывается вне этого времени».

Но о чем бы ни думал он, все равно в самой малой частице сознания настойчиво жила Ванни, и вновь возвращался он к ней в мыслях своих. И понял тогда, что в любви живут две составные части, два великих атома: рождаемое разумом единство духа, и страсть — влечение тела.

«Вот так и моя любовь — разлучилась, рассыпалась на части, и не собрать мне ее половин, ибо люблю одну мозгом своим, а вторую — телом».

И он улыбнулся своей горькой улыбкой, услышав, как лукаво шепнуло одно из сознаний своему спящему двойнику: «И из этих двух — любовь тела слаще!»

«Значит, существует в мире наслаждение, которое не испытать мне,— единство этих двух атомов любви. Разум Сары и тело Ванни».

И в ту же секунду отринула прочь грезы сладких воспоминаний его вторая половина, на мгновение взглянула прямо в глаза темной мысли, поиграла лениво, взвесила и отбросила прочь. Он понял, что бывают вещи неизменной судьбы, а монстры могут вызвать лишь страх ненависти.

И от Ванни он вернулся мысленно к Саре — спокойной, мудрой Саре — единственной, кто мог блуждать

вместе с ним по лабиринтам мысли, но не способной идти рядом по широкой и прямой дороге плоти. К Саре, чье наслаждение носить в себе ребенка — есть величайшее из всех доступных наслаждений. К Саре, не познавшей силу человеческой любви и потому не алчущей ее. К Саре, чей разум не отравлен смертельным ядом плотских наслаждений.

«Она есть нормальное порождение своего вида,— устало заключил размышления свои Эдмонд.— В безмятежности чистого разума недоступно ей падать в пропасти отчаяния и взбираться на вершины наслаждений; ее существование есть результат покойного течения идей — их гладь никогда не нарушит даже слабый бриз чувственности. Я же рожден в темных глубинах и обречен безнадежно стремиться к залитым солнцем вершинам, подобно горизонту, тающим, исчезая в белесой пелене тумана. Суть моя испорчена чуждыми по духу радостями; по природе своей и я должен быть подобен Саре, но испита до дна ядом наполненная чаша».

Глава шестнадцатая
В КОТОРОЙ ЭДМОНД ОТКАЗЫВАЕТСЯ СЛЕДОВАТЬ ЗА ОБРАЗОМ

В один из тихих осенних дней вновь оказался Эдмонд на крутом обрыве уходящего к озеру холма,— того самого холма, где когда-то в страхе пальцами впивался в землю вращающейся в бешеном танце планеты, и вновь опустился на траву памятного ему склона. И смотрел Эдмонд, как важно чистит перышки щегол — этот не знающий, что такое бегство в теплые страны, лентяй,— и любовался живой грацией птицы. Он ответил его щебетанию, и ответ породил новый ответ — все живые существа, кроме Человека и его верного слуги — Пса, не отвергали Эдмонда.

«Наверное, я все-таки не Враг сущему, а скорее Хозяин его,— размышлял Эдмонд.— По природе своей я способен мирно жить рядом с тем, что человек готов разрушать».

Но вторая его половина не поддавалась искушению занять себя отвлеченными рассуждениями и, подобно закованной в тяжелую броню статуе, молчала угрюмо, в своем воображении пытаясь возродить иной образ — далекий и незабываемый. И тогда перелетными птицами мысли Эдмонда покинули закованный в ледовые торосы полюс бесстрастных логических построений и умчались в теплые края экватора, где, соединяясь в единое целое, встречались друг с другом две полусферы его сознания. И не противясь их воле, Эдмонд снова закачался на волнах печали, в тихой грусти находя для себя единственно доступное утешение.

«А теперь предположим,— думал он,— что я способен создать для себя некий мираж, духовный образ той, кого так страстно и трепетно жажду. И предположим, что я могу — не только могу, но и знаю, как — наделить этот образ достоинствами своих собственных мыслей, и разве полученный результат не удовлетворит страсть мою? Нет, невозможно такое. Но почему же? Не оттого ли, что чувства и индивидуальность ее как две капли воды станут моими? Тоже нет, ибо и настоящая, из живой плоти сотворенная Ванни существовала сообразно моим мыслям мною же созданного характера».

И тогда второй разум добавил: «Что действительно будет отсутствовать в созданном силой разума образе, так это живущие в настоящей Ванни чувства любви и поклонения. Этим я никогда не смогу наделить мысленный образ, ибо только Творцу моему доподлинно известно, отчего мне чужды эти чувства!»

Тем не менее Эдмонд сотворил для своих чувств желанный образ и благодаря доступному лишь его способностям дару высочайшей концентрации сделал реальным, существующим вне пределов его сознаний. А так как, противясь строгим доводам холодной логики, всегда испытывал невыразимое наслаждение от созерцания белоснежных прелестей возлюбленной своей, то получился образ таким, будто танцевала Ванни у огня камина, и ее гибкое тело было подобно отточенному клинку. И еще он сделал так, чтобы тихий осенний полдень превратился для них двоих в ночные сумерки,

и смотрел, как они опускаются, накрывая все таинственным пологом. И только потом приблизил к себе образ и, почувствовав на груди своей знакомое тепло, прикоснулся губами к нежно раскрывшимся губам и заговорил с видением:

— Ответь мне, Ванни, стала ли жизнь твоя с Полем менее несчастной, чем со мною была?

И образ отвечал тихо:

— Я — Ванни, которая всегда принадлежала тебе, и забыла я Поля.

— Не хочешь ли ты вернуться? Призвать назад все то, чем жили мы с тобой?

— Как могу я вернуться? Как могу я вернуться к тому, что не покидала никогда.

— Это горький упрек мне, Ванни. Но знай, любимая, без тебя и жизнь, и разум мои пусты.

— Я буду твоей всегда, стоит лишь пожелать тебе.

— Нет,— не сразу нашел в себе силы, но все-таки сказал Эдмонд.— Я следую по пути наименьшего зла, и разлука для нас двоих — единственное спасение.

— С каких пор рациональное стало мерилом поступков твоих, Эдмонд?

И тогда Эдмонд взглянул в темные, печалью наполненные глаза возлюбленного видения своего, и показалось ему, что в этот момент образ уже не его, а собственные мысли он облек в слова. И на короткий миг Эдмонд почувствовал себя творцом всего сущего, божеством, силою проникновенных чувств своих вдохнувшим жизнь в мысленный образ. И потому страстно возжелал он сделать то, против чего восставал разум,— признать законченной реальностью существование сотворенного им милого образа и отвергнуть здравый смысл как мерило всего.

«Предположим,— погрузился он в размышления, ощущая живую теплоту прекрасного женского тела в объятиях своих.— Предположим, отрекусь я от мира реальности и приму за действительно существующее образ сей, и перенесусь вместе с ним в мир грез, чего жажду я истинно и что не составит труда исполнить. И возможно, именно в таком мире смогу обрести я счастье, и фантазии мои не будут противны холодной

логике, ибо не противоречит сие утверждению, что лишь в мечтах доступно счастье. И если в этом заключается истина, не станет ли решение мое частью великой мудрости, ибо только в мире грез все желания мои станут законами, и только ими будет измеряться покорность спутника моего и всесилие собственного разума?»

И откуда-то из самых глубин малая частица сознания усмехнулась глумливо: «Смотри, Ницше, вот стоит перед тобой сверхчеловек, растрачивающий ласки свои на мираж и наслаждающийся мечтаниями, подобно ребенку с больным воображением. Отречься от реальности бытия, уйти в мир созданных тобой грез значит обречь себя на добровольное сумасшествие!»

Он снова вернулся в мыслях к творению, и образ с благодарностью улыбнулся ему в ответ.

— В моей забаве с тобой нет ни капли мудрости, ни капли разума,— сказал он.— Насыщение чувств несуществующим очарованием — это путь к сумасшествию.

— Но почему бы и нет? — мечтательно возразил образ.— Разве не тебе принадлежит утверждение, что красота, как и истина,— есть понятия относительные, существующие лишь в сознании наблюдателя? Если здравый смысл остается твоим единственным проводником, откажешься ли ты от выводов собственной логики?

И тогда пронзил Эдмонд взглядом создание свое — тем самым взглядом, что было для Ванни олицетворением ужаса, но заговорил так, как всегда жаждала слышать она:

— Ванни! Ванни! Ответь на вопрос, о котором я думаю сейчас!

Образ затрепетал, и сверкающий взор темных глаз устремился в глубины души создателя.

— Я люблю тебя, Эдмонд! Ты не такой, как все мужчины, но величественнее их. Демон — ты или нет, но я люблю тебя. Не будь жесток ко мне.

— Фу-ты! — сказал Эдмонд.— Я забавляюсь миражами! Ведь это мои собственные, возвращенные мне же слова.

И он прогнал образ прочь, встал и поднялся к машине, но в тот момент ему показалось, что не обезлюдел склон, не застыл в угрюмом одиночестве, ибо под ветвями дерева ожило, затрепетало марево золотого тумана, словно концентрацией своего сознания он создал объединившее блуждающие атомы поле, и теперь оно, переливаясь, золотым туманом следовало за ним, тянулось, звало вернуться назад. И, понимая, что разумнее будет отвернуться и бежать от своего видения, Эдмонд смотрел с застывшей думою во взгляде, как танцевало, постепенно исчезая в лучах солнца, золотое облако.

Глава семнадцатая
БЕСЕДА НА ЗЕМЛЕ

С той поражающей воображение сноровкой, что всегда отличала его в общении с машинами, Эдмонд вел свой серый родстер по Шеридан-роуд, к югу. Не будет большим преувеличением сказать, что любой механизм являлся как бы естественным продолжением его тела. Вот и сейчас необходимые импульсы мозга с такой же непосредственной легкостью передавались по его конечностям до вращающихся по шершавому бетону дороги колес машины, как если бы они предназначались лишь для кончиков пальцев на его руках. Эдмонд Холл и его автомобиль двигались в пространстве, как единое живое существо,— разве что мысли их занимали разные.

Родстер затормозил под красным сигналом светофора, и Эдмонд увидел человека в очках с толстыми стеклами и палку в его руке — характерную особенность Альфреда Штейна, терпеливо дожидавшегося на остановке прибытия своего автобуса. Эдмонд жестом пригласил профессора сесть в машину, и со вздохом облегчения тот уселся на переднее сиденье.

— Маленькие электроны, что приходится носить на себе, к старости становятся все тяжелее и тяжелее,— близоруко щурясь, вздохнул профессор.

— Награда найдет вас несколько позже, когда другие ухватятся за результаты ваших трудов, сочинят

обзоры, придумают теории, которые просуществуют месяцев шесть, а в лучшем случае чуть больше.

На что Штейн улыбнулся в достаточной степени миролюбиво, хотя порой требовалось немало усилий заставить себя любить этого странного Эдмонда Холла.

— Таков удел всякой экспериментальной науки, а вы, кажется, о ней не особо высокого мнения?

— Ваша наука,— ответил Эдмонд,— по сути своей приближается к состоянию китайской науки — огромное тело, подчиняющееся совершенным законам, в которых полностью отсутствует всякий здравый смысл. Снежный ком знаний становится слишком тяжел для всех ваших толкающих его вперед мудрецов.

— Что прикажете в таком случае делать? По крайней мере, мы продолжаем поступательное движение вперед.

— А вам нужен новый Аристотель, новый Роджер Бэкон, чья провинция — универсальная наука; некто — кто бы смог систематизировать все факты, накопленные при изучении особенностей строения этого мира.

— Не хотелось бы вас особенно огорчать, но сие утверждение является полнейшей утопией, ибо никакая, пусть даже сверхгениальная личность не способна постичь бесконечного множества мельчайших фактов и фактиков, что удалось отвоевать у природы. Для того чтобы сделаться специалистом в какой-то, пусть даже не очень значимой области, требуется вся сознательная жизнь.

— Я бы не стал торопиться с подобными выводами.

— Тогда, может быть, вы назовете имя такого человека?

— Это — я,— спокойно произнес Эдмонд и тут же невольно вздрогнул, услышав рядом с собой довольный смешок. «У меня полностью отсутствует чувство юмора,— напомнила вторая половина его сознания.— Вещи, вызывающие бурное веселье этих существ, кажутся мне порой весьма удивительными».

— Послушайте, мой юный друг,— отсмеявшись, попросил старый профессор Штейн.— Если вы так уверены в собственных возможностях, то не рискнете ли пролить свет на некоторые из наших вечных тайн?

— Вполне возможно,— сухо кивнул Эдмонд.— Какие вас интересуют больше всего?

— С вашего позволения — некоторые. К примеру, как освободить энергию материи, энергию атома?

Взвешивая вопрос, сопоставляя возможные варианты продолжений, Эдмонд на короткое мгновение заколебался. Все могло быть чрезвычайно просто — несколько осторожных намеков, и, если у господина Штейна достанет проницательности, ключ к вратам, за которыми сокрыта недостижимая для человечества тайна, окажется в его в руках. И пока одно из сознаний рисовало мрачные картины вырвавшейся на свободу, неуправляемой огненной энергии, второе настойчиво подсказывало: «Расскажи им, как из атомов радона сделать вибратор...» «Молнии Зевса в обезьяньих лапах. Ты увидишь, как пожирают друг друга эти дикари»,— продолжало рисовать зловещие образы последствий открытия первое сознание. И, подавив искушение, заключило второе сознание: «Как бы ни было забавным увидеть все это собственными глазами, в конечном счете подобное благодеяние действительно опасно, ибо в преступном легкомыслии можно засыпать источник, откуда начнет проистекать новая раса, а одряхлевшие человеческие идолы уже не смогут спасти свой обреченный народ».

И тогда Эдмонд решил не испытывать судьбу:

— Я создал электронную лампу, которая в некотором смысле решает эту проблему,— просто сказал он.

— Разумеется,— подтвердил профессор.— Но честно признаюсь, кроме того, что ваша нить накаливания, хоть и в меньшей степени, чем радий, но вопреки всем мыслимым законам обладает радиоактивностью, я, к стыду своему, в ней более ничего не понял. Да, действительно, нить высвобождает какую-то энергию, но энергия эта незначительна. Я же подразумеваю силу, которая способна хотя бы на это...

И профессор обвел рукой открывающуюся перед их взорами картину: проносящиеся с неумолчным гулом потоки машин, уличные фонари, светом своим разрывающие вечерние сумерки, гремящие на подъеме вагоны подземки. Энергия, даже в самом малом ее прояв-

лении, была везде и повсюду, и потоки ее неистовые и бурные, как кровь, бежали, струясь по медным проводам-венам воздвигнутого на берегу озера Колосса.

— Так сколько этих маленьких нитей накаливания вам потребуется, чтобы создать все это? — спросил профессор.

— Не стану с вами спорить,— ответил Эдмонд.— И не стану умалять выгоды, которые можно извлечь из практически неисчерпаемого источника атомной энергии. Скажу лишь одно — в любом, даже самом очевидном, благе всегда таится скрытая опасность. Та же энергия, что дает жизнь этому городу, способна и уничтожить его. Вы, возможно, видели или, по крайней мере, знакомы с результатами испытаний современных взрывчатых средств. Разрушительная сила продолжительностью в секунды поражает, и тогда, что говорить об атомной бомбе, последствия взрыва которой будут сказываться на протяжении многих месяцев?

— В обладании неисчерпаемым источником энергии отпадет всякая экономическая необходимость ведения войн, мой юный друг,— покровительственно заявил профессор Штейн.

— Необходимость — да, но только не желание.

Во второй раз Эдмонд услышал рядом с собой профессорский смешок.

— Порой мне ничего иного и не остается, как признавать вашу точку зрения очень похожей на правду, мистер Холл, но даже в таких случаях я не очень вас люблю.— Штейн помолчал слегка и после небольшой паузы продолжил: — Допустим, отныне я признаю за вами право на абсолютное знание. В таком случае, извлекли ли вы из этих известных вам знаний некое философское зерно? Можете ли вы, к примеру, сформулировать некоторое утверждение, которое можно было бы считать неопровержимой истиной? Могли бы вы точно сказать,— и снова профессорская рука описала плавную дугу перед ветровым стеклом,— в чем цель и смысл этой жизни?

— Хорошо,— медленно произнес Эдмонд, слушая, как одна из половин его сознания, насмехаясь, пропе-

ла: «Ты слышишь, до чего они нас довели, я чуть было не начала грязно ругаться».— Да, отчасти я выработал для себя некоторые представления о явлениях этого мира — так, как я их понимаю. Но не думаю, что мои представления могут являться неопровержимой истиной, ибо не существует в природе истин абсолютных. А может быть, вы верите, что такие истины существуют?

— Нет,— отвечал Штейн.— Вместе с вашим Оскаром Уайльдом я соглашаюсь с тем, что — ничто не может быть всецело истинным.

— Это утверждение из области парадоксов,— усмехнулся Эдмонд,— и чтобы быть истинным, изначально должно быть ложным. Хотя существует некое определение, которое можно было бы отнести по сути своей к истинным,— определение из области этакой прагматичной эйнштейнианы, но применительной не только к чистой науке, но и ко всей природе вещей в целом.— Выдохнув струю сигаретного дыма, Эдмонд продолжил: — Кебелл тоже изрядно потрудился над этой проблемой и, следует отдать ему должное, нашел довольно оригинальное решение: «Все в этом мире подвержено влиянию времени, и ничто не вечно в нем, кроме перемен». Тем не менее даже поверхностный анализ подскажет нам, что и эта истина — истина лишь относительная.

— Гм-м,— хмыкнул профессор.— Вполне возможно.

— Абсолютной же можно считать лишь эту истину: все мировые явления относительны с точки зрения наблюдателя. Только сознание наблюдателя может определить, что есть истина, а что есть ложь.

— Так-так,— покачал головой профессор и добавил: — Но я не верю этому!

— И тем самым подтверждаете истинность моего заявления,— спокойно возразил Эдмонд.

В молчании, словно увидел впервые, разглядывал Штейн тонкогубое, с застывшим на нем иронично-насмешливым выражением лицо своего соседа.

— А что касается вашего последнего вопроса,— невозмутимо продолжал Эдмонд,— то ответ будет, вне

всяких сомнений, однозначным: нет никакого смысла в этой жизни.

— Думаю, что в молодости мы все открываем эту истину, чтобы с годами начать в ней сомневаться.

— Я подразумевал не совсем то, что вы сейчас позволили себе вообразить. Разрешите задать вам вопрос? Что станет с прямой, спроектированной на поверхность одного из пространственных измерений?

— Согласно Эйнштейну она повторит искривление пространства.

— Ну а если вы продлите эту прямую до бесконечности?

— Она замкнется и станет окружностью.

— А если рассматривать время, как пространственное измерение?

— Я понимаю. Вы хотите сказать, что время — есть повторяющая себя кривая.

— Вот и ответ на ваш вопрос,— мрачно произнес Эдмонд.— Какой смысл вы собираетесь найти в том, что называете жизнью и что в действительности есть ничтожная, измеряемая не градусами, но долями секунды дуга в гигантском, без начала и конца круге времени, в котором нет места надежде, нет видимой цели, а есть лишь бесконечное повторение пройденного. Прогресс — это мираж, а судьба жестока и неумолима. Прошлое есть продолжение будущего, и они бесконечно сливаются друг с другом в точках пересечения этого гигантского круга с его диаметром, что зовется настоящим. И даже самоубийство не принесет спасения, ибо все опять повторится, до финальной точки подетски наивной попытки восстания.

Наступило молчание. Зараженный пессимизмом своего попутчика, профессор Штейн угрюмо провожал глазами текущую подле них реку из стали. Потом снова перевел взгляд на насмешливый профиль своего случаем назначенного компаньона и невольно захватил тот момент, когда тонкие губы Эдмонда Холла задрожали язвительно-ироничной усмешкой.

— Боже милостивый,— не выдержал, наконец, профессор.— И это ваша философия?

— Не вся, а только доступная словам часть ее.

— Доступная словам? Что вы хотите этим сказать?

— В моем понимании существуют две категории мыслей, чье выражение недоступно для слов. Слова — вы, наверное, и сами с этим сталкивались — довольно примитивный и грубый инструмент. Составление из простейших слов фраз, предложений, которые смогли бы придать мысли какую-то определенную, законченную форму,— этот процесс чем-то напоминает мне кирпичную постройку. Слова — это те же кирпичи, в них не хватает гибкости, глубины, непрерывности перехода от одного элемента к другому. А есть мысли, которые заполняют эти пустоты, лежат в расщелинах слов — это тени, тончайшие оттенки, нюансы,— если вы пожелаете. Слова могут лишь весьма приблизительно обозначить контуры этих мыслей, и многое тут будет зависеть от настроения и чувств.

— Да,— согласился Штейн.— Это я вполне допускаю.

— Но существует и другая категория мыслей,— и столько тоски зазвучало в этот момент в голосе Эдмонда, что Штейн невольно бросил на него короткий, встревоженный взгляд.— Мыслей, что существуют вне всяких подвластных выражению человеческой речью пределов,— это страшные, несущие безумие мысли...

Эдмонд замолчал. В плену его откровений, рождая собственные картины, молчал и профессор; и прошло несколько долгих минут, прежде чем он решился вновь заговорить.

— И к вам приходят эти мысли?

— Да,— коротко ответил Эдмонд.

— Значит ли это, что вы больше, чем просто человек?

— Да,— вновь прозвучал короткий ответ.

— Тогда, тогда мне кажется, что вы просто безумец, мой друг, но не отрицаю, что в некоторой степени и я...— не закончив, профессор перевел взгляд на руки Эдмонда, одна из которых покойно лежала на баранке руля, а вторая подносила к губам сигарету.— Без сомнения, существует некоторая разница... Пожалуйста, остановите на Диверси.

Автомобиль мягко подкатил к поребрику тротуара, Штейн распахнул дверцу, тяжело выбрался наружу и с мгновение молча смотрел на Эдмонда.

— Спасибо, что подвезли и, конечно, спасибо за содержательную лекцию,— наконец сказал он.— Всякий раз после наших столь редких общений я становлюсь обладателем драгоценного перла новых знаний. Сегодняшний я бы рискнул описать вот так: нет в этом мире места надежде, а общая сумма всех знаний человечества равняется нулю.

По губам Эдмонда снова пробежала ироническая усмешка.

— Когда вы действительно это поймете,— сказал он, медленно трогая машину вперед,— вы станете одним из нас.

Тяжело опираясь на трость и подслеповато щурясь вслед давно скрывшейся из виду машине, профессор Штейн еще долго продолжал стоять в глубокой задумчивости.

Глава восемнадцатая
ЭДМОНД ВНОВЬ СЛЕДУЕТ ЗА ПРИДУМАННЫМ ИМ ОБРАЗОМ

После дарованной Альфредом Штейном передышки снова вернулась к Эдмонду Холлу старая мука неутоленного желания. И в ровном бормотании мотора вдруг почудился ему бесконечный повтор: Ванни... Ванни... Ванни... И в резких гудках клаксонов тоже звучали лишь одни нотки: Ванни! Разбитый, совершенно несчастный он вернулся на Лейк-Вью — к месту своего постоянного и довольно-таки странного жительства.

Там, в подъезде дома, автоматическим движением он просунул ключ в замок почтового ящика. Сара никогда не опускалась до столь прозаического занятия, ибо считала немыслимым, что внутри этой железной коробки может содержаться нечто, способное представлять для нее интерес. Но на Эдмонде, при всей его отстраненности от суеты внешнего мира, все же лежала обязанность содержать в образцовом порядке меха-

низм их маленького домашнего хозяйства; а в утробу этого ящика попадали требовавшие оплаты счета, реже — уведомления о гонорарах Стоддарта, или еще реже — предложения технического характера. И сейчас равнодушным и привычным движением он сгреб в кучу свой обычный набор корреспонденции и вдруг замер от неожиданного предчувствия. Среди официального вида конвертов с безликими, напечатанными на пишущих машинках адресами лежало невзрачное, тоненькое до прозрачности письмецо, с бисером выведенных от руки букв. Ванни!

Волна теплой радости, столь неестественной холодной расчетливости Эдмонда, подхватила его и тут же угасла. Что бы ни написала Ванни, это не могло уже изменить существующих обстоятельств, не могло соединить два чуждых по природе своей существа, не разорвало бы безжалостного круга времени.

И он тогда положил конверт в пачку к остальным — одинаковым и безликим — и нажал кнопку автоматического лифта, чтобы через короткие мгновения войти в квартиру, ставшую в этом настоящем тихим прибежищем для него и Сары. И, привыкнув, уже не удивился, не увидев встречающей на пороге жизненной спутницы своей. Сара либо рисовала в солярии свои бесконечные маленькие пейзажи, либо, мечтая, уходила в себя, замыкаясь в оболочке недремлющих мыслей своих сознаний. Теперь разве что очень редко желали они общества друг друга; Сара была удовлетворена тем, что снят с ее плеч груз забот о хлебе насущном, удовлетворена, что носит плод новой жизни, удовлетворена искусством своим. Нетребовательную по природе, ее вполне удовлетворяли время от времени звучавшие слова похвалы и мимолетные ласки.

Но тем не менее, и Эдмонд признавал это безоговорочно, Сара была совершенна в своем роде, этакая идеальная Ева для своего генетического Адама, самодостаточная женщина-сверхчеловек. Отстраненная от бед окружения своего, приспособившаяся, счастливая там, где не было покоя и счастья для Эдмонда.

Так думал Эдмонд о спутнице своей жизни, а вторая часть сознания, не способная забыть о тоненьком кон-

верте, беспокойно волновалась, как океан в ожидании бури. И тогда Эдмонд открыл конверт, извлек на свет полупрозрачный листок бумаги, взглянул на него и буквально с одного взгляда постиг суть немногих торопливых строк:

Нет слез оплакивать любовь,
Что, как игла, вонзилась в плоть.
И будет жить во мне всегда,
Превозмогая боль и муки.
И пусть проносятся года —
Они не облегчат разлуки.
Я от нее не в силах отказаться —
Могу я и сквозь слезы улыбаться.
Надменный взгляд, в глазах твоих презренье,
О Боже, от любви дай избавленье.
Хотя, увы, я понимаю ясно,
Что все мои стенания напрасны!

И в третий раз за короткое время его захлестнула волна жалости, он стоял без движения у раскрытого окна и смотрел на увядающую зелень парка, туда, где великое озеро Мичиган дробило холодный огонь восходящей луны, превращая его в зыбкую, сверкающую дорожку. Ванни! Бедная Ванни, чье прекрасное белоснежное тело отвергнуто и полузабыто. Любимая Ванни, чей жизненный путь переплелся с его дорогой, и потому потерялась она, не зная, куда и как идти. Дорогой маленький человек, желавший лишь одного — прожить предназначенную ей жизнь в мире и любви, как птицы и звери живут, как все сущее в этом мире жить должно!

Эдмонд сжал листок в кулаке, бросил смятый комок в растворенное окно и смотрел, как, медленно вращаясь в воздухе, летит он с высоты дюжины этажей — летит, как маленькая планета, населенная условностями и предположениями,— этими бесконечными: «может быть» и «так надо». И снова взгляд его обратился к планете-спутнику, и казалось ему, что смотрит он сверху вниз на гигантский, вырастающий на конце лунной дорожки, сверкающий диск. Он смотрел, как серебряным дождем омывает он воды озера, чьи волны

дробят холодный свет на белоснежные лепестки и уносят в темноту.

«Умерший мир бросает цветы к могиле мира уходящего»,— подумал Эдмонд, и неожиданным откровением распахнулась перед ним мысль, что смотрит сейчас на идеальный по сути своей мир. Безжизненная пустота — вот счастливейшее из состояний, к которому стремятся все планеты, когда выветрятся с поверхности их зловонные миазмы от неизлечимой, зовущейся Жизнью болезни.

Он почти рядом, этот маленький, выжженный от скверны солнечным пламенем и очищенный ледяным холодом вечного космоса лунный мир — мир голых скал в безвоздушном пространстве. Вот он, желанный и единственный конец всех начал! Сплелись, вращаясь вокруг одного центра и Рай и Ад. Рай — это мир жизни уничтоженной; Ад — мир, обреченный на жизнь. И мысли его приняли законченную поэтическую форму:

В этом мире безмолвном
Над заснувшей водой
Ты волшебно восходишь
Над стихией морской.
На лице ощущаю
Тень холодных лучей,
Тем прекрасней и ярче,
Чем твой свет холодней.
Серебро разбросала
В тихо спящих волнах,
Словно все, что осталось,—
Все повержено в прах.

«Элементарное представление, аккуратно обряженное в простенький словесный наряд и оттого теряющее внутреннюю значимость, кажущееся простым и невыразительным... но в какой-то мере все-таки гордая мысль»,— отметило первое сознание, и Эдмонд почувствовал удовлетворение — удовлетворение существа, наконец решившего для себя непростую задачу. И вместе с ним неожиданно пришло понимание, что где-то совсем рядом стоит подле него Сара.

И когда он повернулся, то увидел, что она стоит за его спиной; и сумерки, накрывая собой, размывают очертания нескладного, изможденного ее тела, и лишь приглушенный свет лампы, отражаясь в зрачках, живым делает напряженный взгляд. Чужим, почти враждебным показалось в ту минуту лишенное живой плоти, обтянутое пепельно-серой кожей ее тело. «Я знал другое, белоснежное, горевшее огнем жизни, а тело Сары может светиться лишь холодным светом разума — мерцающим, зыбким светом, что исходит из ее глаз».

И в ту секунду, когда встретились их взгляды, Эдмонд понял, что Сара знает о желаниях и о его унижении и принимает эти знания без злобы и гнева, ибо уже завладела всем, что он мог дать ей и чего жаждала получить. И, чувствуя, как яд разъедает его душу, все могла понять Сара, но не было в ней сочувствия, и понимала она равнодушно, без жалости к нему, ибо неведомы и непонятны были ее существу эти чувства. Она видела — как и Эдмонд, конечно, видел — опасности и неизбежный вред от забав с силами, неестественными его природе, но, в отличие от своего спутника жизни, жили в ней внутренние запреты, способные отвергнуть и противостоять искушениям, чего не мог и не хотел Эдмонд, и потому метался в несчастьях, без внутреннего покоя, отвергая разумное счастье в единении с себе подобной. И понимая все это — не душой, но холодным разумом понимая,— Сара заговорила первой:

— Это жестоко и глупо поступать так, Эдмонд. Ты стоишь у раскрытого окна, наблюдаешь проносящуюся мимо чужую жизнь, а сам не в ладу со своей собственной.

И тогда Эдмонд ответил:

— Только половина моя смотрит на чужую жизнь, а вторая борется с отчаянием в потоке жизни этой.

— Существу, тебе подобному, даровано великое благо парить высоко над потоком этим.

— Но я не могу противиться наслаждению, опускаясь в стремительное течение.

— Это отравленный поток, Эдмонд. Кто попадает в пучины его, того навсегда лишает он сил, грязью с

самого дна своего покрывает тело, душу и мечты, рожденные душой. Только испачканный в грязи может плыть в течении этом. Это отравленный поток и настоящее ему имя — Флегетон.

— Все, о чем ты говоришь,— это правда,— едва слышно прозвучал в сумерках голос Эдмонда,— но правда и то, что не только забирает навечно Флегетон, но и дает взамен определенную цену, точно платит по счету естественных законов природы. В гнойной грязи, что лежит на дне его, скрываются драгоценные, способные гореть огнем самой яркой звезды камни, и кто окажется в самой глубине грязи этой, тому и достаются самые прекрасные из сокровищ.

— Неспособны принести счастье сокровища, о которых ты говоришь, ибо именно в них таится самая смертельная отрава.

— Как бы то ни было, камни эти удивительно прекрасны и на многие годы способны сохранить свою красоту.

И, услышав смятение в последних словах Эдмонда, Сара шагнула вперед, придвинулась ближе к спутнику своему и с силой, данной ей самой природой, заглянула в его глаза. И, пытаясь вновь возродить ауру понимания и симпатии, что когда-то укутывала их души, они смотрели друг на друга и молчали — долго смотрели и еще дольше молчали. Не получилось возродить былого, ибо неумолимое движение круга времени развело их на самую малость в стороны, и потому сознания их уже не могли стоять лицом к лицу в этой жизни. Первой опустила глаза Сара и ровным, спокойным голосом сказала:

— Эдмонд, Эдмонд, страшные и грязные мысли наполняют твой разум; и я вижу отчетливо, что ждет тебя впереди.

А Эдмонд молчал, и в молчании глядел на луну, что уже до половины диска поднялась из переливающихся серебром вод озера, и тогда вновь заговорила Сара:

— Самое благоразумное подчиниться судьбе своей и остаться в предназначенном тебе самой природой круге; это смертельный яд, отравивший тело и разум, зовет тебя куда-то.

И тогда заговорил Эдмонд, и из горечью наполненных слов исчезло былое смятение:

— Как ты можешь говорить так — ты, не испытавшая на себе ничего из опустошающей боли и величия наслаждений человечества? Что можешь знать ты о наслаждениях, что обжигают до боли, и боли такой мучительно-сладкой, что наслаждение становится невыносимым?

Как можешь знать ты, что не стоят они того, с чем придется расстаться мне, даже в предчувствии грядущего, ожидающего меня?

— Я не знаю и, глядя на яд, отравивший разум твой, не хочу познать это.

— Да,— сказал Эдмонд, и снова в голосе его звучала печаль,— ты не знаешь этого и не хочешь знать, ибо совершенна в роде своем и чужды твоей душе чувства, исключая одно. В тебе вся сила и острота их разбавлена до пресных вкусов и привязанностей, что-то тебе может нравиться, а что-то не очень; и эти вялые, спокойные ощущения ведут тебя по жизни и руководят поступками твоими, но не способна ты переживать и чувствовать с той силой, что доступна простым существам на улицах.

— Что есть в них такое, чему должна завидовать я?

— Только их способностям переносить страдания,— ответил Эдмонд,— но это великое и благороднейшее из всех качеств; с ним одним способно человечество победить нам подобных. Способность эта порой делает жизнь их невыносимой, но и более яркой, чем наши жизни. Страдая безмерно, они все равно не желают расставаться с ней.

И двое у раскрытого окна снова замолчали, и в горьком молчании блуждали их сознания там, где нет цены словам. И с каждой новой минутой тишины все дальше уходили воспоминания о когда-то укутывавшем их пологе взаимных симпатий, что-то исчезло навсегда и не хотело более возвращаться. Эдмонд стоял в дорожке струящегося из распахнутого окна лунного света, но не холодное серебро стало причиной смертной бледности его лица. А в сумрачной тени стояла подле него и чего-то ждала Сара — спокойная, непроницаемая Сара, чьим

чувствам никогда не подняться до высот пылающей страсти! Первым нарушил молчание Эдмонд:

— Иногда я думал и терялся в догадках — действительно ли разум стоит цены своей, или это в конце концов древнее проклятие Адама, силой обретенного сознания разлучившего нас с простым и благородным, что существовало некогда в этом мире. Только о половине этих вещей могу я догадываться и не знаю, способна ли ты понять их, имея, пускай и совершенный, но холодный разум.

Он повернулся внезапно, сделал шаг в сторону полутемного холла и потому не видел, как в лунной дорожке, перечеркивающей озерную гладь, что-то сверкнуло на короткое мгновение, заплясало призрачным облаком, поманило и исчезло.

— По твоим меркам и по меркам всех подобных тебе, кто признает лишь рациональное, поступок мой лишен мудрости, но я ухожу в жизнь не без веры. В жизненном потоке ты плывешь по поверхности, и неизвестны тебе глубины его, в которых сокрыто неподвластное разуму — даже такому, как твой, Сара. И, даже зная, что ожидает меня неизбежно, ухожу я с надеждой и с радостью, какой никогда до этого не испытывал.

Эдмонд закончил и скрылся в темноте, оставив стоять в неподвижности Сару, на чье лицо изогнутым полумесяцем падал сейчас лунный свет; и стояла в молчании Сара, провожая его взглядом, в котором не было ни гнева, ни злобы, а лишь легкое сожаление от поступка его.

Глава девятнадцатая
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОЛИМП

Эдмонд ступил на землю Кенмор-стрит, захлопнул дверцу машины и, подняв голову, смотрел на дом свой. В окнах библиотеки, мерцая, светился тихий огонь камина. Голубой огонь кеннельского угля — символ тепла, радости встречи родного дома — манил к себе из зябкой прохлады осеннего вечера. И больше не было

огней — значит ли это, что Поль и Ванни рядом, в одной комнате? Лениво, одной половинкой сознания подумал об этом Эдмонд и тут же забыл, ибо не значило это уже ничего. И, тихо ступая, пошел он к подъезду, вынимая собственный ключ. И, открывая двери, вдруг увидел скрывающуюся в темноте одинокую фигуру, и, когда обратил на нее Эдмонд свой напряженный взгляд, исчезла фигура, растаяла в осенних сумерках навсегда.

Эдмонд открыл двери, не включая свет, сбросил в темной передней пальто и шляпу, поставил рядом трость, с которой не расставался никогда, и пошел на свет и звуки тихой музыки, медленно плывущие из библиотеки.

Там, у огня камина, подле черепа обезьянки, увидел он застывшую в ожидании Ванни. Его подарок — халат багряного шелка, светился, переливаясь в голубом огне, и в свете языков пламени увидел Эдмонд две гибкие, стройные тени ног Ванни. Черные волосы ее, как летный шлем, обрамляли бледное лицо, с широко распахнутыми, застывшими в печали и раздумье глазами. И замер Эдмонд, не в силах переступить порог, от захватывающего дух видения прелести своей возлюбленной.

Когда же решился, подошел к ней ближе и взглянул на лицо и в глаза ее, изучая. Она немножко похудела, стала немножко бледнее, но глаза ее, без сомнений, покинуло выражение застывшего страха беспомощности. И одна из половин сознания подсказала Эдмонду причины увиденных перемен: «В мое отсутствие все невыносимое и непонятное, что узнала она от меня, медленно растаяло, как тает, исчезая, тяжелый газ, и, не ведая слов, чтобы вызвать и удержать видения в памяти, сохранились они в ней, как обрывки туманного, далекого сна».

Ванни опустилась на низкую деревянную скамью у огня и взглянула робко и застенчиво в глаза Эдмонда. Он улыбнулся и, наверное, в первый раз не было горькой иронии в той улыбке. Он нагнулся, поцеловал ее в губы и сел рядом. И в поцелуе почувствовал вкус вина на ее губах и увидел, как начали разгораться щеки ее румянцем.

«Ожидая моего прихода, она оградила мозг защитным бастионом,— с горечью подумал Эдмонд.— Само присутствие мое — вызов ее разуму».

Наконец заговорила Ванни:

— Ах, Эдмонд, как я надеялась, что ты придешь. Как сильно я хотела тебя.

Длинные пальцы Эдмонда, лаская, касались ее тела. Эта красота снова входила в его мир, возвращая покой измученной душе.

— Сначала я только надеялась, что ты придешь, Эдмонд, а когда поняла, что ты уже рядом, отослала Поля прочь, и это было трудно и очень горько для меня, но, зная, как делал это ты, заставила я его уйти...

Голос Ванни оборвался в тишине, чтобы снова ожить тихим вопросом:

— Ты пришел, чтобы остаться, Эдмонд?

— На столько, сколько отпущено будет мне, дорогая.

— А это долго?

— Это, может быть, навсегда... для меня.

— Тогда я счастлива, Эдмонд.

И в молчании счастья от присутствия возлюбленного своего потекли для Ванни тихие, наполненные блаженством, не омраченные мыслями минуты тишины. Величайшее из всех доступных, снизошло и на Эдмонда счастье, и если не дремал его разум, то горечь мыслей терялась, пропадала в обволакивающих звуках музыки.

— Потанцуй для меня, Ванни.

Она встала, провела руками по телу, и от движения этого соскользнул с ее плеч багряный шелк и остался лежать на полу, переливаясь и поблескивая, как лужица маслянистой черной нефти; а сама она переступила ее и поплыла, как теплый воздух от дуновения легкого, ласкового ветерка.

Эдмонд смотрел на нее и упивался блаженством открывшейся ему вечности, и только потом приблизил к себе образ и, почувствовав на груди своей знакомое тепло, прикоснулся губами к нежно раскрывшимся губам, и заговорил с ней:

— Ответь мне, Ванни, со мной ты менее несчастна, чем с Полем?

— Я — Ванни, которая всегда принадлежала тебе, и я забыла Поля.

И встревоженно ожил в памяти одного из сознаний тот полдень, когда он сидел на склоне уходящего к озеру холма и говорил с видением своим. И заметил еще, как незаметно проникло в комнату переливающееся туманное облако, заплясало в пламени камина и снова звало, снова манило за собой.

— Не хочешь ли ты вернуться? Призвать назад все то, чем жили мы с тобой?

— Как могу я вернуться? Как могу я вернуться к тому, что не покидала никогда.

— Это горький упрек мне, Ванни. Но...— и, не договорив до конца, покрываясь мертвенной бледностью, вскричал Эдмонд: — Остановись, Ванни! Вращается круг времени, повторяя в неумолимом вращении своем все вновь и вновь! Налей мне стакан вина.

Ванни протянула руку, достала серебряный графин в форме фантастического бога Бахуса, наполнила два бокала, тихо задрожал хрусталь, когда столкнулись поднятые в их руках бокалы, и испили они вино до дна.

— Еще, Ванни.

И снова тихо зазвенели, столкнувшись, бокалы, и, улыбаясь друг другу, снова выпили они до дна искристый терпкий рислинг.

— И еще, дорогая.

И снова опустели бокалы.

— Нет, теперь уже довольно.

Пленительный дурман наполнил сознание Эдмонда, отгоняя прочь заполнявший его ужас, и уже не думал он о том, что неподвластно словам; и круг времени поколебался слегка и аккуратно занял прежнее, отведенное ему место и исчез, растворился золотой туман. Ванни, обернутая в шелк, красным пурпуром вспыхивающий в искрах пламени, подошла ближе, и он протянул к ней свои тонкие руки, и длинные, невероятные пальцы его зазмеились, потянулись к ней. Глаза женщины искрились, блестели от вина, и исчез из них

глубоко спрятанный страх; щеки ее раскраснелись румянцем волнения, и дыхание из полураскрытых губ, окутывая Эдмонда, хранило в себе вкус вина. И через мгновение стали они единым телом и единым духом, как отдельные, слагающиеся в аккорды звуки сотрясают пространства победной, дикой песнью рапсодии торжества.

И наконец, затихла в его объятиях Ванни. Щеки ее побледнели, глаза полуприкрыты веками, и лишь грудь вздымалась тяжело в напоенном сладким дурманом жарком воздухе библиотеки. А сверху, с каминной полки, жалея ее, улыбался череп обезьянки Homo.

— Твое возвращение, Эдмонд, и вино — этого, кажется, слишком много для меня одной сразу! — сказала она, и ее голова безвольно упала на грудь Эдмонда.

Эдмонд встал, с усилием поднял ее на руки и, пошатываясь от напряжения, на нетвердых ногах поднялся по лестнице. И, пока нес, чувствовал прелестную тяжесть ее тела, еще недавно такого гибкого и трепетного, а сейчас безразлично притихшего. Он уложил ее на кровать и известным ему способом обманул, лишив платы, которую потребует, проснувшись, тело это за ночь экстаза. А сам, несмотря на смертельную усталость, пролежал всю ночь рядом, не сомкнув глаз.

Глава двадцатая
БЫТИЕ

И с этого дня началась для Эдмонда иная, не похожая на прежнюю жизнь — полудремотное, праздное существование, в котором тенью его недавнего образа двигалась Ванни. Дни уходили за порог дома — уходили покойно, ничем особенным не отмеченные, разве что с упрямой настойчивостью нараставшим день ото дня ощущением болезненной слабости. Но было тому и достойное вознаграждение.

Вскоре после возвращения домой он стер с электронных ламп и электрических проводов лаборатории толстый слой пыли и, как бывало раньше, проводил в ней целые дни в погоне за блуждающим огоньком знаний,

который снова манил его из темных трясин непознанного. Порой он и сам поражался удивительнейшим, лежавшим вне всяких мыслимых границ науки открытиям своим; и в редкие часы эти работал с почти забытыми энергией и вдохновением. Но редкие минуты горячего энтузиазма сменялись часами праздной бездеятельности, когда в оцепенении он сидел неподвижно, упрятав лицо в ладони рук.

Иногда поднималась к нему Ванни, и садилась где-нибудь в уголке, и сидела тихо и робко, не смея потревожить его в святая святых; и могло продолжаться так долго, до тех пор пока первым он не замечал ее присутствия. Вот когда становилась Ванни невольным свидетелем великих открытий, но видела в них лишь радужную игру света или огонь расплавленного металла, она не понимала и даже не догадывалась об истинной значимости на ее глазах происходящего. Однажды она подсмотрела из своего уголка, как неведомой силой поднял Эдмонд в воздух, прямо к потолку свинцовый шарик; и, оставив круглую вмятину, тот даже вдавился в белую штукатурку, хотя не было рядом ничего, способного удержать в воздухе этот тяжелый шарик. В другой раз, желая развлечь, он дважды погружал ее в удивительно глубокий сон, и, просыпаясь, казалось ей, что возвращается она из сказочного путешествия к далеким мирам. А когда вышла из забытья во второй раз — раскрасневшаяся, счастливая от неясных, ускользавших из памяти видений,— Эдмонд сказал, что была она мертва. Этот фокус проделал он при помощи тонкой, блестящей золотой иглы, со змеящимся на конце медным проводником.

Но чаще всего в наполненной ртутью маленькой стеклянной колбе показывал ей Эдмонд острые как лезвие бритвы вершины скал и дикий хаос безжизненного лунного ландшафта. Лишь однажды, после того как пригласил он ее заглянуть в волшебный сосуд, увидела там Ванни розовую поляну, по которой двигались два легких, сверкающих всеми цветами радуги, небесной красоты крылатых существа. Замерев в восторге, она смотрела на них и чувствовала странную, почти родственную связь между собой, Эдмондом и

этими существами; но как ни просила, так и не сказал Эдмонд, какой мир открылся тогда перед ее взором и что за существа так беззаботно порхали в его розовом великолепии.

То необузданно дикое, что до разлуки ужасом своим лишало Ванни рассудка, почти стерлось в памяти ее, но, чтобы снова не смутить опасными чувствами и запретными видениями маленький, напряженный разум, Эдмонд охранял от нее, направляя по строго определенному руслу, лежащие за пределами выразимого свои мысли. Но не все получалось так гладко, как хотелось ему; и, растворив однажды двери полутемной библиотеки, Эдмонд застал заплаканную, дрожащую от ужаса Ванни над древней рукописью «Некрономикона». Видно, снова стало ей доступным понимание кошмара черного колдовства, заключенного в пожелтевших от времени, ветхих страницах,— доступно в той мере, чтобы вновь ожили в памяти растаявшие ужасы забытых мыслей. Эдмонд сумел утешить ее древним как мир и, пожалуй, не свойственным для сверхчеловека образом, и все как бы забылось; но некоторое время спустя она вдруг с удивлением обнаружила, что с полдюжины старых книг исчезли с полок библиотеки, по всей видимости, перекочевав в темные углы лаборатории. Одной из них — она вспомнила, как когда-то переводил ей с греческого Эдмонд наполненные ужасом страницы,— был «Критикон»; хорошо помнила и еще одну — без названия, на схоластической латыни, с ничего не говорящим ей именем автора на последней странице — Феррус Магнус. И, когда очистились полки от потрескавшихся от времени кожаных переплетов, будто из самого воздуха библиотеки сгинула мрачная, давящая атмосфера — просторнее и светлее сделалась комната. Теперь все чаще засиживалась в ней Ванни: читая, слушая музыку, подводя балансы домашних расходов или просто мечтая. Казалось, даже череп Homo на каминной полке расстался с прежней саркастической усмешкой и скалился со своего постамента так же глупо, как могла скалиться любая другая дохлая обезьянка. А однажды, войдя тихо в библиотеку, Ванни вспугнула устроившегося на рас-

пахнутой форточке воробья; и это была необыкновенной важности сцена, словно отныне сняли, освободили навсегда стены эти от зловещего заклятия.

Вспомнив старый адрес, стал иногда заглядывать в Кенмор скоротать вечерок старый профессор Альфред Штейн. Эдмонда в какой-то степени забавлял процесс смущения этого маленького разумного человечка, и он находил легкое удовольствие в том, что приводил в замешательство этот ум раз от раза все сильнее. Для этого он время от времени демонстрировал профессору некоторые чудеса своих лабораторных опытов или декларировал идеи, заставлявшие даже такое дружелюбное существо, как маленький профессор, от негодования шипеть, брызгать слюной, становиться желчным и раздражительным, но никогда не сдававшимся без боя. Эдмонд с сардонической усмешкой наблюдал за тщетными попытками Штейна разобраться в элементарно недоступных возможностям его разума, таинственных миражах, понимая, что для человеческих существ с их одномерным восприятием даже явления простейшего мира материи могут навечно остаться за пределами доступного их пониманию.

После взрыва эмоций и бесплодных попыток докопаться до сути того или иного продемонстрированного опыта Штейн смирялся с положением вновь оказавшегося в глухом тупике, а Эдмонд отмечал про себя с усмешкой, что маленький профессор так до конца и не распрощался с мыслью, что он не кто иной, как легкомысленная жертва насмешливого и искусного мистификатора.

Но что бы ни чувствовал и ни переживал профессор Штейн, он никогда не отказывался от возможности обрести знания — пусть даже мельчайшие крохи этих выраженных в доступной форме знаний. Как когда-то научилась понимать Эдмонда Ванни, так вскоре и маленький профессор разглядел в нем существо, с которым можно вполне уживаться и даже наслаждаться его обществом, как наслаждаются музыкой — без дотошного анализа и вопросов по технике ее создания. В более тесном знакомстве все, что некогда, отталкивая, держало Штейна на расстоянии, исчезло, и понемногу

ему все больше начал нравиться вкус блюда под названием «сверхчеловек».

Ванни очень любила эти визиты. Особенного желания общаться с себе подобными она уже давно не испытывала, но ее радовала та атмосфера легкости, которую создавал в доме своим присутствием маленький профессор. Для нее, словно для обитателя заоблачных горных вершин, эти вечерние визиты стали как бы глотком свежего морского воздуха. Заметив, что алкоголь смягчает внутреннее напряжение Эдмонда, она научилась подавать к столу вино. От его легкого прикосновения Эдмонд начинал казаться мягче, доступнее и, даже с его холодной, безжалостной логикой, более человечным. Бывало, что втроем они засиживались до поздней ночи, обсуждая порой целую гамму всевозможных тем из областей морали, науки, искусства, социальных теорий, политики, не обходя вниманием вечной темы взаимоотношений мужчины и женщины. Большей частью Эдмонд курил и молчал, лениво, одной половиной сознания следуя течению их мыслей; иногда отвечал на обращенный непосредственно к нему вопрос и делал это с такой законченной точностью суждений, после чего, казалось, и спорить было более не о чем; или, наоборот, когда с саркастической улыбкой на губах объявлял непреложным фактом совершеннейший с точки зрения спорщиков абсурд, то раздувал пламя спора до небывалого накала.

Однажды Ванни сняла с полки томик Суинберна и прочла оттуда вслух «Песню Прозерпины». Штейн слушал зачарованный. Отрывок оказался ему неизвестным и увлек за собой, как могут увлечь лишь нежные звуки музыки. Ванни — жизнелюбивая, чувственная, остро понимающая все прекрасное Ванни — как бы вдохнула новое содержание в прочитанные полушепотом, длинные, наполненные таинственной мистикой, музыкальные строки.

Даже Эдмонд признал про себя эти звучные, чувственные, как капли росы сливающиеся одна в одну строки вполне удовлетворительными, правда, взвесив их на холодных весах разума, не лишенными значительных недостатков.

— Да-а,— восторженно вздохнул Штейн, когда закончила читать Ванни и стихла музыка стиха.— Его называют последним из гигантов — и это безусловная правда! Никто сегодня даже близко не способен написать подобное — никто!

— Время не повернешь вспять,— сказала Ванни.— Поэзия расцветает лишь тогда, когда люди пытаются заглянуть в самые глубины души и жизни; мы же понапрасну тратим чувства свои и теряемся в бессмысленной гонке постижения смысла рожденных во чревах городов механических монстров.

— Совершенно с вами согласен,— с легким акцентом снова заговорил профессор.— Даже наш великий переворот в литературе, этот вызванный войной бурный поток творчества, в конечном итоге распался на миллионы ручейков, в результате чего мы имеем массу истерического вздора крайне посредственных произведений. Множество новых имен, и нет среди них имени того, кто бы стал истинно великим.

— Я думаю, что дух времени должна выражать какая-то одна личность или группа близких по духу людей, а наш мир слишком быстро меняется, он слишком многообразен и могуч, чтобы это было под силу немногим, вот почему и не рождаются сейчас великие художники. Я права, Эдмонд? — спросила Ванни, поворачивая лицо к Эдмонду, который курил, сосредоточенно вглядываясь в тени за кругом света от настольной лампы.

Вяло опустив руку, Эдмонд потушил в пепельнице сигарету.

— Дорогая моя, в спешке суждений вы вместе с господином Штейном перепутали, о чем говорите,— о ваших поэтах или о сыре. Это ведь сыр, прежде чем стать съедобным, должен покрыться плесенью.

Ванни улыбалась. Она всегда улыбалась и испытывала гордость за Эдмонда, даже в тех случаях, когда мишенью для насмешек становились ее собственные умственные способности.

— Может быть, вы считаете, что наша современная, с позволения сказать, литература — это тоже явление непроходящее? — задиристо поинтересовался профес-

сор.— Я не сомневаюсь в этом, но, как и все прочее в этом мире, термин, вами сейчас выбранный, достаточно относителен. Изменения в образе мыслей или направлений в критике — все это может поднять посредственную литературу до величия гениальности и низвести великое произведение до уровня посредственности.— Эдмонд потянулся за другой сигаретой и зажег ее.— Я всегда находил затруднительным понять, что вы подразумеваете под великим и что остается для вас посредственным. На мой взгляд, острой грани раздела практически не существует.— Ах-ах! Опять эта замечательная поза пришельца с Марса,— засмеялся профессор.— Все наши маленькие человеческие достоинства и недостатки для него на одно лицо!

Эдмонд лишь молча улыбнулся. В сознании его в это время проносились тревожные мысли, а подступавшая слабость угнетала с завидной настойчивостью и постоянством.

Глава двадцать первая
САРА

Подобно умирающему от жажды в безводной пустыне, Эдмонд пытался растянуть оставшиеся жизненные силы, расходуя их весьма скупо — по капле, и как раскаленный песок жадно впитывало их изголодавшееся человеческое тело Ванни. Но желание только чувственного наслаждения стало постепенно проходить, уступая место более сильному чувству — любви ко всему прекрасному. Как неприемлемый отвергая для себя путь поиска других наслаждений — столь типичный для множества других женщин,— она увидела в постижении прекрасного дарованное ей судьбой призвание, привыкла к такому состоянию и считала себя счастливой. Теперь Ванни все реже требовала тающих сил Эдмонда, внутри себя находя достаточное удовлетворение.

В добровольном самоотречении своем, кажется, и Эдмонд чувствовал себя вполне сносно. Он жил в окружении чувственной красоты, ради обладания которой отказался от предназначенного ему самой судьбой, и

это отнюдь не томило его и было вполне достаточным. И он считал, что бухгалтерские книги его жизни находились в полном порядке, и когда настанет последний срок платежа, он сумеет полной ценой рассчитаться за те богатства, что нашел на дне мутного потока реки жизни.

Как-то выглянув в окно, он заметил прячущуюся в темноте одинокую, моментально исчезнувшую от одного его взгляда фигуру; и вспомнил, что видит ее уже не в первый раз. Это как раз волновало его меньше всего, ибо любое противостояние человеческого существа считал для себя Эдмонд явлением недостойным даже вялой мысли.

Но, оказывается, не забыла его и Сара. Прошло четыре месяца со дня их расставания, и в середине весны она напомнила о своем существовании, придя к нему лишь одной ей доступным способом,— пришла, чтобы сказать о рождении сына. Она появилась в их спальне далеко за полночь, когда Ванни спала, а Эдмонд лежал слабый, истомленный, без мыслей, желаний, как вдруг понял, что рядом с ним Сара, что она смотрит на него тем пронзительным, настойчивым взглядом, который он помнил еще по дням их прошедшей близости. И тогда он открыл глаза и с вялым интересом больного человека посмотрел на нее — на лишенные женственности, угловатые, нескладные формы ее тела, на ее крепко сжатые тонкие губы...

— Он родился,— сказала Сара беззвучно.

— Покажи его.

Она подчинилась; и Эдмонд без интереса стал разглядывать странного, безликого выродка, такого же тощего, как Сара и он сам, с морщинистым маленьким лобиком и скорбными от ожидания пришествия непомерной тяжести разума глазками. Вцепившись пальцами-щупальцами в жидкие волосы матери, он смотрел на родителя своего немигающим, обещающим в недалеком будущем сделаться таким же пронзительным взглядом.

— Довольно,— сказал Эдмонд, и уродец исчез.

— Эдмонд,— заговорила Сара.— Пришествие нашей расы неминуемо. Сейчас я вижу слабость твою и пони-

маю — ты обречен. Но у нас еще есть время — если ты вернешься.

Эдмонд улыбнулся устало и, не проронив ни звука, отверг притязания ее.

— Тогда уже ничего не спасет тебя, Эдмонд.

— У меня есть то, что служит мне наградой.

Два близнеца-разума женщины Сары, касаясь мозга лежащего перед ними больного, слились в один, ибо не решить им было порознь, не найти ключ к отгадке непостижимого для их природы отказа. Это непонятное им существо должно было с открытыми глазами идти навстречу грядущему и приветствовать его!

— Я не понимаю тебя, Эдмонд,— сказала Сара и ушла от него — ушла с застывшим в глазах легким, почти незаметным следом растерянности. А он продолжал улыбаться усталой, слегка задумчивой улыбкой, в которой теперь не было и намека на иронию.

«Прекрасное — есть понятие относительное, и, без всяких сомнений, лишь иллюзия — сладкий сон наблюдателя,— думал он, лежа без сна.— Но для самого наблюдателя истинность этого прекрасного сомнений не вызывает. Я стал бы еще более несчастлив, если бы хоть на секунду поверил, что стоившая мне так дорого красота обладает меньшей ценностью, чем жизнь, и знания, и могущество власти, и еще бесконечное множество прочих миражей».

Время от времени, без какой-либо строгой последовательности, вновь приходила к нему женщина Сара и в одну из ночей принесла новость, что нашла еще двух мужчин их расы, которые лишь ждут благоприятного случая, когда изменения принесут еще больше им подобных. В ту ночь сидел Эдмонд в кресле библиотеки, перед черепом обезьянки Homo, и был слишком слаб, чтобы встать и уйти в спальню. Ванни была там и, наверное, давно уж спала. Сара же пришла тем путем, который всегда был открыт для нее и, не раскрывая мыслей своих, долгим взглядом смотрела на застывшего в кресле Эдмонда; и, только насмотревшись, рассказала о новостях, приведших ее. Эдмонд и тогда ничего не ответил и лишь молча и сосредоточенно ловил взглядом своим ее взгляд, в котором не было ни злобы, ни

желания, а лишь едва заметные растерянность, удивление и вялое осуждение молчания и поступков его.

— Пришествие совсем рядом,— снова повторила Сара.

Молчал Эдмонд, но молчание его знаком согласия было.

И, почувствовав, что Эдмонд соглашается, Сара потянулась к нему и зашептала беззвучно:

— Еще осталось время, Эдмонд. Ты нужен — благодаря знаниям твоим нужен. Вернись ко мне, вернись туда, где и сейчас тебя дожидаюсь.

Снова и снова отвергал ее Эдмонд.

— Я уже избрал путь свой, и кажется мне мудрым и правильным мой выбор,— отвечал Эдмонд.— Все, что обрел я,— дороже потерянного.

— Это безумство охватило тебя, это обман,— сказала в ответ Сара.— Гибель ждет тебя впереди.

Эдмонд устало улыбнулся.

— Я не спорю,— сказал он тихо, поднял взгляд свой и посмотрел на Сару. Посмотрел на нескладное, худое ее тело, поймал взгляд глаз ее; и показалось Эдмонду, что тело ее просит о чем-то, умоляет беззвучно, а глаза холодны и в них застыла гордость. И когда слившись в одно целое, два его сознания устремились познать Сару, понял Эдмонд — с легким чувством удивления понял,— что, как и он, Сара тоже несчастна. И с пониманием, снова, как много месяцев назад, окружила, спустилась на них обоих аура единства и симпатии. Снова они стояли на одной земле. И когда это поняла и Сара, в ее холодных глазах зажегся вечный огонь, она наклонилась, в жажде передать его разуму свои мысли, потянулась к Эдмонду.

Сара:

Здесь древние Боги в последнем порыве,
Как призраки сходятся в тщетной надежде,
Призвать себе в помощь прошлые силы —
Те черные силы, что служили им прежде.

Эдмонд:

Не умаляй их власти, Сара,

Чьи имена почти в забвенье,
Наводят страх на все живое,
Ввергая в трепет и волненье.

Сара:

Разбиты их державы,
Могущество их — миф,
Оракулы бежали,
Предав Богов своих.
Лишь ты один им верен!

Эдмонд:

Служу Богам моим!
Что нет их — я не верю!
Надеждою гоним,
Как в древности — я жертву
К ногам их приношу
И чашу со снадобьем
До дна я осушу!

Сара:

Но, знай, тебе придется
Все это повторить.
Бокал вина другого
До капельки испить.
Все твои Боги — в Лете!
Так встань, открой глаза.
Смой смрад от прежней жизни,
Поверь, так жить нельзя!

Эдмонд:

Ты мне мешаешь думать.
Но недалек мой час!
Нам время расставаться —
Господь пусть судит нас!

И последними словами снова Эдмонд отверг женщину Сару; волей своей разорвал связывающие их нити, оборвал мысленную связь, превратив глубину ее в набор уже ничего не значащих слов. Побледнела Сара, выпрямилась и посмотрела на него глубоко запавшими, холодными глазами.

— Больше ни о чем не попрошу я тебя,— сказала она.

— Долг свой я уже исполнил с тобой, Сара,— устало и глухо ответил Эдмонд.— Почему ты не уходишь к тем, чтобы вместе плести ваши сети?

— Однажды сказал ты мне, что есть такая правда, до которой не могут дотронуться мои руки, и есть такие мысли, которые недоступны моему сознанию. Теперь я тебе говорю: хотя твой разум может добраться и облететь самую далекую звезду, совсем рядом с тобой лежат ничтожные, маленькие факты, что проскальзывают сквозь «пальцы» твоего разума — подобно ртутной амальгаме проскальзывают — и никогда, никогда доступными они тебе не станут, будто надежно спрятаны на самом краю Вселенной.

И с этими словами растворилась, исчезла женщина Сара, а Эдмонд остался сидеть перед черепом обезьянки Homo, и легкое удивление отражалось в одном из сознаний его. «Без всякого сомнения,— думал он,— весьма странно слышать горечь в словах Сары. Даже в самых смелых мыслях своих не представлял я, что чем-то можно нарушить внутренний покой ее, а значит, где-то скрывается ошибка в оценке и анализе».

А второе сознание нашло ответ, и таким он простым и незатейливым оказался, что снова медленно раздвинулись губы Эдмонда в усталой улыбке. «Как и все женщины, не может признать Сара поражение. И в желании, чтобы все было так, как она хочет, останется Сара женщиной!»

Но все равно чего-то недоставало ему в познании Сары. Какой-то элемент ее затерялся и упорно не хотел становиться на свое место. И с мыслью этой заставил себя Эдмонд подняться из кресла и, тяжело переставляя ноги, отправиться наверх, к Ванни.

Глава двадцать вторая
ДИМИНУЭНДО

И потекла жизнь для Эдмонда, как покойное диминуэндо — тихое угасание звуков,— и жизненные силы капля за каплей оставляли его, как оставляют человека

в наступившей старости. Все настойчивей слабостью напоминало о себе тело, но незамутненным и ясным оставался разум, и порой казалось ему, что даже чище, чем раньше. Упала незримая пелена вуалей со старых мыслей, открывая недоступные ранее познанию его просторы. Познав неизбежную тщетность знаний, оставило его стремление к новому, но восторг перед прекрасным оставался гореть в душе его с прежней силой.

«Реальность конца моего существования заключена в мире ощущений,— размышлял он.— И этим замыкаю я круг, где встречаются, наконец, сверхчеловек и... скажем — устрица. Ибо сейчас сохраняется между нами отличие разве что в большем наборе чувственных окончаний. Хотя истинно понимающая красоту устрица и в этом, без сомнения, найдет свои преимущества, ибо сильнее способна впитывать в себя то малое, что достается на ее долю».

Второе сознание дополнило короткой мыслью: «Устрица — есть безусловно более счастливое существо, так как полностью использует все доступные возможности своего тела и до конца исполняет свое предназначение, что оказалось мне недоступным».

И снова Эдмонд сидел у горящего огня камина. За спиной его наступившими ранними сумерками осень стирала краски дня, а впереди пламя кеннельского угля отбрасывало голубые блики на его лицо. И когда он сидел так в кресле у огня камина, и реальность сливалась с грезами мечтаний, и два сознания его блуждали известными только им, извилистыми путями, уже не казалась слабость тела столь тягостной ему. И тогда он переносился от воспоминаний прошлого к гипотетическим построениям будущего. Снова являлись ему картины прежних экспериментов и несли с собой захватывающие дух, даже ему кажущиеся невероятными откровения. И он думал об этом рассеянном в космическом пространстве разуме, который в зависимости от вкуса называют то — естественным законом, то — Богом, то — случайностью. И это универсальное Творение наделяло жизнью и целями этой жизни все сущее, но в бесконечности этого сущего само оставалось застывшим, холодным и бесплодным.

Образы Ванни — эти не связанные между собой картины — воспламеняли в сознаниях его чувственную ауру. Ванни танцует, и огонь отбрасывает тени ее. Глаза Ванни переполнены ужасом, и те же глаза горят в экстазе наслаждения. Ванни спящая, Ванни смеющаяся. Напряженное, зовущее, сладкое тело Ванни и горячее, истомленное лаской, с запахом вина на губах.

«Я совершил удачную сделку,— думал он тогда.— Теперь я без сожаления расплачиваюсь тем, что никогда не ценил,— за то, что дороже всего для меня на свете».

И вслед за этой мыслью, воспоминания о Саре медленно проникали в придуманный им мир, и казалось, что он действительно слышит печальные слова ее упреков: «Путь величия и славы ожидал тебя, Эдмонд. Теперь, когда наступает конец твой, оглянись назад, посмотри, какие руины ты оставил от того, чему предназначалось стать великим».

И ответил на упрек Эдмонд вот так:

— Я вижу оставленные после себя руины, но и нахожу в них скрытое очарование. Смягчилась суровая белизна мрамора, острые грани его единым целым стали с бытием под названием жизнь, и трещины колонн оплетают молодые побеги виноградных лоз. В громаде самого величественного здания ты не почувствуешь то, что витает в воздухе руин. Скажи, Сара, станут ли дикие голуби вить гнезда под сводами нового храма?

— Слова! — сказала в ответ Сара.— Ты прикрываешься словами, упрятал себя в теплое и мягкое, когда вокруг сверкают молнии. Ты променял разум свой на желания тела, недостойные предназначения твоего. Ты — ничтожный ловец мух!

— И тут ты права,— сказал Эдмонд и выбросил образ ее из сознания. Но потом еще долго размышлял над упреками Сары, рациональной половиной своей принимая их правоту, но в конечном счете так и не найдя достойного смысла и значения этой правоты. Сара говорила с той точки зрения, какую не мог и не хотел признавать он. Понимание — вот что могло существовать между ними, но никогда не перерасти ему в симпатии привязанностей. И, вспомнив о Ванни, улыбнул-

ся Эдмонд. Вот где было все наоборот — море симпатий и никакого понимания.

Ванни и Сара — его физическое и духовное дополнение до единого целого. «Значит, правда, что плотские элементы любого существа гораздо выше его духовного. Значит, важнейшие элементы не расположены выше остальных. Значит, не является духовное — основополагающим».

И, исследуя эту мысль, он вновь погрузился в придуманный им мир, где смешались грезы и реальность, и пребывал там, пока не вернулась с покупками Ванни. Бросив пакеты, присела Ванни на скамейку между огнем камина и Эдмондом.

— О чем мечтаешь ты, Эдмонд?

И он рассказал ей, ибо не могли никому причинить вреда эти мысли.

— Мне кажется, что недооцениваешь ты дара этого, Эдмонд, лишь потому, что сам обладаешь им в избытке. Для меня же все остальное лишь основание, на котором покоится разум, так презираемый тобой.

И он улыбнулся ласково и мягко, как только могли позволить его тонкие губы и врожденная ирония черт лица.

— Больше я ничего не стану объяснять,— сказал он тогда.

Вспыхнуло лицо Ванни.

— О, я все понимаю! Ведь не такая же законченная дурочка! Лишь поэтому так восхваляю я дар разума! — и когда сказала так Ванни, прежний страх легкой тенью ожил в ее глазах и задумчивыми стали черты лица.— Видишь, Эдмонд, я ведь душу свою продала, чтобы понять тебя, да видно цена оказалась не слишком высокой.

Глава двадцать третья
ВЕЧЕР НА ОЛИМПЕ

Если жизненные силы Эдмонда можно было сравнить с морем в час отлива, то неслышной походкой пришедшая в город зима застала их, так беззаботно в

начале пути растрачиваемых, на самой последней черте, в самой низкой точке. Он доживал последние дни в полудремотном состоянии с черно-белыми снами и лишь невероятным усилием мог заставить свои сознания-близнецы думать с прежней остротой. Теперь он копил остатки энергии и расходовал ее, как расстающийся с каждым пенни скупец, желая за каждую потраченную монетку получить в полной мере немногие отпущенные ему в оставшейся жизни наслаждения. Нет, это было уже не былое мотовство ночей экстаза, а жадное поглощение зрительных, чувственных эмоций, но и они в последнее время стали все больше походить на зыбкий, ускользающий сон. В этом состоянии он мог лишь наблюдать за блуждающим в темноте болот, дорогим сердцу огоньком знаний, но уже не отваживался преследовать его. Теперь он почти не вставал с кресла и целыми днями просиживал в нем перед черепом обезьянки, погруженный в мечты или воспоминания былого, как очень старый человек. Он — кто всю жизнь свою прожил в будущем, теперь был насильно упрятан в тесную каморку прошлого, которое становилось все длиннее, а будущее короче и туманнее.

Он более не мог скрывать свою болезнь от Ванни, но подсознательная вера в него смягчала волнение женщины. Для нее Эдмонд всегда был таким, каким хотел быть, и его истинные цели и желания всегда скрывались за пределами ее понимания. Зачем он решил так ослабить себя, было для Ванни загадкой, но не опасностью, а, значит, и не поводом для беспокойства.

Все так же приходила Сара, стояла и молча рассматривала его своими холодными глазами. Время для слов уже прошло, и теперь она лишь молча смотрела, как накатывается на Эдмонда неумолимое колесо судьбы. Иногда она приносила с собой их ребенка, и теперь, видимо что-то начинающий соображать урод поддерживал молчаливый взгляд матери своим тихим, красноречивым молчанием. Эдмонду становилось все труднее поднимать голову, но однажды он заметил рождение скорби в этих круглых, застывших глазах. И случайный взгляд, подсказавший будущее этого ма-

ленького существа, заставил вздрогнуть Эдмонда от жалости и раскаяния.

— Наверное, тебе будет лучше убить его,— сказал он как-то Саре, снова ощутив на лице своем застывший взгляд рожденного им урода. Она не ответила, посмотрела еще минуту, другую и исчезла.

Более так продолжаться не могло, и, укрепив угасающие силы алкалоидом собственного изготовления, в один из дней он позвал к себе Ванни. Эдмонд знал, что на несколько часов наркотик даст ему видимость возвращения жизненной силы, но и догадывался о цене этой быстротечной иллюзии.

— Дни мои на исходе, Ванни.

Сказал он и увидел, как она отшатнулась в страхе, как заблестели, набухли глаза слезинками в уголках. Безвольно она опустилась на стул перед его креслом и, не проронив ни слова, лишь смотрела в его лицо.

— Когда я расстанусь с тобой, помни, дорогая, что ухожу по выбранной мною самим дороге, и потому нет скорби в моем сердце.

— Не надо, Эдмонд. Нет! — шептала она.— Не покидай меня снова! Ты ведь знаешь, имей я что-нибудь еще, я отдала бы все — все, и еще больше, что бы ты ни потребовал за одно право быть с тобой! Не лишай меня этого права!

— Я не хочу,— ответил он,— это судьба. Но знай, расстаемся мы не навсегда; впереди нас ждет новая встреча и еще одна — и длиться этому вечность.

— Если так, то расставание наше будет горьким, но я смогу перенести его тяжесть.

И вспышкой откровения в памяти Эдмонда ожила оброненная в разговоре о замкнутом времени случайная фраза маленького профессора Штейна: «Как вы можете утверждать, что искривление будет равномерным? Ничто в природе не постоянно; и если так, почему время должно возвращаться в исходную точку, описав идеально правильный круг?» И пока тонкие пальцы его гладили, лаская, плечи Ванни, два разума с безнадежным отчаянием ухватились за нарождающуюся мысль, ибо в ней могла скрываться возможность бегства, маленькая трещинка на идеально глад-

кой поверхности этого безжалостного, сжимающего все сущее замкнутого круга!

Возможно, что в своем четвертом измерении время движется не по кругу, но по спирали, где, заканчиваясь, вращающийся виток переходит в виток другой, до той поры неподвижный. А это значит, что явления не станут повторять себя с безнадежным однообразием, а будут с каждым новым витком слегка изменяться. Возможно, будет и так, что одна спираль будет переходить в спираль следующую, а она в свою очередь в другую и так до бесконечности, выстраивая уходящую в вечность величественную постройку. Движение вперед и вместе с ним надежда — то, что Эдмонд, принимая за иллюзии, отрицал всем своим существованием,— снова родилась для него. И в ту минуту впервые познал он истинную значимость философии своей и понял, что цена, которую полагается заплатить за обладание желаемым — всем, что угодно,— оказывается воистину ничтожно мала и требует лишь легкого поворота головы, изменения угла наблюдения; и тогда вместо какой-нибудь заснеженной горной вершины увидишь ты бескрайнюю степную ширь. И когда Эдмонд понял это, то затрепетал каждой клеточкой своего тела; ибо подобно сильнодействующему наркотику стал для него ни разу в жизни не испробованный вкус надежды; и никогда за всю жизнь свою не оказывался наш герой так близко к счастью. Думал он о том, что в конце концов не руины оставляет он после себя, но величественное здание прекрасного, ибо единственный из миллионов открыл истину. И шептал в забытьи восторга его разум слова этой истины, когда-то в ужас приводящие, а теперь дышащие надеждой и вдохновением: «Все в мире этом относительно точки зрения, и только сознание наблюдателя определяет, что в этом мире истинно, а что ложно». И с этой мыслью Эдмонд повернулся к Ванни.

— Мы расстаемся друг с другом, Ванни, но потому как привыкли судить о времени, не станет долгим наше расставание. Несколько десятков лет для тебя, Ванни, и может быть, всего лишь несколько часов для меня. А потом снова повторится наша встреча, и хочу

верить она станет более счастливой. Это я обещаю, Ванни, и поэтому ты поверишь мне.

Сквозь слезы она улыбнулась и сказала:

— Хорошо, Эдмонд.

— Вспомни, любимая, может быть, все это уже было в прошлом? Твоя память способна охватить лишь двадцать пять лет, а может быть, как раз и было все это раньше? Вспоминаешь?

— Да, Эдмонд, я вспоминаю.

— Что будут значить для нас века разлуки, если, в забвении пребывая, не заметим, как они пролетят? Когда в бесконечности снова повернется круг или виток бесконечной спирали и займет прежнее место — вот когда мы встретимся снова, Ванни. Это мое обещание.

— Да, Эдмонд,— снова улыбнулась Ванни, но печаль не покидала ее лица.— Только бы заставить себя поверить.

— Я верю.

— Тогда мне достаточно этого. Я тоже пойду. Что для меня теперь страх смерти, ибо я уже дважды встречалась с ним.

Чувствуя обманчивую безупречность логики этой мысли, два разума Эдмонда принялись тщательно исследовать ее, и лишь когда облекли ее в слова, только тогда отвергли с мрачной решимостью.

— Нет, Ванни. Тебе достанется самое трудное; ты должна будешь жить до последней отведенной тебе минуты, до последнего поворота дуги временного круга.

— Но зачем, Эдмонд? Ради какого блага?

— Лишь потому, любимая, что не полностью я понимаю жестокие в неизбежности своей и одновременно такие зыбкие законы взаимосвязей судьбы, случая и времени. А что, если, презрев законы эти и по собственной воле сократив отведенный жизненный путь свой, предав забвению будущее, не обречем ли мы себя на бесконечное повторение? Из прошлого произрастает будущее, так не будем осушать источник его. Большего не могу сказать я тебе.

— Я сделаю так, как желаешь ты, Эдмонд, но знай, что не будет для меня страшнее пытки.

И тогда Эдмонд взял холодные ладони Ванни в свои руки. Длинные пальцы сжали их, обхватили словно щупальца, и дрожь пробежала по телу Ванни, но не от сравнения этих пальцев со щупальцами, которое могло возникнуть лишь у того, кто не познал нечеловеческую нежность их. Не опуская глаз, не уклоняясь от настойчивого взгляда Эдмонда, смотрела Ванни в эти порой кажущиеся страшными пронзительностью своей, способными лишить рассудка глаза и видела, как, исчезая, тает в них ледяной холод, как теплее и понятнее становится этот взгляд. И Ванни не могла знать, о чем думает Эдмонд, к какому странному выводу пришел в эти мгновения. Когда готовился его жизненный путь — ничтожная хорда на непостижимом круге времени — кануть в забвение небытия, он понял, что не только тело Ванни любил, а еще преданность, обожание и еще миллион всяких маленьких иллюзий, что зовутся человеческим характером. Все то, что не имела и не могла иметь,— ибо запрещалось это природой ее наследственности,— равная ему по разуму женщина Сара. Вот так, совершенно внезапно Эдмонд понял, что любит Ванни и, глядя в блестящие от слез глаза простого, ранее достойного лишь презрения человеческого существа, рассказал о любви своей. И, выслушав его, ответила Ванни немногословно:

— Бессмысленной станет жизнь без тебя, но уже и не такой невыносимо горькой.

— Я, принесший в твою жизнь столько горечи, должен и попробую исправить невольно причиненные тебе муки.

С этими словами длинные, похожие на змей пальцы Эдмонда потянулись к подбородку девушки, обхватили его, приподнимая так, чтобы встретился ее взгляд с его пылающим внутренним огнем напряженным взглядом. Глаза Ванни распахнулись, зрачки застыли неподвижно, показывая, что покоряется разум ее чужой, непрошенно вторгающейся силе. Секунда, другая, и вот уже Эдмонд завладел ее психикой безраздельно, и, казалось, что пальцы его не на подбородке девушки лежали, а на всех важнейших центрах мозга, и теперь он мог играть на нем, как на послушных клавишах органа.

— Слушай, единственная и желанная моя,— едва слышно зашелестел его голос.— На пороге разлуки нашей, внимай и покоряйся всему, что потребую я сейчас.

И будто эхом ему, зазвучал, отзываясь, безжизненный голос Ванни:

— Я покоряюсь...

— Тогда, повелеваю я, что не станешь ты бесконечно задаваться вопросом, отчего я решился уйти, и никогда не переступишь порога дома этого, и будешь удовлетворена мыслью, что поступок мой оправдан моей собственной волей.

— Этому я покоряюсь.

— Я повелеваю, что обожание и любовь, так щедро дарованные мне, навечно сотрутся и исчезнут бесследно из памяти твоей, и не станешь ты думать обо мне и вспоминать отпущенное нам с сожалением.

Как и до этого безжизненно и монотонно прошептала она:

— Этому я не покорюсь.

— Ради чего?

— Потому что моим существом руководит естественный закон, который не способна я нарушить.

На мгновение разъединились два разума Эдмонда, со всех сторон осмысливая утверждение Ванни. «Казалось, такое простое существо, как Ванни, и она в конце пути становится неподвластной разуму моему». И вторая половина его добавила: «Вероятнее всего, присущи им некоторые, лежащие за пределами здравого смысла особенности и свойства, и я, гордящийся тем, что знаю все о человеке, должен признаться: существуют и абсолютно недоступные мне знания».

И, придя к такому выводу, снова сплелись в единое целое два его сознания и снова обратились к Ванни:

— Если так, то я изменяю волю свою, и если не можешь ты забыть меня, тогда помни обо мне как о существе из бесконечно далекого прошлого, где временем стираются реальные очертания. И будешь отныне думать обо мне не как о муже своем, но как о желанной мечте, как о загадочном призраке неутоленной страсти, но ни как о существе из плоти и крови, который любил тебя и был любим тобою.

— И этому я тоже покоряюсь,— сказала она.

— Тогда отсылаю тебя я к Полю, которого будешь любить ты так, как способна любить. Ты будешь любить в ответ на его любовь, ибо сейчас ты сильнее. За простоту и невежество ты будешь любить его; он будет и неразумным ребенком, которого поведешь ты по жизни, и мужчиной, которого будешь ты вдохновлять. Не тебя я отдаю Полю, а Поля вручаю в твои руки. За жизненную силу плоти полюбишь и будешь ты его любить.

— И этому я тоже покоряюсь, Эдмонд,— сказала она.

И еще несколько коротких мгновений, чувствуя, как тают остатки сил, держал Эдмонд в тисках воли своей застывший взгляд Ванни. И лишь когда в изнеможении поникло все его тело, пальцы отпустили подбородок Ванни, чтобы кончиками своими дотронуться и провести по неподвижным векам широко распахнутых глаз. «Довольно»,— произнес он резко, и в ту же секунду ожили, засветились грустным теплом эти глаза, и улыбнулись ему в ответ. Только тогда высыпал Эдмонд на ладонь две таблетки и проглотил их. И наблюдая за ним, Ванни спросила:

— Это и есть избранный тобой путь, Эдмонд?

— Нет, дорогая. Пока это лишь средство нам проститься.

Глава двадцать четвертая
НОЧЬ НА ОЛИМПЕ

И когда, не изменяя человеческим традициям, они простились, Эдмонд отослал Ванни к Полю. «Теперь, ступай»,— велел он, и ушла она — безропотно ушла,— прислушиваясь, как каждой клеточкой постанывает в сладкой истоме пережитого наслаждения ее тело. И ей казалось, что нет больше Эдмонда, что он умер, и память о бытии его, некогда до боли острая, растворилась, исчезла в седой пелене полузабытого прошлого. Лишь на мгновение болью сжалось сердце, потянулась к нему, впилась губами в его губы, но отстранил он ее,

глядя прямо в глаза, и полыхающий в ее груди огонь стих. И от забытья транса в памяти ничего не осталось, кроме ощущения пустоты и потери чего-то, может быть, очень важного. В легкой грусти уходила Ванни, подчиняясь механически и безропотно высеченному в ее сознании приказу. Словно во сне она спустилась вниз, к машине, устало села на переднее сиденье и положила руки на руль. Ванни не удивилась, увидев рядом с собой давно исчезнувшего и потому забытого Эблиса, и, когда кот замурлыкал, потянулся к ней, приветствуя и ожидая ласки, подумала лишь, что, наверное, действительно возвращается к прежней жизни своей.

И Эдмонд проводил взглядом отъезжающую машину с меньшей грустью, чем ожидалось ему, ибо снова тяжелым грузом навалилась на плечи его рождающая равнодушие усталость. Все короче становились промежутки времени, когда действовал наркотик, и он уже ничего не мог представлять и переживать с прежней остротой и страстью. Но еще не все дела были завершены, и тогда он достал склянку со своим лекарством и высыпал все содержимое на ладонь. Шесть белых шариков перекатывались на его ладони; и вдруг его рука бессознательно поползла вверх, и он проглотил оставшееся одним жадным глотком. Прошло несколько коротких мгновений, поникшие плечи его распрямились, и он решительно шагнул к письменному столу. Взял ручку и начал писать. «Я, Эдмонд Холл, находясь в здравом уме и трезвой памяти, настоящим завещаю...» Написал и улыбнулся иронично-мрачной улыбкой прежних лет.

«Моему близкому другу Альфреду Штейну все содержимое моей лаборатории, с находящимися в ней книгами, оборудованием, записями и прочими...

Все прочее мое имущество, свободное от долгов и налогов, в равных частях завещаю возлюбленной жене моей Эванне и....— снова усмехнулся Эдмонд,— сестре моей Саре Маддокс.

Назначаю своими душеприказчиками Альфреда Штейна из Северо-Западного Университета,— замерло перо его на мгновение, и тонкие губы расползлись в сатанинской усмешке,— и Поля Варнея...»

Оставив сатирическое произведение пера своего на столе, Эдмонд медленно поднялся в лабораторию. Там он снял аккумуляторы энергии с атомного разрушителя и бросил их в сосуд с азотной кислотой. Тяжелый коричневый дым заставил его закашляться, и, забрав приготовленную заранее склянку, Эдмонд покинул столь знакомые стены.

«Без всякого сомнения, Альфред превратит жизнь свою в сущий ад, постигая тайны этого механизма,— думал он, спускаясь по лестнице.— Достаточно и того, что ему оставлено, и с лихвой хватит на все отпущенные ему годы».

В кресле у камина Эдмонд поднес к глазам зажатую в кулаке склянку, встряхнул ее и некоторое время наблюдал, как перекатываются за стеклянными стенками яйцевидной формы багряные шарики.

«Яйца небытия,— думал он,— из которых скоро вылупятся птенцы забвения». Он открыл склянку, высыпал содержимое на ладонь и смотрел, как посверкивают их кровавые бока в отблесках пламени.

«Миллионы и миллионы веков пройдут, пока Его Величество Случай либо еще более загадочный закон, правящий им, соединит в единое целое разбросанные в пространствах молекулы, которые я называю Моим Естеством. Действительно, восхитительнейшая вещь забвение — единственное, что способно победить время». И тут он услышал голос второго сознания, сладко нашептывающего: «И если в вечности все, что должно случиться, произойдет непременно, я ухожу с верой; ибо все повторится заново и, может быть, обретет более счастливую форму. И потому возвращаю долги свои без малейшего сожаления».

Он поднес ладонь к губам и в это мгновение понял, что не один, что кто-то еще вошел в комнату и сейчас стоит и смотрит на него. Это снова была Сара, а может быть, только образ Сары, возникший в его воображении. Легкая тень осуждения читалась в ее глазах, а в углах губ, едва заметные, наметились морщинки безысходной печали. И тогда, ответив ей столь же холодным взглядом, Эдмонд задержал руку у губ.

— Сюда идет Поль,— сказала она.— Он идет, чтобы убить тебя.

И снова тонкие губы Эдмонда искривились в подобии улыбки.

— Я же думал, что счета мои с этой жизнью в полном порядке. Но, возможно, я не прав, и Поль достоин получить причитающуюся ему сатисфакцию.

— Ты глупец, Эдмонд. Только глупец мог так беззаботно расстаться со всем величием и богами дарованной благодатью — и ради чего?

— Ради мечты, мысли и маленького драгоценного камня истины, Сара. Никто из тебе подобных не владел большим.

— Ты глупец, Эдмонд. И я удивляюсь, что уход твой вызывает у меня печаль, ибо в бесцельном существовании твоем нет ни капли здравого смысла.

— А может, глуп именно тот здравый смысл, о котором ты говоришь? — Но на мгновение лед, застывший в глазах его, растаял.— Прости меня, Сара. И поверь, я не забуду тебя никогда.

Но Сара не шагнула навстречу. Из ее глаз повеяло ледяным холодом, а губы сжались в тонкую нитку.

— Оставляю тебя наедине с твоим безрассудством,— сказала она и растворилась бесследно.

А Эдмонд на мгновение окунулся в тяжелые раздумья о предостережении Сары, потом, с уже видимой слабостью, поднялся из кресла и снова отправился в лабораторию. Там, выдвинув ящик стола, достал револьвер и навинтил на ствол цилиндр глушителя. «Интересно, у револьвера Поля такой же калибр? — мелькнула и тут же исчезла вялая мысль.— Впрочем, какая разница, если не будет никакого расследования». Взвесив револьвер в руке, Эдмонд выстрелил в валяющееся в углу скомканное полотенце, снял глушитель и сунул револьвер в карман. Полотенце с застрявшей в нем пулей он затолкал все в тот же сосуд с кислотой и понаблюдал немного, как они исчезают в ядовитых клубах бурого дыма... А потом он снова сидел в кресле у огня, смотрел на умирающие языки пламени и на ум ему приходили странные мысли. Он ждал.

И дождался, когда услышал скрип ключа, поворачиваемого в замочной скважине,— того самого ключа, который некогда Ванни собственной рукой вручила

Полю. Эдмонд улыбнулся, его позабавила мысль о том, на какие шутки, оказывается, способен Господин Случай. Так безмерно любившая его Ванни по собственной воле вкладывает в руки так ненавидящего его Поля средство для уничтожения своего возлюбленного. И тут наконец Эдмонд заметил темную тень, крадущуюся по коридору.

Секунда прошла, за ней еще одна, и наконец в дверях библиотеки возникла кажущаяся жалкой фигурка человека с бегающими глазками — человека, который так его ненавидел. Поль осторожно двинулся вперед, на вороненом стволе зажатого в его руке револьвера играли отблески затухающего пламени камина. И когда Поль остановился в двух шагах от Эдмонда, безвольно откинувшийся на спинку кресла сверхчеловек поднял глаза, чтобы посмотреть прямо в глаза Полю, и удивился — он, привыкший жить окруженный ненавистью людской, и то удивился,— с какой жгучей ненавистью смотрел на него Поль.

— Я убью тебя,— в тишине послышался приглушенный и хриплый голос поднимающего оружие Поля.

А Эдмонд холодно смотрел на него взглядом, в котором проглядывали оба его сознания, и не было в этом взгляде ничего человеческого. Наверное, так и должен был смотреть сверхчеловек, чья природа заключается в постоянном противостоянии простому человеческому разуму и покорении его. Так, наверное, человек смотрел сверху вниз на дикое животное. «Укротитель львов»,— потешаясь, подсказало одно из сознаний.

— Я пришел убить тебя,— снова прохрипел Поль и дернулся, отводя свой взгляд, не в силах более смотреть на этого изможденного, бледного дьявола, чьи глаза горели яростным, пожирающим его волю огнем. И от ужасного осознания того, что снова, как и раньше, он потерпит в соперничестве поражение, лицо Поля смертельно побледнело и покрылось каплями пота.— Где Ванни? — невнятно пробормотал он.

А тонкие губы Эдмонда уже зазмеились улыбкой. Снова он победил, снова держал в руках волю врага.

— В твоем доме и ждет тебя.

— Ты лжешь! Ты — ухмыляющийся дьявол!

— Я никогда не лгал, потому что никогда не видел в этом необходимости,— спокойно ответил Эдмонд. С каждой минутой действие наркотика слабело, и он чувствовал, как его все сильнее и сильнее охватывает слабость. Надо было спешить, и он поймал взглядом ускользающий взгляд безмерно измученного Поля. «Этот истеричный идиот бросит оружие и, теряя рассудок от страха, побежит с места преступления,— подумал он,— и это будет исполнено в лучших традициях современных спектаклей и авантюрных романов. Два револьвера и один труп — явление для нас крайне нежелательное». И с небывалой настойчивостью, проникая в самые глубины мозга Поля и диктуя ему безмолвный приказ, Эдмонд впился взглядом в глаза Поля.

«Слушай меня и запоминай, Поль. Уходя отсюда, ты сунешь пистолет в карман. После этого немедленно возвращайся к Ванни. Ничего не говори ей. Отныне и навечно замыкаю я губы твои».

Закончив, Эдмонд увидел, как в застывших зрачках смотрящих на него глаз промелькнула тень понимания. Готовый взорваться мозг Поля, конечно, не в силах будет вспомнить ни слова, но где-то глубоко в подсознании сохранятся они, его слова,— повелительные и властные.

И еще короткое мгновение продолжая держать беспомощного врага во власти своего жестокого взгляда, Эдмонд достал из кармана то, что принес с собой из лаборатории, и длинные пальцы, обхватив, сжали рубчатую рукоятку.

— За все зло, причиненное тебе, желаю я расплатиться сполна,— сказал он и опустил взгляд.

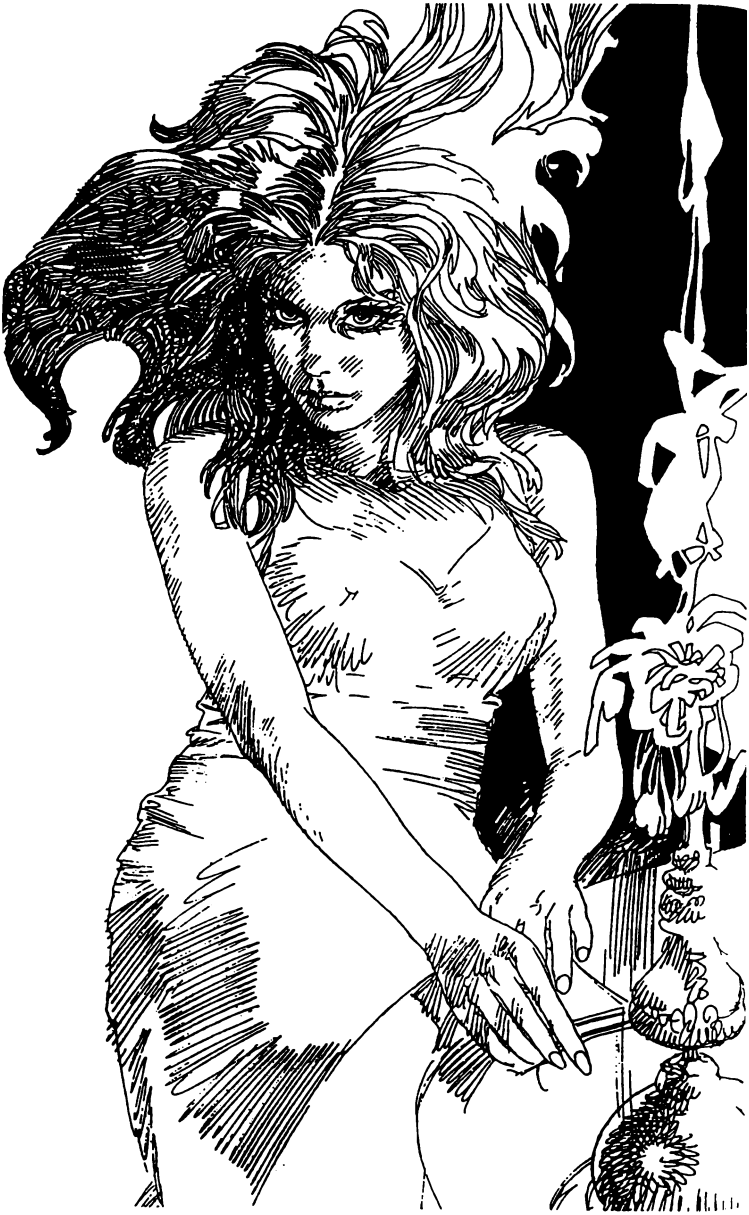
Тишина.

Эдмонд с усилием приподнял отяжелевшую голову и увидел, как болезненная слабость разливается по бледному лицу Поля, как дрожит револьвер в его нерешительно опущенной руке. И еще Эдмонд заметил, как появилось и задрожало за спиной Поля знакомое золотое облако, и что череп обезьянки Homo улыбается приветственной, почти веселой улыбкой. «И в надире, как и в зените жизни, я покорно следую за своей фан-

тазией»,— в отрешенной задумчивости мелькнула короткая мысль, и Эдмонд улыбнулся своей незабываемой иронической улыбкой. А за ней яростным огнем полыхнул приказ в его глазах, и в нарождающейся с новой силой ненависти вскинулась и стала твердой безвольная рука Поля. Улыбаясь, Эдмонд опустил голову, и в ту же секунду сухо треснул выстрел.

Не прочти Поль этого в утренних газетах, он никогда бы и не узнал, что все это время Эдмонд Холл сжимал в руке револьвер с одним стреляным патроном.

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ



ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Томас Маршалл Коннор доживал последние минуты. Смерть, стоявшая у порога, обрела вид электрического стула, на котором приговоренного должны были казнить за то, что он сгоряча убил человека.

Это казалось Коннору вполне справедливым. Он устал нести бремя вины, и теперь, когда впереди маячило избавление, все окружавшее как-то отступило на задний план — и похожая на склеп камера, и коленопреклоненный священник, возносящий к небу мольбу о прощении грешника, и топот кованых сапог в коридоре за дверью. Его не затронула даже унизительная процедура подготовки к казни, когда служители смерти выбрили ему голову и разрезали от пяток до колен тюремные брюки, обеспечивая тем самым беспрепятственное проникновение электрического разряда.

Он с нетерпением ждал, когда же в последний раз переступит порог своего неприветливого обиталища, и обрадовался, увидев, наконец, что за ним пришли. Неопределенность кончилась. Коннор с чувством облегчения сел на указанное место и безропотно позволил палачу укрепить электроды на голове и ногах. Он слышал взволнованный шепот допущенных к зрелищу свидетелей и репортеров, но, не желая утрачивать самоконтроля, даже не взглянул в их сторону.

Когда процедура подготовки завершилась, он внутренне напрягся, готовый выдержать любые муки в об-

мен на скорую смерть, однако ощутил лишь яркую вспышку и внезапную судорогу, скрутившую тело.

Угасавшее сознание отметило переход от жизни к смерти как погружение во тьму, в благостный сон без сновидений, желаний и мук. И если бы его лицо могло выразить то, что почувствовал он в свой последний миг, там появилась бы счастливая улыбка примиренного с жизнью существа.

* * *

Внезапно в окружающем мраке возник лучик света. Неясное световое пятно постепенно приняло очертания выломанного в потолке отверстия с неровными краями. Глядевший на него человек отметил этот факт с некоторым недоумением: он не понимал, почему в его сон вошел образ пролома.

С некоторым усилием закрыв глаза, он убедился, что изображение дыры исчезло — значит, она существует на самом деле. Осознав это, человек почувствовал, как постепенно в памяти начали возникать и другие образы, словно разбуженные видом реального отверстия.

Из каких-то загадочных глубин выплыло имя — Томас Маршалл Коннор, и он вспомнил, что так зовут именно его. Вместе с именем он вспомнил все — ВСЕ! — и понял, что лежит в могиле... Но сверху, через пролом, в страшную яму проникал воздух, оттуда слышались детские голоса... Там была жизнь!

Глубоко вздохнув, он подумал, что тот смешной старикашка в камере вымолил-таки отпущение грехов, а значит, преступнику вновь дарована жизнь. Эти рассуждения позабавили Коннора, но смеха не получилось: казалось, в его теле функционировал только мозг, еще способный воспринимать информацию. Испуганный мыслью, что электрический разряд вместо смерти вызвал паралич, Коннор принялся последовательно концентрировать внимание на каждой конечности. Какова же была его радость, когда удалось, наконец, пошевелить пальцами. Но одновременно с ощущением движения на него внезапно обрушился невероятный холод — словно по жилам циркулировала не кровь, а ледниковая вода.

Это окончательно вернуло Коннора к жизни, и он задумался, как бы поскорее выбраться из могилы. Вид недалекой дыры подсказал ему решение воспользоваться небрежностью могильщиков: вероятно, не такой уж толстый слой земли закрывал его гроб.

Однако от намерения до его выполнения прошел довольно долгий срок, поскольку ноги и руки отказывались сгибаться. Успех зависел от слаженной работы тела, а этого как раз и не получалось, словно все кости навсегда утратили связь между собой. Наконец ему удалось упереться ладонями рук и коленями в крышку своего узилища, и он в отчаянном порыве толкнул ее вверх. Трухлявые доски легко поддались, и на Коннора посыпались сухие комья земли. Отирая лицо и отплевываясь, он сел и открыл глаза, но тут же со стоном зажмурился — солнечный свет, ослепив его, едва не сжег сетчатку.

Через некоторое время он вновь заставил себя приоткрыть глаза, но на этот раз все обошлось — болевой шок больше не повторился. Постепенно зрение возвратилось, и первое, что он разглядел, были судорожно сжатые кисти рук. Их вид потряс Коннора: так могли выглядеть конечности скелета, еще не утратившего кожный покров! Он принялся отгребать землю, высвобождая ноги, и убедился в том, что зрение не обмануло его: он действительно превратился из человека в его безобразный остов.

Вряд ли электрический разряд смог так изменить тело — скорее всего, он вызвал летаргический сон, и вот теперь казненный очнулся. Интересно, сколько же времени он спал? Не в силах сам ответить на этот вопрос, Коннор принялся карабкаться по осыпавшемуся грунту наверх — туда, откуда слышались юные голоса.

При виде вылезшего из земли страшилища, дети что-то закричали — но Коннор не услышал ужаса в их голосах — и пестрой стайкой понеслись за деревья. Он повернул голову вслед убегавшим, пытаясь что-то сказать, но внезапный приступ слабости бросил его на землю. С неприятным стуком он рухнул в траву, но, казалось, прикосновение к земле вернуло ему силы, подобно Антею. Он вновь поднялся и медленно побрел

к небольшому озерцу, почувствовав вдруг невыносимую жажду.

Добравшись до берега, он, опустившись на колени, нагнулся, чтобы зачерпнуть в пригоршни воды, и невольно отпрянул, увидев в зеркальной глади свое отражение. Истончившаяся серая кожа плотно облепляла лицевые кости, нос казался острым клювом птицы, зубы рельефно выступали из-под обтянувших их губ, а горошины глаз прятались в темных пещерах глазниц.

Коннор обтер это чужое лицо влажными ладонями, отполз от воды и без сил растянулся на траве, чувствуя себя на собственной земле каким-то космическим пришельцем — настолько неузнаваем оказался мир вокруг него. Куда-то исчезло здание тюрьмы, городские дома, многолюдные улицы. Теперь здесь расстилался сельский пейзаж — с его лугами, рощами и озерами. Знакомым казалось только солнце. Но, похоже, под ним не окажется места для ожившего не ко времени Томаса Маршалла Коннора.

Его тягостные размышления прервали человеческие голоса. Он приподнял голову и увидел, что в его сторону направляются пятеро молодых людей, одетых в обтягивающие рубашки и просторные шаровары, присборенные у щиколоток. Яркие цвета одежды заставили Коннора прищурить глаза. Он взмахнул рукой и попытался позвать на помощь, но из пересохшей глотки вырвался лишь невнятный хрип.

Незнакомцы заметили его и ускорили шаг. Коннор удивился, что на их румяных приветливых лицах не отразилось ни тени испуга или отвращения, словно им каждый день приходилось встречаться с ожившими покойниками. Один из юношей присел на корточки возле лежавшего и, четко выговаривая слова, сказал с незнакомым, но тем не менее понятным Тому акцентом:

— Нас позвали дети. Они сказали, что ты Спящий, потому что появился из-под земли. Мы отнесем тебя к Эвани. Она умеет врачевать и поможет тебе. Ты меня понял?

Коннор слабо кивнул, не понимая, правда, почему его назвали «спящим», но заранее благодарный за помощь.

Юноши развернули на траве полотнище из какой-то плотной ткани, бережно уложили на него свою находку и, взявшись за углы, легко подняли почти невесомое тело и понесли в сторону деревьев.

По-видимому, только невероятное усилие воли заставляло Коннора до сих пор что-то предпринимать для своего спасения. Теперь же, когда помощь, наконец, пришла, силы окончательно оставили его, и он вновь погрузился в пучину беспамятства.

Временами он выныривал на поверхность, но не различал окружающего, замечая лишь блики света, чувствуя на губах приятный аромат освежающего напитка, ощущая всем телом тепло и уют мягкого ложа. Постепенно в его забытье стали проникать конкретные образы: прекрасное девичье лицо с внимательными глазами, распахнутое окно с зеленью листвы за ним, фигуры каких-то людей.

Однажды он проснулся окончательно и обнаружил, что лежит в большой светлой комнате. Он опять почти ничего не помнил о себе и с удивлением принялся рассматривать собственные руки, лежавшие поверх одеяла: они показались ему чудовищно худыми. Что-то беспокоило его, но, чтобы не напрягаться, он принялся рассматривать помещение, постепенно вспоминая названия предметов и их назначение. Посреди комнаты стоял стол с прозрачной столешницей; и он, и стоявшие возле изящные стулья казались выполненными из светлого металла, напоминавшего алюминий; стеллаж возле одной из стен занимали книги, какие-то приборы и химическая посуда; под потолком висела удивительной красоты люстра. И тем не менее, комната казалась холодноватой и полупустой — может быть, из-за отсутствия картин, безделушек, декоративных тканей.

Он повернулся набок и непроизвольно застонал. Тут же возле его постели оказалась девушка из его сна: он узнал и внимательные глаза, и каштановые волосы. Но теперь он видел не только прекрасное лицо, но и всю изящную фигурку, одетую в узкую блузку и широкие шаровары. Он вспомнил, где уже видел подобный наряд.

Девушка спросила:

— Ты можешь говорить?

Он кивнул и прохрипел нечто, отдаленно напоминавшее «Да».

— Ты помнишь свое имя?

— Да. Я — Томас Коннор,— неожиданно для самого себя проговорил он.

Мгновенно к нему вернулась память. Он вспомнил, что его казнили за убийство лучшего друга... Вероломного друга... Накануне своей свадьбы с нежно любимой Рут, Коннор застал их в весьма недвусмысленном положении. Потеряв от гнева и отчаяния голову, он кинулся на обидчика и... Если бы Рут любила своего жениха, она устояла бы перед домогательствами друга — это он понял уже в тюрьме и отказался видеться с ней. Печально, что за вину Рут поплатились мужчины: один убит, а другой — казнен...

Оказывается, он прекрасно помнил даже то, что связано с казнью — вплоть до последнего мига. Однако существовала масса вопросов, на которые Коннор не находил ответа: например, почему казненный на электрическом стуле смог погрузиться в летаргический сон, как ему удалось уцелеть после погребения, и, наконец, сколько времени прошло с тех пор, как его зарыли?

Размышления Коннора прервала девушка, спросив:

— Откуда ты родом?

Язык еще плохо повиновался ему, и название города «Сент-Луис» прозвучало невнятно.

Девушка попросила повторить и задумчиво заметила:

— Я не знаю, где это.

— Город должен быть здесь, ведь могилы не переносят,— смятенно возразил Коннор.

— Как знать,— возразила она и задала новый вопрос: — Как долго ты спал?

Ответом на это оказался лишь недоуменный взгляд.

— Судя по твоему виду, сон длился очень долго. Значит, ты весьма богатый человек,— сделала вывод девушка.

Коннор не мог понять смысл сказанного. Непонятное волнение вызвало жажду, и он попросил воды.

— Лучше выпей вот это,— проговорила девушка, подавая стакан с жидкостью, вкус которой Коннор тут же узнал: именно это снадобье придавало ему силы.

Вот и теперь оно оказало то же действие, и Том припомнил еще один эпизод: вот молодые люди укладывают его на своеобразные носилки и несут к Эвани.

— Это ты — Эвани? — тут же спросил он.

Она кивнула и пояснила:

— Еще меня называют колдуньей, знахаркой — кому как взбредет в голову — за то, что я умею врачевать недуги, выхаживать больных, помогаю восстановить силы.

— Так в чем же здесь колдовство? — удивился Коннор.— Это зовется просто медицинской наукой.

— Название не имеет значения,— заметила Эвани.— А вот для того, чтобы выходить тебя, мне надо знать, когда именно ты погрузился в Долгий Сон. Постарайся вспомнить.

Она сказала это совершенно спокойно, словно не видела в подобном явлении ничего странного. Перед глазами Коннора возникли желтевшая за окном камеры листва, и он нерешительно проговорил:

— Кажется, осенью...

— А год ты помнишь? — настаивала Эвани.

— Конечно! Это случилось в тысяча девятьсот шестьдесят первом году.

Она с сожалением взглянула на своего пациента.

— Это тебе пригрезилось,— печально сказала она,— потому что сейчас идет только восемьсот сорок шестой.

Ее слова так удивили Коннора, что он даже не заметил, как Эвани покинула комнату.

* * *

Шло время, силы Коннора заметно прибывали, он постепенно перестал напоминать мумию, становясь все больше похожим на самого себя. Теперь он часто покидал постель и, тренируя непослушные ноги, бродил по комнате. Временами он выбирался за порог дома и, усевшись на крыльце, наслаждался солнечным светом и движением воздуха: его тело, по-видимому, истосковалось по этим ощущениям из-за долгого пребывания под землей.

Наконец настал день, когда Эвани согласилась отвечать на его вопросы.

— Когда меня принесли в твой дом? — спросил он.

— С той поры минуло всего три месяца. Я даже не надеялась, что так быстро поставлю тебя на ноги, уж очень изможденным ты был,— ответила Эвани.— Я еще не видела Спящих в таком состоянии.

— А ты не можешь определить, сколько же я, по-твоему, проспал?

— Наверное, долго. Но ты сам должен все вспомнить.

— Я утратил счет времени,— признался Коннор.— Вот ты сказала, что сейчас восемьсот сорок шестой год. Однако я совершенно точно знаю, что... уснул... в тысяча девятьсот шестьдесят первом! Может быть, вы ведете какое-то свое летоисчисление? — с надеждой предположил он.

— Мы ведем счет годам с Эры Просветления,— ответила девушка, явно заинтригованная его вопросом.— Однако то, что у тебя все перепуталось в голове, зовсе не удивительно: кое-кто из Спящих навсегда утрачивает память.

— Но слово «спящий» мне ни о чем не говорит! — воскликнул Коннор.— Давай начнем с того, что ты мне просто объяснишь, что же это такое.

Эвани кивнула.

— Представь себе, что человек задумал разбогатеть без особых усилий со своей стороны. В этом случае он заключает договор с банком Урбса и помещает туда свой капитал,— начала Эвани.— Условия вклада весьма выгодны — шесть процентов годовых, что дает удваивание капитала через двенадцать лет. Заключив договор, будущий богач погружается в анабиоз, пройдя обработку электрическим током строго определенной силы и дозированного напряжения. Это и есть Долгий Сон. Если он продлится сотню лет, Спящий вместо тысячи монет получит триста тысяч.

— Неужели банк до сих пор не прогорел? — удивился Коннор.

— Нет, потому что далеко не каждый Спящий просыпается,— с некоторой дозой цинизма ответила Эвани.— В этом случае его капитал объявляется собственностью банка — таковы условия договора.

— Ничего себе коммерция! — возмущенно проговорил Том.— Наживаться на смерти — это такая мерзость!

— Но ведь и ты сам способствовал этому, решившись на электроанабиоз! — всплеснула руками девушка.

— Да ничего подобного! — воскликнул Коннор.— Поверь, я не Спящий! Давай исходить из этого и попробуем вычислить, из какого времени я появился здесь. Уж во всяком случае, не провалился в прошлое — такого уж точно не бывает,— усмехнулся он.

— Прежде всего, расскажи о себе и своем времени,— предложила почти поверившая ему Эвани.

— Хорошо,— согласился Коннор.— Мое имя ты уже знаешь, но я не сказал, что меня казнили на электрическом стуле за то, что я убил человека. Все это произошло в Сент-Луисе, в тысяча девятьсот шестьдесят первом году...

Эвани прервала его:

— Неподалеку находится крошечная деревенька Селуи. Поселение, существовавшее на этом месте до Темных Времен, носило название Сент-Луис. Кроме того, в древних книгах есть упоминание о казни с помощью электричества... Все сходится... И, тем не менее, этого не может быть! Наибольший срок Долгого Сна — сотня лет, причем, это весьма рискованно для Спящего, поскольку мощный разряд может разрушить мозг. Хотя в погоне за наживой люди, я знаю, шли и не на такое,— философски заметила она.— Однако в твоем случае...

Она замолчала, с ужасом глядя на Коннора. Тот затаил дыхание, готовый мужественно выслушать приговор.

— Вряд ли тебе выгодно говорить неправду,— взволнованно продолжила девушка.— Но тогда... Под действием электрического удара ты уснул еще до того, как наступили Темные Времена. А это случилось более тысячи лет назад!

ЛЕСНОЕ ВИДЕНИЕ

Минули еще три недели лечения, и Коннор почувствовал себя совершенно здоровым. Он постепенно при-

учал себя к мысли о том, что привычный мир исчез безвозвратно, и теперь ему предстояло знакомство с чуждой жизнью, как если бы он и в самом деле оказался на другой планете, без какой-либо надежды на возвращение. Он не ощущал себя родившимся заново — этому мешала память о прожитых некогда годах, но и не тосковал по прошлому, с любопытством неофита присматриваясь к незнакомому настоящему.

Однако в его впечатлениях о новой жизни Земли не было целостности: отдельные кусочки мозаики никак не складывались в единое целое, поскольку Эвани очень неохотно рассказывала об устройстве мира. Время от времени она упоминала об Урбсе, Господине или Бессмертных, но эти понятия ни о чем не говорили Коннору. В конце концов он поинтересовался, почему девушка избегает подобных тем, ограничиваясь лишь полунамеками, и услышал в ответ:

— Я не хочу влиять на твой выбор.

Эти слова заставили его рассмеяться.

— О каком выборе ты говоришь? Я ведь абсолютно ничего не знаю о ваших делах!

— Видишь ли, мы, сельские жители, не любим все, связанное со столицей мира Урбсом или Бессмертными,— нехотя проговорила Эвани.— Там другая жизнь, враждебная нам. Но ты волен примкнуть к ним или остаться с нами, поскольку кровно не связан ни с теми, ни с другими.

— Когда я, наконец, разберусь во всех тонкостях, я, естественно, сделаю выбор. Но в одном ты должна быть совершенно уверена — я навеки твой друг,— прочувствованно ответил Коннор.

Она чуть улыбнулась и подала ему золотую монетку.

— Вот, взгляни.

На одной стороне блестящего диска на фоне земного шара с обвившейся вокруг него змеей была выбита цифра 10, а на другой красовался благородный мужской профиль, вокруг которого вилась надпись: «Император Земли, Властитель всего сущего».

— Этот тип не отличается скромностью,— проворчал, отдавая монету, Коннор.

— Ты прав,— подтвердила Эвани.— Именно его называют Господином. Уже целый век он правит Землей, но не снискал любви своих подданных.

Коннор удивился, чем вызвана такая неприязнь, отчетливо прозвучавшая в словах девушки, и решил со временем разобраться в этом. А пока что жадно впитывал информацию обо всех аспектах жизни.

Так, он узнал, каким образом с лица Земли навсегда исчезли кровососущие насекомые. Все они, как гласила легенда, под действием радиации превратились в устрашающих чудовищ, смертельно опасных для человека. С ними могли справиться лишь вороны — и их несметные полчища довольно скоро извели под корень всех насекомых-мутантов. Лишившись столь привлекательного корма, вороны стали настоящим бедствием, и тогда был выведен вирус «вороньей болезни», сработавший весьма успешно. Затем, оставшись без привычной питательной среды, погиб и сам возбудитель инфекции.

Коннор ознакомился также с укладом жизни приютившего его поселения, носившего название Ормон. Построенные на высоких цоколях одноэтажные дома своими портиками и колоннами напоминали древнегреческие строения. И хотя жители часто называли место своего обитания селом или деревней, Коннор не увидел здесь явных признаков, присущих фермам его юности: Ормон, скорее, относился к разряду небольших провинциальных городков.

Инстинктивно стараясь отыскать в этом новом для него мире хоть какие-то привычные черты, он уже давно испытывал желание оказаться среди нетронутой природы — где-нибудь у реки или в лесу. И вот теперь он смог, наконец, осуществить его: окрепшее тело уже позволяло совершать дальние переходы.

Однажды солнечным утром он отправился к видневшемуся за невысокими холмами лесу. Шагая по пружинившей под ногами траве, он рассматривал окружающий пейзаж, догадываясь, что всхолмленная равнина таит в глубине развалины его мира, погребенные под многовековыми наслоениями нового грунта. Углубившись в лес, он и там заметил покрытые мхом и кустами руины, но их вид вызвал в груди не щемящую

тоску, а лишь светлую печаль. Именно тогда он понял, что выздоровело не только тело, но и душа.

Выйдя на берег неширокой речки, Коннор бездумно зашагал вслед за потоком воды, наслаждаясь тишиной, нарушаемой лишь журчанием струй да шелестом листвы. Следуя за извивами берега, он увидел сквозь кружево веток, что у кромки леса речка образует небольшое озерцо. Оно манило к себе отраженной синевой неба, и он уже собрался, раздвинув кусты, выйти к нему, как вдруг остановился, зачарованный представшим перед ним видением.

Там, где речка небольшим водопадом впадала в озерную гладь, стояла на коленях дивной красоты девушка. Подставив ладони под падающие струи, она перебирала их, словно струны арфы. Если бы Томас услышал сейчас звуки музыки, он не удивился бы, настолько гармоничной казалась эта картина — лесной дух, играющий волшебную мелодию.

Но постепенно наваждение прошло. Перед ним несомненно было живое существо, подобное по красоте античным статуям. Это сходство подчеркивала мраморная белизна прекрасного лица и наряд, похожий на греческую тунику, перехваченную под грудью серебряным поясом. Но, несмотря на холодность неземного облика незнакомки, Коннор явственно ощутил ее внутренний огонь, буйство которого выдавали крупные завитки смоляных кудрей, стянутых на затылке серебряным обручем.

Долгая неподвижность утомила непрошеного наблюдателя, и он переступил с ноги на ногу. Звук сломавшейся ветки заставил девушку обернуться в его сторону, и Коннор, считая невежливым и дальше оставаться в укрытии, вышел на поляну, изобразив рукой нечто неопределенное, что отдаленно напоминало приветственный жест.

Поднимаясь с колен, девушка рассмеялась и взглянула на него огромными зелеными глазами, в которых он не заметил ни робости, ни страха: скорее, это был милостивый взгляд королевы.

— Впервые вижу дикаря, праздно гуляющего по лесу,— насмешливо произнесла она.— С чего бы? Ведь вы всегда такие хмурые и озабоченные.

«Дикарь?»— недоуменно подумал Коннор и вспомнил, что — по словам Эвани — этой презрительной кличкой горожане называли жителей сельской местности.

Увидев, как нахмурились его брови, она проговорила чуть мягче:

— Не обижайся на шутку. Я знаю, кто ты. Это ведь именно тебя подобрали возле Ормона, и ты заявил, что живешь уже больше тысячи лет, словно Бессмертный, не так ли?

— Я ничего не заявлял,— тоже стараясь держаться независимо, ответил Коннор.— Этот срок определили, просто сопоставляя факты. А что вы знаете о Бессмертных? — не удержался он от вопроса.

Она не ответила, а подошла к упавшему стволу, присела на него и вновь обратила к Коннору бесстрастное лицо.

— Расскажи мне свою историю, Спящий,— проговорила она, и по ее тону Томас понял, что красавица не привыкла к отказам.

Он не видел причин, по которым следовало бы сохранять в тайне все, что с ним произошло, и поэтому удовлетворил ее любопытство. В заключение он сказал:

— Теперь ты понимаешь, что меня нельзя называть Спящим — в вашем понимании этого слова.

— Верно,— согласилась она.— Значит, ты беден. Однако задумывался ли ты о том, что на самом деле владеешь огромным капиталом? Я имею в виду знания, давно утраченные человечеством.

Такая мысль не приходила в голову Коннора. Обдумав слова незнакомки, он сказал:

— Для того, чтобы пустить этот капитал в оборот, надо знать, как использовать то, что сохранила память. А для этого нужно, прежде всего, побольше узнать о нынешнем времени. Но все расспросы напрасны: люди отвечают уклончиво или же делают вид, что не понимают меня.

— Хочешь, я расскажу тебе историю Земли? — серьезно взглянув на него, спросила девушка. Услышав взволнованные слова благодарности, она похлопала ладонью по стволу возле себя и сказала: — Садись сюда и слушай.

И вот что узнал Коннор.

Время, в которое он родился и вырос, представлялось ныне живущим землянам чудовищным сочетанием взлета научной мысли с низменными инстинктами разрушения. И чем выше поднимался в своем знании человек, тем ужасней и опустошительней становились братоубийственные войны. Самая чудовищная бойня разразилась вскоре после казни Коннора, причем безумство атомной вакханалии охватило весь Земной шар. В этом пламени погибли народы и цивилизации, исчезло все, что, в сущности, и делало человека человеком. В результате немногие выжившие оказались на развалинах некогда цветущей Земли и вынуждены были вести существование, характерное для пещерного человека.

Однако древние неандертальцы были значительно более приспособлены к суровым условиям жизни и не ведали, что она может быть какой-то иной, поэтому жертвам атомной катастрофы пришлось испытать куда большие тяготы, чем их пращурам. Лишь спустя сотни лет остатки человечества смогли возродить первобытно-общинный строй с его натуральным хозяйством и примитивными орудиями труда.

Годы борьбы за выживание привели к тому, что люди постепенно забыли все, чем обладали до катастрофы, а смена поколений завершила разрушение исторической памяти — человечество начинало жизнь с нуля. Однако в некоторых семьях берегли драгоценные крупицы знаний и сохранили их, несмотря на столетия варварства.

К одной из таких семей, проживавшей в поселении Новый Орлеан, принадлежал Джон Холланд. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы не один удивительный случай. Однажды, корчуя лес, чтобы расчистить землю под новую пашню, он наткнулся на древние руины, которые, как оказалось, являлись останками когда-то находившегося на этом месте крупного города Нью-Орлеана. Дальнейшие раскопки помогли Холланду и другим энтузиастам отыскать среди развалин то, что осталось от библиотеки. Изучение книг, чудом сохранившихся в подвалах, послужило началом создания Академии Нового Времени.

К сожалению, найденное сокровище содержало лишь крупицы знаний, но оно послужило толчком к возрождению научной мысли. Именно с этого времени начался отсчет нового периода истории человечества, получившего название Эпохи Просветления. Даже смерть Джона Холланда, предводителя одержимых жаждой познания людей, не остановила развивающийся процесс — последовал ряд открытий, коренным образом изменивших мир. В частности, именно тогда оказалась раскрытой тайна атомной энергетики. Честь этого открытия принадлежала одному из друзей Холланда, некому Тарану.

Благодаря практически неисчерпаемому источнику энергии, началось развитие различных отраслей промышленности, сопровождавшееся широким фронтом научных исследований. На месте развалин Нью-Орлеана воздвигли новый город — столицу мира Урбс. Как оказалось, этот единственный на Земле мегаполис насчитывал теперь уже тридцать миллионов жителей.

Коннор даже не предполагал, что человечество — по собственной неразумности! — едва не уничтожило не только себя, но и свой дом, планету по имени Земля. Он почти физически ощущал ужас происшедшего, о котором рассказывал бесстрастный голос, принадлежавший юному существу, из глаз которого смотрела на него вековая мудрость.

Однако любопытство Коннора еще не было удовлетворено: он попросил незнакомку рассказать об «Императоре Земли, Властителе всего сущего», как гласила надпись на монете. Легкий вздох, сорвавшийся с ее губ, показал, что девушке не хочется от эпического повествования переходить к действительности. Но, тем не менее, она продолжила рассказ:

— До того, как появился этот пышный титул, его звали просто Хоакин Смит. Он вместе с сестрой Маргарет и другом, Мартином Сайром, стал слушателем Академии. Это случилось восемьсот лет назад. Просмотрев огромный перечень различных дисциплин, Смит решил совершенствоваться в общественных науках, чтобы овладеть механизмами воздействия на различные аспекты человеческого существования. Его заветная

мечта состояла в том, чтобы построить справедливое общество, где каждый мог бы обрести счастье.

Она вновь вздохнула и пояснила:

— В древней истории это называлось Утопией, потому что нельзя разделить счастье поровну. Однако тогда эта мечта казалась оправданной: возрожденное человечество вновь принялось играть в солдатики. У Смита оказалось много единомышленников, и первым из них — Мартин Сайр, который принялся изучать естественные науки. Когда же он, работая с дозированным излучением радия, нашел способ делать человека практически бессмертным, в руках Смита появился еще один действенный рычаг, которым он пользовался в качестве поощрения. И мечта о вечной жизни заставляла его сателлитов буквально переворачивать горы! Так, Джергенсен сконструировал атомный двигатель и оснастил его копиями космические корабли, Эрден изобрел устройство, способное на любом расстоянии обнаруживать и уничтожать взрывчатые вещества, а оружию Кольмара не имелось аналогов даже в вашем мире.

— Но я понял из твоих слов, что Смит ненавидел войны. А теперь ты упоминаешь о каком-то оружии,— недоуменно проговорил Коннор.

— Оно не стреляет, если ты это имел в виду,— усмехнулась рассказчица.— Это, скорее, энергетическое психотропное оружие. Такой термин появился, по-моему, еще в твое время. Во всяком случае, только благодаря изобретению Кольмара Смиту удалось — без войн и кровопролитий — создать единое Всемирное государство, главой которого он и является до сих пор. Кстати, идея строительства Урбса тоже принадлежала ему. Затем, с помощью тщательного отбора, он сформировал новую породу людей, здоровых духовно и физически. Правда, пришлось разработать и осуществить на деле обширную программу, обеспечившую отсутствие потомства у неполноценных или социально опасных представителей человечества. Ты, вероятно, заметил, как много красивых людей вокруг, даже в этом твоем Ормоне.

— Но они не идут ни в какое сравнение с тобой, лесное чудо,— полушутливо возразил Коннор, так и не

решив для себя, что в ней завораживало больше: ее блистательный ум или божественная красота.— Правда, они — из плоти и крови, а ты, скорее всего, фея.

— Так и считай,— согласилась она.— И будет лучше, если ты не станешь никому рассказывать об этой беседе.

Коннор кивнул — это полностью совпадало и с его намерениями. Ему казалось, что рассказ об удивительной встрече в лесу может убить то трепетное чувство, которое — словно сказочный цветок — распускалось в его очерствевшей душе.

Вдалеке послышались встревоженные голоса: вероятно, Эвани, обеспокоенная длительным отсутствием своего пациента, послала на его поиски людей. Девушка тотчас же вскочила и исчезла среди деревьев, лишь дуновение ветра донесло до него прощальные слова незнакомки:

— До встречи, пришелец из прошлого!

Коннор тоже поднялся со ствола и поспешил навстречу людям, инстинктивно не желая допускать их к месту волшебного свидания.

ХИМЕРЫ

В последующие недели не произошло ничего, достойного внимания. Коннор все еще надеялся на обещанную встречу и, ссылаясь на необходимость тренировать мышцы, совершал дальние переходы по берегу заветной речушки. Эвани привыкла к его отлучкам и больше не организовывала спасательных экспедиций. Но и блуждание в одиночестве оказывалось для Томаса безрезультатным: лесная девушка так и не появилась.

Тем временем он познакомился с управляющим местным промышленным предприятием молодым инженером Жаном Ормом, и тот раскрыл ему еще одну особенность современной жизни.

Оказалось, что теперь проще и дешевле организовывать производство всего необходимого непосредственно возле источника потребления: вся продукция имеет стопроцентный сбыт, поскольку полностью соответствует спросу, и, кроме того, отсутствуют неоправданные рас-

ходы на перевозку готовых изделий и сырья. Жан пригласил Коннора посетить фабрику, и тот убедился, что там действительно делают все — от кухонных ножей до мебели. Инженер, гордящийся своим предприятием, водил его по цехам, давая пояснения, как настоящий экскурсовод.

— При изготовлении вещей мы используем дерево и алюминий. И то, и другое находятся рядом: лес вот он — за ближайшим холмом, а глина, из которой добываем алюминий, в прямом смысле валяется под ногами.

Выслушав возражения Коннора о трудоемкости процесса по выплавке алюминия и сложностях с энергией, Жан принялся объяснять ему существующий процесс:

— Дело в том, что источником атомной энергии служит водород, находящейся в обыкновенной воде. В течение трехсот дней атомы водорода преобразуются в атомы гелия — из расчета четыре к одному, а высвобождающаяся при этом атомная масса превращается в электричество. Считай, это неиссякаемый источник энергии, жаль только, что мы не владеем секретом ускорения процесса преобразования: он известен лишь технарям Урбса. Именно потому, что им удалось сократить процесс до ста дней, они смогли построить небольшие реактивные летательные аппараты, так называемые «треугольники».

Коннор уловил в последней фразе явственно ощутимую горечь и поинтересовался у Жана, зачем ему реактивные самолеты.

— Да есть тут одна мысль,— ответил тот, но затем вновь переключился на способы получения атомной энергии: — Можно, конечно, вызвать мощный взрыв с помощью детонации, но это, скорее, подходит для горных разработок, а не для использования в двигателях.

— Но там и не требуются мощные взрывы,— возразил Томас.— Достаточно определенным образом дозировать объемы преобразуемых атомов.

— Наверное, одного этого мало,— с грустью произнес Жан,— надо знать какие-то дополнительные условия. В моей семье уже имеется печальный опыт подобных исследований: пытаясь раскрыть секреты ускорения, погиб мой отец. А нам так нужны самолеты!

Но сколько Коннор ни допытывался о том, кому и зачем так настоятельно требуются летательные аппараты, он больше ничего от Жана не добился. Тогда он решил попытать счастья у Эвани, задав ей тот же вопрос, но девушка лишь покачала головой.

— Это не моя тайна,— проговорила она.

— Но я и так уже догадался, что это как-то связано с правлением Урбса. Вы зря не доверяете мне, скрывая свои намерения, потому что я мог бы помочь вам. Но все же мне хотелось бы знать, чем вам так насолили Бессмертные?

Это слово вызвало краску гнева на лице обычно спокойной Эвани, и она воскликнула:

— Я не могу им простить муки несчастных, ставших жертвами бесчеловечных опытов Мартина Сайра. Именно они позволили кучке избранных обрести бессмертие!

Девушка заплакала и выскочила из комнаты.

Однако Коннор не оставил попыток разузнать хоть что-нибудь о внутренних противоречиях, скрываемых под личиной внешнего благополучия, и спустя пару дней снова задал вопрос Эвани, сформулировав его с максимальной четкостью:

— Чем вызвана ваша ненависть к правлению Господина?

— Тем, что открытие, сделанное в результате эксперимента над народом, не вернулось к нему, а осталось в единоличном пользовании правителя Урбса,— не менее четко ответила Эвани.— Я имею в виду бессмертие. Оно дорого обошлось нам, и теперь мы тоже хотим пользоваться его результатами, а не умирать от болезней и старости.

— Понимаю,— задумчиво проговорил Коннор.— Это справедливое желание. И теперь для того, чтобы свергнуть правление тирана, Жан задумал восстание и хотел бы создать авиацию, чтобы перебросить повстанцев в Урбс. Я не ошибся?

Эвани кивком подтвердила правильность его выводов.

— Но одного я не могу понять! — воскликнул Коннор.— Почему это открытие скрывают от вас? Какой в

этом смысл? Ведь, как я понял, «дарование бессмертия наиболее преданным» не единственный способ управлять миром — у Господина много ниточек, за которые он может дергать. А вот для того, чтобы вызвать неприязнь, подобное умалчивание подходит великолепно! Но зачем ему вызывать ненависть?

На все эти «зачем» и «почему» у Эвани не было ответа. Девушку не интересовала тайная политика правителя Урбса, а задевали лишь ее внешние проявления, в частности, судьба тех, кого она считала жертвами бесчестных политических игр.

— Кого ты имеешь в виду? — недоуменно спросил Коннор.

— Несчастных химер,— ответила она, и вновь ее глаза затуманились слезами.

После ее ухода он задумался о том, какую тайну скрывает сама Эвани. А в том, что она существует, Коннор не сомневался. Образ жизни девушки не соответствовал ни ее возрасту, ни обширным знаниям, ни внешней привлекательности и душевной чуткости. Он всегда задавался вопросом, почему Эвани избегает общества ровесников, почему у нее нет поклонников и подруг? Единственным молодым человеком, который был вхож в ее дом, являлся Жан Орм, но и здесь Коннор не заметил с ее стороны ни намека на сердечную заинтересованность. Их отношения больше напоминали доброжелательную приязнь двух приятелей.

Он даже не предполагал, что вскоре узнает разгадку.

Как-то Эвани и Жан предложили Коннору принять участие в местном развлечении — они взяли его на охоту. Изумление Томаса не знало границ: в мире, где возрождались высокие технологии, ему предстояло пострелять дичь... с помощью лука и стрел. Повертев в руках примитивное оружие, Коннор обратился за разъяснениями к Жану.

— Господин запретил пользоваться порохом,— сказал тот.— С помощью прибора Эрдена он может взорвать ослушника на любом расстоянии, так что никому не хочется взлететь в небеса вместе с собственным домом. А в охоте с помощью лука есть даже что-то экзотическое — мы же не добываем себе пищу этим промыслом.

Коннор понял, что последнее замечание вызвано лишь желанием Жана как-то «подсластить пилюлю», и, усмехнувшись, сказал:

— Ну да, мне как-то сразу припомнились романы сэра Вальтера Скотта. Но почему бы вам не сконструировать ружье, используя уже известный способ мгновенного преобразования водорода в гелий? Крошечные взрывы совершенно безопасны.

Жан хлопнул себя ладонью по лбу.

— Какой же я тупица! Мог бы и сам сообразить! — Жан казался весьма огорченным.— Это лишний раз подтверждает, что «заботы» когорты Бессмертных об идеальном человечестве снизили у людей остроту мысли.

Они еще долго бродили по лесу, так и не пустив в ход оружие древних лучников, и неожиданно оказались на высоком берегу живописного озера. Казалось, его прозрачные глубины манили усталого путника обещанием отдыха и прохлады, и Коннор тут же решил искупаться. Однако, прежде чем он устремился к воде, Эвани успела схватить его за руку.

— В лесных озерах купаться нельзя,— взволнованно сказала она.— Для этого существуют бассейны! — И в ответ на возражения Коннора, указала на дальний берег.— Лучше взгляни туда!

В прибрежных кустах, на которые показала Эвани, он заметил какое-то движение. Вскоре, раздвинув ветви, на песчаную отмель вышло чудовищное существо, словно явившееся из горячечного бреда безумца. Коннор едва сдержал крик ужаса, увидев грушеподобное серо-зеленое тело, опиравшееся на короткие кривые ноги с непомерно большими ступнями-ластами. Жуткое создание двигалось к воде, нелепо болтая клешнеподобными руками, и Коннору показалось, что существо вовсе не имело головы. Однако, приглядевшись внимательней, он понял, что головой, по-видимому, служит верхняя часть «груши»: оттуда таращились на мир круглые глазки, расположенные над слюнявой перекошенной пастью. Время от времени существо облизывало рот длинным красным языком. Но самым невероятным оказалось то, что отвратительная тварь являлась — пусть и гротескным — подобием человека.

Добравшись до воды, серо-зеленый мешок тяжело плюхнулся на мелководье и, судорожно двигая конечностями, постепенно исчез в глубине озера. Эвани оторвала взгляд от тягостного зрелища и, с трудом сдерживая рыдания, медленно побрела прочь. Мужчины дали ей возможность без свидетелей справиться с волнением, а затем устремились следом. Потрясенный Коннор спросил Жана:

— Что это за существо?

— Химера[1],— ответил тот.

Они молча шли по лесу, и Коннор теперь по-иному вглядывался в заросли, таившие в своих глубинах чудовищную тайну нового мира. Ему удалось разглядеть еще одно существо: с чисто детским любопытством их сопровождал, скрываясь за кустами, юный представитель еще одного вида химер. Треугольное личико с широко раскрытыми удивленными глазами венчали мохнатые уши, а в улыбавшемся ротике красовался набор чудовищных клыков, годящихся разве что вампиру.

Коннор указал на него Жану, и тот в ответ горестно вздохнул и покачал головой. Лишь после того, как они покинули лес, Жан придержал за локоть Коннора, и, когда они остановились, глядя вслед уходившей Эвани, проговорил:

— Обещай мне не говорить о химерах в присутствии Эвани.

— Хорошо, но только в том случае, если ты расскажешь мне о химерах,— твердо сказал Коннор.

Некоторое время Жан молчал, но потом, решительно тряхнув головой, словно отбрасывая сомнения, произнес:

— Так и быть. Однако прежде скажи мне, как ты относишься к Эвани?

Не раздумывая ни секунды, Коннор ответил:

— Я от всей души желаю ей счастья. Но, кажется, эта удивительная девушка, прекрасная и душой, и телом, обделена радостью.

---

[1] Химера — организм, обработанный радиоактивным облучением, которое вызвало различные мутации и аберрации на уровне хромосом; в итоге организм существенно отличается от нормы.— *Прим. перев.*

— Ты прав. А все дело в том, что среди ее предков были химеры,— печально проговорил Жан.

— Ну и что с того? — возмутился Коннор.— Неужели возрожденное человечество, пройдя сквозь адские муки, притащило из тьмы веков все свои заблуждения, в том числе и расизм?

— Люди просто боятся наплодить уродов,— словно оправдывая своих современников, пояснил Жан.— Несчастные химеры появились в результате опытов над человеком. Призрачная надежда обрести бессмертие — превосходная приманка для наших не очень-то умных пращуров. Поэтому у такого изощренного экспериментатора, как Мартин Сайр, никогда не было недостатка в «подопытных кроликах». В зависимости от дозы облучения из его лабораторий выходили не только невероятные чудовища, но и мозаики[1]. И теперь, прежде чем жениться или выйти замуж, люди требуют убедительных доказательств того, что никого из предков будущего партнера не коснулись преступные руки Сайра и его пособников. Поговаривают, что и в роду Эвани были мозаики, поэтому молодые люди обходят ее стороной, хотя многие засматриваются на нее.

— Но ведь это явное проявление ксенофобии! — воскликнул Коннор.— Скорее всего, кто-то просто завидует способностям и красоте Эвани, вот и распространяет мерзкие слухи! Но скажи, Жан, почему Господин не приказал уничтожить результаты неудачных опытов Сайра? Он же наверняка понимал, что вид химер будет постоянно подпитывать ненависть, как напоминание о бесчеловечности правящей элиты.

— Да он просто не успел,— усмехнулся его собеседник.— У несчастных хватило ума спрятаться в лесах. И, похоже, они неплохо приспособились к жизни: те, кого мы видели, дальние потомки первых химер.

Мужчины медленно шли следом за девушкой, и когда впереди показались первые дома Ормона, Коннор спросил:

---

[1] Мозаика — организм, обработанный радиоактивным облучением, которое вызвало мутации некоторых тканей организма, но не изменило его нормального вида.— *Прим. перев.*

— Почему ты не женишься на Эвани, Жан? Я же вижу, что ты любишь ее.

От неожиданности тот едва не споткнулся, а затем мрачно взглянул на Коннора и проговорил:

— Ты правильно догадался, Томас. Но когда я признался ей в своих чувствах, она страшно расстроилась и заставила меня пообещать, что я больше не стану досаждать ей своими разговорами о женитьбе. Так что я теперь на положении преданного друга, верного товарища — назови, как хочешь. Может быть, тебе удастся сделать ее более счастливой? И не беспокойся на мой счет: благополучие Эвани сильнее моей ревности.

Откровенные слова Жана заставили Коннора задуматься о том, как же он сам относится к Эвани. Ее красота и нежная заботливость давно нашли отклик в его сердце, и теперь он был твердо убежден, что брак с Эвани наверняка окажется счастливым. Потрясение от встречи с мифической лесной девой превратилось в поэтическое воспоминание, спрятанное в самой глубине души, и он искренне радовался, что вмешательство Жана помогло ему понять, наконец, чем он сможет отблагодарить реальную девушку за свое второе рождение.

При первом же удобном случае Коннор попросил Эвани стать его женой. Он предвидел любую реакцию, но никак не ожидал, что черты прекрасного лица исказит выражение ужаса. Коннор с горечью подумал, что, по-видимому, в ее глазах он навсегда останется лишь ожившим покойником, неким недоразумением природы, и удивился, когда девушка, справившись с собой, проговорила:

— Поверь, я ценю твои чувства, но давай вернемся к этому разговору через месяц.

— Что может измениться за месяц? — недоуменно спросил он, и лишь после долгих уговоров понял, что назревает некий конфликт, последствия которого совершенно непредсказуемы.— Ты хочешь сказать, что народ готовится к войне?

— Да,— едва слышно сказала она.

— Хорошо, я обещаю подождать до ее окончания,— чуть ли не с облегчением проговорил Коннор.

Дни шли за днями без каких-либо перемен, но однажды Жан продемонстрировал ему небольшой пистолет.

— Мы сумели-таки воплотить в металле твою мысль о «водяном» оружии,— с гордостью проговорил инженер.— Пулями служат вот эти свинцовые шарики. Дальность небольшая, но все же это не лук и стрелы.

— Здорово! — восхитился Коннор.— А чтобы увеличить дальность полета, надо сделать пульки цилиндрической формы и заострить с одного конца.

Они обсудили еще ряд технических проблем, после чего Жан сказал:

— Эвани говорила мне, что ты догадался о ближайших событиях. Нам очень хотелось бы, чтобы ты поддержал нашу борьбу с тираном.

— Можете рассчитывать на меня,— заверил его Коннор.— Я не против кое-что исправить в этом мире: мне не все здесь нравится.

Этот ответ явно обрадовал Жана Орма.

— Твои знания окажут повстанцам неоценимую помощь! — воскликнул он.

«Лишь бы вы с толком их применили»,— ворчливо пробормотал про себя Коннор, вспомнив слова Жана о некоторой вялости ума нынешних землян.

Известие о том, что ее подопечный присоединился к недовольным, порадовало Эвани, и она еще раз подтвердила свое решение вернуться к разговору о замужестве после грядущих перемен.

ВОССТАНИЕ

Подготовка к восстанию шла полным ходом, и Коннор внес в нее посильную лепту, составив логарифмические таблицы, необходимые для баллистических расчетов. Он также помог с установкой прицелов в самодельных пистолетах, которыми предполагалось вооружить отряды повстанцев. Кроме того, благодаря его толковым пояснениям, Жану удалось сконструировать и изготовить счетную линейку.

Коннор с удовольствием возился в тире и секретных мастерских, оборудованных в подвале фабричного зда-

ния, но относился к самой идее восстания как к явной авантюре. Трудно было даже представить себе, что горстка недовольных сможет добиться смены правительства или хотя бы изменения его курса. Правда, Жан указывал, что число сторонников приближается уже к тридцати тысячам, но что значат тридцать тысяч по сравнению с тридцатью миллионами!

— Не стоит беспокоиться,— уверял его Жан.— В самом Урбсе масса недовольных. Они непременно поддержат нас, стоит лишь начать! И, конечно, никакого похода на столицу, а тем более штурма мы не планируем: повстанцам легко затеряться среди многомиллионного города и ударить внезапно по единому сигналу командира.

На вопрос Коннора, как организована армия восставших, Жан ответил:

— Каждый отряд составляют подразделения добровольцев, направленные — каждое со своим командиром — из десяти поселений. Отрядом командует один из этой десятки, выбранный остальными девятью и утвержденный штабом армии. Кстати, один из отрядов идет под командой представителя Ормона.

— Вероятно, это ты? Рад познакомиться с будущим начальством! — шутливо проговорил Коннор.

— Нет, но я могу представить тебя командиру, хотя, по-моему, вы уже знакомы,— парировал Жан, подводя Томаса к Эвани.— Вот твой начальник отряда.

Коннор онемел. Что же это за армия, если командирами в ней могут избираться совершенно чуждые военному делу девчата? Он и так был невысокого мнения об организации предполагаемого восстания, а теперь явственно понял, что все предприятие обречено на провал. К серьезным делам надо и подходить серьезно, а здесь... какая-то игра в бирюльки!

Внезапно его невеселые размышления прервал вид странного светящегося предмета, напоминавшего по форме вытянутый наконечник копья. Он стремительно приближался, беззвучный и прозрачный, и Коннор, решивший сначала, что это один из знаменитых «треугольников» горожан, понял, что перед ним нечто совершенно иное.

Заметив, как изменилось выражение лица их собеседника, устремившего взгляд к небесам, Эвани и Жан оглянулись и в ужасе отпрянули, едва не сбив Коннора с ног.

— Это Вестник Господина! — в ужасе прошептала Эвани, закрывая ладонями лицо.

Смертельно побледневший Жан тряхнул Томаса за плечо со словами:

— Не смотри на него! Твой взгляд может притянуть Вестника. Постарайся думать о чем-нибудь нейтральном!

Он наклонил голову, и Коннор услышал, как с его бескровных губ сорвались слова то ли молитвы, то ли стихотворных строф.

Однако сам Коннор не мог отвести глаз от удивительного явления. Он увидел, как Вестник принялся описывать круги над Ормом, а затем стал снижаться по спирали чуть ли не до самой земли, беспрепятственно пронзая все, что попадалось на пути его стремительного полета. Затем резко набрал высоту и устремился прочь — в сторону леса.

— Он улетел, наконец,— сообщил Коннор друзьям, и когда те нерешительно подняли головы, спросил: — Так что же это было?

Не отвечая ему, Эвани вцепилась в рукав Жана и дрожащим голосом спросила его:

— Почему Вестник появился здесь, как ты думаешь? Неужели Господину что-то стало известно!

— Вряд ли,— ответил Жан.— Думаю, это контрольный облет.— Он повернулся к Коннору и со вздохом произнес: — Вот ты и увидел секретное оружие Кольмара. В сущности, это своеобразный сгусток энергии, способный считывать мысли любого человека и передавать приказы Господина. Причем не просто передавать, а гипнотически внушать безоговорочное повиновение. Телепатия на расстоянии со стопроцентным результатом,— горько усмехнулся Жан.

— Но непременно должен существовать какой-нибудь способ бороться с этим! — Коннор даже не мог представить себе подобное воплощение всесилия.

— К сожалению, только один — не думать,— с безнадежностью в голосе произнесла Эвани.

— А мы в последнее время только то и делаем, что думаем и говорим о восстании,— возразил Коннор.— Наверняка эти сведения уже стали достоянием соглядатаев Господина, и доказательством этому служит появление Вестника. Вероятно, надо пересмотреть планы и не торопиться выступить против Урбса,— предложил он.

— Ни в коем случае! — воскликнула Эвани.— Возможно, Господину и в самом деле все известно, но он решил, что мы испугаемся Вестника и отложим нападение. Так нет же! Мы не оправдаем его ожиданий и поднимем восстание немедленно! Для этого все готово — наши люди уже в столице и ждут сигнала. Мы тотчас едем туда.

Выслушав приказ, Жан поспешил за машиной, и вскоре они уже ехали в сторону Урбса. Коннор подумал, что даже прошедшие века не изменили главной особенности сельских дорог: машина, качаясь, словно корабль в бурю, преодолевала ухабы и рытвины невероятно разбитого покрытия. Внезапно качка прекратилась — теперь они мчались по невероятно гладкому полотну великолепного шоссе.

Коннор высказал Жану свое недоумение по поводу такого контраста, на что молодой инженер резонно заметил:

— Что тут удивляться? Налоги, собранные с населения, идут лишь на благоустройство правительственных трасс, а сельские дороги обязаны обихаживать мы на принципах общественных работ, хотя именно пригородные шоссе гораздо больше страдают от колес тяжелых машин. Одним словом, платим и там и тут.

«Они, пожалуй, не очень-то щедро тратятся на свои же нужды, хотя и живут вроде бы не бедно»,— подумал Коннор, потирая ушибленные бока, но не стал больше касаться этой темы. В конце концов не стоит судить об укладе почти неизвестной ему жизни. Поэтому он сменил тему и поинтересовался у Жана:

— А вы не пробовали агитировать в армии, чтобы привлечь на свою сторону профессиональных военных?

— Это безнадежно. У них нет причин быть недовольными политикой Господина,— ответил Жан Орм.

— В мое время о популярности главы государства судили по тому, как относятся к нему простые солдаты. Значит, Господин весьма уважаемый правитель,— предположил Коннор.

— Конечно,— согласился инженер.— Он очень мудрый политик, способный объединять вокруг себя талантливых людей. Это только усложняет нашу задачу.

Томас решил, что только время поможет ему решить вопрос, чем в таком случае подпитывается ненависть сельских жителей к правительству, если даже они положительно оценивают деятельность Господина. Поэтому он просто попросил рассказать как можно больше о происшедших на Земле переменах.

Из рассказа своих спутников он узнал о крупных поселениях в Антарктиде, расположенных в искусственно подогреваемых зонах; о добыче платины на Южном полюсе планеты; о том, что прежде безводная Сахара являлась теперь главным поставщиком зерна, овощей и фруктов. Для пассажирских и грузовых перевозок отныне использовалась реактивная авиация, что оказалось значительно выгоднее других видов транспорта. Узнал он и о том, что на вершине Эвереста сооружена гигантская обсерватория с таким совершенным оборудованием, что любая точка даже самых отдаленных планет казалась не дальше вытянутой руки. Возобновились прерванные на века космические программы, и недалек тот день, когда человечество пошлет своих исследователей к далеким галактикам. С этой целью уже начато строительство космопорта на Луне.

Эвани с нескрываемым восторгом рассказала об удивительной лунной находке:

— Этот великолепный гибрид растения и кристалла получил название лунной орхидеи. Каждый цветок стоит целое состояние, и лишь немногие богачки могут позволить себе подобное украшение.

— Мне хотелось бы подарить тебе к свадьбе лунную орхидею,— мечтательно произнес Коннор, но, поймав хмурый взгляд Жана, постарался придать своим сло-

вам шутливый оттенок: — Прекрасным девушкам так идут прекрасные цветы.

Дорога постепенно поднималась вверх, и внезапно Эвани, указав в ветровое стекло, воскликнула:

— Смотрите! «Треугольники» горожан!

Казалось, прямо им в лоб устремились три реактивных самолета, увеличиваясь прямо на глазах — от малоприметных точек до огромных стрелоподобных конструкций, боковая сторона которых достигала в длину не менее сотни футов. Над машиной Жана устрашающее трио рассыпалось: боковые самолеты устремились вправо и влево, а средний продолжил прямолинейный полет.

Проводив глазами растаявшие в воздушном мареве громадины, заговорщики продолжили свой путь и остановились на вершине холма, откуда открывался величественный вид на столицу мира.

Коннору показалось, что он видит кадры из фантастического фильма, настолько нереальным казалось это нагромождение каменных блоков, стекла и сверкающего металла, над которым — словно гигантская ракета перед стартом — возвышался дворец Господина. Именно на обширной площади возле него предполагала собраться армия повстанцев.

Когда машина, спустившись с холма, погрузилась, наконец, в лабиринт улиц, ощущение нереальности прошло. Коннор почувствовал, что толчея и суета городской жизни навсегда останется одной и той же, как бы ни менялся мир. Вот только одежда жителей Урбса вносила ощущение новизны — в толпе преобладали короткие туники, выполненные из мягких блестящих тканей.

Жан остановил машину возле одного из небоскребов, и вся компания поднялась на скоростном лифте на семидесятый этаж. Там Эвани остановилась возле одной из дверей и несколько раз надавила на кнопку звонка. Вероятно, находившиеся внутри помещения поняли условный сигнал, потому что вскоре дверь отворилась.

Вновь прибывшие вошли в довольно большую комнату, где уже находилось не менее тридцати человек.

При появлении Коннора все разговоры мгновенно стихли, и Жан поспешил представить его присутствующим.

— Вы уже слышали о Томасе Конноре, изобретателе нашего нового оружия,— сказал Жан.— Знакомьтесь, он перед вами.

После приветственных возгласов все разместились возле стола, и Эвани предложила не шуметь и поскорее начать совещание. Коннор поинтересовался, отчего такая спешка, и услышал в ответ:

— Все помещения оснащены передающими телекамерами, изображение с которых передается в наблюдательный пост дворца.

— Я могу отыскать датчик и заслонить его чем-нибудь непрозрачным,— с готовностью предложил Томас.

— Не стоит,— ответила Эвани.— Оператор на пульте сразу заметит, что от него хотят что-то скрыть, и направит сюда наряд полиции.

Тем временем совещание шло своим чередом: собравшиеся вполголоса уточняли расположение войск и предстоящую тактику боя. Когда подошла очередь Эвани, она рассказала о появлении Вестника Господина. Это вызвало переполох и один из присутствующих спросил:

— Не означает ли это, что Господину известен намеченный срок восстания?

— Этого не знает никто,— ответила девушка,— и поэтому я предлагаю выступить немедленно. Только неожиданность в состоянии еще спасти наш замысел.

После некоторых дебатов все согласились с ее предложением и направились к своим отрядам, чтобы обеспечить явку бойцов на площадь перед дворцом точно к часу дня.

Когда Коннор, следуя за своими друзьями, оказался у выхода на площадь, он увидел возле дворцовой стены огромную мраморную статую, изображавшую сидящего человека с книгой в руках. На его недоуменный вопрос, Жан ответил, что таким способом Господин велел увековечить память о Джоне Холланде.

В этот момент раздался звон курантов огромных башенных часов, и, словно по мановению волшебной палочки, площадь заполнили толпы вооруженных лю-

дей. В тот же миг ворота дворца раскрылись, и навстречу толпе «дикарей» выступили стройные ряды дворцовой стражи. Одетые в сероватые костюмы, состоявшие из длинных свободных штанов, заправленных в мягкие сапоги, и мягких курток, поверх которых блестели кольчужные жилеты, они производили внушительное впечатление. Его усугубляли блестящие шлемы, прикрывавшие головы, и длинноствольные ружья, нацеленные стволами на толпу.

Коннор услышал, как Жан тихо прошептал:

— Проклятье! Все-таки он ждал нас.

Некоторое время на площади царила тишина, и Коннору показалось, что он навеки запомнит, как на готовых сцепиться в смертельной схватке людей взирал из-за своей книги мраморный борец за просвещение.

Прозвучавшая команда «Огонь!» разорвала тишину ожидания, и воздух заполнила беспорядочная стрельба восставших и слаженные залпы защитников дворца, которые стреляли почему-то поверх голов нападавших. Они, вероятно, получили приказ не вести огонь на поражение. Залпы мощного оружия охраны вызвали настолько сильное движение воздуха, что из окон окружавших площадь домов посыпались стекла. Любопытные, устроившиеся там, чтобы с удобствами поглазеть на битву, тут же исчезли.

Взглянув в сторону дворца, Коннор изумился тому, что, казалось, ни один выстрел восставших не попал в цель: нигде не было видно ни убитых, ни раненых. Он вопросительно посмотрел на Жана, и тот понял его взгляд.

— Каждого солдата защищает генератор силового поля,— сказал он.— А это значит, что Господина все-таки предупредили!

Коннор только руками развел. При обсуждении восстания даже и речи не было о подобных средствах защиты, хотя — судя по словам Жана — все прекрасно знали об этих генераторах.

Какая чудовищная наивность и детское упование на чудо! Он подумал, что в планы повстанцев следовало заранее внести еще один пункт, последний: «Поражение».

Поскольку нападавшие продолжали наседать на дворцовую охрану, солдаты получили приказ перенести огонь на толпу. Этого оказалось достаточно, чтобы армия «дикарей» пустилась наутек, оставляя корчившихся на земле товарищей. Один из зарядов попал и в Коннора, однако кровь не появилась. Вместо этого он ощутил не забытую за века судорогу, на миг прервавшую дыхание. Затем боль прошла, и он понял, что воины Господина использовали не пули, а электрошок.

Повсюду стонали пораженные электрическим разрядом люди, Жан тоже не избежал этой участи и теперь с трудом пытался распрямить скрюченную судорогой руку. Судя по всему, организм «тысячелетней давности» оказался значительно выносливее, чем у нынешнего поколения, и Коннор задумал предпринять вылазку в сторону дворца, чтобы проверить одну идею, возникшую у него, когда он рассматривал вооружение солдат.

Он решил, что источником силового поля является небольшая коробочка, укрепленная на левом предплечье воина, и при этом излучение должно иметь строго направленный характер, чтобы не мешать солдату пользоваться собственным оружием. Отсюда следовало, что с фланга он не защищен.

Подхватив с земли брошенный кем-то автоматический пистолет, Томас ринулся вдоль линии домов, а добравшись до стены дворца, прицелился и нажал на спуск. Его расчет оказался верным: несколько солдат упали, сраженные очередью его оружия. Размахивая пистолетом, он попытался остановить бегущих, но люди не слушали его.

Казалось, все случившееся не должно сильно затронуть его душу: он с самого начала не верил в успех, и лишь чувство долга заставляло его оставаться вместе с Эвани и Жаном. Однако вид бегущих в панике людей вызвал у него гнев на всесильного тирана, не способного в то же время заслужить любовь своих подданных.

Но кроме гнева он ощутил еще и отчаяние — спутник собственного бессилия. Это заставило его направить огонь пистолета в сторону балкона, с которого смотрели на площадь два человека, явно принадлежав-

шие к элите Урбса. Но он увидел, как пули рассыпались искрами, так и не долетев до цели. Тогда Коннор бросил бесполезное оружие и помчался отыскивать Эвани. Он нашел ее все в том же переулке, бессильно опиравшуюся о стену: вероятно, зрелище разгрома подкосило ее.

Бережно взяв девушку под руку, он повел ее к оставленной возле небоскреба машине и обрадовался, увидев возле нее Жана. Гримаса боли сбежала, наконец, с его лица, и он уже мог довольно сносно пользоваться рукой. Глядя на приближавшихся друзей, он проговорил:

— Это конец.

— Нет,— возразила рыдавшая Эвани,— только начало!

Все разместились в машине, и, когда Жан повел ее прочь от города, Коннор спросил у него, что девушка имела в виду, говоря о начале.

— Господин мстителен, и теперь мы все в опасности. Особенно Эвани, как командир отряда. И, хотя у нас нет смертной казни, надо быть готовым ко всему...

— Что ж, за все приходится платить,— философски заметил Коннор.— В том числе и за собственную глупость. Подготовка к восстанию оказалась отвратительной — взять хотя бы эти генераторы!

Жан виновато взглянул на него.

— Их использовали в те времена, когда применялось ваше древнее оружие, поскольку эти силовые поля эффективны лишь против металлических пуль,— пояснил он.— Каким-то образом Господин узнал о нашем изобретении и принял меры...

— А как устроено современное оружие? — спросил Коннор.

— В нем использован лучевой принцип,— охотно принялся рассказывать инженер.— Гамма-излучение ионизирует воздух, делая его проводящим, а электрический разряд, легко скользящий по этому коридору, оказывает воздействие на человека. Как ты заметил, уровень электрошока оказался значительно ниже смертельного: мы отделались только судорогами.

Бывший смертник не мог решить, почему он так легко перенес удар из лучевого оружия. С чем это свя-

зано? Может быть, именно казнь на электрическом стуле сделала его устойчивым к воздействию тока? Но, возможно, и то, что он подумал во время боя: современные люди физически слабее его.

— Но исход восстания мог бы стать иным, если бы вы последовали моему примеру и подошли к солдатам с флангов,— с упреком заметил Томас.— Мне же удалось уложить пару-другую...

Горестный вопль Жана прервал его слова.

— Что же ты наделал?! — вскричал он.— Этого нам Господин не простит!

Такого Коннор не ожидал. К чему тогда весь этот балаган с восстанием? Зачем пестовать в себе ненависть к правителю, если нет душевных и физических сил, чтобы реализовать ее! Проще было бы смириться с существующим порядком, тем более, что явных признаков притеснения Коннор так и не заметил. Он подумал, что совершенно не понимает этих людей, хотя и говорит с ними на одном языке.

Неожиданно он представил себе загадочную фигуру Господина: тот, если принять на веру слова лесной девы, был пусть и не его ровесником, но тоже человеком прошлого. И Коннору захотелось встретиться с ним, чтобы оценить степень духовного родства: может быть, это помогло бы ему лучше вписаться в странный мир настоящего.

Его размышления прервало пульсирующее сверкание за окнами машины: над ними совершал стремительные круги Вестник Господина.

— Я постараюсь добраться вон до того поселения в ложбине,— тихо проговорил Жан.— Там есть станция по пневматической доставке грузов. Если нам повезет, мы сможем спрятаться в горах. А пока постарайтесь закрыть от него свои мысли!

Он замолчал и, вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев, мрачно уставился на дорогу. Эвани закрыла глаза и, если судить по выражению ее лица, заставила себя думать о чем-то приятном. Коннор принялся вспоминать стишки, знакомые еще с детства, но краем глаза продолжал следить за маневрами Вестника.

Жан уверенно подвел машину к самой двери станции, и все трое нырнули в отворенную дверь. Но здесь их ждало разочарование. Служащий почтового ведомства, суетливый доброжелательный старик, выслушав их просьбу, с сожалением заметил:

— Но у меня только две грузовые капсулы, а вас трое.— Он взглянул в окно на светящуюся стрелу, покачал головой и добавил: — А два человека в одну капсулу ни за что не влезут, ребятки!

— Отправляйся с Эвани ты, Жан,— решительно сказал Коннор.— С меня спрос небольшой — я всего лишь очнувшийся покойник. А вот вам за подготовку к восстанию несдобровать.

Но Жан не менее решительно возразил:

— Я знаю здесь все тропки и смогу надежно спрятаться и сам, чего не сумеешь ты. Нельзя тратить время на пустые препирательства! Забирайтесь! — Эвани и Коннор повиновались.

Старик помог им забраться в узкие капсулы и, закрывая крышки, деловито спросил Жана:

— Куда их отправить?

— В какое-нибудь горное селение,— ответил тот.

В следующее мгновение Коннор ощутил толчок и почувствовал, как непреодолимая сила вдавливает его в дно капсулы. Это напоминало бы скоростной лифт, если бы не увеличенная в несколько раз скорость да постоянные извивы движения, вызывавшие головокружение и спазмы желудка.

Наконец, пытка прекратилась, крышку капсулы подняли, и помятый путешественник с трудом вывалился наружу. Эвани, тоже выбравшаяся из своего контейнера, выглядела бледной и утомленной: по-видимому, и ей пришлось не сладко. Она помогла Коннору подняться и потянула его к двери станции. Когда они уже шли по улице поселка, Эвани сказала:

— Я надеюсь укрыться у лесных химер. Они помогут нам, пока мы не определимся, как поступать в будущем.

Но им была уготована иная судьба. Как только они свернули к лесу, над ними вновь возник сияющий Вестник.

— С какой же скоростью перемещается эта штуковина? — удивился Коннор.

Эвани пожала плечами.

— Вероятно, со скоростью мысли: это же психотропное оружие! Но нам от этого не легче. Попробуем както защититься...

Но они ничего не успели сделать: прозрачный птицеподобный сгусток энергии спикировал на голову Коннора. Он попытался отбить нападение, но рука беспрепятственно прошла сквозь сияющий туман, и в следующее мгновение «птица» опустилась на него, вцепившись «лапами» в плечи и прикрыв «клювом» лоб.

Как будто издалека донесся до него голос Эвани: заливаясь слезами, она кричала:

— Постарайся не думать о нем! О! Почему он выбрал не меня? Я бы справилась! Защити от него душу! Попробуй!

Но чуждая сила уже захватила власть над несчастным пленником. Он почувствовал себя механической игрушкой: казалось, сейчас нажмут кнопку, и он примется вертеть головой и хлопать руками. Неимоверным усилием воли он попытался избавиться от охватившей его апатии, но в тот момент, когда он решил, что это удалось, внутри черепной коробки прозвучал беспрекословный приказ:

— Следуй в Урбс!

Многократно повторяемый, он довел Коннора едва ли не до умопомешательства: ему захотелось разбежаться и врезаться головой в стену, чтобы — пусть и ценой жизни — навсегда избавиться от гнусного голоса, гремевшего внутри него. Но в какой-то миг пришло внезапное озарение: это чудовище создано, чтобы не только гипнотизировать обреченных, но и считывать их мысли. И тогда он заорал:

— Эй, ты! Тот, кто послал сюда эту дрянь! Я подчинюсь твоему идиотскому приказу, но заставь ее немедленно замолчать!

В ту же секунду голос смолк. Коннор с облегчением вздохнул. Но только он хотел поделиться своим открытием с Эвани, как заметил, что на нее пикирует еще один Вестник: она не успела защититься и лишь слабо

вскрикнула, опускаясь на землю. Бросившись к ней, он уловил едва слышный шепот:

— Господин не хочет, чтобы я помогла тебе, и приказывает мне спать.

Глядя на скорчившуюся у его ног девушку, Коннор твердо решил не оставлять ее без защиты: он отправится в Урбс вместе с ней! Цыкнув на возобновивший свои упражнения «голос», он поднял Эвани на руки и пошел к станции, которую они совсем недавно покинули. Наступил вечер, и сияющие «шлемы» на головах людей, не угодивших чем-то Господину, не только отпугивали от них жителей горной деревеньки, но и освещали путь, что тоже было немаловажным. Коннор вспомнил колдобины Ормона, и мысленно поблагодарил изобретателя Вестников за побочный эффект — в ответ раздалось неопределенное ворчание.

Добравшись, наконец, до погрузочной площадки, Коннор приказал немедленно оттранспортировать их как можно ближе к Урбсу, сославшись на соответствующий приказ Господина. Долго уговаривать смотрителя не пришлось: самым убедительным доводом оказался вид чудовищных «шлемов».

Смотритель сверился со списком станций и предложил Коннору пункт доставки, находившийся примерно в тридцати милях от столицы, неподалеку от еще одной из многочисленных правительственных дорог. Тот согласился, громко повторив название поселка с тем, чтобы назойливый «голос» убедился в его послушании. После этого, обернув бесчувственное тело Эвани одеялом, он погрузил девушку в одну из капсул, а сам забрался в другую. Вскоре вновь начались ужасающие перегрузки, усугубленные многочисленными поворотами трубопровода, но Коннор легче перенес обратный путь: его согревала мысль, что эти ощущения испытывает сейчас и его незримый соглядатай.

Выбравшись наружу после остановки, он уточнил по карте место, где они оказались, выслушал торопливые указания испуганного видом Вестников смотрителя, пристроил на плече спящую Эвани и двинулся в путь. Он узнал, что расстояние до городской черты составляет тридцать две мили, а оттуда до дворца пра-

вителя — еще пять, и внутренне приготовился к долгому пути.

Оказавшись на шоссе, он повернул к Урбсу и неторопливо зашагал по кромке дороги, усмехаясь каждый раз, когда машины объезжали путников широкой дугой, рискуя свалиться в кювет. Всему виной были сияющие «шлемы», особенно яркие в опустившейся на землю ночи.

Он брел уже довольно долго и подумывал о том, что пора бы сделать привал, как вдруг услышал позади скрип тормозов. Затем хлопнула дверца и незнакомый мужской голос окликнул его:

— Забирайся ко мне, парень!

Коннор остановился и оглянулся: распахнув дверцу машины, ему приветливо улыбался молодой горожанин.

— А ты не поплатишься за общение с мятежниками? — спросил Коннор, больше обрадованный не предложенной помощью, а явной доброжелательностью незнакомца, и пояснил, указывая на Вестника: — Этот паршивец кляузничает про каждый чих.

— Обойдусь как-нибудь,— успокоил его водитель.— Устрой девушку получше. Что это с ней? Обморок?

— Нет, ее усыпили, чтобы она не могла мне помочь,— ответил Коннор, садясь на переднее сиденье после того, как уложил Эвани на заднее.— Ты не знаешь, что произошло в городе после разгрома повстанцев?

Когда машина тронулась, водитель проговорил:

— Я не был в это время в Урбсе, но телевидение передавало репортажи на всю планету. И сейчас я узнал тебя, парень. Ведь именно ты не поддался электрошоку, а потом перестрелял часть охраны, верно? Тебя так часто показывали — будто новую телезвезду! — Горожанин рассмеялся, а затем серьезно добавил: — Уже арестовали всех зачинщиков. Об их судьбе ничего не говорили, а вот тебе наверняка не поздоровится: Господин не простит смерть своих солдат.

Когда они въехали в город, уже рассвело. Горожанин остановил машину у въезда на площадь и помог Коннору вытащить Эвани: девушка все еще спала. Пассажир тепло поблагодарил водителя, тот пожелал ему удачи, и машина скрылась в лабиринте улиц. Прово-

див ее взглядом, Коннор печально подумал, что это было, вероятно, последнее проявление добросердечия — впереди ожидала расплата за помощь мятежникам и за очередное убийство. Он мрачно усмехнулся: подумать только, недоказненный преступник и через тысячелетия снова принялся за свое! Он некоторое время посидел возле лежавшей девушки, стараясь собрать в кулак волю, а затем решительно встал, поднял на руки Эвани и медленно вступил на площадь.

Редкие в этот ранний час прохожие шарахались в стороны, лишь только замечали мускулистого мужчину с бесчувственной девушкой на руках, на головах которых сияло проклятие Господина. Твердыми шагами попирая камни мостовой, Коннор медленно пересекал площадь, пристально вглядываясь в дворцовые ворота, и, словно повинуясь силе его взгляда, ажурные створки распахнулись, пропуская мятежников в святая святых государства.

Миновав небольшой двор, Коннор поднялся по ступеням к величественному портику и вошел во дворец. Он двигался по устланной коврами анфиладе залов, и двери одна за другой растворялись перед ним; когда же распахнулась последняя — выполненная из ажурных пластин червонного золота,— он оказался в огромном тронном зале. Вдоль стен овального помещения стояли величественные троны, на которых восседали царственные фигуры, и, лишь достигнув середины зала, Коннор понял, что только на двух центральных тронах сидели живые люди — остальные занимали их каменные подобия.

Коннор догадался, что видит перед собой Господина и его сестру Маргарет, по прозвищу Черное Пламя. С ужасом он узнал в ней прекрасную лесную деву, пленившую его сердце.

Слепец! Он готов был надавать себе тумаков. Принять за неземное создание сестру тирана, о жестокости которой ходили легенды! Вот уж подлинно, если Бог хочет наказать, он прежде всего отнимает разум.

Коннор понял, что именно сейчас начинется борьба за право жить на Земле. Что бы ни случилось в дальнейшем, прежде всего следовало позаботиться об Эвани. Он обвел взглядом зал и увидел по обеим сторонам

двери, через которую вошел, обтянутые бархатом скамьи. Повернувшись спиной к властителям мира, он направился к одной из них и бережно уложил там спящую девушку, затем снова вернулся к тронам.

Никто не нарушал молчания. Придворные или просители, находившиеся в зале, жались к стенам, и Коннор стоял посреди пустого пространства, ощущая себя пушинкой, которую первый же порыв ветра может навсегда унести в неизвестность. Не желая первым вступать в разговор, он с недоброжелательным любопытством рассматривал сидевших на тронах.

Маргарет казалась все такой же прекрасной, как и возле лесного озера, но в ней исчезла живость и очарование волшебного видения, оставив лишь холодность мраморной статуи. Легкую тунику сменил торжественный наряд, блестящий и тяжелый, словно панцирь. Такой же панцирь сковал и душу: глаза смотрели на «дикаря» хмуро и безразлично, без какого-либо признака узнавания.

Ее брат удивил Коннора чеканными чертами совсем молодого лица: изображенный на монете, он выглядел зрелым воином, тогда как в действительности ему едва можно было дать больше двадцати пяти лет. Однако глаза выдавали его подлинный возраст: Коннор вспомнил мудрый и равнодушный взгляд сфинкса, которого уже не волновала суетливо текущая перед ним жизнь.

Наконец голос Господина нарушил затянувшуюся паузу:

— Благодарю тебя, Томас Маршалл Коннор, что ты принял мое приглашение, посланное с Вестником.

— Да, мы славно с ним пообщались,— откликнулся Коннор,— но теперь я хотел бы, чтобы ты избавил нас от его общества.

— Справедливое желание,— согласился Властитель и коснулся одной из кнопок, вмонтированных в подлокотник трона.

Тут же Коннор ощутил, будто с него сняли невидимый головной убор. Он почувствовал, как легкий сквозняк, присущий любому большому помещению, взъерошил волосы, и, оглянувшись на Эвани, увидел, что и с ее головы исчез сияющий шлем.

— Ну что ж, горе-мятежник, ваш бунт провалился,— насмешливо сказал правитель.— Но мне хотелось узнать, почему ты, случайно появившийся в этом мире, принимал участие в нем и даже стрелял в меня?

— Я не жалею о том, что сделал, потому что правитель, не пользующийся любовью своих подданных, должен уступить место другому,— убежденно ответил Коннор.— Это был знак моего отношения к тебе. А участвовал я в восстании для того, чтобы как-то помочь моим друзьям, которым я бесконечно благодарен за подаренную мне жизнь, хотя и знал, что вся затея совершенно безнадежна.

— Вот как? — словно бы удивился Господин.— Ты заранее видел их просчеты?

— Ты воспитал наивный и беззащитный народ. Они не могут даже сформулировать причины своей ненависти к тебе и неспособны к решительным действиям.

— А ты бы действовал иначе? — с явной иронией вопросил сидевший на троне.

— Конечно! — твердо сказал Коннор.— Прежде всего, я не стал бы изготавливать оружие в поселках, где сразу бросается в глаза необычность подобного производства. Именно поэтому ты узнал об их намерениях. Следовало организовать оружейные мастерские непосредственно в Урбсе — и это осталось бы незамеченным: одной фабрикой больше, одной меньше — какая разница! Кроме того, я создал бы шпионскую сеть у тебя во дворце и заранее разузнал бы о твоих планах. И, самое главное, разработал бы защиту от лучевого оружия и принял меры, чтобы преодолеть силовые поля.

— И как бы это тебе удалось? — проявил Господин искренний интерес.

— Что ж, я могу выдать свои секреты, поскольку вряд ли «дикари», как вы их называете, рискнут еще раз выступить против тебя. Так вот. Вместо металлических пуль я применил бы деревянные или пластмассовые, а против электричества использовал бы примитивные громоотводы, годящиеся, кстати, и против Вестников.— Коннор рассмеялся, увидев недоумение на лице правителя и, переведя взгляд на принцессу Маргарет, заметил, что его слова затронули и ее.

— Да, в этом случае восстание пошло бы иначе,— согласился правитель.— Меня предупреждали, что ты опасен, поскольку принадлежишь к исчезнувшему племени людей, обладавших силой, мужеством и знаниями. Я не поверил рассказням, особенно о том, что ты смог проснуться после более чем тысячелетнего сна. Теперь я вижу, мой осведомитель оказался прав.

Коннор подумал, что этот источник сведений сидит на соседнем троне, и снова взглянул на сестру тирана. Но ее лицо опять выражало лишь величественную скуку.

Тогда он спросил Господина:

— И каковы же твои планы?

— Я был бы рад видеть в тебе друга,— ответил тот,— но ты — враг, покушавшийся на мою жизнь, и по закону заслуживаешь смерть. Если тебя отпустить, то из чувства признательности — а может быть и любви — ты передашь свои знания Эвани, и тогда «дикари» станут более удачливыми. А без твоего вмешательства они мне неопасны, так что все пленники со временем смогут вернуться в свои берлоги, в том числе и эта девушка.

— Ну что ж, спасибо и на этом,— насмешливо проговорил Коннор и собрался было последовать за окружившей его охраной, но их остановил величественный жест Господина.

— Я вижу, ты мужественный человек, и у меня появилось намерение скрасить последние часы твоей жизни, выполнив самое сокровенное желание. Помнится, именно так развиваются события в старинных сказках.

— А я отказываюсь от милости, зато предлагаю выгодную сделку.— Коннор решил не упустить призрачный шанс выйти победителем из этой неравной схватки.— Я хочу обменять свои математические знания на собственную жизнь.

Господин рассмеялся.

— Ты верно рассчитал, пришелец из прошлого,— сказал он.— Нам многое приходится открывать заново, и поэтому твои познания в точных науках нам весьма пригодились бы.— Правитель повернулся к сестре и, после недолгого совещания с ней, провозгласил: — Я обещаю подумать о твоем предложении, а пока что ты остаешься пленником здесь, во дворце, если, конеч-

но, не примешься злоумышлять против меня. И не рассчитывай на побег: от Вестников тебе пока что не скрыться. Итак?

— А что будет с Эвани? — спросил Коннор.

— Врачи позаботятся о ней.

— Тогда я согласен,— с облегчением проговорил дважды приговоренный к смерти, надеясь, что и на этот раз судьба останется милостивой к нему.

Пленных разместили в северной башне дворца, отведя им смежные комнаты. Коннор убедился, что девушку уложили в удобную постель, и подошел к ней, чтобы взглянуть, не проснулась ли она. Однако бледное лицо и прерывистое дыхание говорили о том, что ей стало значительно хуже.

Пришедший врач лишь усилил его худшие опасения, поскольку обнаружил у Эвани патологические изменения клеток мозга: сказалось длительное воздействие энергетического поля Вестника.

— Но ведь такое же время Вестник облучал и меня! — воскликнул Коннор.— Однако со мной-то все в порядке.

— Вы бодрствовали, а она спала,— пояснил врач.— Это ослабило питание мозга. Именно так укладывают людей в Долгий он. Но вы не волнуйтесь, молодой человек. Я сейчас разбужу ее, а уж с последствиями шока организм и сам справится.

Он ввел ей в вену какую-то желтоватую жидкость, и вскоре Эвани открыла затуманенные глаза. Слабым голосом девушка проговорила:

— Господи, как я хочу пить!

СЕСТРА ТИРАНА

Коннор осмотрел комнату и увидел прикрепленную к стене голову каменного льва, из раскрытой пасти которого струилась родниковая вода, с легким звоном падавшая в перламутровую чашу-раковину. Он наполнил живительной влагой стакан и вернулся к постели Эвани.

Та попыталась сесть, но сумела лишь приподнять с подушки голову. Придерживая девушку за плечи, То-

мас помог ей напиться, а затем вновь бережно опустил ее на постель.

Глаза Эвани вновь обрели осмысленное выражение, и, с удивлением осмотрев помещение, девушка спросила:

— Куда это мы попали? Я ничего не помню...

— Вестники заставили нас прийти в Урбс, и мы сейчас во дворце правителя,— ответил Коннор нарочито спокойным тоном, чтобы не испугать больную.

— Что нас ждет? — с тревогой спросила она.

— Господин обещал вскоре отпустить тебя.

— А ты?..

— А обо мне он обещал подумать,— усмехнулся Коннор и, увидев недоумение на лице девушки, добавил: — Я уже имел удовольствие побеседовать с ним и, как видишь, остался жив.

— Но ты еще не видел его сестру, Черное Пламя! — воскликнула она.— Говорят, эта чертовка куда опаснее своего брата!

— Я видел и ее,— возразил Коннор.— И, кажется, именно она отговорила Господина от поспешного решения.

— Значит, она решила сама разобраться с тобой,— упавшим голосом проговорила Эвани, а затем воскликнула: — Берегись ее, Томас! Черное Пламя — беспощадное чудовище. На ее счету немало загубленных жизней!

Она откинулась на подушки и снова закрыла глаза, обессиленная взрывом чувств. Врач обеспокоенно взглянул на нее и обратился к Коннору:

— Помогите мне поставить девушку на ноги. Ей нельзя больше спать. Только движение спасет ее!

Коннор рывком поднял Эвани с постели, поставил на пол и, обвив ее рукой свою шею, повел по комнате, крепко придерживая девушку за талию. Врач одобрительно следил за ними, приговаривая:

— Все правильно! Именно так вы оживите бедняжку.

Внезапно в комнате раздался чей-то насмешливый голос:

— Ах, какая умилительная картина!

Захваченные врасплох неожиданным вторжением, они остановились и уставились на незваного пришельца: в распахнутых настежь дверях стояла принцесса Маргарет.

— Оставьте дикарку в покое,— властно проговорила она.— Ей требуется целительный сон, а не бессмысленное топтание. Уложи ее в постель, лекарь, и ступай прочь.— Заметив протестующий жест Коннора, она нахмурила брови.— Лечением твоей подружки я займусь сама: семьсот лет — подходящий срок, чтобы научиться всему!

Врач подвел Эвани к постели, а затем, еле слышно бормоча что-то протестующее, скрылся за дверью. Маргарет подошла к девушке, но та отшатнулась от нее, всем телом вжимаясь в покрывало. Горькая усмешка искривила губы принцессы Урбса: вероятно, она ожидала подобной реакции.

— Не бойся, тебе действительно станет легче,— проговорила она, касаясь ладонью лба сжавшейся от ужаса девушки.— Спи!

Глаза Эвани закрылись, и Коннор услышал, как успокоилось ее дыхание, приобретя нормальный ритм спящего здоровым сном человека.

— Ты все еще не веришь мне? — обернулась к нему Маргарет.

— Я слишком мало знаю тебя, чтобы иметь свое мнение,— ответил Коннор.— Но молва советует избегать твоего общества, принцесса.

— Что ж, восполним пробел в твоих знаниях,— произнесла она.— Я приглашаю тебя отужинать со мной.

В изысканных выражениях Коннор отказался, сославшись на невозможность оставить Эвани одну. Его возражения, казалось, лишь позабавили Маргарет. Она пообещала прислать сиделку и добавила:

— Ступай, умойся с дороги, да смени свой дикарский наряд на более подходящий для дворца, иначе каждый встречный станет шарахаться от тебя. Я подожду здесь.

Коннор решил, что с огнем не шутят, и отправился в великолепно оборудованную ванную комнату, обнаружив там и новое одеяние для себя: принцесса ничуть не сомневалась в его сговорчивости. Это задело его, но желание поближе познакомиться с удивительным созданием, в котором каким-то загадочным образом уживались совершенно противоположные натуры, взяло верх над самолюбием.

Когда он, облаченный в сверкающую тунику, появился в комнате, Маргарет одарила его одобрительным взглядом: наряд, подчеркнувший мужественную стать человека из прошлого, сделал его сильную фигуру еще выразительней на фоне изящных, чуть ли не женоподобных жителей этого мира.

Пока он принимал ванну, пришла сиделка. Коннор взглянул на спокойное лицо спящей Эвани и повернулся к принцессе, готовый следовать за ней.

По бесконечным коридорам они добрались до дверей лифта, и, пока кабинка беззвучно скользила вниз, Маргарет сказала:

— Мои покои тоже находятся в северной башне, но перед ужином я хотела бы показать тебе свою лабораторию.— Она рассмеялась, увидев недоуменный взгляд Коннор.— Нужно с пользой тратить время — не все же любоваться природой.

Только теперь Коннор понял, что и она помнит о былой встрече в лесу, но это не обрадовало его, а, скорее, заставило насторожиться. Там, возле озера, он увидел проявление ее поэтической сущности, а тираны, склонные во всем демонстрировать лишь силу и власть, не прощают невольных свидетелей своих слабостей.

Они вновь оказались в тронном зале, и теперь Коннор смог лучше рассмотреть каменные изваяния, сидевшие на тронах по периметру овального помещения. Он удивился, поняв, что все статуи изображают Господина и его сестру, и невольно замедлил шаг возле одной из них: эта мраморная красавица удивительно напомнила ему волшебное лесное видение.

— Такой я была четыреста лет назад, пока меня еще не прозвали Черным Пламенем,— прозвучал безжалостный голос позади него.

Он оглянулся, невольно сравнивая изображение с оригиналом, и сравнение получилось не в пользу последнего: статуя казалась созданной из плоти и крови, словно передала своей живой модели весь холод камня.

— Да, четыреста лет назад я и сам напросился бы поужинать с вами, ваше высочество,— вздохнул Коннор и, увидев, как вновь горько искривились губы прекрасного лица, пожалел о своих словах.

Маргарет резко отвернулась от него и направилась в пространство за центральными тронами. В стене, позади них, находилась малоприметная дверь, ведущая в обширное помещение со стеллажами, на которых громоздились приборы и аппараты, назначения которых Коннор не смог угадать.

— Это лаборатория Сайра,— пояснила принцесса. Она пересекла комнату и, отворив еще одну дверь, сказала: — А это моя обитель.

Здесь пространство стеллажей заполняли книги, делая помещение более похожим на библиотеку; это подчеркивали и уютные кресла, и приглушенный свет настольных ламп. Однако один угол был отведен под лабораторию — там, на большом столе, стояли какие-то приборы, среди которых Коннор опознал лишь микроскоп.

— Я прихожу сюда, чтобы рутинные дела не мешали мне думать, или когда хочу пообщаться с прекрасным. Из древних времен дошли до нас изображения творений мастеров живописи и вот это...— Среди вороха рукописей на столе она отыскала небольшую изящную статуэтку.— Удивительно, но время, вернувшее нам часть древних наук, так и не смогло возродить искусство.

— Это копия знаменитой Венеры Милосской,— сказал Коннор, рассмотрев мраморную фигурку.— Неплохо сделано.

— А где же подлинник? И уцелел ли он? — заинтересованно спросила Маргарет.

— Я знаю только, что он находился в Лувре, это во Франции. А вот о сохранности трудно сказать. Во всяком случае, за два тысячелетия до моего рождения эта прекрасная статуя уже лишилась рук, а что случилось в Темные Времена — даже подумать страшно.

— Я велю провести раскопки,— загорелась Маргарет.— Ты только укажи место.

Коннор усмехнулся и покачал головой.

— Нет, принцесса. Я приберегу этот секрет на случай, если придется о чем-то торговаться с тобой.

Вспыхнувшее было пламя мгновенно погасло — перед ним вновь стояла всесильная властительница, снизошедшая до беседы с жалким «дикарем». Она молча

покинула библиотеку, жестом приказав Коннору следовать за ней.

Покои принцессы занимали верхние этажи северной башни. Из окон открывался вид на искрившийся огнями город, словно у подножия дворца были рассыпаны миллионы звезд. Коннор подумал, что в ненастные дни башню накрывают облака, которыми правители — словно гневающиеся боги — отгораживаются от своих подданных.

И, словно подтверждая его мысленное сравнение, принцесса Урбса властно произнесла:

— Когда я сажусь в кресло, остальные опускаются на колени. Ты понял меня, Томас Маршалл Коннор?

Он оторвал взгляд от вида за окнами и посмотрел на прекрасную Маргарет, расположившуюся на диване, покрытом рубиновым бархатом, затем обвел рукой роскошно-холодную комнату.

— Как видишь, здесь не храм, а ты — не богиня, хотя по красоте можешь соперничать с любой из них. И я не твой холуй, а нечаянный гость в этом мире. Поэтому, если хочешь говорить со мной, постарайся помнить об этом.

Произнеся эту тираду, он вновь повернулся к окну.

— Ладно, упрямец. Подойди сюда и садись. Давай поговорим,— сказала она, и лишь дрожь в голосе выдала ее негодование от отповеди Коннора.— Скажи, за какую цену ты продашь свои знания?

— Я раздумал тороговаться,— ответил он, опускаясь в кресло напротив принцессы.— Мне не нравится то, что вы сделали с миром, и я не стану страдать, если придется покинуть его.

Маргарет печально взглянула на него.

— А в лесу мне показалось, что я встретила, наконец, понимающую душу. Но твое сердце занято дикаркой, в то время как она любит другого.

От ее тихих слов ожила затаенная мечта, словно на увядший побег пролился благостный дождь, однако вероломный характер принцессы Урбса заставил Коннора отчужденно ответить:

— Ты зря стараешься вызвать во мне ревность. Мои чувства к Эвани значительно сильнее простого

влечения, и поэтому не будем больше касаться этой темы.

В этот момент комнату заполнили слуги, принявшиеся накрывать стол для ужина, и Коннор порадовался, что тягостный разговор хотя бы на время прерван. Однако стоило толпе прислужников покинуть помещение, как Маргарет возобновила атаку.

— Я могу заставить любого делать все, что пожелаю,— высокомерно, как и подобает женщине, носившей прозвище Черное Пламя, сказала она.— Я могу нежно любить и свирепо ненавидеть. Не перечь мне, и тогда моя ненависть минует тебя.

— Ты просто слишком долго безнаказанно пользовалась своей властью, и она убила в тебе все человеческое,— с сожалением проговорил Коннор.— Потому что человек должен не только брать, но и отдавать. А ты отдаешь только приказы!

Гнев затуманил прекрасные глаза Маргарет.

— Мне надоели твои поучения! — вскричала она.— Я хочу получить твои знания, а после этого можешь идти миловаться со своей Эвани! И я получу их немедленно!

Она прищелкнула пальцами, и уже знакомый механический голос зазвучал в голове Коннора:

— Говори! Говори! Говори!

— Ну нет! Этот номер не пройдет! — вскипел он и, вскочив на ноги, приказал «голосу»: — Оставь меня в покое, а не то я убью твою госпожу! — И он угрожающе двинулся к дивану.

— Не посмеешь! — торжествующе выкрикнула она, видя как в комнату ворвалась толпа охранников.

Коннор понял, что их послал тот, кто руководил Вестником, поскольку обруч, стягивавший голову, мгновенно исчез.

Охранники завернули руки бунтовщика за спину и поволокли его к двери, но властный голос принцессы остановил их:

— Оставьте его здесь! Уходите, я не нуждаюсь в помощи! — Затем она повернулась к Коннору и вкрадчивым тоном проговорила: — Не стоило ссориться со мной, потому что я не прощаю обид. Брат хотел казнить тебя как воина, но ты не заслуживаешь почетной

смерти, и поэтому я постараюсь одарить тебя длительной агонией!

— Если ты думаешь, что я стану просить о пощаде, то ошибаешься,— холодно проговорил Коннор.— Для единожды казненного все муки нипочем, хотя где уж вам, Бессмертным, понять ужас конца. Живите и дальше в своем неведении, счастливые баловни судьбы!

— Счастливые? — чуть ли не по слогам протянула Маргарет.— Неужели ты считаешь нас счастливыми? Или человек из прошлого шутит?

Что-то в тоне печального голоса заставило Коннора пристально всмотреться в ее лицо. Он попытался определить, что побудило ее говорить: трепетная душа или холодное сердце, стремление выговориться или хитроумная игра? Так и не отыскав ответа, он спросил:

— Но почему же тогда весь мир завидует вам, стремясь — даже силой — заставить Господина отказаться от единоличного использования этого секрета?

Принцесса усмехнулась.

— Потому что эти глупцы даже не понимают, чего хотят. Они просто видят запретную конфету в привлекательной упаковке и непременно желают ее попробовать. Ты был прав, пришелец, когда говорил, что наш народ слишком наивен. Ты просто не захотел назвать их глуповатыми.— Она отмахнулась от его протестов и спросила: — Хочешь, я расскажу тебе, что такое бессмертие?

Он тут же вспомнил, что именно с такой интонацией прозвучал аналогичный вопрос в лесу, и с радостью приготовился слушать, вновь присев в кресло напротив красавицы.

— В сущности, Сайр не раскрыл секрета вечной жизни, он просто остановил процесс умирания клеток, который в конце концов приводит к смерти всего организма, так что Бессмертные тоже могут умереть, если, конечно, захотят. Когда Хоакин взвалил на свои плечи непосильную ношу по преобразованию Земли и человечества, я согласилась разделить его заботы. Именно тогда мы стали Бессмертными. Но бессмертие обрекает избранного на абсолютное одиночество, ограничивая круг общения такими же одиозными фигурами. У Бессмертного не может быть ни дружбы, ни любви, пото-

му что объекты их привязанности умирают у него на глазах. У Бессмертного не может быть детей, поскольку именно бесплодие является краеугольным камнем открытия Мартина Сайра. И в результате происходит постепенное обеднение души, не получившей своей доли любви, тепла и нежности, которая присуща обычным людям. Бессмертие — это смерть души, а массовая бездуховность способна вновь уничтожить мир. Поэтому мы никогда не выдадим фатального секрета!

— Но вы же одариваете бессмертием людей за особые заслуги,— возразил Коннор.— Вот среди них ты и могла бы выбрать себе сердечного друга.

— Такой чести удостаиваются лишь старики ученые, а молодые слишком слабы, чтобы выдержать испытание бессмертием и при этом не лишиться рассудка.— Она помолчала, а затем добавила: — В сущности, это антигуманное дело. Именно поэтому Хоакин позволил скончаться нашей матушке, хотя и знал уже секрет продления жизни.

Ее голос звучал эпически спокойно, но за этим показным бесстрастием Коннор угадал тот ад, в котором пребывала душа сидящей напротив него красавицы. Теперь он понял, почему мраморные изваяния так отличались от нынешнего облика принцессы: черное пламя, родившееся в ней от нереализованности ее женского естества, сжигало ее изнутри, временами вырываясь из-под контроля и опаляя все вокруг. Но люди-то видели именно эти огненные языки и страшились случайно сгореть, усугубляя и без того страшное одиночество прекрасной девы, рожденной для счастья.

Коннор опустился на колени возле Маргарет, мягким движением рук поднял опущенную голову и заглянул в лицо. Он увидел огромные зеленые глаза, полные непролитых слез, и негромко сказал:

— Если сможешь, прости меня за невольно причиненную боль. Я так хотел бы дать тебе немного счастья, но...

Услышав это «но», она резко оттолкнула его и вскочила с дивана.

— Уходи! Немедленно уходи! — гневно крикнула она.

Он поднялся с колен и направился к выходу, но в этот момент раздался легкий стук, а затем дверь чуть

приоткрылась, и в щели возник сложенный лист бумаги. Коннор взял послание и, передав его принцессе, вновь устремился прочь из ее покоев. Уже на пороге комнаты она остановила его, сказав:

— Это письмо касается тебя. Господин приказывает немедленно явиться к нему. Ступай за принесшим записку — он тебя проводит.

После долгого пути по бесконечным коридорам, Коннор и его сопровождающий оказались, наконец, перед дверями кабинета правителя. Слуга нырнул внутрь помещения и вскоре появился вновь, приглашая Томаса войти.

Господин поднял голову от бумаг и, указав на стул возле своего письменного стола, сказал:

— Прежде всего, я хочу знать, что думает о происшедшем человек со стороны.

Коннор пожал плечами.

— Тебе известно мое мнение, и с тех пор я его не изменил. Однако меня удивило, что ты не уничтожил бунтовщиков, а позволил им благополучно покинуть город.

— Вряд ли отец станет убивать своих детей, даже если они поступили неразумно.

— Но ты, не задумываясь, позволил умереть матери,— возразил Коннор.

— Ошибаешься, чужак. Сестра, по-видимому, не сказала тебе, что ко времени открытия, сделанного Сайром, матушка была смертельно больным человеком. Так зачем же продлевать страдания на века?

Вынужденный согласиться с логикой правителя, Коннор все же задал еще один вопрос, хотя уже имел убедительный ответ принцессы:

— Но почему не сделать бессмертными молодых и сильных людей, позволив им сначала иметь потомство?

— Бессмертные постепенно утрачивают вкус к жизни и, как следствие, не стремятся к развитию. Такое общество обречено. А отсутствие естественной смены поколений приведет к еще одной напасти — перенаселению планеты, а демографический взрыв, возможно, даже опаснее атомной войны.

— Теперь я знаю мнение не только твоей сестры и согласен с тем, что идея бессмертия не должна стать всеобщим достоянием,— нехотя признал Томас.— А ты не хотел бы совершенно отказаться от нее?

— Нет,— холодно ответил Господин.— Лишь благодаря ей, мне удалось вытащить человечество из того мрака, в который погрузила его неразумная политика твоего времени. В течение веков я последовательно воплощал в жизнь свои планы, чего наверняка не случилось бы при частой смене амбициозных правителей.

— Похоже, ты прав и в этом,— согласился Коннор.— Но зачем рассказывать о своих делах чужаку? Ведь именно так ты называешь меня.

На лице Хоакина Смита появилась тень улыбки, и он сказал:

— Я хотел доказать тебе разумность всего, что делаю, и убедить пришельца из другого мира добровольно поделиться со мной своими знаниями на благо моего народа. А работы еще непочатый край. Как видишь, я вполне откровенен.

Томас кивнул и поинтересовался:

— А что еще ты задумал?

— Необходимо добиться возрождения всех рас человечества, а некоторые из них сейчас на грани полного исчезновения. Это прежде всего касается азиатов, особенно японцев и коренных африканцев. Пожалуй, только жизнестойкие индейцы способны выкарабкаться сами.

— А ты не боишься, что это приведет к дополнительным конфликтам? — удивился Коннор.— В мое время расовые различия всегда служили предлогом для борьбы и ненависти.

— Но для развития цивилизации и требуется некая соревновательность,— возразил Хоакин.— Я не имею в виду кровавые разборки, потому что в силах не допустить подобного варварства. Ты слышал о таком принципе — единство и борьба противоположностей? Именно он является мотором, дающим поступательное движение вперед.

— Твои планы превосходны, а вот методы... Мне кажется, что диктат под лозунгом «Я заставлю вас

быть счастливыми» может вести лишь к возрождению истинной тирании,— проговорил Коннор.

— У тебя устаревшие сведения, которыми тебя наверняка снабдила прекрасная дикарка,— вновь улыбнулся Господин.— Миром уже давно правит единый мозговой центр — коллегия, составленная из высокоразвитых интеллектуалов. Они полностью разделяют мои взгляды, а я по-прежнему остаюсь на виду: удобно иметь под рукой властителя, которого всегда можно от души ненавидеть и обвинять во всех бедах. Поверь, эта роль не тяготит меня.

Коннор вздохнул.

— Что ж, ты был весьма убедителен, мистер Хоакин Смит. Я согласен добровольно поделиться знаниями, но с одним условием: они должны стать всеобщим достоянием. Думается, вы несколько перестарались, засекречивая все подряд. Кстати, вскоре я смогу покончить с одним из мифов этого мира.

Глаза правителя полыхнули пламенем, но он сдержал свой порыв и кивнул.

— Пусть так, но мне этого мало,— немного помолчав, властно проговорил он, и Коннор понял, что именно из-за того, что он сейчас скажет, и было затеяно все предыдущее представление.— Наш народ медленно деградирует, не получая новых жизненных сил. Ты должен стать источником возрождения нации, дав миру потомство, не таящее в себе измененные от ядерного облучения гены. Конечно, я не тороплю тебя с решением и, кроме того, ты вправе сам выбрать мать своих будущих детей. Что скажешь?

Во время этой тирады в кабинет беззвучно вошла Маргарет, и теперь она тоже внимательно смотрела на Коннора, ожидая его ответ.

— Я понимаю твое беспокойство о судьбе человечества, Господин,— спокойно проговорил Коннор, хотя от подобного цинизма ему безумно захотелось издевательски расхохотаться, набить морду этому Смиту или тихо взвыть — и все это одновременно. Однако он избрал еще один путь, безмятежно заявив: — Я подумаю.

— Хорошо,— согласился правитель, и Коннору показалось, что его сестра облегченно перевела дыхание.

Он встал со стула, намереваясь покинуть кабинет Господина, но, как выяснилось, тот еще не собирался отпускать его. Он тоже поднялся и, выйдя из-за стола, остановился напротив Коннора, пристально вглядываясь в его лицо.

— Так о каком мифе ты говорил? — хмуро спросил он.

Коннор удовлетворенно подумал, что сейчас сторицей расплатится с правителем за его предложение стать местным быком-производителем, и сказал:

— Когда ваши «треугольники» пролетали над машиной, я понял по звуку выхлопа, что конструкция реактивных двигателей сродни бензиновым: в обоих случаях применяются локальные взрывы топлива. Следовательно, либо сведения о подвластном вам способе ускорения преобразования водорода в гелий ложны, либо сама идея вами утрачена. А такая новость может серьезно подорвать авторитет власти, поскольку люди усомнятся в ее силе.

Коннор подумал, как бы его гимн независимости не превратился в лебединую песню, поскольку брови Хоакина гневно сошлись на переносице, а глаза вновь угрожающе сверкнули. Маргарет схватила брата за локоть, и тот лишь сжал кулаки. Некоторое время в кабинете царила тягостная тишина, наконец Господин проговорил сквозь зубы:

— Владеющий подобной тайной сам становится смертельным оружием. Но я пока не знаю, как поступить в этой ситуации: мне надо посоветоваться с коллегией. Обещай до ее решения молчать о тайне «треугольников». И выбери такую клятву, чтобы я поверил в нее,— угрожающе добавил он.

Томас взглянул на прекрасные юные лица властителей мира и, подняв вверх правую руку, проговорил:

— Клянусь тремя видами химер, что сохраню эту тайну!

Брат и сестра отшатнулись от него, и Маргарет тихо пролепетала:

— Три вида? Почему?

Понимая, что сжигает за собой мосты, Коннор торжествующе произнес:

— Бессмертные тоже относятся к химерам — и даже в большей степени, чем мозаики. Тем облучение не увеличило срок жизни, тогда как цена за вечную молодость оказалась, вероятно, непомерно высокой.

Неподвижные фигуры Хоакина и Маргарет выглядели так, словно только что вышли из-под резца скульптора. Наконец, послышался хриплый голос Господина:

— Возвращайся в северную башню, Томас Маршалл Коннор, и жди нашего решения.

РИСКОВАННЫЙ ПОЛЕТ

Большую часть ночи Коннор провел без сна, пытаясь как-то оценить прошедший день. Он так и не смог понять, что ждет его в будущем, но испытывал явное удовольствие от своей моральной победы над всесильным Господином. Это настроение не оставило его и утром, когда он, всласть поплескавшись в ванне и надев блестящую тунику, отправился проведать Эвани.

Отворившая дверь сиделка сказала, что девушка наконец-то очнулась и даже смогла отведать завтрак. Твердо веря, что проснувшийся аппетит свидетельствует о выздоровлении, Коннор вошел в комнату Эвани.

Увидев его, девушка обрадовалась, но, заметив городской наряд, слегка нахмурила брови.

— Откуда это? — спросила она.

— Подарок принцессы,— усмехнулся Коннор.— Она пожелала накануне поужинать со мной, но, чтобы ее тонкую натуру не смущал вид «дикаря» за столом, она прислала мне эти тряпки.

Его шутливый тон разгладил морщинку на лбу Эвани, но не притушил тревогу.

— Я же просила тебя держаться от нее подальше, Томас!— мягко упрекнула она Коннора.— Черное Пламя люто ненавидит женщин и презирает мужчин, не упуская случая выставить напоказ их слабости. Но ее колдовская красота всегда привлекала молодых людей — и горе тому, кто попал в сети этой паучихи!

— Ты тоже ненавидишь ее, а между тем именно она помогла тебе выздороветь,— попытался восстановить

справедливость Коннор, но Эвани лишь снова нахмурилась.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге возник слуга.

Он протянул Коннору письмо, на котором красовался уже знакомый символ — земной шар, обвитый змеей. Во вложенном в конверт листке оказалось предписание немедленно явиться в покои принцессы, причем пропуском ему должна была служить прилагавшаяся к посланию монета. На ее реверсе Коннор увидел не строгие черты правителя, а пленительный образ Маргарет — вероятно, среди жителей Земли имели хождение и такие монеты.

Он показал письмо Эвани, и та бессильно уронила руки на одеяло.

— Значит, пойдешь,— даже не спрашивая о его решении, печально произнесла она.

— Поверь, так будет лучше. Мы среди врагов, и весьма полезно вначале приглядеться к ним,— ответил Коннор, стараясь успокоить девушку.

Это не помогло. Крупные слезы, сорвавшись с ресниц, покатились по бескровным щекам девушки, и она уткнулась в подушку, стараясь заглушить рыдания.

* * *

Раскрывая возле каждого поста ладонь с зажатой в ней монетой, Коннор благополучно добрался до покоев принцессы. Его самого удивила та легкость, с которой он преодолел лабиринт коридоров, отыскивая среди них единственно правильное направление.

Дверь отворилась, как только он приблизился к ней, и его взору предстала прекрасная принцесса, полулежавшая на рубиновом диване. Серебряный комбинезон рельефно подчеркивал соблазнительные формы ее тела, а блестящие черные кудри, свободно сбегавшие на плечи, оттеняли мраморную белизну лица.

— Ритуал, созданный мной, предусматривает целование туфли,— произнесла она, чуть отрывая от ковра изящную ножку.

Коннор усмехнулся.

— В мое время действительно существовал такой обычай, но он касался главы католической церкви, Папы римского. К целованию туфли допускались только избранные, и это означало великую милость. Однако нынешнее общество, по-моему, вовсе не религиозно, а поэтому не стоит использовать и церковные ритуалы, ограничиваясь общепринятым приветствием,— с этими словами гость поклонился хозяйке, пересек комнату и остановился у окна.

— Удивительно, что ты никак не можешь удержаться от поучений! Вероятно, твое время отличалось невероятным занудством,— фыркнула она и указала на кресло.— Садись, я хочу показать тебе кое-что забавное.

Только сейчас он заметил, что одну из стен огромной комнаты занимает экран, накануне задернутый занавесом. Сейчас на нем было изображение комнаты Эвани: девушка все еще плакала. Коннор смутился, вспоминая, не совершил ли он что-нибудь, нарушавшее его представления о морали, но решил, что его поведение не выходило за рамки нравственности.

— Не волнуйся,— неправильно истолковав его оторопь, сказала Маргарет.— Я и так знала, что твоя подружка ненавидит меня.

— Как все вы любите подслушивать и подглядывать! — воскликнул Коннор.— Интересно, есть ли этому предел? Или тайные глазки натыканы даже в ванных?

Теперь пришел черед смутиться принцессе. Она слегка покраснела и тут же убрала изображение Эвани с экрана.

— Я пригласила тебя, чтобы продемонстрировать некоторые чудеса техники, а это,— она кивнула на экран,— была только шутка.

Коннор принял ее завуалированное извинение и присел на краешек кресла, а принцесса, между тем, продолжала:

— На этот экран я могу вызвать изображение любой точки не только земной поверхности, но и планет Солнечной системы. На что тебе хотелось бы взглянуть?

— Покажи обсерваторию на Эвересте,— попросил Коннор.

Она поиграла клавиатурой миниатюрного пульта, и на серебряной поверхности стены возник вид величе-

ственного горного массива с белоснежным зданием на вершине, сменившийся затем затемненным залом, откуда послышался голос оператора. Он почтительно спросил, на что желает посмотреть принцесса Урбса.

— Покажи центральную область Марса,— приказала Маргарет.

Почти тотчас же на экране появилась поверхность Красной планеты, названной в честь свирепого бога войны. Коннор отчетливо увидел перекрестия прямых линий, напоминавших рукотворные каналы, мерцание света в прозрачных морях, темные пятна, которые могли бы быть городами. Но стоило ему подумать о том, когда же человечество сможет узнать, чем на самом деле являются эти «загадочные картинки», как принцесса, словно прочитав его мысли, задумчиво произнесла:

— В ближайшем будущем на Марс отправится космический корабль. Я предполагаю принять участие в экспедиции.

— Это не увеселительная прогулка, принцесса,— возразил Коннор.— Она может затянуться года на три.

Высокомерно взглянув на него — подумаешь, какие-то несколько лет! — она выключила экран, и он тут же исчез под задвинувшимся занавесом.

— Предлагаю попутешествовать не мысленно, а по-настоящему,— сказала она, вставая с дивана.— Ты не против совершить полет на «треугольнике»? А, может быть, побоишься?

Коннор поднялся с кресла и двинулся к выходу, проговорив на ходу:

— С огромным удовольствием, а насчет страха... По-моему, в последний раз я по-настоящему испугался, когда объявили приговор.

— А вот сейчас я и проверю, какой ты храбрец,— чуть ли не с угрозой сказала Маргарет, выходя из комнаты. Прихватив с собой пистолет, она пояснила: — Это успокоительное лекарство от излишне предприимчивых, так что не вздумай сбежать.

Причуды этой переменчивой красавицы уже не вызывали у него удивления. Вот и теперь он лишь махнул рукой и рассмеялся.

Они вышли из дворца и, обогнув его, оказались на маленьком аэродроме, расположенном у стены южной башни. Там стоял, готовый к полету двухместный «треугольник», на серебристом боку которого было выведено претенциозное название «Нетопырь».

Ласково проведя ладонью по лоснящемуся корпусу, Маргарет сказала:

— Эта летучая мышка часто уносит меня то в одно место, то в другое... Как-то она совершила полет к безлюдному лесному озеру...

В голосе принцессы Коннор уловил отзвук той нежности, которую он, как ему казалось, почувствовал в душе волшебного лесного создания. Однако сейчас он с грустью подумал, что, вероятно, сам наделил его возвышенными качествами, устав от суеты и прагматизма реального мира.

Откинув прозрачный колпак кабины, принцесса приказала ему забраться внутрь «Нетопыря» и легко прыгнула следом.

Устроившись в кресле пилота, она нажала кнопку на пульте управления, возвращая колпак на место, а потом потянула на себя штурвал управления. Машина сорвалась с места и круто взмыла вверх, наполнив душу Коннора наслаждением полета — словно он сам уподобился птице, летящей к солнцу.

Через некоторое время он заметил, как вдоль корпуса «треугольника» заструились огненные змеи, затем колючие искры стали впиваться в кончики его пальцев, а волосы Маргарет поднялись вверх, образовав шевелящийся веер.

— Мы преодолеваем силовое поле Урбса,— пояснила она, услышав вопрос Коннора об этом удивительном явлении.

Вскоре свечение исчезло, оставив после себя лишь сильный запах озона.

«Нетопырь» тем временем стремительно лез вверх, оставляя под собой гигантский город. Коннор взглянул на высотомер — тот показывал двадцать миль. Отсюда уже отчетливо просматривалась округлость планеты, к которой прилепился человеческий муравейник под названием Урбс. Потом его скрыли облака, а «треуголь-

ник» вырвался в чернильный космос, расцвеченный миллиардами звезд.

Ослепительно белое пламя Солнца словно притягивало к себе, и Коннору показалось, что он понял, наконец, порыв Икара — тот просто стремился вверх, захваченный стихией полета.

Неожиданно по обшивке словно забарабанил град, и Маргарет, передвинув какой-то рычажок, сказала:

— Я включила защитный экран.

— Будем надеяться, что все метеориты окажутся металлическими и не смогут залететь сбоку,— ехидно заметил Коннор.

— Я думаю, Хоакин — благодаря твоей болтливости — уже поставил перед учеными задачу разработать более совершенные экраны,— не осталась в долгу Маргарет.

А подъем все продолжался. Когда высотомер достиг отметки в триста миль, принцесса воскликнула:

— А теперь готовься умереть, человек из прошлого! Тебе не должно быть скучно — на этот раз твою участь разделю и я!

С диким смехом она выключила двигатели и круто опустила нос «Нетопыря» в сторону Земли. Резкий перепад давления чуть не вырвал Коннора из кресла, сердце больно ударило по ребрам, а затем он почувствовал, что стремительно падает вниз.

Пол кабины уходил из-под ног, голова Коннора кружилась, а зеленоглазая ведьма в серебряном комбинезоне, затеявшая эту игру в «американские горки», наслаждалась падением в бездну, громко выкрикивая показания высотомера. В кабине бушевало Черное Пламя!

Коннор подумал, что парашютисты, совершая затяжные прыжки, должны испытывать нечто подобное, и постарался представить себя на их месте. Это помогло ему взять верх над собственными ощущениями, и теперь он зачарованно смотрел на Маргарет, утратившую, наконец, свою мраморную холодность — впервые он видел на ее лице выражение истинного счастья.

Вскоре «треугольник» врезался в атмосферу Земли, и теперь тишина падения в безвоздушном пространстве сменилась воющими снаружи восходящими пото-

ками воздуха. Корпус летательного аппарата стал нагреваться от трения, но Коннор решил, что до соприкосновения с океаном он не успеет расплавиться, и они, скорее, все-таки утонут, а не изжарятся.

Когда до него дошло, что он мысленно отыскивает в различных способах кончины свои положительные стороны, он невольно рассмеялся.

— Вот как? — удивленно произнесла принцесса, взглянув на него, и почти возле самой поверхности воды потянула штурвал на себя.

В первый момент Коннору показалось, что «Нетопырь» не подчинится запоздалой команде, но тот, едва не коснувшись брюхом океанской волны, снова послушно взмыл вверх.

Коннор не знал, что еще выкинет эта любительница острых ощущений, и приготовился к очередным сюрпризам. А та, придвинувшись почти вплотную к нему, заглянула в глаза и спросила:

— Неужели все твои современники обладали такой силой воли?

— Я ничем не выделялся среди остальных,— стараясь быть объективным, проговорил Коннор.— Мы просто привыкли преодолевать трудности. Правда, этого с лихвой хватало и у возрожденного человечества. Может быть, все дело в чудовищном облучении во время атомной войны? Вероятно, она убила в людях мужество...

— Боже мой,— как-то потерянно, словно во сне, произнесла она,— неужели я, наконец, отыскала того, кто способен был бы дать мне счастье? Но он любит другую! Какое горе...— И она беззвучно заплакала, сжав ладонями щеки и тихо раскачиваясь из стороны в сторону.

Охваченный единственным стремлением утешить ее, Коннор прижал к себе ослабевшее тело Маргарет, покрывая поцелуями мокрое от слез лицо. Он шептал ей на ухо ласковые слова, гладил дрожавшие плечи, пока слезы постепенно не иссякли. Тогда девушка высвободилась из его рук и вновь взялась за штурвал, направив «Нетопыря» на этот раз прямо к аэродрому.

Впервые за это время Коннор понял, что холодная высокомерность Маргарет — лишь маска, скрывавшая сердце, полное любви и нежности. Он уже готов был

признаться, что с первого взгляда полюбил прекрасную лесную деву, но пойманный им изучающий взгляд зеленых глаз остановил его порыв. Прежние подозрения о неискренности принцессы вспыхнули с новой силой, и он церемонно проговорил:

— Прошу простить меня за вольное обращение, принцесса Урбса. Я забыл, что простому смертному дозволяется касаться лишь туфельки такой высокопоставленной особы.

Она сделала вид, что не слышит его, и до самого приземления они больше не произнесли ни слова. Точно так же молча они вошли во дворец, но принцесса, вместо того, чтобы подняться в свои покои, отправилась в потайную комнату за тронным залом.

Кляня себя за мнительность и терзаясь предчувствием беды, Коннор вернулся к себе. Чтобы избавиться от неприятных ощущений, он принял холодный душ, а затем переоделся в привычную для Эвани одежду и пошел навестить девушку.

Отворив дверь ее комнаты, Коннор с облегчением увидел, что она уже не лежит пластом, а сидит в постели, опираясь о подушки, а перед нею стоит дворцовый слуга с подносом в руках.

Они повернули головы на звук его шагов, и изумленный Коннор узнал в слуге инженера Жана. Эвани приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и Томас сдержал готовый сорваться вопрос, вспомнив об экране в покоях принцессы.

Он присел на край ее постели, а Жан — как и положено вышколенному слуге — принялся сервировать стол.

— Как тебе удалось проникнуть сюда, Жан? — еле слышно спросил Коннор, делая вид, что разговаривает с Эвани.

— Я нанялся на дворцовую кухню,— переставляя тарелки, негромко ответил Жан.— А поскольку я не обладаю никакими особыми приметами, то сошел за обычного селянина. Мы рассчитываем на твою помощь, Томас!

Эвани прервала его, тихо проговорив:

— Не посвящай его в наши планы, Жан. Он теперь вхож к правителям и может невольно выдать нас. Ты

ведь знаешь, как хитра и коварна принцесса! А она явно заманивает его в свои сети, раз уж пригласила поужинать с собой!

Коннор возмущенно взглянул на нее.

— Не сгущай краски, Эвани! Я, конечно, помогу вам,— сказал он Жану.— Однако существуют определенные ограничения. Господин обещал освободить Эвани, если я передам ему свои знания по древней математике и — пока мы находимся здесь — не сделаю ничего, что пошло бы ему во вред.

— Но разве можно верить обещаниям тирана? — изумился Жан.

— У нас нет другого пути, если ты хочешь видеть Эвани на свободе,— убежденно ответил Коннор.— Я выполню условия договора, и посмотрим, как поведет себя Господин. Но руки тогда у нас будут развязаны!

Эвани и Жан переглянулись, и девушка спросила Коннора:

— А ты помог бы мне убежать из дворца?

— При первой же возможности,— решительно ответил тот.— Но далеко ли ты убежишь? Вспомни о Вестниках!

— Тогда они застали нас врасплох,— возразила она.— Но если быть готовой к нападению, то можно защититься от них.

— Ты, вероятно, уже все продумала,— заметил Коннор, и когда девушка кивнула, спросил: — Что, в таком случае, должен сделать я?

Она внимательно посмотрела сначала на него, а затем перевела взгляд на Жана. По-видимому, получив от него какой-то знак, она вновь повернулась к Коннору.

— Помоги мне проникнуть к Господину,— сказала она.— Я уже просила об аудиенции, но мне отказали под тем предлогом, что Господин занят. Так это или нет, не знаю, но Жан слышал пересуды прислуги о том, что через два дня во дворец соберутся все Бессмертные Южного полушария. Интересно было бы взглянуть на них, верно?

— Да, любопытное, должно быть, зрелище,— рассеянно ответил Коннор, мучительно пытаясь придумать способ, как бы провести Эвани к правителю. Внезапно

он вспомнил о монете с изображением принцессы Урбса, которую машинально переложил в карман шаровар.— Я могу немедленно отвести тебя к Господину, Эвани. Но хватит ли у тебя сил? Его кабинет довольно далеко отсюда.

— Конечно! — воскликнула она и попросила мужчин выйти из комнаты.

Жан собрал посуду с нетронутой едой и ушел на кухню, а Коннор вышел в коридор, обдумывая предстоящий маршрут. Вскоре из комнаты выпорхнула Эвани, сияющая и свежая, и они, взявшись за руки, углубились в переплетение дворцовых коридоров.

Как и утром, Коннор у каждого поста предъявлял монету, и стража почтительно пропускала их, невзирая на непривычную здесь деревенскую одежду необычных визитеров. Так же беспрепятственно вошли они и в кабинет Господина. Тот удивленно посмотрел на незваных посетителей.

Эвани, по обычаю, опустилась на колени, а Коннор остался возле двери, прислонившись к косяку и скрестив на груди руки. Только сейчас он заметил, что Хоакин Смит в кабинете не один — на диване возле стены сидела принцесса Маргарет.

Господин холодно спросил о цели их внезапного появления и, главное, как им удалось пройти через все сторожевые кордоны.

— О цели тебе расскажет Эвани,— ответил Коннор.— А в качестве пропуска нам послужило вот это.

Он шагнул к столу, положил на него монету и вновь отошел к двери. Повертев в пальцах блестящий кружок, Господин укоризненно взглянул на сестру, которая в ответ лишь пожала плечами.

Являясь лишь праздным наблюдателем происходящего, Коннор впервые смог сравнить обеих девушек. Обе они поражали своей красотой, но Эвани скорее напоминала полевую ромашку, в то время как Маргарет больше подошло бы сравнение с великолепной садовой розой. И только одно делало их чуть ли не родными сестрами — это одинаковое выражение смертельной ненависти, появлявшееся на лицах каждый раз, когда их взгляды встречались.

Наконец Эвани собралась с духом и проговорила:

— Милостивый Господин, я не прошу свободы — ты поступишь так, как сочтешь нужным. Разреши иногда выходить во внутренние сады дворца, потому что постоянное пребывание в четырех стенах способно убить меня.

«Странная просьба,— подумал Коннор.— За этим явно что-то кроется, хотя все выглядит совершенно безобидным».

— Только от твоего друга зависит, как скоро ты вернешься домой,— возразил Господин и взглянул на Коннора.— Ты поддерживаешь просьбу девушки?

Тот пожал плечами и ответил:

— Эвани — дитя природы, и ей трудно выдерживать заточение, а дворцовые сады охраняются. Мне кажется, прогулки пойдут ей на пользу, а со своей стороны я сделаю все, чтобы избавить тебя от ее присутствия как можно скорее.

— Ловлю тебя на слове, пришелец: ты приступишь к этому немедленно,— властно сказал правитель.— Девушке разрешаю выходить в сад, когда ей того захочется. А сейчас ее проводят обратно в северную башню.

Он нажал на одну из кнопок пульта, вмонтированного в стол, и велел появившемуся охраннику отвести Эвани в ее комнату. Когда те вышли из кабинета, Хоакин повернулся к сестре:

— Ты легкомысленно снабдила этих людей пропуском. Они могли незаметно уйти и спрятаться в горах, прежде чем мы хватились бы их. Странно, что они этого не сделали. Следует как можно скорее избавиться от них, тем более что предстоит важная встреча с представителями Южного полушария. Возвращайся к себе и займись, наконец, серьезным делом.

— Ну вот, получила еще один выговор! — рассмеялась Маргарет.— От общения с тобой, человек из прошлого, у моего брата тоже портится характер. Мы пошли,— сказала она Хоакину, но тот лишь улыбнулся ей, снова погрузившись в дела.

Оживление в коридорах дворца, замеченное Конноромеще по пути к Господину, еще больше возросло. Снующая прислуга недовольно поглядывала на парня в деревенской одежде, и лишь соседство грозной

принцессы заставляло их с поклонами пропускать странную пару.

В покоях принцессы они не остались в гостиной, а проследовали в еще одну обширную комнату, служившую, по-видимому, кабинетом. Маргарет, устроившись в кресле за большим письменным столом, предложила Коннору занять место напротив.

Пока она готовила звукозаписывающее устройство, доставала обычные письменные принадлежности и включала какие-то неизвестные ему приборы, он в который уже раз удивился тем переменам, которые произошли в ней. Отчетливо проявившийся облик женщины-ученого ничем не напоминал ни властолюбивой самодурки, ни трепетной лесной девы, и когда она — со словами «Все готово. Начинай!» — взглянула на него, он неожиданно почувствовал себя студентом, пришедшим на экзамен.

В своей прошлой жизни Коннор получил высшее техническое образование и теперь постарался как-то систематизировать сведения по математике, физике и химии — то, что наиболее интересовало нынешнее человечество. Время от времени принцесса задавала толковые вопросы, стараясь уточнить то или иное положение, и Коннор поражался тонкому уму и эрудированности сидящей напротив него женщины.

Когда на город опустились сумерки, Маргарет выключила диктофон и сказала несколько охрипшему от длительной лекции Коннору:

— На сегодня, я думаю, хватит. Завтра с утра примемся за составление таблиц логарифмов: ты укажешь принцип построения, а детальные расчеты проведут в вычислительном центре. Эти таблицы существенно облегчат практическую деятельность персонала предприятий.

Она поднялась из-за стола и предложила перейти в гостиную, где уже накрывали стол к ужину. Однако на этот раз привередливая принцесса не потребовала переменить костюм.

Когда вместе со слугами исчезло и напоминание о трапезе, Коннор с огорчением заметил, что выпитое за ужином вино вновь вернуло к жизни Черное Пламя. И он не ошибся.

Принцесса надменно взглянула на него и высокомерно спросила:

— А тебе не приходило в голову, Томас Коннор, что передача знаний означает для тебя смерть? Кому нужен выжатый лимон!

— Прежде всего, это означало бы, что «Император Земли, Властитель всего сущего» не хозяин своему слову,— ответил Коннор, не обращая внимания на оскорбление.— А что касается меня, то ты, кажется, убедилась, что я не боюсь смерти. Скорее, меня больше страшат упреки в нечестности, в нарушении данного Хоакину обещания. Если бы не это, я сумел бы угнать «Нетопыря» или воспользоваться твоей монетой, чтобы уйти вместе с Эвани. Неужели и понятие «благородство» тоже осталось в прошлом?

— Ты кичишься своим благородством и поэтому решил связать свою жизнь с маленькой дикаркой, хотя я точно знаю, что ты любишь меня! — воскликнула Маргарет.— Ты кичишься своим бесстрашием, но безумно боишься меня, иначе ответил бы на мою любовь!

— Для того, чтобы любить, нужно иметь сердце,— строго сказал Коннор.— Но, думается, выдержать семисотлетнюю жизнь может лишь тот, у кого вместо сердца — в общечеловеческом понимании этого слова — остался только моторчик, перегоняющий кровь! Тобою движет тщеславие, а не любовь, Маргарет.

— Тщеславие? — вскинулась она.— Пусть так! Но за все семьсот лет не нашлось ни одного мужчины, способного зажечь во мне любовь! И дело не в отсутствии у меня сердца, а в неспособности мужчин беззаветно отдаться чувству! В них всегда преобладали расчет или трусость, а подчас и то и другое одновременно! А женщин всегда влечет к себе сила, ее проявления во всем, а не только физическая мощь.

Коннор почувствовал, что на этот раз она не играла никакой роли: это были выстраданные слова предельно искреннего человека. Он захотел снова утешить ее, но в этот момент послышался звуковой сигнал, и чей-то голос произнес:

— Принцесса, под вашими окнами посторонние. Посылаю в сад охрану.

Маргарет включила экран, и Коннор увидел изображение залитой лунным светом скамейки, на которой сидели Эвани и Жан. Она, опустив головку на его плечо, задумчиво смотрела на воды пруда, а он нежно обнимал ее за плечи. Подошедший охранник разогнал парочку, сославшись на позднее время, а Маргарет истерически расхохоталась.

— Она предпочла тебе мальчишку с кухни, герой!

КЛУБОК АМБИЦИЙ

В эту ночь Коннор долго не мог уснуть: в ушах отчетливо звучали насмешливые слова Маргарет, еще более обидные из-за того, что, в сущности, соответствовали истине. Он знал, что Жан давно любит Эвани, но не догадывался о ее чувствах к молодому инженеру.

Прошло не так уж много времени с тех пор, как Коннор предложил ей стать его женой, и девушка не отвергла его, правда, отодвинув срок ответа на месяц. Тогда это не обеспокоило Томаса, поскольку впереди была неизвестность — шла подготовка к восстанию — но теперь он решил внести ясность в их отношения. Эта мысль, поставившая некую точку в его рассуждениях, позволила ему, наконец, уснуть.

Проснувшись довольно поздно, он отправился умываться, с отвращением посмотрев и на деревенский наряд, и на легкомысленную тунику. Завернувшись в купальную простыню, Коннор решил обследовать встроенные в стены помещения шкафы, чтобы попытаться отыскать более привычную одежду. Он уже обратил внимание на то, что многочисленная челядь дворца носила обычные, на его взгляд, одеяния — нечто среднее между спортивными костюмами его времени и нынешним военным обмундированием охраны.

Его поиски увенчались успехом: на одной из полок он отыскал аккуратно сложенный полувоенный костюм, и с удовольствием облачился в штаны и куртку сероватого цвета.

После того, как проблема с одеждой успешно разрешилась, он наскоро перекусил и отправился к Эвани.

Но комната оказалась пустой. Размышляя, куда могла бы отправиться девушка, он подумал о дворцовых садах, и поспешил к выходу. На этот раз все посты пропускали его, не спрашивая пропуска: возможно, помнили, как он предъявлял монету Маргарет, но, скорее всего, принимали за своего из-за серой униформы.

Вдруг из внезапно открывшейся двери в коридор устремилась толпа высокорослых мужчин, и Коннор вынужден был поспешно отпрыгнуть в сторону. Его остановил удивленный голос Господина:

— Я с трудом узнал тебя в этом наряде, Томас Коннор! Господа,— обратился он к остановившимся здоровякам,— позвольте представить вам нашего знаменитого пришельца из прошлого.

Те доброжелательно, словно старого знакомого, поприветствовали его и направились вдоль по коридору.

Остался лишь молодой светловолосый человек с приятными чертами лица и внимательными глазами.

— А это только что прилетевший из Антарктиды Мартин Сайр,— представил его Господин, пристально следя за реакцией Коннора. И он не ошибся в своих ожиданиях: тот окаменел.

Облик Сайра совершенно не вязался с уже сложившимся у Коннора образом чудовищного изувера, проводившего жестокие эксперименты над людьми. Но, тем не менее, именно этот симпатичный господин создал армию химер и держал в своих руках судьбы Бессмертных, в том числе и Хоакина Смита. Что станет с миром, если в один прекрасный момент он из друга правителя превратится в его врага? Чего больше в этой дружбе — выгоды или сердечной привязанности?

Эти мысли, вихрем пролетевшие в голове Коннора, прервал голос Господина, предлагавший ему пройти в ту дверь, из которой только что вышли гости Урбса.

— Я хотел бы показать то, что у нас зовется «Всевидящим оком»,— продолжил правитель, пропуская перед собой Сайра и Коннора.

Они оказались в огромном помещении, три стены которого занимали миллионы мониторов с экраном размером не больше квадратного дюйма. Хоакин подошел к стоявшему в центре зала пульту управления и вывел

на гигантский экран, расположенный на четвертой стене, крохотную картинку с одного из мониторов. Несказанно увеличенная, она давала возможность рассмотреть изображение во всех подробностях.

— Это воплощение вашего сказочного всевидящего ока,— обратился он к Коннору.— Сначала мы так называли его в шутку, а потом название прижилось, и теперь уже звучит вполне официально. Отсюда я могу увидеть не только все, происходящее на Земном шаре, но и проследить жизнь каждого жителя любого крупного поселения — от рождения до смерти. Эти хроники записываются и могут быть при желании воспроизведены. Запомни увиденное, Томас Маршалл Коннор! — многозначительно закончил он свои пояснения.

Продемонстрировав на экране еще несколько изображений, Господин отпустил Коннора, напомнив ему, что работу по записи знаний следует продолжать.

С облегчением покинув зал, в котором — как ему показалось — проживало многоглазое чудовище, Коннор поспешил выйти на свежий воздух и направился в дворцовый сад.

Он нашел Эвани возле фонтана, выполненного в виде огромной головы льва. Из пасти каменного исполина широким потоком изливалась вода, и девушка, сидя на траве напротив него, зачарованно смотрела на падающие струи.

— Доброе утро, беглянка! — радостно сказал Коннор.— Я с ног сбился, повсюду отыскивая тебя.

Он опустился на траву возле девушки, но она недовольно отодвинулась в сторону и холодно спросила:

— Интересно, зачем вдруг понадобилась я? Разве тебе мало общества принцессы? Ты стал ее рабом, как только увидел Черное Пламя! Вот и ступай к ней!

В ее словах слышалась нескрываемая неприязнь, и это больно задело Коннора.

— Почему ты так со мной говоришь, Эвани? Что произошло?

— Ты перекинулся на сторону Бессмертных, а значит, предал нас,— прозвучал безжалостный ответ.

— Мне очень жаль, что ты так думаешь, но я никого не предавал,— возразил он.— Я хочу понять этот мир, а

не принимать на веру взгляды тех или иных группировок. Мне необходимо составить собственное мнение обо всем — это касается и вас, и горожан, и правителя. Во всем есть и хорошее, и плохое, потому что не существует деления только на черное или только на белое! И нельзя поддаваться ненависти: она слепа! Подумай об этом.

Но девушка не слушала его. Так и не взглянув в его сторону, она процедила сквозь зубы:

— Оставь меня! Уходи!

Потрясенный Коннор отшатнулся, словно получил удар в лицо, затем молча поднялся и вернулся к себе, пытаясь разобраться в том сумбуре, который наполнил его душу.

* * *

Когда перевалило за полдень, последовало приказание принцессы явиться к ней. Меньше всего ему хотелось сейчас снова увидеть Черное Пламя, но обещание, данное Господину, заставило его повиноваться.

На этот раз хозяйка покоев встретила его в зеленом наряде, удивительно гармонировавшем с цветом ее глаз. Он впервые увидел в покоях принцессы кошку: та нежилась на подушках рубинового дивана, резко выделяясь на красном своей ярко-зеленой шкуркой.

Странное животное одарило гостя взглядом загадочных, как и у хозяйки, глаз, но вскоре утратило к нему интерес: вероятно, смотреть сны было значительно увлекательней. Принцесса лениво покинула диван и пригласила Коннора в кабинет — продолжать занятия. Там она вновь превратилась в умного, эрудированного ученого, своими вопросами подчас загонявшего Коннора в тупик, словно ленивого школяра.

Он уже притерпелся к этим непредсказуемым изменениям и начал находить в них определенное очарование. Кем бы ни казалась в данный момент принцесса, она неизменно оставалась самой прекрасной женщиной мира, а в дьявольском или ангельском обличье — это не имело значения.

Когда он в своем лекторском рвении вновь договорился до хрипоты, Маргарет дала сигнал кончать, и

они вернулись в гостиную. Зеленый зверек по-прежнему спал на диване, и Коннор поинтересовался, почему он нигде не встречал этих симпатичных созданий.

— Кошек практически уничтожили в Темные Времена, видя в них олицетворение дьявола. Оставшиеся экземпляры почти полностью утратили способность к размножению, в результате кошачий род захирел и вымер,— ответила принцесса.

— Но эта, по-моему, вполне довольна жизнью,— возразил Коннор, заметив хитрый взгляд кошачьих глаз.

— Как тебе, должно быть, известно, дьявола невозможно уничтожить,— загадочно усмехнулась Маргарет.

Коннор решил не затягивать свой визит дольше необходимого и устремился к двери, но вопрос хозяйки покоев заставил его остановиться.

— Почему ты не веришь мне, когда я говорю, что люблю тебя, Томас Коннор? — спросила она.

— У тебя так много лиц, что я не знаю, которое из них признается мне в любви,— стараясь все свести к шутке, ответил с улыбкой Коннор и уже серьезно добавил: — Я обручен с Эвани, и даже самая прекрасная девушка не заставит меня нарушить данное невесте обещание. И ты не хуже меня знаешь, что я верен слову.— А про себя подумал: «Похоже, сама Эвани хочет отказаться от меня, но пусть лучше Маргарет не знает об этом, иначе мне несдобровать».

Он вышел за дверь и услышал позади приглушенные рыдания, но, хотя его сердце разрывалось от боли, не вернулся, чтобы сказать те единственные слова, которые могли бы утешить Маргарет. Он понимал, что только нежность и чистота Эвани еще способны спасти его от обжигающего пламени принцессы Урбса.

Он отыскал девушку все у того же уродливого фонтана: она по-прежнему не отрывала от него взгляда. Коннор не мог понять, чем привлекла ее эта падающая вода: может быть, сквозь нее она пытается что-то разглядеть? Потоптавшись возле фонтана, разглядывая поток с разных ракурсов, он так и не увидел ничего интересного, но добился того, что Эвани его, наконец, заметила.

Сердито сдвинув брови, она поднесла палец к губам, призывая его к молчанию, и он беззвучно опустился на

траву, приготовившись сидеть здесь хоть целую вечность, но во что бы то ни стало решить эту нелепую шараду. Увидев, что Коннор не собирается уходить, Эвани обернулась к нему и сказала:

— Постарайся не привлекать внимания охранников. Я жду здесь уже шесть часов.

Ждет? Кого? Вряд ли Жана — он бы уже сто раз прибежал сюда. Но только Коннор решил задать этот вопрос, как вода вынесла из трубы какую-то фигуру, с громким плеском упавшую в пруд.

В ту же секунду существо вскочило на ноги и зашлепало к берегу, направляясь прямо к Эвани.

В ту же секунду Коннор оказался рядом с ней, готовый защитить ее от гигантской человекоподобной жабы, но Эвани придержала его за локоть и тихо прошептала:

— Встань, пожалуйста, так, чтобы меня не было видно из окон дворца.

Он выполнил ее просьбу, а жаба между тем подошла к девушке и, разжав перепончатую лапу, передала ей небольшой пакетик. Они немного пообщались между собой на какой-то дикой смеси прищелкиваний и свиста, и химера исчезла среди кустов, где струился вытекавший из пруда ручей.

— Какое счастье, что его не заметили,— с облегчением произнесла Эвани.— Давай немного посидим здесь.

Они присели возле ствола нависающего над прудом дерева, и сгорающий от любопытства Коннор спросил:

— Кто это был и как попал сюда?

— Озерная химера с гор. Эти существа могут долго обходиться без воздуха. Он приплыл сюда по трубе, питающей фонтан,— ответила Эвани.

— Именно его ты и ждала здесь так долго? — Девушка кивнула.— Но зачем?

— Он принес мне послание от повстанцев, но не задавай больше вопросов — я все равно не отвечу на них.

Она встала, чтобы уйти, но Коннор остановил ее.

— Почему ты избегаешь меня? Я весь день пытался поговорить с тобой, чтобы получить, наконец, ответ, когда же состоится наша свадьба?

— А разве ты его еще не знаешь? — усмехнулась Эвани.— За это время ты увлекся другой, а я освобо-

дилась от наваждения, навеянного твоей нездешней силой. Теперь я возвращаю тебе обещание и взамен любви предлагаю дружбу.

— Ты не хочешь мне помочь? — с ужасом простонал Коннор.

— Помочь? От чего? Ты, видно, ищешь у меня защиты от Черного Пламени? Но тут я бессильна, прости.

С этими словами она повернулась и опрометью бросилась прочь, обеими руками прижимая к груди полученное послание.

* * *

Всю ночь Коннор не сомкнул глаз. Он вспоминал спокойные дни после выздоровления и свои мечты о безмятежной жизни, которую ему — по воле случая — можно было прожить во второй раз. Но судьба распорядилась иначе, швырнув его в самую гущу событий, и теперь он несколько свысока рассматривал себя, прежнего, с его наивными мечтами об идиллическом счастье.

Задолго до рассвета во дворце поднялась суета — готовились к приему гостей. Чтобы шум не мешал ему привести в порядок мысли, Коннор решил выйти в сад и отправился к выходу из дворца. В толпе, заполнившей коридоры, его внимание привлекли фигуры Бессмертных, выделявшиеся своим высоким ростом и неторопливой величавостью.

Томас дошел до пруда, где накануне состоялся разговор с Эвани, и опустился на траву у подножия дерева, бездумно глядя на воду. Он ни на чем не мог сосредоточить внимание — обрывки фраз и неясных мыслей крутились в голове неопределенным туманом.

Из этого состояния его вывел негромкий голос, прозвучавший неподалеку:

— Томас, я хочу кое-что сказать тебе.

Он оглянулся и тут же вскочил на ноги — позади него стояла Маргарет. Такой ослепительной Коннор ее еще не видел: на ней было надето мерцавшее теплыми бликами платье, словно бы отлитое из червонного золота, с плеч спускалась до колен расшитая драгоцен-

ными камнями накидка, собранные в узел черные локоны украшала сверкающая диадема, а на поясе красовался редкостный цветок — лунная орхидея.

Увидев, какое впечатление произвел ее наряд, Маргарет улыбнулась и пояснила:

— Это мое одеяние для торжественного приема, который намечен на утро, но я искала тебя не за тем, чтобы продемонстрировать его.

Принцесса замолчала и прислонилась к стволу, словно сомневаясь в своих силах. Некоторое время она, отвернувшись от Томаса, отрешенно смотрела на воду, и он заметил болезненную бледность ее лица, резко контрастировавшую с праздничным блеском наряда.

Наконец, она снова взглянула на Коннора.

— Не знаю, обрадует ли тебя то, что я хочу сказать,— задумчиво произнесла принцесса,— но Хоакин решил сделать тебя Бессмертным.

Коннор почувствовал, как жаром опалило лицо и захолонуло сердце.

— Уж не ты ли попросила его пополнить ряды твоих любовников, Черное Пламя? — вмиг охрипшим голосом спросил он.

— Что ж, я не святая, как ты однажды сказал мне,— спокойно произнесла принцесса,— и не давала обет безбрачия. За семьсот лет у меня было много мужчин, и некоторым я просила дать бессмертие. Но не тебе — это выбор Хоакина. Думается, он имел в виду не только государственные интересы, но и лично мои. Похоже, он считает нас подходящей парой.

Все еще пылая от гнева и унижения, Коннор сказал:

— Я не верю тебе, принцесса Урбса. Это все твои хитрости. Хоакин занят важными проблемами, а не судьбой случайно появившегося чужака.

— Но он беспокоится о моей судьбе,— надменно кинула Маргарет и величественно удалилась.

Коннор посмотрел ей вслед и снова опустился в траву, привалившись спиной к дереву. После того как схлынул гнев, он смог трезво оценить заманчивость предложения Господина.

За то время, которое он провел во дворце в качестве пленника, он многое узнал. Он понял, что Бессмерт-

ные, прожившие на Земле уже сотни лет, значительно ближе ему не только по складу ума, но и внешне. Особенно это бросилось в глаза, когда здесь появилось много долгожителей сразу.

Сельские обитатели напоминали детей — повзрослевших, но подчас неспособных отвечать за свои поступки. Возможно, они так же склонны к вымиранию, как и прежде весьма жизнеспособные кошки. Коннор подумал, что, скорее всего, преждевременно обвинил Сайра в изуверстве: может быть, тот своими экспериментами спасал человечество.

Он решил, что не станет принимать решения, не поговорив предварительно с Господином. Но сначала надо встретиться с принцессой: теперь он знает, на какие вопросы ему надо получить у нее ответ.

Твердо уверенный, что Маргарет сейчас находится в своей лаборатории-библиотеке, Коннор отправился к тронному залу. Каково же было его удивление, когда он увидел, что ажурные золотые двери заперты и возле них выставлена охрана. Он поинтересовался, чем это вызвано, и один из стражей просветил его:

— В целях безопасности никто, кроме Господина и принцессы Урбса, не имеет права входить в тронный зал в дни Высоких Собраний. Таков приказ. Все участники занимают свои места лишь после сигнала с Главного Пульта.

В этот момент дверь приоткрылась, и из зала вышел Хоакин Смит. Коннор тотчас же загородил ему дорогу.

— Разреши мне поговорить с принцессой Маргарет,— сказал он.

— У тебя еще будет для этого время,— возразил Господин.— Постарайся выдержать полчаса ожидания — она ждала тебя семьсот лет.

С этими словами Господин удалился, а Коннору ничего не оставалось, как вернуться к запертым дверям.

ВЗРЫВ

В толпе, ожидавшей сигнала к началу собрания, Коннор заметил Эвани: девушка стояла у стены и на-

пряженно вглядывалась в запертые двери. Он еще не видел ее сегодня, и его удивила перемена, происшедшая в ней со вчерашнего вечера. Ему показалось, что она вновь больна — лицо потемнело, глаза ввалились, искусанные в кровь губы запеклись.

Он протиснулся к ней и дотронулся до плеча. Она испуганно оглянулась и с облегчением сказала:

— Ах, это ты, а я думала...

— Что с тобой, Эвани? Ты заболела? — спросил Коннор.

— С чего ты взял? Я совершенно здорова,— сбрасывая его руку, возразила она, но лихорадочный блеск глаз говорил о другом.— Просто я жду...

— Ждешь? Чего?

Состояние девушки вызвало у него тревогу: обычно спокойная и доброжелательная, она сейчас была явно не в себе. Коннор подумал, что следовало бы отыскать Жана, но не смог заставить себя отойти от двери.

А Эвани крепко схватила его за руку и зашептала, обдавая горячим дыханием:

— Ты знаешь, как я ненавижу Бессмертных! Но скоро самому главному из них придет конец! Ни за что не догадаешься, что мне передала химера. Это была бомба! И она теперь за троном Господина! — И Эвани нервно захихикала.

— Ты сошла с ума! — воскликнул Коннор и бросился к двери.

— Не ходи! Ты погибнешь! Она сейчас взорвется! — в ужасе закричала девушка, словно только теперь осознав, что она натворила.

В этот момент ужасный взрыв потряс дворец. Дверь разлетелась миллионами золотых искр, и из образовавшегося провала повалил густой удушливый дым, окрашенный пламенем пожара. Клубы дыма не позволяли ориентироваться в огромном зале, но Коннор помчался в сторону огня, твердо уверенный, что именно там находится дверь в лабораторию Сайра.

Пожар разгорался все сильнее. Пламя выло, завиваясь спиралью до самого потолка, но Коннор, прикрывая от горящих хлопьев голову, упрямо пробирался к эпицентру огня. Разбросанные повсюду обломки тро-

нов и статуй мешали идти, но наконец он достиг стены, развороченной взрывом.

Хаос, царящий в лаборатории Сайра, в первый момент показался Коннору непреодолимым. Однако, понимая, что все равно не сможет отыскать в дыму более удобного пути, он полез прямо на «момблан» мусора, стараясь лишь не потерять правильного направления.

Все то время, пока он пробирался сквозь огненный смерч, его терзало сознание собственной вины за поступок обезумевшей девушки. Он должен был уделять ей больше внимания, но, увлеченный поединком с Черным Пламенем, не заметил, как маниакальная идея убийства овладела больной девушкой. Сказались, по-видимому, те патологические изменения клеток мозга, о которых говорил изгнанный Маргарет врач.

Наконец Коннор уперся в стену, отделявшую комнату Сайра от библиотеки принцессы. Задыхаясь и кашляя, он двинулся вдоль нее, пока руки не нащупали косяк. С облегчением отметив, что дверь под напором взрыва все же устояла, он расчистил небольшое пространство возле нее и рванул ручку на себя.

Пожар тем временем расширялся. Языки пламени принялись лизать обломки мебели в лаборатории Сайра, и Коннор, протиснувшись сквозь образовавшуюся в результате его усилий щель, поспешил захлопнуть за собой дверь.

В библионеке Маргарет, казалось, не осталось ни одной целой вещи: взрыв, вызвавший сотрясение дворца, повалил стеллажи, и рухнувшие конструкции погребли под собой уютное убранство убежища принцессы. Протирая изъеденные дымом глаза, Коннор никак не мог обнаружить Маргарет, и с замиранием сердца подумал, что, видимо, пострадала и она.

Пытаясь сообразить, с чего следует начать раскопки, он заметил какое-то шевеление в углу и, ринувшись туда, обнаружил сидевшую на корточках Маргарет: она сосредоточенно разрывала обломки.

— Что ты там делаешь? — воскликнул Коннор, подумав, что — вслед за Эвани — лишилась рассудка и Маргарет.

Но спокойный голос принцессы опроверг его худшие предположения.

— Я ищу свой талисман,— сказала она.

Клубы ядовитого дыма уже начали просачиваться сквозь дверь, треск и вой огня слышался все ближе.

— Надо немедленно выбираться отсюда, если не хотим изжариться,— решительно проговорил Коннор и, схватив обломок стула, пробрался к окну и со всей силы ударил по стеклу.

На пол посыпались щепки, но стекло уцелело.

— Оно бронированное,— сказала Маргарет, продолжая копаться в мусоре,— а рама не открывается, потому что здесь кондиционер.

— Что ж, придется сунуться в огонь,— заявил Коннор, отбросив ненужные останки стула.— Идем же!

— Я никуда не двинусь, пока не найду статуэтку,— упрямо возразила принцесса.

Чертыхнувшись, Коннор тоже принялся разгребать обломки и наконец с торжествующим воплем извлек из груды мраморную копию Венеры и вручил ее принцессе.

Та прижала свой талисман к груди и сказала в спину двинувшемуся к двери Коннора:

— Я останусь здесь. Уходи один. Почему ты вообще появился здесь?

Коннор с досадой остановился и повернулся к ней.

— Да потому, принцесса, что виноват во всем, что произошло. Но сейчас не время говорить об этом, надо уходить!

Казалось, она ожидала другого ответа. Тяжело вздохнув, она пошла к выходу, и Коннор, накинув ей на голову и плечи свою куртку, отворил дверь.

Удар пламени, нашедшего вдруг новую отдушину, был так силен, что им пришлось переждать его, прежде чем выйти в лабораторию Сайра. Коннор повел Маргарет к пролому, который угадывался по завихрениям дыма, и через некоторое время они, обожженные и задыхающиеся, вывалились в тронный зал. Его огромные просторы заволакивал ядовитый дым, но огонь, казалось, несколько утих, пожрав, по-видимому, все, что смог.

Теперь инициативу на себя взяла Маргарет, прохрипев, что она лучше ориентируется во дворце. Коннор

подхватил задыхавшуюся принцессу и, поверив ей, пошел сквозь мглу, руководствуясь слабыми жестами ее руки. Они долго брели, не видя в беснующихся клубах дыма никаких просветов, но, внезапно ткнувшись во что-то твердое, Коннор обнаружил, что вновь стоит возле искореженных тронов.

Он удивленно ощупывал конструкцию, решив, что ошибся, но в этот момент раздались какие-то каркающие звуки — это смеялась Маргарет.

— Я, наверное, скоро умру и поэтому признаюсь тебе, Томас Коннор, что мы могли бы уцелеть, если бы остались в библиотеке. Я неверно указывала дорогу по залу,— задыхаясь, проговорила она.

— Зачем ты так поступила?

— Ты отказался от бессмертия, потому что не любишь меня... А я не хотела видеть, как ты стареешь... Поэтому решила умереть вместе с тобой...— Он едва слышал прерывистый шепот сквозь гул огня.

— Но я спешил к тебе, чтобы сказать, что люблю тебя! И во имя этой любви согласен на все!

Ему казалось, что от его вопля должны рухнуть стены, но из горла вырвался лишь омерзительный сип.

Бесконечное горе отразилось в бездонных глазах принцессы, уловившей его признание.

— Поздно,— прошептала она.— Ты еще можешь... спастись... если пойдешь вдоль... ступеней... на которых... стоят троны...— И тяжелые веки медленно опустились, погасив зеленое пламя любящего взгляда.

— Ну нет, я так легко не сдамся,— прохрипел Коннор и поднял на руки бесчувственное тело принцессы.

Он двинулся к выходу, время от времени нащупывая ногой ступени. Он брел по периметру зала, проклиная его чудовищные размеры, задыхаясь в дыму и увертываясь от языков ненасытного пламени. Иногда указанный Маргарет ориентир исчезал под грудой обломков, и тогда обожженные руки Коннора отгребали их, чтобы вновь обнаружить путеводную нить к спасению.

Когда ему показалось, что он сейчас задохнется от удушья, ряд ступеней внезапно закончался: значит, где-то неподалеку находился выход. Страшась вновь заблудиться в дыму, он попытался позвать на помощь,

почти не надеясь, что его услышат, но чьи-то руки тут же подхватили его вместе с драгоценной ношей и вытащили наружу.

Спасенных отнесли к ближайшему пересечению коридоров, где было значительно меньше дыма, и тут же взволнованные голоса принялись звать Мартина Сайра: в бездыханной женщине в полуобгоревшем платье люди признали принцессу Урбса.

Прибежавший на зов Сайр склонился над Маргарет, пощупал пульс и покачал головой.

— Кажется, я уже опоздал,— проговорил он и приказал немедленно перенести бесчувственное тело в его кабинет.

Коннор услышал, как среди наступившей тишины прошелестело:

— Умерла... умерла... умерла...

Он вскочил на ноги, готовый ринуться следом за Маргарет, но кто-то схватил его за руку.

— Не надо сейчас мешать Мартину,— прозвучал голос Хоакина Смита.— Поверь, он сделает все возможное.

Коннор кивнул и молча прислонился к стене, не в силах произнести ни слова. Судя по активной деятельности спасательных команд, с момента взрыва прошло не так уж много времени, и это вселило в Коннора надежду, что отравление угарным газом и удушье не погубят Маргарет.

Бездумно окинув взглядом суетившихся в коридоре людей, он заметил две неподвижные фигуры — под присмотром охранника стояли понурые Эвани и Жан. Он двинулся к ним, и люди, замечая высокого человека в обгоревших лохмотьях, с багровыми ожогами на полуобнаженном теле, почтительно расступались перед ним.

Он вопросительно взглянул на охранника, и тот немедленно ответил на молчаливый вопрос:

— Эти двое стояли возле тронного зала, в то время как им не полагалось находиться здесь. Они не сопротивлялись аресту, однако не объяснили, что привело их сюда. Теперь они ожидают решения Господина.

Как только охранник замолчал, Эвани воскликнула:

— Какое счастье, что ты жив, Томас! Только увидев, к какому ужасу привела наша затея, я поняла, что это было безумием. Подумать только, еще утром я мечтала расквитаться с Черным Пламенем, а теперь молю всех богов, чтобы они сжалились над ней! — Девушка заплакала, и Жан нежно обнял ее, виновато взглянув на Коннора.

— Эвани видела, как ты бросился спасать принцессу, и мы остались, чтобы подождать твоего возвращения, а потом отдаться на милость Господина,— негромко проговорил Жан.

В этот момент раздались радостные крики, и все трое увидели, как к ним медленно идет Маргарет, поддерживаемая братом и улыбающимся Сайром. Так же как и Коннор — в лохмотьях, закопченная и обгоревшая — она, тем не менее, казалась невыразимо прекрасной, потому что сияющие зеленые глаза светились любовью и счастьем.

— Помоги мне разобраться с этим взрывом, Томас,— сказал правитель.— Охрана заметила твоих друзей возле тронного зала, но они молчат.

— И правильно делают,— решительно ответил Коннор, заметив испуганный взгляд Эвани.— Потому что именно я изготовил бомбу в лаборатории Сайра, а утром подложил ее в тронный зал.

— Вот как? И почему ты это сделал? — с любопытством поинтересовался Хоакин Смит, но Коннору даже не пришлось придумывать какое-то объяснение: его опередил Жан.

— Не слушай его, Господин,— твердо заявил инженер.— Это сделал я, потому что решил отомстить за разгром восстания.

— Кажется, драма превращается в фарс,— насмешливо проговорил правитель и сделал знак страже увести обоих.

Но на пути охранников встала, раскинув руки Эвани.

— Парни здесь ни при чем. Они просто хотят защитить меня, но несправедливо убивать невиновных. Мину я получила от озерной химеры, и за это достойна наказания. Мне жаль, что я так поступила, но это не уменьшает моей вины.

— Что ж, это вынуждает меня казнить всех троих,— повернулся Господин к Мартину Сайру.— Одного — за покушение, остальных — за соучастие. Всевышний сам разберется, чья вина больше.

— Зачем беспокоить Бога, когда можно разобраться на земле,— возразила до сих пор молчавшая Маргарет.— Она улыбнулась Эвани и безмятежно сказала: — Взрыв произошел по моей глупости, когда я пыталась получить кристаллы детанола. Томас Коннор вовсе не покушался на мою жизнь, а напротив того — спас меня. А его друзья, видя твой гнев, решили взять вину на себя, полагая, что ты поверишь им, как потерпевшим поражение заговорщикам. Вот и вся история.

Хоакин Смит одарил сестру пристальным взглядом, а затем повернулся к преступной троице и сказал:

— Принцесса Урбса сейчас убедительно доказала вашу невиновность. Я склонен поверить ей и поэтому отпускаю вас. Надеюсь, что события, которым вы стали свидетелями, прольют новый свет на такие общечеловеческие понятия, как дружба и преданность.

Он повернулся и поспешил в сторону все еще дымящегося зала.

Когда внимание окружавших переключилось с них на более неотложные дела, Коннор спросил принцессу:

— Почему ты так поступила?

— Мне очень захотелось понравиться тебе, Томас Маршалл Коннор,— улыбаясь, ответила она.

Эвани пристально взглянула в лицо принцессы и изумленно проговорила:

— Я уже давно знала, что Томас увлекся тобой, Черное Пламя, но только теперь поняла, как сильно полюбила его ты. Я счастлива, что мне удалось увидеть превращение легендарного чудовища в нежную любящую женщину. Ради этого стоило оживить тебя, пришелец из другого мира.— Она глубоко вздохнула, словно сбрасывая с сердца тяжесть, и, повернувшись к Жану, сказала: — Как я соскучилась по просторам Ормона! Пойдем!

Но Коннор остановил их.

— Помнишь, я мечтал подарить тебе лунную орхидею? — Он отколол от пояса Маргарет чудом уцелев-

ший цветок и отдал его Эвани.— Прими от нас на счастье.

* * *

Когда они, умытые, одетые и сытые, уже сидели в гостиной Маргарет, Коннор сказал:

— В качестве свадебного подарка я решил откопать для тебя подлинную Венеру Милосскую, если она, конечно, еще уцелела.

— А я задумала подарить тебе пять лет жизни,— улыбнулась Маргарет.

— А потом что? Оживить еще одного покойника, а мне дать отставку? Я не согласен!

— Ну что ты! Такое случается раз в полторы тысячи лет! — отмахнулась она, а затем ее лицо посуровело.— Скажи мне честно, тебя очень огорчает, что Бессмертные не могут иметь детей?

Коннор вынужден был согласиться с этим.

— Но я люблю тебя и постараюсь примириться с этим,— добавил он.

— Выслушай меня,— прервала его принцесса.— Мартин Сайр способен не только продлевать молодость, но и возвращать человека к обычной жизни с тем, чтобы, по истечении определенного срока, вновь даровать ему бессмертие. Я решила подарить тебе пять своих лет с тем, чтобы успеть завести детей — двух мальчиков и девочку. Мальчики будут похожи на тебя, а девочка...

Коннор опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

— Это воистину королевский подарок,— проникновенно сказал он,— но, думаю, мы обойдемся без девочки. Мне не хотелось бы, чтобы последующие поколения проклинали новое Черное Пламя: мы же не сможем отыскать ей жениха!

БЕЗУМНЫЙ ПРОФЕССОР

ПОД ЗНАКОМ «ЕСЛИ»

Всегда и везде опаздывать — стало моей второй натурой. Вот и сейчас я чувствовал, что безнадежно не успеваю в аэропорт. Теряя драгоценные минуты, я остановился у ближайшего автомата, чтобы позвонить диспетчеру аэровокзала с необычной просьбой — задержать, по возможности, рейс. Любезный голос без малейших признаков удивления пообещал мне льготные пять минут.

— Постарайтесь уложиться в это время, сэр. Задержка на более долгий срок сорвет работу аэропорта,— пояснил он.

Самое неприятное заключалось в том, что только с этим рейсом я еще мог успеть в Москву, чтобы не позднее восьми часов вечера зарегистрироваться на участие в аукционе. Единственным лотом этого важного мероприятия был подряд на строительство грандиозного Уральского туннеля. Почему-то в этот раз правительство настаивало на личном участии всех заявителей, и поэтому я, Ричард Уэллс, а для друзей и домашних просто Дик, мчался сейчас, нарушая все правила дорожного движения, по стальной арке моста Стейтен-Айленд.

Я должен был лететь в эту неимоверную даль как представитель фирмы «Н. Дж. Уэллс Корпорейшн», и, учитывая то, что этот самый Н. Дж. Уэллс являлся моим отцом, ощущал груз удвоенной ответственности. Хотя сотрудники фирмы давно примирились с моей, как они считали, расхлябанностью, все они глубоко ошибались. Виной кажущегося отсутствия пунктуальности всегда было роковое стечение обстоятельств.

Так получилось и накануне важного путешествия в Москву. Совершенно неожиданно я повстречал профессора физики Гаскела ван Мандерпутца: он весьма отличал меня среди прочих школяров, когда я обучался наукам в колледже. Конечно, я не мог прервать беседу с маститым ученым, сославшись на такую вульгарную причину, как улетавший самолет,— как-никак, я знал профессора еще с 2014 года. И в результате, конечно, опоздал: великолепный лайнер оторвался от взлетного поля, когда моя машина заруливала на стоянку возле аэропорта.

В принципе все сложилось как нельзя лучше, если не считать, конечно, удара по моей репутации. В Москву успел к сроку представитель нашего филиала в Бейруте, и ему удалось выиграть торги. А лайнер, огибая грозовой фронт, столкнулся в условиях нулевой видимости с британским транспортным самолетом. В результате из пятисот пассажиров лайнера погибло около четырехсот, и я — со своей фатальной невезучестью — вряд ли оказался бы среди сотни счастливчиков. При любом раскладе контракт на строительство все равно пролетел бы мимо «Н. Дж. Уэллс Корпорейшн».

Как сообщил мне при встрече профессор, его пригласили возглавить кафедру новых направлений в физике, созданную в Нью-Йоркском университете в расчете, по-видимому, именно на гениальный ум Гаскела ван Мандерпутца. О том, что он невероятно талантлив, говорило хотя бы то, что его питомцы всегда отличались высоким уровнем интеллекта: вероятно, он умел вдохнуть в каждого из них истинную жажду познания.

Мы договорились встретиться на следующей неделе, но события, только что описанные мной, стерли из памяти все остальное, и во вторник я буквально чудом вспомнил о профессоре. Поэтому я явился к нему на два часа позже условленного времени, заготовив заранее кучу извинений и объяснений.

Но профессора это не удивило и не расстроило. Подняв голову от книги, он даже как-то удовлетворенно хмыкнул и проговорил:

— Ничто так не противостоит времени, как привычки. Помнится, и восемь лет назад Дик Уэллс яв-

лялся на лекции лишь к середине первого часа. Это не мешало тебе вполне успевать по предмету, хотя и отвлекало от него остальных: они проверяли по тебе, сколько еще осталось до перерыва.

— Но вы же помните, профессор, что я тогда посещал по настоянию отца курс менеджмента, а занятия проходили в восточном крыле. Я мог бы успевать, перемещаясь на роликовых коньках, но студент в подобной обуви выглядел бы в аудитории несколько странно.

— Да, ты всегда умел объяснить все, что угодно,— согласился профессор.— Хотя не мешало бы больше ценить время. Кстати, ты обратил внимание, что мы постоянно упоминаем о времени? А наука лишь теперь обратила внимание на это понятие. Да что там наука! Главное, что на это обратил внимание я, Гаскел ван Мандерпутц!

Он пригласил меня присесть, и, устраиваясь в кресле, я плеснул елея в костер его самомнения:

— Вы один из тех, кто как раз и движет науку вперед!

Но это его не порадовало, а даже несколько обидело.

— Интересно, кого это ты имеешь в виду? — тоном капризного ребенка спросил он.

— Хотя бы Корвейла, Шримсона, Гастингса,— перечислил я несколько пришедших на ум имен.

— Да они мне и в подметки не годятся! — возмущенно воскликнул упрямец.— Это ремесленники от науки, и только! Они лишь подхватывают крохи с моего стола, да и то подчас не знают, что с ними делать. Если бы ты назвал, например, Эйнштейна или де Ситтера — уж куда ни шло. Но этих... Противно слушать.

Некоторое время он гневно пыхтел, затем постепенно успокоился и заявил:

— Хотя и эти двое тоже не достойны упоминания в одном ряду со мной.

— Но позвольте, профессор,— возразил я.— Весь мир считает Эйнштейна великим ученым. Ведь именно он впервые установил связь между временем и пространством, доказав, что это не просто философские понятия.

— Я согласен, в интуиции ему не откажешь,— снисходительно проговорил ван Мандерпутц.— Но это все

напоминает блуждание в потемках, а не научный подход к проблеме. Только мне, единственному среди смертных, удалось подчинить себе время и экспериментально доказать мою власть над ним!

— И чего же вы добились, уважаемый профессор?

В свое время мы вдоволь посудачили об огромном самомнении нашего профессора физики, но потом перестали обращать внимание на преувеличенную самооценку, принимая это как чудачество гения. Однако за прошедшие восемь лет я как-то забыл эту его особенность, и теперь она смешила и даже несколько шокировала меня.

— Я измерил время! — провозгласил он.

— И что это дает? — допытывался я.— Вы изобрели машину времени?

— Похоже, Дик, ты начитался пустых сочинений наших фантастов,— с отвращением произнес ван Мандерпутц.— Все эти путешествия во времени удалось развенчать даже Эйнштейну.

— Но многие ученые считают это возможным,— нерешительно возразил я.

Гаскел ван Мандерпутц даже застонал.

— Спрашивается, зачем я несколько лет тратил на тебя время, Ричард Уэллс! — возмутился профессор.— Но я надеюсь, ты хотя бы помнишь, что с изменением скорости движения изменяется и скорость течения времени.— И ехидно добавил: — Это доказал еще твой любимый Эйнштейн.

Я кивнул.

— Ну вот. А теперь предположим, что некто — ну, хотя бы ты — изобрел машину, которая способна разогнаться до девяти десятых скорости света. У тебя имеется соответствующее топливо: скорее всего, мотор работает на высвобождаемой энергии атома. Ты стартуешь со скоростью сто шестьдесят тысяч миль в секунду и перемещаешься в пространстве на двести четыре тысячи миль. Допустим, такие ускорения не размазывают тебя по сиденью — для этого ты тоже что-то изобрел.— Профессор издевательски хихикнул.— И вот в результате такого рывка ты попадаешь в будущее. А теперь скажи мне, какое время ты там пробудешь?

Я, естественно, замялся: профессор наверняка знал ответ, и мои слова явились бы для него лишь дополнительным поводом доказать свое превосходство.

— Молчишь? — возмутился он.— А ведь твой хваленый Эйнштейн вывел специальную формулу для расчета! Знай, что твое путешествие продлится всего секунду! — Он торжествующе поднял указательный палец.— Одну секунду, молодой человек.

Видя мою растерянность, он удовлетворенно зажмурил глаза, словно кот, только что отведавший сметаны.

— А вот с путешествием в прошлое будет и того похлеще,— подчеркнуто ласково промурлыкал профессор и тут же опалил меня яростным взглядом пронзительных глаз.— Для того чтобы забраться в прошлое на ту же жалкую секунду, не хватит энергии всей Вселенной! Даже если ты сумеешь создать машину, способную выдержать ускорение в двести сорок тысяч миль в час в течение десяти секунд. Вот какова цена бредней безответственных писак!

Некоторое время он еще продолжал метать молнии в отсутствующих оппонентов, а я старался не вмешиваться в его монолог, чтобы случайно не усугубить взрыв страстей. Когда профессор немного успокоился, я поинтересовался:

— А в чем состоит ваше открытие?

— О, это переворот в науке! — заявил он.— Я не стремлюсь попасть ни в прошлое, ни в будущее. Это, в сущности, даже неинтересно. Прошлое уже было — ну и бог с ним. А будущее... Иногда лучше не знать, что ждет нас в будущем,— с непривычной для него печалью проговорил профессор и надолго умолк.

Но я вновь напомнил ему о теме разговора, и он, постепенно воодушевляясь, заговорил:

— Представь себе Вселенную. Она имеет три измерения в пространстве и протяженность во времени, верно? Но существует четвертое измерение, попасть в которое проще простого: оно существует совсем рядом с нами, не в прошлом или будущем, а параллельно нашей реальности, то есть — в настоящем. Задача состоит в том, чтобы не гнаться за временем, а пройти сквозь него. И я сумел найти способ путешествия через время.

По-видимому, на моем лице отразилось такое изумление, что он тут же пришел в негодование:

— Бог мой, я наказан за то, что учил недоумков! Ну как же ты не понимаешь, что речь идет об условных мирах! В будущем находится то, что еще только должно состояться, в прошлом то, что уже состоялось, а вот наше настоящее таит в себе неизведанные возможности, которые — при определенных условиях — могли бы состояться, стать реальностью, если бы... Вот в этом словосочетании «если бы» и заключается смысл моего открытия. Эти нереализованные возможности я назвал мирами под знаком «если».

Он торжествующе взглянул на меня.

— Если я вас правильно понял, профессор, вы можете предсказать, как повернется судьба, если я поступлю определенным образом? — пытаясь уточнить не совсем понятные мне умозаключения, спросил я.

— Я не гадалка и не предсказываю будущее! — возмущенно фыркнул ван Мандерпутц.— Моя машина демонстрирует то, какими еще путями — кроме того, что случилось в действительности — могли бы развиваться события. Я хочу сказать, что она показывает вероятностные пути реализации уже совершившегося факта. Я поэтому назвал ее «Вероятностным монитором», сокращенно ВМ.

Я удивленно взглянул на него, не совсем понимая, как простая физика может решить подобную, почти мистическую, задачу. Я изложил свои сомнения, и вместо ответа он расхохотался.

— В этом-то и состоит отличие ван Мандерпутца от прочих индивидов! — веселился он.

Отсмеявшись, он все же снизошел до объяснения.

— Я не стану вдаваться в подробности, но смысл состоит в использовании поляризованного света, направленного в сторону четвертого измерения. Можно использовать, например, исландский шпат, помещенный в зону очень высокого давления. Достаточно получить одну световую волну — и вот уже цель достигнута.

Это небрежное изложение невероятного открытия имело целью не только продемонстрировать мощь ге-

ниального ума перед серой посредственностью, но и, по возможности, скрыть от нее технические подробности: интеллектуальная собственность ван Мандерпутца всегда должна оставаться неприкосновенной.

— Но насколько реально то, что может показать машина? — спросил я, понимая, что других сведений о конструкции ВМ я все равно не получу.

— А реально ли вообще наше существование? Философы всего мира веками обсуждали этот вопрос, а ты хочешь получить от меня немедленный ответ,— снова усмехнулся профессор.

Я понял, что мне не преодолеть уклончивые экивоки ван Мандерпутца, и поэтому решил предпринять обходный маневр.

— Если ВМ дает вероятностные ответы, то смог бы он показать, что было бы на месте, скажем, Нью-Йорка, если бы в войне за независимость победила Англия?

— Думаю, что Джорджу Вашингтону, как очевидцу этих событий, машина могла бы показать возможные варианты, но мы никогда не узнали бы об этом. Все дело в том, что для работы ВМ требуется не только поляризованный луч, но и мозг вопрошающего. Машина может дать ответы, лишь основываясь на его интеллекте и жизненном опыте. Поэтому на один и тот же вопрос она покажет разным людям несовпадающие картины, да и то только в том случае, если задавшие вопрос находились в равных условиях. Тогда они могли бы сравнить результаты, что было бы, мне кажется, весьма познавательным. Забыл сказать, что одной составной частью ВМ является стимулятор памяти Хорстена. Идею своего прибора Хорстен, кстати, своровал у меня. Ты знаком с этим устройством?

Я кивнул.

— Да, в свое время интересовался им. А как далеко может заглядывать в своих прогнозах это ваше чудо техники?

— Глубина проникновения ВМ установлена на десять часов, поэтому для впечатляющего ответа следует тщательно выбирать точку отсчета. Конечно, человеку не придется торчать у экрана так долго — все действие укладывается в полчаса.

Профессор внимательно взглянул на меня и, вероятно, прочтя мои мысли, спросил:

— Хочешь попробовать, да?

— Это, вероятно, очень увлекательно. Тем более мне хотелось бы прояснить для себя один жизненный аспект, связанный с неудачным вложением капитала. Я тогда мог бы стать миллионером, но, увы...

Профессор пригласил меня пройти в лабораторию, где находился его ВМ. Он стоял на почетном месте — в центре огромного стола, установленного посреди лаборатории. В первый момент я увидел только стимулятор памяти Хорстена, а уже потом разглядел цепочку кристаллов — сердце всего изобретения Гаскела ван Мандерпутца.

Тот предложил мне надеть шлем с расходившимися во все стороны проводами — они извивались, словно змеи на голове Медузы Горгоны — и устроиться в удобном кресле возле стола.

— Ты не забыл, как пользоваться прибором Хорстена?— спросил он, проверяя правильность подключения кабелей.

Кивок головы привел в движение многочисленные провода, и их легкий шелест эхом отозвался под шлемом.

Я вспомнил, как в первый раз — из чистого любопытства — воспользовался стимулятором. Мы все воспринимали тогда этот разрекламированный прибор как забавную игрушку. Интересно было наблюдать, как неопределенные цветные контуры и пятна под действием твоей мысли приобретали конктретные очертания и формы. Именно с этого момента и начиналась активная деятельность мозга, когда в работу включалось подсознание, вытаскивая наружу, казалось бы, намертво забытые тобой факты.

Затем Хорстен усовершенствовал прибор, установив дополнительные регулировки, расширяющие диапазон первоначальных фигур, и тогда его стали успешно применять в медицинской практике для диагностики и лечения разнообразных дефектов психики.

При этом сохранялась полнейшая конфиденциальность сеанса, поскольку окружавшие могли оценивать его результат лишь по реакции пациента, но никак не

по изображению на экране. Для любого присутствующего экран оставался заполненным лишь все теми же неясными фигурами.

Тем временем ван Мандерпутц закончил свои манипуляции, выключил верхний свет в лаборатории и дал последние наставления:

— Постарайся сосредоточить свое внимание на каком-то ярком факте, который произошел вскоре после твоего финансового краха. Дай мне знать, как только картинка станет ясной. Именно в этот момент я подключу ВМ.

Я стал вглядываться в переливавшийся всеми цветами радуги экран, время от времени меняя положение настройки, и, наконец, совершенно отчетливо увидел себя самого, сидящего в какой-то комнате. Сделав знак профессору, я приготовился к чудесам.

Теперь я превратился в единственного зрителя кинофильма, главную роль в котором играл я сам. Вместо неопределенного шелеста в наушниках послышался реальный звук — это хлопнула дверь, и в комнату кто-то вошел. В кадре появилась женщина, и я с удивлением узнал в ней Уимзи Уайт, блиставшую какое-то время в балетных шоу-программах на телевидении.

Когда-то она стала причиной моей размолвки с отцом, который пригрозил лишить меня наследства, если я женюсь на этой особе. Она не отталкивала меня, но и не стремилась выйти за меня замуж, ожидая, вероятно, какой-то материальной определенности. Во всяком случае, стоило лишь мне поймать Фортуну за хвост и заработать в одночасье два миллиона, как она дала понять, что ничего не имеет против более тесных отношений.

Однако моя финансовая самостоятельность длилась всего год: биржевой кризис унес богатство, и я вновь оказался в полной кабале у отца. Помолвка с Уимзи расстроилась, но я почему-то пережил это довольно спокойно.

И вот теперь она оказалась передо мной — постаревшая, с расплывшейся фигурой, ничем не напоминавшая то воздушное существо, которое сводило меня с ума. Более того — она была явно недовольна мною.

— Я хочу немедленно вернуться в Нью-Йорк! — гневно заявила она.— Тебе, может быть, и льстит кличка

«консервного короля», но я ненавижу эту вонючую фабрику и твой гольф, на который ты тратишь все свободное время.

— У тебя же есть друзья,— возразил актер с моей внешностью. Кстати, он мне тоже не очень-то понравился: какой-то жилистый и хмурый.— Правда, они больше ценят не тебя, а те пышные приемы, на которые ты тратишься, не ведя счет моим деньгам. Лучше бы занялась своей внешностью — посмотри только, на кого ты похожа!

Этот диалог продолжался, как и предупреждал профессор, полчаса. Персонажи осыпали друг друга оскорблениями, хотя, по-моему, их материальный статус был весьма высок. Я вздохнул с облегчением, когда «просмотр кинофильма» подошел к концу и на экране вновь спокойно поплыли разноцветные облака.

По-видимому, профессор услышал мой вздох, поскольку тут же поднял глаза от книги и с любопытством поинтересовался:

— Ну, и каково впечатление?

— На мой взгляд, очень полезное зрелище,— убежденно проговорил я.— Пожалуй, мне не стоит сетовать на превратности судьбы: разорение спасло меня от еще более скверной напасти.

— О мой мальчик, ты даже не представляешь, как порадовал меня! — воскликнул профессор.— Я и прежде не сомневался, что сделал исключительный вклад в понимание человеком своего счастья. И твоя реакция — идеальное тому подтверждение! Обычно люди говорят: «Ах, я мог бы быть счастлив, если бы...» И вот теперь благодаря моему изобретению появилась возможность отказаться от глупых сожалений, потому что все могло бы стать значительно хуже!

Мы еще некоторое время побеседовали, и я смог вернуться домой далеко за полночь. Я не жалел о потраченном времени, напротив — мне показалось, что неуемная энергия старика каким-то загадочным образом проникла в меня, и теперь меня ждет совершенно новая жизнь.

Однако мои мечты растаяли на следующее же утро — я проспал и вновь опоздал в контору. Какая уж тут новая жизнь! Последовала очередная головомойка

от главы фирмы, Н. Дж. Уэллса. Мне было сообщено, что своей безалаберностью я дискредитирую не только самого себя, но и то дело, которому мой отец посвятил всю свою жизнь. Он считал, что пора взяться за ум, поскольку я уже давно вырос из детских штанишек, хотя и веду себя подчас, как юный шалопай.

Я попытался доказать отцу, что мои опоздания не только не расшатывают устои бизнеса, но иногда весьма способствуют процветанию фирмы, и привел в качестве примера свою несостоявшуюся поездку в Москву. Н. Дж. разбил в пух и прах мои аргументы, заявив, что если бы лайнер не ждал непутевого Р. Уэллса лишние пять минут, транспортный британский самолет благополучно миновал бы точку столкновения. Так что на моей совести лежит тяжкий грех за погубленные души пассажиров лайнера.

Признаюсь, под таким углом зрения я свой поступок не рассматривал. Я не считал, что именно эти пять минут сыграли такую чудовищную роль в судьбах сотен людей. И в принципе даже не был уверен, что диспетчер действительно задержал рейс, а не просто отговорился обещанием пятиминутной форы, чтобы отделаться от нытья какого-то странного зануды. К сожалению, я не взглянул на часы, когда увидел старт самолета, и поэтому оказался неподготовленным к неожиданному выпаду отца.

Дальнейшую его воркотню я слушал невнимательно, поглощенный размышлениями об ужасном стечении обстоятельств. Увидев бессмысленность своих слов, он отправил меня в офис, взяв предварительно обязательство впредь стать более пунктуальным. Я рассеянно пообещал это, но, конечно, на службу в этот день не вернулся: мне надо было обдумать услышанное.

«Что было бы, если бы?..» На этот вопрос мне мог бы ответить только один человек — Гаскел ван Мандерпутц. Где-то рядом с нами существовали гипотетические следствия всех наших поступков, и только он один мог бы приоткрыть над ними завесу тайны.

Однако что-то удерживало меня от немедленного визита к профессору, и в конце концов я понял, что именно. Мне самому следовало разобраться в степени

собственной виновности. Во всем этом деле завязывались в единый узел всевозможные причинные связи. Об опоздании вылета я уже говорил. Но существовал еще грозовой фронт, который заставил самолет отклониться от курса. Кроме того, неизвестно, как соблюдал расписание и высоту полета британский транспортник. Все это, конечно, влияло бы на разбор дела в суде — и, вероятно, такой разбор когда-то состоится. Но, уверен, что ни одному следователю не взбредет в голову обвинить в этой трагедии меня. Уж, скорее, привлекут к ответственности диспетчера аэропорта.

И тем не менее я не мог снять с себя вину: жажда непременно во всем разобраться заставила меня после бессонной ночи позвонить в университет. Оказалось, что профессор ван Мандерпутц читает лекцию, но мне сообщили точное время, когда он — в перерыве — должен появиться на кафедре. В результате я договорился встретиться с ним нынче же вечером.

Я так торопился, чтобы явиться точно в условленное время, что, конечно, опять попал в историю. На этот раз меня задержал полисмен, объявивший, что я значительно превысил установленную в городе скорость. Я не стал вступать в пререкания, а покорно заплатил штраф и ухитрился задержаться всего на несколько минут.

Каково же было мое удивление, когда я столкнулся с профессором на пороге его квартиры: он, по его словам, собирался на часок заглянуть в клуб, поскольку не ждал, что я окажусь столь пунктуален.

Все еще изумленно покачивая головой, он пригласил меня войти и поинтересовался, почему для нового визита не потребовался очередной восьмилетний интервал. Прекрасно помня его неистребимую склонность к ехидным шуточкам, я не стал обращать внимания на колкости, а откровенно ответил:

— Я хотел бы еще раз пообщаться с вашим ВМ, профессор, если вы, конечно, не возражаете.

— Возражаю? Ну что ты, мой мальчик! Ты же знаешь, как мне нравится демонстрировать свои достижения молодежи,— ответил даже несколько обескураженный моими словами ван Мандерпутц.— А ты по-

явился весьма вовремя: я только что решил разобрать эту игрушку, чтобы расчистить место под новый проект.

— Зачем же лишать общество такой прекрасной возможности взглянуть на себя как бы со стороны? — Мое удивление не знало границ.

Профессор снисходительно усмехнулся.

— Теперь, когда все разложено по полочкам, мой прибор может соорудить любой дурак. Это уже неинтересно. А я решил заняться уникальной проблемой, которая под силу только мне, Гаскелу ван Мандерпутцу! Я хочу подарить людям биографию самого выдающегося их современника!

Я навострил уши, ожидая, чье же имя назовет неугомонный старик. Но он замолчал, и мне самому пришлось задать этот вопрос. В ответ профессор ожег меня презрительным взглядом и воскликнул:

— Это будет биография самого Гаскела ван Мандерпутца! Кого же еще?! Я опишу в ней все шаги великого человека, начиная от первых секунд жизни, и перечислю все открытия и изобретения, подробно описав, какие обстоятельства вынудили его обогатить мир той или иной гениальной мыслью!

Только теперь я понял смысл выражения — «у меня отвисла челюсть». Именно это и произошло со мной. Я еще никогда не имел дела с буйнопомешанным, тем более — с гениальным сумасшедшим,— и поэтому несколько растерялся. А профессор вдруг совершенно успокоился и весьма деловитым тоном добавил:

— Я воспользуюсь случаем, чтобы поведать обществу о моей вине перед ним.— Его сокрушенный тон коренным образом отличался от только что произнесенного панегирика.— Только я один ответственен за то, что недавняя война с Азией длилась не три месяца, а три года.

Вероятно, это лежало тяжелым грузом на его совести, но я даже не представлял себе, в чем же заключалась его вина.

— Видишь ли, Дик, я, как голландец по происхождению, поддержал нейтралитет Нидерландов и не стал вмешиваться в политику Соединенных Штатов, ввязавшихся в эту дурацкую войну. А между тем я мог бы

составить компьютерную программу на всю военную кампанию, исключив любую неопределенность в действиях. Это подтвердил и мой ВМ. Он один знает, что я повел себя тогда по-свински. Может быть, поэтому я и хочу разобрать его,— печально добавил старик.

Поделившись со мной своими горестями, профессор ожил и с удвоенной энергией принялся обсуждать проект составления автобиографии. Я активно поддержал его и добавил, что наверняка приобрету несколько экземпляров его книги, чтобы разослать ее своим друзьям.

Это сообщение воодушевило ван Мандерпутца.

— На твоем экземпляре я сделаю авторскую надпись, и тогда эта книга станет бесценной. Я пока не решил, как она будет звучать. Но, мне кажется, фраза «Труд обыкновенного гения» вполне подошла бы.

Я согласился, что это звучит весьма достойно, и напомнил о цели своего вечернего визита.

— Тебе пришла мысль позондировать еще что-то? — спросил профессор, сразу переключаясь на мои заботы.— Расскажи мне, что тебя беспокоит, и мы выберем наиболее продуктивную точку отсчета.

— Помните нашу неожиданную встречу в кафе? Я тогда опоздал на самолет, который попал в катастрофу. Об этой трагедии много писали в газетах.

Профессор кивнул, и я рассказал ему историю своих сомнений, в том числе и об обвинениях отца.

— Понятно,— задумчиво проговорил ван Мандерпутц, выслушав меня.— Ты хотел бы установить степень своей вины. Что ж, можно попробовать. Точку отсчета следует выбрать, исходя из трех предположений: ты успел на самолет к моменту, указанному в расписании; ты уложился в пятиминутную фору; самолет задержали сверх обещанных пяти минут. Во всех этих случаях ответы наверняка будут отличаться друг от друга. Какой вариант больше всего подходит тебе?

Я отказался от первого варианта на том основании, что практически всегда опаздывал. На третий вариант вряд ли согласилась бы авиакомпания, поскольку любая задержка чревата финансовыми потерями. Оставался лишь второй, наиболее вероятный, случай: я успел на самолет в предоставленные мне пять минут.

Ван Мандерпутц согласился с моими рассуждениями, и мы отправились в лабораторию.

И вот я снова сел в кресло перед стимулятором памяти. Поворачивая ручки регулировок, я старался разглядеть в сменявшихся пятнах что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминавшее обстоятельства моего незадачливого полета. Наконец, мне показалось, что один из контуров похож на мост автострады. Я вернулся к этому изображению и мгновенно почувствовал себя за рулем машины: под колесами стремительно исчезало покрытие моста Стейтен-Айленд, а вдали отчетливо прорисовывались строения аэровокзала. Я подал знак профессору, раздался негромкий щелчок, и я — по воле прибора ВМ — очутился в вероятностном пространстве.

Мне показалось, что на меня накатил приступ шизофрении, настолько отчетливо ощутил я явные признаки раздвоения личности. Один Дик Уэллс сидел в кресле, с любопытством разглядывая действие на экране, а другой Дик Уэллс бежал, размахивая руками, к огромному сверкавшему чудовищу. При этом оба ощущения казались одинаково реальными. Постепенно бежавший вытеснил сидевшего, и я — вместе со всеми своими пятью чувствами — оказался на взлетном поле.

Я успел буквально в последнюю секунду: машина-трап уже двинулась от лайнера, и мне пришлось перепрыгнуть через разверзшуюся под ногами пропасть. Стюард рывком втянул меня внутрь салона и, велев пристегнуть ремни безопасности, указал на свободное кресло. Едва я это проделал, как лайнер начал разгон, а потом круто пошел вверх. В иллюминатор я еще успел разглядеть, как исчезает внизу огромный аэропорт, а затем облака отделили друг от друга два мира — земной шар и металлическую коробку с набившимися в нее людьми.

Я отер пот со лба и с удивлением подумал, что все-таки успел. Вероятно, я высказал это вслух, потому что услышал справа тихое «ах!» и почувствовал, что меня пристально рассматривают. Я всегда остро ощущал чужие взгляды, хотя и старался вытравить эту неприятную особенность. Однако, как ни старался, не сумел с ней справиться — так же как и с неистребимой склонностью к опозданиям.

Я повернул голову вправо. Там, через проход, сидела девушка, с холодной насмешкой и чуть брезгливо рассматривая меня, словно диковинное насекомое. Но меня поразил не иронический взгляд, а весь облик этой юной особы. Я не смог бы описать черты ее лица или особенности фигуры — просто со мной произошло то, что в романах обычно называют «любовью с первого взгляда». Конечно, она была невероятно красива, но это уже не имело значения: я просто отдал ей сердце, ничего не спрашивая взамен.

Мой пристальный взгляд смутил ее, и легкий румянец выдал не только испытываемую ею неловкость, но и досаду. Я тут же извинился и принялся рассказывать о своих перипетиях с этим рейсом.

— А, так это из-за вас задержали отправление? — рассмеялась она.— Мы-то ждали какого-нибудь восточного раджу со свитой, а вместо него вдруг появляетесь вы — валитесь в кресло и пыхтите!

Я пожаловался девушке на то, что время и я никак не можем найти общего языка: я вечно опаздываю, а часы — стоит лишь мне надеть их на руку — или ломаются, или показывают заведомую ерунду.

Как известно, люди в пути знакомятся быстро. Вынужденные, в силу обстоятельств, некоторое время сосуществовать бок о бок, они неизменно доброжелательны друг к другу. Возможно, это объясняется тем, что подобные знакомства ни к чему не обязывают. Даже путешествие по железной дороге, которое — если верить литературным источникам — длилось несколько дней, не приводило к столкновениям и ссорам: попутчики дружно угощались домашней снедью и вели задушевные беседы, а потом без сожаления расставались навсегда. Едва ли статистика сохранила данные о тех случайных встречах, которые потом имели бы продолжение.

Вскоре в салоне авиалайнера послышался негромкий говор: оставив позади неприятные минуты расставания, люди принялись обживать временное обиталище, знакомясь — как и положено — со своими соседями. Мы тоже разговорились, переключившись, естественно, с дежурных фраз на более близкие нам обоим темы.

Я узнал, что девушка, которую звали Джоанна Колдуэл, художница и сейчас направляется в Париж, эту Мекку всех подлинных любителей искусства. Она намеревалась пройти годичный курс обучения у какого-то светила живописи, имя которого я не запомнил, и, повысив свое мастерство, попытаться зарабатывать себе на жизнь собственным талантом, а не изматывающей работой иллюстратора в модном женском журнале.

Из ее рассказа я понял, что это весьма целеустремленная барышня: сумму, необходимую для поездки в Париж и оплаты труда мэтра, она собирала в течение трех лет, во многом отказывая себе. Я вспомнил свои потуги в теннисе: когда-то я вознамерился стать звездой. Для этого у меня имелись даже весьма приличные способности, а об оплате тренеров и кортов не шло и речи: отец, довольный тем, что я наконец-то занялся делом, с охотой оплачивал счета. Однако труд, труд и еще раз труд оказались не для меня. И даже не потому, что я не хотел трудиться: мне просто стало смертельно скучно.

Слушая Джоанну, я вспоминал девиц и парней своего круга. Первых интересовали моды и развлечения, вторых — клубные «посиделки» с извечными обсуждениями спортивных и биржевых новостей. Но страстный интерес к чему-нибудь встречался крайне редко. Возможно, так происходило потому, что для достижения какой-либо цели не требовалось ни борьбы с трудностями, ни боевого задора и уж тем более — самопожертвования.

Я, в свою очередь, рассказал Джоанне о своей поездке на аукцион в Москву, но она — даже услышав мое имя — не догадалась, что я не только представитель фирмы «Н. Дж. Уэллс Корпорейшн», но даже сын ее главы. Это меня порадовало, потому что не помешало нам завязать искренние дружеские отношения. Я даже добился от Джоанны приглашения навестить ее в Париже на обратном пути в Нью-Йорк.

Время летело незаметно, и мы очень удивились, когда молодой стюард прошел по салону, предлагая подавать заявки на ланч. Оказывается, с момента старта прошло уже четыре часа! При выборе блюд меня еще раз поразила наша удивительная общность, выражав-

шаяся даже в мелочах: мы терпеть не могли устриц и всем закускам предпочитали салат из омаров.

После еды я предложил Джоанне пройти наверх, в так называемый обзорный салон, и она с удовольствием согласилась. Прозрачный колпак, накрывавший это помещение, создавал бы иллюзию свободного полета, если бы не постоянные объявления по трансляции да снующие среди пассажиров стюарды, предлагавшие напитки и газеты.

Мы устроились в передней части салона, прямо у прозрачного фонаря, и продолжили беседу, время от времени поглядывая наружу. А там постепенно сгущались тучи. Непосредственно по курсу лайнера возникла клубившаяся черная стена, пронизанная вспышками молний. Голос, прогремевший из динамиков, предложил пассажирам занять свои места и пристегнуть ремни: предстоял маневр лайнера, поскольку пилот решил обойти грозовой фронт справа.

Я не торопился покинуть уютное местечко у стенки салона под предлогом невероятной толчеи у выхода. На самом деле, мне очень не хотелось утрачивать ощущение чуть ли не интимной близости, возникшее между нами в этом призрачном уединении посреди гомонящей толпы. Невольная задержка позволила нам увидеть, как лайнер вошел в облака — белая пелена накрыла прозрачный колпак, словно стекла задернули занавеской.

Мы уже сидели на своих местах, когда самолет вдруг резко завалился на правое крыло. Послышался отвратительный скрежет, и пол мгновенно ушел из-под ног: наш лайнер падал! Он вращался вокруг своей оси, словно сухой лист осенью, но его стремительный штопор ничем не напоминал красивый полет пожелтевшего предвестника морозов.

Вой двигателей, которыми, по-видимому, пилоты хотели вывести свое судно из смертельной спирали, сливался с нечеловеческими воплями людей, сброшенных дикими перегрузками со своих мест и спрессованных в единый шевелящийся клубок полураздавленных тел в глубокой яме, бывшей некогда передней частью салона. Временами из громкоговорителей прорывались

призывы сохранять спокойствие, которые звучали среди всего этого ада словно всплески черного юмора.

Наконец, вращательное движение прекратилось — осталось лишь скольжение с крутой горы. Ремни безопасности моего кресла чудом не лопнули, и все это время я продолжал висеть на них. Оглядевшись, я понял, что таких счастливчиков оказалось не так уж много — остальные кричали и корчились внизу.

Теперь, когда падение несколько выровнялось, я отстегнул ремни и, цепляясь за ручки кресел, отправился искать Джоанну. Мне удалось найти ее за три ряда от наших мест: к счастью, ее тело зацепилось за ножки кресел, иначе она оказалась бы раздавленной рухнувшими на нее людьми. Девушка была без сознания, но, когда я попытался вытащить ее из ловушки и устроить немного поудобнее, лайнер чудовищно содрогнулся, дневной свет померк, а за иллюминаторами заплескала вода: мы рухнули в океан. Но нет худа без добра — пол несколько выровнялся, и люди, уцелевшие в немыслимой мясорубке, принялись со стонами выбираться к центру салона.

Снова заработали динамики, выкрикивая очередной приказ:

— Достать из карманов на спинках кресел спасательные жилеты и надеть их!

Я выпотрошил ближайшие карманы и натянул один оранжевый жилет на Джоанну, другой — на себя. Призыв к активной деятельности привел людей в чувство, а появившиеся стюарды вселили некоторую надежду на спасение. Деловитые молодые люди сноровисто двигались по салону, помогали застегивать жилеты и указывали, куда следует идти.

Тот же стюард, который записывал наши пожелания на ланч, внимательно взглянул на Джоанну, но, убедившись, что я уже надел на нее жилет, кивнул и поспешил к другим пострадавшим.

В салоне совсем стемнело — мы неудержимо уходили в глубину. Пилоты включили аварийное освещение, и динамик прохрипел:

— Идите к носовому люку и выбирайтесь наружу. Отплывайте как можно дальше от лайнера. На поверхности вас ждут спасатели.

Я извлек Джоанну из-под кресел и присел рядом, размышляя, как бы удобнее пронести ее по наклонному полу салона. Все тот же юноша помог мне перекинуть тело девушки через плечо, и я стал спускаться в сторону носа, где расторопные стюарды уже успели расчистить путь, оттащив в сторону трупы.

В тот момент, когда спасение, казалось, было совсем рядом, я услышал позади вопли отчаяния и ужаса: волны океана ворвались в лайнер сквозь не выдержавший давления колпак обзорного салона. Я увидел стену зеленой воды...

В этот момент экран погас. Я настолько «вошел в образ», что даже не сразу понял, где очутился. Внимательные глаза ван Мандерпутца вернули меня к действительности.

— И что же это было? — вкрадчиво спросил он.

— Кажется, мы утонули.— Моя опустошенная душа подтверждала этот факт, в то время как тело поднялось из кресла и уныло пошаркало к выходу.

Чувствуя, вероятно, мое состояние, профессор не стал приставать с расспросами: он понял, что его ВМ сыграл со мной злую шутку.

* * *

В последующие дни я чувствовал себя словно во сне. Скорее всего, именно по этой причине я больше не опаздывал на службу и автоматически точно выполнял свои обязанности, чем вызвал состояние шока не только у коллег, но и у отца. Он вызвал меня к себе, стараясь выяснить причину моего перерождения. Я помалкивал, не слушая его, и время от времени кивал в ответ на его вопросительные интонации. Не знаю, к какому выводу он пришел, но если бы я сообщил ему, что полюбил девушку через две недели после ее смерти, он наверняка решил бы, что я рехнулся,— и принял бы соответствующие меры.

Поскольку мне не хотелось оказаться в сумасшедшем доме, я старался вести себя по-прежнему, но, кажется, мало в том преуспел. Сослуживцы продолжали коситься на меня, а приятели по гольф-клубу не хоте-

ли со мной играть, потому что я постоянно приходил к последней лунке раньше всех. Неприятное чувство раздвоения личности, возникшее у меня перед прибором ВМ, не проходило: я смотрел на себя как бы со стороны, снисходительно посмеиваясь над нелепыми поступками персонажа по ту сторону экрана.

Состояние душевного ступора мешало мне жить, хотя и жить не очень-то хотелось. Однажды мне даже не захотелось возвращаться с работы домой, и я заночевал в кабинете отца. Того чуть не хватила кондрашка, когда он решил, что я явился на фирму раньше его. Пришлось утешить пожилого человека, объяснив, что накануне я просто опоздал уйти домой: не все же мне, мол, опаздывать с приходом на работу? Но он все равно расстроился.

Дальше так продолжаться не могло. Мне необходимо было заглянуть еще в один из вероятностных миров, чтобы убедиться, что все могло бы кончиться благополучно, если бы... Это проклятое «если бы» мучило меня, словно зубная боль! Не выдержав кошмара, я помчался к профессору ван Мандерпутцу.

В квартире никто не отозвался на мой звонок. Корпуса университета оказались запертыми. Только тогда я взглянул на часы и обнаружил, что полночь наступила еще два часа назад — то-то улицы показались мне несколько обезлюдевшими. Не зная, что предпринять, я вернулся к квартире профессора и присел на ступеньку лестницы.

Вероятно, я задремал, потому что не услышал шагов. Только прикосновение к плечу заставило меня встрепенуться и поднять голову: на меня сочувственно смотрел Гаскел ван Мандерпутц.

— Ты, случаем, не заболел, мой мальчик? — тревожно спросил он.— Последнее время ты как-то не в себе.— Я удивился его словам: с того злополучного сеанса мы с ним не виделись. Он понял мое недоумение и пояснил: — Твой отец звонил и сказал, что ты странно ведешь себя.

Я ответил, что совершенно здоров, но хотел бы еще раз воспользоваться его прибором.

— А я его уже разобрал,— огорченно проговорил он.

Я вспомнил, что он носился с идеей публикации автобиографии, и вежливо поинтересовался, как продвигается книга. Профессор отмахнулся.

— Оставлю это на долю потомков: как известно, на все грандиозное следует смотреть издали. Нет, мне не дает прохода известный скульптор Гогли: он непременно хочет изваять мой портрет. Зачем-то для этого ему требуется подлинная обстановка лаборатории. Неясно, чем это поможет при работе, но ВМ пришлось-таки разобрать.

Удивительно, что на этот раз отсутствовал привычный пафос и самовозвеличивание, хотя повод был превосходный: Гоглит простых смертных не изображал! Но, по-видимому, мысли профессора занимали другие заботы, потому что он встрепенулся и решительно произнес:

— Даже если бы ВМ все еще стоял в лаборатории, я не позволил бы тебе даже приблизиться к нему. На твоих глазах разломал бы! Разумный вроде бы человек, а занимается самокопанием! — Ван Мандерпутц постепенно раскалялся.— Глупец! Ты рассмотрел один из несуществовавших вариантов: ты же не успел на самолет! И я, старый дурак, не удержал тебя от эксперимента! Хотя я тогда думал, что мой ученик обладает более устойчивой психикой. Ан, нет! Он, оказывается, неврастеник!

Я заметил ему, что сейчас уже ночь и не стоит бушевать на лестнице — того и гляди появится полисмен. Профессор утих, отворил дверь и жестом пригласил меня войти. Мы расположились в кабинете, и ван Мандерпутц совершенно спокойно заговорил:

— Я вот что имел в виду, Дик. Ты расстраиваешься из-за миража: того, что показал прибор, в действительности не могло существовать, потому что — я повторю это еще раз — ты на самолет опоздал. Уж если хочешь проследить судьбу пассажиров лайнера, обратись к документам. Неужели тебе не приходила в голову мысль просмотреть хотя бы газеты?

Самое смешное, что мне такая мысль действительно не приходила в голову. Профессор покопался в разваливавшейся стопе газет и, с торжествующим воплем

вытащив нужный экземпляр, протянул его мне. Ткнув костлявым пальцем в одну из колонок, он сказал:

— Вот здесь напечатан список спасенных.

Взгляд сразу же выхватил знакомое имя — Джоанна Колдуэл, и только после этого я прочитал всю заметку целиком.

Она содержала довольно подробный отчет об обстоятельствах катастрофы. Там упоминалась и гроза, и транспортный самолет, но ни слова о том, что наш лайнер вылетел из Нью-Йорка с опозданием. Далее указывались подробности спасения пассажиров, где себя весьма героически проявили члены экипажа, в том числе двадцатитрехлетний стюард Ордис Хоуп. Лично он спас восемнадцать человек и, почти теряя сознание, покинул лайнер, воспользовавшись проломом в колпаке обзорного салона. Именно ему приписывалось спасение и Джоанны Колдуэл...

Мне показалось, что я тоже вынырнул на поверхность после того, как чуть не задохнулся в пучине собственной фантазии. Однако я считал, что мне обязательно нужно встретиться с девушкой из лайнера, которая произвела на меня такое неизгладимое впечатление.

— Я обязательно разыщу ее,— твердо заявил я профессору, забирая у него газету.— Если даже для этого придется полететь в Париж.

* * *

Но пока я собирался отправиться на поиски Джоанны, появилась маленькая заметочка — просто комментарий к недавней трагедии. В ней говорилось, что служащий нью-йоркской авиакомпании, некий Ордис Хоуп, сочетался браком со спасенной им художницей, Джоанной Колдуэл. Что ж, может быть, все и к лучшему. Я был знаком с тезкой этой девушки, рожденной в приборе профессора ван Мандерпутца. Очень возможно, что мое подсознание — как одно из устройств ВМ — нарисовало идеальный образ женщины, которую сможет беззаветно полюбить Ричард Уэллс. Значит, теперь мне остается только искать реальное воплощение своей мечты. Как знать, может, еще не все потеряно?

ИДЕАЛ

— Уже скоро это создание моего разума заговорит и откроет нам все тайны мироздания,— объявил Роджер Бэкон, ласково поглаживая стоящий перед ним на пьедестале железный череп.

— Но как может заговорить железо, святой отец? — спросил изумленный послушник.

— Благодаря разуму человеческому, коий есть лишь искра разума Господня,— отвечал францисканец.— Благочестивый и мудрый человек обращает искусство Дьявола на Божью пользу и таким образом посрамляет врага нашего. Но чу! Звонят к вечерне! Plena gratia ave Virgo[1].

Но дни сменяли дни, а череп так и не заговорил. Железные губы молчали, железные глазницы оставались тусклыми. Но однажды, когда Роджер сочинял письмо к Дунсу Скотту в дальнюю колонию, в маленькой келье неожиданно зазвучал надтреснутый, хрипловатый, нечеловеческий голос.

— Время есть! — произнес череп, лязгая челюстью.

— В самом деле, время есть,— ничуть не удивившись, ответил doctor mirabilis[2]. — Ведь не будь времени, ничто в мироздании не могло бы свершаться...

— Время было! — воскликнул череп.

---

[1] Благодарю тебя, радуйся, Святая Дева! (лат.)

[2] Чудесный доктор (лат.), прозвище Роджера Бэкона.

— И в самом деле, время было,— согласился монах.— Ведь время — это воздух для событий. Материя существует в пространстве, а события — во времени.

— Время прошло! — прогудел череп голосом, глубоким, как церковные колокола,— и разбился на десять тысяч кусков.

— Это предание,— провозгласил старый Гаскел ван Мандерпутц, захлопывая книгу,— и натолкнуло меня на идею сегодняшнего эксперимента. Надеюсь, Диксон, ты далек от мысли, что Бэкон был средневековым мракобесом вроде того пражского раввина, создателя Голема.— Голландец погрозил мне своим длинным пальцем.— Нет! Роджер Бэкон был великим естествоиспытателем: он зажег факел, который его однофамилец Фрэнсис Бэкон подхватил четыре столетия спустя и который теперь вновь зажигает ван Мандерпутц.

Я почувствовал замешательство и легкий страх, совсем как послушник в легенде.

— Я даже не побоюсь сказать,— продолжал профессор,— что Роджер Бэкон — это ван Мандерпутц тринадцатого века, а ван Мандерпутц — это Роджер Бэкон двадцать первого столетия. Его Opus Majus, Opus Minos и Opus Tertium...

— В этих трудах вы нашли описание своего робота? — я указал на неуклюжий механизм, который стоял в углу лаборатории.

— Не перебивай! — рявкнул ван Мандерпутц.— Я буду...

В этот момент массивная металлическая фигура произнесла нечто вроде: «А-а-г-расп!» — и, высоко подняв руки, шагнула к окну.

— Что за черт! — воскликнул я.

— Должно быть, по переулку проехала машина,— равнодушно пояснил ван Мандерпутц.— Так, значит, как я говорил, Роджер Бэкон...

Я перестал слушать, сохраняя при этом на лице выражение полнейшей заинтересованности. Мне это было нетрудно, как-никак я уже несколько лет был студентом самоуверенного голландца. Пожирая профессора глаза-

ми, я думал вовсе не о мертвом Бэконе, а о весьма живой и теплой Типс Альве. Вы наверняка знаете этого маленького белокурого чертенка, который выкидывает антрашa на телеэкране вместе с толпой не менее темпераментных девиц из Бразилии. Хористочки, танцовщицы и телевизионные звезды — это моя слабость; возможно, какая-нибудь моя прапрабабушка тоже была из таких.

Сам-то я,— увы! — от театра далек. Я — Ричард Уэллс — сын и наследник Н. Дж. Уэллса, владельца корпорации нестандартной инженерии. Предполагается, что я и сам инженер; но как бы в творческом отпуске, потому что отец и на дюйм не подпускает меня к работе. Еще бы, он у нас человек-хронометр, а я неизбежно опаздываю — всегда и повсюду. Он считает, что я — проклятый вольнодумец и якобинец, хотя на самом деле я всего-навсего постромантик.

Старик Н. Дж. также возражает против моей склонности к дамам с творческой жилкой, а потому периодически грозится урезать мое содержание (так называемое жалованье).

Таков я. А это — мой профессор физики, глава отделения новой физики в Нью-Йоркском университете, человек гениальный, но немного эксцентричный. Кстати, он только что закончил речь.

— Таковы основные положения,— произнес ван Мандерпутц.

— А? Ох, разумеется! Но какое отношение имеет к этому ваш ухмыляющийся робот?

Он побагровел:

— Да я же только что все объяснил! Идиот! Кретин! Мечтать, когда говорит ван Мандерпутц! Убирайся! Вон отсюда!

Я и убрался. Все равно было уже поздно, так поздно, что назавтра я проспал дольше обычного и получил очередную головомойку от своего отца.

Ван Мандерпутц, по счастью, был отходчив. Когда через несколько дней я опять заглянул к нему, он как ни в чем не бывало опять принялся хвастаться своим роботом.

— Это просто игрушка, которую мне построили студенты,— объяснил он.— За правым глазом у него скрыт

экран из фотоэлементов. Когда они улавливают сигнал, начинает действовать весь механизм. Энергию он может брать из электро сети, и еще ему необходим бензин.

— Почему?

— Ну, он устроен по образцу автомобиля. Смотри сюда.— Он взял со стола детский игрушечный автомобильчик.— Так как у него работает только один глаз, робот не может видеть перспективу и отличать маленький предмет от большого, но удаленного. Этот автомобильчик и большой автомобиль за окном для него суть едины.

Профессор показал автомобильчик роботу. Немедленно раздалось: «А-а-г-расп!», робот, переваливаясь с ноги на ногу, сделал шаг, руки поднялись.

— Что за черт! — воскликнул я.— Зачем это?

— Я демонстрирую этого робота у себя на семинаре.

— Как доказательство чего?

— Силы разума,— торжественно провозгласил ван Мандерпутц.

— Каким образом? И зачем ему бензин?

— Отвечаю по порядку, Дик. Ты не в состоянии оценить величие концепции ван Мандерпутца. Так вот, слушай: это создание, при всем его несовершенстве, представляет собой машину-хищника. Оно словно тигр, затаившийся в джунглях у водопоя, чтобы прыгнуть на живую добычу. Джунгли этого чудовища — город; его добыча — излишне доверчивая машина, которая следует по тропам, называемым улицами. Понятно?

— Нет.

— Ну, представь себе этот автомат не таким, каков он есть, а таким, каким мог бы сделать его ван Мандерпутц, если бы захотел. Этот гигант скрывается в тени зданий; он крадучись ползет через темные переулки; неслышно ступает по опустевшим улицам, и его двигатель тихонько урчит. И вот он видит зазевавшийся автомобиль. Он делает прыжок. По металлическому горлу его жертвы щелкают стальные зубы; бензин, кровь его добычи, капает ему в желудок, точнее — в канистру. Насытившись, он отбрасывает пустую оболочку и

крадется в поисках новой жертвы. Это — плотоядная машина, тигр среди механизмов.

Я подумал, что мозги великого ван Мандерпутца дали трещину.

— Это,— продолжал профессор,— всего лишь одна из возможностей. С этой игрушкой можно играть во всякие игры. С ее помощью я могу доказать все что угодно.

— Можете? Тогда докажите что-нибудь.

— Что же, Дик?

Я заколебался.

— Ну же! — воскликнул он нетерпеливо.— Хотите, я докажу, что анархия — идеальная власть, или что рай и ад — одно и то же место, или...

— Как это? — не понял я.

— С легкостью. Сперва мы наделяем моего робота разумом. Добавим механическую память, склонность к математике, голос и словарный запас. Для этого понадобятся всего лишь мощный калькулятор и фонограф. А теперь вопрос: если я построю еще одну такую машину, будет ли она идентична первой?

— Нет,— ответил я.— Ведь машины строят люди, а люди не могут работать одинаково. Обязательно будет хотя бы крошечная разница: одна будет реагировать на мгновение быстрее; или одна станет предпочитать в качестве добычи «форд эксплореры», а другая — «кадиллаки». Иными словами, они будет иметь индивидуальность! — И я победно улыбнулся.

— Замечательно! — воскликнул ван Мандерпутц — Значит, ты признаешь, что эти индивидуальные черты есть результат несовершенства исполнения. Если бы наши средства производства были совершенными, все роботы были бы идентичными и этой индивидуальности не существовало бы. Верно?

— Я... я думаю — да.

— Тогда выходит, что наши собственные индивидуальные особенности есть следствия нашего изначального несовершенства. Все мы — даже ван Мандерпутц! — являемся индивидуальностями только из-за того, что мы несовершенны. Были бы мы совершенными — каждый из нас был бы в точности похож на всех остальных. Верно?

— Н-ну... да.

— Но рай, по определению, есть место, где все совершенно. А следовательно, в раю каждый в точности похож на всех остальных, и поэтому каждый изнывает от тоски! Ну как, Дик?

Я был загнан в угол.

— Но... тогда насчет анархии?

— Это просто. Очень просто для ван Мандерпутца. Имея совершенную нацию, то есть такую, которая состоит из идентичных идеальных граждан, можно считать, что законы и правительство абсолютно излишни. Если, например, возникает причина для войны, то каждый принадлежащий к этой нации человек в ту же самую секунду проголосует за войну. А поэтому в правительстве нет необходимости — стало быть, анархия есть идеальное правительство для идеального народа.— Он сделал паузу.— А теперь я докажу, что анархия — вовсе не есть идеальное правление!

— Не важно,— произнес я умоляющим тоном.— Не трудитесь. Кто я такой, чтобы спорить с ван Мандерпутцем? Но неужели в этом и заключается ваша цель? Робот для логических фокусов?

Механическое существо ответило мне своим обычным ревом — какая-то случайная машина промчалась мимо окна.

— Разве этого не достаточно? — проворчал ван Мандерпутц.— Однако,— голос его дрогнул,— есть еще кое-что! Мальчик мой, ван Мандерпутц разрешил величайшую проблему во Вселенной! — Он сделал паузу, чтобы насладиться эффектом, который произвели его слова.— Ну, что же ты ничего не говоришь?

— Ммм...— выдохнул я.— Это же... ммм... грандиозно!

— Не для ван Мандерпутца,— скромно сказал профессор.

— Но в чем же она? В чем эта проблема?

— Эээ... Ох, ладно. Скажу тебе, Дик.— Он нахмурился.— Ты не поймешь, новсе равно скажу.— Он кашлянул.— В начале двадцатого столетия,— начал он,— Эйнштейн доказал, что энергия квантуется. Материя также квантуется, а теперь ван Мандерпутц добавляет

к этому, что пространство и время дискретны! — Он многозначительно посмотрел на меня.

— Энергия и материя квантуются,— пробормотал я,— а пространство и время дискретны... Как это мило с их стороны!

— Глупец! — взорвался профессор.— Смеяться над ван Мандерпутцем! Я-то думал, что вбил тебе голову хотя бы элементарные понятия! Материя состоит из частиц, а энергия из квантов. Я добавляю сюда еще два других названия: частицы пространства я называю спатионами, а частицы времени — хрононами.

— И каковы они вблизи,— спросил я,— частицы пространства и времени?

— Да таковы, что их не разглядеть всякому остолопу! — взъярился ван Мандерпутц.— Точно так же, как кванты материи — это мельчайшие ее частицы, какие могут существовать; точно так же, как не может быть пол-электрона или, если на то пошло, полукванта,— точно так же хронон — самая малая частица времени, а спатион — мельчайшая частица пространства. Ни пространство, ни время не непрерывны, каждое из них состоит из этих бесконечно малых частиц.

— Да, но как долго продолжается хронон времени? И сколько это — спатион пространства?

— Ван Мандерпутц даже и это измерил. Хронон — это отрезок времени, необходимый для того, чтобы с помощью одного кванта энергии перевести электрон от одной орбиты к другой. Очевидно, более короткого отрезка времени не может быть, поскольку электрон — мельчайшая единица материи, а квант — мельчайшая единица энергии. А спатион — это в точности объем протона. Поскольку не существует ничего более мелкого, это, очевидно, мельчайшая единица пространства.

— Но послушайте же! — не сдавайся я.— А что же тогда существует между этими частицами времени и пространства? Если время движется, как вы говорите, толчками в один хронон, что происходит между этими толчками?

— А-а,— ответил мне великий ван Мандерпутц.— Теперь мы подходим к самой сути дела. Между частицами пространства и времени, очевидно, должно быть

нечто, что не является ни временем, ни пространством, ни материей, ни энергией. Сто лет тому назад Шепли некоторым образом предвосхитил ван Мандерпутца, когда провозгласил свою космо плазму — великую лежащую в основании всего матрицу, в которой укреплены пространство и время, и вся Вселенная. Так вот, ван Мандерпутц провозглашает всеобщую сингулярность — фокусную точку, в которой встречаются материя, энергия, время и пространство. Загадка Вселенной решена тем, что я решил назвать космонами!

— Потрясающе! — сказал я слабым голосом.— Но какой в этом прок?

— Какой в этом прок? — зарычал он.— Скоро ван Мандерпутц будет превращать энергию во время, или материю в пространство, или время в пространство, или...— Он погрузился в молчание.— Дурак! — пробормотал он.— Подумать только, что ты учился под руководством ван Мандерпутца! Я краснею, я и в самом деле краснею!

Вообще-то покраснеть ему не удалось. Его лицо всегда было цвета солнца в ветреный вечер.

— Колоссально! — вставил я поспешно.— Что за ум!

Это сработало.

— Но это еще не все! — продолжал он.— Ван Мандерпутц никогда не останавливается. Теперь я объявляю единицу мысли — психон.

Это было уже слишком. Я не находил слов.

— Имеете право онеметь,— согласился ван Мандерпутц.— Полагаю, вы знаете — хотя бы понаслышке — о существовании мысли. Психон, единица мысли, есть один электрон плюс один протон, которые связаны так, чтобы образовать один нейтрон, встроенный в один космон, занимающий объем одного спатиона, вытолкнутого одним квантом за период одного хронона. Совершенно очевидно и очень просто.

— О, очень! — откликнулся я.— Даже я способен понять, что это равняется одному психону.

Профессор так и просиял:

— Отлично! Отлично!

— А что,— решился спросить я,— вы будете делать с психонами?

— А-а,— загромыхал профессор.— Теперь-то мы возвращаемся к Исааку.— Он указал на неподвижного робота.— Я сделаю механическую голову Роджера Бэкона. В черепе этого создания будет скрываться такой интеллект, какой даже ван Мандерпутц не сможет... или точнее — один только ван Мандерпутц сможет осознать. Остается только сконструировать мой идеализатор.

— Ваш идеализатор?

— Разумеется. Разве я не доказал только что, что мысли так же реальны, как материя, энергия, время и пространство? Разве я не продемонстрировал только что, как одно может быть трансформировано в другое посредством космонов? Мой идеализатор предназначается для того, чтобы преобразовывать психоны в кванты, как, например, трубка Крукса или Х-трубка преобразуют материю в электроны. Я сделаю мысли видимыми! И не твои туповатые мысли, но мысли идеальные! Понятно вам? Психоны твоего мозга таковы, каковы и психоны любого другого, точно так же, как идентичны электроны золота и железа. Да! Твои психоны,— тут его голос дрогнул,— идентичны психонам мозга... ван Мандерпутца! — Он умолк, потрясенный.

— В самом деле? — Я задержал дыхание.

— В самом деле. Разумеется, их меньше, но они идентичны. И мой идеализатор продемонстрирует нам мысль, освобожденную от налета личности. Он покажет ее в идеале!

Что ж, я опять опоздал на работу.

Неделю спустя я вспомнил о ван Мандерпутце. Типс была где-то на гастролях, и я не осмеливался пригласить кого-то другого на ужин, потому что у малышки были несомненные задатки детектива. Так что я заглянул, наконец, к профессору, в его лабораторию в здании физического факультета. Он расхаживал вокруг стола, на котором помещалось невероятное количество трубочек и переплетенных проводов, а самым поразительным из всего было громадное круглое зеркало, огражденное тонкой решеткой.

— Добрый вечер, Дик,— приветствовал меня профессор.

Я поздоровался и спросил:

— Что это такое?

— Мой идеализатор. Грубая модель. Я как раз собираюсь его испытать.— Профессор устремил на меня свои сияющие голубые глаза.— Как удачно, что ты здесь. Это спасет мир от ужасной потери.

— Спасет мир?

— Да. Возможно, в ходе эксперимента пропадет слишком много психонов, и испытуемый будет потом страдать слабоумием. Я был близок к тому, чтобы испытать идеализатор на себе, но только подумай — как много потеряет мир, если пострадает мозг ван Мандерпутца. Но ты под рукой, и все выйдет отлично.

— Но... я не хочу!

— Полно, полно! — Профессор нахмурился.— Опасность ничтожна. На самом деле я сомневаюсь, выделит ли эта установка из твоего мозга хоть какие-то психоны. В любом случае примерно полчаса у нас есть. Я с моим обширным и более продуктивным умом, несомненно, смог бы выдержать бесконечное напряжение, но слишком велика моя ответственность перед миром. Ты должен ощущать законную гордость.

— Ну, а я ее что-то не ощущаю!

Хоть я и не пришел в восторг от его предложения, но знал, что в глубине души ван Мандерпутц меня любит и, не станет подвергать меня настоящей опасности. Кончилось тем, что я оказался сидящим за столом лицом к зеркалу.

— Загляните в эту трубку! — приказал профессор.— Важно, чтобы вы сосредоточились на зеркале.

Я выполнил приказание и спросил:

— А теперь что?

— Что ты видишь?

— Собственное лицо.

— Разумеется. Теперь я начинаю вращать рефлектор.

Послышалось слабое жужжание, и зеркало начало плавно поворачиваться.

— Теперь попытайся подумать,— продолжал ван Мандерпутц.— Задумай какое-нибудь существитель-

ное. Например, «дом». Если ты задумаешь дом, ты увидишь — нет, не определенный дом, но твой идеал дома, дом твоей мечты. Если же ты задумаете лошадь, то увидишь идеальную лошадь, такую, какую может создать мечта и желание. Ты понял? Выбрал предмет?

— Да.

В конце концов, мне было всего двадцать восемь, и разумеется, моей первой мысль было — «девушка».

— Хорошо,— сказал профессор.— Включаю цепь.

За зеркалом вспыхнуло голубое сияние. Мое лицо расплылось, но потом изображение стало вновь обретать форму. Я заморгал, не веря своим глазам: Она была здесь!

Бог мой! Как мне описать Ее?! Она была так хороша, что больно было смотреть.

Но я смотрел. Я должен был. Я видел это лицо — где-то... когда-то... В мечтах? Нет, внезапно я осознал, отчего оно кажется мне таким знакомым. Нос Ее, крошечный и дерзкий, принадлежал Уимзи Уайт; губы имели совершенный изгиб, как у Типс Альвы; лучистые глаза и волосы цвета южной ночи напоминали о Джоанне Колдуэл. Я вдруг подумал: какова же Ее улыбка?— и тут Она улыбнулась. И теперь Ее красота стала... ну, оскорбительной, что ли. Это был обман, жульничество, обещание, которое невыполнимо.

Я подумал, каково же все остальное, и тут же Она сделала шажок назад, чтобы я мог разглядеть Ее фигуру. Я, должно быть, в душе скромник, потому что на ней был весьма закрытый костюмчик из переливчатой материи, с юбкой до колен. Но фигурка у Нее была стройная и прямая, точно столбик сигаретного дыма в недвижном воздухе, и я знал, что Она может танцевать, точно облачко тумана на воде. Танцевать Она не стала, лишь присела в низком реверансе. Да, я, должно быть, в душе скромник; несмотря на Типс Альву, Уимси Уайт и всех остальных, моим идеалом была сдержанность.

И в этот момент я почувствовал, как ван Мандерпутц трясет меня и кричит:

— Твое время кончилось! Выходи из транса! Твои полчаса прошли!

— О-о-о-о! — простонал я.

— Как ты себя чувствуешь? — резко спросил он.

— Чувствую?

— Корень кубический из 4913?

С цифрами я всегда ладил.

— Это будет... ммм... семнадцать. А какого черта...

— Твои умственные способности в порядке,— объявил профессор.— Ну, так почему ты сидел, точно последний дурак, целых полчаса? Мой идеализатор должен был сработать, иначе и быть не могло с изобретением ван Мандерпутца, но о чем это ты размышляли?

— Я думал... я думал о «девушке»,— простонал я.

Он фыркнул:

— А-а! «Дом» или «лошадь» тебя не устроили? Ну, так ты можешь прямо сейчас начать забывать ее, потому что ее не существует.

— Но не можете ли вы... не можете ли вы...

— Ван Мандерпутц,— торжественно объявил он,— математик, а не чародей! Ты что, ждешь от меня, чтобы я материализовал для тебя идеал?

Когда в ответ я издал лишь стон, он продолжал:

— Теперь идеализатором могу воспользоваться я сам. Я возьму... ну, скажем, понятие «человек». Посмотрю, как выглядит супермен, потому что идеал ван Мандерпутца не может не быть суперменом.— Он уселся.— Включай же! Ну!

Я повиновался. Трубки загорелись нежным голубым светом.

— Эй,— произнес вдруг ван Мандерпутц.— Включай же, говорю! Ничего не вижу, кроме собственного отражения!

Я взглянул — и разразился смехом. Зеркало поворачивалось, трубки светились, установка работала.

На этот раз профессору удалось покраснеть.

Я истерически захохотал.

— В конце концов,— произнес он раздраженно,— можно иметь и более низменный идеал человека, чем ван Мандерпутц. Не вижу тут ничего смешного!

Я отправился домой, провел оставшуюся часть ночи в безумных мечтаниях, выкурил почти две пачки сигарет, а на следующий день не пошел на работу.

Типс Альва вернулась в город на выходные дни. Я даже не потрудился встретиться с ней, только позво-

нил по видеофону и сослался на болезнь. При этом я не мог отвести глаз от ее губ, потому что они напоминали губы идеала. Но губ было недостаточно, совершенно недостаточно.

Старик Н. Дж. начал беспокоиться. Я больше не мог спать допоздна по утрам, а после того, как прогулял тот единственный день, начал приходить на работу все раньше и раньше, пока однажды не случилось так, что я опоздал всего на десять минут. Он сейчас же мне позвонил.

— Слушай, Дик,— спросил он,— ты был у врача?

— Я не болен,— ответил я апатично.

— Тогда, во имя всего святого, женись ты на этой девушке! Не знаю уж, в каком именно хоре она топает ножками, женись на ней и веди себя опять как нормальное человеческое существо.

— Не могу.

— Ах, ты... Она уже замужем, да?

Ну, не мог же я признаться ему, что ее вообще не существует! Не мог я сказать, что влюбился в видение, в мечту, в идеал! Пришлось выдавить из себя мрачное «Угу».

— Ну, тогда ты это переживешь,— пообещал он,— Возьми отпуск. Возьми два отпуска. Все равно, здесь от тебя мало толку.

Я не уехал из Нью-Йорка: у меня просто сил не было. Я слонялся по городу, избегая друзей и мечтая о совершенной красоте лица из зеркала.

И через несколько дней я сдался. Я боролся со своим голодом, но все было бесполезно — в один прекрасный вечер я снова постучался в дверь ван Мандерпутца.

— Привет, Дик,— поздоровался он.— Тебе никогда не приходило в голову, что идеальный университет не может существовать? Естественно, нет, ведь он должен состоять из совершенных студентов и совершенных преподавателей, а в таком случае первым нечего будет заучивать, а последним — нечему учить.

— Профессор,— произнес я настойчиво,— могу я снова воспользоваться вашим... этой вашей штукой? Я хотел бы... увидеть кое-что.

Ван Мандерпутц резко поднял голову.

— Ах, так! — рявкнул он.— Значит, пренебрегаешь моим советом! Я же тебе сказал — забудь ее! Забудь, потому что она не существует.

— Но я не могу... Еще раз, профессор, только один раз!

Он пожал плечами.

— Ладно, Дик. Ты совершеннолетний, и предполагается, что у тебя зрелый ум. Я предупреждаю, что твоя просьба очень глупа, а ван Мандерпутц всегда знает, о чем он говорит. Но если тебе хочется утратить остаток рассудка — валяй. Это твой последний шанс, потому что завтра идеализатор ван Мандерпутца займет место в бэконовской голове Исаака. Исаак заговорит, и ван Мандерпутц услышит голос идеала.

Я смотрел — и не мог наглядеться. Когда я думал о любви, Ее глаза искрились такой нежностью, мне казалось, будто... будто я... я, Ричард Уэллс — Ее Абеляр, Тристан и Ромео. И я испытал муки ада, когда ван Мандерпутц потряс меня за плечо и рявкнул:

— Ну, хватит! Хватит! Время вышло!

Я застонал и уронил голову на руки. Профессор, разумеется, был прав: я согласен был расстаться с собственным рассудком, лишь бы видеть красавицу из зазеркалья. А потом я услышал, как голландец бормочет у меня за спиной:

— Странно! Даже фантастично. Эдип... эдипов комплекс на основе журнальных обложек и афиш!

— Что? — устало прошептал я.

— Лицо! — пояснил профессор.— Очень странно. Ты, вероятно, видел ее черты на сотнях журналов, на тысячах афиш, в бесчисленных шоу. Эдипов комплекс принимает странные формы.

— Что? Разве вы могли ее видеть?

— Конечно! — рявкнул он.— Или я не говорил десятки раз, что психоны преобразуются в кванты видимого света? Если ты ее мог видеть, почему я не могу?

— Но... что вы там говорите об афишах и прочем?

— Это лицо,— медленно выговорил профессор.— Оно, конечно, некоторым образом идеализировано, и некоторые детали не те. Глаза у нее не такие серебристо-голубые, не того мертвенного оттенка, какой ты

вообразил, они зеленые — зеленые, как море, изумрудного цвета..

— Какого черта,— спросил я хриплым голосом,— вы это о чем?

— Да об этом лице в зеркале. Случилось так, что оно мне знакомо!

— Вы хотите сказать — она реальна? Она существует? Она...

— Минутку, Дик! Она достаточно реальна, но в соответствии со своими привычками ты немного опоздал. Лет на двадцать пять, я бы сказал. Ей сейчас, наверное, лет пятьдесят... дайте сообразить,— года пятьдесят три, я думаю. Но во время твоего раннего детства ты мог видеть ее лицо повсюду: де Лизль д'Агрион, Стрекоза.

Я мог только сглотнуть комок в горле. Этот удар был убийственным.

— Видишь ли,— продолжал ван Мандерпутц,— идеал человека прививается очень рано. Вот почему ты постоянно влюбляешься в девушек, обладающих той или иной чертой, которая напоминает тебе о ней: ее волосы, нос, рот, ее глаза. Очень просто, но, пожалуй, любопытно.

— Любопытно! — взорвался я.— Любопытно, говорите. Всякий раз, когда я смотрю в ту или иную вашу хитрую штуковину, я оказываюсь влюбленным в миф! В девушку, которая умерла, или вышла замуж, или не существует, или превратилась в старуху! Любопытно, да? Очень смешно!

— Минутку,— прервал меня профессор.— Случилось так, Дик, что у нее есть дочь. Более того, Дениз похожа на свою мать. И мало того, на следующей неделе она приезжает в Нью-Йорк изучать в здешнем университете американскую литературу. Она, видите ли, пишет.

Это было слишком, чтобы осознать сразу.

— Как... откуда вы знаете? — выдохнул я.

Невероятно, но голландец смутился.

— Так случилось, Дик, что много лет тому назад в Амстердаме Гаскел ван Мандерпутц и де Лизль д'Агрион находились в дружеских... очень дружеских... более чем в дружеских отношениях, мог бы признаться, но,

если бы не то обстоятельство, что две такие сильные личности как Стрекоза и ван Мандерпутц, находятся в вечном противодействии...— Он нахмурился.— Я был почти ее вторым мужем. Их у нее было семь. Я полагаю, Дениз — дочь от ее третьего мужа.

— Почему же... почему она едет сюда?

— Потому что,— поведал он с достоинством,— ван Мандерпутц живет здесь. Я все еще друг Лизль.— Он повернулся и наклонился над сложной установкой, расположенной на столе.— Дайте-ка мне эту отвертку,— приказал он.— Сегодня я это демонтирую, а завтра вставлю в голову Исааку.

Но на следующей неделе, когда я в нетерпении примчался в лабораторию ван Мандерпутца, идеализатор все еще лежал на столе.

— Да. Она еще здесь,— сказал профессор, улыбаясь.— Я решил построить для Исаака новую. Более того, выражаясь словами Оскара Уайльда, кто я такой, чтобы портить произведение гения? В конце концов, эта установка — творение великого Мандерпутца.

Профессор намеренно терзал меня. Затем он смилостивился.

— Дениз! — позвал он.— Иди сюда.

Не знаю в точности, чего я ожидал, но определенно знаю, что перестал дышать, когда девушка вошла. Конечно, она не была точь-в-точь воплощением моего идеала; она была, вероятно, чуточку более хрупкой, а ее глаза и в самом деле были изумрудными. В глазах этих светилась дерзкая прямота, и я легко мог вообразить, почему ван Мандерпутц и Стрекоза вечно должны были ссориться; легко было себе это представить, глядя в глаза Дениз.

— Ах, вот оно что,— с холодком произнесла она, когда ван Мандерпутц представил меня.— Так это вы наследник корпорации Н. Дж. Уэллса? Так это ваши шуточки то и дело оживляют приложение к «Пари Сандей»? Разве не вы выбросили миллион долларов на рынок, чтобы задать вопрос Уимзи Уайт...

Я покраснел и начал оправдываться:

— Это сильно преувеличено. И вообще — я потерял эти деньги еще до того... до того, как мы... как я...

— Но не до того, как вы показали себя таким дурнем,— закончила она.

Если б она не выглядела так адски мило, если бы не напоминала так то лицо в зеркале, я бы вспыхнул, сказал: «Рад был познакомиться»,— и никогда больше не встретился с ней. Но не мог я на нее разозлиться, раз ее волосы так походили на сумерки, и она обладала такими совершенными губами и таким дерзко вздернутым носиком,— носиком моей мечты. Так что я встретился с ней снова, а потом еще несколько раз. Вообще-то я, наверное, занимал большую часть ее времени между двумя курсами по литературе. Понемногу я начал убеждаться, что она близка к моему идеалу. За ее нахальством прятались честность и прямота и даже доброта, так что я довольно быстро влюбился. Более того, я знал, что она отвечает мне взаимностью.

Такова была ситуация, когда однажды днем я зашел за ней и повел ее в лабораторию ван Мандерпутца. Мы условились втроем пойти на ланч в университетский клуб, но обнаружили, что профессор проводит какой-то опыт в большой лаборатории. Так что мы с Дениз вернулись в маленькую комнату, чтобы поболтать тет-а-тет.

— Я собираюсь стать очень хорошей писательницей,— мечтательно говорила она.— Когда-нибудь, Дик, я буду знаменитой.

Ну, все теперь знают, что это святая правда. Я тотчас же с ней согласился. Она улыбнулась:

— Ты милый, Дик. Очень милый.

— Очень?

— Очень,— повторила она с чувством.

Я надеялся на продолжение столь удачно начавшейся беседы, но к сожалению, ее внимание привлек идеализатор.

— Что это за безумное изобретение дяди Гаскела? — спросила она.

Я объяснил, боюсь, несколько невнятно. Тем не менее Дениз уловила суть, и в ее глазах вспыхнул изумрудный огонек.

— Это потрясающе! — воскликнула она, поднялась и шагнула к столу.— Я хочу это испробовать.

— Лучше не надо, это может быть опасно.

Зеленые глаза блеснули ярче.

— Но мне можно,— твердо сказала она.— Дик, я хочу... хочу увидеть моего идеального мужчину!

Я был в панике. А что, если ее идеал окажется высоким темноволосым и сильным, а вовсе не полноватым коротышкой с волосами песочного цвета?

— Нет! — горячо запротестовал я.— Я тебе не позволю!

Она опять засмеялась.

— Не будь глупеньким. Дик!

Она села, заглянула в трубку и скомандовала:

— Включай же!

Увы! Я не мог ей отказать. Я заставил зеркало вращаться, потом повернул рубильник. И тут же немедленно встал у нее за спиной, скосив глаза на появившееся в зеркале отражение.

Я весь задрожал. Кажется, идеальный мужчина Дениз не был брюнетом. Нет, определенно, его волосы были светлыми. Я даже начал воображать, что нахожу сходство с моими чертами. Вероятно, Дениз что-то заподозрила, потому что вдруг отвела глаза от зеркала и подняла голову, слегка покраснев от смущения, что было для нее крайне необычно.

— Как скучны идеалы! — объявила она.— Мне нужно настоящее потрясение. Знаешь, на что я собираюсь посмотреть? Хочу увидеть идеальный ужас. Вот что я сделаю. Я посмотрю на абсолютный ужас!

— Нет, ты с ума сошла! Я запрещаю! Это действительно опасно.

Из другой комнаты я услышал голос ван Мандерпутца:

— Дик!

— Опасно — чушь какая! — отрезала Дениз.— Я же писательница, Дик. Все это для меня — материал. Это же просто опыт, и он мне нужен.

Опять голос ван Мандерпутца:

— Дик! Дик! Иди же сюда!

— Послушай, Дениз,— обратился я к ней,— я сейчас вернусь. Будь паинькой, ничего не трогай, пожалуйста!

Я кинулся в большую лабораторию. Ван Мандерпутц распекал своих перепуганных ассистентов.

— Эй, Дик! — взревел он.— Объясни-ка этим дурням, что такое клапан Эммериха и почему он не действует в потоке свободных электронов! Пусть увидят, что это знает даже обыкновенный недалекий инженер.

Ну, вообще-то обыкновенный инженер этого не знает, но так уж случилось, что я знал. За год или за два до того я выполнял кое-какую работенку с турбинами в Мэне, а они там используют клапаны Эммериха, чтобы избежать большой утечки электричества из своих конденсаторов огромной мощности. Вот я и начал объяснять, а ван Мандерпутц время от времени вставлял замечания в обычном дружелюбном тоне; короче, освободится я смог только через полчаса. И тут же кинулся к Дениз.

Конечно же, девушка сидела, прижав лицо к проклятой трубке!

— Дениз! — вскричал я.— С тобой все в порядке? Дениз!

Она не пошевелилась. Я просунул голову между зеркалом и концом трубки — и то, что я увидел, меня просто ошеломило. Знаете, когда умный режиссер хочет вас напугать, он не показывает чудовище — он показывает лицо человека, который это чудовище увидел. Так вот, прелестное лицо Дениз сейчас могло напугать кого угодно. Так всеобъемлющ был застывший на нем невыразимый, непереносимый ужас.

Я кинулся к рубильнику.

Дениз не пошевелилась, даже когда трубки потемнели. Я оторвал ее от стола, повернул лицом к себе. Она вскочила со стула и кинулась прочь.

— Дениз! — закричал я.— Это же только я, Дик. Посмотри же, Дениз!

Но, как только я хотел подойти к ней, она отчаянно вскрикнула и упала в обморок.

И вот — неделю спустя я сидел перед ван Мандерпутцем в его маленьком кабинете. Исаак исчез, а стол, где находилась установка, опустел.

— Да,— сказал ван Мандерпутц.— Я ее размонтировал. Одна из немногих ошибок ван Мандерпутца — оставить ее там, где парочка олухов вроде вас с Дениз могла до нее добраться. Кажется, я всегда переоцениваю интеллект других людей.

Я ничего не ответил. Я находился в состоянии крайней депрессии и был готов соглашаться с профессором.

— Отныне,— резюмирован ван Мандерпутц,— не доверяю ни чьему разуму, кроме своего собственного. Даже голове Бэкона. Я оставил этот проект, потому что, если как следует подумать, зачем миру механический мозг, если у него есть ум ван Мандерпутца?

— Профессор,— внезапно вырвалось у меня,— почему мне не разрешают увидеться с Дениз? Я приходил в больницу каждый день, и меня впустили к ней в палату только один раз — всего только раз, и с ней тут же случился истерический припадок. Почему? Что, она...— я сглотнул комок стоявший в горле.

— Она поправляется, Дик.

— Тогда почему мне нельзя ее видеть?

— Ну,— спокойно сказал ван Мандерпутц,— ты сделал ошибку, просунув свое лицо перед зеркалом. Она увидела тебя посреди того кошмара, который сама вызвала. Понимаешь? С той минуты твое лицо ассоциируется в ее мозгу со идеальным ужасом.

— Боже, Боже мой! — выдохнул я.— Но ведь она это преодолеет, правда же? Она забудет...

— Молодой психиатр, который ее лечит,— способный парень, кстати, он разделяет некоторые мои идеи — верит в то, что она от этого избавится месяца за два. Но лично я, Дик, не думаю, что когда-нибудь ей доставит удовольствие вид твоего лица, хотя я сам повидал на своем веку физиономии куда более безобразные.

— Послушайте! — взмолился я.— Послушайте, профессор! Почему бы вам не привести ее снова сюда и не дать ей взглянуть на идеально прекрасного мужчину? И тогда я... я просуну свою физиономию на это изображение! Это... это не может не подействовать!

— Быть может,— произнес ван Мандерпутц,— но, как всегда, ты чуточку опоздал.

— Опоздал? Почему? Вы же можете снова наладить ваш идеализатор! Вы ведь можете превращать время в пространство, а электроны в кванты!

— Ван Мандерпутц — само великодушие,— произнес он со вздохом.— Я с радостью сделал бы это, но все-таки теперь уже немножечко поздно, Дик. Видишь ли, сегодня в полдень она вышла замуж за этого талантливого молодого психиатра.

Ну что ж, сегодня вечером у меня свидание с Типс Альвой, и я собираюсь на него опоздать — ровно на столько, на сколько мне захочется. А потом я весь вечер буду любоваться ее идеальными губами.

ЗА ПОЯСОМ АСТЕРОИДОВ

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ПИРАМИДА

Случалось ли вам когда-нибудь остаться разом без еды, без денег и без крыши над головой? Тогда вы легко сможете представить себе мое настроение в тот вечер, когда в мою комнату заглянул капитан Гаррис Хэншоу. Уточню, это была моя комната на ближайшие двадцать четыре часа, потом я должен был или полностью расплатиться, или выматываться ко всем чертям.

Неплохое положение для парня, который совсем недавно поднимал в небо ракеты, не так ли? Но я уже полтора года был безработным пилотом — отсюда все мои проблемы.

Я даже головы не поднял, когда услышал стук в дверь,— я ведь знал, что это может быть только квартирная хозяйка.

— Не время еще! — рявкнул я.— Имею право здесь сидеть!

— Ты имеешь полное право и дальше корчить из себя чертова дурня! — произнес Хэншоу.

— А что случилось? — спросил я, открывая дверь.— Поздновато для соболезнований, тебе не кажется?

— Пришел нанять тебя на работу,— отвечал он.

— Да-а? Должно быть, роскошное местечко. Возить в тачке песок или стричь травку на лужайках? Я ведь, черт возьми, такой голодный, что почти готов за это взяться — почти, но не совсем.

— Это работа пилота,— преспокойно заявил Хэншоу.

— Да кому нужен пилот с желтой карточкой? Кто доверит свой корабль трусу? Ты что, не знаешь, что Джека Сэндза навсегда вышвырнули?

— Заткнись, Джек,— коротко оборвал он меня.— Я предлагаю тебе работу под моим началом — пилотом в новой межпланетной экспедиции на Европу.

Тут уж я начал злиться. Понимаете ли, я ведь как раз возвращался с Европы, третьей луны Юпитера, когда укокошил гандерсоновское оборудование, и теперь у меня появилась дикая мысль, что Хэншоу просто пришел посмеяться над Джеком-недотепой.

Но он вовсе не шутил.

— Мне нужен пилот, которому я могу доверять, Джек.— Вот в точности его слова.— Не знаю ничего о твоей аварии с «Герой»: я как раз на Венере был. Но я тебя видел в деле и готов взять в команду.

— Слушай, Гаррис,— сказал я.— Если ты меня берешь, то послушай по крайней мере правду. Я угробил Гандерсона и его оборудование, верно, только второй пилот, этот чертов Крацка, забыл упомянуть некоторые подробности. Да, вахта была моя, правильно, но он не позаботился сообщить комиссии по расследованию, что до того я отдежурил его вахту — а потом еще свою. Я отдежурил две долгие вахты, а потом еще одну.

— Две долгие? — изумился Хэншоу.— Ты хочешь сказать — ты отдежурил шестнадцать часов перед вахтой приземления?

— Именно об этом я и говорю. Я тебе скажу то же самое, что говорил комиссии по расследованию, может быть, ты мне и поверишь. Они не поверили. Дело в том, что мой кристально честный напарничек любил заложить за воротник. Так что, когда он заявился на мостик, мягко говоря, не в форме, я отослал его проспаться и доложил об этом Гандерсону. Ну а что тот мог сделать? Достать из кармана запасного пилота? Ну и пришлось мне сажать. А у «Геры» был свой норов — она всегда при взлете-посадке любила малость порыскать носом — как спаниель в камышах. В обычном состоянии я с этим справлялся. Но, честно говоря, после шестнадцати часов вахты соображалка уже почти не варит. А напарничек спать не пожелал — вместо этого

он торчал у меня за спиной и каркал под руку. До столбиков оставалось семьдесят футов, когда «Гера» резко дернулась, и Крацка прямо рехнулся.

Я заколебался.

— Не знаю в точности, как дело было. У меня ведь глаз на затылке пока нет. Крацка возился возле воздушного шлюза. Вдруг он завопил: «Она переворачивается!» — и ухватился за клапан. Я и глазом моргнуть не успел, как он открыл воздушный шлюз. Ну, мы были всего за семьдесят футов — даже еще меньше — над полем. Мы упали вниз, как переспелое яблоко с дерева. У меня не было времени даже пошевелиться. А о том, что дальше случилось, ты можешь прочесть в газетах.

— Только не это,— возразил Хэншоу.— Заканчивай сам.

— Двигатели взорвались. Крацка сломал запястье. Меня выкинуло из рубки управления и как следует приложило. Гандерсон и его профессора превратились в пятна на посадочном поле. Свидетели ничего толком не разглядели. Конечно, видели, как кто-то выпрыгнул с носа корабля после того, как двигатели гикнулись, но кто мог определить, который это из нас? И взрыв шарахнул по всему полю, так что было не разобрать, где что и где кто.

— Значит, были его показания против твоих?

— Да, должно быть. Но на поле знали, что вахта была моя, потому что я разговаривал с Землей, а кроме того, Крацку первого допросили. Я даже и не знал ничего обо всей суматохе, пока не очнулся в Большом Госпитале Милосердия две недели спустя. К тому времени Крацка уже дал показания, и я оказался козлом отпущения.

— Но как же комиссия по расследованию?

Я нахмурился.

— Конечно, была комиссия по расследованию. Но ведь я докладывал Гандерсону, а он не мог свидетельствовать в мою пользу. А Крацка исчез.

— Они что, не могли его найти?

— Во всяком случае, я ничего об этом не знаю. Мы подобрали его в Нордвиле на Ио, потому что с Бриггзом

приключилась лихорадка. Я его и не видел вообще, кроме тех минут, когда мы сменяли друг друга, а ты же знаешь, каково это, когда видишь человека только в рубке управления, да еще солнце слепит.— Я помолчал.— Вот поймаю я его однажды...

— Надеюсь,— резко выговорил Хэншоу.— Ну, теперь о светлом будущем. В состав экспедиции, кроме нас с тобой, входят Стефан Коретти, специалист по физической химии, да Ивар Гогрол, биолог. Это научный персонал.

— Да, но кто мой напарник-пилот? Вот что мне интересно.

— Разумеется,— согласился Хэншоу и кашлянул.— Твой напарник — Клер Эйвори.

— Клер Эйвори?

— Именно так,— хмуро подтвердил капитан.— Золотая Вспышка собственной персоной. Единственная женщина-пилот, имя которой записано на чаше Кэри. Победительница гонок Зенита в этом году.

— Она не пилот,— огрызнулся я.— Она гончая, получившая хорошую рекламу. Я так заинтересовался, что отдал десять баксов, чтобы увидеть эти гонки. Она была девятой, обогнувшей Луну. Девятой! Ты знаешь, как она победила? Гнала свою ракету практически при полном ускорении всю обратную дорогу, а потом тормозила в атмосфере, как метеор. Только метеоры, знаешь ли, сгорают. Вот что она сделала — рискнула, и ей повезло. Почему ты нанимаешь богатую идиотку, склонную к рискованным предприятиям, на такую работу?

— Я ее не нанимал, Джек. Ее наняла межпланетная служба — в рекламных целях. Межпланетная служба хочет показать себя добрым покровителем исследовательских работ. Так что Клер Эйвори берут для телевидения и газет, а тебя будут вежливо игнорировать. Если такой расклад тебя устраивает, то лови! — Он бросил мне конверт.— Посмотрим, как долго ты удержишь эту лицензию.

Один только вид знакомого голубого бланка заставил меня забыть Крацку, Клер Эйвори и даже голод!

Разумеется, меня узнали, как только я присоединился к группе возле ракеты. Нам предоставили «Минос», старый корабль, но по виду можно было сказать, что управляться с ним будет нетрудно.

Клер Эйвори в жизни была даже лучше, чем на телеэкране. Пронзительно-синие глаза, золотые волосы. Золотая Вспышка, как называли ее газетчики. Уф-ф-ф!

Когда меня ей представили, она удостоила меня самым холодным кивком из всех возможных, как будто спешила заверить журналистов, что вовсе не по своему выбору она оказалась в одной команде с Джеком Сэндзом, обладателем желтой карточки. Коретти и Горгол были столь же нелюбезными. Я определенно встречался с Горголом раньше, но в этот момент не мог вспомнить где.

Ну так вот, наконец-то речи умолкли, фотографы всласть наснимали Золотую Вспышку, и мы с ней вошли в рубку управления. На взлете солировала наша неподражаемая Клер, а я был на подхвате.

Она оказалась еще хуже, чем я ожидал. «Минос» был прекрасно сбалансированным кораблем, но она его раскачивала, точно колыбель младенца. Она принимала передачу от радиостанции на поле, и до меня доносилось повизгивание репортеров: «...тяжело нагруженный. И вот — корабль снова раскачивается. Но вот он набирает высоту. Теперь огни перестали колебаться, пламя выходит красивым столбом. Трудный взлет, даже для Золотой Вспышки». Трудный взлет! Тьфу ты!

Я наблюдал за красным поплавком, указателем горизонта, и это оказалось кстати. Внезапно поплавок едва не вылетел из трубки, и я услышал, как девушка испуганно сглотнула воздух. Это больше не было качанием колыбели — мы по-настоящему накренились!

Я сильно шлепнул ее по рукам и вцепился в рычаг. Полностью отключил нижние двигатели, предоставив кораблю свободно падать, потом пустил поток пламени через правые боковые. С трудом, но мы выровнялись, и я пустил в ход двигатели, прежде чем мы потеряли сотню футов высоты. А внутреннее радио все еще болтало: «Они накренились! Нет, они снова выравнивают-

ся, но что это был за крен! Она настоящий пилот, эта Золотая Вспышка!»

— Золотая Вспышка! — повторил я не без сарказма.

— Желтый Джек! — отрезала она.

До самой Европы мы не сказали друг другу ни слова.

Расписание полета было составлено так, что я обычно ел и спал одновременно с Коретти, а Горгол и Хэншоу жили в одном ритме с Клер. Коретти держался довольно прохладно, но не задирался, а потому, можно сказать, мы ладили.

Так тянулись утомительные недели пути. Солнце сжалось до одной пятой своего обычного диаметра, зато Юпитер вырос в громадную сферу и закрыл полнеба своими кольцами.

Европа — цель нашего путешествия — в некотором роде самая странная малая планета Солнечной системы. На поверхности, обращенной к Юпитеру, видны горы и лощины: у Европы, как и у Луны, одна сторона поверхности всегда обращена к ее планете. Здесь, в обширных впадинах, собирается вся скудная атмосфера этого крошечного мирка, здесь же собрана вся вода в виде небольших озер и прудов в долинах между горными хребтами, которые часто пронизывают тоненький слой воздуха и тонут в пустоте космоса.

В астрономических таблицах Европа прозаически характеризуется рядом цифр: диаметр — 2099 миль., период — 3 дня, 13 часов, 14 секунд, расстояние от планеты — 425 160 миль. В астрономических таблицах нет сведений о тонкой пленке жизни в долинах, о потоках воздуха, омывающих горные склоны, о влиянии на эти потоки приливов и отливов Юпитера, не говорится о спорах, которые иногда путешествуют по воздуху от долины к долине, а иной раз и между спутниками Юпитера.

И ни в одной таблице вы не найдете сведений о странных существах, которые то и дело выползают из воздушных озер на купающиеся в вакууме вершины.

Покойный Гандерсон почему-то называл их «леопардами».

Согласно расписанию, мы должны были приземлиться к концу долгой вахты Клер. Я выбрался из своей каюты на час раньше и поднялся в рубку. Хэншоу попросил меня указать место посадки предыдущей экспедиции, а заодно я собирался ненавязчиво проконтролировать действия нашей красавицы. Мы находились на расстоянии семидесяти или восьмидесяти миль от поверхности, но здесь не было ни облаков, ни воздушных помех, и долины лежали под нами, точно рельефная карта.

Несмотря на это, адски трудно было найти долину Гандерсона; выжженная нашими двигателями площадка с тех пор заросла, и я мог положиться только на свою память, потому что, разумеется, все карты были потеряны вместе с «Герой».

Через некоторое время я узнал ряд узких параллельных долин и указал Клер на солончаковое озеро в центре одной из них.

— Вот здесь. Но имейте в виду — она узкая и глубокая, трудное место для посадки.

Она бросила на меня испепеляющий взгляд, но ничего не сказала. Однако у меня из-за спины неожиданно послышался чей-то голос:

— Левее! То, что нам нужно,— левее. Оно... там легче сесть.

Гогрол! Ничего себе!

— Выйдите из рубки! — рявкнул я.

Он пробормотал что-то и вышел. Но я засомневался. «Легче приземлиться» — это был полный бред, но долина выглядела чертовски знакомой! На самом деле я вовсе не был уверен, но вроде бы Гогрол указал на долину Гандерсона.

Клер нервно закусила губу. «Минос» уже начал наклоняться под неопытной рукой девушки. Хотя это не было опасно, пока нас отделяло от планеты еще десять или двенадцать миль, но ее поверхность упорно приближалась.

— Осторожнее, мэм! — посоветовал я.— Здесь нет атмосферы, в которой так удобно гасить лишнюю скорость.

Внезапно она завизжала:

— Так возьмите! Возьмите!

И сунула рычаг мне в руки. А потом отпрянула и сжалась в комок, безутешно рыдая, а ее золотые волосы рассыпались по лицу.

Я взял на себя управление, выбора у меня не было. Я выровнял «Минос», а затем начал опускаться на вспомогательных двигателях. Это было нетрудно: при низкой силе тяжести на Европе ускорение свободного падения также было ниже привычного, и у меня оставалась уйма времени для маневров.

Я начал понимать, как позорно мало знала Золотая Вспышка о вождении ракеты, и, вопреки самому себе, почувствовал к ней сильную жалость. Но зачем ее жалеть? Каждому известно, что Клер Эйвори — попросту богатая сорвиголова, испорченная деньгами и репортерами-подхалимами. Чтобы всеми презираемый Джек Сэндз ее жалел? Вот смеху-то!

Нижние двигатели нагрелись и брызнули пламенем, превращая бурую поверхность долины в черную золу, смешанную с огнем. Теперь я опускался очень медленно, потому что ничего было не видно внизу, кроме огненной поверхности взрывной волны, и я следил за показателем горизонта, словно от этого зависела моя жизнь — впрочем, так оно и было.

Я знал, что разбрызгивание огня начинается в такой плотности воздуха на высоте четырехсот футов, но дальше возможны были только догадки. А нам нужно было приземлиться достаточно медленно, чтобы не повредить корму. И, раз уж я об этом упоминаю, мы сели очень мягко. Я даже не думаю, что Клер Эйвори это почувствовала, пока я не отключил двигатели.

Она смахнула слезы рукавом и с вызовом взглянула на меня, но прежде чем она успела заговорить, Хэншоу открыл дверь и похвалил:

— Отличная посадка, мисс Эйвори!

Клер встала. Она вся дрожала, и я думаю, при земном притяжении она бы упала назад, в пилотское кресло, потому что я видел, как трясутся ее колени.

— Посадила не я,— созналась она хмуро.— Это мистер Сэндз опустил нас на поверхность.

И тут моя жалость достигла высшей точки.

— Но ведь это не моя вахта,— напомнил я.— Смотрите! — Хронометр показывал три минуты до начала моего дежурства.— Мисс Эйвори выполнила всю тяжелую работу...

Но она уже ушла.

Жизнь на Европе началась буднично. Понемногу мы понизили атмосферное давление в «Миносе», чтобы согласовать его с внешним. Сначала с Коретти, а потом с Клер Эйвори случились приступы высотной болезни, но на исходе двадцатого часа все мы достаточно акклиматизировались.

Мы с Хэншоу первыми отважились выйти на поверхность планеты. Я тщательно изучил долину, но все эти каньоны и канавы сильно смахивают друг на друга. Я помнил, что высоко на скале, в том месте, где мы тогда посадили «Геру», росли поющие кустарники, но теперь из-за наших двигателей все кусты в округе превратились в горстку золы.

Не удалось также найти приметного узкого ущелья, ведущего в соседнюю долину.

— Боюсь, что я пролетел мимо долины Гандерсона,— признался я капитану Хэншоу.— Наверное, она следующая слева, а с этой она соединяется проходом. Если я прав, то сюда я ходил несколько раз на охоту.

Внезапно я вспомнил, как Гогрол указывал на левую долину.

— Говоришь, проход есть? — задумчиво повторил Хэншоу.— Тогда лучше останемся здесь. Можно ходить в долину Гандерсона и там работать. Ты уверен, что нам не придется использовать кислородные шлемы?

— Если это та самая тропа, я уверен. Но с чем работать в долине Гандерсона? Я думал — это исследовательская экспедиция.

Хэншоу бросил на меня быстрый взгляд и отвернулся. И тут я увидел, что Гогрол смотрит в иллюминатор

«Миноса». Я подошел поближе к капитану, но в этот момент люк открылся и вышла Клер Эйвори.

Она посмотрела на Хэншоу, который внимательно изучал выжженный участок почвы, где покоился «Минос», а потом вдруг направилась ко мне.

— Джек Сэндз,— произнесла она с некоторым вызовом,— я должна извиниться. Не думайте, что я прошу извинения за мое мнение о вас,— нет, только за то, как я себя вела по отношению к вам. В таком тесном обществе, как это, нет места для вражды, и, насколько это от меня зависит, ваше прошлое с настоящей минуты — ваше личное дело. Более того, я хочу вас поблагодарить за вашу помощь во время взлета и во время посадки.

Я так и вылупился на нее. Ведь это извинение должно было стоить ей немало, потому что Золотая Вспышка была гордая молодая леди, и я заметил, как она моргает, чтобы скрыть слезы. Я сказал примирительно:

— О'кей. Вы придерживаете свое мнение обо мне про себя, а я поступаю так же с моим мнением о вас.

Она покраснела, потом улыбнулась и признала:

— Наверно, я паршивый пилот. Терпеть не могу взлеты и посадки. По правде говоря, «Миноса» я просто боюсь. До того времени, как мы выбрались с Янг Филд, я едва ли управляла чем-нибудь побольше своей маленькой гоночной ракетки.

— Но зачем? — спросил я в полной растерянности.— Если вы настолько терпеть не можете управлять ракетой, зачем этим заниматься? Только для рекламы? Да со всеми вашими деньгами вам и реклама не нужна, вы же знаете.

— О, с моими деньгами! — раздраженно повторила девушка. Она отвела взгляд и неожиданно вздрогнула.— Смотрите! — воскликнула она.— Там, над вершинами, что-то движется — похоже на большой шар! И высоко, где совсем нет воздуха!

Я поднял голову.

— Это всего лишь пузыристая птица,— объяснил я с равнодушным видом.

Я-то много таких повидал, они были самыми простыми подвижными формами жизни на Европе. Но

Клер, конечно, встречалась с ними впервые, и ей было ужасно интересно.

Я объяснил, что эти существа способны перелетать из долины в долину, а воздух они несут с собой в своих громадных пузырях, похожих на воздушные шары. И, разумеется, пузыристые птицы вовсе и не птицы: они не летают, а скользят, как лемуры или белки-летяги на Земле. Я даже бросал камни в зазвеневший поющий кустарник до тех пор, пока не вспугнул другую птицу, и та проплыла у нас над головами, паря на своих упругих мембранах.

Глаза у Клер разгорелись. Я подвел ее поближе к поющему кустарнику, чтобы она могла послушать музыку дышавших листьев; потом проводил ее вниз к солончаковому озеру в центре долины, чтобы отыскать несколько примитивных существ, которых Гандерсон и его команда называли «орешками», потому что они очень напоминали грецкие орехи в скорлупе. Мы брели по долине, и я говорил без устали. В конце концов, весь полет мне пришлось играть в молчанку. Я рассказывал ей о разных формах жизни, обнаруженных на планетах; о том, что на Марсе, Титане и Европе существа бесполы, а на Венере, на Земле и на Ио двуполы; и о том, что на Марсе и на Европе животная и растительная жизнь до конца не разделились; так что даже разумные наделенные клювами марсиане обладают растительными чертами, а поющие кусты на холмах Европы имеют метаболизм животных. И так мы бесцельно бродили, пока не оказались перед узкой тропинкой, которая, очевидно, вела в долину Гандерсона.

Мой взгляд привлекло какое-то движение высоко на склоне горы. Пузыристая птица, подумал я беспечно, хотя высота была слишком мала — обычно они раздувают свои пузыри на верхней кромке атмосферы. И тут я увидел, что это не пузыристая птица, а человек. На самом деле это был Гогрол.

Он выходил из ущелья-тропы, воротник его был обмотан вокруг горла, чтобы защититься от холода высоты.

— Гогрол! — воскликнула Клер.— Он, наверное, побывал в следующей долине. Стивен захочет...— она поспешно умолкла.

— Почему это,— спросил я мрачно,— ваш друг Коретти так заинтересован в действиях Гогрола? В конце концов, предполагается, что Гогрол — биолог, не так ли? Почему бы ему и не заглянуть в соседнюю долину?

Ее губы сжались.

— Почему бы и нет? — согласилась она.— Почему бы и нет?

И с этой минуты Клер хранила упорное молчание.

В этот вечер Хэншоу перестроил наше расписание, так что теперь мы могли работать и отдыхать все вместе. Настоящая ночь на Европе наступает примерно раз в три дня, когда на небосклоне остаются только Юпитер и Ио. Так что света для работы на поверхности там всегда достаточно.

На следующее же утро я припер Хэншоу к стенке. Капитан, нет слов,— личность священная, но я не люблю когда меня водят за нос.

— Скажи мне, Гаррис,— потребовал я,— что такое происходит в этой экспедиции, о чем знают все, кроме меня? Если это исследовательская группа, тогда я эмир ярклендский. Так вот, я хочу знать, в чем дело.

Хэншоу покачал головой.

— Не могу тебе сказать, Джек. Я сожалею, но ничего не скажу.

— Почему?

Он поколебался:

— Потому что у меня есть приказ, Джек.

— Чей приказ?

Хэншоу затряс головой:

— Будь он проклят! — произнес он яростно.— Я-то тебе доверяю. Но выбор не мой.— Он выдержал паузу.— Ты это понимаешь? Ну и ладно! Тогда — никаких вопросов. Задавать вопросы и отдавать приказы буду я.

Тогда я решил пораскинуть мозгами.

Если бы Межпланетное Общество искало для себя выгодной рекламы, они не стали бы подписывать контракт со мной. Более того, правительство не имело привычки возобновлять уволенному пилоту лицензию без уважительной причины, просто из симпатии.

Кроме того, я имел возможность перекинуться парой слов с Коретти, и его химическое образование вызывало у меня сильные сомнения. Или в экспедицию подобрали одних неумех, вроде Клер Эйвори?

Что ж, теперь с этим уже ничего не поделаешь. Я подавил отвращение (ненавижу вранье) и постарался просто помогать другим в их работе, не демонстрируя при этом свою паранойю. Но это было трудновато, потому что то и дело случались всяческие подозрительные эпизоды.

Например, однажды Хэншоу решил, что хорошо бы разнообразить наше питание. На Европе любая форма жизни была съедобна, хотя не все годилось на стол гурмана. Но я, как старожил, знал одно подходящее растение — оно состояло из единственного мясистого отростка величиной с ладонь; на «Гере» мы называли его «печеночным листом» из-за соответствующего вкуса.

Капитан поручил нам с Коретти собрать запас этого деликатеса. Я продемонстрировал химику образец, а затем пустился на поиски по левому берегу солончакового озера, предоставив в распоряжение Корретти правый берег.

Но не успел я уйти далеко, как заметил, что он перебрался на мой край озера. Это ничего не означало: он был волен искать печеночные листья в любом месте, но для меня вскоре стало очевидным, что он ничего не ищет. Он шел за мной, не спуская с меня глаз.

Я, конечно, разозлился, но решил этого не показывать. Я пробирался вдоль озера, складывая сочные листья в корзину, пока не дошел до дальнего конца долины и не натолкнулся на Коретти, прежде чем он смог спрятаться в поющих кустарниках.

— Повезло? — улыбнулся он мне.

— Больше, чем вам кажется,— ответил я, заглядывая в его пустую корзину.

— А мне совсем не везет. Я подумал — может, в соседней долине, за тем ущельем, мы найдем кое-что.

— Я свою долю уже собрал,— огрызнулся я.

Мне показалось, я заметил, как в его черных глазах промелькнуло удивление.

— Так вы не идете дальше? — спросил он резко.— Вы возвращаетесь?

— Вы угадали,— с вызовом произнес я.— Моя корзина полна, и я возвращаюсь.

На полпути к «Миносу» я обернулся и увидел, что он стоит на склоне рядом с тропой.

Наконец Солнце зашло, начались золотые юпитерианские сумерки.

Я вышел полюбоваться на пики гор на фоне черного неба, на громадный шар Юпитера и сверкающую жемчужину Ганимеда. Однако не я один наслаждался этим зрелищем. Вдали на склоне я вдруг увидел золотой огонек — волосы Клер. Девушка стояла рядом с Коретти и смотрела в небо. Вдруг он повернулся и заключил ее в объятия; она положила руки ему на грудь, но не сопротивлялась и не протестовала. Конечно, это было совершенно не мое дело, но... ну, если до того Коретти мне просто не нравился, теперь я его ненавидел, потому что снова почувствовал себя одиноким.

На следующий день начались настоящие неприятности. Хэншоу одобрил новое меню и снова послал меня за добычей. На этот раз моей напарницей оказалась Клер.

Я вспомнил, что однажды мы попробовали бурые грибовидные комки, которые росли в тени поющих кустов; некоторым людям из команды Гандерсона они понравились. Я решил посоветоваться с Клер — может быть, в кулинарии она разбирается лучше, чем в вождении ракет.

— Не уверен, что местные грибы понравятся всем, но можно попробовать,— закончил я.— Насколько я помню, вкусом они напоминают трюфели со слабым привкусом мяты. Мы их пробовали и сырыми, и вареными, вареные оказались вкуснее.

— Я люблю трюфели,— согласилась девушка.— Они...

Выстрел! Ошибки быть не могло: резкий треск тридцать восьмого калибра, хотя в разреженной атмосфере он прозвучал непривычно.

Потом раздалась целая очередь — расстреляли всю обойму!

— Держитесь за меня! — рявкнул я, когда мы побежали к «Миносу».

Предостережение было не лишним: Клер не привыкла бегать по маленькой планете с низкой тяжестью. При первом же шаге она поднялась в воздух на полдюжины футов; я поспешно схватил ее за руку.

Когда мы увидели корабль, я резко затормозил, не веря своим глазам. В шлюзе лежал человек. Это был Хэншоу, я еле узнал его, и немудрено — полчерепа было снесено пулей.

Послышался шум шагов, голоса, еще один выстрел. Из открытого люка выкатился Коретти; он, шатаясь, отступил на шаг назад, потом упал на бок, кровь струилась из-за ворота его скафандра. А на прогалине, держа в правой руке дымящийся автомат, а в левой — заряженный пистолет, стоял Гогрол!

У меня не было оружия: зачем ходить вооруженным на Европе? К сожалению, Гогрол сразу заметил меня. Я увидел, как его рука сжала автомат.

— Ну вот,— произнес он с угрозой в голосе.— Я вынужден был это сделать. Они сошли с ума. От разреженной атмосферы. Их обоих поразило одновременно, и они совсем помешались. Это была самозащита.

Я, разумеется, ему не поверил. Но не мог же я с ним спорить. Так что я вообще ничего не сказал. Подошла Клер. «Стивен!» — прошептала она и, повернувшись к Горголу, воскликнула:

— Так вы это сделали! Я так и знала, что они вас подозревают. Но вы никогда не скроетесь отсюда со своим... вы...

Гогрол поднял автомат. Я шагнул и встал между ним и Клер. Мгновение смерть смотрела прямо на нас, потом Гогрол отшатнулся.

— Еще немного,— пробормотал он.— Если Коретти умрет...

Он вернулся к люку и вытащил шлем — воздушный шлем, который, как мы считали, может пригодиться, если нам когда-нибудь понадобится пересечь горы над долиной.

Затем Гогрол, не отводя от нас дула автомата, приказал:

— Назад!

Мы отступили. Под угрозой его оружия мы шли вдоль узкой долины к восточному склону, откуда под углом уходило ущелье к долине Гандерсона. И дальше — вверх по склону, по тропе местами такой узкой, что раскинув руки, я смог бы коснуться обеих стен. Воздух был таким разреженным, что трудно было дышать.

Наконец внизу мы увидели долину Гандерсона, я тотчас узнал ее. Далеко впереди находился тот склон, где некогда покоилась «Гера», а внизу лежало солончаковое озеро в форме сердца.

Гогрол нацепил шлем и погнал нас дальше, в долину. Когда он проходил через устье ущелья — узкое горло между огромными вертикальными стенами,— он на мгновение наклонился, а когда выпрямился снова, мне почудился какой-то легкий звук, напоминающий клокотание чайника.

Теперь мы пробирались среди скал, спускаясь к центральному озеру. Здесь Гогрол неожиданно остановился.

— Если последуете за мной,— предупредил он с холодной яростью,— буду стрелять!

И пошел — не по тропе, а наверх, к горной гряде. Разумеется, Гогрол мог пройти по этим лишенным воздуха вершинам, неся с собой воздух в шлеме, как пузыристые птицы.

Когда его закрыла от нас выступающая скала, я скомандовал:

— Пошли! Может быть, мы сумеем опередить его!

— Нет! — отчаянно закричала Клер.— Боже мой, ни за что! Разве вы не видели бластер?

Тихое пение чайника! У меня едва хватило времени, чтобы кинуться на землю, закрыв собой девушку, и тут же прогремел взрыв.

Мне показалось, будто вся гора поднялась в небо. Мимо нас мчались каменные обломки, свистящие, точно пули, и сама почва, за которую мы цеплялись, тяжело вздымалась, точно палуба накренившейся ракеты.

Когда иссяк этот поток и мы смогли поднять головы, оказалось, что проход исчез. Гора и вакуум стали стенами нашей тюрьмы.

Мы оба были слегка оглушены, хотя здешняя разреженная атмосфера ослабила взрывную волну. Когда голова у меня перестала кружиться, я огляделся в поисках Гогрола и увидел его на расстоянии семисот или восьмисот футов на склоне горы.

Вдруг Гогрол ускорил шаг, а затем наклонился над чем-то, что выглядело для меня кучей камней. Он начал раскапывать эту кучу, раскидывая по сторонам обломки скал и грязь. И наконец выпрямился, держа в руках какой-то предмет. Затем он двинулся через скальный гребень и исчез.

— Все кончено,— сказала Клер.— Он ее нашел. А нас загнал в ловушку.

— Что нашел? — спросил я недоуменно.

От удивления ее голубые глаза расширились:

— А вы что — не знали?

— Конечно, нет. Я, кажется, знаю об этом распроклятом полете меньше всех.

Клер пристально смотрела мне в глаза.

— Я знаю, Стивен был не прав,— произнесла она тихо.— Плевать мне, Джек Сэндз, кем вы были, когда угробили «Геру», но в этом полете вы вели себя безукоризненно, вы были смельчаком и джентльменом.

— Благодарю вас,— сухо ответил я (однако я был немного тронут такими словами, потому что, в конце концов, Золотая Вспышка была очень красивой девушкой).— Тогда, возможно, вы посвятите меня в некоторые тайны? К примеру — в чем был не прав Коретти? И что нашел Гогрол?

— Гогрол,— сказала она, не спуская с меня глаз,— копался в пирамиде Гандерсона.

— Копался — в чем? Что там такое было у Гандерсона? Это для меня новость!

Клер вздохнула.

— Джек Сэндз, мне плевать, что думают о вас Стивен, или власти, или кто бы то ни было еще. Я считаю, что вы человек честный, и собираюсь рассказать вам

все. Но прежде всего — известна ли вам цель экспедиции Гандерсона на Европу?

— Знать ничего не знаю. Я ведь пилот, меня не интересует их ученая возня.

Клер кивнула.

— Что ж, вы, конечно, знаете, что в двигателях ракеты используют микродозы урана или радия в качестве катализатора, чтобы высвободить энергию горючего. У урана низкая активность, у радия выше, и потому в радиевом моторе применяют все металлы, от железа до меди; так что корабли, работающие на радии, обычно сжигают одну из железных или медных руд.

— Все это мне известно,— буркнул я.— И чем тяжелее металл, тем больше энергии от его сгорания.

— Именно.— Клер на минутку замолчала.— Ну так вот, Гандерсон хотел использовать еще более тяжелые элементы. Это требовало лучей, с большей проникающей силой, чем лучи радия, и Гандерсону был известен только один достижимый источник — элемент 91, протактиний. И случилось так, что богатейшие залежи протактиния, открытые до сих пор, находятся в горах планеты Европа; так что он и прилетел на Европу для своих экспериментов. Но, если он и достиг успеха, все записи погибли, когда разбилась «Гера».

Я начал понимать.

— Но что... при чем тут эта пирамида?

— Вы и в самом деле не понимаете?

— Да будь я проклят, если понимаю! Если Гандерсон построил пирамиду, это, наверное, было в последний день. Я готовился к взлету, так что носа не высовывал наружу. Но... ах да, у них тут была какая-то церемония!

— Да. Гандерсон упомянул о ней, когда ваш корабль прибыл в Нордвил на Ио. Все надеялись, что он оставил свою формулу в этой пирамиде. Но никто не знал местонахождения пирамиды, кроме вас и вашего напарника Крацки, который исчез. Поэтому Межпланетному Совету было приказано снарядить эту экспедицию и взять вас пилотом — по крайней мере, так сказал мне Стивен. Меня наняли только для того, что-

бы устроить мероприятию хорошую рекламу, а Стивен должен был наблюдать за вами — в надежде, что вы выдадите место. Понимаете ли, эта формула невероятно важна.

— Понимаю. А при чем тут Гогрол?

Клер нахмурилась:

— Не знаю. Стивен намекал, что он как-то связан с Гарриком из Межпланетного Совета или, может быть, имеет на него влияние. Гаррик настаивал, чтобы его включили в экспедицию.

— Вот черт! — внезапно воскликнул я.— Он ведь знал о пирамиде! Знал, где искать!

У Клер расширились зрачки:

— Да, он знал! Он... не мог он быть представителем какого-то иностранного правительства? Если бы мы могли его остановить! Но он обвел нас вокруг пальца! Почему же он нас не убил?

— Могу догадаться,— сказал я мрачно.— Он один не может лететь на «Минос»! Хэншоу мертв, а если умрет и Коретти... что ж, тогда один из нас пригодится ему, чтобы выполнять работу пилота!

Она задрожала всем телом.

— Лучше бы мне тоже умереть,— прошептала она,— чем путешествовать наедине с ним!

— И я тоже лучше увидел бы вас мертвой,— согласился я хмуро.— Ох, как бы я хотел, чтобы вы не попали в эту передрягу! Могли бы сидеть дома, наслаждаясь своими деньгами.

— Деньгами! — вспыхнула она.— Да нет у меня никаких денег! Никакого состояния Эйвори не существует — его и не было с тех пор, как умер мой отец. Последние два года я отчаянно нуждалась в деньгах, чтобы сохранить поместье в Коннектикуте для моей матери — она бы просто умерла, если бы потеряла его. С 1910 года в течение двухсот лет это был родной дом для моей семьи, и я ни за что не соглашусь потерять его!

У меня ушла целая минута на то, чтобы осознать ее слова.

— Но гоночная ракета — не игрушка для бедного человека,— произнес я неуверенно.— И, конечно же, девушка вроде вас могла бы найти...

— Девушка вроде меня! — повторила она с горечью.— О, я знаю, что у меня хорошая фигура и приятный голос, и я, возможно, могла бы найти работу в хоре для телевидения, но я нуждалась в настоящих деньгах. У меня было два способа их достать: или выйти за них замуж, или сломать себе шею на тяжелой работе! Вы видите, какой способ я выбрала. В качестве Золотой Вспышки я могу украсить коробки с готовыми завтраками и дорогую косметику. Вот почему я рисковала в этих ракетных гонках. И все получилось, только...— ее голос чуть дрогнул.— Я бы хотела, чтоб у меня была возможность прекратить играть в азартные игры. Я этого терпеть не могу!

И тут я почувствовал к ней не только жалость. Ее признание в бедности все меняло: она больше не была взбалмошной богачкой. Она была просто покинутая и несчастная девушка, человек, нуждающийся в любви и утешении. А потом я вспомнил тот вечер и руку Коретти, обвившуюся вокруг ее талии. Так что я посмотрел немного на золото ее волос — и медленно отвернулся.

Мы собрали несколько печеночных листьев на ужин, и я попытался убедить Клер, что нас обязательно спасут. Ни один из нас в это не верил: мы прекрасно понимали, что Гогрол не привезет ни одного своего спутника на Ио живым; тот, кто поможет ему вести «Минос», перед посадкой будет убит и выброшен в космос.

— Плевать мне,— сказала Клер.— Я рада, что я здесь, с вами.

Я вспомнил о Коретти и ничего не ответил. Мы в мрачном молчании сидели у костра, когда Гогрол снова сошел с холмов.

Клер первая увидела его и схватила меня за руку.

— Что вы предполагаете...— нервно начала Клер.

— Наверное, Коретти умер. Или, может быть, слишком тяжело ранен, чтобы помочь нам.

Боль исказила ее лицо.

— Да, или... О, я знаю, Джек! Дело в том, что Гогрол не может задать курс. Он умеет вести ракету, он может следовать уже готовым курсом, но он не может составить его сам — и Стивен тоже не может!

Я сразу понял, что она права. Гогрол в жизни не отыщет в космосе ни Ио, ни Землю. Я мог бы это сделать. Клер тоже, это необходимо знать тому, кто водит гоночные ракеты, но астронавигаторы не так часто встречаются даже среди пилотов.

Видите ли, трудность-то в том, что вы не просто ведете корабль к точке назначения. Точка назначения тоже движется; вы рассчитываете, где должна оказаться планета, когда вы туда прибудете. А в системе Юпитера необходимо еще учитывать его гравитацию. Стоит немного ошибиться и — спокойной ночи!

— Слушайте, вы двое! — крикнул Горгол.— Предлагаю мисс Эйвори присоединиться к команде «Миноса»!

— Вы и есть вся команда,— отрезал я.— Она не принимает ваше предложение.

Без предупреждения он поднял револьвер и выстрелил. Моя левая нога онемела. Я упал за ближайший камень и потащил за собой Клер.

— Я тебе глотку прострелю! — заорал Горгол.

И началась игра в прятки, какую я и в дурном сне не мог вообразить: мы с Клер ползали между большими камнями, а этот мерзавец с револьвером нас выслеживал, перескакивая с камня на камень. Я был недостаточно проворен, и вскоре вторая пуля обожгла ту же ногу. Он планомерно вел охоту за мной, и я понимал, что это конец.

Клер шепнула мне:

— Я иду к нему. Иначе он убьет вас, а меня в любом случае захватит.

— Нет! — захрипел я.— Нет!

Гогрол услышал и стал приближаться к нам. Клер поспешно сказала:

— Он — чудовище! По крайней мере, я могу наметить курс, который... погубит нас! — И она окликнула: — Гогрол! Я сдаюсь!

Я схватил ее за лодыжку, но слишком поздно. Тогда я пополз вслед за ней, но она почти бежала навстречу Горголу, и я услышал, как она сказала:

— Сдаюсь, если вы... не будете в него больше стрелять.

— Пошли.— Он захохотал.

— Я не могу дышать там, наверху.

— Пройди столько, сколько сможешь. Дальше я тебя потащу, а ты постарайся не помереть.

Когда я наконец выполз на открытое место, они уже поднялись по склону футов на сто.

Беспомощный, разозленный, сходящий с ума от боли, я подобрал камень и швырнул его Гогролу в спину. Он повернулся, оттолкнул кричащую Клер в сторону и снова выстрелил. Промазал, подумал я, хотя не был уверен: боль была так сильна, что я ни в чем не мог быть уверен.

— Прощайте! — крикнула Клер.

И добавила еще что-то, чего я не мог расслышать из-за обволакивающих меня красных волн боли, но Гогрол почему-то расхохотался. Проклиная слабость, я пополз вслед за ними.

Время остановилось. Далеко впереди маячили фигуры Клер и Гогрола, и я видел, что, хотя он шагал легко, защищенный шлемом, девушка уже боролась с удушьем. Вскоре она отчаянно забилась в руках Гогрола и потеряла сознание. Гогрол небрежно подхватил ее — на Европе она весила около двенадцати футов — и потащил дальше. На самом гребне он остановился и оглянулся назад, поднял пистолет к виску, помахал им, а затем сбросил его вниз с горы по направлению ко мне. Можно было безошибочно угадать значение этого жеста: он советовал мне совершить самоубийство. Когда я добрался до пистолета, в нем оставался последний неиспользованный патрон. Я хотел всадить его в спину предателю, но Гогрол уже миновал гребень.

Я понял, что исчезла последняя надежда. Клер потеряна, а я, даже если выживу, навсегда останусь пленником этой долины.

Не знаю, сколько раз я вспоминал об этом последнем заряде, но знаю, что мысль, подсказанная Гогролом, с каждым часом все больше искушала меня — по крайней мере, это избавит меня от боли.

Если бы только я мог перебраться через эти холмы! Если бы я мог спасти Клер! Если бы я каким-то чудом перелетел через эту гряду, точно пузыристая птица!

Как пузыристая птица! Я был уверен, что только лихорадка и бред могли породить такую дикую мысль. Но в конце концов, что я теряю?

Я выслеживал эту пузыристую птицу, точно кот. Раз за разом я подползал к зарослям поющего кустарника только для того, чтобы увидеть, как она беспечно проплывает у меня над головой и пересекает долину. Но наконец мне попалась беспечная птица, которая меня подпустила поближе. Я тщательно прицелился и выстрелил. Это был мой последний патрон!

Пузыристая птица упала! Осторожно — очень осторожно — я снял с этого создания пузырь, оставив в неприкосновенности вентиляционную трубочку. Затем я просунул туда свою голову и привязал пузырь полосками ткани, оторванной от моей одежды, так плотно, что чуть не задушил себя. Потом я взял в рот покрытую слизью вентиляционную трубочку, закрыл ее, накачал воздухом пузырь — еще, еще и еще. Постепенно пузырь наполнился отвратительным, вонючим и несвежим воздухом, и я начал карабкаться вверх по холму.

Не стану описывать это невероятное путешествие. На Земле оно было бы абсолютно невозможно; здесь же, поскольку я весил всего восемнадцать фунтов, у меня был крошечный шанс.

Каким-то образом я одолел гребень и оказался почти прямо над «Миносом». Корабль еще не взлетел. Гогрол не пошел этой дорогой, и теперь я понял почему. Здесь оказался обрыв в четыреста футов. Я снова подумал о низкой гравитации на Европе, а также о том, что через несколько минут я неизбежно потеряю сознание, и прыгнул.

Боль пронзила мою раненую ногу, но все обошлось лучше, чем я рассчитывал. Вероятно, раздутый воздухом пузырь сыграл роль парашюта, и приземление получилось не слишком жестким. Я пополз, огибая корабль, дальше к тому месту, где был шлюз.

Он был открыт, и слышно было, как внутри беснуется Гогрол!

— Думаешь, ты меня одурачила, а?— визгливо кричал он.— Хочешь сжечь нас в атмосфере Ио?! Еще поглядим! Еще поглядим!

Дальше последовал звук удара, а затем — слабый стон.

Эти звуки придали мне сил. Размахивая незаряженным пистолетом, я пролез в шлюз и пополз в рубку.

Видимо, потеря крови обострила мою память. Едва я увидел в темной рубке Гогрола, наклонившегося над плачущей Клер, я тут же вспомнил, где встречал его раньше.

— Крацка! — прохрипел я, и он резко повернулся.

Думаю, он и Клер решили, что перед ними привидение.

— Как... как...— выдавил из себя Гогрол.

— Как видишь.— Я взмахнул пистолетом.— Вставай и выходи живо, если не хочешь получить пулю в лоб. Мы оставим тебя здесь, пока тебя не подберет полиция с Ио.

Я обратился к растерявшейся Клер:

— Закройте за ним люк. Мы взлетаем.

— Джек! — закричала она.— Он привязал Стивена к дереву, там, снаружи!

И в тот же миг, воспользовавшись нашим замешательством, Крацка бросился на меня.

— Будь ты проклят! — визжал он.— Не сможешь ты меня побить! Я сделал тебя на «Гере», то же самое я и здесь сделаю!

Я успел как следует двинуть его рукояткой пистолета, а потом отключился.

В темноте раздавались голоса.

— Нет, сначала я взлечу, а потом уже проложу курс. Сэкономим время. Мы должны доставить его на Ио. О, черт! Стивен! Если я сейчас накреню корабль... Ну почему я такой паршивый пилот?

И тут же заревели двигатели.

Потом, наверно, через несколько часов, я понял, что лежу на столе для карт в рубке, а сверху на меня смотрит Коретти.

Он спросил:

— Как самочувствие, Джек?

Он впервые назвал меня по имени.

— О'кей,— ответил я, и тут память вернулась ко мне.— Гогрол! Он же Крацка!

— Был Крацкой,— уточнил Коретти.— Он мертв.

Мертв! Значит, я упустил свой шанс распутать это дело с «Герой».

— Да, вы его убили. Размозжили ему голову пистолетом, прежде чем мы смогли вас оттащить. Но он того заслуживал.

— Да, может быть, но «Гера»...

— Неважно, Джек. И Клер, и я слышали признание Крацки. Мы все равно вас оправдаем.— Он помолчал и добавил: — Возможно, вы почувствуете себя бодрее, если я скажу, что и формула у нас, а награда за нее выручит нас троих из всех финансовых затруднений. Это Клер все настаивает на трех частях, я-то знаю, что не заслуживаю доли.

— Три доли — справедливо,— сказал я.— Это даст вам и Клер возможность хорошо устроиться.

— Мне и Клер?

— Послушайте, Коретти. Я не хотел, но я видел вас с ней в тот вечер затмения. Не похоже было, чтобы Клер сопротивлялась.

Коретти улыбнулся.

— Так вы это видели? А теперь послушайте. Мужчина, который просит девушку стать его женой, должен, как предполагается, встать к этой девушке поближе. И, если у нее есть сердце, она его не отталкивает. Она просто говорит «нет» как можно мягче.

— Она говорит — нет?

— Она так и сказала, Джек. Держу пари, что с вами будет иначе.

— Она... Она...— Мое внимание привлекло что-то знакомое в звуке двигателей.— Мы садимся.

— Да, на Ио. Садимся на два часа.

— А кто взлетал?

— Клер. Она уже пятьдесят часов у штурвала.

Я сел и сказал мрачно:

— Отведите-ка меня туда. Не спорьте, отведите.

Клер едва подняла глаза, когда Коретти усадил меня рядом с ней.

— Джек, Джек,— шепнула она.— Как я рада, что тебе лучше.

— Милая,— сказал я.— Все будет хорошо. Только позволь мне быть рядом.

Я положил руку на руль рядом с ее рукой.

Она опустила корабль ровно, без всякого крена, и приземлилась, точно птичье перышко. Но я-то не имел к этому отношения: я был так слаб, что не смог бы пошевелить рулем, хотя она этого не знала. Вера в себя — это все, в чем она нуждалась. Да, я в этом убедился. Она — способный пилот и чертовски храбрая девушка. И я даже готов простить ей то, что она уснула сразу после нашего первого поцелуя.

СВИХНУВШАЯСЯ ЛУНА

От бешенства Грант Колтроп буквально лишился речи: выкрикнув все известные ему ругательства, он умолк, шипя и плюясь, словно рассерженный кот, и с остервенением топнул оземь обутой в тяжелый ботинок ногой.

Сила отдачи оказалась настолько велика, что тело разгневанного мужчины совершило великолепное сальто и приземлилось на ту самую кучу жухлой растительности, которая и вызвала ярость Колтропа. Только тогда он вспомнил, что на Ио не стоит злоупотреблять резкими движениями, поскольку гравитация на этом спутнике Юпитера была втрое меньше земной.

Грант поднялся, проклиная собственную забывчивость, и повернулся к тройке хихикавших большеголовиков, с интересом наблюдавших за его полетом.

— Вот что, голубчики! — свирепо сверкая глазами, проговорил он.— Вы не получите больше ни кусочка сластей, если вместо листьев февры снова притащите подобный сор.— На этот раз Грант осторожно поворошил носком ботинка пресловутую кучу.— А теперь ступайте прочь, недотепы! И не вздумайте вернуться без добычи!

Казалось, до его слушателей не сразу дошел смысл сказанного. Эти коренные обитатели Ио, прозванные людьми просто иоликами, хотя и имели звучное латинское наименование, больше других обитателей планеты напоминали своим видом землян, правда, тех, кто

достиг высшей степени идиотизма. Эту их особенность подчеркивали и не умолкающее хихиканье, и не сходящее с луноподобных лиц выражение блаженства, и вялое покачивание тяжелых круглых голов на тонких непомерно длинных шеях.

В конце концов грозный смысл сказанного проник в сознание иоликов, и их привычный смех приобрел грустноватый оттенок. Наиболее чувствительный из компании в отчаянии так треснул головой о ствол каменного дерева, что лишился чувств. Его товарищи подхватили падавшее тело и бережно повели пострадавшего в заросли, время от времени поворачивая к человеку безмятежно улыбающиеся лица.

Стараясь успокоиться, Грант потер кулаками виски и медленно направился к приоткрытой двери своего убогого жилища, сложенного из стволов все тех же каменных деревьев — единственного стрительного материала на Ио. Внезапно он увидел, как из дома выскользнул один из самых неприятных обитателей планеты, известный как «мышь разумная».

На взгляд Гранта, эти существа больше напоминали не поумневших мышей, а злобных карликов, в целях маскировки принявших обличье грызунов,— настолько невероятно коварными были все их поступки. Если остальные живые существа Ио — тоже весьма малосимпатичные — беспокоили землян в силу своих чисто физиологических особенностей, то эти мерзкие недомерки сознательно вредили людям, доставляя им массу неприятностей.

Вот и сейчас шустрый карлик покидал дом Гранта с добычей: он сжимал руками-лапками цилиндрический стержень термометра. Схватив камень, Колтроп запустил его в вора, но тот ловко увернулся и, оскалив зубы, погрозил человеку кулаком. Этот жест означал объявление войны, но Гранту сейчас было не до того: похоже, на него опять накатывала волна безумия.

Затворив за собой дверь и несколько привыкнув к темноте мрачноватого помещения, Грант с возмущением увидел, что его домашнее животное — крупный, с лоснящийся шкуркой эхокот по имени Оливер — только что продрало глаза.

— По дому разгуливают мыши, а ты впал в спячку, негодник! — возмутился Грант.— Я, вероятно, слишком сытно кормлю этого лодыря.

Эхокот выгнул спину и распушил хвост, скользнув по человеку спокойным взглядом загадочных глаз — это трехлапое существо ничуть не боялось наказания, ни на минуту не сомневаясь в своем безмерном обаянии. Опершись о пол хвостом и единственной задней лапой, он вцепился когтями передних в край стола и вкрадчиво проговорил:

— Куда это, к черту, делся туз? Ступайте прочь, негодники!

Подтверждая свое прозвище, эхокот повторил фразы, услышанные во время раскладывания пасьянса накануне и нынешней ссоры с поставщиками февры. Обычно болтовня кота развлекала Гранта, но сейчас он лишь автоматически отметил абсолютную точность воспроизведения собственных слов и снова потер лоб: с каждой минутой боль усиливалась.

Запив водой пару таблеток, он присел на край кровати, решив не покидать дом до окончания приступа, поскольку всегда существовала опасность не отличить реальность от видений, обычно сопровождавших усиление болезни. Не хватало еще влипнуть в беспамятстве в какую-нибудь историю!

Как и всегда перед началом приступа, Колтропа терзало раскаяние за свое решение отправиться на Ио, но теперь он твердо знал, что с первой же оказией вернется на Землю. Конечно, это вызовет осложнения с фирмой «Лекарственные препараты Нилана», с которой заключен контракт на добычу февры, и он опять останется без гроша в кармане. Однако пусть это, чем пожизненная психушка! Правда, говорят, что сумасшедшие не осознают своего положения, но лучше не проверять этого на личном опыте.

Если бы по прибытии на Ио он сумел отыскать работу в Нордвиле или Зюйдвиле, таких проблем не возникло бы: эти города, расположенные на полюсах планеты, не таили в себе опасности для психики. Но, к несчастью, самой выгодной — с точки зрения оплаты — работой оказалась добыча февры, которая растет только в экватори-

альной зоне, где сам воздух заражен флюидами безумия. Но понял он это, лишь какое-то время прожив тут.

С точки зрения человека, всех обитателей этого поганого местечка никак нельзя было назвать нормальными: взять хотя бы идиотов-иоликов, или говорящих котов, бессмысленно повторявших единожды услышанные слова, или патологически злобных мышевидных карликов. Даже пусть они — для себя — вполне нормальны, но безумие жило в них, и теперь в армию чокнутых готовился вступить и Грант. Именно поэтому вопрос о скорейшем возвращении на Землю следовало решать незамедлительно.

Грант ни на минуту не забывал о прошлом. Еще два года назад он, наследник огромного состояния, вел рассеянный образ жизни типичного представителя так называемой золотой молодежи. Богатый и свободный, он думал вовсе не о том, как заработать на жизнь, а скорее — на что ее потратить. В поисках острых ощущений он стал заядлым охотником, и репортажи о его невероятных подвигах и удивительных трофеях с Титана или Венеры не сходили с первых полос светской хроники.

Все закончилось, когда Колтропу едва перевалило за двадцать пять. Разразившийся экономический кризис лишил его не только привычных удовольствий, но и куска хлеба. Не имея за душой никакой пригодной для заработка профессии, он решил продать свой инопланетный опыт, который с радостью и востребовала фирма Нилана: ей нужны были агенты на Ио.

Судьба охотника ни разу не заносила его в эту часть Солнечной системы, поскольку на мелких спутниках Юпитера не водилась завидная дичь. Именно незнание местных условий и привело его сюда, в сумасшедший хоровод планет, которые постоянно изменяли магнитную, да и гравитационную обстановку маленького сателлита гигантского космического тела. Вероятно, это добавляло остроту в тот коктейль воздействий, что вызывали периодические приступы безумия. Скорее всего, нервы человека, привычного к восходам и закатам Солнца, травмировало то обстоятельство, что подчас вместе с Солнцем на небе красовался Юпитер, а то — только Юпитер, или — временами — другой спутник

Юпитера, Европа. Мало того: бывали в сорокадвухдневном орбитальном цикле планетки и мрачные звездные дни без светил, что тоже не добавляло оптимизма.

Неподвижно замерев в ожидании действия лекарства, Грант подумал, что непредвиденный приступ болезни спровоцировало появление в небесах двух светил сразу, раскаленного Солнца и пышущего жаром Юпитера. Именно в такой день, когда от двойного облучения безмерно усиливаются испарения джунглей возле Поганых гор, на человека и накатывает безумие.

Голову по-прежнему сжимали обручи боли, и Грант проглотил еще одну таблетку, мимоходом заметив, что склянка почти опустела. Прежде подобный факт серьезно обеспокоил бы его, но теперь, окончательно решив с первым же грузовым челноком отправиться в Зюйдвил, он равнодушно поставил пузырек на стол.

Неслышно подкравшийся Оливер дотронулся лапой до его колена и, когда Грант посмотрел на него, произнес:

— И зачем только мне понадобилась веселая вечеринка?

Грант даже несколько опешил.

— Ну, знаешь! По-моему, вечеринки — это не мой профиль! Неужели я такое говорил?

Сделав пару кругов по комнате, эхокот снова уставился на хозяина и сказал:

— Немедленно перестань реветь! Отец обязательно отыщет меня.

— Это что-то из области фантастики,— покачал головой Грант, поскольку его отец умер несколько лет назад. Его удивление безмерно возросло, когда кот, вспрыгнув на стол, вдруг громко зарыдал, выговаривая сквозь всхлипы:

— Ах, если бы ты мог мне помочь!.. Ты ласковая зверушка, но что с того проку?.. Только болтаешь, как попугай!.. Ну где же отец?.. Ох, голова раскалывается!..

Эхокот прекрасно передавал не только слова, но и все интонации, и Грант уловил в его речи подлинное отчаяние. Наверняка он повторял слова другого человека, находящегося где-то поблизости, поскольку Оливер предпочитал не уходить далеко от дома. Но кто бы это мог быть?

На мгновение Грант забыл даже о боли в висках.

— Вот уж точно — попугай! — Он стукнул кулаком по столу, от чего кот подпрыгнул и нервно захихикал, словно обиженный иолик.— Нет того, чтобы сказать, чьи слова повторяешь. Говорить научился, а мозгов — кот наплакал!

Оливер молча спрыгнул на пол и гордо прошествовал к двери.

— Немедленно вернись! — закричал Грант. Но кот, поцарапав дверь, отворил ее и вывалился наружу, бросив на прощание:

— Вы не получите больше ни кусочка сластей.

Грант вскочил с постели и едва не упал от немыслимого колотья в висках. Постояв немного, он ринулся следом за котом в слабой надежде, что тот приведет его к нуждавшемуся в помощи человеку. Остатки здравого смысла подсказывали ему, что все происшедшее могло оказаться бредом: Оливер говорил совсем не то, а возможно, и вовсе молчал. Но тем не менее Грант старался не упустить из виду распушенный хвост — реальный он или вымышленный. Да и окружающий пейзаж в равной степени мог относиться как к яви, так и к бреду, настолько далеким от реальности был весь мир планеты Ио.

Торопливо шагая между стенами высоких травянистых растений, мясистых от переполнявшего их сока, весьма похожего на кровь, Грант старался не обращать внимания на блиноподобные рожи иоликов. Их головы на тонких шеях выступали из-за стены зелени словно подсолнухи, поворачиваясь вслед за путником, как будто именно он был их солнышком. К похохатыванию иоликов постепенно присоединился хор высоких писклявых голосов — в своей погоне за котом Грант приблизился к поселению мышеподобных карликов.

Каждое их племя строило свой поселок, удивительно напоминавший старинную крепость с ее высокими стенами и сторожевыми башнями. Внутри крепостного двора располагались небольшие жилые постройки, сложенные из камня и по форме напоминавшие человеческие жилища — покрытые островерхими крышами дома с окнами и дверями. Грант никогда не интересовался укладом жизни карликов — уж очень недобро-

желательным слыл этот народец — но знатоки в Зюйдвиле поговаривали, что их быт весьма напоминает людской и они склонны досаждать не только землянам, но и родственным кланам, находясь с ними в состоянии перманентной войны.

Стараясь не привлекать к себе внимание карликов, Колтроп миновал мышиную крепость и спустя несколько минут понял, что приступ болезни все-таки начался: только этим можно было объяснить представшую перед ним невероятную картину.

На упавшем стволе каменного дерева сидела красивая девушка в экстравагантном наряде, пригодном разве что для молодежной вечеринки, но никак не для джунглей возле Поганых гор. Рядышком примостился Оливер, мурлыкая от переполнявших его чувств: рука девушки рассеянно теребила и поглаживала его шелковистую шерстку.

Придя к выводу, что это видение приятно отличается от привычных горячечных бредней, Грант приблизился к девушке и приветствовал ее изысканным полупоклоном, мысленно посетовав на отсутствие в его гардеробе шляпы с перьями.

— Добро пожаловать в мой сон, мисс Ли Нилан,— сказал он.

Призрачное видение подняло к нему прекрасное лицо, бледные щеки которого свидетельствовали о том, что болезням могут подвергаться даже галлюцинации, и удивленно проговорило мелодичным голосом:

— Вы не относитесь к кругу моих друзей, но кажетесь мне знакомым. И вы назвали мое имя... Мы когда-то знали другу друга?.. Впрочем, во сне и не такое случается.

— Значит, вы уверены, что я вам привиделся? Вот как! — в свою очередь удивился Грант и тут же предложил: — Могу побиться об заклад, что все наоборот.

— Не стоит и стараться! Все равно я не смогу получить выигрыш с привидения,— рассмеялась девушка.

«Какое-то странное наваждение,— подумал Грант.— Ничего подобного прежде не случалось. Во всяком случае, мои „гости“ не утверждали, что они настоящие. А! Как-нибудь разберусь».

Девушка тем временем решила уточнить, откуда незнакомцу известно ее имя. Грант удовлетворил ее любопытство, ответив, что почерпнул эти сведения из раздела светской хроники в «Таймс».

— Там часто появляются ваши фотографии,— пояснил он.— Самую удачную я вырезал и повесил в своем домишке, мечтая когда-нибудь лично познакомиться с вами. Надеюсь, вы не в претензии?

— Что вы! Я польщена, что привидения интересуются объектами светских сплетен. Но теперь, когда личная встреча состоялась, вы, может быть, тоже представитесь? — лукаво спросила девушка.

Удивленный подобным предложением, Грант все же решил подыграть прекрасному призраку: мало ли в кого тот может превратиться, если рассердится. Поэтому он представился по всей форме:

— Я — Грант Колтроп, агент фирмы «Лекарственные препараты Нилана», главой которой является ваш отец. Я занимаюсь заготовкой февры, то есть попросту скупаю ее у местных иоликов.

— А-а, так вот вы кто! — воскликнула девушка.— Я не узнала вас сразу, потому что вы выглядите старше, чем на фотографиях в моем альбоме.

Она на минуту задумалась, а потом заговорила, словно беседуя сама с собой:

— Какие странные шутки вытворяет иногда подсознание. Я уже года три не заглядывала в альбом, куда вклеивала все, что только могла отыскать о Гранте Колтропе, охотнике и спортсмене, окруженном ореолом славы и романтики. Я тогда была до безумия влюблена в него, дурочка! Как и многие девчонки... Еще бы! Такой молодой, а уже успел побывать и на Титане, и на Венере! И отовсюду возвращался победителем! — Она нервно рассмеялась и тут же схватилась за голову: вероятно, смех вызвал приступ боли.

Некоторое время она задумчиво поглаживала голову кота, а затем, подняв глаза на Гранта, удивленно проговорила:

— Как? Вы еще здесь? Обычно все видения быстро исчезают. Но мне приятно, что вы пока не растаяли, мистер Колтроп.

Тот тем временем буквально онемел от услышанного признания. Если бы это говорил реальный человек, Грант Колтроп оказался бы наверху блаженства: по этой девушке он тайно вздыхал вот уже несколько лет. Как знать, может быть, он и работать-то на Нилана согласился только потому, что тот был ее отцом. Как уже неоднократно убеждался Грант, горячечный бред обычно обнажал все тайные помыслы больного, и значит, это прекрасное видение олицетворяло сейчас его мечту. Что ж, в таком случае он благодарен нынешнему приступу недуга!

С нахмурившегося неба упали первые капли дождя, тут же жадно поглощенные губчатой почвой. Дождь означал прекращение безумной жары и скорое выздоровление, но этому обычно предшествовал второй, самый неприятный всплеск болезни. Поэтому Грант решил поскорее вернуться домой.

— Мне пора,— сказал он.— До свидания во время следующего приступа. Вы мне очень помогли нынче, благодарю вас. Появляйтесь еще.

— Вы говорите так, словно призрак это я, а не вы,— задумчиво произнесла девушка.— Но у меня так болит голова, что нет сил разобраться. Во всяком случае, я тоже не буду против, если вы посетите мой сон.

Взмахнув рукой, Грант направился в сторону дома, уверенный, что Оливер последует за ним. Но тот и ухом не повел. Рассерженный поведением своего домашнего животного, Грант строго приказал:

— Немедленно домой, Оливер!

— Почему вы называете эту зверушку Оливером? — поинтересовалась девушка.— Это Полли. Вот уже два дня она скрашивает мое одиночество. Поверьте, без нее я умерла бы от страха.

— И ты отзываешься на эту кличку, Оливер? Постыдился бы! — укоризненно заметил Грант.

— У меня так болит голова, что нет сил разобраться,— капризно изрек Оливер-Полли, удаляясь в сторону зарослей. Издали донеслось: — Могу побиться об заклад, что все наоборот.

Посмотрев вслед эхокоту, Грант обернулся к девушке:

— Жаль отказываться от такого сна, но я все же пойду. Очень приятно было познакомиться с вами, Ли, хотя бы мысленно.

Она кивнула, но, увидев, что молодой человек повернул налево, окликнула его:

— Зря выбрали этот путь, Грант. Там вы можете наткнуться на поселение карликов. Я видела, как началось его строительство.

— Вы ошибаетесь, мисс. Мышиная крепость справа, поэтому я и свернул сюда,— остановившись, возразил он.

Она обхватила голову руками, почти притянув ее к коленям, и глухо произнесла:

— Ах, идите куда хотите, ведь призракам не страшны ни мыши, ни любые другие твари.

Пожав плечами, он двинулся в выбранном направлении с единственной мыслью — как можно быстрее добраться до постели.

Дождь между тем набирал силу, заливая струями лицо, и Грант не заметил, как неожиданно оказался на краю лужайки, где на освобожденном от растительности пространстве кипела бурная деятельность. Мышекарлики уже возвели крепостные стены со сторожевыми башнями и воротами и теперь копошились внутри защищенного пространства, сооружая жилые дома, казармы, служебные помещения. Стража на крепостной стене заметила чужака, и в сторону Гранта полетели стрелы с отравленными наконечниками.

Он уже не впервые сталкивался с проявлением необъяснимой агрессии карликов и поэтому старался, по возможности, не попадаться им на пути. В этом гнилом климате не затягивались даже безобидные царапины, а уж следы от отравленных стрел превращались в труднозаживаемые язвы. Чтобы как-то отвлечь от себя назойливых преследователей, он решил пройти мимо компании иоликов, головы которых виднелись выше травяного барьера. Грант знал, что уколы стрел им не вредили, а лишь усиливали приступы идиотического веселья.

Один из аборигенов, верзила с багровым лицом, отделился от своих сородичей и качающейся походкой заковылял к человеку, суматошно жестикулируя кост-

лявыми руками. Любопытный по натуре, Грант уже было направился к нему, но внезапная мысль заставила его резко остановиться. Он вспомнил, что услышал о новом поселении карликов от призрака Ли Нилан! Но ведь привидения из горячечного бреда не могут знать больше того, что содержится в затуманенном безумием подсознании больного! Выходит — она реальная девушка? С силой отталкиваясь от губчатой почвы, Грант огромными прыжками помчался обратно, кляня себя за собственную близорукость.

Выскочив из зарослей к поваленному стволу, он не увидел на нем сидящей фигуры. В панике Грант громко позвал свою недавнюю собеседницу, но в ответ из-за ствола выглянула лишь усатая морда явно чем-то обеспокоенного Оливера. Подскочив к эхокоту, Грант увидел соскользнувшую на траву девушку и поспешно удиравших к зарослям карликов с цветными лоскутками в руках. Она, очевидно, потеряла сознание, и этим тут же воспользовались мародеры-карлики, чтобы разжиться кусочками ее платья. Следы когтей на траве свидетельствовали о том, что Оливер пытался отбиваться от них, но, по-видимому, отступил под натиском превосходящих сил.

До появления на Ио землян мышелюди не имели представления о тканях, изготавливая себе одежду из листьев и трав. Смышленые и умелые, они, конечно же, научились бы ткать, если бы овладели секретами этого мастерства. Но, естественно, поселенцам с Земли даже в голову не приходило основать на планете ткацкое производство, поэтому добывание материи стало для карликов своеобразным хобби.

Вот и сейчас они уже успели отхватить порядочный кусок от подола нарядного платья Ли. Возможно, ущерб стал бы еще больше, если бы не вмешательство сначала Оливера, а потом и Гранта.

Колтроп опустился на корточки возле Ли и осторожно дотронулся до ее плеча. Она очнулась и с улыбкой прошептала:

— Какие приятные видения... Сначала меня навестил отец, а теперь пожаловал и сам великий охотник...

Грант помог ей снова сесть на ствол и, примостившись рядом, сказал, медленно выговаривая слова, чтобы девушка успела уловить их смысл:

— Я не видение, а реальный человек! Отец вам пригрезился, а я — настоящий! Вы слышите меня? — Она слабо кивнула.

— Сам великий охотник,— подхватил Оливер, тыкаясь носом в колено Гранта.

Нелепое высказывание эхокота вызвало улыбку на бледных губах девушки. Она почти осмысленно взглянула на сидящего возле нее молодого человека и недоверчиво спросила:

— Настоящий?

— Конечно! А в том, что и вы тоже реальный человек, я убедился, когда наткнулся на новую крепость карликов, о которой рассказали мне вы. Я-то сам прежде ее не видел. Вам нельзя оставаться в джунглях одной: вы нуждаетесь в крыше над головой и лекарстве. Пойдемте, я провожу вас в мою хижину — там безопаснее!

— А это кто? Мне страшно! — воскликнула девушка и показала в сторону зарослей: там возвышался багроволицый иолик.

— Не пугайтесь! Он совершенно безобидный, и я уже привык, что он постоянно увязывается за мной. Пойдемте же: дождь усиливается.— Он помог Ли встать, и они медленно направились к дому Гранта.

Внезапно девушка пошатнулась и стала медленно оседать на траву. Колтроп успел подхватить ее, прежде чем она упала, и, не тратя времени на «оживление», продолжил путь — но теперь уже с девушкой на руках. Он вспомнил ее слова о том, что вот уже два дня ее одиночество скрашивала Полли, то есть Оливер. Значит, обморок вызван не только болезнью, но и голодом.

Стараясь не угодить в заросли колючих низкорослых пальм, Грант несколько изменил маршрут: там, где мог проскользнуть один ловкий человек, двоим делать нечего, решил он, опасаясь болезненных уколов ядовитых растений. Правда, путь удлинился, но от всех треволнений последних часов Грант даже несколько взбодрился, и расстояние не пугало его.

До сих пор спокойно бредущий за людьми эхокот вдруг заволновался: он то убегал вперед, то возвращался, словно заставляя Гранта поторапливаться. Вскоре стала ясна и причина его беспокойства: позади послышался нарастающий гомон писклявых голосов — их преследовали карлики. Не отставший от компании иолик обернулся на шум и принялся швырять в них камни.

С больной девушкой на руках Грант не мог вступить в сражение, да и вряд ли его оружие стало бы более эффективным, чем камни иолика. Стрельба из пистолета напоминала бы пальбу из пушки по воробьям, а огонь бластера смог бы уничтожить сотню-другую мышей, но все равно не остановил бы остальных. Однако для того, чтобы стрелять, Грант вынужден был бы положить девушку на траву, а там уже кишмя кишели мерзкие твари. Поэтому он решительно двинулся вперед, попросту отшвыривая карликов тяжелыми сапогами и прикрывая лицо Ли от ядовитых стрел. Он решил, вернувшись в хижину, использовать против нападавших газовые гранаты — довольно эффективное средство, но, к сожалению, равно опасное и для мышей, и для человека.

Взятый в кольцо визжавшими карликами, Грант с трудом продирался сквозь копошившиеся тела, время от времени наступая на них и опасаясь одного: как бы не поскользнуться и не рухнуть вниз. Тогда участь и его, и девушки была бы решена. Позади он слышал азартное шипение кота и громкий смех иолика — битва шла и там.

Наконец он достиг хижины — и едва сам не хлопнулся в обморок: убегая за Оливером, он оставил дверь приоткрытой, и теперь там хозяйничали мышелюди. С яростным ревом он ринулся в набитый мышами дом и, едва не уронив Ли, схватил с полки у двери пару гранат и чудом уцелевшее полотенце. Выскочив наружу, он заметил, что полчище мышей несколько поредело: преследователи поспешили присоединиться к мародерам.

Воспользовавшись передышкой, он прислонил девушку к углу дома, разорвал полотенце надвое, замотал тканью голову Ли и, прежде чем прикрыть рот и

нос себе, приказал иолику и коту убраться как можно дальше. Те не торопились уйти, но яростный вопль Гранта все же заставил их скрыться в зарослях. Тогда он швырнул одну гранату в дом, а другую — в оставшихся на лужайке тварей.

Взорвавшиеся бомбы окутали ядовитым туманом и дом, и поляну перед ним, и прижавшихся к стене людей. Когда ветер унес прочь остатки смертельного газа, лужайка напоминала поле битвы: повсюду валялись трупы мышей-мародеров, так и не выпустивших из лап украденное «богатство».

Грант снял повязку с лица, сдернул полотенце с головы Ли и пошел посмотреть, что же творится в доме, подбирая по пути остатки своего скарба. В помещении царил полный разгром: все, что не было спрятано под замком, бесследно исчезло, от одежды и одеял остались жалкие лоскутья. Утешало лишь то, что карлики не смогли — или не успели — добраться до содержимого большого металлического ящика со скудными запасами еды и одежды, да чудом уцелела склянка с лекарством.

Как и снаружи, здесь тоже было полно мышиных тел. Грант вымел их за порог, справедливо полагая, что разнообразные любители дарового угощения за считанные часы очистят лужайку, и внес в дом все еще бесчувственную Ли. Он опустил девушку на разоренную постель и запер на засов дверь: еще ни разу мышиные полчища не оставляли безнаказанным тех, кто причинил им вред. И Грант приготовился к осаде.

Но пока весть о поражении еще не достигла мышиного поселения, он занялся лечением девушки. Достав из заветного ящика неприкосновенный запас воды, он растворил в стакане две чудодейственные таблетки и влил жидкость в рот больной, с трудом разжав стиснутые зубы. Следом за водой из ящика была извлечена запасная куртка Гранта: теперь ей надлежало послужить одеялом девушки. Поставив в ряд грубо сколоченные табуретки, он критически оглядел свою импровизированную лежанку и решил, что безопаснее устроиться на полу.

Однако едва Грант успел улечься, как снаружи послышался скрежет когтей по камню и вслед за ним голос суматошно орущего Оливера:

— Мне страшно!

Чертыхнувшись, Грант впустил кота, тот благостно огляделся и прошествовал к кровати. Там, устроившись в ногах лежавшей девушки, Оливер безапелляционно заявил:

— Вы нуждаетесь в крыше над головой и лекарстве.

Разглагольствования кота — как всегда и бывало — успокоили напряженные нервы Гранта, и он безмятежно уснул.

* * *

В течение семи часов ничто не нарушало покой одинокой хижины в жунглях Ио. Когда в небо над зарослями взошли Юпитер и Европа, один из обитателей дома поднялся с пола, потирая травмированные голыми досками бока. Он выглянул наружу и удовлетворенно хмыкнул, не заметив никаких признаков происшедшей накануне бойни, затем взглянул на кровать. И эхокот, и девушка все еще спали, причем румянец на личике мисс Ли свидетельствовал о том, что кризис болезни миновал.

Для того чтобы закрепить эффект, он приготовил еще один раствор лекарства и негромко окликнул девушку. Та тотчас же открыла глаза и улыбнулась, удивленно проговорив:

— Опять вы? У моего бреда завидное постоянство!

— Да никакой это не бред,— досадливо отмахнулся Грант, ногой пододвигая к кровати табурет. Он уселся на него и протянул девушке стакан.— Выпейте-ка это, а потом поговорим.

Она послушно проглотила содержимое склянки и обвела взглядом хижину.

— Я никогда не бывала здесь,— растерянно проговорила она.

— Это мой дом,— терпеливо, словно малому ребенку, объяснил Гант.— И это не бред: вы в самом деле гостите у меня, потому что нельзя оставлять больных под открытым небом. Вы хоть помните, как оказались на Ио? Ну же! Очнитесь! Все вокруг самое настоящее — и я, и эхокот, и эта хижина.

Тем временем проснувшийся Оливер перебрался на стол и теперь рассматривал беседующих людей с высоты.

— Все подлинное? Меня нашли? — все так же нерешительно сказала девушка и, вдруг поверив, радостно засмеялась.— Какое счастье! Мне было ужасно страшно и одиноко в джунглях...— Будто в ознобе, она передернула плечами и плотнее завернулась в куртку.

— Но теперь все позади,— успокаивающим тоном прервал ее Грант.— Расскажите лучше, как вы оказались в самом гадком местечке на Ио. Если судить по светской хронике, вам больше пристало посещать всякие там Парижи или Нью-Йорки.

— Это все моя глупость,— нахмурилась она и вдруг, словно вспомнив что-то забавное, спросила: — А где фотография? Привидение в лесу, помнится, упоминало о ней.

— Эти поганые твари унесли из дома все, что смогли. К сожалению, смели и ее, вот только гвоздик остался,— ткнул Грант в сторону голой стены.— Но и они внакладе не остались,— мрачно проворчал он.— Лучше расскажите о себе.

— Знаете, все-таки противно говорить о собственной недальновидности,— призналась она.— Но если по порядку, то дело обстояло так. Мне надоело, как вы выражаетесь, посещать Парижи и прочие фешенебельные места, да и по отцу соскучилась. Вот и прилетела к нему, в Нордвил, где его фирма затеяла что-то с плантациями февры. Я на Ио уже три месяца... В сущности, и здесь скука смертная, а не романтика...

— Ну да, и в поисках романтики вы отправились пешком из Нордвила в сторону Поганых гор, куда же еще,— в тон ей заметил Грант.

Ли снова рассмеялась и села в постели, привалившись спиной к стене: вторая порция снадобья полностью вернула ей силы.

— Просто я решила посетить дансинг в Зюйдвиле: мне рассказывали, что там бывает очень весело и интересно. Да и захотелось пообщаться с новыми людьми — за три месяца мне уже все примелькались. Отец

не разрешал отправляться одной, хотя я пилотирую не хуже профессионалов...— Она осеклась и уныло промолвила: — Все-таки, выходит, хуже...

Девушка надолго замолчала, переживая, по-видимому, свое поражение, но понуждаемая Грантом снова заговорила:

— Одним словом, заупрямилась и полетела без сопровождающих. Чтобы меня не вернули, я выбрала новый маршрут. Неожиданно впереди возникли горы...

— Это пресловутые Поганые горы, и они вполне отвечают своему названию,— заметил Грант.— Любой пилот предпочитает сделать крюк, лишь бы не оказаться над ними.

— А что в них такого страшного? — удивилась Ли.

— Дело, собственно, не в них, а в атмосфере Ио,— ответил Колтроп.— Она ниже вершин гор, их пики выступают в безвоздушное пространство, так что преодолевать горный массив можно лишь на челноках. А пилотирование на легких летательных аппаратах — весьма рискованное предприятие.

— Ну, об этом-то я знала, но думала, что, выскочив в космос, тут же смогу снова нырнуть в атмосферу. Мне подробно рассказал об этом маневре секретарь отца, Харви, опытный пилот, который обычно сам водит его самолет.

— Думается, одного объяснения мало,— с сомнением проговорил Грант.— Там очень важна стартовая скорость выхода в космос и угол наклона при входе в атмосферу. Если угол выбран неверно, самолет просто расшибется о плотный слой воздуха, совсем как неумелый прыгун с вышки — о поверхность воды.

— В атмосферу-то я вошла,— уныло проговорила девушка,— но не смогла выровнять самолетик, и он врезался в заросли кустарника у подножия гор. Довольно мягкая посадка,— нервно хихикнула она и продолжила повествование: — После этого нужно было выбраться из джунглей на открытый участок, чтобы меня легче было найти, и поэтому я направилась к югу — прочь от гор. Все это время я старалась не есть и не пить, чтобы не заболеть нервной горячкой, но в конце кон-

цов не выдержала и напилась из какого-то ручейка. После этого явь и видения переплелись настолько, что я уже не отличала одно от другого.

Менторским тоном Грант произнес:

— Перед тем как пить воду, надо было пожевать листья февры.

— Я об этом просто забыла, да и вряд ли сумела бы отыскать их,— призналась Ли.— И кроме того, надеялась, что меня вот-вот найдут.

Грант возмущенно хлопнул себя по колену.

— Какая наивность! — воскликнул он.— Джунгли занимают площадь в тридцать миллионов акров! О выбранном вами маршруте никто не знал, а полетов над Погаными горами практически не бывает! И вы думали, что вас здесь найдут?

— Что же делать? — чуть не плача, проговорила девушка.

При виде ее слез Грант смягчился.

— Успокойтесь же. Самое страшное позади. Теперь просто придется подождать транспортного судна, регулярно забирающего февру у меня и других поставщиков. Оно совершает облет джунглей ежемесячно, так что недели через три вы сможете улететь отсюда.— Он не стал уточнять, что и сам не задержится здесь.— Ну, как план?

— Думается, это единственно правильное решение,— согласилась Ли, но тут же ее лицо вновь затуманилось, и она прошептала: — Отец, наверное, решил, что я погибла...

— Но вы-то знаете, что живы! — рассмеялся Грант.

Молчавший до сих пор Оливер радостно завопил:

— Какое счастье! Самое страшное позади!

— Я не стану для вас обузой,— сказала повеселевшая девушка, выпутываясь из куртки Гранта.— Я умею прибираться и кое-как готовить. Но что делать с платьем и обувью? В этих лохмотьях я напоминаю огородное пугало! А каблуки, как я убедилась, не совсем годятся для джунглей.

Грант критически оглядел девушку и нашел, что ее очарование вовсе не зависит от того, какой на ней наряд, но вслух сказал:

— Посмотрите в ящике — может, что и удастся перешить. А каблуки я немного укорочу ножом.

Он показал Ли, где лежат иголки, нитки и ножницы, и на какое-то время его хижина превратилась в пошивочную мастерскую. Девушка что-то ушивала и отрезала, время от времени прикладывая к себе результаты моделирования. Повсюду валялись лоскутки и обрезки ниток, а посреди этого хаоса важно ходил эхокот, предлагая всем укоротить каблуки.

Когда одежда стала приобретать законченный вид, Грант вышел из домика, чтобы не смущать девушку во время последней примерки. Через некоторое время Ли присоединилась к нему, чтобы продемонстрировать результаты своего труда: перед молодым человеком стоял, кокетливо склонив головку, прелестный мальчик в джинсах и ковбойке.

— Браво! — искренне воскликнул Колтроп.— Никак не ожидал, что мое барахло может выглядеть так неплохо. Вот что значит умелые руки!

Девушка покрутилась перед ним, словно на подиуме, но внезапно снова побледнела: Грант понял, что близок второй приступ болезни. Он помог мисс Ли вернуться в дом и заботливо укутал опустившуюся на постель девушку своей курткой.

Приготовив очередную порцию лекарства, он с сожалением взглянул на жалкие остатки целительного препарата и заметил:

— Придется где-то раздобыть листья февры: мои поставщики-иолики здорово подвели меня, притащив вовсе не те растения. Ладно, займусь этим позднее, а вы пока выпейте то, что есть, и постарайтесь уснуть.

Колтроп достал из ящика таблицы движения небесных тел и углубился в их изучение, время от времени поглядывая то на часы, то на небосклон. Юпитер медленно закатывался за горизонт. На его поверхности, испещренной жемчужными и охряными полосами, ярко выделялось огненное пятно, смещенное к западу, а над гигантской планетой серебрился шарик Европы.

Еще раз сверившись с таблицей, Грант определил, что Юпитер исчезнет с неба Ио через пятнадцать минут, а еще десять минут спустя за ним последует и

Европа: впервые за две недели планету окутает настоящая ночь.

«Надо будет воспользоваться тьмой, чтобы добыть февру,— подумал Грант.— Больше такого случая не представится».

Он убрал таблицы, запер ящик и взглянул на девушку. Та мирно спала, обхватив рукой шею прикорнувшего возле нее Оливера. Стараясь не шуметь, Грант проверил оружие, отворил дверь и сел у порога, ожидая наступления ночи. Это было самое опасное время за весь цикл обращения Ио вокруг Юпитера: именно тогда из окрестных джунглей выходили на добычу невероятные по силе и жестокости твари. К счастью, Грант никогда не встречался с ними, но слышал от опытных охотников, что местные чудовища превосходили даже жутких хищников Венеры.

Тем не менее лишь под покровом абсолютной тьмы Грант надеялся незаметно и беззвучно подкрасться к крепостным стенам поселения мышелюдей, потому что именно там находились плантации февры. Даже иолики не рисковали добывать вожделенные листья вблизи крепостей, с большей охотой предпочитая отыскивать растения в чащах ядовитых пальм, чем подвергаться нападению мышей. Но Грант, полагаясь на многолетний охотничий опыт, решил наведаться именно туда, полагая, что сможет обмануть бдительность стражей, на которых непривычно темная ночь с ее неведомыми опасностями наверняка оказывала свое магическое воздействие.

Когда на небе угас последний отсвет Европы, Грант поднялся, плотно прикрыл дверь и направился к старой крепости карликов, поскольку в новой, которую обнаружила Ли, еще не успели вырастить февру. Неожиданно он заметил, что у него имеется провожатый: за ним неотступно следовал все тот же багроволицый иолик. Стараясь не шуметь, Грант жестами велел ему убираться, и тот беззвучно скрылся в зарослях.

Грант подобрался к крепостной стене и остановился под прикрытием какого-то развесистого растения. Он увидел, как в домиках карликов зажгались огни, их отсветы ложились на пустынную площадь: по-видимо-

му, мышелюди тоже не горели желанием оказаться под темными небесами. Вспомнив, где он приметил посадки февры, Грант согнулся почти пополам и двинулся к крепости.

До сих пор все шло как по маслу: он не уловил присутствия хищников, карлики не услышали его крадущихся шагов. Но именно тишина и подвела Гранта: хруст отрываемых от стеблей листьев февры прозвучал словно серия пистолетных выстрелов. Мгновенно в домах захлопали двери, и площадь наполнилась возбужденной толпой карликов.

Грант решил не дожидаться развития событий и, сжимая в руках добычу, помчался к хижине. Едва успел он захлопнуть за собой дверь, как поляну перед ней заполнили полчища визжавших мышей. Шум разбудил девушку и кота, и они вопросительно уставились на Гранта.

— Это мыши,— чуть задыхаясь от быстрого бега, объяснил Грант.— Я украл у них немного февры, и теперь они жаждут отмщения. Но еще не бывало случая, чтобы мышелюди одолели железное дерево, так что мы пока в безопасности.

— Именно пока,— подчеркнула последнее слово девушка.— Я слышала, что они невероятно коварны и умны. Это так?

Грант был вынужден согласиться.

— Да, они уже многое переняли от нас, например, способы добывания огня и обработки металлов. Не дай бог, овладеют и тайнами создания оружия! Тогда у человечества появится могучий враг, поскольку их численность идет в сравнение разве что с кроликами.

— Да, перспективы мрачные,— согласилась Ли и вдруг с удивлением добавила: — А я, оказывается, хочу есть!

Обрадованный этим явным признаком выздоровления, Грант вывалил на стол неприкосновенный запас еды из ящика, и вся компания — в том числе и Оливер — отдала должное неприхотливым яствам.

Тем временем шум за стенами дома постепенно утих, и Ли предположила, что карлики оставили землян в покое. Однако Грант разглядел в тусклом свете звезд

поблескивание наконечников копий — армия мышей и не думала отступать.

— Вероятно, они решили поменять тактику,— предположил Грант.— Но до восхода нового светила у нас еще есть несколько часов. Воспользуемся тьмой для отдыха — мало ли что ожидает нас впереди.

Как показало будущее, эти слова оказались пророческими.

* * *

Какое-то неясное беспокойство заставило Гранта проснуться. Тьму за окном сменил новый рассвет и, казалось бы, все вокруг дышало покоем. Но Оливер так не считал: стуча о пол когтями, он бродил по комнате, взволнованно кидая хвост из строны в сторону, и, как только заметил, что хозяин проснулся, сообщил ему:

— Они решили поменять тактику.

Грант повернулся на бок, собираясь отчитать эхокота за преждевременный подъем, но ухо, оказавшееся прижатым к полу, неожиданно уловило странный рокот, напоминавший раскаты далекого грома. Землетрясение? Но на Ио не бывало землетрясений. В этот момент пол завибрировал, раздался подозрительный треск.

Вскочив на ноги, Грант схватил пояс с оружием, сдвинул засов на двери и ногой распахнул ее настежь. Затем бросился к кровати, одним движением подхватил недоумевающую девушку и выскочил на лужайку. Там уже ожидал землян Оливер, первым удравший из дома.

— Если бы не эта зверушка, нам всем конец,— проговорил Грант, погладив Оливера по спине.

— Да что случилось? — спросила Ли, но вместо ответа Грант указал на только что покинутое жилье: дом стремительно проваливался вниз, и вскоре в центре лужайки зияла лишь глубокая яма.

— Мерзкие мыши устроили подкоп, чтобы одним махом избавиться от нас,— сказал Грант онемевшей девушке.

В этот момент на людей посыпались стрелы: окружившие хижину карлики предусмотрели даже возможную

осечку в выполнении своего злодейского замысла! Вслед за стрелами из зарослей выскочили несметные толпы мышевидных тварей. Они мгновенно заполнили лужайку, словно приливная волна, наступавшая на берег. Людям остался единственный путь к спасению — тропа, ведущая к отрогам Поганых гор.

Казалось бы, совсем недавно Грант в сопровождении иолика и Оливера шел по ней к дому, мечтая избавить самое дорогое для него существо от невзгод и лишений. А теперь оба они, преследуемые и бездомные, мчались прочь от исчезнувшего дома, и впереди их ждали все те же невзгоды и лишения. Но в их трагический исход вплелась и комическая нотка: за ними поспешно скакал эхокот, а вдали виднелся ковыляющий иолик с багровым лицом.

Когда они оторвались от карликов на значительное расстояние, Грант замедлил шаги и обратился к девушке:

— Придется где-то соорудить новое жилище и подумать о сигнализации, иначе пилот, обнаружив вместо дома яму, решит, что я просто сгинул. Конечно, незавидное положение...

— А я вовсе не боюсь,— заявила Ли, сжав кулачки.— Вдвоем мы как-нибудь выкрутимся, верно ведь?

Когда к ним подошли отставшие кот и иолик, в воздухе снова засвистели стрелы: упорные преследователи не отставали. Люди снова ускорили шаги, но теперь впереди шел абориген: по его жестам Грант понял, что он пытается указать какую-то дорогу.

Постепенно Грант заметил, что их маленький отряд движется по совершенно незнакомой ему местности: здесь он наверняка никогда не был. Тропа вилась между каменистыми отвалами, поднимаясь все выше и выше. Воздух становился все более разреженным, что затрудняло дыхание. И странное дело: чем тяжелее становилось людям, тем, казалось, лучше чувствовал себя иолик. Движения рук утратили угловатую неловкость, ковыляющая походка стала более плавной, изменилось даже выражение лица. Прежний увалень скользил по тропе, легкий и невесомый, и когда он оглядывался на людей, те видели не идиотическую гримасу, а отблеск

подлинного счастья, сиявшего в широко открытых глазах.

Остановившись, чтобы дать отдышаться Ли, Грант оглянулся и заметил далеко внизу серо-зеленую ленту: карлики ожесточенно карабкались вверх, доведенные до остервенения неудавшейся попыткой уничтожения людей. Только этим можно было объяснить их маниакальное стремление в горы, где не может выжить ни одна мышь.

Но не это удивило Гранта: эскорт землян теперь состоял из нескольких иоликов, которые как-то незаметно присоединились к Оливеру. В их облике молодой человек заметил те же изменения, что поразили его в багроволицем проводнике.

Передохнув, беглецы двинулись дальше. Теперь иолик вел их к узкой щели, расколовшей надвое некогда монолитный остроконечный пик, вздымавшийся в невероятную высь. Бесконечно долго, как показалось Гранту, они шли вдоль гладких вертикальных стен древнего раскола, пока наконец впереди не забрезжил свет.

Выйдя из ущелья, они оказались перед спускавшейся вниз долиной, где высился прекрасный белокаменный город. Гранту припомнились великолепные строения древней Эллады, уничтожить красоту которых оказалось не под силу даже неумолимому времени. Однако, спустившись к первым строениям, земляне заметили, что и здесь зодчий-время поработал на славу: удивительный город лежал в руинах.

— Вряд ли это принадлежало мышам,— с сомнением проговорила Ли.— Для них он слишком велик и роскошен. Если уцелеем, надо будет рассмотреть его получше.

— Давай-ка сначала выберем позицию для обороны,— предложил Грант.— Желательно с хорошим сектором обстрела. А архитектурными шедеврами еще успеем полюбоваться.

Но им не суждено было выполнить свой замысел: позади послышался многоголосый визг, сопровождаемый трубными звуками, напомнившими Гранту крики журавлей. Помогая друг другу, молодые люди поспеш-

но вскарабкались к выходу из разлома, где их глазам предстало невероятное зрелище.

Иолики, выстроившись в шеренгу, перекрыли узкое ущелье по всей ширине и теперь руками и ногами отпихивали наседавшие на них полчища мышей. Подбадривая себя воинственными криками, они не давали нападавшим проникнуть в долину, к чудному городу. А те, словно река, встретившая каменные пороги, штурмовали преграду, разбиваясь о нее волна за волной, но упорно кидались на неожиданное препятствие, как одержимые. Однако разреженный горный воздух делал свое дело: карлики явно ослабли, но они по-прежнему оставались грозной силой, хотя бы из-за своего безмерного количества.

Выхватывая на ходу бластер, Грант обернулся к девушке и указал стволом в сторону ущелья.

— Взгляни только,— возбужденно закричал он,— эти грызуны заполнили все ущелье! Вот теперь-то им точно крышка!

Поднявшись по каменным уступам как можно выше, чтобы головы сражавшихся иоликов не помешали прицельной стрельбе, Грант тщательно выверил угол наклона ствола бластера и нажал на спуск. Огненный смерч мгновенно заполнил ущелье, и в реве его пламени потонули как победные крики иоликов, так и предсмертный визг сжигаемых заживо мышей.

Спасаясь от смрада горящей плоти, земляне, сопровождаемые свитой иоликов, спустились в долину. Багроволицый проводник по-прежнему манил их за собой, и молодые люди направились за ним, по пути рассматривая причудливые колоннады, остатки пандусов, изломанные ступени величественных лестниц, расколотые обелиски.

Неожиданно перед ними возникло строение, напоминавшее древнегреческий храм. Оно уцелело лучше других, и именно к нему вел беглецов их гид. По широкой лестнице люди вступили в многоколонный портик, украшенный мраморными статуями — в них потрясенные земляне узнали изображения иоликов, точнее, тех созданий, какими некогда были их предки.

Ли прижала руки к груди и благоговейно обвела взглядом величественный портик.

— Ах, какую же прекрасную жизнь видели стены этого города! — воскликнула она.

— Да,— согласился Грант.— Как жаль, что мощные цивилизации не могут противостоять ни времени, ни обстоятельствам. Вспомни хотя бы инков или легендарную Атлантиду. Всем грозит вымирание, гибель или вырождение! В сущности, история всех миров является перечнем этих печальных событий. А здесь, возможно, могильщиками высокоразвитой культуры стали злобные карлики, чьи останки дотлевают сейчас в ущелье. Вероятно, обособленность мира иоликов — а вместе с ней и само их существование — закончились после гигантского катаклизма, расколовшего этот горный пик. Во всяком случае, с открытием белокаменного города интерес к Ио среди археологов существенно возрастет.

— Я думаю, нам следует обосноваться где-нибудь здесь,— предложила Ли.— Сюда не проникают испарения джунглей, так что рецидива болезни бояться нечего.

«Интересно,— думал между тем Грант,— почему иолик все время манил меня за собой? Вероятно, хотел помочь. А может быть, рассказать о своем народе, утратившем ныне даже речь. Может быть, он страдал от неуважительного отношения к своему племени? Как знать».

Покидая вместе с девушкой портик, Грант успел заметить, как цепочка аборигенов исчезла за живописными развалинами. Оглядев безлюдный город, он обернулся к Ли и виновато проговорил:

— Извините, я задумался и не ответил вам. Да, здесь вполне подходящее место для жилья: хотя бы не придется строить дом — вон их тут сколько!

На последней ступеньке лестницы их терпеливо ждал Оливер. Увидев, что люди, наконец, заметили его, он безапелляционно предложил:

— Выберем позицию для обороны.

— Ты, как всегда, прав,— рассмеялся Грант.— Пошли выбирать жилье!

Неожиданно какой-то звук заставил кота ощетиниться. Люди закрутили головами, не понимая, откуда идет

этот гул: эхо, многократно отраженное горами и стенами домов, не позволяло выявить его источник. Вдруг по белым стенам мелькнула тень. Грант поднял голову и увидел челнок, делавший вираж над городом.

Девушка пронзительно закричала и стала бегать по площади перед храмом, размахивая руками, а Грант сдернул рубашку и завертел ею над головой, словно пропеллером. К общей суматохе присоединился и Оливер, принявшийся скакать по белоснежной лестнице, выписывая замысловатые кренделя.

Вероятно, на челноке заметили их маневры, потому что он стал медленно снижаться и наконец опустился на окраине города — перед местом недавней битвы с мышами. Запыхавшиеся молодые люди примчались к нему как раз в тот момент, когда из отворенного люка опускался трап. Минуту спустя в проеме появился человек, к которому с суматошным воплем: «Отец!» — бросилась Ли.

Когда с упреками, поцелуями и слезами наконец было покончено, мистер Нилан обернулся к молчаливому свидетелю бурной встречи и проговорил:

— Чем я смогу отплатить вам за спасение дочери, мистер Колтроп?

— Разрешите мне вернуться на Землю! — ответил Грант.— Правда, за аннулирование контракта в одностороннем порядке мне заплатить нечем, но вы можете вычесть неустойку из моего полугодового жалованья. Вероятно, оставшегося хватит на билет в один конец.

— Откровенно говоря, в отношении вас у меня были свои планы,— проговорил глава фирмы «Лекарственные препараты Нилана».— Через полгода мы предполагаем организовать поставки февры с собственных плантаций, расположенных неподалеку от городов. Опыты уже подтвердили возможность подобного предприятия, хотя многим оно казалось абсурдным. И вот тогда мне понадобятся опытные люди для управления всем этим хозяйством.

— Предложение, конечно, заманчивое, да есть одна неувязка: через полгода я, скорее всего, стану пригоден лишь для смирительной рубашки,— усмехнувшись, воз-

разил Грант.— Обстановка здесь, знаете ли, не курортная. Кстати, а как вы отыскали нас?

Нилан рассмеялся.

— Представьте себе, это оказалось вполне решаемой задачей. Мы проверили все маршруты, пригодные для легких самолетов, и базы всех сборщиков февры, отыскивая какие-нибудь необычные факты. Такой факт мы обнаружили только у вас — провалившаяся хижина свидетельствовала о том, что здесь произошел серьезный конфликт. Обычно такого не бывает, поскольку опасное пребывание в джунглях заставляет охотников-одиночек вести себя крайне осторожно. Мы стали обшаривать окрестности Поганых гор неподалеку от вашего жилья и нашли обломки самолета, а затем и широкую тропу, оставленную армией карликов. Это помогло сузить зону поисков до минимума: теперь мы барражировали вокруг этого пика.— Он указал в сторону раздвоенной вершины.— А огонь вашего бластера поставил последнюю точку в поисках.

Во время рассказа отца Ли старалась привлечь к себе внимание Гранта, а когда Нилан умолк, оттащила молодого человека в сторону и смущенно проговорила:

— Не улетайте, Грант. Я понимаю, как страшно оставаться один на один с этим жутким местом, но если рядом с вами будет жена, мы вместе как-нибудь продержимся эти полгода.

Колтроп резким движением повернул девушку к себе и заглянул ей в глаза.

— Вы это серьезно, мисс Нилан? — строго спросил он, и, когда она кивнула в ответ, Грант обернулся к ее отцу: — Прошу у вас разрешения на брак с вашей дочерью, сударь.

— Согласен,— ответил тот.— Она давно нуждается в строгом присмотре.

— Это все моя глупость,— голосом Ли подвел итог Оливер.

ПЛАНЕТА СОМНЕНИЙ[1]

Гамильтон Хэммонд вздрогнул от неожиданности, когда Каллен, химик экспедиции, крикнул из заднего отсека, где он стоял на посту:

— Я что-то вижу!

Хэм нагнулся к иллюминатору в полу и начал всматриваться в зеленовато-серую мглу, которая окутывает Уран неисчислимые миллионы лет. Он торопливо покосился на стрелку электролота — пятьдесят пять футов, непоколебимо объявила та и солгала, так как стояла на этой цифре в течение всего стошестидесятимильного медленного спуска. Сигнал отражался не от поверхности планеты, а от тумана.

Барометр показывал 862 миллиметра. Он был очень ненадежным проводником, но меньше уклонялся от истины, чем электролот,— во всяком случае, сорок лет назад, в 2060 году, неустрашимый Янг во время своего романтического полета с Титана на южный полюс затянутой облаками планеты установил, что атмосферное давление на ее поверхности равно 860 миллиметрам. Однако «Гея» опускалась теперь на северный полюс, в сорока пяти тысячах миль от места посадки Янга, и неведомые могучие горы или бездонные прова-

[1] Герои этого рассказа вам встретятся вновь в цикле рассказов «Венерианские хроники», хотя по мнению автора рассказ «Планета сомнений» является совершенно самостоятельным произведением. (*прим. составителя*)

лы могли лишить сообщенные им цифры всякого практического смысла.

— Я ничего не вижу,— пробормотал Хэм.

— И я,— подтвердила Патриция Хэммонд, его жена, а по служебной линии — биолог «Геи».— Ниче... Нет-нет! Там что-то движется. — Она прищурилась.— Вверх! Вверх! — вскрикнула она.— Скорее!

Харборд был прекрасным астролетчиком; не переспрашивая, даже не отведя взгляда от приборной доски, он резко рванул ручку. Двигатели взревели, и ускорение прижало экипаж «Геи» к полу.

Как раз вовремя! Гигантский серый водяной вал прокатился под нижним иллюминатором так близко от ракеты, что удар раскаленных газов вырыл глубокую яму, а брызги долетели до корпуса.

— Фьюу-у-у! — присвистнул Хэм.— Чуточку пониже, и от этого холодного душа все сопла разнесло бы к черту, они ведь раскалены добела.

— Океан! — со злостью сказала Патриция.— А Янг видел сушу!

— Да. В сорока пяти тысячах миль отсюда.

— Ты считаешь, что туман везде доходит до самой поверхности? — спросила она, задумчиво сдвинув брови.

— Так утверждает Янг.

— А на Венере облака образуются только на границе верхних и нижних воздушных течений.

— Да, но Венера ближе к Солнцу. А здесь тепло распределяется равномерно, так как от Солнца оно практически не зависит. Большая часть тепла поступает к поверхности изнутри, как на Юпитере и на Сатурне, но Уран холоднее, потому что он меньше. И в отличие от расплавленных планет-гигантов у него твердая кора, которая нагрета гораздо слабее, чем сумеречная зона Венеры.

— Но ведь Титан холоден, как десяток земных северных полюсов, а на нем все время бушуют ураганы. Хэм улыбнулся.

— Хочешь меня подловить? Ветер зависит не от абсолютной температуры, а от разницы температур на разных участках поверхности. Титан с одного бока подогревается Сатурном. А на Уране теплота распределе-

на абсолютно равномерно — во всяком случае, с практической точки зрения,— потому что она поступает из недр планеты. Но чего мы ждем? — вдруг спросил он, повернувшись к Харборду.

— Твоих распоряжений,— буркнул астролетчик.— Теперь командуешь ты. Мои полномочия кончились, когда мы увидели поверхность планеты.

— Верно! — воскликнул Хэм.

— И ты, конечно, знаешь, куда нам лететь,— насмешливо фыркнула Патриция.

— А как же! — Он повернулся к Харборду и приказал: — Курс юго-восток,— а потом добавил, повысив голос, чтобы перекрыть усилившийся рев двигателей: — Высота тридцать тысяч метров, чтобы не врезаться в горы.

«Гея», носившая имя древнегреческой богини Земли, супруги бога Урана, рванулась сквозь туман прочь от полюса. В одном отношении полюсы Урана не имеют себе подобных среди планет Солнечной системы: в отличие от Юпитера, Сатурна, Марса или Земли он вращается не как волчок, а напоминает катящийся шар, и его полюсы лежат в плоскости орбиты. Поэтому в одной точке орбиты к Солнцу бывает обращен его южный полюс, а сорок два года спустя на противоположной стороне этого гигантского эллипса на Солнце смотрит уже северный полюс.

За сорок лет до «Геи» Янг совершил посадку в районе южного полюса, и только через сорок лет на этом полюсе вновь настанет полдень.

Уран вращается на самом краю Солнечной системы — от абсолютной пустоты межзвездных пространств его отделяют только орбиты ледяного Нептуна и крохотного Плутона, а расстояние между ним и Сатурном, его ближайшим внутренним соседом, превышает сумму расстояний от Сатурна до Юпитера, от Юпитера до астероидов, от астероидов до Марса и от Марса до Земли. О прямом полете с Земли до Урана не может быть и речи, так как даже при максимальном сближении их разделяет более полутора миллиардов миль. И летать приходится в два приема — сперва на спутник Сатурна Титан, где земляне устроили постоянную базу, а оттуда уже на Уран.

Но это условие резко сокращает число возможных полетов, поскольку, хотя у Земли и Сатурна противостояние наступает через интервалы около года с небольшим, противостояние Урана и Сатурна наступает лишь раз в сорок лет. И только тогда людям открывается возможность добраться до огромной, таинственной, закутанной в туманы планеты.

— Послушай, почему ты выбрал именно этот курс? — требовательно спросила Патриция.— Юго-восток! Сказал первое, что тебе пришло в голову, верно?

— Беда женщин в том, что они всегда задают слишком много вопросов! — проворчал Харборд.

— Шопенгауэр! — прошипела Патриция.

— Почему Шопенгауэр? — удивился астролетчик.

— Потому что он был женоненавистником. Вроде тебя!

— Вот как? Значит, неплохой философ. Надо бы его почитать!

— Да ладно вам! — вмешался Хэм, ухмыляясь.— А этот курс я выбрал потому, что хочу сэкономить время. Мы ведь не можем задерживаться здесь долго, если не хотим сорок лет ждать следующего противостояния.

— Но почему именно юго-восток?

— Если ты когда-нибудь смотрела на глобус Земли, может быть, заметила, что все материки и все крупнейшие полуострова сужаются к югу? Другими словами, большая часть земной суши расположена к северу от экватора. Арктический океан окружен почти замкнутым кольцом суши, а в Южном полушарии от Полярного круга во все стороны простираются огромные водные пространства. То же относится и к Марсу, если глубокие болотистые впадины в самом деле прежнее океанское дно; и к замерзшим океанам ночной стороны Венеры. И я исхожу из того, что на Уране вода и суша распределяются сходным образом. Янг нашел остров, аналогичный нашей Антарктиде, я же ищу что-нибудь аналогичное Европе и Азии.

— Искать еще не значит найти,— возразила Пат.— Почему ты выбрал курс юго-восток, а не прямо на юг?

— Потому что мы идем по спирали, стало быть, меньше шансов промахнуться по материку. Когда ви-

димость не превышает пятидесяти футов, даже нешироким пролив можно принять за море.

Примерно через час «Гея» снова начала медленно и осторожно опускаться на поверхность планеты. Когда атмосферное давление достигло 850 миллиметров, Хэм приказал почти полностью погасить скорость, и ракета продолжала спускаться со скоростью несколько дюймов в минуту.

Барометр показывал 858 миллиметров, когда из заднего отсека, где выхлопные газы не застилали иллюминатор, донесся голос Каллена:

— Вижу что-то внизу!

Да, там несомненно что-то было. Туман казался более темным, и нем можно было различить подобие рельефа. Хэм долго вглядывался в сумрак, а затем резко приказал идти на посадку, и «Гея», слегка вздрогнув, замерла на сером песке голой равнины, огороженной стенами и сводами непроницаемой мглы.

Доступное взгляду пространство казалось невообразимо диким и чужим. В тишине, воцарившейся, едва смолк рев двигателей, люди молча смотрели на мертвенно свинцовые пары за иллюминаторами.

Венера, родина Пат, была достаточно странной планетой — узкая сумеречная зона, пригодная для человеческого обитания, кишащие жизнью жаркие нагорья и таинственная ночная сторона,— но все-таки это была сестра Земли.

Марс, планета пустынь с великой, но давно пришедшей в упадок цивилизацией, был не так близок землянам, но и не казался абсолютно чужим. На лунах Юпитера обитали странные существа, как и на холодном Титане, вращающемся вокруг Сатурна. Но все это были маленькие миры. Теперь же людям открылся Уран, принадлежащий к гигантским планетам, всего лишь сводный брат малых ближайших к Солнцу планет и весьма дальний родственник крохотных спутников. Он был таинственным и чужим, до ужаса чужим. Они нарушили его покой вслед за Янгом и его товарищами, которые сорок лет назад обследовали всего один квадратный километр поверхности планеты в сорока пяти тысячах миль от того места, где сейчас стояла «Гея».

А весь остальной Уран был колоссальной загадкой, и мысль об этом заставила притихнуть даже неугомонную Патрицию.

Однако ненадолго.

— Ну,— сказала Пат,— по-моему, очень похоже на Лондон. Вот я сейчас выйду наружу и окажусь на Пикадилли!

— Ты выйдешь только после того, как будет взята проба атмосферы! — отрезал Хэм.

— А зачем? Янг и его спутники дышали этим воздухом... да-да, ты, конечно, скажешь, что это было в сорока пяти тысячах миль отсюда, но ведь даже биолог вроде меня знает, что по закону диффузии газов атмосфера планеты должна быть всюду одинаковой.

— Да? — осведомился Хэм.— Диффузия диффузией, но ты не подумала о том, что этот туманный шарик получает свое тепло изнутри? А это означает чрезвычайно бурную вулканическую деятельность, и отнюдь не исключено, что где-нибудь совсем рядом с «Геей» на поверхность выходят ядовитые газы. Погоди, пока Каллен не возьмет пробу.

Патриция покорилась и принялась наблюдать за тем, как молчаливый Каллен набирает в пробирку ураниан-ский воздух. Но вскоре она присела, снова выпрямилась и спросила:

— А почему тут так мала сила тяжести? Уран же в пятьдесят четыре раза больше Земли, а его масса в пятнадцать раз превосходит ее массу, но я чувствую себя здесь совсем как дома. («Домом» для Патриции был город Венобль в умеренной зоне Венеры.)

— Ты уже сама ответила на свой вопрос. Если Уран больше Земли или Венеры в пятьдесят четыре раза, а его масса превосходит их массу только в пятнадцать раз, значит, он имеет гораздо меньшую плотность — 0,27 земной, если быть совсем точным. То есть сила тяжести здесь должна быть равна девяти десятым земной, но я не замечаю никакой разницы. Позже мы взвесим килограммовую гирю на пружинных весах и установим ее вес.

Тем временем Каллен закончил анализ, и Пат спросила:

— Ну, как, годится для дыхания?

— Вполне. Многовато аргона, но он абсолютно безвреден для человека.

— А я что говорила! Ну, я иду...

— Погоди! — потребовал Хэм.— Сколько раз твоя поспешность доводила тебя до беды! — Он посмотрел на наружный термометр — девять градусов тепла, как поздней английской осенью.— Вот и объяснение этого вечного тумана,— заметил он.— Поверхность планеты тут всегда теплее воздуха.

Пат уже набросила на плечи куртку, и Хэм последовал ее примеру. Затем он повернул ручку двери переходного тамбура. Раздалось легкое шипение — это чуть более плотный воздух Урана ворвался в ракету, и Харборд с довольной улыбкой извлек из кармана трубку. Во время полета курить строжайше запрещалось, но теперь он мог позволить себе эту роскошь: воздуха вокруг было сколько угодно.

— Поглядывай в иллюминатор,— сказал ему Хэм.— И если нам понадобится помощь...

— Нам? — проворчал Харборд.— Твоей жены уже и след простыл.

Хэм, охнув, оглянулся. Наружная дверь тамбура была распахнута, и в проеме повис клок тумана, почти неподвижный в сонном воздухе Урана.

— Сумасшедшая!..— Он быстро застегнул пояс, в двух кобурах которого покоились автоматический пистолет и ручной огнемет, затем сунул в карман какой-то сверток в нырнул в вечный туман.

Ему показалось, что он очутился внутри перевернутой чаши из тусклого серебра, наполненной зеленоватым сумрачным полусветом. Пат нигде не было видно.

— Пат! — позвал он и удивился тому, как глухо прозвучал его голос в холодном сыром воздухе.

Он закричал изо всех сил и выругался, почувствовав внезапное облегчение, когда из серой пелены донесся приглушенный ответ.

Несколько секунд спустя появилась Патриция, размахивавшая чем-то длинным и извилистым.

— Вот посмотри! — воскликнула она с торжеством.— Первый образчик уранианской растительности! Рых-

лая структура, размножается почкованием и... Что случилось?

— Что?! Да ведь ты могла заблудиться! Как ты собиралась искать обратный путь?

— По компасу,— невозмутимо ответила она.

— Откуда ты знаешь, будет ли он работать? А может, мы находимся на самом магнитном полюсе Урана, если он у него есть.

Пат посмотрела на свое запястье.

— Да, кстати, компас и правда не действует. Стрелка вертится туда-сюда...

— А кроме того, ты выскочила без оружия! Такой глупости...

— Но Янг сообщил, что на Уране нет животных, ведь так? И... Погоди! Я знаю, что ты собираешься сказать — «в сорока пяти тысячах миль отсюда...».

Хэм смерил ее злобным взглядом.

— С этой минуты изволь подчиняться официальному приказу начальника экспедиции. Ты будешь выходить из ракеты только с кем-нибудь, причем вы будете связаны веревкой,— с этими словами он извлек из кармана толстый шелковый шнур и привязал один конец к ее поясу, а другой — к своему.

— Ну вот! Я чувствую себя щеночком на поводке,— пожаловалась Пат.

Хэм пропустил ее слова мимо ушей.

— Теперь мы можем заняться исследованием окрестностей,— сказал он.

В их распоряжении была подробная инструкция, которую Янг составил для будущих исследователей этого негостеприимного мира, где человека на каждом шагу подстерегают почти непреодолимые трудности.

К поясу Хэма была прикреплена катушка с тонкой стальной проволокой. Он защелкнул ее собачку на скобе, вделанной в корпус ракеты возле тамбура. Теперь они могли отойти от ракеты на тысячу футов, зная, что без труда найдут дорогу назад сквозь мглу. Это было единственное надежное средство связи на планете, где туман приглушал все звуки, а радио не работало. Проволока же служила не только путеводной нитью, но и

средством сообщения с «Геей» — стоило дернуть за нее, в ракете звонил колокольчик.

Хэм помахал Харборду, попыхивавшему трубкой возле иллюминатора, и они двинулись вперед. Им предстояло обследовать поверхность Урана, сделав круг радиусом в тысячу футов и время от времени меняя местоположение ракеты.

— Колоссальная задача, тем более что у нас так мало времени! — заметил Хэм.— Пожалуй, Уран никогда не будет исследован по-настоящему. Во всяком случае, пока экспедиции будут посылать только раз в сорок лет.

— То есть пока командовать этими экспедициями будут ревнители безопасности вроде тебя! — поправила Патриция.— Неужели ты не понимаешь, что мы будем описывать жалкие кружочки с тысячефутовым радиусом и самое главное, самое интересное, возможно, будет каждый раз оставаться за их пределами? Если бы мы исследовали таким способом Землю, сколько было бы у нас шансов обнаружить в таком кружочке городскую улицу, дом или даже человека?

— Ты абсолютно права, Пат, но что нам остается делать?

— Ну, мы могли бы отказаться от некоторых излишних предосторожностей и расширить обследуемую площадь.

— А вот этого мы не сделаем. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось!

— О! — раздраженно воскликнула она, отворачиваясь.— Ты... ты...— ее голос затих в тумане, потому что она отбежала от него на полную длину шелкового шнура. Теперь они не видели друг друга, и только когда шнур туго натягивался, они вспоминали, что еще связаны.

Хэм медленно шел вперед, внимательно вглядываясь в безжизненные россыпи мелких камешков, между которыми иногда тускло поблескивали лужи конденсированной влаги. Изредка он перешагивал через извилистые плети растений, похожих на то, которое Пат бросила около ракеты. Безветренный Уран, по-видимому, не знал дождей, и влага здесь конденсировалась в

холодном воздухе, потом испарялась от соприкосновения с более теплой почвой, и так без конца.

Внезапно Хэм увидел перед собой впадину с кипящей грязью, из которой время от времени вырывались струи пара, тут же растворявшиеся в тумане,— свидетельство гигантского внутреннего жара, обогревавшего планету. Он хотел было повнимательнее рассмотреть этот грязевой котел, как вдруг шнур дернулся с такой силой, что Хэм чуть было не упал.

Он стремительно повернулся. Из тумана возникла Патриция, волочившая плетеобразное растение. Увидев мужа, она бросила свою ношу и испуганно уцепилась за его руку.

— Хэм! Скорее вернемся! Я боюсь.

— Но чего? — Он хорошо знал ее характер: бесстрашная, даже легкомысленная, когда дело касалось конкретных опасностей, Пат обладала излишне живым воображением и, столкнувшись с чем-либо непонятным, мгновенно рисовала себе такие ужасы, что ее охватывал безотчетный страх.

— Не знаю...— растерянно сказала она.— Я... я что-то видела...

— Где?

— В тумане! Повсюду вокруг!

Хэм высвободился из ее объятии и сжал рукоятки пистолетов за поясом.

— Но все-таки что тебя напугало?

— Чудовища! Какие-то фигуры в тумане. Гиганты с человеческими лицами. Химеры, демоны, порождения бредовых кошмаров. Я нагнулась над лужицей, рассматривая споры. Кругом было тихо, как-то мертвенно тихо... И вдруг в лужице что-то мелькнуло — тень чего-то, что возникло надо мной. Я взглянула вверх и ничего не увидела. Но затем я различила в тумане жуткие фигуры — они окружали меня со всех сторон. Я закричала, но вспомнила, что ты меня не услышишь. Тогда я дернула шнур, закрыла глаза и кинулась сквозь этот строй к тебе.

— Они окружали тебя со всех сторон? — переспросил Хэм.— Стояли между мной и тобой?

Она кивнула. Хэм усмехнулся.

— Они тебе почудились, Пат. Шнур ведь довольно короток, и если бы кто-то оказался между нами, мы увидели бы его оба. А я ничего не видел — абсолютно ничего.

Его снисходительная усмешка взбесила Пат, и она негодующе воскликнула:

— Ну хорошо! Давай постоим совсем неподвижно. Может быть, они вернутся, и тогда посмотрим, что ты скажешь!

Он кивнул, и они замерли под матовым сводом тумана. Нигде ничего, кроме бездонной, бесконечной серости и извечной тишины. Хэм даже не представлял себе, что такая тишина возможна: на Земле ни день, ни ночь не бывают совершенно безмолвными — шелестят листья, шуршит трава, где-то журчит ручей, жужжат насекомые и даже в самой сухой пустыне еле слышно шепчет песок, нагреваясь и остывая. На Земле, но не здесь. Здесь тишина была настолько безмерной и всепроникающей, что ее, казалось, можно было слышать.

Или это просто кровь стучит у него в висках? Неясный ропот, слабый-слабый шорох, смутное бормотание. Он нахмурился, напрягая слух, в почувствовал, как вздрогнула Патриция.

— Вон там! — прошептала она.— Там!

Он вгляделся в серую мглу. Ничего... нет, как будто... Что-то вроде тени... Но откуда возьмется тень в лишенном света царстве тумана? Просто сгущающиеся пары. Но ведь она движется! А туман не движется, если не дует ветер. Ветра же нет.

У него заболели глаза — так отчаянно он их прищуривал. И он увидел —или это ему почудилось? — огромную, нависающую над ними фигуру. А может быть, десяток, фигур. Они были вокруг них. Окружали их со всех сторон. Одна беззвучно проплыла в вышине, а десятки других покачивались и изгибались где-то на границе видимости. Бормотание, шушуканье, звуки, похожие на вздохи и перешептывания, легкий топот и похрустывание... Туманные фигуры были зыбкими, переменчивыми — они возникали из мелких темных пятен, вздымались призрачными колоссами, рассеивались и сгущались, точно клубы дыма.

— Бог мой! — ахнул Хэм.— Что это?..

Он попытался задержать взгляд на одной из фигур и не мог — они все время сливались, переходили одна в другую, приближались, удалялись или просто возникали из пустоты и тут же таяли. Но внезапно он окаменел, обнаружив, что у них есть... лица!

Не совсем человеческие. Скорее похожие на лица химер или демонов, как сказала Пат. Они гримасничали, злобно ухмылялись, свалялись в идиотских усмешках и корчили скорбные рожи. Рассмотреть их как следует не удавалась — они были смутными, ускользающими, как бредовые видения.

Пат простонала:

— Вернемся на ракету, Хэм. Пожалуйста!

— Послушай,— сказал он.— Это ведь иллюзия. Во всяком случае, отчасти.

— Почему ты так думаешь?

— Из-за их сходства с людьми. Тут не может быть существ с почти человеческими лицами. Значит, наше воображение создает то, чего нет. На самом деле мы видим просто более плотные пятна в тумане — и все. И это нетрудно доказать. Мы снимем их на инфракрасную пленку и увидим такими, какие они есть!

— Не знаю, хватит ли у меня духу посмотреть на снимки! — призналась Пат, с дрожью вглядываясь в мглу.— А вдруг... а вдруг на снимках выйдут лица? Что ты тогда скажешь?

— Я скажу, что благодаря странному и практически невероятному совпадению живые организмы на Уране (если только это живые организмы) развивались примерно так же, как земные. Во всяком случае, их внешний вид...

Пат пронзительно вскрикнула. Они стояли боком друг к другу, и он, стремительно повернувшись посмотрел туда же, куда и она. Ему не сразу удалось сфокусировать взгляд, и он отчаянно замигал. Мгновение спустя он увидел то, что напугало ее. Это была гигантская почти черная тень, которая, начинаясь где-то у самой поверхности, вздымалась почти вертикально и изгибалась над их головами, словно бьющая вверх струя смоляного фонтана.

Хотя Хэм и пытался высмеять порожденные страхом фантазии Пат, нервы у него самого были напряжены до предела. Теперь он, почти не отдавая себе отчета в действиях, схватил пистолет и спустил курок. Пуля прочертила в тумане огненную кривую. Звук выстрела раздался словно из-под подушки, и вновь наступила полная тишина.

Да, полная тишина. Шорохи и похрустывания пропали, как и туманные фигуры. Они видели перед собой только мрачное вечное облако и слышали только тяжелое дыхание друг друга да легкий звон в ушах.

— Они исчезли! — прошептала Пат.

— Конечно. Я же говорил... Иллюзия — и больше ничего.

— Иллюзии не убегают от выстрела,— возразила Пат, к которой вернулось ее обычное мужество.— Это что-то вполне реальное и не пугает меня, как... как непонятное.

— А это ты считаешь понятным? — спросил он.— К тому же выстрел вполне может рассеять иллюзию! Предположим, мы внушили себе, что видим какие-то фигуры, или просто у нас устали глаза, а выстрел заставил нас очнуться.

— Ну, может быть...— с сомнением протянула Пат.— Во всяком случае, я их больше не боюсь. Даже если они реальны, их, по-видимому, нечего опасаться.

Она нагнулась, разглядывая странные перистые выросты, которые покачивались над пузырящейся грязью.

— Тайнобрачные,— определила она.— Видимо, только такие растения и могут существовать на Уране, поскольку тут нет опылителей вроде земных пчел или других насекомых.

Хэм ничего не ответил, вглядываясь в серую мглу. Внезапно оба вздрогнули — звонок на катушке с проволокой резко звякнул. Предупреждение с «Геи»!

Пат выпрямилась, а Хэм дернул проволоку, подавая ответный сигнал.

— Нам лучше вернуться,— пробормотал он.— Харборд и Каллен что-то заметили. Возможно, то же, что почудилось нам! Но все-таки вернемся.

Они пошли назад под тихое пение проволоки, которая наматывалась на пружинную катушку, подвешенную к поясу Хэма. Только этот звук да хруст песка под их подошвами нарушали безмолвие; в зеленовато-сером тумане не было никаких теней. Однако, когда они прошли две трети пути, положение изменилось.

Первой их заметила Патриция.

— Опять они! — прошептала она на ухо Хэму, но теперь в ее голосе не было страха.

Он тоже увидел их. На этот раз тени не плясали вокруг, а неслись от «Геи» к ним двумя параллельными потоками, так *что* теперь они с Пат словно шли по проходу, ограниченному с обеих сторон летящими тенями.

Они теснее прижались друг к другу и почти побежали. До ракеты оставалось не более полутораста шагов, когда в тумане впереди них возникло что-то темное и плотное — гораздо плотнее тумана и теней.

Они замерли. Неясное пятно приближалось. Теперь они уже могли его рассмотреть: темный круг футов шесть в диаметре, повернутый к ним плоской стороной. Круг приближался со скоростью быстро идущего человека, и очертания его становились все более четкими.

Хэм и Патриция смотрели как завороженные. Это нечто было лишено каких-либо отличительных черт — только тускло-черный круг и червеобразное, длинное, теряющееся в тумане туловище. Впрочем, нет! Теперь они увидели, что в центре круга выпячивается что-то, похожее на блин, прикрепленный к толстому стеблю. Края «блина» трепетали и загибались в их сторону, словно ловя звуки или запах. Неведомое существо было слепо, но обладало неким чувством, позволявшим ему обнаруживать отдаленные предметы. В тридцати шагах от людей «блин» на стебле потянулся к ним, и, слегка изменив направление, кинулся прямо на них.

Но Хэм был готов к этому. Его пистолет глухо хлопнул раз-другой. Нападающий словно вдвинулся сам в себя и откатился в сторону, а из-за него появилось точное его подобие — такой же черный круг с трепещу-

щим диском в центре. При этом в тумане раздался пронзительный визг.

Это была понятная угроза, и Патриция хладнокровно вытащила огнемет из кобуры на поясе мужа и сбросила предохранитель. Зная, однако, что единственный губительный заряд огнемета следует использовать только как последнее средство, она не стала стрелять и трижды дернула проволоку, ведущую к «Гее». Три рывка, потом еще три — сигнал, который покажет Каллену и Харборду, что им нужна помощь.

Второе существо — или это был сегмент первого? — снова бросилось на них. Хэм послал еще две пули в плоский круг, и вновь раздался пронзительный визг. Чудовище свернуло в сторону и упало, но к ним уже приближался третий черный диск. На этот раз Хэму не удалось свалить неведомое чудовище, однако после его выстрела оно повернуло и пронеслось мимо них, черное и громоздкое, как железнодорожный состав. Оно состояло из десятков восьмифутовых сегментов с тремя парами ног каждый — вернее, это были отдельные звенья, соединенные гибкими тяжами. Но двигались они как единое существо, ритмично перебирая бесчисленными ногами, как сороконожка. Хэм послал три пули в одно из средних звеньев. Это было ошибкой — из сегмента брызнула темная жидкость, и он отделился от «туловища», однако следовавший за ним сегмент внезапно повернул стебель с диском в сторону людей и кинулся на них, а тем временем где-то в тумане первая половина разорванного чудовища поворачивала назад.

Хэм услышал рев огнемета. Пат выждала, пока второе чудовище не приблизилось к ней почти вплотную, и выстрелила в самую последнюю секунду. Хэм на мгновение отвел взгляд от своего противника — посмотреть, что же произошло. Страшный разряд буквально испепелил пять сегментов, и единственный оставшийся в живых с трудом уползал в туман.

— Молодчина!—пробормотал Хэм и выстрелил. Его последняя пуля поразила передний сегмент — тот упал, но лишь для того, чтобы открыть дорогу следующему.

Хэм швырнул бесполезный пистолет в мясистый круг, увидел, как он отскочил от черной кожи, и встал перед Пат, заслоняя ее.

Совсем рядом пронеслась ревущая молния. Огнемет! Сзади из тумана возникли фигуры Каллена и Харборда, которые нащупывали дорогу по проволоке, а перед Хэмом извивались опаленные сегменты черного чудовища.

По-видимому, уцелевшая его часть утратила охотничий пыл — во всяком случае, она повернула и, топоча, исчезла в тумане. В ней осталось всего десять сегментов. Еще несколько секунд вокруг людей продолжали жестикулировать и гримасничать туманные образы, а затем исчезли и они.

Четверо людей пошли назад, к ракете. Когда за ними закрылась дверь тамбура, Патриция облегченно вздохнула и начала стягивать мокрую куртку.

— Вот это приключение! — сказала она.

— Ах, приключение! — фыркнул Хэм.— Я категорически требую, чтобы ты больше не уходила от «Геи»! Эта планета — не место для легкомысленных девчонок, которые притягивают опасность, как мед — мух.

— Как будто это моя вина! — фыркнула Пат.— Пожалуйста, отдавай приказ оставаться всем на борту, если ты считаешь, что это принесет хоть какую-нибудь пользу!

Хэм повернулся к Харборду.

— Спасибо. Вы подоспели как раз вовремя! — сказал он.— Да, кстати, о чем вы нас предупреждали? О тенях в тумане?

— Ты говоришь про здешний карнавал? — спросил Харборд.— Или это сектантские проповедники? Нет, мы решили, что это просто оптическая иллюзия, а сигнал подали, когда мимо ракеты в вашу сторону прошмыгнула тварь, с которой вы потом сцепились.

— Тварь или твари?

— А вы видели не одну?

— Я сам сделал из одной чуть ли не четыре. Первую я разорвал на две половины, и обе кинулись на нас. Одну Пат спалила огнеметом. Но мои пули вышибали сегменты и только умножали эту пакость.— Он недо-

уменно сдвинул брови.— Пат, ты разобралась, в чем тут дело?

— Конечно! — отрезала она, все еще сердясь на него.— Хороша была бы ваша экспедиция без биолога!

— Потому-то я тебя и берегу! — ухмыльнулся он.— Боюсь, как бы наша экспедиция не осталась без столь необходимого ей биолога. Но все-таки, что ты думаешь об этих сборно-разборных червячках?

— Множественное животное. Ты когда-нибудь слышал об Анри Фабре?

— Насколько я помню, нет.

— Это великий французский натуралист, живший два века назад. В частности, он изучал очень интересных маленьких гусениц, которые сплетают себе уютное шелковое гнездышко и каждую ночь выползают из него кормиться.

— Ну, и что?

— Не торопись,— сказала Пат.— Они выползают цепочкой, причем каждая гусеница касается головой хвоста ползущей перед ней. Видишь ли, они лишены зрения. Первая гусеница — вожак, она выбирает путь и ведет остальных к подходящему дереву. Там цепочка распадается, и гусеницы начинают кормиться. На рассвете они собираются в маленькие цепочки, из которых составляется одна большая...

— Но все-таки я не вижу...

— Погоди! Гусеница, которая оказывается первой в цепочке, становится вожаком. Если ты возьмешь прутик и разорвешь цепочку, та гусеница, что идет первой после разрыва, продолжает вести остальных к гнезду так же уверенно, как и прежний вожак. А если ты отделишь от цепочки одну гусеницу, она тоже найдет дорогу, поскольку будет вожаком в цепочке, состоящей из одной особи.

— Кажется, начинаю понимать...— пробормотал Хэм.

— Вот именно. Встретившаяся нам тварь... вернее, твари похожи на этих гусениц. Они тоже слепы — ведь на Уране зрение куда менее полезно, чем на Земле, и, возможно, у здешних животных глаза вообще не развились... Разве что они есть у туманных теней! А чер-

ные цепи ушли куда дальше земных гусениц, потому что те обеспечивают контакт с помощью паутинки, эти же, по-видимому, устанавливают связь через нервные ганглии.

— Каким образом? — спросил Хэм.

— Разве ты не обратил внимания на то, что они были соединены дисками на стеблях, которые, возможно, действуют как присоски? Ведь каждый сегмент прижимается диском к находящемуся впереди. А когда ты застрелил одного из средних, я увидела, что присоска прижималась к шишке на заднем конце того, который был впереди. И еще...— она умолкла.

— Что еще?

— Видишь ли... Разве тебе не показалось странным, что вся цепь действовала так согласованно? Их ноги двигались в едином ритме, точно ноги одного животного, точно это многоножка. Ни привычкой, ни тренировкой, ни дисциплиной нельзя объяснить того, как эта цепь кидалась вперед, останавливалась, сворачивала в сторону. Нет, каждое звено должно находиться под прямым нервным контролем вожака — слышать и обонять то же, что и он, и даже разделять его эмоции: испытывать голод вместе с ним, приходить в ярость вместе с ним и, наконец, ощущать страх вместе с ним!

— А, пожалуй, ты права! — воскликнул Хэм.— Эта шайка и правда вела себя как единое существо!

— Пока, ты по неосторожности не создал из одного два, разорвав цепь,— уточнила Пат.— Понимаешь...

— Я создал нового вожака! — возбужденно воскликнул Хэм.— Тот, который оказался первым после разрыва, тоже стал вожаком, способным к независимым действиям. Послушай, а не могут ли они таким образом объединять и мыслительные способности, если таковые у них есть, с доминирующим мозгом вожака?

— Вряд ли. В этом случае они должны были бы создать колоссальный интеллект путем простого сложения. Как бы глупа ни была отдельная особь, им было бы достаточно набрать определенное число сегментов, и возник бы поистине богоподобный разум. Но в этом случае они не бегали бы в поисках добычи без

оружия и плана. У них, безусловно, развилась бы какая-то цивилизация, ведь так? Впрочем,— добавила она,— возможно, они способны объединять свой опыт. Тогда в распоряжении вожака оказался бы весь индивидуальный опыт остальных особей, но это ни на йоту не увеличило бы его интеллекта.

— Звучит правдоподобно,— заметил ее муж.— Ну, а туманные фигуры? Ты нашла им какое-нибудь объяснение?

Пат вздрогнула и поморщилась.

— Нет,— призналась она.— Но мне кажется, между ними и этими тварями существует некая связь.

— Почему?

— Потому что перед самым нападением они пронеслись мимо нас. Конечно, они могли просто убегать от многоножки, но тогда они бросились бы врассыпную. Однако они двигались двумя четкими вереницами, а во время схватки продолжали оставаться на заднем плане. Неужели ты не заметил?

— Мое внимание было отвлечено,— сухо ответил Хэм.— Но даже если и так, что из того?

— Ты когда-нибудь слышал про медоуказчиков?

— Что-то смутно припоминаю.

— Это африканская птица из отряда удодов. Она приводит людей к гнездам диких пчел. Человек забирает мед, а птицам остаются личинки.— Патриция помолчала.— Я думаю, что туманные фигуры служат многоножкам чем-то вроде медоуказчиков. Они привели их к нам либо потому; что твой выстрел их рассердил, либо потому, что рассчитывали поживиться объедками, либо просто по злобе. Но, возможно, все это лишь мой вымысел.

— Если они материальны, то нужно будет снять на инфракрасную пленку следующую группу, стадо, рой, стаю... как еще можно назвать их сборище? Но я все-таки склонен считать их оптической иллюзией.

— Надеюсь, что ты прав,— пробормотала Пат, вздрогнув.

— Ха! — внезапно сказал Харборд.— Женщинам нечего делать в подобных местах. Слишком уж они боязливы.

— Да? — осведомился Хэм, готовый защищать Патрицию от любых обвинений.— У нее хватило мужества заметить мелкие подробности во время схватки с этими жуткими тварями!

— А теней она боится! — проворчал Харборд.

Однако это были не тени. Через несколько часов Каллен сообщил, что в тумане «Гею» окружили пляшущие, меняющие форму существа, и начал таскать фотоаппарат от иллюминатора к иллюминатору.

Хотя воздух, насыщенный аргоном, хорошо поглощал длинные световые волны, инфракрасная пленка оказалась все же чувствительней человеческого глаза, пусть детали на ней и смазывались. Но пленки не поддаются самовнушению и не видят настоящее в преломлении прошлого опыта, а холодно и бесстрастно фиксируют попадающие на них световые лучи в соответствии с их интенсивностью.

Когда Каллен занялся проявлением пленки, Патриция, измученная бурными событиями первого дня пребывания на Уране, еще спала, и Хэм, позевывая, устроился рядом с химиком посмотреть, что получится.

Возможно, Патриция была готова к чему-то более ужасному, но Хэм не ожидал и такого результата. Он долго рассматривал негатив на свет, потом взял у Каллена отпечатки и принялся их изучать.

— Хм! — пробормотал он. На отпечатках, несомненно, что-то было, однако почти столь же неопределенное, как и то, что они наблюдали в тумане сами. Бесспорно, туманные фигуры существовали в действительности, но, во всяком случае, их сходство с людьми было иллюзией.

Демонические рожи, ухмыляющиеся морды, сардонические лица объектив не уловил. В этом смысле люди все-таки оказались жертвами галлюцинации, наделив туманные образы чертами, возникавшими в их собственном сознании. Но за всеми фантастическими личинами, несомненно, скрывалось нечто вполне реальное. Только вот какие физические тела были способны так менять форму и величину, так внезапно исчезать и возникать из ничего?

— Не показывай их Патриции, пока она сама не попросит,— задумчиво сказал Хэм.— И пожалуй, я не разрешу ей выходить из ракеты. Судя по тому, что мы тут успели увидеть, это отнюдь не самое безопасное место во Вселенной.

И все же он не учел особенностей характера своей жены. Когда «Гея» села милей южнее и он приготовился к новому выходу в туман, Пат встретила его решение бурей протестов.

— Зачем, собственно, была отправлена сюда эта экспедиция? — негодующе спросила она.— Самое важное на любой планете — населяющие ее живые организмы, а они находятся в ведении биолога, разве не так? Зачем, по-твоему, институт назначил меня на эту должность? Чтобы я сидела сложа руки в железной бочке, пока два профана исследуют местность? Инженер и химик, не способные отличить эпифит от сифонофоры!

— Но мы будем приносить в ракету образчики,— слабо парировал Хэм.

Это вызвало новый взрыв.

— Если уж на то пошло, то не я здесь благодаря тебе, а ты здесь благодаря мне! Они могли бы найти еще сотни инженеров, химиков и астролетчиков, а вот специалисты по внеземной биологии все наперечет!

Хэм ничего не ответил, потому что это было правдой. Несмотря на молодость, Патриция, родившаяся на Венере и учившаяся в Париже, считалась в своей области светилом. И в сущности он не имел права удерживать ее в ракете — она должна была выполнять своя обязанности, как и все остальные члены экспедиции, Поэтому он вздохнул и уступил.

— Ты проявляешь, хотя и слабые, но все же обнадеживающие признаки здравого смысла,— похвалила его Пат.— Неужели ты думаешь, что эти связки сосисок меня пугают? Во всяком случае, я поостерегусь резать их посредине! Ну, а гримасничающие тени, по твоим же собственным словам,— всего лишь оптическая иллюзия... Да, кстати, а где фотографии? На них что-нибудь получилось?

Каллен заколебался, но Хэм кивнул, и он протянул ей пачку снимков.

— Значит, они настоящие! — воскликнула Пат, едва взглянув на снимки, а затем принялась сосредоточенно их изучать.

— Ну, что ты о них думаешь? — с любопытством спросил Хэм, радуясь, что ее страх исчез.

Но она только слегка улыбнулась ему и ничего не ответила.

Хэм, по-видимому, опасался за Патрицию совершенно напрасно. Дни спокойно шли за днями без каких-либо чрезвычайных происшествий, Каллен делал анализы пород, систематизировал полученные результаты и без конца брал пробы зеленоватого воздуха Урана. Хэм проверял и перепроверял двигатели «Геи», от которых зависела их жизнь а Патриция собирала и классифицировала свои образцы. Харборд, которому до взлета делать было нечего, выполнял обязанности кока и помогал тем, кому требовалась помощь.

«Гея» четырежды взмывала над поверхностью планеты и вновь опускалась на нее сквозь вечные туманы, и Хэм с Патрицией обследовали новый круг с тысячефутовым радиусом. А где-то за серым непроницаемым покровом невидимый Сатурн миновал точку противостояния и начал удаляться от медлительного Урана. Время пребывания экспедиции на планете истекало: с каждым часом расстояние, которое им предстояло покрыть на обратном пути, заметно возрастало.

Когда они перебрались на пятый участок, Харборд объявил, что пора улетать.

— Пятьдесят часов, и ни минутой больше, если вы не хотите провести здесь еще сорок лет,— предупредил он.

— Ну, что здесь коротать свой век, что в Лондоне — разница невелика,— заметил Хэм, надевая куртку.— Пойдем, Пат, бросим последний взгляд на милые уранианские пейзажи!

Она вышла с ним из ракеты и, пока он пристегивал проволоку к скобе и шелковый шнур к ее поясу, сказала жалобно:

— Мне бы хотелось еще раз встретиться с сосисками. У меня появилась одна идея.

— Как-нибудь обойдешься,— проворчал ей.— С меня достаточно шапочного знакомства.

«Гея» скрылась в зеленоватых испарениях. Вокруг них опять мелькали и гримасничали туманные фигуры, но Хэм и Пат уже настолько привыкли к ним, что перестали их замечать.

На этот раз «Гея» опустилась в слегка холмистой местности, и Патриция бродила среди каменистых пригорков, собирая, рассматривая, отбрасывая или тщательно укладывая в сумку образчики уранианской флоры. Почти все время шнур был натянут до предела, и Хэм не видел и не слышал жены.

Наконец он нетерпеливо дернул шнур.

— Словно вывожу щенка в лес на поводке! — проворчал он, когда Патриция появилась из тумана.— Проволока размоталась вся. Дальше пойдем по кругу.

— Но здесь рядом какие-то новые формы! — воскликнула она (шнур позволил ей отойти еще на пятьдесят футов).— Я должна посмотреть, что это такое!

— Не делай этого. Мы можем вернуться к ракете, немного удлинить проволоку и попробовать еще раз...

— Всего несколько шагов...— Она повернулась и пошла в туман.— Я отстегну шнур, только погляжу — и обратно:

— Не смей! — крикнул он.— Пат, вернись! Вернись сейчас же! — и Хэм с силой потянул шнур на себя. Раздалось раздраженное восклицание, и внезапно шнур подался, так что Хэм чуть было не упал. Патриция отстегнула шнур!

— Пат! — завопил он.— Иди сюда! Немедленно вернись!

По-видимому, она что-то крикнула в ответ, но туман почти совсем заглушил ее голос. Потом наступила тишина. Он снова позвал, но не услышал ничего, кроме шелеста смутных фигур.

Хэм не знал, как поступить. Через несколько секунд он начал стрелять в воздух. Десять выстрелов через краткие промежутки. Немного подождав, он разрядил еще одну обойму в равнодушный мертвенный туман. И снова напрасно. Хэм крепко выругался, злясь на упрямство Патриции, собственную беспомощность и гримасничающие туманные фигуры.

Что делать? Вернуться на «Гею», чтобы Харборд и Каллен могли принять участие в поисках? А время? Ведь с каждой секундой Патриция, возможно, уходит вслепую все дальше и дальше! Вытащив карандаш и блокнот, он написал на листке: «Пат заблудилась. Принесите запасную катушку и подсоедините ее к проволоке. Постараюсь остаться в радиусе двух тысяч футов. Ищите нас, двигаясь по кругу».

Он отцепил проволоку от пояса, наколол на нее листок, придавил его камнем и трижды дернул проволоку, вызывая помощь, а сам повернулся и углубился в туман без путеводной нити.

Хэм не знал, долго ли он бродил в поисках жены и далеко ли ушел. Туманные фигуры издевательски бормотали вокруг, влага осаждалась на его лице и стекала по носу и подбородку, туман становился все непроницаемее. Он кричал, стрелял из пистолета и даже свистел в надежде, что более высокие звуки разнесутся на большее расстояние. Он описывал петли и зигзаги. Он уговаривал себя, что Пат не станет бесцельно блуждать — она ведь выросла на Венере и знает, что, заблудившись, нужно оставаться на месте, иначе есть риск уйти слишком далеко.

Он и сам заблудился. Он не имел ни малейшего представления, в какой стороне находится «Гея» или путеводная проволока. Иногда ему казалось, что он различает ее серебряный блеск, но каждый раз он обнаруживал вместо проволоки либо лужицу, либо камень с блестящими вкраплениями и шел дальше наугад под плотным балдахином тумана. В конце концов именно эти бесцельные блуждания и спасли его — он споткнулся о проволоку, описав полный круг.

Рядом с ним внезапно появились Каллен и Харборд, связанные шелковым шнуром. Он с трудом выговорил:

— Ну как... нашли?..

— Нет,— угрюмо ответил Харборд. Его иссеченное морщинами лицо было безмерно усталым.— Но мы ее найдем.

— Вернись на ракету и отдохни,— посоветовал Каллен,— а мы будем искать.

— Нет,— отрезал Хэм.

Харборд сказал с неожиданной мягкостью:

— Не бойся. Она достаточно благоразумна и хладнокровна, чтобы ждать на одном месте, пока мы ее не найдем. Не могла же она уйти на полную тысячу футов от конца проволоки!

— Если только ее не вынудили бежать дальше или не утащили! — с отчаянием ответил Хэм.

— Мы ее найдем! — повторил Харборд.

Но десять часов спустя, после того как они несколько раз прочесывали пространство возле «Геи» вдоль и поперек, пришлось признать, что Патриции и радиусе двух тысяч футов от ракеты нет. Десятки раз за время их бесплодных поисков Хэм испытывал почти непреодолимое желание освободиться от проволоки и отойти чуть дальше в дразнящий туман. Ведь она могла ожидать спасения совсем рядом — только-только за пределами видимости и слышимости... А вдруг она лежит с вывихнутой ногой всего в десятке шагов от границы круга, который они описывают, а они так об этом и не узнают? Но уйти от единственного указателя, который связывал их с ракетой, было бы почти наверное бесцельным и бессмысленным самоубийством.

Когда они добрались до колышка, который вбил Каллен, чтобы отметить место, откуда они начали обход, Хэм остановился.

— Вернемся на ракету,— мрачно сказал он.— Перелетим на четыре тысячи футов в этом направлении и снова пойдем в обход. Дальше чем на милю от того места, где я ее потерял, Пат уйти не могла.

— Мы ее найдем,— упрямо повторил Харборд.

Но они ее не нашли. После бесплодных мучительных поисков «Гея» по указанию Хэма села в точке, позволяющей описать круг, соприкасающийся с уже обследованными двумя, и они снова вышли на розыски.

С момента исчезновения Пат прошло тридцать часов, и все трое валились с ног от усталости. Первым сдался Каллен и, пошатываясь, побрел к ракете. Когда остальные двое вернулись на «Гею», чтобы перелететь на новое место, они увидели, что он спит одетый, положив голову на стол возле чашки с недопитым кофе.

Часы медленно уходили в вечность. Сатурн продолжал непрерывно удаляться от туманной планеты, про-

щаясь с ней до следующей встречи через сорок дет. Харборд молчал, и о том, что назначенный им последний срок истекает, сказал Хэм.

«Гея» опускалась на новую исходную точку, когда он заговорил:

— Время на исходе. Я не хочу, чтобы вы с Каллепом застряли на Уране. Если мы и на этот раз не найдем Пат, вы улетите. Ясно?

— Нет,— ответил Харборд.— Эти слова мне непонятны.

— Вам незачем тут оставаться. Хватит и меня одного. Я возьму часть продовольствия и все оружие и боеприпасы.

— Ха! — проворчал Харборд.— Что такое сорок лет? Ему шел шестой десяток.

— Я приказываю вам лететь,— тихо сказал Хэм.

— Во время полета командир — я. И мы не улетим. Мы найдем ее.

Но, в сущности, не оставалось никакой надежды. Когда они приготовились выйти из ракеты, Каллен проснулся и присоединился к ним. Они заняли позиции вдоль проволоки на расстоянии шестьсот пятьдесят футов друг от друга и двинулись в обход. Хэм еле передвигал ноги. Уже сорок часов он не спал и ничего не ел, если не считать нескольких кусочков шоколада с чашкой кофе во время кратких перелетов. Туманные фигуры теперь представлялись его усталым глазам жуткими чудовищами — они словно подбирались все ближе и усмехались все более злобно.

И поэтому, когда они прошли примерно четверть пути и он увидел в тумане какое-то более плотное пятно, ему пришлось долго щуриться и вглядываться, прежде чем он убедился, что глаза его не обманывают.

Он дернул проволоку, подавая остальным сигнал остановиться, и различил новый звук — ровный, глухой топот, совсем не похожий на призрачные шорохи и шелест туманных фигур. И тут же до его ушей донесся еще один странный, заглушенный, но несомненно реальный звук. Хэм трижды дернул проволоку и, когда его товарищи подошли, кивнул на темное пятно и сказал:

— Мы можем дойти туда, если свяжем два шнура. Этого вполне хватит.

Все трое осторожно углубились в туман. Позади осталось пятьдесят футов... шестьдесят... Внезапно Хэм понял, что перед ним проходит цепь множественных тварей — по-видимому, гигантская цепь, так как ей не было видно конца. Безнадежно махнув рукой, он медленно повернулся и пошел назад, но вдруг остановился как вкопанный. Он услышал резкий сухой звук — звук кашля!

Не думая об опасности, Хэм бросился к цепи и закричал:

— Пат! Пат!

Какое невыразимое облегчение! Из-за черной цепи донесся слабый дрожащий голос:

— Хэм! Это ты?

— С тобой... с тобой ничего не случилось?

— Н-нет.

Между мелькающими сегментами он разглядел Патрицию, зеленоватую, как туман.

— Пат,— скомандовал он,— как только эта цепь пройдет, беги прямо ко мне. И не сворачивай ни на шаг!

— Она никогда не пройдет,— ответила Патриция еле слышно.— Это не колонна, это кольцо.

— Кольцо?!—с ужасом повторил Хэм.— Но тогда как же... как же ты выберешься?

Он растерянно умолк. Сейчас, лишенная вожака, эта странная процессия была безопасна. Но стоит ее разорвать, как она превратится в свирепую тварь и... Вдруг Пат не успеет добежать до них?

— Встаньте рядом,— приказал он Харборду и Каллену, хватая последний шнур.— Я прыгну к ней.

Он взобрался к ним на плечи. С этой высоты у него был шанс перепрыгнуть через чудовищную многоножку. Либо ему удастся, либо...

И он перепрыгнул — Харборд и Каллен даже застонали под тяжестью его ста восьмидесяти уранианских фунтов.

На мгновение прижав Патрицию к груди, Хэм сразу же повернулся и бросил конец шнура друзьям снаружи.

— Если мы поднимем шнур повыше, ты сумеешь перебраться по нему? — спросил он со страхом, потому что Пат, казалось, вот-вот готова была лишиться сознания.

— Конечно,— пробормотала она.

Цепляясь за шнур руками и ногами, Пат начала медленно двигаться по нему на манер южноамериканского ленивца. Прямо над цепью она вдруг задержалась, и Хэма охватил невыносимый ужас, но секунду спустя Пат благополучно упала на руки Харборда.

— Хэм! А как же ты? — воскликнула она.

— Перепрыгну!

Не раздумывая, он отступил насколько мог для разбега и, собрав оставшиеся силы, перелетел через шестифутовый смертоносный барьер, едва коснувшись ладонями черной пузырчатой кожи.

Патриция судорожно прильнула к нему. Он сказал хрипло:

— Если бы мы тебя не отыскали...

— Но вы же отыскали! — прошептала она и вдруг начала истерически смеяться и надрывно кашлять.— Почему ты так долго не шел? Я думала, что ты придешь раньше...— она растерянно оглянулась на кружащую цепь.— Я... я устроила им короткое замыкание!

И она лишилась чувств. Хэм поднял ее на руки и следом за Калленом и Харбордом побрел вдоль проволоки к «Гее». Позади них продолжала бесцельно кружить замкнутая цепь обреченных сегментов.

Зеленоватый шар — Уран — висел за пеленой раскаленных газов, вырывавшихся из главных сопел, а слева от крохотного, но слепящего кружка Солнца голубоватой звездой блестел Сатурн. Патриция, которая в чистой сухой атмосфере «Геи» почти перестала кашлять, полулежала в кресле. Она улыбнулась Хэму.

— Веришь ли, после того как я отцепила шнур... Погоди! Не надо читать мне нотаций! Так вот: я отошла всего на несколько шагов и убедилась, что ничего нового там нет — все то же извилистое растение, которое я назвала криптогамией уранианской. Я вернулась, но ты уже ушел.

— Как ушел? Я не трогался с места.

— Во всяком случае, тебя там не было,— невозмутимо сказала она.— Я прошла немного вперед и закричала, но голос в тумане сразу же глох. Потом я услышала выстрелы в другой стороне и направилась туда... И тут ко мне подскочили сосиски!

— Что же ты сделала?

— А что я могла сделать? Времени вытаскивать пистолет не было, и я бросилась бежать. Они бегают быстро, но не быстрее меня. Потом я начала уставать и обнаружила, что, резко меняя направление, я выигрываю время — ведь они не сразу сворачивают с выбранного пути. Я лавировала несколько минут и только боялась, что споткнусь в этом проклятом тумане. И тут меня осенило! Помнишь, я рассказывала тебе, как Фабр изучал гусениц, которые передвигаются цепочкой? Ну, так во время одного опыта он повел целую процессию вокруг основания садовой вазы и замкнул круг. Таким образом они остались без вожака, и знаешь, что произошло?

— Догадываюсь!

— Вот именно. Они продолжали кружить несколько часов, а может быть, и суток — не помню, сколько времени это длилось. Потом некоторые гусеницы умерли от истощения, и цепочка получила вожака. Когда я вспомнила про этот эксперимент, я решила его повторить и бросилась к последнему сегменту, а первый бросился за мной...

— Понимаю,— пробормотал Хэм.

— Да. Я собиралась замкнуть кольцо и остаться снаружи, но, когда я добежала до последнего сегмента, я, наверное, упала от усталости. Не знаю точно, что произошло, но когда я опомнилась, то оказалось, что их ноги топают почти рядом с моим лицом, а я лежу внутри кольца.

— Вероятно, ты потеряла сознание от усталости.

— Я никогда не теряю сознания,— с достоинством произнесла Патриция.

— То-то я принес тебя к «Гее» на руках!

— Это совсем другое дело,— объяснила она.— Просто я сразу же уснула, потому что сорок часов провела без сна и еды. А потеря сознания или обморок вызываются тем, что в мозг поступает меньше крови...

— Ну, ладно, ладно,— перебил ее Хэм.— Если для обморока требуется мозг, ты, конечно, не способна лишиться сознания.

— Стрелять я не могла,— словно не расслышав, продолжала Патриция,— так как они сразу напали бы на меня, а к тому же я не знала, в какой стороне находится «Гея». Поэтому я просто сидела там — неделю, десять дней, месяц...

— Сорок часов.

— А туманные фигуры шелестели над сосисками, все время шелестели, мелькали, пока мне не начало казаться, что я вот-вот сойду с ума. Это было ужасно! Хотя я и знала, что они такое, все равно было ужасно!

— Хотя ты знала, что они такое? Откуда?

— Догадалась. Собственно говоря, я заподозрила это, когда увидела снимки.

— И что же они такое?

— Видишь ли, у меня было достаточно времени, чтобы изучить сегменты в цепи, и я убедилась, что они — не полностью развитые существа. Другими словами, это личинки, которые, если мое предположение верно, развиваются потом в туманные фигуры. Ну, как гусеницы и бабочки.

— Да, пожалуй, это возможно. Но как эти фигуры меняют форму и размеры?

— Они их вовсе не меняют. Ведь свет на эту часть Урана падал почти вертикально, не правда ли? И следовательно, любая тень отбрасывалась прямо вниз. Вот их-то мы и видели — все эти пляшущие, мелькающие химеры были отброшенными на туман тенями каких-то существ, летавших и паривших у нас над головой. Эти существа следовали за нами и наводили на нас своих личинок, понимаешь?

— Выглядит достаточно правдоподобно. Ну, что же, через восемьдесят лет, когда северный полюс Урана опять будет освещен Солнцем, кто-нибудь слетает туда и проверит, насколько верна твоя теория. Может быть, Харборд не откажется еще раз побывать там, а, Харборд?

— При условии, что на борту не будет ни одной женщины,— проворчал астролетчик.

ВЕНЕРИАНСКИЕ ХРОНИКИ

ПЛАНЕТА-ХИЩНИК

1

Судьба оказалась явно благосклонной к Хэму, поскольку стремительное превращение твердой почвы в вязкую засасывающую грязь настигло его в середине зимы. В сущности, земные понятия — такие как зима или лето — мало подходили для природы Венеры: они просто обозначали различие перепадов от невероятного до чудовищного. Венерианскую зиму скорее можно было бы сравнить с усиленной в десяток раз изнуряющей жарой низовьев Амазонки, сдобренной приправой из наиболее ядовитых представителей как животного, так и растительного мира.

Земля, вращаясь относительно своей оси, движется вокруг Солнца, позволяя его лучам ласкать каждую точку своей поверхности. Однако от того, что ось планеты несколько наклонена, на Земле регулярно происходит смена времен года.

К примеру, изнывающие от жары жители Северного полушария мечтают о прохладе, наступившей в Австралии и Аргентине. Но стоит лишь надвинувшейся зиме обрушить на их головы ледяные вихри, как они принимаются люто завидовать всем, кто в этот период испытывает все «прелести» иссущающего летнего зноя.

На Венере совсем иная картина: вращательное движение, присущее Земле, у планеты отсутствует, и она, подобно Луне, постоянно обращена к центру своей орбиты — Солнцу — как бы одной щекой. Таким обра-

зом, одно полушарие всегда освещено, в то время как на другом царит вечная ночь. Казалось бы, с климатом подобного небесного тела все предельно ясно, однако особенность Венеры заключается в либрации планеты — некоем покачивании — что размывает конкретную границу между полушариями, создавая пространство шириной около пятисот миль, пригодное для существования там переселенцев с Земли.

По одну сторону этой полосы тянется раскаленная зона испепеленных Солнцем пустынь, по другую — скрытые вечным мраком вымороженные пространства, надежно упрятанные от любопытных глаз за устрашающей Ледяной Стеной. Границу полушарий постоянно утюжат ветры: восточные несут высоко над поверхностью планеты жаркий, словно из жерла печи, воздух, западные коварно сползают с Ледяной Стены, охватывая почву щупальцами космического холода. Резкие перепады температуры воздуха над ограниченным пространством, которое переселенцы с Земли прозвали Сумеречной Страной, способствуют созданию плотных облаков, изливающихся на почву обильными дождями.

Не удивительно, что ночная сторона планеты оказалась недоступной даже самым отчаянным авантюристам: с каждой каплей немедленно замерзавшей небесной влаги Ледяная Стена поднимается все выше, а ее недоступным склонам мог бы позавидовать любой земной фортификатор.

Какие формы жизни существуют в раскаленной пустыне на востоке или в ледяных пространствах по ту сторону Стены? Какие твари оказались бы способными приноровиться к экстремальным климатическим условиям Венеры? Планета не стремилась раскрывать человеку свои тайны.

Здесь же, в Сумеречной Стране, вследствие уже упомянутой либрации, происходит нечто, напоминающее смену времен года в сокращенном варианте — ни о весне, ни об осени речи даже не идет. Поскольку качание планеты составляет всего семь градусов, весь климатический год укладывается в тридцать земных суток. Сначала в одном полушарии, а затем и в другом Сол-

нце, скрытое за плотной пеленой облаков, пятнадцать суток поднимается «над горизонтом», а затем — в течение такого же срока — опускается: на смену «лету» приходит «зима».

Зимний период отличается от летнего разве что более низкой температурой воздуха: иногда она держится на уровне не выше тридцати градусов. Однако уже через две недели картина меняется, и если случаются периоды, когда датчики замирают на цифре шестьдесят, можно считать, что стоит весьма прохладная погода. И — независимо от сезона — почти непрерывно идет дождь; его струи, попадая на почву, частично впитываются ею, остальная влага испаряется, окутывая туманом все пространство Сумеречной Страны.

Земные астрономы уже давно отмечали, что Венера надежно укрыта от наблюдателей плотным облачным саваном. Однако лишь ступившие на почву планеты космонавты с удивлением обнаружили, что непроницаемый полог — это гигантское скопление дождевых туч: Сумеречная Страна буквально захлебывалась водой, поскольку все осадки планеты сосредоточены в узком пространстве, созданном либрацией. В любой другой точке планеты не могло быть места ни морям, ни океанам: их немедленно проморозил бы до дна космический холод на одном полушарии, и иссушило немилосердное солнце — на другом.

Дождевая влага, проникая сквозь гелеподобную почву, превращается под ее коркой в настоящие реки — с ледяной водой вблизи гигантской Стены и почти кипящие по мере приближения к зоне пустынь. Эти еще пригодные для проживания человека области — так называемый Хотленд («горячая земля») — являются источником постоянной опасности именно в силу природных особенностей Венеры. Гелевые почвы в обычном состоянии прочны, словно камень, но, подмываемые изнутри кипящими водами потоков, они в считанные минуты превращаются в булькающую грязь, засасывающую в свои недра все, находящееся на поверхности, в том числе людей и их жилища. Поэтому жизнь в Хотленде напоминает рискованную игру в рулетку, где вторым партнером является сама смерть.

* * *

Как обычно бывает везде и повсюду, осваиваемые земли — вслед за первопроходцами — заполняли авантюристы всех мастей. Они предпочитали выбирать так называемые медвежьи углы и находили там то, чем были обделены в обыденной жизни, будь то стремление изведать опасность или найти успокоение в одиночестве. Их ряды обычно пополняли отпетые сорви головы или изгои общества.

Хэм не относился ни к одной из этих категорий. Поставив себе целью как можно быстрее разбогатеть, он выбрал занятие бродячего торговца, обменивая у коренных обитателей Венеры свои товары на стручки растения зикстчил, до сих пор не встречавшегося — как ему было известно — ни в одном из колонизированных человеком миров. Экстракт, который потом добывали из этих стручков на Земле, представлял собой мощное средство омоложения человеческого организма и продавался по баснословным ценам любителям вернуть ощущения молодости.

Препарат, получаемый из венерианского растения, не продлевал жизнь, а как бы возвращал стариков к годам активной половой жизни, меняя даже внешний вид прошедших курс лечения пациентов: вместо немощных старцев клиники покидали зрелые мужчины средних лет, с густыми шевелюрами без единого седого волоса и цветущими — без морщин — лицами. Читая о подобных случаях, Хэм только удивленно пожимал плечами, но — рассуждал он — поскольку богатых людей на его век хватит, надо поставлять этот ходовой товар и самому сколотить кругленькую сумму.

Для роста зикстчила требовался жаркий климат, и поэтому Хэм вынужден был промышлять в основном в Хотленде. За время, проведенное на Венере, он прекрасно представлял себе опасность внезапно оказаться в эпицентре грязевой купели и постоянно был начеку. И все же превращение твердого грунта в кипящее месиво застало его врасплох: случайно выглянув из окна своего жилища, он остолбенел от неожиданности, увидев повсюду пузырящиеся лужи.

Усилием воли он преодолел оцепенение, привычными движениями натянул защитный комбинезон, плотно облегавший тело, сунул ноги в высокие сапоги и ремешками прикрепил к ним специальные устройства для передвижения по грязи. По форме они напоминали глубокие бескилевые лодочки со скругленными носом и кормой: при определенной сноровке эти приспособления позволяли выбираться из грязевой ловушки. Закинув за спину всегда собранный в дорогу мешок с небольшим запасом еды, необходимым в пути скарбом и драгоценными стручками, Хэм рывком отворил дверь и, заметив, что грунт за порогом еще не раскис, устремился прочь от своего жилья.

И как раз вовремя — почва вокруг вдруг заколыхалась, забурлила, словно заработали беспорядочно плюющиеся гейзеры. Хэм оглянулся и непризвольно застыл на месте: его жилище накренилось и медленно начало погружаться в булькающую трясину. Вскоре грязь сомкнулась — о стоявшей здесь хижине в последний раз напомнил только лопнувший воздушный пузырь да небольшое завихрение на глянцевой поверхности разжиженной почвы.

Однако для переживаний не оставалось времени: единственный способ спасения — в движении. Хэм понял, что вскоре зыбун примется и за него — чавкающие звуки раздавались все ближе, а если жижа, перехлестнув через край, заполнит чаши защитных грязеходов, их владельцу придет конец.

С трудом преодолев вязкие объятия трясины, Хэм сдвинулся с места и, плавно переставляя ноги, словно при ходьбе на снегоступах по рыхлому снегу, заскользил по морю закипевшей почвы. Теперь надлежало неусыпно следить за тем, чтобы носы приспособлений не зарывались в грязь, а вес тела распределялся на обе ноги одновременно, поэтому о скорости движения говорить не приходилось. Такой шаркающий способ передвижения, подумалось Хэму, удобен старикам, да вряд ли их слабые тела смогли бы осилить сопротивление разбушевавшейся хляби.

Хэм держал путь на запад — в сторону Ледяной Стены,— поскольку лишь в более прохладной части либра-

ционного коридора, так называемом Фрэшленде («прохладная земля»), он мог отыскать твердый грунт, не подверженный внезапному катастрофическому разжижению. А сейчас он мечтал почувствовать под ногами хоть какой-нибудь участок твердой почвы, чтобы немного передохнуть. Пот заливал глаза, по телу бежали горячие ручейки, комбинезон, казалось, раскалился, а ноги отказывались тянуть вязнувшие в трясине грязеходы.

Однако лишь два часа спустя он наткнулся на скальный выступ и остановился, чтобы отстегнуть от сапог опостылевшие «лодки». Больше всего на свете ему хотелось поднять защищавшее лицо прозрачное забрало, чтобы прохладный ветер освежил пылающие щеки и полной грудью вдохнуть воздух планеты. Поймав себя на этой мысли, он усмехнулся, подумав, что тогда не стоило тратить силы, стараясь выбраться из трясины, а остаться возле собственного жилища: результат оказался бы тот же самый.

Воздух Хотленда содержал бесчисленное количество грибковых спор, попадание которых в организм человека неизменно приводило к смерти настолько ужасной и мучительной, что даже врагу Хэм не пожелал бы подобной участи. Споры венерианского грибка, попавшие в легкие, мгновенно прорастали, образуя омерзительную плесень, пронизывающую живые ткани, разлагая плоть, охватывая один за другим все органы человека. Именно поэтому в конструкции комбинезона были предусмотрены надежные воздушные фильтры.

Однако к такому же результату приводило и простое соприкосновение ничем не защищенной кожи с воздухом Хотленда. Однажды Хэм наткнулся на останки какого-то бедолаги, погибшего оттого, что неосторожно порвал на боку материал комбинезона: вездесущая плесень не упустила своего шанса полакомиться.

Постоянная угроза, исходившая от венерианского грибка, заставляла снабжать фильтрами даже самые немудреные жилища, иначе простой глоток воды мог оказаться последним.

Еще хуже дело обстояло с теми, кто находился в пути. Однако здесь бичь местного климата — дождь —

превращался в благо: водяные струи прибивали к земле смертоносные споры и давали путнику передышку примерно на полчаса после того, как упадет последняя капля. Но и тогда кипятить воду и открывать жестянки с консервами следовало непосредственно перед едой: небольшое промедление — как это неоднократно случалось с Хэмом — приводило к тому, что обед доставался все той же неистребимой плесени.

Окинув взглядом оставленное им бескрайнее пузырящееся пространство, только что проглотившее его дом и едва не закусившее им самим, Хэм подумал, что главной чертой этого мира является именно страсть к пожиранию — не важно чего или кого — просто появиться на свет и жрать, жрать... Вот и сейчас. Еще не закончился грязевой беспредел, уничтоживший весь покров растительности, а из недр на черную поверхность уже полезли острые стебли жесткой травы, которая тут же покрылась ползущими вверх улиткоподобными созданиями; набухли шарами грибы, вытягивая из все еще мокрой почвы питательные соки; какие-то извивающиеся твари, возникшие ниоткуда, принялись с остервенением уничтожать друг друга.

Хэма всегда поражала и неукротимая жажда уничтожения, присущая большинству обитателей планеты, и способность к мгновенной регенерации всего того, что только что подверглось уничтожению. Ящерица, потерявшая в пасти хищника свой хвост и отрастившая новый, своей приспособленностью к существованию вызвала бы в этом сборище многоголовых многоногих ненасытных тварей лишь издевательский смех.

Даже растения, взращенные под проливными дождями Сумеречной Страны, приобретали замашки хищников вместе со способностью переваривать органическую пищу — так что земные Виктория Регия и росянка показалась бы здесь безобидными полевыми цветочками.

Фантастический мир, явившийся порождением либрации планеты и стиснутый между раскаленными песками и Ледяной Стеной, возмещал ограниченность пространства неограниченностью возможностей. Подчас трудно было даже определить, к растениям или животным принадлежит то или иное чудовище, возникшее

из тумана перед пришельцем с Земли. Поэтому главным правилом для человека стала осторожность: не стоило определять опытным путем, опасен или безвреден встречный феномен местной флоры или фауны,— следовало принять все меры, чтобы как можно скорее он остался далеко позади... если это, конечно, возможно.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Хэма, пока он позволил себе немного расслабиться. А тем временем — словно в подтверждение его мнения о планете — цепкие стебли какого-то растения принялись оплетать неподвижно стоявшие ноги. Проворчав в адрес этого мира нечто совсем не лестное, он принялся отрывать от себя непрошеного прилипалу, и тотчас в местах излома на появившемся соке возникли шевелящиеся комья отвратительной плесени.

Хэм расстегнул ремни грязеходов, стряхнул с них засохшую почву, сложил одну «лодку» в другую и, прикрепив их к лямке мешка, снова двинулся в путь.

Он старался не углубляться в заросли, держась преимущественно более открытых пространств, зорко высматривая среди стволов отвратительное плотоядное дерево, прозванное Джеком-Хвататeлем — по аналогии с легендарным Джеком-Потрошителем. Кто был первооткрывателем этого феномена, Хэм не знал, но благословлял его каждый раз, как удавалось выследить и благополучно миновать хищника. Тот ловил свою жертву, подсекая ее гибким и невероятно прочным стеблем, после чего стремительно поднимал пойманного к кроне и оплетал коконом ветвей с присосками-ртами.

Двигаясь на запад, Хэм не раз видел, что охота чаще всего оказывалась удачной: многие деревья стояли «украшенные» коконами, причем рассмотреть добычу у Хэма не было ни возможности, ни желания — жертву укутывала непременная на пиршестве плесень, добавляя пикантную приправу к основному блюду дерева-убийцы.

— Наверное, даже ад, придуманный богословами, более комфортабельное место, чем эта планета,— пробормотал Хэм при виде очередного Джека-Хвататeля и с отвращением стряхнул с сапога вцепившуюся в него многоножку.

Его погибшее жилье, построенное ближе к границе с солнечной стороной планеты, отделяли от теневой примерно двести пятьдесят миль. Для того чтобы избавиться от ненавистного грибка, идти в такую даль не придется, тем более что путь к Ледяной Стене преграждали невиданной силы ураганы: именно там встречались раскаленные и ледяные потоки воздуха. Да и люди не строили свои поселки в непосредственной близости от Стены.

Пожалуй, самое правильное пройти примерно сто пятьдесят миль строго на запад, чтобы перестать опасаться венерианского грибка, а потом еще пятьдесят на север, в американский поселок, претенциозно названный «Эрос». Однако для этого придется перевалить через горную цепь настолько грандиозную, что отдельные пики, проткнувшие облачную пелену, видны даже с Земли. Вероятно, нетленная красота сверкающих исполинов заставила астрономов дать им поэтическое название Гор Вечности.

Конечно, можно найти покупателей на его товар и по эту сторону гор, но здесь — английская территория, а он — американец. На подобные территориальные нарушения, правда, обычно смотрели сквозь пальцы, но для надежности лучше выбрать Эрос, тем более что Хэм знал более или менее подходящий путь в свою зону.

Итак, подвел итог Хэм, следовало пройти примерно двести миль. Такие расстояния его не пугали: бродячая жизнь закалила тело, постоянные опасности выработали мгновенную реакцию, и кроме того, он был неплохо вооружен — в его арсенал входили автоматический пистолет и бластер. Еще одним достоинством Хэм считал свою непритязательность в еде. На длинный переход консервов не напастись — слишком тяжелый груз мешал бы подвижности — но его желудок стойко переносил даже то, что могла предложить извращенная природа Венеры. Не для гурманов, конечно.

Хэм не имел в виду вкус местной пищи: если быстро проглотить некий питательный субстрат и тут же запить его горячей водой, то вкусовые рецепторы даже не успеют поднять возмущенный вой. Но ловля «про-

дукта» и его предварительная обработка — вот что воистину требовало немалого мужества. Но, махнул рукой Хэм, с голоду он не помрет.

Его оптимизм подогревали драгоценные стручки, покоившиеся в мешке: мысли о том, что нынешние опасные скитания вскоре сменятся известной независимостью и свободой выбора, которые дает богатство, компенсировали все настоящие и будущие лишения.

Ради этого он мог рисковать. Но как ни взбадривай себя, печальная статистика свидетельствовала о многочисленных случаях бесследного исчезновения людей. Никто так никогда и не узнает, какая участь постигла их, но в своих блужданиях по Сумеречной Стране Хэм навидался всякого: причиной гибели могли стать и споры грибка, и Джек-Хвататель, и разверзшаяся под ногами почва, и бесчисленные чудовища, словно выпрыгнувшие в либрационный коридор прямо из земных фильмов ужасов. А это, скорее всего, лишь малая часть уготованной планетой программы.

Словно в ознобе передернув плечами, Хэм снова устремился на запад, стараясь, по возможности, не заходить в растительные дебри. Мало того что передвижение через хитросплетение ветвей было весьма трудоемким процессом — там всегда существовала опасность разорвать комбинезон о шипы флоры или о зубы фауны.

Он старательно огибал густые заросли, откуда порой доносились до него душераздирающие вопли каких-то созданий. «Милые голоса» не вызывали желания более тесно познакомиться с их обладателями: он предпочитал отбиваться от стеблей Джека, поскольку тот хотя бы не мог бегать. Правда, вынужденные отклонения от прямой линии могли существенно увеличить намеченные двести миль, но одновременно возрастала и вероятность уцелеть.

Начался дождь, и поскольку Хэм находился в пути уже более шести часов, он решил использовать ненастье, чтобы отдохнуть и поесть. Он расположился на поляне, где — судя по отсутствию крупной растительности — недавно еще бушевала взбесившаяся грязь, плошкой зачерпнул воды из быстро заполнявшихся луж, отфильтровал ее и перелил в котелок.

Струи дождя не позволяли путникам развести костер, чтобы вскипятить воду, да и ни о каком сухостое не могло идти речи в Стране, буквально пропитанной водой. Но человек может приспособиться практически ко всему. Хэм бросил в кружку специальную таблетку, вещество которой при соприкосновении с водой вызывало бурную реакцию с выделением большого количества тепла. Вода почти тотчас же закипела. Подождав, пока от таблетки не останется и следа, Хэм накрыл котелок крышкой: не беда, что жидкость слегка отдавала химией,— главное, ее можно было пить.

Открыв жестянку с едой, Хэм приподнял забрало и быстро выхлебал ее содержимое. Затем с удовольствием попил воды, а остатки вылил в специальный герметичный карман. Из него внутри комбинезона шла трубочка, другой конец которой выходил непосредственно под забрало: теперь, при желании, можно утолить жажду, не рискуя стать жертвой венерианского грибка.

Спустя несколько минут после окончания дождя безопасная передышка кончилась: из банки с остатками пищи бурно полезла отвратительная черная плесень.

2

Продолжая утомительный путь на запад, вконец измотанный Хэм с радостью увидел неподалеку одиноко стоявшее дерево. Среди поселенцев оно носило название «Приятель», некогда придуманное ныне покойным исследователем Венеры Берлингеймом. Такое прозвище он дал этому представителю растительного мира за то, что тот не охотился на крупную дичь, ограничивая свои аппетиты разными мелкими тварями. Поэтому, безобидное для людей, оно часто давало им приют в своей кроне.

Хэм проворно взобрался на ствол и укрылся среди ветвей в удобной развилке. Пять часов крепкого сна восстановили силы, и отдохнувший Хэм снова обрел свой привычный оптимизм. Он осторожно освободился от облепивших его побегов, убедился, что никакая алч-

ная пасть не притаилась под деревом и спрыгнул вниз. Перед тем как отправиться в путь, он дружески похлопал Приятеля по стволу, благодаря за привал.

Уже давно приютившее путника дерево растворилось в тумане, пару раз принимался идти дождь, и Хэм, втянувшийся в размеренный темп ходьбы, едва не пропустил показавшееся среди растительности белое пятно. Но, инстинктивно почувствовав опасность, он отбежал подальше и укрылся за каменистым выступом: из зарослей катился вал белой бесформенной массы.

Это было еще одно чудовищное порождение венерианской природы — живая протоплазма, сжирающая все на своем пути. Ее скопления встречались повсюду, размеры менялись от одной-единственной клетки до сообщества весом в несколько тонн. Ею руководил единственный инстинкт — голод, и, подчиняясь ему, она оставляла за собой лишь голую черную почву, покрытую омерзительной слизью, на которой тут же разрасталась плесень.

Она не упускала ничего мало-мальски съедобного: если краев этой отвратительной прожорливой массы одновременно касались какие-то привлекательные кусочки, она делилась на два потока и продолжала утюжить поверхность планеты, разливаясь иногда, словно рукава в дельте реки.

Механизм движения этого кошмара до сих пор оставался неясным, однако подчас его скорость достигала нескольких миль в час. Вот и теперь протоплазма катила мимо спрятавшегося Хэма со стремительностью, которой позавидовал бы профессиональный бегун. Это безмозглое создание было одним из самых жутких обитателей планеты. Уничтожить его смог бы только огненный поток сродни напалму, поскольку даже выстрел из бластера не ликвидировал все клетки одновременно: уцелевшие тут же воссоздавали утраченное.

Человек в защитном комбинезоне не представлял никакого интереса для «живого теста» — так прозвали протоплазму англичане, имея, по-видимому, в виду ее цвет и повадки. Непосредственная опасность заключалась в том, что слизистая масса, накрывшая неосторожного путника с головой, попросту душила его.

Хэм с трудом преодолел искушение разрядить в ползущую мимо него гадость свой бластер, но холодный рассудок пригасил несвоевременную горячность. Эта дрянь сейчас не угрожала ему, а вскидывать оружие следовало только при непосредственной опасности. Поступать иначе — и глупо, и дорого, поскольку при каждом выстреле сгорал алмазный заряд, энергия которого преобразовывалась в мощный испепеляющий световой поток. Кстати, он практически уничтожал и само оружие: после каждого выстрела приходилось заменять пострадавший от огромной температуры ствол.

Между тем последняя волна протоплазмы миновала укрытие Хэма, и тот выпрямился, чтобы оценить результаты деятельности прожорливого чудовища. Рассекая заросли надвое, с востока на запад пролегла ровная черная полоса обглоданного грунта, покрытого слизью. В некоторых местах уже начала появляться плесень — провозвестник того, что через несколько часов этот коридор вновь сомкнется с окружающими джунглями.

Следовало спешить, чтобы воспользоваться неожиданным подарком судьбы, и Хэм с удовольствием зашагал по словно бы проутюженной дороге, зорко всматриваясь в зеленые стены по обеим ее сторонам. Но, похоже, лесные обитатели, устрашенные набегом протоплазмы, не спешили вернуться к месту ее пиршества, и в течение пяти часов Хэм не зафиксировал ни одного агрессивного выпада.

К этому времени путь перестал быть ровным и гладким: новая генерация растений лезла из почвы, и каждый стебель старался опередить соседа и, если возможно, уничтожить его. Колтун из трав уже мешал передвижению, и все же Хэм двигался значительно быстрее, чем при зигзагообразных метаниях от одного Джека-Хватателя к другому. Похоже, не ему одному пришла в голову мысль воспользоваться дорогой, проложенной потоком протоплазмы: навстречу стремительно двигался венерианец — подобный тем, у кого бродячий торговец выменивал зикстчил.

Это было странное существо на четырех коротеньких ножках с двумя руками, кисти которых напоми-

нали садовые секаторы. Крупная голова казалась воткнутой прямо в коренастое тело, а на плоском круглом лице сияли загадочным блеском три глаза, расположенные на разной высоте относительно широкого безгубого рта.

Абориген передвигался прыжками, стремительно расчищая себе дорогу клацающими клешнями-секаторами. Хэм взмахнул рукой и произнес:

— Мо-орра!

Это слово на языке коренных жителей центрального Хотленда имело множество значений — от дружеского приветствия до угрозы и предупреждения об опасности. Кроме того, применение его в качестве существительного означало мир, войну, храбрость и даже страх.

Тот или иной смысл слову придавала интонационная окраска, а также выражение лица — особенно глаз. Если со звучанием слов еще худо-бедно можно было разобраться, то язык мимики оставался недоступным людям.

Эмоциональная окраска произносимого позволяла аборигенам обходиться всего парой сотен слов, однако механическое заучивание их не приближало человека к знанию языка: следовало вникать в тайное звучание речи, словно в загадочную космическую музыку. Вероятно, поэтому люди, обладавшие музыкальным слухом, скорее находили контакт с венерианцами.

Эту особенность местного языка земные филологи открыли сравнительно недавно, и теперь, вероятно, ряды исследователей пополнят профессиональные музыканты. То-то повеселимся, усмехнулся про себя Хэм, ожидая ответа на свое приветствие и вспоминая недавнюю встречу с протоплазмой.

Венерианец тем временем, видимо, анализировал услышанное, но, похоже, Хэм вложил в звучание слова правильный смысл, потому что тот наконец сказал:

— Мо-орра.

Затем снова надолго умолк, пристально вглядываясь в улыбающееся лицо человека. Вероятно, осмотр вызвал положительную реакцию аборигена, и он спросил:

— Оук?

Это слово имело меньшую смысловую нагрузку и касалось лишь сведений о конкретном собеседнике: кто он, откуда пришел и где его жилье.

Хэм указал на запад, изобразил одной рукой зигзагообразную линию, что должно было обозначать горы, и, показав другой как бы перелет через зигзаг, проговорил:

— Эрос.— Это слово, к счастью, имело одно-единственное значение.

Венерианец кивнул и взмахнул рукой-клешней в сторону запада.

— Керко,— сообщил он. Затем, убедившись, что Хэм его понял, снова запрыгал на восток, крикнув на ходу: — Мо-орра!

Среди множества значений слова «керко» одно обозначало «торговец» или «человек» — эти понятия для аборигенов были тождественны. Значит, где-то здесь поблизости объявилась живая душа с Земли, радостно подумал Хэм. Он поспешно отправился в путь по постепенно пропадавшей тропе, вспоминая, когда же в последний раз общался с себе подобными. Вышло — больше полугода назад! Все это время ему помогал коротать одиночество радиоприемник, да вот разверзшаяся почва позарилась и на него.

С каждой милей идти становилось все труднее и опаснее: в траве под ногами с визгом и шипением закопошились какие-то юркие существа, усилился шум и треск за плотными стенами зелени по краям тропы. Ее теперь обозначало лишь отсутствие крупных растений. Следующие пять миль показались Хэму вдвое длиннее, но наконец заросли поредели, и он вышел к месту недавнего грязевого беспредела: невысокая еще растительность давала довольно широкий обзор.

Примерно в четверти мили от себя он увидел металлический дом, поразивший его своими размерами — не иначе как трехкомнатный особняк. Обычное жилье бродячего торговца в Хотленде имело вид сравнительно небольшого ящика из гофрированного железа. Никому не приходило в голову возводить хоромы: во-первых, из-за общей ненадежности существования в этих краях, а во-вторых, вследствие дороговизны любых перевозок. Как известно, все грузы в Хотленд доставлялись

из стационарных поселков с помощью ракет, а это удовольствие не относилось к разряду дешевых.

Когда он подошел к дому, то удивился еще больше: защитные шторы на окнах, конечно, тоже немалая роскошь, но самое невероятное — запертая дверь! Неписаный кодекс чести всех скитальцев Хотленда предусматривал свободный доступ в любое жилище, кто бы ни захотел им воспользоваться: подчас это бывало единственной возможностью спастись от смерти. Кроме того, гарантировалась полная неприкосновенность имущества хозяина хижины.

Этого правила свято придерживались и переселенцы с Земли, и местные жители. Случались, конечно, и стычки между людьми и аборигенами, иногда со смертельным исходом. Причиной всегда служила страсть к наживе. Но надо признать, что аборигены никогда не нападали из-за угла: они предпочитали честный поединок, всегда предварительно указывая, на что именно претендуют.

Хэм еще раз подергал дверь и, убедившись, что она действительно на запоре, сел возле нее, намереваясь во что бы то ни стало дождаться хозяина дома.

После часового ожидания он заметил движущегося к дому человека — тот шел, довольно сноровисто продираясь сквозь хаос стремительно вылезавших из болота трав. Хэм отметил невысокий рост, субтильное телосложение и явную молодость незнакомца. Когда тот оказался в непосредственной близости от дома, Хэм встал и приветливо поздоровался с ним. Ответом был лишь пристальный взгляд из-за забрала.

Пожав плечами, Хэм шутливо приложил ладонь к виску и лихо представился:

— Гамильтон Хэммонд, к вашем услугам, сэр! — Затем рассмеялся и добавил: — Друзья в шутку зовут меня просто Хэм.

В ответ прозвучал холодный хрипловатый голос, произносивший слова явно на английский лад:

— Я не силен в прозвищах, но если вы предпочитаете называть себя Окорок[1], то из-за различия весовых категорий мне, скорее всего, подошла бы кличка Кос-

[1] Хэм по англ. означает «окорок».

точка. А теперь отойдите от двери и дайте возможность мне наконец-то войти в дом.

Подобный прием озадачил и рассердил Хэма: в Хотленде люди всегда радовались, неожиданно встречая друг друга, а этот задавака-англичанин устроил ему целую отповедь!

— Вы на удивление гостеприимны! — ехидно заметил Хэм и услышал в ответ:

— Напротив! Я терпеть не могу непрошеных гостей! И вообще, что делает американец на английской территории, хотелось бы мне знать. У вас есть пропуск?

— О! Это что-то новенькое. Должно быть, вы таможенный инспектор, а я-то и не знал,— насмешливо растягивая слова, проговорил Хэм.

— Зато я знаю, кто вы,— вызывающе произнес его собеседник.— Вы — браконьер и должны немедленно оставить английский сектор.

Хэм гневно прищурил глаза.

— Кем бы вы меня ни считали, я прежде всего человек, а люди обязаны помогать друг другу. Мне сейчас необходим отдых и еда в нормальных условиях, и — согласны вы или нет — я это получу. Открывайте дверь! — И Хэм шагнул в сторону от входа, уступая незнакомцу путь к дверному замку.

В ту же секунду он оказался под дулом пистолета.

— Если вы попытаетесь войти, пеняйте на себя! — решительно проговорил англичанин.

— Да ладно, опустите оружие,— словно примиряясь с очевидным, сказал Хэм.— Я просто хотел пообедать с комфортом.— И он с преувеличенным смирением отступил еще на один шаг.

— Бродягам для комфорта достаточно и дождя,— резко сказал незнакомец и перевел взгляд на дверь.

В ту же секунду быстрым движением ноги Хэм ударил по дулу пистолета, и тот, кувыркаясь в воздухе, перелетел через голову ошеломленного англичанина и исчез за кустами. Потом, прыгнув вперед, он словно клещами сжал запястье потянувшейся было за бластером руки противника и вывернул ее за спину.

Завладев и бластером, Хэм приказал англичанину немедленно впустить его в дом. Тот молча кивнул и

принялся возиться с замком, по-видимому, не в состоянии быстро набрать шифр кода. Хэм вспомнил, как ощутил под своими пальцами тонкие кости хрупкого запястья, и подивился тому, что такой хилый парень способен выпендриваться перед более сильным противником. Тем временем хозяин дома благополучно справился с замком, дверь отворилась, и они вошли внутрь.

Обстановка комнаты поразила Хэма — вместо привычных разнокалиберных ящиков здесь стояла не только настоящая удобная мебель, но и полки с книгами, снабженные специальной защитой от вездесущей плесени. Да и само помещение оказалось прекрасно приспособленным к местным условиям: как только за ними закрылась дверь, тут же включились фильтры очистки воздуха и раздалось шипение автоматически распылявшихся дезодораторов. Наконец на табло над дверью высветилось слово «чисто».

Хэм шагнул к ближайшему стулу, сел и положил на стол конфискованный бластер. Затем он поднял забрало, развязал мешок и достал очередную жестянку с едой. Англичанин, все так же стоя у двери, молча следил за его манипуляциями. Мельком взглянув на него, Хэм принялся открывать банку и, увидев, что на поверхности не появилось ничего подозрительного, кивнул хозяину:

— Присоединяйся, парень! Еда еще никому не вредила.— Но поскольку тот даже не шелохнулся, Хэм удивленно поднял голову.— Ну и ну! Ты, похоже, решил спрятаться в Хотленде. Здесь много таких, но я не полицейский шпион, так что не стесняйся! — Парень продолжал молчать.— Ну как знаешь.

Хэм быстро прикончил содержимое банки и тоже водрузил ее на стол, возле бластера. Сытый и довольный, он откинулся на спинку стула и спросил у неподвижной фигуры:

— Ну а имя-то у тебя есть? Или это тоже тайна?

Впервые после того, как они вошли в дом, раздался голос англичанина:

— Я Пат Берлингейм.

— Придумай что-нибудь поскромнее, остряк,— рассмеялся Хэм.— Я хорошо знал Патрика Берлингейма.

Это был великий человек — отважный, щедрый на добро, надежный и обаятельный. Я уж не говорю о его энциклопедических знаниях. Мир много потерял после его смерти. Так что не поминай всуе его имя, парень.

— Неплохая эпитафия, что и говорить,— кивнул головой его собеседник.— Приятно слышать, как тепло отзывается о моем отце бродяга-янки.

— Ты бессовестно громоздишь одну ложь на другую,— возмутился Хэм.— У Берлингейма не было сына, только дочь, хотя...— Хэм подумал о странном голосе англичанина и с досадой треснул себя кулаком по колену.— Поднимите забрало, мисс.

— Что поделать? Придется.

Теперь голос звучал серебряным колокольчиком — без напускной хрипотцы и натужных низких нот. Да и лицо, скрывавшееся до сих пор под забралом, оказалось ему под стать: идеальный овал, безукоризненные черты, огромные серые глаза, ясность которых портили сурово нахмуренные брови.

Хэм, в погоне за призрачным богатством ставший после окончания университета следопытом и охотником, не мог простить себе подобную промашку. Единственное объяснение своей близорукости он видел именно в самом невероятном факте — в появлении девушки в Хотленде.

— Примите мои извинения за причиненные неудобства,— привстав со стула и стараясь быть изысканно вежливым, проговорил Хэм.— Но что, скажите на милость, может привлечь в этот ад женщину? И не говорите мне, что вы пленились неземной красотой местных аборигенов,— не сумел он удержаться от язвительного замечания.

— В отличие от всяких бездельников и авантюристов, я здесь по долгу службы,— все так же не расположенная принять шутку, ответила девушка.— Я — биолог и намерена составить каталог флоры и фауны Хотленда, поскольку благодаря отцу больше других знакома с этим вопросом. Я не старалась ввести вас в заблуждение, когда назвалась Патрицией Берлингейм, это так и есть.

Только сейчас Хэм заметил, что в соседней комнате оборудована лаборатория: на оцинкованном столе сто-

яли какие-то приборы, а стеллаж заполняли небольшие контейнеры с наклейками.

— И все равно это безумное предприятие. Даже удивительно, что власти разрешили подобную авантюру! — не сдавался Хэм.

— По-видимому, они не приняли в расчет возможные нападения браконьеров,— произнесла Пат, и язвительная улыбка искривила ее губы.

— Пусть вас больше не волнует это: я ухожу.

С этими словами он решительно встал, прихватив с полу мешок, и поднял руку, чтобы опустить забрало. Этих мгновений хватило на то, чтобы в руке Пат вновь блеснуло оружие. «Интересно,— подумал Хэм,— каков же арсенал этого биолога? Может, где-нибудь под столом упрятана и ракетная установка? Ну что за ученые дамы нынче пошли!» Так и не опустив забрала, он вопросительно уставился на девушку.

— Счастливого пути, мистер Хэммонд,— держа его на мушке, произнесла Пат.— Однако ваша добыча останется здесь. Будьте добры выложить зикстчил из мешка и — скатертью дорога! Постарайтесь начать честную жизнь, а не браконьерить в чужих угодьях!

Не выпуская из рук свой багаж, Хэм снова основательно устроился на стуле.

— Вот что, девушка,— начал он необычайно серьезным тоном.— Все, что у меня было, я вложил в эту экспедицию за стручками. Удача улыбнулась мне — и теперь, если выйду сухим из воды, я действительно брошу этот опасный промысел. Выбирайте: либо я ухожу отсюда вместе со своим богатством, либо вы убиваете меня, потому что по доброй воле я добычу не отдам. Неужели вы и вправду думаете, что можете запугать меня? — Он невесело усмехнулся.— Я слишком дорогой ценой заплатил за будущее благополучие, а без него моя жизнь не стоит ни цента. Я все сказал. Теперь слово за вами или... за вашим пистолетом.

В доме нависла тишина. В напряженном молчании прошло несколько минут. Наконец Пат подошла к столу и положила пистолет возле бластера.

— Немедленно уходите,— тихо, но твердо проговорила она.

— Рад был познакомиться,— отвесил он насмешливый поклон и направился к двери, на ходу поправляя наголовник комбинезона. В этот момент его настиг панический вопль: он оглянулся и увидел, что девушка застыла у окна, ее поза выражала безмерный ужас. Хэм мгновенно оказался возле Пат, и та безмолвно указала на происходящее за окном: на дом наползала белая змея протоплазмы. Словно приливная волна, она облизала стены дома, потом слегка откатилась назад и, разделившись на два потока, обтекла препятствие, вновь сомкнувшись за ним в единое всепоглощающее месиво.

Оцепенение Пат прошло — она снова была собранна и решительна.

— Немедленно опустите забрало,— приказала она, одновременно защелкивая собственную маску и указывая — для пояснения своих действий — в сторону стены, только что соприкоснувшуюся с «живым тестом».

Автоматически выполнив приказ, Хэм взглянул в указанном направлении и обмер — такое ему еще не приходилось видеть. Миллионы капель пищеварительных соков, порожденных омерзительной слизью, уже принялись растворять металл, постепенно превращая прочные плиты в нечто напоминающее сито. Сквозь булавочные проколы тут же проникли споры грибка, и плесень принялась пожирать остатки пищи в банке, медленно расползаясь по столу.

Великолепный дом был обречен на скорое уничтожение.

Хэм заставил себя оторвать взгляд от еще одного примера безумной всеядности, царившей на планете, и посмотрел на Пат.

— Торжественно принимаю вас в армию бездомных,— с насмешливым пафосом произнес он.— У меня тоже был дом, но его поглотила грязевая бездна.

Она протестующе взмахнула рукой.

— Американцы всегда отличались легкомыслием — ставили дома где попало, вместо того, чтобы вначале выбрать безопасное место. Здесь, например, под почвой каменный монолит, и дом установлен на сваях, идущих до его поверхности,— запальчиво сказала Пат.

— Ну и какая разница? Мой дом утонул, а ваш вскоре съедят. Результат, в сущности, один и тот же. И что же теперь вы собираетесь предпринять?

— Пусть мои проблемы вас не беспокоят,— надменно ответила Патриция. Но, понимая, что холодность не избавит ее от назойливых вопросов, скупо пояснила: — Эта биологическая станция основана на средства Королевской Академии, куда я ежемесячно отправляю отчеты с прилетающим сюда челноком. Его экипаж поможет мне... Ой, у меня начисто отшибло память!..

Она в растерянности сжала руки.

— Значит, все-таки есть проблемы,— понимающе кивнул Хэм.— Не стесняйтесь, выкладывайте!

— Я вспомнила, что челнок совсем недавно был здесь,— нехотя призналась девушка.— Но ничего. Подожду.

— Да вы хоть представляете, что значит в течение месяца торчать в этом кошмаре? — возмущенно повысил голос Хэм.— У вас не будет даже крыши над головой!

Он в сердцах пнул стену, над которой неустанно трудилось поднимающееся словно на опаре «тесто», и на месте удара тотчас образовалась дыра. И поскольку девушка продолжала упрямо молчать, Хэм продолжил:

— Через десять дней начнется лето, а с ним — семидесятиградусная жара. Ни один человек не сможет выжить при такой температуре. И вы не исключение. Так что к прилету челнока от вас и ваших амбиций останется один пшик!

— Как вы смеете так говорить со мной? — воскликнула Пат.— Я не нуждаюсь в поучениях бродяги-янки!

— И все-таки придется прислушаться к мнению опытного человека, милая барышня,— насмешливо выговорил Хэм, но тут же серьезно принялся излагать свой план: — Вам следует немедленно собрать все необходимое и отправиться со мной на запад.— Пат возмущенно вскинула голову, но Хэм неумолимо продолжал: — До конца зимы мы доберемся до Фрэшленда — там хотя бы есть шанс уцелеть. А оттуда рукой подать до Эроса.

Закончив свою тираду, он вопросительно взглянул на девушку. Та молча принялась собирать походный

мешок, засовывая внутрь необходимые в дороге предметы, в том числе и лежавший на лабораторном столе толстый блокнот с записями. Сняв с крюка у двери пару грязеходов, Пат обернулась к американцу.

— Что ж, надо идти. Но лично я отправляюсь в Венобль,— проговорила она, так и не смягчив вызывающего тона.

— Безумная затея! — воскликнул Хэм.— Это же двести миль к югу, да еще придется преодолеть горный хребет!

— Зато там я буду среди своих! — отрезала Пат и шагнула за порог.

3

Глядя сквозь открытую дверь, Хэм увидел, что девушка, прислушавшись все же к голосу разума, направилась не на юг, как зявила в запальчивости, а на запад — к Фрэшленду. Поскольку и он стремился туда же, ему не оставалось ничего иного, как последовать за ней. Она демонстративно игнорировала его присутствие, и поэтому раздосадованный Хэм не стал навязывать ей свое общество, шагая ярдах в сорока позади упрямицы.

Однако сюрпризы Хотленда, подстерегавшие путника на каждом шагу, заставили его отвлечься от личных переживаний и сосредоточить все внимание на дороге. Он старался придерживаться «шоссе», проложенного белесой протоплазмой после нападения на биологическую станцию Пат, и поэтому основную опасность сейчас составляли плети Джека-Хватателя.

Невольно задерживая взгляд на хрупкой фигурке впереди, Хэм с удивлением отметил, как непринужденно ведет себя девушка в необычных условиях этого мира — словно исконный житель Венеры.

Внезапно он вспомнил, что дочь Патрика Берлингейма родилась здесь, в Венобле, и лишь спустя восемь лет впервые оказалась на Земле, поскольку получить образование на Венере можно было лишь весьма специфическое. Несмотря на то что самому Хэму тогда только

что исполнилось тринадцать, он прекрасно помнил, какую шумиху подняли газеты по этому поводу: «Основатель Венобля отправил дикарку-дочь в самый престижный Королевский Колледж!» Простые арифметические выкладки позволили Хэму определить и нынешний возраст заносчивой пигалицы — всего-то двадцать два.

Следуя друг за другом, они шли уже не менее трех часов, когда Патриция внезапно остановилась и, круто повернувшись к Хэму, потребовала оставить ее в покое:

— Я не нуждаюсь в провожатых! — гневно выкрикнула она.— Мне отвратительно ваше назойливое преследование!

— Успокойтесь, мисс,— стараясь сохранить невозмутимость и спокойствие, проговорил Хэм.— У меня и в мыслях нет навязываться вам: я просто выбираю более удобный путь.

— Если вам так удобнее, можете считать, что меня здесь и вовсе нет.— Возмущенно фыркнув, она отвернулась и быстро зашагала прочь.

Их молчаливый тандем продолжал свой путь на запад еще пару часов, когда размеренное движение людей неожиданно остановила забулькавшая под ногами почва. При первых же признаках опасности они сунули ноги в лодочки грязеходов и двинулись дальше, стараясь не попадать под падающие в кипящее месиво стволы. И снова Хэм убедился, насколько девушка сноровистее его: там, где он использовал силу, она применяла ловкость.

Легко двигаясь вперед, Пат намного опередила своего тяжеловесного спутника и вдруг резко остановилась. Хэм подумал о неразумности подобного поступка, но неожиданно понял, что с девушкой случилась беда: она отчаянно старалась сохранить равновесие, стоя на одной ноге. Хэм заторопился к ней на помощь и вскоре понял, что произошло. Ремешок правого грязехода, по-видимому лопнул или расстегнулся, и жижа мгновенно проглотила лодочку. Теперь девушку держал на поверхности только левый башмак, но грязевые языки уже жадно вылизывали верхнюю часть бортов.

Не теряя времени на выяснение отношений, Хэм слева подошел к девушке и положил ее руку себе на

плечо. Почувствовав, как пальцы судорожно вцепились в ткань комбинезона, он нагнулся и расстегнул ремешок уже нахлебавшейся грязи лодочки, готовой исчезнуть в жадной пучине.

Не обращая внимания на слабые протесты Пат, он обхватил пальцами тонкую талию и мощным рывком вверх выдернул девушку из грязевой ловушки. Не ослабляя хватки, лишь чуть изменив движение рук, он перекинул легкое тело через плечо и тотчас попытался сдвинуться с места.

За те несколько секунд, которые длилось спасение, его грязеходы основательно погрузились в бурлящую жижу, однако та плескалась еще снаружи — хотя до верхнего края оставалось совсем немного.

Наконец ему удалось протащить по чавкающей поверхности сначала одну ногу, а потом и другую, и он медленно зашаркал по болоту, стараясь двигаться как можно осторожнее. Несмотря на то что гравитация Венеры составляла всего три четверти земной, идти с дополнительным грузом оказалось не так уж просто. В свою очередь Пат, казалось, даже не дышала, чтобы случайным движением не нарушить необходимого им обоим равновесия.

Наконец Хэм почувствовал, что ступил на прочный грунт. Он остановился и позволил девушке соскользнуть с его плеча. Глядя, как ее спаситель отстегивает грязеходы, она первой нарушила молчание:

— Вы поступили необычайно благородно, я весьма тронута.— Чувствовалось, что она с трудом преодолевает барьер недоброжелательности.— Вы заставили меня изменить мнение об искателях наживы... хотя бы о некоторых.

— Не стоит благодарности,— махнул рукой Хэм.— Просто сделайте из этого вывод, что нельзя ходить в одиночку, тем более сейчас, когда ваши грязеходы где-то на пути к моему дому.

Но Пат не была расположена так легко согласиться с ним.

— Новые лодочки я могу выдолбить из любого поваленного ствола,— с отзвуком прежней запальчивости проговорила Пат.

— Не сомневаюсь,— усмехнулся Хэм.— Да только вряд ли успеете с этим рукоделием до лета, а там конец и долбежке, и вам.

Пат скупо улыбнулась и кивнула.

— Ладно, считайте, что убедили,— сказала она и тут же добавила: — Но моя конечная цель остается прежней — Венобль, а с вами я иду лишь до Гор Вечности.

Хэм только пожал плечами, и они снова тронулись в путь. На этот раз Пат не демонстрировала свою враждебность к американцу, и, хотя они почти не разговаривали, чему и так мало способствовал далеко не романтический пейзаж Хотленда, их отношения перешли теперь в стадию долгосрочного перемирия.

Пат оказалась хорошим попутчиком. Вероятно, детство, проведенное в этих неласковых местах, на всю жизнь оставило приобретенные тогда навыки. Она безошибочно отыскивала самые безопасные тропы, легко парировала выпады Джека-Хватателя и не бралась напрасно за оружие, когда за стеной зелени раздавалось мерзкое клацанье чьих-то челюстей: поскольку кем-то уже закусывают, вероятно, рассуждала она, значит, едоку не до человека.

Когда начался очередной дождь, они решили перекусить, и Хэм, первым справившийся с трапезой, предложил спутнице устроить более основательный привал. Получив согласие Пат, он отправился на поиски Приятеля и, заметив подходящее дерево, остановился, чтобы подозвать девушку. В этот момент послышался ее отчаянный крик:

— Назад! Это фарисей!

Мгновенно отшатнувшись, Хэм услышал, как, рассекая воздух, в дюйме от него просвистел прочный, словно стальная проволока, прут. О таких деревьях Хэм только слышал, но до сих пор ни разу не встречал: это была редкая на Венере разновидность хищника, который в результате какой-то извращенной эволюции принял облик безобидного растения. В отличие от Джека-Хватателя, он сначала убивал жертву, рассекая ее страшным ударом прута, а уже потом затаскивал в крону, чтобы полакомиться свежатинкой. Что ж, у каждого, в сущности, свой вкус.

Решив по-свойски угостить злодея, Хэм прострелил его черный ствол. Из образовавшегося отверстия поползла омерзительная жижа, на которой тут же зашевелились комья плесени: с фарисеем было покончено.

Обернувшись к подбежавшей девушке, Хэм тронул ее за плечо и, поймав напряженный взгляд серых глаз, проговорил:

— А ведь вы сейчас спасли меня, барышня!

— Значит, теперь мы квиты — и больше никто ни от кого не зависит! Вот так-то, бродяга-янки! — удовлетворенно проговорила она: груз благодарности явно тяготил ее.

Это приключение не помешало им наконец спокойно заснуть, устроившись в ветвях отысканного вскоре Приятеля.

После этого случая миновало еще три дня. К счастью, путники больше не попадали в грязевые разливы: то ли горячие подземные потоки здесь протекали достаточно глубоко, то ли граница ненадежного грунта осталась наконец позади. Зато несколько раз пришлось поспешно уступать дорогу извивающимся змеям протоплазмы, да бесчисленные жующие твари так и норовили отхватить кусочек, напрыгивая из травы на шагавшие ноги или сваливаясь на плечи со свисающих ветвей.

Как-то им встретилось еще одно редкостное для этих мест существо, напоминавшее гигантского кенгуру. Хэм давно заметил, что многие создания на Венере — от аборигенов до последней козявки — предпочитают передвигаться прыжками. Вряд ли такое явление можно было бы объяснить особенностями гравитации, но факт оставался фактом. Вот и это животное использовало для гигантских прыжков мощную единственную ногу. Его страшным оружием был длинный заостренный клюв, легко пронзавший жертву — словно шампур кусочки мяса.

Когда из джунглей прямо на путников неожиданно выпрыгнуло это чудовище, Хэм, не успев прицелиться, просто наудачу пальнул в его сторону. Животное отпрянуло, и Патриция, воспользовавшись паузой в нападении, наповал уложила зверя.

Но как ни была опытна и хладнокровна дочь Берлингейма, смертельной опасности не смогла избежать и она, попав в замаскированную петлю, которую Джек-Хвататель расстелил в густой траве. Мгновенно схваченная деревом, Пат беспомощно повисла в его кроне головой вниз. Только меткий выстрел Хэма, сумевшего перерубить аркан, позволил ей отделаться лишь ушибами от падения.

Иными словами — путешествие по Хотленду вряд ли окончилось бы для них благополучно, не подстраховывай они друг друга. Оба прекрасно понимали это, но их отношения по-прежнему отдавали холодом, особенно со стороны Патриции. Поэтому Хэма удивляли украдкой брошенные в его сторону задумчивые взгляды, которые он замечал, когда ее лицо не скрывала маска. Это смущало и тревожило его: по правде говоря, Хэм постоянно ожидал от нее каких-нибудь каверз — и вскоре случилось нечто, подтвердившее его худшие опасения.

На четвертый день пути они почувствовали, что встречный ветер заметно посвежел — и теперь, пожалуй, только один переход отделял их от конца пути. Решив проверить свои выводы, Хэм оторвал ветку с ближайшего дерева и стал рассматривать излом. На нем медленно, как бы нехотя, образовался незначительный слой плесени — верный признак недалекого уже Фрэшленда.

А это означало также, что вскоре можно будет дышать полной грудью, потому что при температуре воздуха ниже тридцати градусов споры венерианского грибка становились нежизнеспособными, и, наконец-то сбросив комбинезон, ощутить всем телом долгожданную прохладу. Эти мысли приятно будоражили путников, когда они устроили в кроне гостеприимного Приятеля свой последний привал.

Радостное предвкушение недалекого конца опасных скитаний не оставило Хэма и после того, как он проснулся. Но, взглянув на спящую в зеленом коконе Пат, он слегка сдвинул брови при мысли о том, что для упрямой дочки Берлингейма испытания еще далеко не завершены: ей предстоял рискованный бросок сквозь

Большой хребет Гор Вечности. Хэм с досадой покрутил головой, но подумал, что пока еще есть время попытаться переубедить девушку, и решил собираться в дорогу.

Он осторожно отцепил от комбинезона бесчисленные побеги, до которых смог дотянуться лежа, затем сел — и освободил ноги. Готовясь спрыгнуть вниз, он снял с сука свой мешок и... сердце его сжалось: мешок оказался открытым, а поверх дорожного скарба валялась прежде спрятанная на самом дне сумочка, в которой он хранил драгоценные стручки. Она была совершенно пустой!

Его яростное рычание разбудило Пат. Заметив, что глаза девушки открылись, он потребовал объяснений, с трудом подавив желание пустить в ход кулаки. Она, насмешливо улыбаясь, ткнула пальчиком вниз: там, возле основания ствола, копошились свежие комья плесени.

— Я всего лишь конфисковала и уничтожила добычу браконьера,— твердо глядя ему в лицо, проговорила Патриция.— То, что принадлежит Британии, должно остаться на британской территории. Это справедливо.

— И вы еще толкуете о справедливости! Да разве справедливо исподтишка убивать людей? — с трудом проталкивая слова сквозь сведенные судорогой губы, проговорил Хэм.— А теперь на вашей совесть есть и это!

Пат отшатнулась — такая скрытая боль и ярость отчаяния прозвучали в тоне его слов.

Хэм между тем завязал мешок, перекинул его за спину и спрыгнул вниз.

— За ваш поступок вы достойны смерти,— произнес он, подняв голову к девушке.— Но не я стану ее причиной. Она неизбежно настигнет вас в горах, и в свою последнюю минуту подумайте о том, что вы сделали со мной.

Он резко повернулся и зашагал на запад, невольно унося в памяти облик прекрасной девушки с куском льда вместо сердца. Он ни разу не оглянулся — даже когда услышал позади ее отчаянный вопль:

— Остановись, глупец! Подожди меня!

Местность, ведущая к предгорьям, постепенно повышалась. Все еще не остыв от гнева, Хэм не мог ду-

мать, как в дальнейшем сложится его судьба. Все это время нацеленный на путь до Эроса, он решил и теперь ничего не менять в своих планах, и лишь потом — если не сгинет в пути — на холодную голову рассмотреть эту проблему.

Постепенно привычный ритм движения утишил боль: она опустилась куда-то на дно души, словно осадок в чашке кофе. И тогда он смог без ярости подумать о вероломной попутчице, оставшейся наедине с окружающим миром. Конечно, она далеко не новичок, но в случае, например, грязевого катаклизма вряд ли сможет уцелеть. Эта мысль заставила его резко остановиться и посмотреть назад.

То, что он увидел, невольно умилило его: далеко внизу следом за ним пробиралась хрупкая фигурка с явным намерением догнать его — так поспешны и резки были ее движения. Однако вспомнив, что в предгорьях уже не стоит опасаться всепоглощающей грязи, он заставил себя отвернуться и снова упрямо устремился к горам.

Тем временем дорога становилась все круче и труднее, и когда он снова обернулся, чтобы высмотреть Пат, ее уже не было видно: вероятно, затяжной подъем оказался для нее серьезной преградой.

Между тем перед Хэмом замаячили новые трудности. Реки, которые в Хотленде, пронзив гелевые почвы, превращались в подземные потоки, здесь, вблизи Фрэшленда, струились по каменистым ложам, и следовало задуматься об их форсировании. До сих пор такой проблемы не возникало: русла рек тянулись строго с запада на восток и не мешали путникам. Однако при повороте на север — к Эросу — они становились серьезным препятствием не столько вследствие быстрого течения, сколько из-за прожорливых обитателей подводного мира.

Размышляя о том, что каждый раз придется или изготавливать плот, или — если поток не широкий — валить деревья для моста, Хэм едва не закончил свое путешествие под многотонной массой протоплазмы. Гора слизи внезапно оказалась перед ним, когда он огибал по безопасной траектории очередного Джека-Хва-

тателя. Искать спасения в бегстве было уже поздно, и Хэм выхватил бластер.

Смертоносный луч, вырвавшийся наружу с невыносимым ревом, принялся выжигать накатывавшийся на Хэма чудовищный вал, разрывая его в пульсирующие клочья. Вскоре на всем пространстве от стены джунглей до Джека-Хватателя ползали лишь небольше комья «живого теста», пожиравшие друг друга.

Воспользовавшись тем, что путь наконец освободился, Хэм миновал опасный участок и остановился, чтобы подготовить бластер к новому выстрелу. Заглянув в мешок, он с сожалением увидел, что остался один-единственный заряд. Пожав плечами, он вспомнил, как, собираясь в экспедицию на Венеру, экономил буквально на всем — в том числе и на оружии, и теперь... но тут же запретил себе возвращаться к этой теме, хотя бы до прибытия в Эрос.

Шагая по берегу, вдоль журчащей по камням речки, Хэм наконец достиг плоскогорья. Здесь хозяйничали свежие ветры с Ледяной Стены, по-видимому, «сдувшие» своим дыханием ненасытных обитателей планеты с поверхности почвы под воду. Не стало и деревьев-хищников: лес утратил свои агрессивные замашки и позволял Хэму беспрепятственно двигаться между стволами.

Поднявшись по гигантским каменным ступеням на скальный уступ, Хэм остановился и окинул взглядом широкую, заросшую лесом долину, куда привел его один из рукавов речной системы. С обеих сторон ее обрамляли горные цепи, уходившие далеко на запад,— это и были Малый и Большой хребты Гор Вечности. За правой, более низкой грядой находился Эрос, а левое нагромождение неприступных вершин скрывало Венобль.

Казалось, ни одно живое существо не в состоянии преодолеть подобные препятствия, но Хэм хорошо запомнил те опасные горные тропы, которые все же помогут ему перебраться через Малый хребет. Он слышал также, что легендарный Патрик Берлингейм отыскал путь и сквозь Большой хребет, но, кроме него, никто так и не рискнул ходить этой Дорогой Безумца — как

поселенцы с Земли прозвали извилистое ущелье, пересекавшее гигантскую горную цепь.

Хэм знал, что Горы Вечности далеко на западе упираются в Ледяную Стену и, возможно, уходят на ночную сторону планеты. Та часть, где хребты пересекали границу полушарий, угадывалась по сполохам огня, которые почти непрерывно прорезали клубящийся мрак грозовых туч: именно там сталкивались воздушные потоки двух враждующих стихий — огня и льда.

Полгода, проведенные в непрерывной борьбе с бесконечными каверзами, на которые так изобретателен Хотленд, заставили Хэма почти позабыть о величественной красоте Фрэшленда, и теперь он с наслаждением снова открывал для себя дикое очарование невероятных гор и шумных водных потоков, радуясь даже отголоскам не стихавшего ни на миг урагана. Он почувствовал, что капризная природа Венеры уже принялась врачевать его истерзанное сердце, и понял — утрата добытого им сокровища и предательство сероглазой красавицы вовсе не означают крушение всех надежд.

Словно сбросив с души невероятную тяжесть, Хэм легко сбежал с каменного выступа, решив — после краткого отдыха — начать восхождение на Малый хребет. Устраиваясь в кроне первого же подходящего для сна дерева, он отчетливо вспомнил горькое расставание со своей случайной попутчицей, и впервые без ненависти, а скорее с состраданием подумал о вероломной девчонке.

То, что собралась предпринять Патриция, вполне соответствовало названию ущелья: вот уж воистину надо сойти с ума, чтобы в одночку вступить на Дорогу Безумца. Возможно, это было проявлением невероятной гордыни и какой-то патологической ненависти к американцам, но уж никак не крайняя необходимость: связаться со своими она могла и из Эроса. Во всяком случае, Хэм не понимал, что заставило ее сделать подобный выбор. Так и не придя ни к какому выводу, он блаженно растянулся на гибких ветвях природного гамака и — впервые после начала экспедиции — заснул, не опуская забрала.

Внезапно что-то нарушило его сон: Хэму почудился далекий зов. Решив, что это скорее всего шалости гор-

ного ландшафта, он все же осторожно раздвинул ветви, обшарил взглядом округу и несказанно удивился: далеко внизу двигалась в его сторону знакомая фигурка.

В первый момент он не поверил глазам: как смогла девушка обнаружить его следы, если любые признаки чьего-либо пребывания мгновенно исчезали под переплетениями непрерывно растущих трав. Но потом понял, что его «выдал» оглушительный рев бластера: вряд ли в этой пустынной местности мог оказаться кто-нибудь еще.

Между тем она снова выкрикнула его имя, и Хэм изумился, что Патриция все-таки запомнила его: во время вынужденного сотрудничества она предпочитала презрительно называть его «янки» или попросту молчать. При виде девушки вновь дала о себе знать былая обида, и Хэм постарался ничем не выдать своего присутствия.

Патриция еще пару раз раз позвала его и, не получив ответа, остановилась всего в нескольких ярдах от его дерева: Хэм ясно увидел огорченное выражение ее лица, больше не скрытого забралом. Некоторое время она напряженно прислушивалась, но затем, решительно сжав губы, устремилась в сторону Большого хребта к тому месту, где смутно угадывался проход на Дорогу Безумца.

Когда деревья скрыли ее от Хэма, он спрыгнул из своего укрытия и, досадливо махнув рукой, круто повернул к северу, стараясь как можно быстрее добраться до Малого хребта. Но чем ближе громоздились перед ним каменистые отроги, тем замедленнее становились шаги путника — и не потому, что его страшил предстоящий путь через горы: он думал о той, которую оставил позади.

Если бы не внезапное появление девушки, Хэм постепенно избавился бы даже от мыслей о ней... Во всяком случае, постарался бы... Но сейчас он все еще слышал голос Пат, произносивший его имя. В сущности, это был зов о помощи: чем иначе объяснить огорчение на ее лице и горестно опущенные плечи? Он осуждал ее за вероломство, но разве сам не платил ей теперь той же монетой?

Недовольный собой, он шел все медленнее и медленнее, пока не остановился вовсе. Уж коли он не смог

отговорить девушку от безумного шага, то должен предложить ей свою помощь — хотя бы в память о Патрике Берлингейме! Да и время ли сейчас думать о личных амбициях, когда на кон поставлена человеческая жизнь! И Хэм торопливо зашагал на юг.

Он не боялся, что не отыщет Патрицию, хотя та, вероятно, уже намного опередила его: Фрэшленд не столь ревниво скрывал свои тайны, как его знойный сосед. Чтобы сократить расстояние, Хэм решил идти не строго на юг, а несколько отклоняясь к западу, чтобы попытаться перехватить Пат у входа в ущелье. Он помнил, как она углубилась в лес по более удобному пути — вдоль речного потока, и предположил, что девушка повернет на юг, лишь достигнув отрогов Большого хребта.

Но, вероятно, мысль о более рациональном направлении пришла и Пат: об этом рассказали Хэму следы девушки, которые он обнаружил, добравшись до реки. Там Патриция перебралась на другой берег, причем мостом ей послужил нависший над водой сук довольно крупного дерева. Не долго думая, Хэм воспользовался той же переправой и по едва заметным признакам догадался, что от реки Пат ушла на юго-запад.

Теперь Хэм двигался довольно медленно, стараясь не пропустить малозаметные опознавательные знаки, оставленные идущим впереди человеком: примятую траву, сломанную ветку, отпечатки обуви на открытых участках грунта. Обнаружив место, где Пат устроила привал, чтобы перекусить, он внезапно ощутил звериный голод — и последовал ее примеру.

Однако душевные терзания, беготня по лесу сначала в одну сторону, потом в другую, а теперь еще и утомительное «выслеживание дичи» настолько доконали Хэма, что после еды он решил немного подремать. Он не опасался, что упустит девушку: если на равнине она двигалась существенно быстрее Хэма, то на горных тропах ее сноровка уступала его выносливости. Сбросив опостылевший комбинезон и оставшись в рубашке и шортах, Хэм с наслаждением растянулся на траве, не опасаясь проснуться в чьем-то желудке: гарантией безопасности служил свежий ветер Фрэшленда.

После спокойного пятичасового сна, Хэм с новыми силами устремился вслед за девушкой, справедливо полагая, что и ей наверняка потребовался не менее длительный отдых. Местность продолжала повышаться, чаще встречались выступающие из почвы округлые валуны, а затем лиственный лес сменили колоннообразные стволы, увенчанные огромными цветами невероятной раскраски. Но постепенно исчезли и они.

Теперь — вплоть до вертикальных стен Большого хребта — громоздились лишь каменные осыпи, на которых не осталось ни клочка травы. Суровую картину предгорья оживляли удивительные птицы — словно ожившие цветы с гигантских гладких стволов, оставшихся позади. Лишь по аналогии с земной природой Хэм назвал эти существа птицами: они скорее напоминали разноцветных бабочек, если бы среди тех, конечно, существовали особи с орлиным размахом крыльев. Однако с птицами их роднило мелодичное пение, а также то, что кормом им служил не нектар несуществующих цветов, а банальные червячки, которых эти «бабочки» с аппетитом выклевывали из-под камней.

Хэм больше не находил следов Пат — камни самый ненадежный союзник следопыта,— но продолжал упрямо двигаться к горной гряде. Он старался как можно точнее воспроизвести в памяти все, что слышал когда-то о том, по каким признакам можно распознать вход в ущелье. Наконец он припомнил, как Берлингейм упоминал о двух остроконечных скалах, отдаленно напоминавших пирамиды, они, словно стражи, высились по обе стороны от узкой щели каньона.

Внимательно оглядев неприступные склоны хребта, Хэм увидел далеко справа нечто, напоминавшее разинутую пасть: из нижней «челюсти» торчали вверх два гигантских клыка, а верхняя представляла собой нависавший над ними карниз. С трудом преодолевая подвижные каменные россыпи, Хэм отправился вдоль хребта к странному изваянию, временами сползая вниз вместе с осколками скал.

Наконец он оказался в непосредственной близости от левого клыка и, заглянув за него, увидел в сумраке

«пасти» хрупкую фигурку. Пат, тоже сменившая комбинезон на привычные для Фрэшленда легкую рубашку и шорты, рассматривала узкую щель, змеившуюся от подошвы горы к карнизу. Затем она вышла на свет и снова оглядела горную громаду: высоко над карнизом угадывалось продолжение щели, и мрак за ней скрывал ужасную Дорогу Безумца.

Пат в раздумье опустила голову, словно сомневаясь в правильности своего решения, но потом, нахмурив брови, двинулась к каньону. Хэм выскочил из-за каменной пирамиды и нырнул в узкую щель, куда только что проскользнула девушка. Мрак внутри горы почти лишил его зрения, и, не заметив шедшую впереди него Патрицию, он громко завопил:

— Куда вы делись, Пат? Отзовитесь!

От неожиданности девушка подпрыгнула на месте и тихо ахнула. Повернув голову на звук, Хэм наконец разглядел ее силуэт и смущенно извинился за причиненное неудобство. Постепенно глаза привыкли к сумраку ущелья, и Хэм смог разглядеть широко распахнутые серые глаза и улыбающиеся губы.

— Вот это сюрприз так сюрприз,— со знакомой иронией проговорила девушка.— Я уж и не чаяла вас увидеть.

— Я понимаю, что мое общество вам неприятно,— вспомнив ее былые колкости, сказал Хэм,— но считаю необходимым еще раз предостеречь вас от опрометчивого решения. Предлагаю идти со мной в Эрос.

— Неужели ради этого стоило отыскивать меня? — холодно поинтересовалась Пат и, не дождавшись ответа, добавила: — Не беспокойтесь: там, где прошел отец, пройду и я.

— Глупое создание! — воскликнул Хэм.— Да ваш отец успел сделать переход до середины лета, а теперь на носу зима, и вскоре ущелье накроет полоса урагана! Только посмотрите на эти голые стены.— И он ткнул пальцем вверх.— Они отполированы бесчисленными молниями, которые хлещут здесь зимой. Ничто живое не в состоянии уцелеть в этом огненном пекле!

Словно подтверждая его слова, по ущелью прокатился отдаленный грохот грозового разряда.

Запальчиво препираясь, они автоматически продолжали шагать все дальше в глубь хребта, минуя скрытые еще более густым мраком боковые ответвления. Хэм, чувствуя бессилие своих слов, решил применить силу: схватив девушку за руку, он потащил ее к выходу. Пат возмущенно выдернула руку из цепкого капкана его пальцев, но вместо гневного протеста, которого ожидал от нее Хэм, внезапно издала вопль ужаса. Хэм оглянулся и похолодел: прямо на них надвигалась гигантская волна слизистой протоплазмы, полностью перегородив своей массой выход из ущелья.

По-видимому, безветрие и тепло, царящие в каньоне, позволили «живому тесту» уютно устроиться в какой-нибудь боковой пещере, в то время как снаружи не смогла бы уцелеть ни одна клетка. Теперь, почуяв пищу, чудовищная тварь «вышла на охоту».

Хэм выхватил бластер, намереваясь разделаться с ней, но Пат буквально повисла на его руке.

— Что вы делаете? — воскликнула она.— Куски этой дряни с такого близкого расстояния могут попасть на нас, и тогда конец! — Взявшись за руки, недавние спорщики помчались по ущелью, подгоняемые чавкающими звуками погони.

4

Хэм мысленно отругал себя за то, что поддался ощущению призрачной благостности Фрэшленда и пренебрег осторожностью, сунув комбинезон в мешок: здесь, на Венере, в любую минуту необходимо держать ухо востро. Вместо того чтобы пикироваться с Пат, ему — более старшему и более опытному — следовало подумать об их личной безопасности, как только они оказались на Дороге Безумца.

Тем временем беглецы намного опередили своего преследователя, ненасытная протоплазма которого обследовала по пути и дно ущелья, и вертикальные стены, переваривая скудную растительность, кое-где торчавшую из трещин. Дорога Безумца, до сих пор устремленная к юго-западу, неожиданно повернула на юг.

Тот скудный свет, который посылало с востока скрытое облаками солнце, здесь почти полностью исчез, но зато появился слабый ветерок, дующий с севера. По-видимому, он сбил чудовище со следа добычи: достигнув поворота, оно остановилось, медленно оседая и растекаясь по дну ущелья.

Наконец-то путники смогли остановиться, чтобы передохнуть и подумать. Посовещавшись, они решили, что теперь вполне можно применить бластер — расстояние позволяло сделать уничтожение пульсирующего студня безопасным для людей. Но, к сожалению, большая часть «теста» оставалась недосягаемой для огня, скрытая за углом каньона.

Патриция предложила выманить чудовище, подсовывая ему какую-нибудь еду. Чтобы продемонстрировать свою мысль, она оторвала от стены чудом прицепившееся к камню растение и, стараясь двигаться во встречной воздушной струе, подошла поближе к углу и бросила добычу перед прожорливой тварью. Раздалось отвратительное чмоканье, и белесая масса накрыла подачку, при этом слегка продвинувшись вперед.

— Идея, конечно, превосходная,— усмехнулся Хэм.— Да только где мы добудем такое количество корма, которое смогло бы удовлетворить эту прорву?

Патриция осмотрела почти голые стены ущелья и пожала плечами.

— Тогда остается только ждать,— проговорила она и пояснила, отвечая на вопросительный взгляд Хэма: — Я однажды видела, как язык протоплазмы уперся в голый каменистый уступ. Не получая никаких сигналов о еде, этот студень лежал там до тех пор, пока на безжизненной почве позади него не появилась трава. Тыловые клетки почуяли это, и вся масса «задним ходом» отправилась в обратный путь.

— Вероятно, наблюдение за «тестом» тоже входило в круг ваших интересов? — с любопытством спросил Хэм. Девушка кивнула.— Значит, вы отметили, через какое время оно двинулось вспять, верно?

— Да, через два часа,— ответила Пат и печально добавила: — Но в Хотленде трава прорастает мгновен-

но, а здесь придется ждать целую вечность — не меньше сорока часов, я думаю.

— Веселенькая перспектива,— покрутил головой Хэм.— К тому времени сюда вплотную придвинется полоса ураганов. Нет, надо что-то предпринять немедленно, если мы не хотим попасть под огненный шквал.

Говоря это, он достал из мешка комбинезон и принялся натягивать его.

— Попробую избавиться от этой дряни с помощью бластера. Но у меня только один заряд, поэтому подберусь поближе, чтобы луч сжег как можно больше слизи. Кстати, а где ваше оружие?

— У меня осталось лишь несколько запасных стволов, а сам бластер разлетелся во время последнего выстрела, когда я...— Она немного замялась.— ...Когда я попалась фарисею.

Досадливо махнув рукой, Хэм проворчал:

— Я же не раз предлагал вам держаться вместе. Хорошо еще, что все обошлось. Ну ладно, я пошел — отойдите подальше на всякий случай.

Он подошел почти вплотную к пульсирующей массе и, цепляясь за еле заметные выбоины в камне, поднялся на несколько футов вверх по стене. Чудом сохраняя равновесие, Хэм высунулся за угол, чтобы огонь бластера оказался как можно более эффективным, и нажал спуск. Чудовищный грохот, во много раз усиленный отраженным звуком, прокатился по ущелью. Пат присела, закрывая ладонями уши, но все равно их пронзила острая боль от невероятного давления воздуха.

Когда рассеялся дым, вызванный горящей плотью чудовища, стало очевидным, что расчистить путь не удалось: слизистая масса по-прежнему закрывала выход, хотя ее высота существенно уменьшилась.

Хэм вернулся к Патриции и, показывая ей поврежденный бластер, сказал:

— Придется взять ваши стволы: чтобы избавиться от этой мерзости нужно выстрелить еще пару раз.

Однако то, что Пат извлекла из своего мешка, заставило Хэма едва ли не застонать от огорчения: калибр английского бластера не соответствовал американскому собрату.

Расстроенная Пат снова принялась ругать американцев: дескать, всегда подавай им все самое-самое...— вот и таскают с собой чуть ли не ракету.

Отмахнувшись от ее слов, словно от жужжания назойливой мухи, Хэм проговорил:

— Вместо того чтобы браниться, давайте лучше подумаем, как быть дальше. Во всяком случае сидеть здесь бесполезно.

— Да,— сразу согласилась Пат,— особенно противен этот смрад,— и она ткнула в сторону чадивших ошметьев протоплазмы.— Пожалуй, надо попытаться идти дальше — возможно, появится какой-нибудь боковой проход.

Хэм далеко не был уверен в этом: он, скорее, предполагал, что Дорога Безумца за прошедшие годы стала и вовсе непроходимой — иначе какая-нибудь отчаянная голова уж наверняка попыталась бы пробраться здесь, чтобы хотя бы в этом встать вровень с самим Патриком Берлингеймом. Более того, Хэм считал, что любая тектоническая подвижка грунта могла вызвать глобальные изменения горных массивов, и основанием для такого предположения служила чудовищная изменчивость самой природы планеты.

Однако оставаться на месте действительно не имело смысла, и, полагаясь на удачу, путники пошли прочь от — увы! — недосягаемого выхода.

По мере того как они все больше уходили в глубь горного массива, стены ущелья неуклонно сдвигались. Теперь узкая трещина каньона изогнулась на запад, и гулкие раскаты грома возле Ледяной Стены зазвучали более отчетливо. Хэм стал опасаться, что вместо выхода на южную сторону Большого хребта, они могут оказаться в непосредственной близости к темной стороне планеты, и принялся мучительно искать какой-нибудь приемлемый путь к спасению.

Бесконечно высокие стены почти загородили свет. Сгустившаяся на дне ущелья темнота угнетала Патрицию: она непроизвольно замедлила шаг, и Хэм, едва не налетевший на девушку, решительно заявил:

— Дальше идти бесполезно. Надо немедленно возвращаться — и найти способ перебраться через живое тесто.

Не желая показать ему свой страх, Пат нарочито бодрым тоном произнесла:

— Ущелье уже не раз меняло направление. Но, по свидетельству отца, оно имеет южный выход. Так что не стоит трусить, молодой человек!

Не обращая внимания на ехидные нотки в ее голосе, Хэм серьезно ответил:

— Думается, мы где-то пропустили нужное ответвление — просто не заметили его, улепетывая от всеядной гадости. И теперь можем блуждать по каменному лабиринту, пока не кончатся силы или не наступит зима. И, кстати, вы же биолог и должны знать о загадочных находках ваших коллег в пещерах Гор Вечности. Так что еще неизвестно, что ждет нас впереди, ближе к Ледяной Стене.

— Вы и в самом деле струсили! — рассмеялась Патриция, и эхо жутким рокотом подхватило ее смех. Весь показной апломб немедленно исчез, и испуганная девушка произнесла: — Но ведь мы вооружены, так что сможем себя защитить, не правда ли?

— Смотря от чего,— задумчиво проговорил Хэм.— Помнится, ваш отец рассказывал, что встречал в ущельях Большого хребта каких-то существ, не попадавшихся ему в Сумеречной Стране. Вероятно, они с той стороны планеты или ютятся в недоступных местностях на западе Фрэшленда.

В этот момент — словно в подтверждение его слов — тишина ущелья буквально взорвалась от неистового воя: он несся откуда-то сверху, где в призрачном свете появились темные силуэты. Обеими руками Патриция вцепилась в Хэма, с ужасом глядя, как странные фигуры ловко запрыгали по отвесному склону, приближаясь к ним.

— Бежим! — закричала она.

Но не успели они сделать и шага, как неподалеку что-то мягко шмякнулось о каменную стену, и на месте падения неизвестного объекта тут же возникло легкое облачко желтоватого дыма.

— Эта дрянь похожа на «газовые бомбы» с дурманной травы,— ахнула в ужасе Пат, хватаясь руками за горло.— Маску! Наденьте маску!

Хэм ощутил приступ головокружения — предметы вдруг утратили свою четкость, от колотья в груди стало невыносимо больно дышать. Пат, явно теряя сознание, медленно опустилась на колени. Надвинув забрало, Хэм кинулся к мешку девушки и вытащил комбинезон. Торопливо натянув его на Пат, он закрыл ее лицо маской, но силы, казалось, уже оставляли девушку. Чуть слышно она прошептала:

— Будешь уходить, возьми мой мешок... В нем... найдешь...— Судорожный кашель прервал ее слова, и она неподвижно застыла на дне ущелья.

Между тем взрывавшиеся плоды загадочного растения продолжали обдавать людей ядовитыми парами, но Хэм чувствовал себя уже значительно лучше: по-видимому, фильтры успешно справлялись и с этой заразой. Выхватив пистолет, он послал заряд в сторону мелькавших теней. Выстрел оказался удачным: один из нападавших взревел, отделился от стены и с глухим стуком грянулся о камни в нескольких футах от потерявшей сознание Пат.

От неожиданности нападавшие смолкли, дождь «газовых бомб» прекратился, и Хэм воспользовался передышкой, чтобы оттащить Пат в небольшую нишу в стене. Это оказалось весьма своевременным: чудовищные создания вновь перешли к активным действиям, только на этот раз в ход были пущены камни. Отскакивая от прикрывавшего нишу козырька, они не причиняли вреда людям, но лишь до тех пор, пока разъяренные твари не приблизятся вплотную.

Чтобы держать нападавшую свору на расстоянии, Хэм время от времени посылал в их сторону смертоносные заряды и — если судить по взрывам безумного рева — иногда попадал в цель. Такая меткость, удивлявшая самого стрелка, объяснялась, вероятно, большим скоплением обитателей ущелья. Это заставляло Хэма спешить, отыскивая способ выбраться из смертельной ловушки, в которой они оказлись, тем более что, хорошенько рассмотрев агонизирующее неподалеку чудовище, он не тешил себя иллюзиями на благополучный исход.

Своим обликом это существо напоминало аборигенов Хотленда, но жизнь в условиях горных ущелий

повлияла прежде всего на вид конечностей: четыре ноги и пара рук казались более цепкими, длинными и мускулистыми, чем у тех. Однако относительное сходство на этом и заканчивалось — достаточно было хотя бы раз взглянуть в треугольное «лицо» с широкой пастью и выступающими из нее клыками или поймать излучающий ненависть взгляд расположенных в линию пламенеющих глаз.

Тем временем, в последний раз вцепившись в камень жуткими когтями-ятаганами, чудовище издохло. Когда же в глубине его открытых глаз потух и красный огонь, Хэм, закинув за плечо мешки с поклажей и подхватив на руки бесчувственную Пат, ринулся мимо него к единственно возможному выходу из ущелья — туда, где поджидал добычу язык протоплазмы.

Хэм решил, что попробует выбраться наружу, шагая прямо по «тесту», если, конечно, толщина слизистого слоя не накроет его с головой.

Он бежал по ущелью, спотыкаясь об устилавшие дно камни, и боялся лишь одного — как бы не выронить из онемевших рук драгоценную ношу. Вслед беглецу летели камни, но он надеялся, что их зазубренные края не повредят материал комбинезона: если это случится, его постигнет участь биостанции Пат.

Не обращая внимания на боль от ударов, Хэм радовался тому, что надежно защищал девушку от града камней, загораживая ее своим телом. Он не знал, жива ли она, но твердо решил, что ни за что не оставит Пат на Дороге Безумца. В какой-то момент он услышал слабый стон, раздавшийся из-под маски, и это прибавило ему прыти — тем более что поворот в более освещенную часть ущелья был уже совсем рядом.

Преследователи тем временем не отставали. Хэм не мог понять, что заставляет их продолжать погоню: человек в защитном скафандре-комбинезоне не представлял интереса даже для всеядного «теста». Скорее всего, они мчались за движущимся предметом.

Внезапно жуткий вой несколько изменил тональность: обогнав уставшего Хэма, несколько тварей нырнули за поворот, но тут же с визгом поскакали обратно. Скорее всего, их напугало непривычное освещение уще-

лья, но, как впоследствии оказалось,— далеко не всех. Хэм, довольный тем, что хотя бы на время перестал быть предметом охоты, тоже повернул на юг и внезапно едва не остолбенел: там, где из-за очередного поворота ущелья виднелась слизистая масса, копошилось несколько обитателей ущелья. Приглядевшись внимательней, Хэм с отвращением увидел, что его бывшие преследователи пожирали протоплазму, алчно вырывая друг у друга наиболее «аппетитные» комья слизи. И тогда Хэм понял, что заставило этих чудовищ оставить в покое его и Пат: инстинкт преследования, присущий всем живым существам, спасовал перед привлекательностью огромного скопления пищи, причем голод оказался даже сильнее светобоязни.

Хэм укрылся за каменным отвалом, устроив Пат поудобнее, затем перезарядил пистолет и принялся посылать в сторону «закусывающих» пулю за пулей. Чудовища с визгом бросились врассыпную, с неимоверной ловкостью удирая по вертикальным стенам, но одно, сраженное насмерть, плюхнулось прямо в студенистую массу. И тогда Хэм стал свидетелем поразительного явления: всеядная протоплазма вдруг вздыбилась, отступая от трупа, и отползла за угол, отказавшись от предложенного счастливым случаем угощения.

Хэм вспомнил, как в прессе упоминалось об одном ученом диспуте исследователей Венеры. Вопрос касался предположения части ученых о том, что существа с темной стороны планеты способны пожирать своих восточных соседей — всех без разбора, в то время как обитатели Сумеречной Страны не станут употреблять в пищу ядовитых, как говорилось, антиподов. Их оппоненты придерживались взгляда о всеобщей всеядности. То-то удивились бы они, невольно усмехнулся Хэм, увидев воочию крах своей теории.

Однако пусть теоретизированием занимаются кабинетные завсегдатаи — Хэму же предстояло решить весьма практический вопрос: как выбраться наружу. Толстый слой протоплазмы оказался, к несчастью, непреодолимым, но теперь — когда язык «теста» скрылся за поворотом Дороги — стены, образующие угол, обнажились, и Хэм заметил, что западный склон горы испещ-

рен мелкими горизонтальными трещинами, а высоко над ними нависает небольшой карниз. Возможно, именно он выходит наружу, образуя «верхнюю челюсть» пасти-входа.

Времени на размышление не оставалось: в любой момент могли вернуться плотоядные чудовища, рычание которых свидетельствовало о том, что они не спешили уходить. Во всяком случае, они вполне могут продолжить преследование людей, если станут перемещаться по восточной — слабо освещенной — стороне последнего участка каньона, да и запасы «живого теста» далеко не исчерпаны.

Хэм снова закинул мешки за спину и пристроил на плече тело девушки, чтобы освободить обе руки. Он выбрался из укрытия и направился к повороту ущелья, за которым скрылась протоплазма. Цепляясь за неровности стен, он стал медленно подниматься вверх, пока не ткнулся головой о скальный выступ. Надежно укрепив ноги, Хэм обшарил руками карниз и убедился, что сверху он представляет собой довольно широкую полку, на которой вполне смог бы встать человек. Стараясь не потерять равновесия, он снял с плеча девушку и поднял ее на уступ. Убедившись, что тело не сползет в пропасть, он немного продвинулся по стене в сторону выхода, заставляя себя не смотреть вниз, на слизистый кисель протоплазмы, забросил на уступ мешки с пожитками, а потом взобрался туда и сам.

Некоторое время Хэм сидел, свесив ноги вниз, не в силах даже шевельнуть и пальцем. Между тем вопли красноглазых образин стали более отчетливыми — вероятно, они находились где-то совсем рядом. Однако звук шел почему-то снизу, и вскоре Хэм увидел, как несколько чудищ — наиболее отчаянных или наиболее голодных — набросились на «тесто» и стали жадно рвать его на куски.

Успокоенный Хэм поднялся, повесил на локоть мешки, поднял на руки Пат и, прижимаясь спиной к шершавой стене каньона, медленно двинулся к выходу. Казалось, переход длился целую вечность. Временами он укладывал девушку на карниз и валился рядом в полном изнеможении, затем снова отправлялся в путь,

по-крабьи двигаясь боком. Добравшись до выхода из ущелья, он с огромным трудом спустился вниз и едва ли не на четвереньках выполз наружу.

Стянув с лица девушки маску и подложив ей под голову мешок, он рухнул возле нее, в последнем усилии откинув забрало и вдохнув полной грудью свежий воздух Фрэшленда.

Из забытья его вырвал голос Пат: судя по вопросительным интонациям, она о чем-то спрашивала. Постепенно до него дошел смысл ее слов, и он ухмыльнулся: эта девчонка беспокоилась о своей поклаже.

— Да мешок у вас под головой,— снисходительно проговорил он, принимая сидячее положение. Она тоже села и судорожно прижала мешок к груди. Хэм рассмеялся: — Ну, вы действительно настоящий ученый, раз так беспокоитесь о своих научных записях!

— Да при чем тут записи,— досадливо отмахнулась Пат, и на ее мертвенно-бледном лице появился слабый румянец, когда она едва слышно добавила: — Там стручки зикстчила.

От изумления глаза Хэма полезли на лоб. Не веря своим ушам, он переспросил:

— Моя добыча? У вас?

— Да.— Она открыто взглянула на него.— Да, янки-браконьер, именно так. И она, разумеется, принадлежит добытчику. Я просто хотела наказать нахального американца за пренебрежительное отношение ко мне... и очень быстро раскаялась в этом. Именно потому я и искала вас.

— Но плесень под деревом...

— Я просто бросила туда ветку.

Хэм поднялся на ноги и протянул Пат руку, помогая ей встать. Затем схватил ее руками за плечи и, слегка встряхнув, проговорил:

— Так вот что, девушка. Сейчас мы немедленно отправляемся в Эрос. И когда доберемся туда, то первое, что я сделаю, так это поведу под венец упрямую дочку Патрика Берлингейма, пока она не успела снова удрать на Дорогу Безумца! Надеюсь, времени на уговоры у меня хватит, потому что переход через Малый хребет тоже не сахар.

Она глубоко вздохнула, обвела взглядом суровые горы и, остановив на спутнике сияющие серые глаза, коротко произнесла:

— Что ж, пошли!

СИЛА ВОЛИ

1

— По-моему, прибыли,— сверившись с приборами, объявил Хэм, переводя челнок в режим планирования, и добавил, глядя в черноту за бортом: — Кажется, еще ни у кого не бывало такого свадебного путешествия. Вероятно, ты и здесь захотела стать первопроходцем? — обернулся он к рассмеявшейся жене.

— Конечно,— согласилась миссис Хэммонд, еще недавно носившая имя Пат Берлингейм.— У меня это, наверное, от отца. И вообще, тебе стоило бы сто раз подумать, прежде чем жениться на биологе.

— А я и думал почти полгода,— парировал ее высказывание Хэм и, поймав удивленный взгляд Патриции, с улыбкой пояснил: — По венерианским меркам полгода, по земным — две недели, это когда мы мотались из Хотленда во Фрэшленд, пока в конце концов не оказались в Эросе.

Разговор происходил на борту исследовательского летательного аппарата, зависшего над темной стороной Венеры. Он стартовал из Венобля, довольно крупного поселения в южной части Сумеречной Страны, открытой в свое время великим английским исследователем Патриком Берлингеймом, отцом Пат. Именно он обнаружил пресловутую Дорогу Безумца — проход через Большой хребет Гор Вечности в северную часть либрационного коридора, колонизированную американцами под предводительством Кроули. Главный населенный пункт американской зоны носил претенциозное название Эрос.

Между тем Хэм перевел рукоять управления в положение «посадка», и челнок начал медленно опускаться в неизвестность — пока мягко не коснулся грунта. В тот же момент двигатели автоматически выключились, и от тишины, сменившей их мощный рев, закололо в ушах.

— Вот мы и на месте,— проговорил Хэм.

— И ты можешь его описать? — скрывая за шутливым вопросом невольную тревогу, спросила Пат, напряженно вглядываясь в темноту за иллюминаторами.

— Без малейшего труда,— бодро ответил Хэм и лихо отрапортовал: — Вверенный мне корабль находится на широте Венобля в семидесяти пяти милях западнее Ледяной Стены. На севере должны возвышаться Горы Вечности, если они, конечно, существуют и на этой стороне планеты, а все остальное покрыто мраком неизвестности.

— Да, с описанием местности как-то слабовато получилось,— прокомментировала его тираду Пат.— И что за подчиненные нынче пошли? Всю работу взваливают на начальство! Вот погодите — подам рапорт о несоответствии пилота его должности, и его уволят: как-никак с мнением командира экспедиции должны считаться!

Хэм вскочил, прищелкнул каблуками и дурашливо завопил:

— Не гневайтесь, командир! Я исправлюсь!

Грустно улыбнувшись жалким потугам поддержать бодрость, они погасили фары наружного освещения и принялись рассматривать никому доселе неведомый мир.

Супруги Хэммонд представляли собой исследовательскую экспедицию, целью которой являлось изучение флоры и фауны темной стороны Венеры. Этот проект, разработанный совместными усилиями Королевской Академии и Смитсоновского института, создавался в расчете на Патрицию Берлингейм, ведущего специалиста в области изучения изменчивой природы Сумеречной Страны. Принимался также во внимание и тот факт, что она была уроженкой Венобля, то есть человеком, наиболее приспособленным к местным услови-

ям. То, что пилотом экспедиции придется взять чуждого научному миру субъекта, да вдобавок еще и американца, высокомудрые разработчики проекта даже не могли предположить. Однако жизнь распорядилась так, что бродяга-янки — правда, с университетским образованием — случайно встретился в Хотленде с надеждой современной английской биологии Пат Берлингейм, и выпавшие им на долю испытания привели к свадьбе, скромная церемония которой состоялась в Эросе. Молодожены заявили о своем категорическом нежелании расставаться, и поэтому — после проверочных тестов — Хэма назначили ответственным за техническую сторону проекта.

В сущности, экспедиция могла бы и не состояться, поскольку Хэммонды намеревались провести свой медовый месяц в цивилизованных условиях, какие только могла предоставить Земля — удачно реализованная венерианская добыча Хэма могла обеспечить им любую роскошь. Однако к тому времени, как путники преодолели Малый хребет и достигли Эроса, Венера, двигаясь по своей орбите, существенно удалилась от Земли, и лишь спустя долгие восемь месяцев появилась бы возможность покинуть Сумеречную Страну. Перспектива длительного унылого прозябания в убогих условиях поселка — будь то Венобль или Эрос — и подвигла молодоженов на участие в рикованной поездке на темную сторону планеты.

Люди давно стремились заглянуть за непреодолимую Ледяную Стену и выяснить, что скрывает вечный мрак, царящий на той стороне планеты, которая никогда не освещалась солнечными лучами. Несколько неудачных попыток не обескуражили исследователей, и вот, наконец, был создан летательный аппарат, способный перемещаться на любых высотах — от безвоздушного пространства космоса до бреющих полетов над поверхностью планеты. В условиях Венеры это имело первостепенное значение, поскольку экипажу предстоял бросок через Ледяную Стену, вознесшуюся до облачного покрывала планеты, плотную пелену которого пронзали лишь отдельные пики гигантских Гор Вечности.

Но не только немыслимая высота ледяной преграды закрывала дорогу человеку: там, где сталкивались воздушные потоки, рожденные на разных полушариях планеты — ледяном и раскаленном, грохотали чудовищной силы огненные ураганы, испепелявшие вокруг все живое.

И тем не менее люди, кое-как обосновавшиеся в узком — не более пятисот миль — пространстве, образовавшемся за счет либрации планеты, стремились узнать о ней как можно больше: стимулом к этому служили невероятные формы жизни, обнаруженные исследователями в Сумеречной Стране, как земляне называли либрационный коридор Венеры.

И вот теперь, казалось, этой мечте суждено наконец сбыться: на замороженных пространствах темной стороны планеты впервые оказался исследовательский корабль, экипаж которого — с тревожным предвкушением неведомого — сквозь стекла иллюминаторов напряженно вглядывался в негостеприимный чуждый мир.

После того как Хэм выключил прожекторы и глаза привыкли к темноте, выяснилось, что здесь царит не непроглядный мрак, а скорее густой сумрак: высокие облака отражали отсветы огненной стихии, бушевавшей над Ледяной Стеной. В этих пульсирующих отблесках света перед удивленными взглядами людей предстала величественная в своей дикой красоте страна: нагромождения льда, которым архитектор-ветер придал самые фантастические очертания, тускло светились зеленоватым светом, переливавшимся в глубинах прозрачных глыб. Каждая льдинка, каждый выступ, каждая неровность, казалось, трепетали в колеблющемся свете, словно говоря: «Вы искали здесь жизнь? Мы и есть жизнь!»

— Какая немыслимая красота! — выдохнула, наконец, Патриция, до этого безмолвно взиравшая на ледяной пейзаж.

— Мне она кажется угрожающей,— проговорил Хэм.— Словно шикарная декорация, скрывающая что-то отвратительное. Неужели здесь возможна какая-то жизнь?

Пат оторвалась от созерцания льдин и обернулась к нему.

— Вполне вероятно, если даже на Титане и Япете обнаружено нечто живое. Кстати, а какая температура за бортом? — Хэм взглянул на панель управления и сообщил, что датчики зарегистрировали тридцать пять градусов ниже нуля.— Вот видишь? Вполне подходящая для жизни, если судить по земным меркам.

— Но, помнится, для зарождения жизни требуется теплая, как суп, водичка. Или я что-то путаю, моя ученая женушка? — К Хэму постепенно стала возвращаться его обычная жизнерадостность.

— Нет, не путаешь,— рассмеялась Патриция.— Кое-какие знания по биологии еще остались в твоей голове со школьных времен. Да только зарождения жизни здесь не требовалось: ее сколько угодно по ту сторону Стены. Вспомни, какая неистовая борьба за выживание идет в жаркой части Сумеречной Страны — в Хотленде, где даже растения приобрели замашки хищников. Возьми того же Джека-Хватателя — очень «милое» деревцо! Вполне возможно, что какие-нибудь виды «сбежали» сюда, спасаясь от более сильных конкурентов.

— И кто бы это мог быть, как ты думаешь? — заинтересованно спросил Хэм и взглянул на ледяное пространство за окном, словно ожидая увидеть там нечто большее, чем мерцание световых бликов.

Отметив его непроизвольный жест, Пат с улыбкой сказала:

— Условие существования жизни — четко выстроенная пищевая цепочка. Вопреки известному анекдоту о фермере, который разводил песцов, скармливая им крыс, а тем в свою очередь отдавал ободранные тушки своих питомцев, такой замкнутый круг нереален. И те и другие при подобной кормежке перемерли бы от авитаминоза и расстройства желудка, поскольку для нормального рациона требуются растительные компоненты. Значит, в первую очередь здесь должен был бы обосноваться какой-нибудь вид растительности.

— Ну это бы еще ничего, а вот если что пострашнее? — полюбопытствовал Хэм.

— Думаю, есть и такие. Вспомни, кто набросился на нас в ущелье Большого хребта? Я потом имела воз-

можность хорошенько изучить убитое тобой чудовище, останки которого доставили в Эрос. Это существо, по-видимому, родственник аборигенов Хотленда, которым — из-за их трех глаз — дано научное название Triops. Но оно, несомненно, более свирепое и, скорее всего, менее разумное, поскольку хищники руководствуются в основном высоко развитыми инстинктами. Я предложила назвать их Triops Noktivivans, чтобы отметить причастность этого вида к ночной стороне планеты.

— Можно подумать, что, давая имя какой-нибудь твари, мы делаем ее ручной! — фыркнул Хэм.

Пат отмахнулась от его замечания и продолжила:

— Все внешние признаки этих триопсов — две руки, четыре ноги, три глаза — свидетельствуют о том, что предки этого вида обитали в Сумеречной Стране. Даже их светобоязнь — не обсолютна: вспомни, как они «лакомились» омерзительной протоплазмой, хотя освещение той части ущелья существенно отличалось от здешней тьмы. Возможно, пещерные триопсы лишь переходная ступень к еще более диким обитателям этих просторов.— Вздохнув, она тоже взглянула в окно и добавила: — Так что надо быть готовыми ко всему...

Хэм что-то проворчал и ободряюще похлопал жену по плечу — да ладно, мол,— но Пат вновь увлеченно заговорила:

— Они появились здесь сравнительно недавно. Если руководствоваться земными мерками, то перерождение миролюбивых аборигенов в чудовищных хищников могло произойти примерно за двадцать тысяч лет. Однако этот срок весьма приблизителен — нам же неизвестна скорость эволюции на Венере. Они могли приспособиться к новым условиям значительно быстрее.

— Вот-вот! Я, например, приспособился к ночной жизни студентов университета за один семестр,— перебил ее Хэм.

— Но не все же такие вундеркинды! — усмехнулась Патриция и надолго умолкла.

Некоторое время ничто не нарушало тишину корабля, но затем в темноте снова зазвучал задумчивый женский голос:

— Меня занимает вот какой вопрос: какая жизнь появилась здесь до появления триопсов? Допустим, некий первый абориген, будущий родоначальник нового вида, отыскал путь, приведший его на темную сторону планеты. Но что-то же он ел — иначе бы не выжил! Значит, здесь уже имелась некая флора, а поскольку ночной триопс — хищник, следовательно, была и фауна. Вот какой напрашивается вывод.

— Ты хочешь сказать, что в этом мраке и холоде возможно существование даже разумных существ? — нахмурил брови Хэм.

— Такое тоже возможно, но не обязательно. Как известно, высокий интеллект не гарантирует устойчивость вида,— спокойно проговорила Пат.

— Но ведь именно разум сделал человека практически властелином Вселенной, разве не так? — возмущенно вскинулся Хэм.

— Это просто патетика,— все так же невозмутимо возразил женский голос.— Настоящими хозяевами той же Земли — не будем говорить о Вселенной — являются обыкновенные нематоды, то есть разнообразные черви, населяющие практически всю планету. Их численность в миллионы раз превосходит количество столь обожаемых тобой Homo Sapiens.— Услышав недовольное ворчание, Пат усмехнулась.— Ладно, не будем касаться человечества — можно провести и другие параллели, ну хотя бы гориллу и черепаху. Это тебя больше устроит? — Поскольку возражения не последовало, она продолжила: — Горилла, как ты понимаешь, более интеллектуально развитое существо, чем черепаха, однако последняя встречается повсеместно и даже в водной стихии, а ареал гориллы ограничен отдельными областями Африки: разум не помог ей приспособиться к жизни в других условиях.

— Мне кажется, ты как-то специфически понимаешь значение разума,— недовольно проговорил Хэм.— В конце концов ни черепахи, ни нематоды не привели к научному и техническому прогрессу, в результате которого мы находимся здесь.

— Все это верно, но я хотела показать, что интеллект сам по себе не является решающим фактором,

когда речь идет о выживании. В огненном смерче ядерного взрыва погибнет любая цивилизация, а вот «безмозглый» таракан — уцелеет.

Голос Пат становился все слабее и слабее. Обеспокоенный Хэм поинтересовался, как она себя чувствует.

— Это все нервы,— проговорила она.— Наверное, я хочу сама себе доказать, что мы не встретимся здесь с чуждым и непонятным нам разумом: даже трудно представить, насколько чудовищным может быть проявление интеллекта на этой чудовищной планете.

Когда она повернула рубильник, включив наружные прожектора и свет в кабине, Хэм заметил тревожное выражение серых глаз и болезненную бледность любимого лица.

— Тебе просто надо отдохнуть,— заботливо сказал он и, когда Пат скрылась в жилом отсеке, погрозил кулаком тьме за иллюминаторами, проворчав: — Уж я до вас доберусь, будьте вы хоть трижды разумными!

2

Пятичасовой сон благотворно сказался на экипаже челнока. Пат повеселела и больше не казалась такой изможденной, и Хэм, успокоенный ее видом, занялся подготовкой к первому выходу наружу. Прежде всего они достали легкие скафандры с внутренним подогревом, приспособленные для существования в условиях пониженных температур. Поскольку приборы показывали, что наружный воздух вполне пригоден для дыхания, отпала надобность в дополнительных фильтрах, и теперь защитные маски лишь оберегали лица от обморожения.

Хэм проверил работу всех систем жизнеобеспечения скафандров, а также исправность четырех укрепленных на наголовниках мощных ламп, установленных таким образом, чтобы равномерно освещать пространство вокруг человека: при включении этих мини-прожекторов он оказывался как бы в конусе света.

Кстати, это новшество в оборудование скафандров внесли по рекомендации Хэма, который описал разработчикам реакцию триопсов на свет.

Затем он зарядил два пистолета, рассовал по многочисленным карманам запасные магазины к ним, а также заряды к паре бластеров, укрепил оружие в предназначенных для них петлях и только после этого разрешил Пат облачиться в скафандр. Она добавила к своему снаряжению еще мешок для образцов, причем Хэм страстно надеялся, что тот так и останется пустым.

После комбинезонов, пригодных для Хотленда, эти скафандры казались невероятно громоздкими. Супруги посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

— Тебе не кажется, что мы смахиваем на роботов первых лет колонизации? — поинтересовался Хэм, с удовольствием рассматривая улыбающееся личико жены.

— Ну да, перед отправкой их на свалку,— согласилась она, входя в шлюзовую камеру и открывая люк. Подождав, пока опустится трап, она первой шагнула на обледенелый грунт.— А теперь дай нам Бог удачи!

Заблокировав подъемный механизм трапа, Хэм захлопнул люк и спустился следом за женой.

Вокруг по-прежнему царила пульсирующая мгла, но теперь окружающий мир более соответствовал характеристике, которую дал ему Хэм,— «угрожающий». Возможно, этому способствовало унылое завывание ветра, дующее в сторону Ледяной Стены, местоположение которой отмечали яркие сполохи зарниц.

Долина, где совершил посадку челнок, представляла собой нагромождение ледяных глыб самых разнообразных форм и размеров. Она постепенно повышалась к северу — к отрогам Гор Вечности, и там россыпи льда перемежались черными головами валунов или длинными языками каменных выступов. К югу грунтовых обнажений было значительно меньше: вероятно, толщина ледяного панциря планеты увеличивалась по мере удаления от горного массива.

Пат словно в ознобе передернула плечами и на вопрос Хэма, не замерзла ли она, ответила:

— Нет, конечно. В этом скафандре чувствуешь себя как под одеялом. Просто немного страшноватое местечко, верно? А кстати, почему здесь не так уж и холод-

но? Мне казалось, что на неосвещенной стороне планеты должна царить почти космическая стужа.

Хэм обнял жену за плечи и проговорил:

— Теперь моя очередь прочесть тебе небольшую лекцию. Видишь ли, облачное покрывало Венеры не позволяет теплу, которое приносят сюда горячие ветры с освещенной стороны планеты, беспрепятственно рассеиваться в космическом пространстве. Конечно, часть тепловой энергии безвозвратно теряется в этой безумной схватке с холодом над Ледяной Стеной, но что-то проникает и сюда. Таким образом, влияние раскаленных пустынь поддерживает здесь вполне приемлемую температуру воздуха. Думается, что ближе к горам она еще повысится, поскольку теплый воздушный поток, ударяясь о каменные стены, должен стекать по склонам вниз: подняться вверх ему мешает облачная крыша. А вот что творится дальше на юг или севернее Гор Вечности, по-видимому, определят новые экспедиции: ученые мужи, я надеюсь, как-нибудь обойдутся и без тебя, милый мой биолог!

Они медленно двинулись в сторону выступающего из-под ледяной корки валуна, и вдруг Пат резко рванулась вперед. Присев возле камня, она повернула к Хэму улыбающееся лицо.

— Ты только взгляни на это,— радостно сказала она, указывая рукой на какой-то серый ком, примостившийся у самой подошвы валуна на обнаженном участке грунта. Он напомнил поспешившему на зов Хэму гриб-дождевик, испещренный глубокими морщинами.

Когда Хэм поделился с женой пришедшей на ум аналогией, та похвалила его за наблюдательность:

— Оно действительно больше похоже на гриб, чем на традиционное растение, поскольку в этом мраке не может вырабатываться хлорофилл. Но зато — ты только посмотри! — какая мощная проводящая система!

В ярком свете прожектора челнока Хэм разглядел на серой поверхности отчетливый рисунок переплетающихся сосудов.

— Ты понимаешь, о чем это говорит? — все так же восторженно спросила его Пат.— Оно способно прогонять по жилкам нечто жидкое, не позволяя влаге за-

мерзнуть! Значит, его температура выше точки замерзания воды и, кроме того, существует какой-то орган, способный прокачивать этот субстрат по сосудам. Какой-то насос — наподобие сердца или желудка.

Говоря это, Пат вынула из мешка для образцов температурный датчик и приложила его к морщинистой поверхности: тот показал четыре градуса выше нуля.

— Эту находку необходимо исследовать более детально.— Восторженность неофита теперь заменила холодная рассудочность ученого.— Заберем ее с собой.

С этими словами Пат подцепила серый нарост и попыталась отделить его от основания, но это оказалось не таким простым делом: морщинистая масса, казалось, намертво вросла в грунт и не желала поддаваться. Пришлось пустить в ход нож, и наконец торжествующая Пат поднялась, сжимая в руках трофей.

— А ты уверена, что это не теплокровное животное? — спросил Хэм, с отвращением показывая на темные напоминавшие кровь капли, падавшие на снег с торца поврежденного стебля.— Не хватало еще, чтобы это создание стало вопить и кусаться! Ох, да ты только послушай! — К стону ветра присоединился негромкий низкий вой, явно исходивший от странного серого существа.— Какая все-таки мерзость! Прямо венерианская мандрагора!

— Ты ничего не понимаешь в биологии! — возмутилась Пат, засовывая находку в мешок.— Это же исконный представитель той самой жизни, которую мы и намеревались открыть на ночной стороне планеты.

«Как хорошо,— подумал Хэм,— что я имею дело с „железками“: они хотя бы не орут, когда я закручиваю гайки или что-нибудь припаиваю». Но вслух, однако, сказал:

— Давай оставим его у входа, а сами поищем чего-нибудь еще.— Он приоткрыл люк челнока, и Пат, не возражая, сунула в щель драгоценный образец.

Они двинулись прочь от корабля, и возбужденная удачей Пат заговорила о том, какой переворот в науке вызовет ее находка. Обсуждая перспективы экспедиции, они даже не заметили, как покинули освещенное прожекторами пространство и оказались в густом сум-

раке природного ландшафта. Однако им тут же напомнили о допущенной оплошности: со всех сторон одновременно раздались жуткие вопли десятков глоток. Это дали знать о себе незаметно подкравшиеся к людям обитатели ночи — триопсы. Чудовищные крики сменил адский хохот, и на незваных пришельцев посыпались осколки камней и обломки льда.

Только сейчас Хэм понял, что они до сих пор не включили защитные лампы на наголовниках скафандров, и немедленно надавил на кнопку. Лампы вспыхнули — и тут же гомерический хохот перешел в визгливые завывания: вероятно, свет причинял триопсам невыносимые мучения. Вскоре крики и визг растаяли вдали — нападающие отступили.

Все это время Пат стояла, прижавшись к мужу, не в силах сделать ни единого жеста. Ее буквально парализовал ужас от внезапности атаки таких же кровожадных чудовищ, что и на Дороге Безумца — в ущелье Большого хребта Гор Вечности. Она узнала их голоса! Лишь после того, как свет отпугнул триопсов, она пришла в себя и тоже включила лампы. Еще некоторое время она молчала, собираясь с силами, но то, что она произнесла, было словами не испуганной женщины, а истинного ученого:

— Хэм, это же совсем неизвестный вид триопсов — они подлинные обитатели этих мест! Те, в ущелье, вовсе не так боялись света. Вот только вопрос: остались ли они жить в ущельях гор, когда аборигены Сумеречной Страны отыскали путь на эту сторону, или вернулись туда впоследствии?

На эту тираду Хэм лишь руками развел.

В этот момент снова послышались знакомые вопли, перемежающиеся отдельными гортанными выкриками и взрывами чудовищного хохота, и Хэм поинтересовался у жены, являются ли эти звуки своеобразным языком триопсов.

— Не исключено, только вряд ли удастся обуздать свирепый нрав и приручить хотя бы одного из них, чтобы получить возможность изучить язык,— пожала плечами Пат.— О том, что это, несомненно, разумные существа, говорит хотя бы их умение пользоваться кам-

нями в качестве оружия. Кроме того, они знают свойства тех «газовых бомб», которыми забросали нас в ущелье. Но наше знание о степени развитости интеллекта триопсов на этом, пожалуй, и закончится — останутся лишь исследования их анатомии.

Внезапно метко брошенный камень просвистел в непосредственной близости от головы Хэма. Тот развернулся в ту сторону, откуда прилетел метательный снаряд, и услышал громкий визг боли.

— Ого! Похоже, они адаптируются к свету, и их можно напугать только прямым лучом,— проговорил Хэм.— Это еще одно проявление разумности, разве не так? Во всяком случае, надо быть настороже, чтобы избежать нападения издали, а что касается «рукопашной» — они вряд ли рискнут, пока нас защищает световой конус.

Окончательно успокоившиеся путешественники решили продолжить свою познавательную экскурсию, условившись, что теперь станут регулярно обводить лучами прожекторов дальние подступы. Они обнаружили еще несколько морщинистых грибов, и Пат торжествующе засунула образчики местной флоры в мешок. Лишь один раз она застыла над очередным экспонатом, явно пребывая в замешательстве. Хэм присел возле удивившего жену создания — им оказался небольшой извивающийся угольно-черный цилиндр, отдаленно напоминающий червя.

— Обязательно прихвати и этого,— обернулся Хэм к Патриции.— Он здорово похож на любимое лакомство триопсов Хотленда, теперь практически исчезнувшее из их рациона.

Ошеломленная Пат автоматически подобрала червя и негромко проговорила:

— Воистину удивительный мир! Мне кажется, что находка этого существа может объяснить появление здесь триопсов — потомков их хотлендских предков: эти гурманы рванули сюда следом за мигрирующими червями. Помнится, исследователи Венеры отмечали странное исчезновение прежде многочисленного вида, вот только неясно пока, что заставило тех уйти из Сумеречной Страны.

Наконец мешок больше не мог вместить новых образцов, и Хэм предложил возвращаться к кораблю, пока опять не появились триопсы. Пат нехотя согласилась, с трудом преодолев охвативший ее охотничий азарт. Они медленно побрели к освещенному челноку, однако там их ожидал малоприятный сюрприз.

Хэм поднялся по трапу, открыл люк и едва не слетел со ступенек: в лицо ему ударил отвратительный трупный запах. Источником зловония оказалась темная лужа, блестевшая на том месте, где недавно лежал венерианский гриб. Стараясь не наступить в омерзительную жидкость, Хэм включил устройство продувки камеры, и, когда воздух немного очистился, опрыскал лужу дезинфицирующим раствором. Пат прыгала снаружи, стараясь разглядеть его манипуляции, но только после того, как атмосфера стала достаточно приемлемой, Хэм разрешил ей подняться в камеру.

— Вот что натворила твоя находка,— показал на остатки лужи Хэм.

— Это моя вина,— огорченно проговорила Пат.— Я не подумала, что температура шлюзовой камеры может оказаться для обитателя льдов чрезмерно высокой. Вот бедняга и разложился.

Когда воздух полностью очистился от неприятного запаха, они смогли войти внутрь челнока. Пат взгромоздила мешок с образцами на лабораторный стол и сказала, что немедленно проведет все необходимые исследования. Освободившись от скафандров, они тотчас же погрузились в работу: Хэм занялся приготовлением нехитрого обеда, а Пат принялась пластовать свои находки, заполняя сосуды с консервирующим раствором и размазывая какие-то субстраты по предметным стеклам электронного микроскопа.

Когда с делами, наконец, было покончено, они устроились за столом в жилом отсеке, чтобы перекусить.

— Как ты думаешь, эти ночные триопсы как раз и являются здесь самыми разумными существами? — задумчиво спросил Хэм.

— Скорее всего так, потому что они в состоянии истребить любое существо — независимо от уровня интеллекта жертвы,— ответила Пат.

Ее мнение, как выяснилось впоследствии, оказалось одновременно и правильным, и ошибочным.

3

Последующие несколько дней, если считать по земным меркам, они провели, исследуя более отдаленные от челнока участки долины. Их вылазки каждый раз проходили под аккомпанемент злобных завываний триопсов, но яркий свет ламп не позволял тем приблизиться к людям даже на бросок камня.

Пат не обнаружила здесь никаких новых признаков жизни, и Хэм предложил выбрать другое место для стоянки челнока, двигаясь — как и было задумано — вдоль Ледяной Стены, в сторону Большого хребта Гор Вечности.

Хэм дважды менял местоположение челнока, однако детальное прочесывание долины не добавило ничего, что внесло бы свежую струю в исследование планеты: все те же морщинистые грибы да заходящиеся в исступленном хохоте триопсы. Удивляло лишь количество и тех, и других, хотя можно было предположить, что медленно перемещавшийся из-за опасности столкновения с ледяными пиками челнок сопровождала одна и та же стая хищников.

Наконец они достигли отрогов Большого хребта. Слабо повышавшаяся в сторону гор долина здесь круто взметнулась вверх, и Хэму пришлось довольно долго лавировать между причудливыми глыбами льда и россыпями камней, отыскивая в свете прожекторов удобный для посадки ровный участок грунта. Экипажу маленького челнока становилось немного не по себе, когда прожектор высвечивал уходящую в безмерную высь каменную стену: они вдруг почувствовали себя букашками, посягнувшими на тайну, хранимую могучими великанами.

После того как челнок наконец благополучно коснулся ледяного покрова, Хэм не сразу покинул ставший привычным летучий дом: он хотел, чтобы они с Пат справились с охватившей их подавленностью. Стараясь не показать жене, что намеренно тянет время, он

записал в бортовой журнал новые координаты, а также показания других приборов — от высотомера до термометра — и обратил внимание, что температура за бортом существенно повысилась.

— Помнишь, я говорил, что климат предгорьев может быть более теплым? — обратился он к неподвижной фигуре возле иллюминатора, и когда Пат, словно с трудом выходя из транса, медленно повернулась к нему, продолжил: — Здесь на пятнадцать градусов теплее, чем в долине, потому что воздух пустынь натыкается на непреодолимую каменную преграду.

Она безучастно кивнула и вновь уставилась в окно.

— Как все-таки здесь неприютно,— заметил он.— Но, думается, это потому, что мы невольно вспоминаем неприятности на Дороге Безумца, проходящей именно через этот хребет, правда, значительно восточнее. Держи выше нос, женушка,— вспомни, как ты безрассудно ринулась в незнакомое дикое ущелье. Здесь же куда менее опасно, поскольку мы знаем, чего следует остерегаться.

— Перестань меня уговаривать и успокаивать,— с досадой ответила Пат, и Хэм порадовался хоть какому-то проявлению чувств.— Вспомни древнего Тиля Уленшпигеля — «пепел Клааса стучит в моем сердце», вот так и генам Берлингейма не требуется дополнительное вливание мужества! И вообще — что-то мы засиделись: пора на разведку.

Хэм вскочил на ноги, и после уже привычного ритуала проверки снаряжения они покинули челнок.

Снаружи действительно оказалось непривычно тепло, и они несколько убавили уровень подогрева скафандров. Немного посовещавшись, они решили направиться не вдоль хребта, а вверх — к горам. Все здесь на первый взгляд казалось привычным — и причудливые льдины, и округлые головы-валуны, и мерцающий свет. Но постепенно Хэм понял, что в этом новом ландшафте так его угнетало: впереди была абсолютная, без каких-либо световых бликов, тьма — словно там зияла космическая черная дыра, словно там был конец всему.

Однако по мере того, как путники все ближе подходили к горам, стало ясно, что это жуткое впечатле-

ние — лишь очередная шутка планеты: просто каменные отроги загораживали скупой свет далеких зарниц, создавая впечатление бездонного черного провала. Постепенно стали проступать контуры склонов, и Хэм смог сосредоточить внимание на ближнем окружении, что оказалось весьма своевременным. Количество серых грибов здесь значительно возросло, они явно увеличились в размерах, и Хэм принялся аккуратно обходить их, стараясь случайно не повредить неприятные наросты: очень уж страшноватые хрипы издавали тогда эти создания.

Пат не страдала подобными комплексами. Она считала непроизвольные стоны грибов лишь естественной реакцией на раздражение — тем, что в биологии обозначается термином «тропизм». Посмеиваясь над щепетильностью Хэма, она предлагала ему вообще перестать есть, чтобы случайно не обидеть пищу жестоким обращением.

Они медленно двигались на север. Пат внимательно заглядывала во все укромные местечки, но на этот раз не собирала образцы, объяснив удивленному ее поведением мужу, что пока ничего нового не обнаружила. Издали снова донеслось знакомое рычание: триопсы ни на миг не теряли из виду движущиеся фигуры людей. Конусы света вокруг них делали темноту по ту сторону еще гуще, и Хэм чувствовал себя экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение в витрине супермаркета. Однако он смирился с этим неприятным ощущением, поскольку свет по-прежнему отпугивал хищников.

Внезапно впереди возникло нечто, напоминающее стену: скорее всего, это был каменный барьер, покрытый льдом. Попытавшись оценить его контуры, Хэм определил, что тот простирался далеко в обе стороны: луч прожектора не смог обнаружить края преграды. Раздосадованный появлением неожиданного препятствия, Хэм стал продумывать способ преодолеть его, но тут его размышления прервал голос Пат:

— Что это там? Видишь? У самого основания стены!

Направив луч света в указанном направлении, Хэм заметил ряд черных круглых пятен, резко выделявшихся на белом фоне льда. Они напоминали входы в пещеры и имели диаметр около двух футов. Внезапно

раздался резкий визг, и темная фигура стремительно исчезла где-то наверху: вероятно, неосторожный триопс нечаянно попал в световой поток.

— Может быть, это их норы? — проговорил Хэм, но не увидел больше ни одного хищника: их вопли доносились откуда-то издалека.

Приглядевшись внимательней, исследователи заметили какие-то серые валуны, лежавшие возле нескольких отверстий. Поскольку их размеры практически соответствовали черным зевам пещер, они предположили, что это своеобразные каменные заглушки. Чтобы обитатели пещер не застигли их врасплох, Хэм вытащил пистолет — холодная рукоять уютно легла на ладонь — и сделал знак Патриции укрыться за его спиной.

По мере того как они медленно приближались к стене, контуры серых предметов проступали все отчетливей. Наконец стало очевидно, что перед ними все те же венерианские грибы, но только достигшие гигантских размеров. Однако Пат решила, что это совершенно новый вид растительной жизни планеты, поскольку заметила ряд существенных отличий от уже изученных ею образцов. Подойдя поближе к одному из гигантских «дождевиков», Хэм вынужден был согласиться с женой.

Огромный морщинистый гриб напоминал пронизанный бесчисленными кровеносными сосудами обнаженный мозг великана. Снизу его поддерживали ножки-выросты, а поперек пузырчатого тела шел пестрый поясободок, с которого таращилось на людей множество пуговичек-глаз. Когда по ним пробегал яркий луч света, они задергивались полупрозрачными пленками, напоминавшими третье веко примитивных земных животных.

Невольно Хэм бросил взгляд на табло миниатюрного комплекта датчиков: указатель радиационной защиты по-прежнему стоял на нуле, состав воздуха не изменился. Тем не менее он удержал Пат, рванувшуюся было к странной находке, и они остановились футах в шести от стены.

— Подумать только! Какая удача! — всплеснула руками Пат. Чтобы лучше разглядеть удивительный гриб, она присела напротив него на корточки и проговорила: — Ну что ж! Будем знакомы!

— Будем знакомы,— проскрипел в ответ механический голос, звуки которого исходили, казалось, из макушки гигантского гриба.

От неожиданности Пат шлепнулась на снег, а Хэм почувствовал, как у него захолонуло в груди: говорящие грибы — это уже перебор даже для него. Но поскольку ничего больше не произошло, он не торопился пускать в ход пистолет, хотя по-прежнему крепко сжимал его в руке.

Он помог Пат подняться, она с усилием оторвалась от созерцания гриба, и ее удивленные глаза встретились со взглядом мужа.

— Такого не бывает! — овладев собой, решительно заявила она.— Скорее всего это эхо, но отражающих поверхностей здесь так много, что звук получился искаженным до неузнаваемости. А кроме того, вероятно, сказалась и реакция на раздражение. Помнишь? Я тебе говорила о тропизме.

— А это мы сейчас проверим, кто тут шутки шутит — тропизм всякий, понимаешь ли,— фыркнул Хэм и неожиданно завопил: — Привет всем, кто меня слышит!

И его действительно услышали, потому что тот же голос монотонно проговорил:

— Шутки никто не шутит. Это не реакция на раздражение.

— Господи! — Пат невольно схватилась за голову.— Да что же это такое?

— Такое,— с утвердительными интонациями проскрипел гриб.

— Уйдем отсюда, Хэм! Надо немного подумать, а здесь я совершенно ничего не соображаю! — взволнованно проговорила Пат и потянула Хэма за руку.

— Думается, с этим надо разобраться немедленно,— возразил он, обнимая жену за плечи.— Не бойся! Оно вроде бы не собирается нападать.

— Не собирается нападать,— подтвердил гриб.

Это оказалось слишком даже для Хэма: он с трудом справился с дыханием. Но тут же, рассердившись на собственную слабость, повернулся к неожиданному собеседнику и строго сказал:

— Чем обезьянничать, лучше скажи мне, кто ты?

— Кто ты? — с некоторым интересом спросил гриб.

Невольно рассмеявшись, Хэм решил принять правила игры и, посоветовав Пат внимательно следить за окружающей обстановкой, ответил:

— Я — человек с планеты Земля, мы прилетели сюда, чтобы изучить вашу планету. Это ясно?

— Это ясно,— согласился гриб.

— Кто научил тебя нашему языку? — задал следующий вопрос Хэм.— Ты неплохо говоришь по-английски.

— Ты говоришь по-английски. Научил,— раздалось в ответ.

Пат полностью оправилась от испуга и теперь с интересом прислушивалась к странному диалогу.

— Я поняла! — радостно заявила она, дернув Хэма за руку.— Это существо в состоянии усвоить то, что может узнать от нас.

— Узнать от вас,— словно эхо откликнулся скрипучий голос.

— Чтобы поговорить с ним, нам следует предварительно обогатить его словарный запас, подробно разъясняя привычные для нас понятия,— продолжила Пат.— Чем больше мы расскажем ему, тем лучше он нас поймет.

— Он лучше вас поймет,— подтвердил гриб.

Условившись ораторствовать поочередно — один говорит, другой стоит в дозоре,— они принялись за дело. О чем только не поведали земляне жителю Венеры: и о строении Вселенной, и о понятиях добра и зла, и о происхождении видов, и о техническом прогрессе... Придуманная ими система обогащения венерианца земными понятиями позволяла тому, кто в данный момент молчал, тщательно продумать все, что он выскажет через несколько минут. Кроме того, различия в их образовании и жизненном опыте существенно расширяли спектр тем, которые потом обрушивались на молчаливо внимавшего слушателя.

Увлеченные необычным делом, они вначале не уловили абсурдность происходящего. Первым оценил комизм ситуации Хэм: услышав, как Пат с выражением декламирует «Королевский бутерброд», он почувствовал, что сейчас лопнет от хохота. В ответ на удив-

ленный взгляд жены он, всхлипывая от смеха, простонал:

— Прости, любимая. Я больше не мог сдерживаться — это так забавно.

Пат тоже улыбнулась, но когда она заговорила, в тоне явно сквозило осуждение:

— Вряд ли прежде кому-нибудь из землян выпадал случай передать свои знания разумному существу иного мира за жалкие полчаса! Он же впервые услышал человеческую речь — и какие поразительные результаты! А кстати, ты понял, о чем мы рассказывали? — спохватившись, спросила она у морщинистой «головы».

Все тот же скрипучий голос произнес:

— Понял. Я разумное существо.

— Принято,— сказал все еще улыбавшийся Хэм.— А как правильно обращаться к тебе? Трудно беседовать, не зная имени своего собеседника. У тебя есть имя? Я — Хэм, она — Пат, а ты?

— Я — это я,— проскрипел гриб.

— Вероятно, у них иной способ общения — если он есть, конечно,— заметила Пат.— А для нашего удобства мы просто можем его как-то назвать. Оскар, например. Ты не возражаешь против этого имени? — обратилась она к существу возле стены.

— Я — Оскар,— согласилось оно.

— Очень хорошо,— проговорил Хэм.— А теперь, Оскар, скажи нам — кто же ты?

— Для вас я — человек,— с достоинством ответил гриб.

Его себеседники оторопело уставились на него.

— Но этого не может быть! — воскликнул Хэм.

— Человек — венец творения. Я — человек,— упрямо раздалось в ответ.

— Оскар хочет сказать, что он — высшее существо,— догадалась Пат.— Я правильно поняла? — спросила она у серого морщинистого кома.

— Правильно,— согласился тот.

— Ничего себе! — схватился за голову Хэм.— Хотя, с другой стороны, надо быть сверхразумным, чтобы вот так запросто общаться с представителями чуждой цивилизации.

Вслух гриб никак не прореагировал на высказывание Хэма — лишь медленно прикрыл глаза пленкой, что вполне могло служить знаком одобрения.

Пат рассмеялась и махнула рукой.

— Итак, идем дальше,— сказала она.— Как размножается твой народ, Оскар? — Не дождавшись ответа, она пояснила: — Вы производите себе подобных с помощью семян, делением, спорами, партеногенезом или как-нибудь еще? — Эти слова она использовала в своем коротком сообщении по биологии.

Казалось, Оскар понял, что пришельцы имеют в виду, потому что решительно произнес:

— Делением и спорами.

Внезапно совсем неподалеку раздался безумный хохот триопса. Увлеченные беседой с Оскаром, исследователи невольно вздрогнули от неожиданности и обернулись на звук. Прожектор Хэма успел высветить четырехногого хищника в тот момент, когда он вонзил чудовищные когти в одного из обитателей пещер. В следующее мгновение триопс со своей добычей растворился во тьме. Хэм выстрелил вдогонку, но, очевидно, промахнулся — иначе они услышали бы визг боли.

Без сомнения, этот эпизод видели и Оскар, и остальные норные жители, однако все продолжали оставаться неподвижными, словно ничего не произошло. Пат возмущенно всплеснула руками и обратилась к Оскару:

— Неужели ты не понял, что одного из твоих соплеменников только что убили? — Пообщавшись с этим удивительным созданием, она уже испытывала симпатию к странным порождениям венерианской природы и была готова прийти к ним на помощь.

— Я понял,— проскрипел в ответ гриб.

— И что? Никто из вас даже не спрятался! — не в силах преодолеть привычные для землян мерки поведения, воскликнула Пат.

— Зачем? Мы их пища. Они нас едят,— едва ли не снисходительно проговорил Оскар.

Тем временем огромные серые грибы зашевелились и медленно поползли к зияющим черным отверстиям.

— Вы все-таки решили укрыться от триопсов? — догадалась Пат.

— От триопсов? Нет. От холода,— услышала она разочаровавший ее ответ.

Когда последняя серая «голова» исчезла в своей пещере, Пат провела рукой по глазам и, покачав головой, произнесла:

— Говорящие грибы! Это словно кадры из какого-то фантастического триллера, а мы — как это часто бывает во сне — не сидим в зрительном зале, а почему-то оказались на экране.

— К сожалению, это не фильм: послушай только, как беснуются триопсы! — Хэм потянул ее прочь от ледяного барьера.— Пора возвращаться к кораблю.

В привычной обстановке челнока — сытые и отдохнувшие — они, наконец, решили попытаться как-то оценить происшедшее.

— Бесспорно, мы столкнулись здесь с очень высоким уровнем интеллекта, который явно превосходит людской,— начала подводить итоги Пат.— Но тебя ничего не поразило во время нашей беседы — кроме, конечно, самого факта появления говорящих грибов?

— Чудовищная способность к обработке информации,— ответил Хэм.— Этот морщинистый гений принялся болтать с нами, свободно оперируя нашими же понятиями. Я уж не говорю о том, что он мгновенно усвоил язык. Оскар, пожалуй, может дать фору любым сверхсовременным компьютерным устройствам!

— Верно,— согласилась Пат,— но я имела в виду другое. Ты заметил, что он ни разу ни о чем нас не спросил? Даже не удивился нашему появлению. Мы, как только оправились от изумления, сразу набросились на него с вопросами, верно? А он лишь отвечал нам!

— И ты можешь это как-то объяснить? — задал Хэм вопрос и тут же рассмеялся: уж очень удачно проиллюстрировал он высказывание жены.

— Или вот еще,— не отвечая ему, увлеченно продолжила Пат.— Никто из них никак не прореагировал на гибель своего собрата: казалось, было бы естественным спрятаться, завопить, или в конце концов напасть на агрессора. Так поступили бы разумные земные существа! У этих же напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, присущий любому животному организму.

— Значит, ты считаешь, что этот пупырчатый «мозг» не животного происхождения? — решил уточнить Хэм.

— Нет, он все-таки только гриб, и его интеллект я условно охарактеризровала бы как растительный. Видел ли ты когда-нибудь, чтобы ветка хлестнула тебя за то, что ты сорвал с нее листок? Так и здесь — патологическое непротивление злу. И тем не менее эти существа, обладающие недосягаемым для человека разумом, всего-навсего какая-то разновидность грибов. Они умеют передвигаться, пользуясь для этого ножками-корешками, а округлые выросты — ты их заметил? — вероятно споровые мешочки: Оскар же говорил о размножении с помощью спор...— Она помолчала, а потом задумчиво добавила: — Знаешь, они мне напомнили те самые «газовые бомбы», которыми триопсы забросали нас в ущелье.

— Этого еще не хватало,— обеспокоенно воскликнул Хэм.— Надо будет рассмотреть их получше, а то можем влипнуть в очередную историю. Очень не хотелось бы подвергнуться «газовой атаке», потому что в комплект наших морозоустойчивых скафандров не входят антиспоровые фильтры, которые нас тогда спасли. Да и кто бы мог догадаться, что эти «бомбочки» с ночной стороны планеты — из мира вечного холода!

Некоторое время оба молчали, вспоминая кошмар, настигший их на Дороге Безумца, а затем снова заговорила Пат:

— Надо обязательно разобраться, до какой степени опасен человечеству обнаруженный здесь разум, потому что при массовой колонизации Венеры это станет главной проблемой. И кто знает, может быть, эти серые мыслители лишь ответвление огромной интеллектуальной мощи, существующей где-нибудь в неведомых закоулках планеты.

— Мне кажется, ты сгущаешь краски,— заметил Хэм.— Если бы «высшие силы» Венеры имели склонность воспротивиться любому вмешательству, их порождения — грибы — умели бы отбиваться от триопсов.

Внезапно лицо Пат покрыла смертельная бледность, и она подняла на Хэма расширенные ужасом глаза.

— Ты сравнил их быстрый ум с компьютером. А может быть, эти грибы — всего лишь биологические за-

писывающие устройства гигантского компьютера... гигантского живого компьютера. А теперь представь, каков должен быть разум, использующий его данные! — Она вздохнула, а затем уже более спокойно добавила: — Надо еще раз побеседовать с Оскаром, причем я постараюсь как можно лучше сформулировать вопросы.

4

Спустя несколько часов исследователи вновь оказались перед ледяным барьером, испещренным пещерами. Только тут они вспомнили, что накануне ничем не отметили жилище Оскара, и в растерянности принялись отыскивать хоть какие-то приметы своего собеседника. Однако молча взиравшие на пришельцев грибы абсолютно ничем не отличались друг от друга.

Наконец Пат нашла выход из положения: она просто решила окликнуть своего недавнего знакомца.

— Оскар! Мы опять пришли. Отзовись! — закричала она, стараясь, чтобы ее услышали все серые «головы».

— Я — Оскар,— ответил откуда-то справа скрипучий голос.

Хэм недоверчиво взглянул в сторону говорившего и заметил:

— По-моему, тут какая-то ошибка. Мне кажется, жилье Оскара было возле этого ледяного шпиля: я обратил внимание на него, когда стрелял по удиравшему триопсу.— И он спросил у облюбованного им гриба: — Ведь это ты Оскар, верно?

— Я тоже. Для вас мы все Оскары,— невозмутимо уточнил избранник Хэма.

— Наверное, они применяют телепатию,— сказала Пат.— Скорее всего, то, что знает один, известно всем. Так что мы можем не искать «своего» Оскара, а говорить с любым из них, хоть с этим.

Хэм кивнул, и Пат спросила «самозванца»:

— Я уже знаю, что вы разумные существа. Но ты мог бы оценить уровень своего развития по сравнению, например, с нами?

— Мой интеллект значительно выше вашего,— без тени сомнения изрек гриб.

Супруги многозначительно переглянулись, и Пат продолжила «допрос»:

— В твоих ответах все истинно или ты сознательно допускаешь неточности, искажения, прямую ложь?

Хэм подумал, что вопрос слишком сложен и даже груб, но пупырчатый нарост не задержался с ответом:

— Всегда говорю то, что знаю,— проскрипел он.

Пат уже приготовилась произнести очередную каверзную задачку, но в этот момент где-то слева раздался негромкий хлопок. Это лопнул один из споровых мешочков соседа их собеседника, и ветер понес желтоватый туман вниз — в долину.

— Объясни, Оскар, что произошло,— показывая вслед уплывающему облачку, потребовала Пат.

— Споры. Зарождение жизни. Новые особи,— кратко прокомментировал гриб.

— Рождение новых Оскаров? — постаралась уточнить Пат.

— Нет. Продолжение рода. Оскары только при благоприятных условиях.

— Что ты под этим понимаешь? — вступил в разговор Хэм.

— Много пищи и тепла,— ответил ему скрипучий голос.

— Значит, те, кого мы видели в долине, при определенных условиях могут стать Оскарами? — не сдавался Хэм.

— Если смогут прийти сюда,— разъяснил гриб непонятливому пришельцу.

— Вероятно, это очень длительный процесс. Мы с тобой не видели ни одного крупного гриба. Это во-первых. А во-вторых, они все невероятно крепко держались за грунт — тут не до перемещений,— сказала Пат, обращаясь к мужу.— Интересно, как же восполняется популяция жителей пещер, если учитывать, что ее постепенно истребляют набеги триопсов?

Внимательно слушавший гриб тут же подал реплику:

— Деление. При благоприятных условиях,— и, не дожидаясь очередного вопроса, уже готового сорваться

с губ Пат, добавил, явно не полагаясь на понятливость людей: — Вместо одного Оскара сразу двое.

Пат тотчас повернулась к нему и спросила:

— А как часто происходит такое деление?

— По вашим меркам раз в год, если планета даст пищу и тепло,— проскрипел Оскар.

— Не густо,— проворчал себе под нос Хэм.— Мелких грибов везде много, но они медленно растут. Большие делятся редко. По-видимому, им грозит вымирание.— Затем громко спросил у серого шара: — А триопсы едят грибы в долине?

— Мало. Если только голод. Едят то, что двигается,— тотчас ответил тот.

— Потому-то они и устроили охоту на нас! — воскликнул Хэм.— Ага! Они, значит, полагаются не столько на запах, сколько на движение. Любопытно!

Между тем, стараясь выяснить, насколько широки познания мыслящих грибов Венеры, Пат принялась выспрашивать, каким образом почти полностью неподвижный обитатель темной стороны планеты смог стать обладателем неимоверных интеллектуальных богатств. А то, что его эрудиция не знала границ, не подлежало никакому сомнению — подчас ему просто недоставало человеческих слов.

Пат изумило то, что в «ячейках памяти» этого уникума хранились не только абстрактные понятия, но и совершенно конкретные технические знания, позволявшие создать любое устройство — вплоть до орудия уничтожения, наподобие нейтронной бомбы. На вопрос, откуда он все это узнал, гриб равнодушно произнес:

— Мы всегда это знали.

— Но почему вы не применяете свои знания на практике? Хотя бы для того, чтобы защитить свой народ от триопсов? — допытывалась она.— Пока здесь не появились хищники, вы могли предаваться созерцанию, но теперь пришла пора бороться за свою жизнь, иначе вы все погибнете.

— Борьба не имеет смысла,— проскрипел ответ.

— Но жизнь! Разве она не имеет смысла? — удивилась она.

— Существование или небытие — разные аспекты понятия «жизнь».

— Тогда почему же вы поддерживаете жизнь, рассеивая споры или делясь? — не унималась Пат. Словно в подтверждение ее словам, неподалеку лопнуло еще несколько споровых мешочков.

— Закон природы,— прозвучал равнодушный ответ.

— Но неужели у вас нет желания выжить? — теряя терпение, воскликнула она.

— Желание... Такого понятия нет,— возразил гриб.

С интересом слушая удивительный диалог, Хэм ни на минуту не забывал о таящейся во тьме опасности. Он регулярно освещал прожектром нагромождения скал и льдин, стараясь разглядеть среди них движущиеся тени. Он не сомневался, что чудовища где-то поблизости — их вопли и гогот постоянно вплетались в привычный вой ледяного ветра.

Внезапно он уловил странный запах и ощутил легкий приступ удушья — это напомнило ему аналогичные симптомы во время атаки «газовых бомб» на Дороге Безумца. Резко обернувшись к Пат, он заметил, как в луче света мимо нее скользнуло легкое желтоватое облачко. Вероятно, что-то почувствовала и Патриция: чуть заметно пошатнувшись, она беспомощно протянула руку, инстинктивно отыскивая опору. Хэм подхватил ее под локоть и решительно заявил:

— Немедленно возвращаемся! Хватит на сегодня философских бесед.

Подняв лицо к мужу, она тихо проговорила:

— Как он меня утомил, этот гриб! Я чувствую прямо смертельную усталость.

Взявшись за руки, словно потерявшиеся в лесу дети, они медленно побрели к своему единственному прибежищу в этом странном мире — челноку. Его огни угадывались за хаосом льда и камня, который — если следовать взглядам, изложенным местной флорой,— являлся второй стороной всеобщей гармонии.

Вероятно, так оно и было, но Хэм никогда не чувствовал склонности к философствованию, ощущая себя, прежде всего, человеком дела. Его недомогание бесследно прошло, но из-за слабости Пат они несколько

замешкались в пути и немедленно поплатились за это: острый осколок камня, метко пущенный сильной рукой, разбил левый фонарь на наголовнике Пат.

— Вот мерзавцы! — возмутился Хэм.— Вряд ли это случайное попадание. Кажется, злодеи сознательно задумали лишить нас световой защиты!

Когда захлопнувшийся люк челнока отделил Хэммондов от назойливой «свиты», у Пат едва хватило сил освободиться от скафандра. Она примостилась возле стола и, уперев локти о край столешницы, безвольно коснулась лбом ладоней. Через некоторое время ее вывел из транса аппетитный запах. Подняв голову, она увидела перед собой чашку горячего крепкого бульона и лицо Хэма, улыбавшееся ей сквозь ароматный пар.

— Подкрепи силы, женушка, они нам еще пригодятся,— сказал он, принимаясь за свою порцию. Увидев, что и Пат поднесла к губам чашку, он одобрительно кивнул.— Тебя так увлекла беседа с этим местным эрудитом, что ты чуть не стала жертвой «газовой атаки». Это была не усталость, а результат отравления: именно споровые мешочки этих пупырчатых гигантов швыряли в нас триопсы на Дороге Безумца.

Пат, похоже, несколько пришла в себя и смогла сосредоточить внимание на словах Хэма.

— Ты, пожалуй, прав,— заметила она.— А я никак не могла вспомнить, почему мне знаком этот запах.

— Естественно,— согласился Хэм.— Ты же почти сразу потеряла сознание. Ветра в ущелье — по сравнению со здешними просторами — считай что и не было вовсе, а концентрация отравы огромная. Любопытно, как триопсы поняли, что споры грибов ядовиты? И почему сами-то они не травятся?

— Для того чтобы разобраться в этом, надо значительно расширить круг исследований,— решительно проговорила Пат, и Хэм с удовольствием отметил, что в ней опять возрождается прежняя напористость. Патриция, между тем продолжила излагать свои выводы: — Дело в том, что на Венере существует единая экологическая система, только здесь — в отличие от Сумеречной Страны — она упрятана глубоко под поверхность планеты. Там, внизу, проявления жизни ни-

чуть не слабее, чем, например, в Хотленде, потому что раскаленное ядро планеты обеспечивает требуемое для этого тепло, а воды здесь предостаточно. Поверхностный холод загоняет жизнь вглубь, но там, где он отступает, она пробивается наружу. Я думаю, что и дневная сторона планеты тоже не обделена какой-то живностью, но там роль холода выполняет немыслимый жар.

— Это можно лишь предполагать: вряд ли доступно проводить исследования в атмосфере плавильной печи,— заметил Хэм.— А вообще-то твоя идея очень правдоподобна: эти чудовищные грибы как раз и выросли там, где теплее.

— Вероятно, и их периодическое деление зависит от внутрипланетных явлений. Мы совершенно не знаем законов развития Венеры, а ведь наверняка существуют какие-то процессы — этакие глобальные приливы и отливы ее жизнедеятельности. А мы, с нашим техническим прогрессом, выглядим на этом фоне как неандертальцы, вооруженные камнями.— Она безнадежно махнула рукой.

Хэм рассмеялся:

— Вот-вот! Из-за нашей умственной неполноценности грибы, вероятно, видят в нас просто двуногих триопсов, которые почему-то не любят грибных блюд.

— Но самое печальное в том, что этот высочайший интеллект обречен на вымирание,— грустно улыбнулась Пат.— Я не знаю, как случилось, что обладателями невероятных знаний стали не теплокровные животные, а разумные представители флоры. И это фатально для них. Первобытный человек потому и стал человеком, что захотел выжить: ему надо было защищать себя, свою семью, свой род, и тогда он взял в руки орудие защиты и нападения — камень. А эти несчастные начисто лишены воли к жизни, и теперь те идеальные условия, в которых они развивались бог знает сколько тысячелетий, исчезают под напором хищников, великолепно знающих, как надо бороться за существование.

— Но и алчных триопсов тоже ждет незавидное будущее,— покосившись за окно, мстительно сказал Хэм.— Как сожрут все грибы, так и сами передохнут.

— Ты прекрасно изложил теорию Мальтуса,— весело сказала Пат.— Он считал, что численность населения полностью зависит от количества произведенных им продуктов питания. Правда, с развитием техники это перестало быть актуальным.

— Как жаль, что триопсы не знают закон Мальтуса, иначе они берегли бы и холили серых гигантов. Хотя, с другой стороны, кому хочется обедать раз в сто лет!

Добившись того, что Пат больше не выглядела угнетенной, Хэм все же предложил ей пойти отдохнуть: как ни старался он казаться в ее глазах бодрым и веселым, последствия отравления давали себя знать, рождая в душе какие-то давящие предчувствия. Это, похоже, испытывала и Пат: она безропотно удалилась в жилой отсек, оставив Хэма ремонтировать наголовник скафандра.

5

Однако сон не принес им былой бодрости. Тем не менее они не чувствовали себя вправе покинуть темную сторону планеты и вернуться в Венобль, поскольку до сих пор не нашли ответа ни на один вопрос. Напротив, час от часу их становилось все больше. Чтобы сделать еще одну попытку добиться ясности, они решили вновь направиться к ледяному барьеру: возможно, общение с его обитателями укажет новый подход к решению бесчисленных загадок планеты.

Однако уже в самом начале пути стало очевидным, что преследователи не оставили их в покое: стоило людям спуститься с трапа, как на них обрушился град ледяных осколков, сопровождаемый торжествующим воем триопсов. Пожалуй, впервые хищники подступили так близко к челноку.

Отогнав триопсов на почтительное расстояние прожекторами наголовников, земляне зашагали к норам. Хэму казалось, что он идет против течения реки, настолько затруднены были движения. Однако физическое недомогание не затуманивало мозг, и Хэм мог четко контролировать собственные поступки.

Серые морщинистые грибы уже выползли из своих обиталищ и молчаливо взирали на пришельцев. Пат обратилась к ближайшей «голове»:

— Мы пришли, чтобы спросить тебя, Оскар, чем заполнено твое существование?

Скрипучий голос тотчас ответил:

— Размышлением.

— О чем? — нетерпеливо спросила Пат.

— Обо всем.

В словах гриба Хэм уловил даже некую многозначительность.

— О сотворении мира?.. О Вселенной?.. О своей судьбе?.. О судьбе своей планеты?..— допытывалась Пат, но гриб молчал.

Услышав истерические нотки в голосе жены, Хэм прервал череду вопросов, трезво заметив, что предметом размышления этих существ может быть что-то такое, для чего человечество не имеет не только определения, но даже и представления — настолько разум обитателей Венеры чужд земным понятиям.

В этот момент с обеих сторон раздались хлопки лопающихся мешочков, и Хэм попытался заставить Пат отойти от барьера. Но та вырвала руку и заявила, что хочет задать еще один вопрос. Присев на корточки возле гриба, она спросила:

— Ты когда-нибудь думал о смысле всего сущего, Оскар? Для чего все это? — Широким жестом она обвела и норы, и долину с воющими вдалеке триопсами.

— Предназначение,— ответила «голова».

— В чем оно?

Этот вопрос Хэм услышал словно бы издалека. На глаза надвинулась темная пелена, грудь сдавило, и ему показалось, что ответ загадочного существа прозвучал где-то внутри него:

— У каждого свое... Мы размышляем... Триопсы нас едят...

Пытаясь осмыслить услышанное, Хэм покрутил головой и, когда навалившийся душный морок на миг оставил его, заметил, что Пат неподвижно сидит возле норы. С невероятным усилием оторвав ноги от ледяно-

го наста, Хэм подошел к ней и дотронулся до плеча — на него уставились пустые глаза сомнамбулы.

В этот момент лопнуло еще несколько мешочков, и — словно триопсы только этого и дожидались — из-за ледяного барьера в людей полетели камни. Тотчас же передний прожектор Хэма разлетелся мелкими осколками и погас, та же участь постигла и отремонтированный накануне левый прожектор на наголовнике Пат. Хэм рывком поставил ее на ноги и крикнул чуть ли не в самое ухо:

— Бежим!

Что было потом, Хэм как-то не запомнил. Но, по-видимому, ноги четко выполнили приказ, так как, вновь осознав окружающее, Хэм обнаружил, что довольно быстро идет в сторону челнока, обхватив за плечи безжизненное тело жены. Он остановился, прислушиваясь. Триопсы вопили где-то впереди, вероятно решив устроить людям засаду возле корабля.

Хэм осторожно посадил Пат возле большого валуна и, поймав взгляд серых глаз, спросил:

— Ты можешь идти?

— Куда? — прошелестело в ответ.

— К челноку. Нам надо укрыться от этих тварей.

— Зачем? — спросила Пат.

И в самом деле зачем? Словно в замедленной съемке перед ним проплыли картины из прошлой жизни: солнечное утро на ферме, какие-то эпизоды студенческой поры, грязевой омут Хотленда... Прошлая жизнь... А теперь?.. Где он теперь? Или его уже нет?

Однако боль от попавшего в спину камня вернула его к действительности. Мгновенно все вспомнив, он помог Пат подняться, и они побрели, поддерживая друг друга, к, казалось бы, недосягаемому кораблю.

Теперь на наголовниках у каждого горели лишь по две лампы — передних и левых прожекторов больше не существовало — и триопсы могли беспрепятственно вонзить в долгожданную добычу свои чудовищные когти, подобравшись к ней с неосвещенной стороны. Время от времени Хэм останавливался и отгонял хищников, поворачиваясь то вправо, то влево. Лучи скользили по ледяным нагромождениям, заставляя триопсов визжать от

боли, но стоило путникам двинуться вперед, как они вновь оказывались в кольце преследователей.

Пат двигалась из последних сил, и, когда Хэм в очередной раз остановился, чтобы отпугнуть жаждущих крови преследователей, она, потеряв сознание, опустилась на снег возле его ног. В отчаянии он сел возле нее, и тут же в мглистой тьме замелькали скрюченные тени: триопсы готовились к последней атаке.

Хэм встал. Скованное усталостью и дурманом тело не хотело подчиняться ему, но он, обругав себя «безвольным грибом», прижал к груди тело жены и двинулся вперед. Теперь проблема освещения оказалась решенной: они снова находились в замкнутом конусе света, поскольку уцелевшие прожектора на наголовнике Пат освещали пространство слева и впереди.

Представив себе, какое выражение будет на насмешливом личике жены, когда он представит ей счет за «грузовые переноски», ставшие традиционными в их семействе, он хрипло рассмеялся, чувствуя, как исчезают сдавливающие мозг обручи.

Добравшись до освещенного пространства возле челнока, Хэм прислонил Пат к трапу, вполз на него и открыл люк. Теперь вопрос о защитном конусе больше не стоял, поэтому, спустившись вниз, он перекинул жену через плечо и снова пополз вверх. Уложив ее на пол шлюзовой камеры, он обернулся к обледенелым просторам и торжествующе выкрикнул:

— Что, голубчики? Съели? Вот так-то!

6

Челнок, пронзив атмосферу Венеры, вынырнул в космическое пространство, чтобы благополучно миновать Горы Вечности, отдельные пики которых вздымались ввысь на десятки тысяч футов. Отсюда, из Космоса, планета казалась огромным шаром клубящихся облаков, гигантским мячом, словно предназначенным для детских забав колоссов, подрастающих где-то в межгалактических просторах. Одна половинка этого мяча казалась угольно-черной, другая сверкала нестерпимой белизной, а

ободок, делящий их, переливался всеми оттенками жемчуга. Именно туда держал путь космический корабль: исследователи направлялись в Сумеречную Страну.

— Все-таки обидно, что мы возвращаемся, в сущности, ни с чем,— заметил Хэм, переводя корабль на новый курс.

— Ты ошибаешься,— возразила Пат, подняв голову от своих записей.— Мы узнали очень многое и, самое главное, сможем указать направление дальнейших поисков. И, конечно, надо доработать скафандры, чтобы обезопасить людей от воздействия спор.

Она снова склонилась над блокнотом, но потом решительно отодвинула его в сторону и стала смотреть в иллюминатор, словно зачарованная мощными волнами черноты, постепенно откатывавшейся назад.

— Я не знаю, чьим целям служит обнаруженный нами невероятный интеллект,— задумчиво проговорила она.— Может быть, нам просто примерещилась некая злая воля оттого, что мы с тобой надышались отравой. Но тем не менее, философы в причудливом обличье грибов существуют на самом деле, и очень жаль, что век их сочтен.

Хэм кинул взгляд на жену и недовольно проворчал:

— Такая унылая патетика наверняка вызвана не выветрившимся из твоей головы дурманом, дорогая. Эти морщинистые мыслители проживут еще многие столетия, так что незачем заранее оплакивать их. Надо думать о жизни, жаждать ее, наслаждаться ею, а не ждать смерти — пусть и с философским спокойствием.

— Оказывается, и ты не чужд патетики,— улыбнулась Пат. Потом помолчала и как-то нерешительно спросила: — А как ты догадался, что нам конец? Как смог сбросить наваждение?

— Ну, за это надо благодарить наших невольных убийц Оскаров! — засмеялся Хэм.— Твой последний собеседник говорил тогда, помнится, о предназначении, о том, что грибы — это пища для триопсов. Вот я тогда и вспомнил, что уже давно хочу есть, а потенциальные покойники — как нетрудно догадаться — не испытывают мук голода. Перед таким раздражителем спасовал даже дурман!

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

МАРСИАНСКАЯ ОДИССЕЯ

Счастливая улыбка на лице Дика Джарвиса говорила о том, что он испытывает подлинное блаженство. Он полулежал в кресле, вытянув ноги и закинув руки за голову, наслаждаясь тем, что вновь оказался в салоне «Ареса», среди своих.

— Господи, как здесь легко дышится! — с чувством проговорил он, набрав полные легкие воздуха, а потом неодобрительно взглянул в иллюминатор, за которым виднелись бескрайние просторы Марса.

В ответ раздалось невнятное гудение: так остальные члены экипажа космического корабля выразили свое согласие. Джарвис оглядел сидящую напротив компанию — бортинженера Пурса, биолога Лероя и главу экспедиции Гаррисона. Сам Джарвис — химик по специальности — находился сейчас в центре внимания вовсе не из-за своих профессиональных знаний, а вследствие непредвиденных обстоятельств, сделавших его обладателем уникальной информации.

Их корабль — первым за всю историю космонавтики — совершил посадку на поверхность Марса. Это стало возможным после целого ряда событий. Прежде всего американец Дохени создал и испытал — ценой своей жизни — атомный двигатель, предназначенный для длительных путешествий в безвоздушном пространстве. Затем последовали удачные и неудачные полеты на Луну, пока отчаянный авантюрист Кардоса не высадился-таки на ближайший спутник Земли. Были и полеты

на более удаленные планеты, завершившиеся, однако, неудачами, а трагическая гибель венерианской экспедиции под руководством де Ланси надолго прервала серию межпланетных исследований.

И вот теперь космический корабль «Арес» с международным экипажем на борту благополучно достиг Марса. Страшно вспомнить долгие месяцы изнурительных тренировок! Но тень де Ланси понуждала медиков придумывать все более и более изощренные испытания, чтобы избежать в дальнейшем фатального исхода. И они достигли своего: тренированные тела четверки с «Ареса» не теряли трудоспособности даже в разреженной атмосфере Марса.

Джарвис откинул волосы со лба и невольно поморщился: ушибы, порезы и обморожение все еще давали о себе знать нудной зудящей болью.

— Я думаю, ты уже вполне пришел в себя, чтобы удовлетворить наше естественное любопытство,— подчеркнуто недовольно проговорил Гаррисон.— В конце концов ты просто обязан отчитаться перед экипажем, где пропадал больше недели, а Пурса, разумеется, интересует, что случилось с техникой.

— Вот именно,— подхватил бортинженер.— Улетел, помнится, на челноке, а возвращаться, видите ли, решил пешком. Не иначе как загнал свое средство передвижения какому-нибудь аборигену, а тот подумал, что переплатил. Вот и засунули тебя, голубчика, в эту навозную кучу, чтоб неповадно было. Если бы не мы, так бы и сидел там на пару с каким-то безумным страусом.

— Вам хорошо зубоскалить,— возмутился Джарвис.— Посмотрел бы я, как поступили бы вы на моем месте.

Он прекрасно понимал, сколько волнений у экипажа вызвало его исчезновение и как им всем не терпится услышать, наконец, что же все-таки произошло. Усмехнувшись, Джарвис махнул рукой.

— Ладно уж, так и быть, расскажу все по порядку. Только учтите, в моем повествовании нет ни намека на охотничьи байки,— строго предупредил он свою аудиторию.— Так вот. Вы прекрасно помните, что в тот

день на разведку отправились двое: Пурс полетел на север, а я — на юг. Мы оба должны были вести аэрофотосъемку местности с высоты не менее полутора тысяч футов, чтобы иметь большую площадь обзора и при этом не поднимать пыль с поверхности планеты. Я так и поступил.

— Жаль, что вместе с челноком пропала и пленка,— перебил рассказчика Гаррисон.— Придется снова делать облет южного сектора, а это довольно дорогое удовольствие.

Джарвис сунул руку в карман комбинезона и, вытащив небольшой пакет, протянул его Гаррисону.

— Это я и сам сообразил,— проговорил он.— Так что успокойся, командир: удалось кое-что спасти. Думаю, вышли приличные кадры, неразмазанные, потому что скорость движения не превышала рекомендуемую. Собственно, ничего интересного внизу не встречалось: все та же серая равнина, покрытая лишайниками и этими... Как ты их называешь, Жак?

— «Биолазами»,— ответил Лерой.— Это уже не растение, но еще не животное — какой-то промежуточный вид, которому нет аналогов на Земле.

— Примерно через полтораста миль,— продолжил Джарвис,— серый цвет сменился ярко-желтым. Я знал, что по вычислениям, которые провел Карл, «Арес» опустился на Марс, попав точно в Киммерийское Море. Значит, подо мной расстилалась пустыня Ксантус. Еще через двести миль челнок миновал Море Крона — тоже нечто серое и неприглядное, а затем я оказался над пустыней Туле. Каждый час я посылал на корабль отчеты о координатах челнока. Вы меня хорошо слышали?

Командир кивнул и нетерпеливо проговорил:

— Нам известны все подробности полета — как если бы мы находились в твоем челноке. Но что же произошло потом, когда прервалась связь?

— А произошло то, что забарахлил хваленый мотор Карла. Я уже находился в воздухе восемь часов, а, как известно, день на Марсе в это время года продолжается всего шестнадцать. Так что я решил поворачивать «к дому». В это время двигатель-то и заглох.

— Невероятно! — воскликнул Пурс.

Джарвис пожал плечами.

— К сожалению, это так. Ты почему-то не научил челнок планированию, вот он и рухнул, как топор, посреди Туле. Счастье, что гравитация на Марсе втрое меньше земной, а то пришлось бы вам отскребывать от грунта превратившегося в блин Дика Джарвиса,— усмехнулся он.— А так все закончилось ушибами и царапинами. Больше всего досталось лбу и носу.

— Но после посадки надо было промыть двигатель, и попытаться завести его,— взволнованно проговорил бортинженер.

— Для этого сначала его следовало бы отыскать в той куче металлолома, в которую превратился летательный аппарат,— снисходительно заметил Джарвис.— Короче, оставалось либо ждать кого-нибудь из вас, либо топать самому. Я прекрасно помнил, что отправление на Землю назначено ровно через три недели, а расстояние до вас ни мало ни много восемьсот миль, и все же решил рискнуть. Знаете ли, приятнее сознавать, что ты сам что-то делаешь для своего спасения.

— Неужели ты думал, что мы не сможем тебя отыскать? — возмутился командир.

— Нет, конечно. Я просто решил идти вам навстречу, вот и все,— ответил Дик.

Вспоминая свои ощущения перед этим беспрецедентным походом, он помолчал немного, вздохнул, а затем снова вернулся к рассказу, хотя на этот раз слушатели не торопили его.

— Я постарался как можно лучше подготовиться к длинной дороге, но, поверьте, копаться в хаосе покореженного железа — не самое приятное дело. Тем не менее мне удалось отыскать спальный мешок, небольшой контейнер с неприкосновенным запасом и, самое главное, отцепить канистру с водой. К счастью, ее хоть и покорежило, но не разорвало. Использовав в качестве лямок пристежные ремни, я навьючил все это на себя и двинулся к северу. Самым приятным во всех этих сборах оказалось то, что я, устроившись в кресле пилота при взлете, поленился укрепить личное оружие в

держателях на пульте управления: и пистолет, и бластер так и остались висеть на поясе. Отсюда вывод: да здравствует лень!

— Вот-вот! Тогда уж точно все примется глохнуть и рассыпаться,— ворчливо проговорил Гаррисон, взглянув на Пурса — тот только досадливо крякнул.

Джарвис тем временем продолжал:

— Простые расчеты показали, что если я хочу вернуться на Землю, мне надо делать по 40 миль в день. С поклажей да по сыпучему грунту — задачка не из легких, но я всегда верил во взаимовыручку.— Джарвис картинно прижал руку к сердцу и поклонился собеседникам, затем вернулся к повествованию: — Час спустя я оказался на берегу канала, который приметил во время съемок с воздуха. Его дно покрывал ярко-зеленый ковер. Я подумал, что это растения, которые так великолепно выглядят потому, что в канале более влажно, чем в пустыне. Ничего подобного: там тоже одна пыль, а «растения» — стоило мне только наступить на одно — тут же разбежались. Спасибо, хоть молчком, а то перепугали бы меня до смерти.

— Ты хоть рассмотрел их? — прервал рассказчика Лерой.

— Ну конечно,— кивнул Дик.— Это какая-то многоножка, плоская, как стебелек травы, но весьма шустрая: я специально менял темп ходьбы, но эти создания всегда успевали расступиться, прежде чем сапог касался грунта.

— Как жаль, что я не увидел их,— вздохнул Жак.

— Я тоже сожалею, что не под тобой развалилось детище Карла,— рассмеялся Джарвис.— Так вот. Весь канал, насколько я мог видеть, был набит этой бегающей травой, хотя я так и не понял, что заставляло ее там скапливаться. Потом я вылез наружу и снова поплелся по пескам Туле, пока — уже перед закатом — не оказался на берегу Моря Крона. Я спустился вниз и решил устроиться на ночлег под бережком: как-то спокойнее находиться в укрытии, чем на ровной, как стол, местности. Я съел кусочек шоколада, выпил глоток воды и залез в спальный мешок. Но стоило мне задремать, как раздался невероятный гвалт.

Дик остановился, чтобы немного передохнуть, и догадливый Пурс тут же протянул ему стакан сока. Кивком поблагодарив его, Джарвис отпил освежающего напитка и продолжил описание своей одиссеи:

— Шум стоял, как на птичьем базаре, когда на гнезда с птенцами пикируют полчища чаек. Я вылез из мешка и осторожно пошел в сторону истошных воплей. Именно тогда я впервые увидел Твила.

— А это еще что за персонаж? — сформулировал всеобщее изумление Гаррисон.

— Вы тут поминали безумного страуса. Так это он и был,— ответил Джарвис, только подогрев своими словами интерес слушателей.— Я назвал его Твилом, потому что человеку не произнести подлинное имя этого существа.

— Только страусов на Марсе и не хватало,— чуть не схватился за голову биолог Лерой.

Дик сочувственно улыбнулся ему и сказал:

— Приготовься еще и не такое услышать, мой ученый собрат. Но всему свое время, а сейчас о Твиле. Как я понял, он попался в ловушку, подстроенную какой-то похожей на осьминога тварью, и та теперь принялась им закусывать. Ему это здорово не понравилось, и он начал визжать и отбиваться двадцатидюймовым клювом. Я, разумеется, не стал бы ввязываться в местные разборки, но на шее жертвы заметил какой-то предмет, явно не животного происхождения: он напоминал сумку или ящик. Я почему-то подумал, что странное животное, которое мне, кстати, тоже напомнило страуса, является объектом научного изучения.— Джарвис обернулся к Жаку и пояснил: — По-видимому, я подсознательно вспомнил тебя, иначе мне не пришла бы в голову абсурдная мысль о чьем-то исследовании. Короче, я выхватил пистолет и всадил заряд в массивный черный мешок с торчавшими из него щупальцами.

Джарвис передернулся от отвращения, вспоминая эту сцену.

— Эта дрянь изгадила все вокруг какой-то отвратительной слизью, которая, вероятно, служила ей кровью. Щупальца плоскими лентами опали вниз, выпу-

стив из смертельных объятий орущего страуса. Тот замолк и некоторое время разглядывал своего врага, а потом повернулся ко мне.

— Опиши его как можно подробнее,— с завистью глядя на Дика, попросил Лерой.

— Ладно уж,— ответил тот,— слушай. У него довольно крупное яйцеобразное тело, две мощные четырехпалые ноги, а вместо рук пара крыльев, заканчивающихся почти что человеческими кистями. Но самое необычное, это голова. В сущности, она не являлась тем, что мы обычно вкладываем в это слово, то есть вместилищем мозга мыслящего существа. У этого страуса — так, пожалуй, и будем называть марсианина — голова служила, во-первых, своеобразным перископом, связывавшим находящийся в туловище мозг с вынесенными наружу глазами; во-вторых, являлась звуковым резонатором, поскольку голос слышался именно оттуда, но самое главное в ней — ее своеобразные амортизационные свойства, главное назначение которых, по-видимому, оберегать мозг. Обо всем этом я догадался потом, а пока что мы стояли друг против друга и настороженно рассматривали один другого, готовые к любым неожиданностям. Спасенное мной существо было примерно моего роста и выглядело далеко не хилым. Пурс может подтвердить мои слова.

Все вопросительно взглянули на Карла, и тот кивнул.

— Я по-прежнему сжимал пистолет, и, по-видимому, страус понял его назначение, потому что вдруг расправил крылья и протянул эти своеобразные руки в мою сторону, раскрыв ладони и растопырив пальцы. Он явно предлагал мне дружбу. Я убрал пистолет и пожал протянутую руку, чем вызвал целую серию забавных чирикающих звуков: мне показалось, что марсианин засмеялся. Спать мне как-то расхотелось, и я решил развести костер. Наломав немного сухих стеблей, я сложил их горкой, и тут вдруг мой новый приятель исчез. Только я стал ломать голову, куда это он сгинул, как вдруг тот вернулся с охапкой сушняка в руках: он прекрасно понял мои действия! Мало того, это существо достало откуда-то светящуюся искорку,

от которой костер мгновенно запылал! Не мне вам рассказывать, как трудно заставить что-то загореться в марсианской атмосфере. Одно хорошо — уж если загорелось, то горит долго.

Джарвис живо представил себе эти предзакатные посиделки у костра в компании с загадочным существом, к которому он тем не менее испытывал явную симпатию. Такое чувство, как Дик неоднократно убеждался, обычно бывает взаимным. Вот и тогда он ощутил доброжелательный интерес со стороны своего нового знакомца. Джарвис снова вздохнул и принялся рассказывать о том, как пытался потолковать с марсианином.

— Прежде всего я решил узнать, как его следует называть. Применил прием, известный с незапамятных времен: тыкать пальцем в разные предметы, одновременно называя их. В результате он стал звать меня Тик, а я его Твил. Поскольку предметов вокруг, в сущности, никаких не было, я принялся называть части тела — руки, ноги, голову, а когда дошел до понятий «сердце», «дыхание», то предложил послушать и то и другое. Когда его огромный клюв оказался возле самой груди, мне на секунду стало как-то не по себе, но я тут же раскаялся в собственной подозрительности, потому что и он доверчиво прижал мою голову к своему яйцевидному телу. Я услышал частые гулкие удары и легкий ритмический свист: это существо тоже имело сердце и легкие — или нечто подобное этим органам.

Лерой едва удержал стон: его бы воля, он немедленно устремился бы на поиски марсианского страуса! Но, к сожалению, приходилось отложить это до следующей экспедиции.

— Твил тоже называл мне то или иное на своем языке, но я не мог повторить ни единого звука! — продолжал рассказ Дик.— Вероятно, голосовые связки землян не годились для воспроизведения странного щебета и чириканья, а уши просто не воспринимали нюансов чужой речи. Тогда я решил оставить фонетические изыски и предпочел им точный язык математики. Раскладывая камушки и группируя их, я объяснил четыре арифметические правила. Твил оказался примерным учеником и с ходу принялся складывать и вычи-

тать, поясняя результат своих действий мелодичным посвистыванием. Тогда я решил воспользоваться тем, что Солнце еще не закатилось, и, показав на него, изобразил на песке это светило, а потом сделал приблизительный рисунок Солнечной системы, называя планеты. Можете представить мое изумление, когда Твил тут же уточнил мой чертеж, пририсовав Фобос и Деймос возле Марса, а возле Земли — Луну!

Гаррисон скептически хмыкнул:

— Он же не слепой и прекрасно мог заметить Луну, а уж спутников своей планеты — тем более!

— Я не согласен с тобой, командир! — возразил Джарвис.— Народ Твила высокоинтеллектуален и, несомненно, знаком с астрономией и ее приборами. Иначе чем объяснить, что именно четвертую планету он принял за Марс, хотя — по твоей логике визуального знания — он должен был бы считать ее третьей: с Марса же не виден Меркурий.

— Что ж,— заметил Гаррисон,— в этом есть резон. Ну, ладно, рассказывай дальше.

— Есть, капитан! — шутливо отсалютовал Дик.— А дальше произошло вот что. Я постарался объяснить Твилу, что прилетел с Земли. Он, мне кажется, прекрасно это понял и в свою очередь принялся показывать на разные звезды, время от времени взмахивая руками-крыльями, потом показал на Марс, а в заключение подпрыгнул футов на семьдесят и спикировал вниз, воткнувшись клювом в кружок, изображавший Солнце. Причем он проделал этот трюк несколько раз, но я так и не понял его значения.

— А вдруг он хотел сказать, что его народ появился на Марсе, прилетев откуда-то из космического пространства, и что Солнечная система им понравилась больше всего? — предположил Лерой.

— Тогда мне это не пришло в голову,— признался Джарвис.— Однако твое объяснение поведения Твила кажется довольно правдоподобным.— Он обвел взглядом своих собеседников и понял, что они склонны поддержать мнение Жака, лишь скептик Гаррисон предположил, что так могло выражаться и культовое солнцепоклонство.

Джарвис пожал плечами и продолжил рассказ:

— Именно во время этих жутких прыжков я впервые подумал, что огромный клюв страуса служит амортизатором. Солнце тем временем почти скрылось за горизонтом, и заметно похолодало. Я залез в мешок, а страус так и остался у костра. Через какое-то время мне снова послышался шум. Я выглянул из мешка и тут же поплатился за любопытство: мой и без того пострадавший нос мгновенно поморозился. Вот вам пример соотношения книжного знания и личной практики! Я же прекрасно знал, что ночью температура падает до минус восьмидесяти, но это просто отложилось в памяти, и только. Лишь отмороженный нос заставил меня раз и навсегда запомнить этот климатический феномен.

— Прекрасно! — съехидничал Пурс.— А для того чтобы поверить в закон тяготения, ты, случаем, не просил швырять в тебя яблоки?

Все рассмеялись.

— Чем издеваться над пострадавшим, лучше слушайте дальше,— проговорил Джарвис.— На рассвете возле костра Твила не оказалось. Но стоило мне выбраться из мешка, как он тут же спикировал с берегового откоса — как вы догадываетесь, клювом вниз. Я сложил вещи и показал, что пойду на север. Он ткнул себя пальцем в грудь, а потом махнул крылом на юг, по-видимому, показывая, что пришел оттуда. Но когда я, взвалив на себя поклажу, двинулся в путь, он пошел следом. Скорее всего, такой способ передвижения был ему не совсем привычен: он предпочитал перемещаться прыжками. Поверьте, это весьма впечатляющее зрелище! Он мощным толчком сильных ног посылал тело вверх и вперед, раскидывал в стороны руки-крылья и улетал футов на полтораста в парящем полете. И, конечно, приземлялся на клюв! А потом или ждал меня, или возвращался обратно, чтобы тут же снова взмыть в воздух. Иногда он шел рядом, и тогда мы пели песни.

— Идиотство какое-то! Поющий страус! — схватился за голову Лерой.

— А земных страусов ты, значит, считаешь нормальными, хотя они и танцуют? — заступился за Твила Джарвис.— А этот пел, вполне правильно подхва-

тывая мелодии тех песен, которыми я нарушал окружавшую тишину. Единственной живностью, которую я обнаружил в Море Крона, были биолазы Лероя да бегающие травинки. Я продолжал обучать Твила английскому, и он, в отличие от меня, хорошо усваивал чужую речь. Похоже, его удивляло, что одно и то же слово обозначало отличающиеся друг от друга предметы: например, слово «камень» годилось и для скалы, и для ее крошечного осколка. Это его веселило — во всяком случае он чирикал так же заливисто, как и во время рукопожатия при знакомстве.

— И на Земле встречаются примитивные народы, не обладающие способностью к обобщению,— заметил Лерой.— Для них нет понятий «вода», «еда» или «человек», поскольку они оперируют лишь конкретными образами, имеющими каждый свое название. Например, дождевая или морская вода, сильный или слабый человек, а уж про еду и говорить нечего.

— Я бы не стал относить сородичей Твила к примитивным народам,— возразил Джарвис.— Он просто мыслит иными категориями, а по части интеллекта мог бы дать фору и людям. Могу тоже привести пример,— прервал он начавшуюся было дискуссию.— Как вам такой факт? Он легко усвоил человеческую речь, а я его — нет! И не стоит, братцы, говорить, что я уж такой неспособный. Лучше послушайте, что было дальше. Спустя два дня мы вышли к пустыне Ксантус. Здесь серый цвет сменился на желтый, что как-то порадовало глаз. Я уже порядком устал, а страус вовсе не убавил прыти, хотя я так и не понял, питается ли он чем-нибудь. Когда я попытался накормить его шоколадом, он решительно отказался, а вот воду попробовал — буквально пару капель. Как-то в пустыне нас накрыла песчаная буря. Я укутался в спальный мешок, а Твил ограничился тем, что плотно сомкнул ноздри и опустил на глаза бахромчатые веки.

— Пожалуй, можно сделать вывод, что народ Твила относится к обитателям пустынь,— осторожно высказался Лерой.

— Да весь Марс — это, в сущности, пустыня,— заметил Гаррисон.— Здесь нет деления на явные клима-

тические зоны, так что сородичи Твила могут проживать в любой части планеты.

— Верно,— согласился Пурс.— За время своих вылетов я так и не увидел ничего иного, кроме унылых каменистых равнин да бесконечных песков.

Джарвис кивнул и снова заговорил:

— После того как ветер утих, мы снова отправились в путь. Пустыню наискось пересекала скалистая гряда, и мы постепенно приближались к этой преграде. Я уже заранее представлял, как «удобно» мне будет карабкаться через нее со всей своей поклажей, если даже ходьба по сравнительно ровной местности становилась с каждым днем все утомительней. Неожиданно ветер, дующий со стороны гряды, принес какие-то прозрачные шарики, размером с теннисный мяч. Почти невесомые, они едва касались песчаной почвы, чтобы вновь подпрыгнуть в воздух. Я поинтересовался у Твила, что это такое, но он только твердил: «Я — нет». Я решил, что он не видывал такого, но, кажется, ошибся, потому что марсианин, показав на скачущие шарики, добавил: «Камень». Поймав один, я расколотил его и убедился, что он заполнен каким-то зловонным газом, но, похоже, безопасным для человека. Во всяком случае, ничего плохого со мной не случилось.

— Надо было прихватить один для анализа,— проворчал Гаррисон.

— В любой момент их можно собрать,— успокоил командира Джарвис.— Я записал координаты, и они в ближайшее столетие не изменятся. Но давайте-ка все по порядку. К вечеру мы оказались возле скал, и я принялся искать более пологий участок, чтобы перебраться на ту сторону нежданной преграды. Вот тогда-то меня и постигло самое горькое разочарование в жизни! Я услышал до боли знакомый звук: где-то в вышине летел наш второй челнок. Я замахал руками...

— А-а, так вот ты где был! — воскликнул Пурс.— Вероятно, тень от этой гряды скрывала тебя, хотя мне она показалась совсем невысокой.

— Я чуть не взвыл от горя, когда ты спокойно скрылся на юге! — вновь остро переживая случившееся, проговорил Дик.— Твил понял, что этот воздушный ко-

рабль имел ко мне какое-то отношение, потому что вспрыгнул на самую высокую скалу и принялся махать крыльями. Но и его ты тоже не заметил, Карл,— вздохнул Джарвис и надолго замолчал.

В конце концов я перебрался на другую сторону,— вновь раздался в тишине голос Дика.— Солнце закатилось, и я забрался в мешок. Твил в эту ночь остался рядом, позволив мне впервые рассмотреть, как он устраивается на ночлег: его поступок я расценил как проявление доверия и сочувствия. Он сунул голову в песок и вытянулся вверх, словно диковинный цветок на коротком стебле-шее. Крылья плотно укутывали тело, а поджатые ноги и переплетенные пальцы рук усиливали иллюзию подлинного марсианского растения, выполняя роль диковинных отростков.

— Какая великолепная мимикрия! — восторженно прошептал Лерой.— Вероятно, на Марсе масса хищников.

— Я бы этого не сказал,— заметил Джарвис.— За свой поход я ни разу ни встретил чего-то по-настоящему опасного, исключая то чудовище, которое чуть не съело Твила. Да и оно не склонно нападать, а действует, скорее, коварством. В свое время вы поймете, что я имел в виду. А пока что мы продолжали движение на север, и вот здесь я наткнулся на то, чего не видел даже всеведущий Карл. Параллельно нашему пути, насколько видел глаз, тянулся ряд пирамидок, сложенных из крохотных кирпичей. Ближайшая к нам оказалась не выше шести дюймов, ее отломанная вершина валялась рядом, и, заглянув в зияющее отверстие, я увидел, что внутри сооружения ничего нет. Как я ни приставал к Твилу, пытаясь выяснить природу странного явления, он не смог мне ничего пояснить, только сполошно чирикал и подпрыгивал, время от времени выкрикивая слово «камень».

— И ты, конечно, опять не позаботился об экспонатах,— выразил свое неудовольствие Гаррисон.

— Я изобразил пирамидку в блокноте, всю ее измерил и даже сосчитал количество кирпичей,— парировал высказывание командира Джарвис.— Ну а уж насчет экспонатов ты меня извини: я и так с трудом

тащил самого себя. Но мысль о любопытных коллегах, заставившая меня поползать возле пирамидки, в дальнейшем оказалась совершенно разумной. Шагая вдоль ряда пирамид, я заметил, что они постепенно становились все выше, однако количество кирпичей не изменялось — они просто увеличивались в размерах. Вершины по-прежнему валялись возле каждого сооружения, а внутри каменных мешков была только пустота. К середине дня высота пирамид достигала уже тридцати дюймов, причем кладка стен производила впечатление чего-то чрезвычайно древнего — сродни мегалитам Стоунхеджа, что ли.

— Почему ты так решил? — заинтересовался Пурс.

— Судя по виду, стены сложены из кремнеземных кирпичей, а они даже в земном климате чрезвычайно устойчивы. Здесь же, на Марсе, где стоит невероятная сушь, разрушение кремнезема может вызвать лишь время: именно оно скруглило углы кирпичей и изъело их грани. Этот процесс наверняка длился не менее десятка тысячелетий, а возраст маленьких пирамид можно измерять уже в сотнях — они почти готовы рассыпаться в прах.

С этими словами он вытащил из кармана блокнот и раскрыл его на странице с рисунком пирамиды. Его товарищи принялись рассматривать примитивный чертеж, а Дик задумчиво проговорил:

— Не удивительно, что мы на заметили этот ряд с воздуха: с большой высоты даже горная гряда смотрится как простое нагромождение камней. Но теперь, когда мы знаем, что искать, расшифровка результатов аэрофотосъемки будет более эффективной.

— Пожалуй, в дальнейшем надо будет оснастить камеры более мощной оптикой,— согласился Гаррисон.— Нельзя полагаться на случай, когда еще какой-нибудь приятель страусов снова принесет на хвосте интересную информацию.

Джарвис махнул рукой на расхохотавшихся коллег и продолжил:

— Наконец мы подошли к последней пирамиде, вершина которой оказалась неповрежденной. Высота этого сооружения достигла не менее десяти футов, и, по-

видимому, его обитатель до сих пор сидел внутри. Даже отдаленно не представляя, какой сюрприз меня ожидает, я вытащил пистолет, чтобы приготовиться ко всему. Твил встал рядом, и я с удивлением заметил, что его пальцы сжимали какой-то прозрачный предмет, отдаленно напоминавший дамский пистолетик. Вероятно, тот — как и странная «зажигалка» — появился из удивительной сумки, укрепленной на шее Твила. Я так и не понял, какой механизм открывал и закрывал этот «рюкзак», на первый взгляд казавшийся монолитом — ни каких-либо кнопок, ни щелей. В тот момент, когда мы подступили к пирамиде, ее вершина неожиданно поехала в сторону и скатилась в песок, а из образовавшейся дыры медленно показался серебристо-серый «хобот», плавно переходящий в чешуйчатое сигарообразное тело. Когда существо медленно сползало по северной стене пирамиды, выяснилось, что округлое тело оканчивалось заостренным хвостом, а на боку — ближе к «хоботу» — виднелось отверстие, напоминавшее дупло. С глухим стуком чудовище упало на песок, затем проползло несколько ярдов, воткнуло хвост глубоко в песок и, поднявшись на нем, застыло вертикальной колонной. Незаметным жестом Твил убрал свой пистолетик и произнес: «Смотреть». Некоторое время мы молча взирали на чешуйчатый столб, но ничего не происходило. Наконец, хобот со слабым хрустом начал сгибаться, его конец погрузился в дупло и вытащил наружу — что бы вы думали? — кирпич, конечно! Уложив его на песок, удивительное создание вновь замерло, а затем цикл повторился: как я понял, началось строительство новой пирамиды. По-видимому, это зрелище Твил тоже видел впервые, но, молча постояв возле творца пирамид, он взволнованно защебетал и произнес: «Жизнь — да. Сердце — нет. Дышать — нет. Камень». В доказательство сказанному страус подскочил к чудовищу и постучал по нему клювом. Я поинтересовался, знал ли он прежде о подобном создании, и тот подтвердил мои догадки, сказав: «Знать — да. Видеть — нет».

— Ты догадался, что это было? — взволнованно проговорил Лерой.

— Возможны, мне кажется, два варианта,— ответил Джарвис.— Один, и тут судьей может стать Карл,— это однажды кем-то запущенный механизм, запрограммированный на выполнение определенных циклов.— Пурс кивнул.— А второй — это проявление силиконовой формы жизни. Причем я склонен считать реальным именно второй вариант.

— Я тоже,— воскликнул Лерой.— Если есть углеродная форма, к которой относятся все дышащие существа, в том числе и мы с вами, то почему бы не быть и иной? После твоих рассказов, Дик, я уже, наверное, никогда не смогу спокойно спать! — темпераментно добавил француз.

— У тебя масса возможностей лично познакомиться с этим каменным истуканом, поскольку ближайшую тысячу лет он уж точно никуда не денется,— засмеялся Джарвис и вновь серьезно заговорил: — Рассуждая с точки зрения химика, я пришел к выводу, что вполне возможно и такое проявление жизни. Подобно тому, как у нас своеобразными отходами производства является двуокись углерода, так силиконовая форма выделяет двуокись кремния, то есть кремнезем. Это жуткое существо торчит на месте, перерабатывая кремний, который добывает с помощью своего хвоста, пока не замурует себя в очередной пирамиде, а потом выползает наружу и принимается за новую. Нам повезло, что я наткнулся на плоды жизнедеятельности подобного создания и даже увидел его. Но как же беспредельна протяженность его жизни!

— Почему ты так считаешь? — потребовал ответа Лерой.

— Самым маленьким пирамидам, я уже говорил об этом, сотни тысяч лет. Нигде их ряд не прерывался, а размеры постепенно увеличивались. Значит, это след именно того существа, которое построило и последнюю пирамиду. Мне не встретились другие линии подобных строений, но, думается, это существо не единственное. Мне кажется, оно умеет размножаться.

Этого не смог вынести даже Гаррисон.

— А тебе не кажется, что все это напоминает бред? — спросил он.— Головку, например, напекло. Или от недоедания.

— Да ну вас,— огрызнулся Дик.— В конце концов можете проверить сами: я записал координаты и первой пирамиды, и последней. А размножение вовсе не фантазия. Помните, я упоминал о прозрачных шарах? Так вот, пока мы с Твилом любовались на строительство, из дупла вылетели те самые шарики. Если провести аналогию с земной жизнью, то они напомнили мне куриные яйца, где скорлупой служит силиконовая оболочка, а содержимым — тот самый зловонный газ. Яйцо разбивается, а газ вступает в реакцию с кремнием — вот вам и зарождение нового существа.

— Вот бы провести эксперимент! — размечтался Лерой.

— Ну да, и вернуться на место через несколько тысяч лет, чтобы проверить, как каменный детеныш справляется со своими обязанностями,— с легкой насмешкой проговорил Джарвис.— Но представьте себе на минуту, что именно это чудовище воплотило в жизнь идею человечества о бессмертии! А оно и вправду бессмертно: пока есть кремний и воздух, каменный истукан строит свои временные обиталища, и даже если пропадут ингредиенты питания, он не умрет, а лишь остановится. Боже! Вот если бы еще и понять смысл силиконовой жизни! Правда, он хотя бы безопасен, но есть на Марсе хищники, которые наделены даром телепатии. Они считывают из ячеек памяти вашего мозга сокровенные желания и воплощают их в образы, внушая жертвам реальность созданного ими фантома. Поверьте, нет ничего страшнее этих исчадий ада.

Дик снова посмотрел в иллюминатор. Его настороженный взгляд, казалось, высматривал в марсианских просторах ужасное существо, сравнимое разве что с порождением ночных кошмаров. Затем он снова повернулся к друзьям.

— Насмотревшись на трудолюбивого строителя, мы двинулись дальше на север. К вечеру у горизонта возникла прямая линия канала, а это означало, что треть Ксантуса уже осталась позади. Стараясь не поддаваться усталости и подбадривая себя мыслью о том, что в следующий раз Карл все-таки не пролетит мимо, я

вспомнил, как покидал Нью-Йорк... Вы, наверное, помните телезвезду Фэнси Лонг, Жак?

Лерой кивнул, не остался в стороне и Гаррисон.

— Я тоже видел ее в каком-то шоу,— сказал он.— Весьма впечатляющая блондиночка, мило поет и изящно танцует. Я и не знал, что у вас роман.

— Да никакого романа,— с досадой ответил Джарвис.— Мы с нею знакомы с детства. Вот на правах старинного друга она и провожала меня на космодроме. Я вспомнил об этом и внезапно ощутил невероятное одиночество — прямо хоть волком вой! В это время мы подошли к убогим растениям, лепившимся к берегам канала, и среди них я увидел Фэнси Лонг. Она стояла — нарядная и улыбающаяся — и приветственно махала косынкой. Я, конечно, решил, что это мне примерещилось от усталости, сел на песок и прикрыл глаза. Немного отдохнув, я снова взглянул на кусты — видение не исчезло. Я вскочил, и тут словно какая-то сила подхватила меня, и я устремился к девушке. Твил завопил и вцепился в меня мертвой хваткой, но я как одержимый потащил его за собой. Он упирался ногами в песок, стараясь не выпустить меня, и что-то орал на своем щебечущем языке, но я все тащил и тащил его в сторону кустов — к улыбке Фэнси Лонг. В результате я совершенно вымотался и остановился футах в десяти от девушки. Постепенно до меня дошло, что она не могла находиться на Марсе, но на всякий случай все же окликнул ее. Но Фэнси никак не отреагировала на мой зов, а по-прежнему махала косынкой. Я сделал еще один шаг вперед, но Твил загородил мне дорогу, выкрикивая: «Нет, нет, нет!» Потом я заметил, как в его ладони вновь появился прозрачный пистолетик, и попытался выбить его из цепких пальцев Твила. Однако тот высоко подпрыгнул и в полете выстрелил в видение. Я ахнул, закрыл руками лицо и, видимо, на миг потерял сознание, потому что очнулся, сидя на песке, а рядом взволнованно щебетал и махал крыльями Твил. Я с ужасом посмотрел в сторону кустов, но Фэнси там не оказалось: вместо нее на песке корчилась чудовищная черная тварь, конвульсивно двигая медленно опадавшими щупальцами.

— Ничего себе,— протянул Гаррисон.— Здесь и телепатия, и гипноз. Эта омерзительная дрянь не гоняется за дичью, а подманивает ее, сидя на месте. Наверное, выгодный промысел, хотя с населением здесь и не густо.

— Вероятно, он таким же способом подманил и Твила,— проговорил Джарвис.— Он мне не смог рассказать, как попал в ловушку, но довольно четко объяснил механизм действия западни, сказав: «Тик — думать. Он — делать». По-моему, яснее не скажешь. И оба раза это случилось возле кустов. Следовательно, чудовище предпочитает не выползать на открытое место. Это надо иметь в виду и не очень-то спешить навстречу знакомым лицам, кто бы это ни был.

— Интересно, а как Твил догадался, что ты в опасности? — спросил Пурс.— Он же не видел твою картинку.

— Но он увидел чудовище,— резонно заметил Дик.— А по моей реакции определил, что оно принялось охотиться на меня, вот и вмешался. По-видимому, жертвой всегда выбирается кто-то один — все легче. Но я хочу обратить ваше внимание на высокий интеллект Твила. За короткое время он сумел усвоить нашу речь, понять значения слов, кратко и точно излагать мысли. И при этом — абсолютное дружелюбие! Мне думается, человечеству легко будет наладить контакты с этой цивилизацией, и если впоследствии подтвердится, что народ Твила прилетел на Марс, побывав на других мирах, их опыт может оказаться поистине бесценным. Думается, люди найдут в этом народе искреннего союзника, а это очень важно, если учесть, что здесь обитают не только черные осьминоги, но и кое-кто похлеще...

— Ты имеешь в виду обитателей этих огромных куч мусора по берегам каналов, верно? — догадался Пурс.

— Да,— кивнул Джарвис и продолжил рассказ: — После драки с Твилом и пережитого потрясения я настолько устал, что забрался в спальный мешок и проспал без сновидений до самого утра. С рассветом мы пересекли канал, привычно разгоняя удиравшие со всех ног травинки, и у противоположного берега наткнулись на неширокий ручеек, вытекавший из болотца, в

котором нежились биолазы и еще какие-то сучковатые создания. Выбравшись наверх, я увидел вдалеке невысокий курган, замеченный мной еще с борта челнока. Я предложил Твилу посмотреть, что это такое, и тот, пропищав нечто утвердительное, закивал огромным клювом. Кстати, я так и не понял — то ли он сам страшно любопытен от природы, то ли опекал меня, как гостеприимный хозяин не очень-то смышленого гостя. К сожалению, дальнейшее показало, что, скорее, второе,— усмехнулся Дик.— А я просто не мог упустить подвернувшийся случай, тем более что мы оба были неплохо вооружены.

— Кстати, об оружии,— перебил рассказчика Пурс.— Тебе удалось рассмотреть пистолетик Твила?

— Я даже пострелял из него,— похвастался Джарвис.— В качестве пуль там используются маленькие шарики с каким-то газом, от которого даже неодушевленные кусты рассыпаются в прах, а порохом служит пар. В прозрачной ручке я увидел два резервуара: в одном находилась вода, а в другом — густая желтоватая жидкость. Слегка сдавливая рукоять, стрелок выпускал в патронник по капле из каждого отделения, начиналась бурная реакция, вода мгновенно превращалась в пар, выталкивая из ствола шарик-пульку. Нам стоит взять это на заметку, применяя в качестве катализатора, например, концентрированную серную кислоту. Правда, дальность полета не так велика, как у наших обычных пистолетов, но в условиях разреженности это не так уж и существенно. И вот еще что. Я заметил, что шариков там не меньше сотни, что позволяет довольно долго не перезаряжать пистолет, даже стреляя очередями.

— Оригинальное изобретение,— согласился Пурс.— Надо это обмозговать. А что было потом?

— А потом мы направились в сторону кургана. Я высказал предположение, что именно обитатели подобных курганов и явились строителями каналов — уж очень много этих куч громоздилось именно по берегам явно рукотворных атерий Марса. Твил прекрасно меня понял и отчаянно запротестовал: он показывал на каналы и махал крыльями в сторону юга. По-видимо-

му, эти сооружения построили какие-то другие обитатели планеты, причем, весьма возможно, сородичи Твила. Надо запланировать экспедицию к южной части Марса, капитан: очень многое говорит о том, что там можно обнаружить кое-что интересное.

Гаррисон кивнул и нетерпеливо проговорил:

— Рассказывай, не тяни!

— Да в общем-то и рассказывать осталось совсем немного,— улыбнулся Джарвис.— Еще издали мы заметили какое-то интенсивное движение в окрестностях кургана, а, подойдя поближе, обнаружили утоптанную тропу, по которой сновали обитатели этой мусорной кучи. Представьте себе поставленный на четыре ноги цилиндр, напоминавший по размерам бочку средней величины, у которой с боков свешиваются по две руки, прикрепленные одна выше другой. Поперек туловища — между верхней и нижней парами рук — шел широкий пояс, на котором я с удивлением заметил множество глаз. В верхней части цилиндра я разглядел круглую мембрану, чем-то похожую на старинный динамик. Этот странный персонаж шустро топал по дорожке, толкая перед собой пустую тачку, изготовленную из какого-то металла, напоминавшего медь. Следом за ним появился другой, потом третий, но никто из них так и не остановился, хотя по движению глаз было ясно, что они нас заметили. Я решил проявить инициативу и, готовый немедленно отпрыгнуть в сторону, загородил дорогу очередному типу. Тот остановился и молча уставился на меня. Мне ничего не оставалось, как продемонстрировать ему раскрытые ладони и произнести: «Я друг». И, как вы думаете, что за этим последовало?

— Он толкнул тебя тачкой — и был таков,— предположил Пурс.

Гаррисон выдвинул вариант приветствия, а Лерой — нежную встречу с собратом по разуму.

— Никто не догадался,— объявил Дик.— Он просто повторил мои слова! И самое забавное, что все его бочкоподобные собратья, пробегая мимо, твердили как один: «Я друг». Но я-то поздоровался только с одним, однако мои слова каким-то образом стали известны

всем. Вероятно, сработали неведомые нам каналы коммуникации, охватывавшие всех обитателей кургана единой сетью, или же эти цилиндры являлись отдельными частями одного организма: я уже такого насмотрелся, что меня не удивило бы даже это. А пока что я едва сдерживал смех от комичности происходившего: до сих пор на этой молчаливой планете мне ласкал слух только голос Твила, а здесь воздух буквально гудел от приветствий! Прямо как в фантастическом фильме — счастливые обитатели Марса приветствуют появление землян. Дикость какая-то.

— А как на это отреагировал Твил? — поинтересовался Жак Лерой.

— Он постарался мне объяснить, что это разумные существа, но довольно тупые.— Увидев недоуменные взгляды слушателей, Джарвис пояснил: — Он ткнул пальцем в их сторону и сказал: «Один и один — да». Потом добавил, покрутив головой: «Один и два — нет». Этим он хотел, по-видимому, подчеркнуть ограниченность интеллекта обитателей курганов. Тем временем вереница бочек потопала в обратную сторону, и на этот раз в тачках горой возвышалась мешанина из камней, веток и песка. При виде нас существа по-прежнему басовито гудели «Я друг» и деловито пробегали мимо. Непонятность происходившего заставила меня остановить последний цилиндр — не долго думая, я просто загородил ему дорогу. Тот, увидев, что я не намерен пропускать его, буквально смел меня с пути мощным движением ближайшей пары рук. Я, выругавшись, отлетел в сторону, а мой обидчик как ни в чем не бывало ухватился за рукоятки и продолжил путь.

Пурс усмехнулся, отметив, что все-таки его версия оказалась довольно реальной.

— Ты развеселишься еще больше, когда узнаешь, как преобразилось их приветствие,— заметил Джарвис.— Все эти цилиндры с тачками теперь то и дело громыхали утробными голосами: «Я друг, дерьмо!»

Переждав вспышку веселья, Джарвис вновь принялся за рассказ:

— Двигаясь параллельно протоптанной тачечниками дороге, мы с Твилом подошли к кургану. Вблизи он

не производил впечатления мусорной кучи: это было основательное конусообразное сооружение с многочисленными арками-входами, за которыми начинались идущие вглубь туннели. Заглянув внутрь, я заметил мерцающий вдали свет и решил установить его природу, что помогло бы раскрыть секрет курганов Марса. Когда я сообщил об этом Твилу, он запротестовал, но на мое предложение подождать меня снаружи ответил решительным «Нет!». Вот так и случилось, что мы вдвоем оказались внутри гигантского муравейника с его трудолюбивыми бочкообразными обитателями. Те сновали по туннелю, выкрикивая свое «Я друг, дерьмо!», но не мешали нашему проникновению в их обиталище. Так мы добрались до источника света. Можете представить мое удивление, когда я, предполагая увидеть факелы, обнаружил на стене светящуюся спираль: в муравейнике имелось электричество!

— Ничего себе! — изумился Пурс.— Значит, должен быть и какой-то генератор, преобразующий неизвестное топливо в электрическую энергию. Но на Марсе нет рек, чтобы использовать энергию потока, и никто из нас не заметил в атмосфере планеты дымовых хвостов от горящего топлива!

Терпеливо выслушав сентенцию Карла, Джарвис сказал:

— Сейчас ты обо всем узнаешь. Правда, это только предположения, нуждающиеся в проверке. Так вот. Мы с Твилом решили выбираться из муравейника, но, хотя и находились совсем недалеко от выхода, ухитрились потерять ориентировку: все коридоры выглядели совершенно одинаково, и, по-видимому, мы свернули не туда. Блуждая по бесконечному лабиринту туннелей, мы спускались все глубже и глубже в недра планеты. Даже коридоры, явно ведущие вверх, через некоторое время круто устремлялись в глубину. Проблуждав так довольно долго, я решил проследить за очередным тачечником, чья пустая тележка свидетельствовала о том, что он должен выбраться на поверхность за очередной порцией поклажи. Но оказалось, что мусор возили не только снаружи — во всяком случае, выбранный мной персонаж завел нас в какой-то тупик, где и загрузил

свою тачку... Все наши попытки отыскать выход из муравейника оканчивались безрезультатно, так же как и безнадежные потуги узнать что-нибудь вразумительное у бегавших туда и сюда обитателей подземного завода. А в том, что это сооружение скорее напоминало завод, чем жилой комплекс, я убедился по количеству работающих повсюду механизмов. Мне показалось, что подземные обитатели вовсе не нуждались ни в отдыхе, ни в пище — они даже размножались, по существу, на бегу. Я как-то заметил остановившуюся в туннеле парочку тачечиков, между которыми тут же появился — словно пророс из земли — третий, более мелкий, экземпляр.

— Ты столкнулся с явлением партеногенеза,— тут же прокомментировал Лерой.

— По мне, так лучше бы и не сталкиваться, да сам виноват,— вздохнув, проворчал Джарвис.— Итак, в этих бесконечных блужданиях прошло два дня. От усталости я валился с ног и временами засыпал, прислонившись к стене туннеля. По-видимому, бочкоподобные трудяги понимали разницу между спящим и бодрствующим существом, потому что стоило мне закрыть глаза, как «приветствия» тут же смолкали. В конце концов я понял, что этот курган не что иное, как электростанция, топливом для которой служил привозимый на тачках мусор. К такому выводу я пришел, когда мы случайно оказались в большом зале, куда сходилось множество коридоров. В центре обширного помещения возвышался какой-то блестящий опутанный проводами агрегат, у основания которого вращались огромные колеса, напоминавшие жернова. Собственно, это и была гигантская перемалывающая машина, в которую непрерывным потоком поступало содержимое тачек, подкатываемых бочкоподобными рабочими. Мы довольно долго торчали в этом зале, и я заметил, что иногда агрегат принимался как-то странно завывать. Как только слышался этот вой, сразу же один или двое грузчиков оставляли свои тачки и прыгали прямо под жуткие колеса. Остальные при этом даже не сбивались с ритма, а, подхватив свободные тележки, убегали за следующей порцией «корма». По-видимому, таким образом

удавалось сохранить необходимый для выработки электроэнергии состав «топлива». Вскоре мы обнаружили еще кое-что. В небольшой нише этого же зала я заметил необычное свечение, и мы с Твилом, конечно же, направились «на огонек». Там оказался стеллаж, на полках которого рядами лежали кристаллы размером с куриное яйцо. В прозрачной глубине камня сиял и переливался загадочный свет — именно его лучи, усиленные полированными гранями, мы и заметили. Я никогда не встречал подобной красоты!

Джарвис поднял на слушателей сияющие глаза и проговорил:

— В этих лучах чувствовалась какая-то магическая сила. Усталости как не бывало! Исчезла не только боль от ушибов и порезов, но даже родимое пятно на запястье. Помните? Такое, в виде паука.— Он протянул в сторону коллег левую руку.— Я подумал, что обитатели курганов изготавливают эти кристаллы сами или добывают их из недр планеты с помощью электричества, и мне захотелось разобраться в этом. Я уже говорил, что муравейник напоминал завод, и задумал подробнее рассмотреть другие механизмы, но — увы! — нам помешали. Не успели мы с Твилом покинуть зал, как четырехрукие громилы побросали свои тачки и ринулись к нам, угрожающе вопя: «Я друг, дерьмо!» Уже знакомый с силой их рук, я сбросил поклажу и, потянув за собой Твила, пустился наутек. Мы мчались, не разбирая дороги, сворачивая то в один туннель, то в другой, но нам никак не удавалось избавиться от преследователей. Удивляло то, что встречные трудяги, катившие наполненные тачки, даже не пытались удержать нас, хотя легко могли бы свалить любого, просто подставив одну из четырех ног. Однако, не получив команду «из центра», они равнодушно пробегали мимо, зато топот и крики погони постепенно приближались. Похоже, Твил почуял опасность, потому что выхватил из сумки пистолетик. Я тоже приготовил оружие. В этот момент появилась тачка, нагруженная огромным кустом. В пальцах Твила мгновенно оказалась уже известная мне «зажигалка», и секунду спустя сухие ветви заполыхали. Однако безмозглый «бочонок»

не выпустил рукояток и, не сбавляя темпа, устремился дальше по коридору. Судя по воплям, жаркое пламя импровизированного костра вызвало замешательство в рядах преследователей, и я воспользовался этим, чтобы немного отдышаться.

Разгоряченный рассказом, Джарвис снова отпил немного сока и уже более спокойно продолжил:

— Пока я, прислонившись к стене коридора, пытался восстановить дыхание, дым от костра медленно таял, уплывая следом за исчезнувшей тележкой. Это означало только одно: там, куда мы бежали, был выход! К счастью, у туннеля больше не оказалось ответвлений, и мы, наконец, выскочили из муравейника. Но каково же было мое разочарование, когда я увидел, что солнце клонится к закату. Это означало, что все мои старания оказались напрасными: без спальника марсианскую ночь мне уже не пережить. Я попытался заставить Твила уйти в пустыню, но он решительно отказался, махнув крылом в сторону муравейника. А там было на что посмотреть — компания бочкоподобных активно вооружалась устройствами, напоминавшими древние арбалеты, и вот уже в нашу сторону полетели медные стрелы. К моей радости, обитатели лабиринта оказались неумелыми воинами: вероятно, упражнения с тачками им подходили гораздо больше. Мы же не оплошали, и ряды нападавших постепенно таяли. Однако те решили взять если не качеством, так количеством: из зева туннеля появилась новая банда многоногих, и наше положение существенно осложнилось. Продолжая стрелять, я старался объяснить Твилу, почему он может и должен уйти. Но он то ли не понял, что жить мне осталось с гулькин нос, то ли решил не оставлять меня до конца. Посылая шарики в гущу врагов, он только мотал клювом и верещал: «Нет, Тик! Нет, Тик!»

На глаза невозмутимого Джарвиса навернулись слезы, и он воскликнул:

— Боже! Чем я заслужил такую беззаветную преданность? Как смогу достойно отплатить за это?

Чувствительный Лерой тоже хлюпнул носом, Пурс похлопал Джарвиса по плечу, даже Гаррисон провор-

чал что-то утешительное. Дик между тем взял себя в руки и проговорил:

— В сущности, я уже почти закончил. В самый разгар сражения на ровное ложе канала опустился челнок Пурса. Твил одним махом перескочил прибрежные кусты, а я, продираясь сквозь переплетение веток, едва не застрял в их колючих дебрях. Но теперь можно было и не торопиться: при виде челнока обитатели муравейника мгновенно сгинули. Пока мы с Пурсом тискали друг друга в объятиях, Твил исчез. Я принялся звать его, но так и не получил ответа. По моей просьбе, мы полетели не к «Аресу», а на юг, и Карл еще несколько раз сажал машину на грунт. Я открывал люк и оглашал окрестности призывными воплями. Только один раз я услышал, как вдали кто-то мелодично насвистывает одну из тех песен, которые мы пели вместе с Твилом. Вероятно, так он прощался со мной...

Наступила тишина. Каждый мысленно переживал услышанное, хотя еще рано было делать какие-либо выводы. Освободившийся от груза воспоминаний, Джарвис заметно повеселел и чуть насмешливо оглядел коллег.

— А что это вы так загрустили, ребята? Может быть, вот это развеселит вас? — спросил он, извлекая из кармана невиданной красоты кристалл.

ДОЛИНА ЖЕЛАНИЙ

— Мы обязательно должны стартовать с Марса в ближайшие две недели,— закончив свои наблюдения, проворчал Гаррисон, капитан космического корабля «Арес».— Не хотелось бы торчать здесь полтора года, когда противостояние Марса и Земли снова окажется благоприятным для нас. Как ты относишься к перспективе перезимовать на этой планетке, Дик?

Тот, к кому обратился Гаррисон, являлся инженером-химиком корабля, Диком Джарвисом. Услышав вопрос, он недовольно поморщился.

— Вряд ли мне понравится здешняя зима, командир, если даже летняя ночка вполне годится для быстрого замораживания такого продукта, как человек.

Гаррисон улыбнулся, когда Дик машинально потер помороженный нос, и заключил:

— Ну, если кто-то из членов экипажа против продления экспедиции, стало быть, возвращаемся на Землю.

— И хорошо бы, если бы Пурс более тщательно подготовил корабль к полету: в космосе пешочком не погуляешь,— ядовито проговорил Джарвис, взглянув на занятого вычислениями бортинженера корабля, Карла Пурса.

Тот отмахнулся от Дика, как от назойливой мухи, а Гаррисон хлопнул себя по лбу и сказал:

— Я совсем забыл, что среди обломков челнока осталась часть заснятых Диком пленок. На этом можно было бы хорошо заработать. Помнится, даже фотографии с Луны шли нарасхват, а здесь такая экзотика — Марс!

— А мне хотелось бы написать книгу,— мечтательно проговорил Джарвис.— Что-нибудь эдакое, под названием «Как я пропадал на Марсе». Думаю, с руками оторвут.

— Вряд ли,— поднял голову от блокнота Пурс.— Сейчас все настолько сексуально озабочены, что захотят купить лишь «Интимные переживания марсианина» или «Ночи с марсианкой», не иначе.

Все рассмеялись, а Карл, довольный произведенным впечатлением, забрал свои записи и удалился в сторону кормы, откуда вскоре раздались удары молотка.

— Если бы я смог подзаработать на книжке,— продолжил свои мечтания Дик,— то уж наверняка больше никуда не полетел бы с Земли. Только вдали понимаешь, как много значит для тебя родной дом.

— Даже не мечтай! — ухмыльнулся Гаррисон.— Космос затягивает, и на Земле ты через месяц заскучаешь, а через год — взвоешь. И неужели тебе не захочется повидаться с Твилом? Ты так тепло о нем рассказывал.

— Это верно,— печально согласился Джарвис.— Без него я бы точно пропал. Стоит только вспомнить об этом жутком «осьминоге» и сражении с бегающими «бочками».— Дик словно в ознобе передернул плечами.— А попрощаться с ним я так и не сумел.

— Вот что, ребята,— сказал Гаррисон, втягивая в разговор молчавшего все это время биолога Лероя.— Вместо того чтобы киснуть, слетайте-ка вы к месту аварии за пленками.

— Лучше бы с Карлом,— заметил Джарвис, но увидев, как помрачнел Жак, пояснил: — Мы с тобой ничего не смыслим в летательных аппаратах. Ну, не дай бог, что-нибудь сломается — опять топать пешком? Вам спасать-то нас не на чем!

— Ничего, свистнешь своего «страуса»,— проворчал Гаррисон, но тут же успокоил нахмурившегося Дика: — Я сам прилечу за вами на «Аресе». Но, думаю, все будет нормально: Пурс разве что не вылизал челнок.

С момента возвращения Джарвиса после вынужденного пешеходного перехода по Марсу Лерой постоянно находился в мрачном расположении духа. Еще бы! За время пребывания экспедиции на этой красной планете ему досталось лишь открытие примитивных «биола-

зов», в то время как Джарвис рассказал о невероятных формах местной жизни.

Поэтому предложение Гаррисона вызвало у Лероя огромный интерес. От его пессимизма не осталось и следа, и он с надеждой поинтересовался у капитана, можно ли будет сделать несколько остановок для сбора образцов.

— Думаю, особой беды в этом не будет,— пожал плечами Гаррисон.— Но не затягивайте поездку: запасы воды и еды рассчитаны только на два дня. Выходите на связь каждые полчаса, а отправляться можете немедленно,— закончил он, взглянув на поднимавшееся из-за горизонта Солнце.

— Поскольку мы все равно летим на юг, капитан, было бы интересно забраться подальше,— предложил Джарвис.— Вдруг мы отыщем поселение Твила? Это было бы здорово!

— Только не увлекайтесь поисками. Помните, на третий день я отправляюсь вас спасать,— строго сказал Гаррисон.

Все сборы заняли несколько минут, и вот уже довольные исследователи покинули «Арес»: их воодушевляла не только страсть к новизне, но и возможность избавиться от рутинной работы по подготовке корабля к полету.

За время короткого перехода от «Ареса» до челнока они испытали уже привычные ощущения — от явного затруднения с дыханием до полной адаптации к разреженности местной атмосферы: сказывались долгие тренировки в земных барокамерах. Задержавшись на трапе, Дик и Жак помахали на прощание Гаррисону, а тот, проследив за их стартом, вернулся к той самой рутинной работе, от которой с радостью сбежали его коллеги.

Челнок вернулся на исходе третьего дня.

Не веря своим глазам, Гаррисон и Пурс смотрели, как из летательного аппарата медленно выбрались два оборванца и заковыляли к «Аресу». Они казались бы совершенно неотличимыми друг от друга, если бы не разный цвет волос да еще перевязанная рука брюнета.

Пурс помог друзьям подняться к люку, а потом, бережно поддерживая раненого Лероя, повел его к са-

лону: Джарвис решительно отказался от помощи, шаркая на подгибавшихся ногах позади.

Когда путешественники расположились в креслах, Гаррисон обратил внимание, что былая жизнерадостность покинула на этот раз даже Джарвиса. Что же касается Жака, то происшедшая с ним перемена серьезно обеспокоила капитана. Бледность еще можно было объяснить раной, но неподвижный взгляд и застывшее на лице выражение ужаса заставляли думать, что тот находился во власти галлюцинаций.

Неизменный апельсиновый сок немного оживил путешественников, и тогда Гаррисон задал первый вопрос:

— Что у тебя с рукой, Жак? Рана серьезная?

— Нет,— ответил вместо Лероя Джарвис.— Небольшой порез, хотя и изрядно кровило. Но опасности воспаления — никакой: Жак сказал, что на Марсе нет болезнетворных микроорганизмов.

Он говорил словно робот — бесцветный голос, четко выделенные интервалы и акцентированные знаки препинания. Пурс, ни слова не говоря, исчез и тут же вернулся с бутылкой коньяка и стаканами. Наполнив их наполовину, он едва ли не силой заставил друзей пригубить обжигающий напиток — остальные глотки они уже сделали сами.

Когда Гаррисон убедился, что «лечение» принесло свои плоды и вновь прибывшие стали, наконец, похожи на людей, он разразился целой серией вопросов:

— И где же вы, поганцы, шатались? Что за нелепые радиограммы о рае? Немедленно отвечайте, куда вас черти занесли? — после чего попросил Пурса плеснуть и ему.

Джарвис вполне осмысленно взглянул на него и сочувственно проговорил:

— Я боялся именно такой реакции, командир, потому-то и был предельно краток. А то вы здесь решили бы, что я не в своем уме и рванули бы за нами.

— А теперь, значит, ты нормальный? — саркастически поинтересовался Гаррисон.— Если так, то немедленно изволь отчитаться о результатах экспедиции!

Джарвис взглянул на Лероя и, когда тот еле заметно кивнул, проговорил:

— Хорошо, слушайте. Я начну с самых первых минут полета, хотя наши сообщения тогда были довольно подробными. Мы выбрали тот же маршрут, по которому я летел в прошлый раз, поскольку, двигаясь по знакомому пути, мы быстрее всего добрались бы до места катастрофы. У Жака вначале возникли трудности с ориентированием на местности, потому что непривычная для землянина кривизна Марса искажала перспективу, визуально увеличивая и расстояния, и размеры предметов. Пока он привыкал к новому видению окружающего, мы уже достигли пустыни Квантус и пересекли канал в том месте, где я избавил Твила от сухопутного осьминога. Лерой попросил остановиться, чтобы посмотреть, что от того осталось, и я посадил машину неподалеку от места сражения.

Тут впервые подал голос несколько оправившийся биолог:

— Никаких признаков разложения. Мумифицированный объект.

— Этот «объект», как выражается Жак, облепили похожие на травинки многоножки, чтобы отколупнуть кусочек,— продолжил рассказ Джарвис.— Лерой разогнал всю эту банду и стал сам ковыряться в черном осьминоге. Меня чуть не стошнило, и я отвернулся. В этот момент Жак закричал, и я подумал, что эта гадость только прикинулась дохлой и напала на него! А оказывается, он сделал великое открытие.

Джарвис замолчал, наслаждаясь нетерпеливым удивлением слушателей и давая возможность биологу высказаться самому.

— Это чудовище оказалось полурастительного происхождения,— тихо проговорил тот и махнул Джарвису: продолжай, мол, сам.

— Ну да, дальний родственник биолазов,— усмехнулся Дик.— Жак вообще считает, что животная и растительная жизнь на Марсе не так конкретизирована, как на Земле. Помните, что я рассказывал о Твиле? Он же спал, изображая экзотический цветок! И я не видел, чтобы он чем-то питался. Возможно, клюв служил ему не только амортизатором при прыжках, но еще и своеобразным корнем?

— Вот именно, сунул клюв в песок, пососал, что придется, и побежал дальше, опираясь на стебли... или на листья? Бред какой-то,— проворчал Гаррисон.

— Когда Лерой собирал образцы растений и гонялся за удирающими травинками, появились четырехногие цилиндры с неизменными тележками. Вероятно, где-то здесь поблизости находился их муравейник. Самое забавное, что они, увидев нас, дружно загудели: «Я друг, дерьмо!» Откуда бы им знать эти слова? Следовательно, здесь в наличии феномен какого-то коллективного разума, я думаю. Лерой сразу же решил поймать одного из них и тут же препарировать его, но я воспротивился этой затее — слишком свежи еще воспоминания о неравной битве с обитателями другой мусорной кучи.

Пурс сочувственно кивнул: ведь это именно он спас тогда Джарвиса и Твила.

— У Жака появилось предположение, что перемалываемая смесь может служить питанием общим корням разветвленной системы полурастительной жизни, элементами которой являются и эти бочкоподобные тачечники. А когда в смеси недостает какого-то компонента, они обогащают ее своими телами, прыгая под колеса размолочной мельницы.

— Казалось бы, чего проще — взять и привезти с поверхности подходящие ингредиенты,— возмутился Гаррисон.

— Но для этого нужно думать, а они, похоже, способны лишь выполнять приказы,— заметил Джарвис.— Во всяком случае, следуя земным меркам, невозможно понять проявления марсианской жизни.

Слабый кивок Лероя подтвердил правильность слов Дика, и тот продолжил повествование:

— Да, я совсем забыл сказать, что до этой посадки мы останавливались еще возле строителя пирамид. За это время новое сооружение уже довольно значительно поднялось вверх, так что Лерою пришлось забраться на него, чтобы увидеть многовекового труженика. Правда, он едва не поплатился за свое любопытство. Чешуйчатое чудовище в это время как раз тащило хоботом очередной кирпич, и Жак едва успел увернуться от увесистого «сюрприза». Нашему биологу очень хоте-

лось притащить на «Арес» если уж не все чудовище целиком, то хотя бы его часть. Однако, решив не уничтожать представителя уникальной жизни, Жак ограничился кирпичом от предыдущей пирамиды.

— А не мешало бы и притащить,— заметил Гаррисон.— Вдруг при ремонте «Ареса» Карл почувствует нехватку в строительном материале? Тут бы и пригодились силиконовые кирпичи.

— Вот бы была радость! — подхватил Пурс.— Нечто новое в космической технике — кирпичная ракета! И как только люди до такого не додумались?

— Они еще не были на Марсе,— резонно заявил Гаррисон.

Когда смех утих, Джарвис снова вернулся к рассказу.

— Для того чтобы достичь коммерческого успеха на Земле, мы усиленно фотографировали во время всех остановок. Так что будут изображения и строителя пирамид, и бочкоподобных обитателей муравейника с их тележками, и останков осьминога. В конце концов мы добрались до места аварии моего челнока и вытащили уцелевшее оборудование. В запасе у нас оставалось еще полтора дня, и мы решили лететь дальше на юг, куда показывал Твил, когда я спрашивал, где он живет. Мы поднялись на полторы тысячи футов, чтобы продолжать аэрофотосъемку, и направили челнок к Морю Крона. После того как мы пересекли один из его заливов, под нами вновь оказалась пустыня, за которой — если судить по карте — расстилалось Южное Море. Мы находились как раз над каналом, который Скиапарелли назвал Аксанией, когда внезапно заметили, что под лучами закатного солнца часть территории под нами оказалась как бы заштрихованной. Чередование полос света и тени навело нас на мысль, что под нами находятся какие-то строения, потому что хаотичные скальные образования не могли иметь подобную упорядочность.

— И что же вы сделали? — спросил Гаррисон у внезапно замолчавшего Джарвиса.

— Я направил челнок чуть ниже и облетел заинтересовавшее нас место по периметру. Это, похоже, был настоящий город, а не те мусорные курганы с бочкоподобными обитателями, которые обычно громоздились

вдоль каналов. Затем, пока не зашло солнце, мы решили обследовать окружающую местность и полетели вдоль канала к Южному Морю — туда, где уже отчетливо виднелась ослепительно-белая полярная область планеты. Канал, уходивший дальше к югу, явно был заполнен водой: ее зеркальная поверхность отражала косые лучи солнца, слепившие нас. На востоке мы заметили долину, простиравшуюся вдоль побережья Южного Моря. Я обратили на нее внимание только потому, что она резко выделялась своим унылым серым цветом на желтом фоне пустыни. Лерой предположил, что такой оттенок придавали ей скопления биолазов, обычно стремившихся к более влажному грунту. На западе ничего интересного не оказалось, все те же желтые пески, и мы повернули назад — в сторону города.

Гаррисон обратил внимание на то, что стоило только Джарвису упомянуть о долине, как Лерой весь съежился, и на его лице опять проступил страх. Да и сам Дик нахмурил брови и замолчал, словно с трудом вспоминая забытые слова. Наконец, он справился со своими эмоциями и продолжил рассказ:

— На этот раз мы облетели город на малой высоте. Нас поразили грандиозные размеры его зданий и отсутствие какого-либо движения на улицах. Мы подумали, что жители могли и попрятаться, услышав вой нашего челнока, поэтому решили лишний раз не рисковать и обосноваться где-нибудь в пустыне, тем более что уже наступила ночь. Через четыре часа рассвело, что вообще-то удивило нас, но этого времени хватило, чтобы отдохнуть. Кстати, а чем объяснить такую короткую ночь?

— Вы забрались слишком далеко к югу, а если судить по диаграмме Скиапарелли, ночь на широте Южного Моря в это время года продолжается около трех часов,— пояснил Гаррисон.— Через три месяца там будет период вечного дня, но мы, слава богу, этого уже не увидим!

— Теперь понятно, а то я грешил на хронометр,— усмехнулся Джарвис.— Итак, мы отдохнули, поели, я передал вам наши координаты, и мы полетели к городу. Еще накануне нас поразили размеры его зданий — теперь же он высился перед нами, словно горная цепь. Огромную территорию с невиданными небоскребами

огораживала высокая стена, у наружной стороны которой мы и решили посадить челнок. Я отыскал подходящее место для посадки — на берегу канала, возле полуразрушенных ворот,— и мы, вооруженные до зубов, пересекли городскую черту. Ужасное впечатление производят брошенные города, даже если с тех пор, как их покинули жители, прошла не одна сотня лет. Тягостный вид рассыпавшихся зданий, где когда-то кипела жизнь, заставил нас говорить чуть ли не шепотом — словно рядом находился покойник. Мы шли между высоченными зданиями, чувствуя себя словно на дне каньона. Невероятные изыски архитектуры окружали нас со всех сторон, причем некоторые шедевры технической мысли могли родиться только при низкой гравитации Марса. Например, здание в виде перевернутой пирамиды или узкая конструкция наподобие поставленной на торец доски, уходившей чуть ли не в космическое пространство. Если бы не грандиозные размеры зданий, этот город давно стал бы добычей пустыни. Мы не заметили каких-либо входов в дома: вероятно, нижние этажи — так же как и мостовые — были занесены толстым слоем песка. Во всяком случае, на окраинах.

— А как давно покинут город? Ты не смог этого определить, хотя бы приблизительно? — спросил Гаррисон.

— Нет,— покачав головой, ответил Джарвис.— Здесь нужен опытный археолог, который смог бы добраться до культурного слоя. Но, мне кажется, потребуются годы природных наблюдений, чтобы установить степень воздействия времени, перепадов температур, метеоритных дождей или других факторов, которые способствуют разрушению. Земные аналогии здесь не подойдут, потому что на этой планете нет ни осадков, ни тектонических явлений, ни растений, разрушающих камни своими корнями.

— Но метеоритов здесь предостаточно,— заметил Пурс, постоянно озабоченный сохранностью техники.— За то время, пока мы торчим здесь, я насчитал уже семь штук, взрывших песок неподалеку от нашей стоянки. Припомните исторические хроники с описанием сражений: каменные ядра древних пушек способны были пробить брешь в толстых стенах замков.

— Да, разрушения в городе несколько напоминали результат бомбардировок,— подтвердил Джарвис.— Нам попалось несколько почти полностью разрушенных строений — на них, вероятно, упала настоящая скала. Мы брели по пустынному городу и никак не могли отделаться от неприятного ощущения, что за нами следят. Непроизвольно оглядываясь и замедляя шаг возле перекрестков мы тем не менее продвигались вперед, пока не оказались перед зданием, стоявшем на высоком цоколе. Поднявшись по ступеням к дверям-воротам, мы отгребли от створок песок и попытались открыть их. Как ни странно, дверь сразу подалась, и мы крадучись вошли внутрь.

— И тут обнаружилось, что мы позабыли взять фонарь,— подал голос Лерой.

— Вот именно. Поэтому стоило нам отойти от двери, как мы оказались в полной темноте. Звук наших шагов сопровождало многократно повторенное эхо — следовательно, помещение было очень большим. Я решил, что стоит вернуться назад. Мы остановились, чтобы посовещаться, как поступить дальше, и в этот момент над нашими головами пролетело какое-то существо: я отчетливо услышал хлопанье крыльев. Пока я удивлялся, откуда на Марсе взялись птицы, Лерой вцепился в мой локоть и завопил: «Глаза!» Я обшарил взглядом темноту и действительно увидел три ярких зеленых овала. С той стороны, где они находились, явственно послышался неразборчивый шепот а затем приглушенное хихиканье. Потом глаза переместились, и к ним прибавилось еще несколько штук, и тут уж мы мгновенно оказались на улице, буквально скатившись со ступеней. Оглянувшись на дверь, я заметил, как в щель юркнула маленькая фигурка какого-то зверька, повадками и мордочкой напомнившего мне мультяшного чертика. Откуда бы взяться здесь подобному персонажу? И я решил, что он мне примерещился, потому что от удара о ступеньки из глаз аж искры посыпались.

— Вы туда больше не возвращались? — поинтересовался Гаррисон.

— Вернулись, конечно, но это особый разговор,— откликнулся Лерой.

— Я еще расскажу об этом,— пообещал Джарвис.— А пока слушайте, что произошло потом. После нашего бегства из темного зала мы все же решили продолжить обследование города. Судя по всему, здание на высоком цоколе находилось в центре, поскольку — по мере удаления от него — дома становились все ниже, а их конструкция все менее вычурной. Постепенно они превратились в неказистые одноэтажные строения, коекак слепленные из обломков разрушенных домов. И в то же время именно здесь я ощутил присутствие чего-то живого. Не то чтобы мы сразу увидели жителей, нет. Просто исчезла некая болезненная немота, сопровождающая полное отсутствие жизни: она известна всем, кто хоть однажды побывал на кладбище, само собой — не на катафалке.

Слушатели сдержанно улыбнулись.

— Именно в этом квартале мы столкнулись с сородичами Твила,— эффектно продолжил свое повествование Джарвис.— Из-за угла, чуть не сбив нас с ног, выскочил страус. Лерой аж остолбенел, да, признаться, и я обомлел. Через пару секунд я, правда, понял, что это не мой приятель: тот был повыше ростом и с более роскошными перьями на руках-крыльях. Я попытался объяснить удивленно защебетавшему страусу, что мы ищем Твила, и, хотя он не понял меня, но все же пригласил следовать за собой. Во всяком случае, я именно так расценил широкий взмах крыла в сторону перекрестка и плавный поворот корпуса на сто восемьдесят градусов. К нашей компании вскоре присоединилась еще пара страусов, и наш провожатый о чем-то с ними пересвистнулся. Наконец я догадался правильно, как только смог, воспроизвести имя Твила. Тогда вся троица взволнованно зачирикала и повела нас к одному из домиков. На звуки этого птичьего базара оттуда выскочил подлинный Твил и, высоко подпрыгнув, спикировал на клюв возле Лероя. Тот чуть не упал от изумления. А Твил между тем вскочил на ноги, завопил «Тик! Тик!» и принялся скакать вокруг меня. Лерой смотрел на все это безобразие с умиленным выражением добренькой бабушки, наблюдающей за выкрутасами любимого внука.

На этот раз к хохоту коллег присоединил свой голос и Лерой.

— Когда суматоха встречи улеглась,— вновь заговорил Джарвис,— я попросил Твила показать нам город. Мы пошли к центру, заходя временами внутрь покинутых зданий. У меня создалось впечатление, что их никогда не использовали под жилье: огромные залы скорее напоминали помещения электростанций, из которых почему-то вынесли оборудование. Добрались мы и до того дома, где нас так напугали загадочные существа. Лерой наотрез отказался входить в огромную дверь, но Твил продемонстрировал ему фонарик, который извлек из своей знаменитой сумки, и несколько раз повторил: «Идти — да! Идти — да!» Лерой его отлично понял, и мы вошли в здание. В большом зале, где мы увидели зеленые глаза, Твил недовольно закудахтал, обнаружив в свете фонарика валявшуюся на полу книгу. Он бережно поднял ее и поставил на высокий стеллаж, присоединив находку к длинному ряду подобных томов. Я порадовался, что мы с Лероем остановились в самом центре зала и не стали его обследовать: мы наверняка запутались бы в лабиринте книжных стеллажей, стоявших торцом к стенам. И еще я подумал, что наше появление спугнуло необычных читателей этой невероятной библиотеки. А может быть, сюда нагрянули вредители, и Твил расстроился именно из-за этого.

— Ты решил, что это именно библиотека? — недоверчиво спросил Пурс.

— Конечно. И более того: саму библиотеку и бесчисленные тома наверняка создали соплеменники Твила. Я полистал некоторые книги и среди листов, заполненных волнистыми линиями, обнаружил иллюстрации, на которых легко узнавались изображения страусоподобных существ. И еще: мне почему-то показалось, что мир Твила пришел в упадок из-за этих трехглазых чертенят. Вспомните, как Землей хотели овладеть крысы, и это им наверняка удалось бы, если бы не нашелся отважный гаммельнский крысолов со своей дудочкой.

— Это все сказки,— отмахнулся Гаррисон.

— Видишь ли, людям просто легче жить, думая, что сказки и легенды — просто пустые враки,— серьезно

проговорил Дик.— Может быть, мы сможем что-то узнать о предках Твила из тех книг, которые он разрешил мне взять с собой. Вот уж поломают головы наши лингвисты! Я попросил Твила прочесть пару строк, и он с выражением прочирикал их: судя по ритму, это были стихи.

— Само собой! — ехидно согласился Гаррисон.— Теперь выяснилось, что страусы, значит, не только поют и танцуют, но еще и пишут стихи. Удивительно творческий народ!

— Лерой тоже сомневался в моих словах, принимая их за бред, а теперь... Надо было бы вместо него полететь со мной тебе, командир. Это здорово поубавило бы твой скепсис.

— Ладно, пусть не верит,— тихо сказал Жак.— Но ты, Дик, не переживай из-за меня: несмотря ни на что, я счастлив, что увидел все это.

Джарвис вздохнул и внимательно посмотрел на биолога: его вид ничуть не напоминал счастливого человека. Затем он снова принялся рассказывать:

— После того как мы обошли весь зал, Твил перевел свет фонарика на одну из стен — выше ряда стеллажей. Оказалось, что там висит огромная картина. Ее сюжет остался для меня тайной, поскольку в свете фонарика я смог рассмотреть лишь отдельные фрагменты. Во всяком случае, там было изображено много соплеменников Твила, весьма дружелюбно настроенных друг к другу. Не война, одним словом. Картина на другой стене изображала какой-то производственный процесс: несколько страусов вроде бы обслуживали машину, похожую на турбогенератор. Картина над дверью сохранилась довольно плохо: слой краски во многих местах осыпался. Однако я разобрал там изображения удививших меня небоскребов — а именно, перевернутую пирамиду и «доску». Очень может быть, что все картины символизировали что-нибудь, например, единение народов, развитие техники и архитектуры. Не берусь судить. Но вот четвертая картина невероятно удивила нас. Мы смогли рассмотреть ее довольно хорошо, поскольку она висела напротив входа, хотя и в глубине зала. Сначала в свете фонарика мелькнула фигура, похожая на человека, и я

сразу же отправился к выходу, чтобы как можно шире распахнуть створки огромных ворот. Лерой и Твил поняли мою мысль и помогли убрать песчаные отвалы с площадки перед дверью. И вот тогда мы смогли увидеть все изображение целиком!

— Вы увидели на Марсе изображение человека! Бред какой-то.— Гаррисон даже не пытался скрыть свое недоверие.

— На этот раз у меня есть свидетель,— стоял на своем Джарвис.— Надеюсь, мнению живого человека можно верить!

— Ты хотел сказать — полуживого,— проворчал капитан.— Ну, рассказывай же!

Джарвис подчинился.

— На переднем плане картины был изображен страусоподобный марсианин, весьма напоминавший Твила. Он сидел на земле, низко свесив голову. Руки-крылья, опираясь костлявыми кистями о грунт, с явным напряжением поддерживали изможденное тело. Напротив него стоял на коленях человек, протягивая ему горшок, над которым вился не то пар, не то дым. По-видимому, он предлагал страусу питье или еду, а может быть, горшок изображал курильницу. Твил запрыгал возле картины и, выкрикивая «Тик! Тик!», принялся показывать на коленопреклоненного: он тоже увидел сходство. А Лерой, внимательно рассмотрев фигуру на переднем плане, сказал, что она определенно напоминает бога Тота.

— Да, это египетский бог Тот, которого всегда изображают с головой ибиса,— подтвердил Лерой.

— Как только Твил услышал слово «Тот»,— продолжал Джарвис,— он пришел в неистовство. Страус показывал на себя, делал руками широкие круги, тыкал пальцами в сторону двери и снова колотил себя в грудь. Я догадался, что он имел в виду: народ Твила носил название «тот». Как только я сказал ему об этом, он тут же успокоился и обрадованно закивал головой.

— Вы хотите сказать, что эти страусы когда-то побывали на Земле? — Гаррисон недоверчиво перевел взгляд с Джарвиса на Лероя.

— Именно так,— ответил Лерой.— Тут слишком много совпадений. Усталая фигура страуса, раздавлен-

ная большей силой тяжести, чем на Марсе. Общее название бога и сородичей Твила. Поклонение птицеголовому божеству. Письменность, появившаяся в Египте. Во всяком случае, здесь есть материал для исследования.— Утомленный длинной речью, биолог несколько позеленел и закрыл глаза.

Гаррисон взглянул на Пурса, и тот снова взялся за коньяк. На этот раз хватило небольшого глотка, чтобы француз «вновь оказался среди живых», как прокомментировал это событие Карл.

— Мы погостили у Твила два дня и все это время усиленно фотографировали. Сделал я и снимок картины с богом Тотом. Но он вряд ли получился — слишком слабое освещение. Твил показал нам все достижения его племени, в том числе и новую насосную станцию для перегонки воды от полярной шапки в канал.

Пурс мгновенно оживился: его всегда привлекали всякие технические устройства.

— И как устроена эта система? — спросил он.

— Я мало смыслю в технике,— честно признался Джарвис.— Очень жаль, что вместо тебя там был я. Во всяком случае, это что-то наподобие римских акведуков, дополнительно снабженных насосами.

— А на какой энергии работает подобное диво? — усмехнулся Карл.

— На электричестве. Твил сводил нас на электростанцию — единственное уцелевшее здание в городе. Там установлено огромное вогнутое зеркало, в центре которого расположен цилиндр, поглощающий солнечные лучи. Он каким-то образом преобразует солнечную энергию в электричество.

— Какой примитив! — фыркнул Пурс.— Эта штука работает по принципу термопары! Каменный век.

— А вот сейчас вы будете смеяться,— заявил Джарвис.— Угадайте, кто следит за оборудованием на электростанции? Такие же бочкоподобные существа, что и в мусорных курганах. Но, похоже, это какая-то другая разновидность четырехногих: ни один из них не поприветствовал нас привычным «Я друг, дерьмо!» Как я понял из объяснений Твила, эти существа предназначены для обслуживания городских станций, а старые

наши знакомцы «работают» в курганах. Очень возможно, что там в свое время были оборудованы насосные подстанции для перегонки воды по каналам. Помните, я рассказывал о машинах, установленных внутри кургана? Ну, а когда вся система пришла в упадок, мусорные обитатели переключились на что-то иное.

— Но почему опустел город? — спросил Гаррисон.— Казалось бы, все есть: солнечная энергия, вода из ледяных шапок планеты, мозговой центр в виде сородичей Твила, безотказная рабчая сила, система каналов. Все! И в то же время явные признаки угасания жизни.

— Конечно, меня это тоже удивило,— ответил Джарвис.— Но тут мы уже переходим в область предположений. Если картина в библиотеке соответствует действительности, то когда-то предки Твила совершали космические путешествия. Кстати, он ведь мне тоже показывал на звезды, когда я пытался установить, как его племя появилось на Марсе. С помощью тех примитивных способов добывания энергии, что мы увидели в городе, в космос не полетишь. Следовательно, прежде они использовали какой-то иной вид энергии, может быть, даже атомную.

— Но плотность Марса на двадцать три процента меньше земной,— возразил Гаррисон.— А это значит, что здесь нет тяжелых металлов типа осмия, урана или радия, пригодных для расщепления.

— Значит, энергию получали не так, как на Земле,— не сдавался Джарвис.— Возможно, необходимые ингредиенты добывали на какой-то другой планете. Но что-то произошло — может быть, атомная катастрофа,— и источник сырья исчез. С этого времени и начался упадок, причем в невероятно давние времена. Мы ведь не заметили на Марсе ни космодромов, ни остатков межпланетных кораблей, а в этом климате почти все остается целехоньким: примером могут служить хотя бы пирамиды марсианского долгожителя. И вот еще о чем я подумал. Я вспомнил о кристаллах, из-за кражи одного из которых нас с Твилом едва не прикончили. Вероятно, они являются объектом поклонения «бочонков», этаким сверкающим тотемом. Страус даже не проявил к ним интереса — он только сопровождал меня,

а в краже не участвовал. Вот мне и подумалось, не являлись ли эти кристаллы чем-то вроде алмаза для бластера. Тот, сгорая, выделяет энергетический луч большой силы, хотя и кратковременного действия. Может быть, их использовали как детонаторы, чтобы запускать мощные установки? Или же это отходы, получившиеся в результате работы загадочных двигателей. Я думаю, что анализ кристалла позволит нам ответить на эти вопросы. Во всяком случае, исчезновение топлива, пригодного для работы электростанций по всей планете, и привело к естественному сокращению количества жителей. Лерой установил, что все они — наполовину растения, а для их питания требуется влага. Нет воды — нет и жизни. Вот такая схема. И очень печально, что исчезает раса, стоящая существенно выше нас по развитию.

Эти неожиданные слова Джарвиса произвели впечатление разорвавшейся бомбы: все принялись громко выражать свой протест — даже Лерой. Основную мысль сформулировал Гаррисон:

— Если они так совершенны, что же им мешает возродить планету?

— И что это вы так рассшумелись? — насмешливо спросил Джарвис.— Я вовсе не говорил о глобальном совершенстве: в этом случае раса Твила состояла бы сплошь из гениев. Я имел в виду их духовное развитие, совершенство их общественных отношений. И я могу доказать это, руководствуясь формулой Твила: «Два и два — четыре».

Когда страсти несколько улеглись, Джарвис приступил к доказательству.

— Прежде всего постарайтесь отвлечься от своих социальных пристрастий и попытайтесь стать объективными,— воззвал к слушателям Джарвис.— Я понимаю, что те общественные формации, которые существуют в ваших странах, вы считаете наилучшими. Общество Карла основано на диктате, Лерой является гражданином Шестой французской Коммуны, а мы с Гаррисоном весьма довольны, что американское общество предпочло демократический строй. Итак, налицо три разновидности общественной организации: автократия, демократия и коммунизм. А вот народ Твила

живет при том строе, который проповедовал — как утопию — русский философ Кропоткин. Вы, вероятно, не слышали о нем, а Лерой, я думаю, знает наверняка.

— Неужели ты имеешь в виду его учение об анархии? — удивился француз.

— Но ведь анархия — это безвластие, разгул толпы! — возмутился Пурс.

— А вот здесь ты ошибаешься, Карл,— возразил Джарвис.— Безвластие — да, но не беспредел. Что такое власть? Это сила, принуждающая к подчинению всех инакомыслящих, верно? Вспомните, как отзывались о функциях правительства Эмерсон или Джордж Вашингтон. Я не берусь цитировать их, но смысл высказывания состоял в том, что лучшим является то правительство, которое меньше всего правит. Но если инакомыслия нет? Если все члены общества поднялись до таких высот общественного самосознания, что им не требуется принуждение? Тогда отпадает надобность в правлении и торжествует анархия. Не в том смысле, как используют это слово в быту, а как торжество философского учения.

— Но ведь даже у дикарей есть вожды! — Гаррисон явно поддерживал взгляды Пурса.

— Потому-то они и дикари,— снисходительно заметил Дик, и улыбка Лероя подсказала ему, что в этом споре француз на его стороне.

— Но как без централизованной власти решать вопросы общественных работ, войн, налогов? — допытывался капитан.

— На Марсе некому и, главное, не за что воевать. Всех жителей этой планеты объединяет общая забота о бесперебойной работе каналов. Разве сражаются между собой цветы и пчелы? Они прекрасно уживаются в своем естественном симбиозе. Так и здесь. Только индивидуалисты вроде чешуйчатого строителя не участвуют в общем деле. Но, во-первых, их всего единицы, а, во-вторых, их деятельность не затрагивает коллективный труд остальных. Причем никого не нужно подгонять: все прекрасно знают, что от деятельности каждого зависит судьба остальных. Вот это и есть совершенное общество, где не требуется наказания одних и поощрения других: здесь, вероятно, никогда не культи-

вировалась знаменитая политика кнута и пряника, столь привычная для нас. Марсианская цивилизация существует бесконечно давно, при этом организация жизни планеты не зависела от кипения страстей, присущих людям: у сородичей Твила отстутствует половой инстинкт. Эти полурастения размножаются так же, как и обитатели курганов,— почкованием.

— Твил позволил осмотреть свой клюв,— сказал Лерой.— Это действительно нечто среднее между дыхательным горлом животного и проводящей системой растения. По-видимому, существует некая система, переключающая организм с одного типа существования на другой.

— Когда разум не захлестывают эмоции, легче договориться о взаимодействии. Это и случилось на Марсе. А для нас, мне кажется, подобный общественный строй навсегда останется лишь в виде утопии,— подвел итог дискуссии Джарвис.— А теперь я объясню, почему наш вид при возвращении так напугал вас.

Дик замолчал, и даже Гаррисон не стал на этот раз торопить его: пусть, мол, парень соберется с силами. Через некоторое время Джарвис вновь заговорил:

— Пора было возвращаться на «Арес». Мы и так задержались дольше условленного срока, и я подозревал, что вы уже начали беспокоиться. Поскольку дом Твила находился у южной стены города, мы решили выйти через южные ворота, а затем, обогнув город со стороны канала, добраться до челнока. Этот путь был значительно короче, чем новый поход сквозь мертвый город. Мы попрощались с марсианами, и Твил пошел нас провожать. Но как только я вышел из города, мною тут же овладели мысли о серой долине на берегу Южного Моря. Меня непреодолимо тянуло взглянуть на нее, и я объяснил Твилу, куда собираюсь отправиться. Твил ужасно всполошился и принялся прыгать вокруг нас, выкрикивая «Нет, Тик! Нет, Тик!», а когда мы все же двинулись на юг, он попытался загородить дорогу крыльями. Увидев, что нас не остановить никакими силами, он поплелся за нами, продолжая тревожно щебетать и свистеть. Поминутно оглядываясь на город, он надеялся, по-видимому, позвать кого-нибудь на помощь, но в разрушенном проеме не появился ни один страус. Наконец, мы подо-

шли к скальному барьеру, за которым начинался спуск в долину. Взобравшись на гребень, я смог оглядеть ее всю — от края до края — и не заметил ничего необычного: колючие серые кусты покрывали ее чуть ли не сплошным ковром. С такими кустами я «познакомился» возле мусорного кургана, где мы сражались с воинственно настроенными «бочками». Мы двинулись в долину, и в этот миг я заметил, как чуть ли не из-под каждого куста выползли черные осьминоги, размахивая ужасными щупальцами. Их было бесчисленное множество! Вероятно, именно коллективный гипнотический призыв этих чудовищ я и ощутил у южных ворот города. Но это не остановило меня: я подумал, что смогу противостоять воздействию этого кошмара, потому что не дам ему захватить мой разум. Как же жестоко я ошибался!..

Джарвис замолчал на полуслове, словно потерял дар речи навсегда. Его глаза остекленели и утратили всякое выражение. Карл испугался, как бы Джарвис вновь не впал в полувменяемое состояние, и дотронулся до его плеча. Дик вздрогнул, словно просыпаясь, и недоуменно взглянул на Пурса, затем пришел в себя окончательно и смущенно проговорил:

— Извините, ребята! Этот ужас, вероятно, останется со мной надолго.— Он немного помолчал, а затем решительно вернулся к рассказу: — Твил все еще старался удержать нас, и я обратил внимание, что он повернул голову так, чтобы не видеть кусты с мерзкими созданиями под ними. Но я уже сказал, что понадеялся на свое самообладание, и продолжал спускаться. И внезапно долина преобразилась: ее заполнили самые прекрасные женщины мира. Я никогда не отличался особой влюбчивостью и даже не подозревал, что обращаю особое внимание на женскую красоту. Но возникшее передо мной видение опровергало такое представление о самом себе. Красавицы манили меня к себе, а ближе всех стояла обворожительная Фэнси Лонг. Но это еще не все. Я видел картины, отражавшие самые смелые и невероятные мечты — от детских лет до настоящего времени. Но кроме прекрасных видений выползло наружу и то, что я тщательно скрывал даже от самых близких людей. Я понял, что в божьем создании по имени «человек» сосредоточе-

ны и рай, и ад одновременно. Думается, что каждому не повредило бы взглянуть на себя глазами своего подсознания. Правда, тогда увеличилось бы количество пациентов психушек, но сократилось бы и армия заключенных — самые закоренелые злодеи вряд ли вынесли бы то, что таит их душа! Мне оставалось только радоваться, что больше никто не видит моего кошмара. Я прекрасно понимал, что все это лишь наваждение, но тем не менее ноги сами понесли меня прямо в объятия Фэнси. В голове пульсировала одна мысль: как прекрасно умереть в раю! В этот момент я споткнулся и упал. Оказывается, мне наперерез ринулся Твил: он, вероятно, понял, какое из чудовищ приманило меня, и, сбив меня с ног, устремился к нему. Еще несколько секунд — и он пронзил черного осьминога насквозь. Фонтан мерзостной слизи окатил нас обоих, жуткий смрад наполнил воздух. Он помог окончательно сбросить морок — и очень вовремя. Я услышал крик Лероя и, оглянувшись на голос, заметил, что тот мчится сквозь колючие кусты прямо в щупальца чудовища. Выхватив пистолет, я уничтожил хищника, нацелившегося на Жака, а потом мы с Твилом еле отпутали его от колючек. Вот тогда наша одежда полностью пришла в негодность, а Жак поранил руку об особенно длинный шип. Удивительно, что после нашего нападения на чудовищ, они прекратили охоту и попрятались под кусты. Долина вновь приобрела вполне невинный вид, и мы благополучно вылезли на гребень каменного барьера.

— А что кричал Лерой? — спросил Гаррисон.

— Он звал Ивонну,— неохотно ответил Джарвис.

Он знал, что у жены Жака было иное имя, но, по-видимому, с девушкой по имени Ивонна его связывала какая-то давняя трагедия. Если бы здесь крылась простая интрижка, видение вряд ли потрясло его до такой степени. Дик незаметно от Лероя приложил палец к губам и покачал головой. Гаррисон понял сигнал и больше не возвращался к этой теме.

— С гребня я сфотографировал место нашей предполагавшейся гибели, так что вы вполне оцените ее кажущуюся безопасность. А потом мы всей компанией отправились к челноку, посидели там, немного выпили, об-

работали царапины и рану Лероя, а затем я послал вам радиограмму с сообщением, что мы возвращаемся.

— Ты серьезно думаешь, что содержание радиограммы было именно таким? — искренне изумился Пурс.— Лично я принял ее и записал в журнал, как положено. Когда ты придешь в себя окончательно, я дам тебе почитать тот безумный набор слов, который ты назвал «сообщением о возвращении».

Джарвис ответил ему удивленным взглядом и недоуменно покрутил головой.

— Как я понял, с рассказом о приключениях покончено,— сделал вывод Гаррисон.— Давайте попробуем подвести итоги. Итак, что нам еще неясно?

— Думаю, командир, вопросов стало гораздо больше,— сказал Джарвис.— Правда, кое-что мы все-таки узнали.

— Например? — спросил Пурс.

— Ну хотя бы то, как марсиане предохраняют воду каналов от неизбежного испарения.

— Да, это серьезная проблема, если учесть, что общая протяженность каналов несколько тысяч миль,— согласился бортинженер.

— Они покрывают воду тончайшей масляной пленкой,— усмехнулся Джарвис.— Представляешь, какое изящное решение?

Пурс кивнул, а Гаррисон поставил новый вопрос:

— А как им удалось прокопать эту чудовищную сеть водных артерий, располагая лишь тепловой и электрической энергией?

— На этот вопрос могу ответить и я,— сказал Пурс.— Если предположение Джарвиса о других видах энергии верно, то тут и гадать нечего. Хотя они могли справиться и примитивными способами, поскольку атмосферное давление на Марсе уменьшает трудозатраты, а любая машина — по этой же причине — работает значительно эффективнее. Например, производительность обычного паровика увеличилась бы здесь в двадцать семь раз.

— А на что мы еще не имеем ответа? — спросил Гаррисон.

— К сожалению, мы так и не узнали ничего о прошлом Марса. Здесь можно надеяться только на книги,

если их удастся расшифровать. Осталась неясной деятельность бочкоподобных обитателей курганов, а также происхождение силиконовой формы жизни. Кроме того, остается открытым вопрос, побывали марсиане на Земле или нет. Здесь пригодились бы расшифровки древнеегипетского письма, да с этим дело как-то не заладилось. И еще хорошо бы установить, что это за трехглазые существа, к которым Твил отнесся весьма неодобрительно. Если подумать, то перечень нерешенных вопросов может только возрасти.

— А теперь я задам тебе, Дик, последний вопрос и надеюсь, ты дашь на него правдивый ответ.— Джарвис насторожился и отвел взгляд от капитана «Ареса», а тот неумолимо продолжил: — Каким образом ты отблагодарил Твила за то, что он спас и тебя, и Жака?

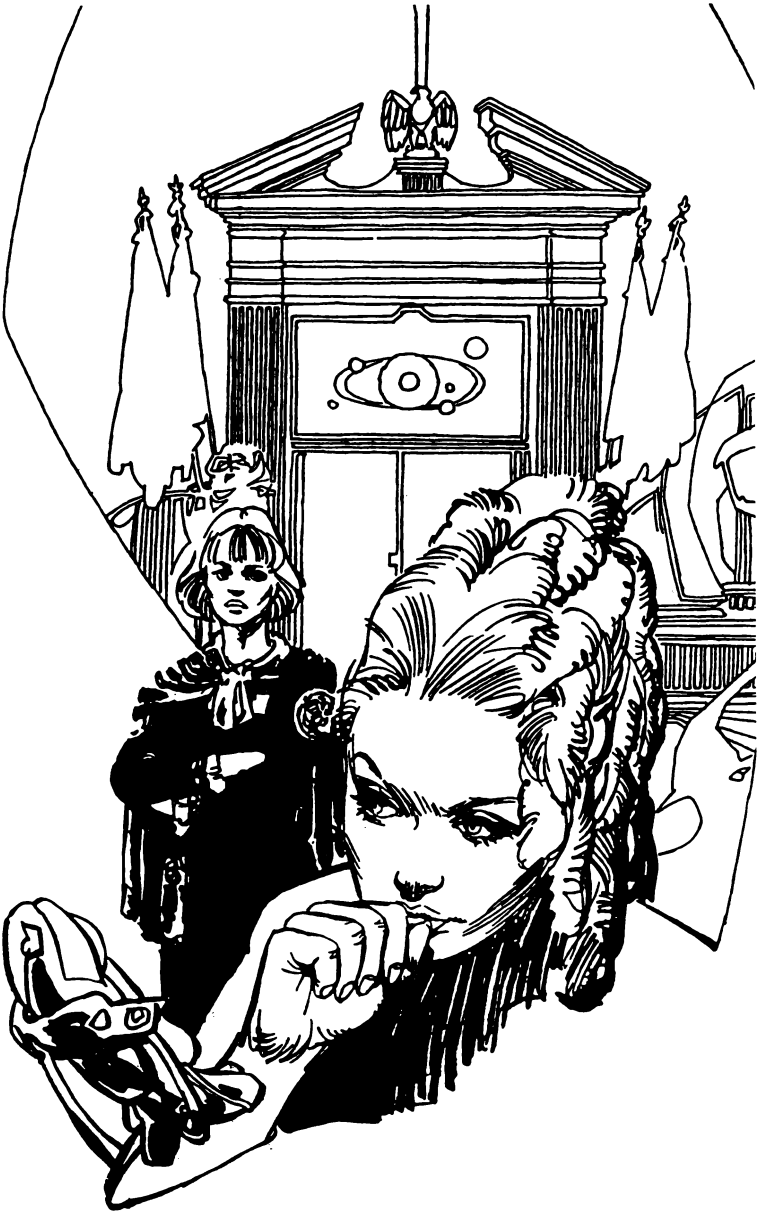
Джарвис открыто взглянул на Гаррисона и сказал:

— Я подарил ему двигатель с разрушенного челнока и объяснил, как им пользоваться. Более того, я рассказал ему способ высвобождения энергии путем превращения водорода в гелий. Он понял меня и старательно перенес мои эскизы, выполненные на песке, в некое подобие блокнота, извлеченного все из той же сумки. А затем мы на прощанье спели несколько песен — даже Лерой подпевал! — и он поскакал за подмогой, чтобы перенести движок в город, а мы полетели сюда.

— Я так и думал, что дружба со страусом до добра не доведет,— сокрушенно проговорил Гаррисон.— Ты передал потенциальному врагу секрет ядерного оружия, которое он сможет обратить против землян. Какое непростительное мальчишество, если не сказать — предательство!

— Ты ошибаешься, капитан,— твердо проговорил Дик Джарвис.— Народ Твила никогда не станет воевать с нами. Надеюсь, мы поступим так же. Марс вряд ли заинтересует промышленные или политические круги — их привлекает только возможность поживиться. А вот для научного мира работы здесь непочатый край. К тому времени, как сюда нагрянут исследователи, на планете будет уже иная жизнь. Я надеюсь, что пустующие города возродятся, каналы заполнятся водой и планета с разумными существами вернется к жизни.

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ АДАПТАЦИИ



ОЧКИ ПИГМАЛИОНА

— И вы до сих пор верите в реальность? — спросил невысокий, похожий на гнома человечек.

Вокруг шумели темные деревья Центрального парка. Свет из окон домов на 5-й авеню пробивался сквозь густую листву и казался отблеском кроманьонских костров.

— Это — реальность? — повторил коротышка.— Это сон, это — иллюзия, я мерещусь вам, вы — мне.

«Надо меньше пить,— подумал Дэн Берк.— А если все-таки выпьешь лишнего— не уползать с вечеринки в парк и не болтать со всякими ненормальными». Слава богу, завтра он уже будет дома, в Чикаго.

— Вы пьете для того, чтобы сделать реальность сном, не так ли? — продолжал незнакомец.— Или для того, чтобы вам приснилось исполнение ваших желаний? Вы пьете, чтобы убежать от реальности, а ирония в том, что даже сама реальность есть сон, что подтверждает философ Беркли.

— Беркли! — эхом отозвался Дэн. Что-то такое было в университетском курсе философии.— Епископ Беркли, да?

— Ах, так он вам известен? Браво, браво! Беркли утверждал, что привычные нам чувства — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус — всего лишь продукты фантазий нашего мозга. А раз так, то и все предметы, которые мы видим, слышим или ощущаем, существуют только у нас в мозгу.

— Но мы видим одно и то же,— возразил Дэн.

— Как же может быть иначе, если я являюсь вашим сном?

Дэн рассмеялся:

— Послушайте, легко спорить с реальностью, утверждая, что это иллюзия. Но если прав ваш друг Беркли, почему вы не можете превратить сон в реальность?

— Это делают все художники,— тихо сказал старичок.

— Это преувеличение,— буркнул Дэн.— Никто не спутает портрет и человека, кадры на кинопленке и реальную жизнь.

— Никто...— прошептал его собеседник.— Ну, а если я это сделал, что вы скажете тогда?

— Что вы сделали?

— Претворил сон в действительность.— В его голосе зазвучали гневные нотки.— Дураки! Я привез свой фильм сюда, в Уэстмен, киношникам, и что же они говорят? «Неясно, что с этим делать. Это кино для одного зрителя. Слишком дорого обойдется». Дураки! Идиоты!

— Что-о?

— Я Альберт Людвиг — профессор Людвиг. Вам это имя ничего не говорит, а? Но слушайте: кино — это картинка и звук. Предположите, что я добавляю к этому вкус, запах, даже осязание. Представьте себе: вы участвуете в сюжете, разговариваете с героями, а они вам отвечают, вы — полноправный участник истории. Разве не будет это превращением сна в действительность?

— Какой же дьявол помог вам это сделать?

— Какой? Мой жидкий позитив, затем — мои магические очки. Я составил сложный раствор, понимаете? Я добавляю в него вкус химическими средствами и звук — электрическими. И когда сюжет записан, я помещаю раствор в свои очки-кинопроектор. И в этом растворе — сюжет, зрелище, вкус, запах, звук — все!

— А осязание?

— Если вы достаточно захвачены сюжетом, ваш мозг его добавляет.— Нетерпение зазвучало в его голосе.— Хотите на это посмотреть, мистер...

— Берк,— представился Дэн.

«Мошенник»,— подсказывал ему здравый смысл. Но бесенок алкоголя шепнул: «А почему бы и нет?»

Людвиг жил в отеле неподалеку.

Очутившись у него в комнате, Дэн споткнулся о какую-то сумку, и из нее вывалились очки, резиновый загубник и газовая маска незнакомой конструкции. Дэн рассматривал эти предметы, в то время как маленький бородатый профессор размахивал бутылкой, наполненной жидкостью.

— Вот он,— торжествующе объявил профессор,— мой жидкий позитив. Снимать сложно — чертовски сложно,— а поэтому сюжет самый простой. Утопия: всего два действующих лица и вы, зритель. Ну, надевайте же очки. Наденьте их, и скажете мне, что за дурни эти люди в Уэстмене.

Он перелил часть жидкости в маску и подсоединил скрученный проводок к приспособлению, лежащему на столе.

— Выпрямитель,— пояснил он.— Для электролиза.

— Разве не нужно использовать всю жидкость? — удивился Дэн.— Ведь, если берется только часть, воспроизведется только часть сюжета.

— Весь сюжет содержится в каждой капельке,— возразил профессор.— Ну что же, начинаем!

Жидкость перед глазами Дэна внезапно заволоклась белым облаком, в ушах загудело. Он хотел уже сорвать маску с лица, но туман начал таять. Дэн увидел перед собой лес. Но что это был за лес! Невероятный, неземной, прекрасный! Гладкие стволы тянулись прямо в ясное небо, в вышине раскачивались окутанные туманом громадные ветви, и листья у вершин светились, пронизанные солнечными лучами. Алые цветы на ветвях источали сладкий аромат. Дэн слышал свист и щебет вокруг — точно играли дудочки невидимых фей.

«Иллюзия,— сказал он себе.— Искусное оптическое устройство, а вовсе не действительность». Он потянулся к подлокотнику, без труда нащупал его, потом наклонился. Он видел перед собой землю, покрытую мхом, но пальцами ощущал тонкий гостиничный ковер.

И тогда — вдали, за утренним туманом,— Дэн уловил какое-то движение. Кто-то приближался к нему. Скоро Дэн разглядел очертания гибкой девичьей фигурки.

На ней было одеяние из серебристой полупрозрачной ткани, светящееся, словно звездные лучи; узкая серебристая лента перетягивала ее блестящие черные волосы. Ее крошечные босые белые ножки утопали во мху. Девушка остановилась прямо перед Дэном, пытливо вглядываясь в его лицо, и вдруг улыбнулась.

— Кто ты? —задал вопрос Дэн.

— Английский? — спросила она.— Я немного говорю по-английски.— Она выговаривала слова медленно и старательно.— Я ему научилась у...— она заколебалась,— у отца моей матери, которого называют Седым Ткачом.

— Кто ты?— повторил Дэн.

— Меня зовут Галатея,— ответила она.— Я пришла, чтобы найти тебя

— Найти меня?

— Левкон, которого называют Седым Ткачом, сказал мне, что ты останешься с нами на два дня,— пояснила она с улыбкой.— Как тебя зовут?

— Дэн,— пробормотал он.

— Какое странное имя! — удивилась девушка. Она протянула к нему обнаженные руки.— Пойдем!

Дэн дотронулся до ее протянутых пальцев, без малейшего удивления ощутив их живое тепло. Он забыл о парадоксах иллюзии; это больше не было иллюзией для него. Ему казалось, что они идут по дерну, который пружинил под ногами. Он взглянул вниз и заметил, что на нем серебристое одеяние, а ноги у него босые; и тут же почувствовал легкий ветерок на коже, а ноги ощущали мох.

— Галатея, что это за место? — спросил он изумленно.— На каком языке ты разговариваешь?

Она рассмеялась:

— Как, на паракосмическом, разумеется,— это и есть наш язык.

— Паракосмический,— пробормотал Дэн.— Паракосмический! Страна-за-пределами-Мира!

— Кажется ли реальный мир странным,— спросила вдруг Галатея,— после этой твоей страны теней?

— Страны теней? — переспросил озадаченный Дэн.— Но тени здесь, а не в моем мире!

— Ф-фу! — Она дерзко надула губки.— В таком случае, я полагаю, что призрак — я, а вовсе не ты? — Она рассмеялась.— Неужели я похожа на привидение?

Дэн не ответил. Вскоре они вышли к берегу реки. Хрустально чистая вода звенела и булькала, прокладывая путь к сверкающему вдали озеру. Галатея напилась, зачерпывая воду сложенными чашечкой ладонями.

Дэн последовал ее примеру и нашел, что вода обжигающе холодна.

— Как нам перейти на тот берег? — спросил он.

— Ты можешь перейти вброд вон там,— она указала на освещенные солнцем мели над крошечным водопадом,— но я всегда перебираюсь здесь.

Девушка оттолкнулась от берега и вошла в воду, точно серебряная стрела. Дэн, слегка уязвленный, прыгнул следом; вода обожгла его тело, точно шампанское, но, сделав два-три гребка, он очутился на том берегу, рядом с Галатеей. Платье облекало ее мокрое тело, точно ножны клинок, и Дэн едва смог оторвать от нее взгляд.

Теперь они шли по лугу, усыпанному цветами. И дудочки фей все так же звенели в пронизанном лучами солнца воздухе.

— Галатея,— внезапно спросил Дэн,— откуда же исходит эта музыка?

— Какой же ты глупый,— засмеялась она.— От цветов, конечно. Вот, смотри!

Она сорвала пурпурный цветок-звезду и приложила к уху Дэна. Из цветка слышалась тихая, но ясная мелодия.

Впереди показалась новая рощица, состоящая из молодых деревьев, покрытых цветами и плодами. Через рощу, журча, пробегал маленький ручеек. В глубине ее виднелось увитое плющом одноэтажное здание из белого мрамора. Широкие окна не были застеклены. По тропинке, выложенной разноцветными камешками, они прошли через арку туда, где на каменной

скамье их ожидал седобородый патриарх. Галатея обратилась к старику на певучем языке, который напомнил Дэну музыку цветов.

Старик поднялся со скамьи и заговорил по-английски.

— Мы с Галатеей счастливы приветствовать тебя, так как гости здесь редки, а особенно пришельцы из твоей страны теней.

Дэн смущенно поблагодарил за гостеприимство, старик кивнул, снова усаживаясь на резную скамью; Галатея куда-то упорхнула, а Дэн опустился на свободную скамейку.

— Левкон,— спросил он,— каким образом ты узнал, что я иду сюда?

— Мне сказали.

— Но кто?

— Никто.

— Как же это — ведь кто-то должен был тебе сказать?

Седой Ткач только торжественно кивнул:

— Просто мне сказали.

Вернулась Галатея, неся хрустальную вазу с неизвестными плодами. Дэн, решивший всецело довериться своим хозяевам, выбрал бледный прозрачный яйцевидный плод и тут же залил свой костюм сладким густым соком. Галатея расхохоталась и выбрала для себя такой же плод, откусила крошечный кусочек, а содержимое вылила себе в рот. Дэн взял другой плод, пурпурный и терпкий, точно рейнское вино, а потом еще один, наполненный съедобными орешками. Галатея радостно хохотала, видя его удивление, и даже Левкон улыбнулся. Наконец Дэн выбросил последний огрызок в протекавший рядом ручей, и он заплясал на волнах, приближаясь к реке.

— Галатея,— спросил Дэн,— а ты когда-нибудь бываешь в городе? Какие города есть в Паракосме?

— Города? А что такое — города?

— Ну, такие места, где много народу живет поблизости друг от друга.

— О-о,— произнесла девушка, нахмурившись.— Нет. Здесь нет никаких городов.

— Тогда где же население Паракосма? Должны же у вас быть какие-то соседи.

Девушка выглядела удивленной.

— Мужчина и женщина живут вон там,— она указала на голубые холмы на горизонте.— Я там была однажды, но мы с Левконом предпочитаем долину.

— Но неужели вы с Левконом одни в этой долине? Что случилось с твоими родителями?

— Они ушли. Вот этой дорогой — к восходу солнца. Когда-нибудь они вернутся.

— А если нет?

— Почему же, глупец? Что может им помешать?

— Дикие звери,— объяснил Дэн.— Ядовитые насекомые, болезни, наводнение, буря, люди, не соблюдающие закон, смерть!

— Никогда не слыхала таких слов,— покачала головой Галатея.— Что такое — смерть?

— Это...— Дэн беспомощно умолк.— Это как будто ты засыпаешь — и больше никогда не просыпаешься. Это то, что случается с каждым в конце жизни.

— Никогда не слышала о конце жизни,— решительно заявила девушка.— Не бывает такого.

— А что происходит, когда человек становится старым?

— Ничего, глупый! Никто не становится старым, пока сам не захочет, как Левкон. Человек доходит до того возраста, который ему больше всего нравится, и тогда останавливается. Это же закон!

— А ты уже остановилась?

— Нет еще,— девушка покраснела.

— А когда ты остановишься, Галатея?

— Когда я рожу того единственного ребенка, который мне позволен. Видишь ли... ведь нельзя... вынашивать детей... после этого.

— Позволен? Позволен кем?

— Законом.

— Законы! Что же, здесь всем управляют законы? А как насчет возможностей и случайностей?

— А что такое возможности и случайности?

— Разные неожиданности, непредвиденные события.

— Не бывает ничего непредвиденного,— возразила Галатея. И медленно повторила: — Не бывает ничего непредвиденного.

Дэну показалось, что в ее голосе звучит печаль.

Левкон поднял голову:

— Довольно,— сказал он резко и повернулся к Дэну: — Знаю я эти твои словечки: случайность, болезни, смерть. Они не для Паракосма. Прибереги их для своей нереальной страны...

— А тогда где же ты их слышал?

— От матери Галатеи,— отвечал Седой Ткач,— а она переняла у твоего предшественника — призрака, который посетил нашу страну до того, как родилась Галатея.

— Как он выглядел? — быстро спросил Дэн.

— Он был похож на тебя.

— Но его имя?

— Мы не говорим о нем,— сухо ответил старик.

Он поднялся и, не прощаясь, пошел в дом.

— Он будет ткать,— пояснила Галатея.

— Что же он ткет?

— Вот это! — Она потеребила пальцем материю своего платья.— Он ткет это из металлических прутьев очень умной машины. Я не знаю, каким способом.

— Кто сделал эту машину?

— Она всегда была здесь.

— Но, Галатея! Кто построил этот дом? Кто вырастил эти плодовые деревья?

— Они здесь были. Дом и деревья всегда здесь были.— Галатея подняла на него глаза.— Я же сказала тебе, что все было предусмотрено, с самого начала. Дом и машина были приготовлены для Левкона, для моих родителей и для меня. Есть место и для моего ребенка, который будет девочкой, и место для ее ребенка — и так далее.

Дэн с минуту поразмышлял.

— Так ты родилась здесь?

— Не знаю.

Присмотревшись к ней пристально, Дэн вдруг заметил, что ее глаза блестят от слез.

— Галатея, милая! Почему ты несчастлива? Что не так?

— Да нет же, все в порядке! — Она тряхнула своими черными локонами и внезапно улыбнулась Дэну.— Что может быть не так? Как может человек быть несчастлив в Паракосме? — Она выпрямилась и взяла его за руку: — Пойдем! Давай собирать плоды на завтра!

Она побежала в рощу, подпрыгнула, сорвала с ветки большой золотой шар и бросила его Дэну. Вскоре он уже сгибался под тяжестью богатого урожая. Галатея резвилась, как молодая кошка. Дэн следил за ней с болезненным томлением. Внезапно она повернулась к нему; мгновение они стояли неподвижно, глаза в глаза, а потом Галатея отпрянула и медленно направилась к арке крыльца. Дэн шел за ней, нагруженный плодами.

В дальнем углу просторной комнаты старый Левкон склонился над каким-то сложным блестящим механизмом; когда Дэн вошел, старик вынул из машины длинный серебристый кусок материи, сложил его и аккуратно отложил в сторону.

Галатея остановилась в дверях. Дэн поставил вазу с плодами на скамью возле входа.

— Это для тебя,— сказала девушка, показывая на следующую комнату.

Дэн заглянул в небольшую уютную комнатку; в окне виднелись звезды; изо рта мраморной маски, украшавшей стену, изливалась и падала в шестифутовую раковину на полу тонкая струя воды. В комнате была всего лишь одна скамья, застеленная серебряной тканью; с потолка на цепочке свешивалась светящаяся сфера. Дэн повернулся к девушке, чьи глаза все еще оставались непривычно серьезными.

— Все замечательно,— сказал он,— но, Галатея, как мне погасить свет?

— Погасить? — удивилась она.— Ты можешь его закрыть — вот так!

Она накрыла светящуюся сферу металлической крышкой. В темноте Дэн особенно остро ощутил близость прекрасного юного тела.

— Милая тень! — тихо проговорила Галатея.— Надеюсь, тебе приснится музыка.

Она вышла.

Казалось, почти тотчас наступил рассвет, и за окном снова засвистели дудочки эльфов, а на пол комнаты легли красноватые лучи света. Дэн умылся под струей воды. Сфера все еще мерцала. Он дотронулся до светильника — тот был холодным, точно металл. Дэн пересек большой зал и вышел из дома.

Галатея танцевала на тропинке, поедая неизвестный плод, розовый, точно ее губы.

— Пойдем! — позвала она.— К реке!

И вот они уже смеются, отчаянно брызгаясь в искристой холодной воде. Дэн вылез на берег вслед за девушкой.

— Галатея,— спросил он,— кого ты для себя выберешь?

— Не знаю,— ответила она.— Когда настанет время, он придет. Таков закон.

— И ты будешь счастлива?

— Конечно,— она казалась встревоженной.— Разве не все счастливы?

— Но не там, где я живу, Галатея.

— Тогда это должно быть странное место — этот твой призрачный мир. Ужасное место.

— Оно такое и есть,— согласился Дэн.— Я хотел бы...

Он остановился. Чего бы он хотел? Он взглянул на девушку, на ее блестящие темные волосы, на ее глаза, на ее мягкую белую кожу,— а затем попытался нащупать ручки гостиничного стула... и у него ничего не получилось.

Он улыбнулся и вытянул пальцы, чтобы коснуться ее обнаженной руки. На секунду она замерла, потом вскочила на ноги:

— Пойдем! Я хочу показать тебе мою страну.

Что это был за день! Они обследовали всю речушку, от водопада до озера. Каждый поворот открывал новый прекрасный пейзаж. Галатея и Дэн то разговаривали, то молчали; когда они чувствовали жажду, они пили из реки, когда ощущали голод — срывали плоды. Галатея сплела для Дэна яркий венок, и далее он шел, слушая над собой сладкозвучное пение. Но понемногу красное солнце начало склоняться в сторону леса. Дэн первым это заметил, и они неохотно двинулись в обратный путь.

Когда они вернулись, Галатея запела незнакомую песню, плавную и мелодичную. И опять глаза ее наполнились печалью.

— Что это за песня? — поинтересовался Дэн.

— Это песня, которую пела другая Галатея — моя мать.— Она положила руку ему на плечо: — Я переведу ее для тебя.

В цветах, в траве течет река,
С цветами и с травой поет:
«Вернешься ты наверняка,
Хоть пролетит за годом год».
Их песня льется сквозь года,
Ее слова услышишь ты,
В печали разберешь тогда:
«Река все лжет»,— поют цветы.

На последних нотах голос ее дрогнул; она замолчала.

— Галатея...— осторожно начал Дэн,— это печальная песня, Галатея. Почему же твоя мать была печальна? Ты же говорила, что все в Паракосме счастливы.

— Она нарушила закон.— Галатея посмотрела ему прямо в глаза.— Это неизбежный путь к печали.— Она влюбилась в призрак! Он, как и ты, явился и погостил здесь, а потом ему надо было возвращаться. Так что, когда пришел предназначенный ей возлюбленный, было слишком поздно, понимаешь? Она стала навеки несчастной и бродит по миру с места на место. Я никогда не нарушу закон,— заявила она решительно.

Дэн взял ее за руку.

— Я хочу, чтобы ты всегда была счастливой, Галатея.

Она тряхнула головой:

— Я счастлива,— сказала она и улыбнулась нежной мечтательной улыбкой.

Тени лесных деревьев-гигантов пересекли реку, и солнце спряталось в них. Они шли рука об руку, но, когда добрались до выложенной разноцветными камешками тропинки возле дома, Галатея отпрянула от Дэна и быстро зашагала вперед. Когда он подошел к дому, Левкон сидел на своей скамье у входа. Галатея обернулась, и Дэну почудилось, что в ее глазах снова блеснули слезы.

— Я очень устала,— призналась она и скользнула внутрь.

Дэн шагнул за ней, но старик поднял руку.

— Друг из царства теней,— сказал он,— задержись на минутку.

Дэн сел на скамью.

— Я говорю это, не желая причинить тебе боль,— продолжал Левкон,— если призраки способны чувствовать боль. Дело вот в чем: Галатея любит тебя, хотя, я полагаю, она еще этого не осознала.

— Я тоже ее люблю,— признался Дэн.

Седой Ткач уставился на него:

— Не понимаю. Субстанция и в самом деле может любить тень, но как тень может любить субстанцию?

— Я люблю ее,— настаивал Дэн.

— Тогда — горе вам обоим! Потому что это невозможно, это противоречит законам. Суженый для Галатеи назначен, возможно, он уже приближается.

— Законы! Законы! — пробормотал Дэн.— А чьи это законы? Не Галатеи — и не мои!

— Но они существуют,— настаивал Седой Ткач.— Ни ты, ни я не можем их критиковать — хотя я все же не понимаю, какая сила могла их отменить и допустить твое присутствие здесь!

— Я не голосовал за ваши законы.

Старик пристально поглядел на него:

— А разве кто-то где бы то ни было голосует за законы? — спросил он.

— В моей стране — мы голосуем,— парировал Дэн.

— Безумие! — проворчал Левкон.— Закон, созданный людьми! Какая польза в созданных людьми законах? Если вы, тени, создадите закон, что ветер может дуть только с востока, разве западный ветер подчинится ему?

— Мы принимаем такие законы,— признал Дэн с горечью.— Они могут быть глупыми, но они ничуть не более несправедливы, чем ваши.

— Наши законы,— заявил Седой Ткач,— это неизменяемые законы мира, законы природы. Насилие — всегда несчастье, я это видел. Теперь,— продолжал он,— я вынужден просить тебя о милосердии: твое пребывание здесь коротко, и я прошу, чтобы ты не причинил

большего вреда, чем тот, который уже сделан. Будь же милосерден: пусть ей будет не о чем сожалеть.

Снова он проснулся на рассвете, и снова его встретила Галатея. Она поставила на стол вазу с фруктами и приветствовала его улыбкой.

— Пойдем со мной,— позвал он.

— Куда?

— На берег реки. Поговорить.

По дороге они молчали. Сегодня музыка цветов звучала тише. Гряда холмов на горизонте расплылась, утонула в голубой дымке.

Галатея указала рукой на красное утреннее солнце.

— Времени так мало,— сказала она.— Скоро ты отправишься в свой мир призраков. Я буду очень, очень сожалеть.— Она дотронулась пальцами до его щеки.— Милая тень.

— Предположим,— хрипло произнес Дэн,— что я не уйду. Что если я останусь здесь?

— Так не бывает,— прошептала она.— Нельзя, дорогой мой. Нельзя!

— Я люблю тебя, Галатея,— сказал Дэн.

— А я тебя,— прошептала она.— Видишь, милая тень, я нарушаю тот же самый закон, который нарушила моя мать, и я рада встретиться с горем.— Она с нежностью накрыла его руку своей.— Левкон очень мудр, и я вынуждена слушаться его, но это за пределами его мудрости, потому что он позволил себе стать таким старым.— Она помолчала, потом повторила медленно: — Он позволил себе стать таким старым.

Странный отсвет мелькнул в ее темных глазах, когда она резко повернулась к Дэну.

— Дорогой мой! — сказала девушка напряженно.— То, что случается со стариками, когда... после смерти! Что за ней следует?

— Что происходит с человеком после смерти!..— переспросил он.— Никто не знает этого.

— Но...— Ее голос дрогнул.— Ведь не может человек просто... просто исчезнуть! Должно быть пробуждение...

— Кто знает? — повторил Дэн.— Есть такие, кто верит, что мы просыпаемся в более счастливом мире, но...— Он безнадежно покачал головой.

— Это должно быть правдой! О, это должно быть правдой! — вскричала Галатея.— Для вас должно существовать нечто большее, чем тот безумный мир, о котором ты говоришь.— Она наклонилась к нему очень близко.— Предположим, мой дорогой, что я отошлю прочь назначенного мне возлюбленного, когда он появится. Предположим, что я не рожу ребенка, я состарюсь, стану старше Левкона, а потом умру. Соединюсь ли я с тобой в твоем более счастливом мире?

— Галатея! — воскликнул он в смятении.— О любимая моя, что за ужасная мысль!

— Более ужасная, чем тебе представляется,— прошептала она, все еще склоняясь очень близко к нему.— Это больше, чем оскорбление закона, это бунт! Все распланировано, все имеет предназначение, и если у меня не будет ребенка, место моей дочери останется незанятым, а потом — места ее детей и их детей, и так далее, вплоть до дня, когда великий план Паракосма будет некому исполнять. Это — гибель и разрушение, но я люблю тебя больше, чем жизнь.

Дэн порывисто обнял ее:

— Нет, Галатея! Нет! Обещай мне!

Она прошептала:

— Я могу обещать — а потом нарушу свое обещание.

Она опустила голову, их губы соприкоснулись, и он ощутил в ее поцелуе благоухание и сладость меда.

— По крайней мере,— выдохнула она — я могу дать тебе имя, милая тень. Филометр! Мера моей любви!

— Имя? — пробормотал Дэн.

Внезапно он нашел решение парадокса Людвига.

— Галатея! — воскликнул он.— Ты помнишь мое имя?

Она молча кивнула, устремив на него печальный взгляд.

— Тогда произнеси его! Произнеси его, милая!

Она уставилась на него, но не произнесла ни звука.

— Произнеси же его, Галатея! — отчаянно умолял он.— Мое имя, дорогая, только мое имя!

Губы ее шевельнулись, она побледнела от усилия. Дэн мог бы поклясться, что его имя затрепетало на ее губах, но вместо этого она закричала:

— Я не могу, дорогой! О, не могу! Закон это запрещает!

Рыдая, она бросилась к дому. Дэн побежал следом по выложенной камешками тропинке, но в роще у ручья он обнаружил только Седого Ткача. При виде Дэна тот поднял руку:

— У тебя мало времени,— напомнил он.— Отправляйся и подумай о том, что ты натворил!

— Где Галатея? — задыхаясь, выговорил Дэн.

— Я отослал ее.

Старик загородил вход в дом; еще мгновение — и Дэн ударом кулака отшвырнул бы его с дороги, но тут его осенило. Он быстро оглянулся. За рекой, на краю леса, мелькнул край серебристого одеяния. Дэн повернулся и помчался туда, а Седой Ткач смотрел ему вслед.

— Галатея! — звал Дэн.— Галатея!

Теперь он был над рекой, на лесном берегу, он бежал прямо через скопления деревьев, которые расступались перед ним, точно туман. Тонкие белые хлопья плясали у него перед глазами. Паракосм таял.

Ему казалось, что сквозь этот беспорядочный хаос он видит смутные очертания тела девушки, но тут деревья испарились, а небо потемнело. Он внезапно понял, что больше не стоит посередине дикой прогалины, а его руки вцепились во что-то гладкое и твердое — и это были подлокотники гостиничного стула! И тогда, в последний миг, он увидел ее, Галатею, с искаженным горем лицом, ее наполненные слезами глаза. С отчаянным криком Дэн поднялся и упал навзничь.

Вокруг были стены — стены Людвиговой комнаты: он, должно быть, упал со стула. Магические очки лежали перед ним; одна линза разбилась, и из нее вытекала жидкость — уже не прозрачная, как вода, но белая, как молоко.

— Боже! — пробормотал он.

Его охватило горькое чувство утраты. Комната была грязная, отвратительная, хотелось поскорее из нее выбраться. Он машинально взглянул на часы: четыре; должно быть, он просидел тут не меньше пяти часов. И тут он впервые понял, что Людвига здесь нет. Дэн был рад этому.

Добравшись до своей комнаты в отеле, он упал на кровать.

Влюбиться в видение! И еще того хуже: в девушку, которая никогда не существовала! В фантастическую Утопию, которой в буквальном смысле не было НИГДЕ! Галатея! Галатея — статуя Пигмалиона, в которую вдохнула жизнь Венера. Но его Галатея, теплая, милая и живая, должна навеки остаться безжизненной, так как он сам не Пигмалион и не Господь Бог.

Дэн проснулся поздно и несколько мгновений искал глазами фонтан и бассейн Паракосма. Неужели прав был Людвиг, и между реальностью и сном нет разницы?

Он переменил свою измятую одежду и пошел бродить по улицам. Наконец нашел отель Людвига и в ответ на расспросы узнал, что маленький профессор выехал, не оставив адреса.

Ну и что из этого? Ведь Людвиг не может дать Дэну то, что он ищет: живую Галатею. Дэн даже обрадовался, что тот исчез: он возненавидел маленького профессора. Профессора? Гипнотизеры тоже называют себя «профессорами». Он кое-как прожил этот день, а затем, после бессонной ночи, уехал в Чикаго.

Второй раз они увиделись уже зимой. Дэн внезапно заметил коротышку на чикагской улице и, сам не зная зачем, окликнул его:

— Профессор Людвиг!

Тот с улыбкой поклонился.

— Извините меня за ваш аппарат, профессор. Я был бы рад заплатить за ущерб.

— А-а, это не важно — подумаешь, разбитое стекло! Но вы — вы что, болели? Вы выглядите значительно хуже, чем тогда.

— Ерунда,— отмахнулся Дэн.— Ваше зрелище было великолепно, профессор, великолепно! Я бы вам сразу это сказал, но вас не было, когда я очнулся.

Людвиг пожал плечами:

— Я вышел в вестибюль за сигарой. Пять часов с восковой моделью, знаете ли...

— Это было великолепно! — повторил Дэн.

— Получилось так реально? — улыбнулся Людвиг.— Тогда это только благодаря вашему сопереживанию. Оно включает самогипноз.

— Это выглядело так реально,— хмуро повторил Дэн.— Прекрасная неизвестная страна.

— Вместо деревьев были мхи и лишайники под лупой,— объяснил Людвиг.— Все это старые фототрюки. Плоды — резиновые; дом — летнее здание нашего кампуса в Университете. А голос мой: вы совсем ничего не произносили, кроме своего имени в самом начале, для этого я оставил пропуск. Я играл вашу роль: я ходил с камерой, укрепленной на голове, чтобы все время поддерживать тот же угол зрения, что у наблюдателя. Понятно?

— Минутку! — У Дэна перехватило дыхание.— Вы сказали, что играли мою роль. Тогда Галатея... она что, тоже реальна?

— Тея достаточно реальна,— подтвердил профессор.— Моя племянница, старший преподаватель в Университете, увлекается драматическим искусством. А что? Вы хотите с ней познакомиться?

Дэн поспешно кивнул, мгновенно сделав окончательный выбор между иллюзией и реальностью.

ОСТРОВ ПРОТЕЯ[1]

Темнокожий маори, сидевший на носу лодки, повернулся к Карверу и покачал головой.

— *Табу!* — воскликнул он.— *Табу! Остин — табу!*

Карвер поднял голову и посмотрел на остров.

Проа скользила по зеленым волнам, потом начала резко отклоняться от курса. Карвер рассвирепел.

— Маллоа! Правь! Да правьте же вы, свиньи шоколадные! Правьте, слышите вы?

Остров Остин был необитаем, его нанесли на карту совсем недавно. Местные жители не считали его священным, но почему-то боялись. Карвер заметил папоротниковые леса, такие же, как в Новой Зеландии, сосну Каури и даммару, темные поросшие лесом холмы, изгиб белого песчаного берега, а на нем — движущуюся точку.

«Apterix mantelli,— подумал Карвер,— птица киви».

Проа осторожно приближалась к берегу.

— *Табу*,— продолжал шепотом повторять Маллоа.— Он много *баньип*[2].

— Надеюсь, что так,— буркнул белый.— Мне стыдно будет возвращаться в Маккуэри без баньипа или

---

[1] Протей — морское божество в греческой мифологии, наделенное даром превращаться в разных животных, в деревья, в огонь и воду. (*Прим. перев.*)

[2] Баньип — сказочное существо из фольклора австралийских аборигенов, злой урод с вывернутыми назад ступнями. (*Прим. перев.*)

хотя бы нескольких фей.— Он усмехнулся.— «Bunyip Carveris» — баньип Карвера. Недурно, а? Будет неплохо смотреться в учебниках по естественной истории.

Киви спешил к лесу — если это вообще был киви. Он выглядел как-то странно, и Карвер скосил глаза, следя за ним. Конечно, это должен быть apteix; фауна на новозеландских островах слишком бедна. Одна разновидность собаки, один вид крысы да два вида летучей мыши, кошки, свиньи и кролики — вот и все.

Суденышко причалило. Колу, сидевший на носу, спрыгнул на берег и потянул лодку на песок. Карвер хотел последовать за ним, но его остановил крик Маллоа.

— Смотрите! *Вахи*! Деревья *баньипа*!

Карвер осмотрелся. Деревья — ну и что в них такого? Вон они, за береговой полосой, точно так же они окаймляют пески в Маккуэри и в Окленде. Затем он нахмурился. Он не ботаник, это поле деятельности Хэлбертона, который остался с Джеймсоном и с «Фортуной» на острове Маккуэри. И все же в этих деревьях, даже на взгляд дилетанта, было что-то странное. Сосны Каури чем-то отличались от настоящих каури, да и папоротники не походили на те, что он видел на Окленде и Маккуэри. Конечно, те острова находились на много миль севернее, но все-таки...

— Мутанты,— пробормотал он, нахмурившись.— Стремятся подтвердить дарвиновские теории изоляции. Надо будет взять парочку образцов для Хэлбертона.

— *Вахи*! — нервно напомнил Колу.— Мы назад теперь идти?

— Еще что! — взорвался Карвер.— Мы только что сюда попали! Ты что думаешь — мы проехали весь путь от Маккуэри, только чтобы зачерпнуть горсть песка с берега? Мы здесь останемся на день-два, чтобы я имел возможность понаблюдать за здешними животными. Да в чем дело-то?

— Деревья, *вахи*,— заныл Маллоа.— *Баньип*! Гуляющие деревья, говорящие деревья!

— Да ну? Гуляющие и говорящие, так? — Он схватил камешек с усыпанного галькой пляжа и швырнул его в ближайшие зеленые заросли.— Тогда давайте послушаем, как они ругаются!

Вращаясь в полете, камешек упал на плотный полог зеленой листвы. И тут же из кустов кто-то вылетел. Создание было величиной с воробушка, но с перепончатыми крыльями летучей мыши. В довершение ко всему это странное существо украшал двенадцатидюймовый хвост толщиной с карандаш, каких не бывает у добропорядочных летучих мышей.

Пару секунд эта птицемышь висела над кустами, помахивая своим странным хвостом и пронзительно крича: «Ви-и-ир! В-и-ир!» Затем она снова нырнула в сумерки леса, откуда вспугнул ее камень.

— Что за черт! — произнес Карвер.

В Новой Зеландии и прилегающих островах водятся только два вида рукокрылых, а эта тварь не принадлежит ни к тем, ни к другим! Ни у одной летучей мыши не бывает такого хвоста.

Колу с Маллоа подвывали дуэтом.

— Заткнитесь! — рявкнул зоолог.— Сегодня вечером мы поймаем этого парня- или одного из его кузенов. Мне понадобится образчик его племени. Ставлю доллар, что это какой-то новый вид Rhimolophidae. Разбивайте лагерь, а я поищу ручей.

Маллоа и Колу начали перешептываться, как только он отвернулся.

Перед Карвером простиралось побережье, белое в свете послеполуденного солнца, слева катил свои синие волны Тихий океан, а справа шумел тропический лес. К своему изумлению, Карвер не смог найти ни одного знакомого растения.

Во всяком случае, на отдаленных островах часто попадаются уникальные образцы флоры и фауны. Посмотрите-ка на остров Маврикий и его птицу додо; на галапагосских черепах, на новозеландских киви или на гигантских вымерших моа. «И все же,— Карвер нахмурился при мысли об этом,— никто еще не обнаружил острова, на котором росли бы только уникальные растения. Ветер, птицы или люди обязательно приносят семена с других островов».

Кроме того, такой опытный наблюдатель, как Моусон, в 1911 году непременно упомянул бы в рапорте об этой особенности острова Остин. Он этого не сделал;

китобойные суда, которые время от времени заглядывали сюда, направляясь в Антарктику, тоже никогда не упоминали об этом в своих донесениях.

Вскоре Карвер набрел на глубокий ручей, вытекающий из джунглей. Он нагнулся и зачерпнуло воду ладонью. Она была темноватой, но свежей. Большая удача! Едва ли на острове в семь миль длиной и в три шириной есть большой водный бассейн. Карвер проследил за ручьем вверх по течению, и какое-то едва заметное движение привлекло его внимание.

Новое невероятное создание стояло на коленях выше по течению ручья и шумно хлебало воду.

Дикие желтые глаза, сверкнув, уставились на Карвера, и существо выпрямилось. Оно стояло на двух ногах, достигая при этом не более двенадцати дюймов в высоту. Маленькие когтистые пальцы вцепились в ползучие растения, тело было покрыто клочками серого меха. Существо забило хвостом и злобно, по-кошачьи зашипело, обнажая множество острых как иголки зубов.

Карвер за свою жизнь много времени провел в ненаселенных местах планеты, поэтому при первом угрожающем жесте существа он, не раздумывая, выстрелил. Пуля пробила лист и оцарапала щеку зверя. В последний раз сверкнув желтым пламенем своих глаз, он прыгнул в заросли и исчез.

Карвер присвистнул.

— Во имя неба,— пробормотал он,— что это было?

Но времени на размышления у него оказалось мало: солнце тонуло в океане, и вот-вот должна была наступить непроглядная тропическая ночь. Зоолог поспешил назад, к лодке, как вдруг из-за низкого кораллового выступа, скрывавшего проа, до него донесся отчаянный крик!

Он побежал, вспрыгнул на вершину выступа и глянул вниз. На песке валялся ящик с инструментами, но само суденышко исчезло.

И тут Карвер увидел его — уже на расстоянии полудюжины кабельтов от берега, в заливе. Маллоа скорчился на корме. Кола правил лодкой, быстро и уверенно уводя ее в открытое море. Карвер закричал, но тут же понял, что беглецы уже находятся за пределами

слышимости. Он трижды выстрелил из пистолета, но маори даже не оглянулись.

В дикой ярости он смотрел вслед дезертирам, пока белый парус не исчез из виду. Наступила полная тьма. На юго-востоке засверкал великолепный Южный Крест, а на юге — таинственное Магелланово Облако. Но Карвер был не в состоянии любоваться ими.

Он размышлял. Во-первых, он вооружен. Во-вторых, на этих крошечных островках к югу от Оклендских не водятся хищники, да и в самой Новой Зеландии опасность представляет только человек.

Без сомнения, Маллоа и Колу отчаянно перепугались, но ведь так мало требуется, чтобы разбудить суеверные страхи полинезийца. В открытом море к ним еще может вернуться храбрость, и тогда они приплывут назад. Если нет, то они могут добраться до острова Маккуэри и до «Фортуны». Даже если они вместо этого доплывут до Оклендских островов, а там к себе на родину, на Чатамские острова,— все-таки Джеймсон начнет волноваться и через какие-нибудь три-четыре дня и организует поиски.

Опасности нет, говорил он себе, беспокоиться нечего. Самое лучшее, что можно предпринять,— это приняться за работу. К счастью, ящик, на котором Карвер сидел, был именно тот, где находились морилка для насекомых, сети, ловушки и капканы. Он может приступить к работе по своему плану, с одной лишь оговоркой — часть времени придется потратить на охоту и приготовление пищи.

Карвер раскурил трубку, устроил костер из плавника, лег возле пламени и приготовился заснуть.

Когда семь часов и пятьдесят минут спустя край солнца выглянул из-за горизонта, Карвер готов был признать, что ночь выдалась не такая уж удачная. Он не был чувствителен к укусам крошечных песчаных блох — его кожа давно уже загрубела. Но все же он не мог заснуть.

Почему? Он не был новичком. Много ночей Алан Карвер провел в диких и безлюдных местах, и тем не менее сегодня ночные звуки держали его в постоянном напряжении. Много раз за ночь он вздрагивал и просыпался, покрываясь нервным потом. Почему?

Карвер прекрасно знал, какие звуки может принести с собой ночь, ему был знаком любой птичий крик, любой писк летучей мыши. Но здешние шумы были незнакомыми и... как бы это сказать поточнее... слишком разнообразными!

Тем не менее к утру он проголодался и решил подстрелить какую-нибудь птицу себе на завтрак. Если дела пойдут плохо, можно будет подумать о крысах, собаках или летучих мышах. Этим исчерпывалась фауна острова. И тут Карвер нахмурился, вспомнив дикого желтоглазого чертенка, который скалился на него с берега ручья. Уж это всяко была не летучая мышь, не крыса и не собака. Кто же это был?

Все еще хмурясь, Карвер нащупал свой пистолет и убедился в его исправности. Он продолжал думать, что маори напугало их собственное воображение. Но то существо у ручья сложно было назвать плодом суеверия. Да и хвостатая летучая мышь, коль скоро он видел ее собственными глазами, не была фантазией туземцев.

Карвер решительно зашагал к папоротниковому лесу. Предположим, остров Остин действительно приютил нескольких мутантов, уродцев и редких образцов животных. Что из этого? Тем лучше: этот факт оправдывал экспедицию «Фортуны». Это может добавить еще кое-что к славе некоего Алана Карвера, зоолога, если он окажется первым, кто объявит об этом странном замкнутом мире. И все-таки — так странно, что Моусон не сказал об этом ни слова, да и китобои тоже.

На краю леса Карвер остановился. До него внезапно дошло, из-за чего этот лес выглядел так странно. Он понял, что имел в виду Маллоа, когда показывал на деревья. Карвер уставился недоверчивым взглядом, переводя взгляд с дерева на дерево. Действительно, среди них не было родственных видов. Не было даже двух схожих между собой деревьев. Каждое отличалось от других формой листьев, цветом коры, размерами ствола.

Но это же невозможно! Пусть Карвер не ботаник, но он понимал, что количество видов на острове должно быть ограничено самой интенсивностью конкуренции. Должно быть!

Что же это значит? Каково происхождение этого множества видов и семейств? Как любые из этих бесчисленных форм воспроизводят себя, если тут нет других, родственных, чтобы их оплодотворять?

Однако вскоре желудок напомнил о себе. Карвер заметил просеку, или тропинку, или, может быть, просто узкий проход в зарослях, и через минуту он уже пробирался сквозь сплетения ветвей, внимательно выискивая какую-нибудь птицу или плод.

На многих деревьях росли шарообразные или овальные фрукты разной величины, но Карвер не знал, съедобны ли они. Одно небо ведало, какие смертельные алкалоиды могли таится в этих незнакомых плодах.

Птицы порхали и кричали в ветвях, но пока что Карвер не видел ни одной достаточно крупной, чтобы тратить на нее пулю. Кроме того, еще одна странность привлекла его внимание: он заметил, что чем дальше он продвигался от моря, тем более необычными становились формы лесных деревьев. На берегу он мог, по крайней мере, причислить растение к его семейству, если не роду, но здесь даже этих различий было не разглядеть.

Он понял причину

— Прибрежная растительность скрещивается с семенами с других островов,— пробормотал он.

Что-то большое и тяжелое перепорхнуло с одного дерева на другое. Птица? Если так, то она куда крупнее всех прежних. Карвер осторожно поднял пистолет и выстрелил.

Лес отозвался эхом. Кто-то крупный обрушился вниз с долгим странным криком, немного побился в траве подлеска и затих. Карвер поспешно подошел — и в недоумении уставился на свою жертву.

Это была не птица, а какое-то ползающее создание, вооруженное острыми когтями и острыми зубами. Оно сильно напоминало небольшую собачку — если можно вообразить себе собачку, лазающую по деревьям.

Но существо это не было собакой. Втягивающиеся когти, заостренные зубы, желтые глаза... Это была не собака, но кошка!

Карвер перестал ощущать голод. Любопытство зоолога заглушило все первобытные инстинкты. Кошачья

тушка была не пищей, а редким образцом. Карверу необходимо добраться до берега и сделать все, чтобы сохранить необычный экземпляр. Несомненно, этого зверя назовут в его честь: Ftlis Carvtri, кошка Карвера.

Какой-то звук за спиной заставил его внезапно остановиться. Он осторожно поглядел назад. За ним следили. Кто-то крался через лесные дебри. Карвер ускорил шаг. Тени скользили и пробирались за ним, слева от него в лесной чаще послышался негромкий крик и вой, и тут же на этот крик ответили справа.

Карвер не осмелился побежать, понимая, что страх может вызвать агрессию у животного или у дикаря. Он просто зашагал быстро, как только мог, не проявляя при этом признаков паники, и наконец увидел песчаный берег. Здесь, на открытом месте, он, по крайней мере, увидит своих преследователей, если они захотят напасть.

Но они не захотели. Его никто не преследовал. И все же — там кто-то был. Рано или поздно Карверу придется заснуть, и тогда... Уж лучше вызвать их на поединок.

Карвер поднял пистолет, прицелился в быстро двигавшуюся тень и выстрелил. Раздался вой, остальные ответили ему. Карвер побежал к кустам.

Не меньше дюжины тварей выскочили из подлеска на песок. Стая отдаленно напоминала собак, но это не были охотничьи собаки Новой Зеландии или австралийские динго. И главное — они ничуть не походили друг на друга!

Стая двинулась вперед. У некоторых особей, похожих на псов, были длинные задние и короткие передние лапы. Один был вылитый волк-оборотень. Другой, величиной с крысу, вопил резким пронзительным голосом. Третий — могучий зверь с выпуклой грудью — стоял на задних лапах, а передними едва касался земли, как орангутанг.

Карвер снова выстрелил. Пуля размозжила череп одного из псов. Когда эхо от выстрела раскатилось между западными и восточными холмами, окаймляющими Остин, стая ответила угрожающим воем. Они сначала быстро отпрянули назад от тела своего товарища, а потом пошли вперед.

И снова Карвер выстрелил. Еще один труп упал на песок. В рядах нападающих произошло смятение.

Именно в этот момент брошенный с большой силой камень угодил человеку в плечо.

Карвер пошатнулся. Послышался еще один крик, как будто кто-то подбадривал псов, приказывая им идти в атаку, и второй камень просвистел мимо самого уха Карвера. Но на этот раз Карвер заметил чье-то движение на вершине утеса и тотчас выстрелил. Фигура, похожая на человеческую, со сдавленным криком скатилась с утеса в густой подлесок. Псы замерли, как будто вся их смелость испарилась. Точно тени, они помчались к лесу.

Карвер нахмурился, выждал секунду, затем побежал следом.

Фигура, без сомнения, казалась человеческой — но может ли это быть? Здесь, на этом безумном острове, какие угодно виды могли принимать любую форму. Карвер наклонился над павшим врагом, затем перевернул тело. И отказался верить своим глазам.

Это была девушка. Ее лицо, молодое и прекрасное, как у статуэтки из венецианской бронзы, поражало своими тонкими чертами. Она несомненно принадлежала к белой расе, хотя кожа ее загорела на солнце почти до золотого оттенка. Одеянием ей служила пятнистая, как у леопарда, шкура.

Неужели Карвер ее убил? Он начал искать рану — и нашел ее: слабо кровоточащая царапина над правым коленом. На виске алел большой кровоподтек. Но она была жива. Карвер поспешно взял ее на руки и понес к своему лагерю. Он встряхнул свою почти пустую флягу, потом запрокинул голову девушки и влил ей в рот несколько капель коньяка. Вскоре она открыла глаза, и минуту недоумевающе смотрела на Карвера. Зоолога поразили ее глаза — янтарные, почти золотые, и неистовые, настоящие очи вакханки. Ее рука сжимала рукоять деревянного ножа, висевшего на поясе.

Карвер жестом предложил ей флягу, но девушка отпрянула от его протянутой руки. Он потряс сосуд, и при звуке булькающей жидкости его пленница оживилась, взяла флягу, капнула себе на ладонь, а затем, к

удивлению Карвера, понюхала капельку, и ее изящные ноздри раздулись так широко, насколько это позволял ее маленький вздернутый носик. Через секунду она уже пила из сложенных чашечкой ладоней, налила еще порцию и выпила и ее. Однако, очевидно, ей и в голову не пришло, что можно пить из фляги.

Ее сознание прояснялось. Она увидела двух убитых тварей и что-то печально пробормотала. Затем она с ужасом уставилась на запекшуюся кровь на своем колене.

— Камо? — прошептала она.

Карвер понял, что этот звук напоминал английское come on, хотя весьма отдаленно.

— Куда? — улыбнулся он.

Девушка покачала головой.

— *Бу-у-ррруум*! — произнесла она.— *Зуу-ззз*!

Карвер понял. Она пыталась подражать звуку его выстрела и жужжанию пули. Он похлопал по стволу пистолета.

— Колдовство! — произнес он предостерегающе.— Лучше будь хорошей девочкой, поняла? — Было совершенно очевидно, что она ничего не поняла.— Thurubi? — попытался он спросить.— Ты маори?

Она молчала.

— Ладно,— буркнул Карвер.— Тогда — sptrechen Sie Deuhsch? Или канака? Или — что за черт? Это все, что я знаю,— Latinum intelligisne?

— *Камо*? — спросила девушка слабым голосом, устремив взгляд на пистолет. Она потерла царапину на своей ноге и кровоподтек на виске, очевидно, приписывая все это его оружию.

— Хорошо,— хмуро согласился Карвер.— Я тебе покажу. Смотри.

Он прицелился в сухую ветку, которая торчала из поваленного ветром бревна в конце коралловой косы. Ветка была толщиной с его руку, но, должно быть, здорово прогнила, потому что вместо того, чтобы отстрелить кусочек коры, пуля раздробила дерево в труху.

— О-о-о! — с силой выдохнула девушка, зажимая уши руками. Она была в настоящей панике.

— Нет, не надо! — воскликнул через мгновение Карвер.

Девушка вскинула руку с зажатым в ней кинжалом. Карвер поймал ее за запястье. Ее мускулы были стальными. Она отчаянно сопротивлялась, но потом разом обмякла, словно подумала: «Какой смысл бороться с богом?»

Карвер отпустил ее руку.

— Сядь! — рявкнул он.

Она подчинилась.

— Где твой народ? — спросил Карвер резко, показывая пальцем на нее, а затем махнув рукой в сторону леса.

Она недоуменно уставилась на него.

— Тогда — где твой дом? — он изобразил пантомимой, как человек спит.

Никакого результата.

— Да какого же дьявола,— пробормотал Карвер.— У тебя же есть имя — или нет? Имя! Смотри! — Он похлопал себя по груди.— Алан. Поняла? Алан. Алан.

Это она поняла тотчас же:

— Алан,— повторила она с благоговением, глядя на него снизу вверх.

Но когда он попытался добиться от нее, чтобы она сообщила свое имя, то потерпел полную неудачу.

Наконец девушка неуверенно поднялась на ноги и издала странный, низкий, печальный крик. На него моментально ответили из подлеска, и Карвер мгновенно выхватил пистолет, так как из кустов снова выскочила стая мутантов.

Девушка с отчаянным воем бросилась между ним и тварями с распростертыми руками, как будто желая защитить дикую компанию.

Карвер уставился на нее удивленно.

— О'кей,— решил он наконец.— Что значит парочка редких образчиков на острове, который ими так и кишит? Отошли их прочь.

Девушка, по-видимому, догадалась, что он сказал. Сверхъестественные существа беззвучно скрылась в лесу, а девушка отступила в сторону, как бы желая последовать за ними.

Карвер снова вспомнил, что в той части Остина, которую он обошел, он еще не видел двух одинаковых существ. Была ли эта девушка тоже мутанткой, существом какого-то иного вида, просто по какой-то случай-

ности принявшим человеческую форму? Или она являлась единственной представительницей человеческого племени, Евой до появления Адама? Была ведь женщина до Адама, вспомнил он.

— Назовем тебя Лилит,— произнес он задумчиво.

Это имя подходило к ее глазам цвета пламени. Лилит, таинственное существо, которое Адам обнаружил в раю еще до того, как создали Еву.

— Лилит,— повторил он.— Алан — Лилит. Поняла?

Она повторила и звуки, и жесты. Без единого вопроса она приняла имя, которое он ей дал.

Карвер вытащил трубку, набил ее, потом чиркнул спичкой и зажег. Он вздрогнул от тихого возгласа Лилит и, подняв голову, увидел ее протянутую руку. Сначала он не мог уразуметь, к чему она тянется, но тут же ее пальцы сомкнулись вокруг брошенной на песок спички! Она пыталась схватить пламя, как человек хватается за кусок трепещущей материи!

Девушка вскрикнула от боли и страха. Тотчас же несколько мутантов показались на опушке, гневно рыча, но Лилит, оправившись от неожиданности, произнесла несколько звуков и заставила стаю убраться прочь. Она пососала обожженные пальцы и удивленно посмотрела на Карвера. И он понял, что девушка не знает, что такое огонь!

Зоолог обработал спиртом ожог и царапину Лилит и призадумался.

— Ну, а теперь,— спросил Карвер, дымя трубкой,— что мне с тобой делать?

Лилит доверчиво смотрела на него.

— По крайней мере,— заключил он,— ты должна знать, что годится в пищу на этом безумном острове. Ты ведь ешь — или нет? — он изобразил процесс еды.

Девушка моментально поняла. Она встала, шагнула к тому месту, где лежала убитая кошка, и тщательно обнюхала ее. Потом сняла с пояса деревянный нож, отрезала сочный кусок мяса и протянула Карверу. Затем отхватила второй кусок и вонзила в него свои белоснежные зубы. Однако такой завтрак не устраивал Карвера.

— Фрукты,— сказал он.— Мясо с деревьев. Поняла?

Он повторил движения человека, который ест.

И снова девушка моментально догадалась, о чем идет речь, вскарабкалась на осыпающийся берег и исчезла среди листвы.

— Лилит! — громко закричал Карвер, взобравшись на скалу.

Она тут же вынырнула из джунглей, перед самым его носом и указала вверх. Над ними раздваивалась какая-то невиданная лоза, вся увешанная зеленовато-белыми плодами, размером и формой напоминающими куриные яйца. Лилит сорвала один, разделила его пополам, тщательно обнюхала, пофыркала, затем отшвырнула прочь.

— *Пабо*,— объявила она, с отвращением сморщив нос.

Потом она отыскала странный невзрачный плод, состоящий из пяти напоминающих пальцы выступов, растущих из волокнистых дисков, так что все это в целом напоминало крупную, плохо сформированную кисть руки. Лилит обнюхала этот плод так же тщательно, как и предыдущий, потом улыбнулась Карверу.

— *Бо*! — произнесла она, протягивая ему плод.

Карвер колебался. В конце концов, и часа не прошло с тех пор, как эта девушка пыталась его убить. Разве так уж невозможно, чтобы она теперь преследовала ту же цель, предлагая ему ядовитый плод?

— *Бо*! — повторила Лилит, а затем отломила кусочек и засунула себе в рот.

Карвер последовал ее примеру. Плод оказался куда приятнее на вкус, чем на вид. Карвер ел, пока не утолил голод.

Из-за встречи с Лилит и ее дикой свитой он и думать забыл о своей миссии. Шагая назад к побережью, он нахмурился, вспоминая о своих тщеславных мечтах. Он здесь, чтобы классифицировать и собирать образцы,— но что ему делать на безумном острове, где каждое создание принадлежит к неизвестному виду? Здесь нет никакой возможности для классификации, потому что отсутствуют сами классы.

Вместо того, чтобы приниматься за заведомо бессмысленный труд, Карвер стал размышлять. Где-то на Остине скрывается ключ ко всем его тайнам. Он будет

исследовать остров. Здесь должен найтись какой-то непонятный вулканический газ, рассуждал он, или залежи радиоактивных руд. Или — или что-нибудь еще.

— Пойдем, Лилит,— приказал он и направился к западу, туда, где равнинный берег постепенно превращался в гряду холмов.

Девушка последовала за ним, в ее глазах цвета меда была странная смесь страха, удивления и, вероятно, зарождающегося огонька поклонения.

Идти через лес было легко: это все-таки был лес, а не джунгли. Безумный лес, это правда, зато почти без подлеска.

Мелькнула тень, за ней другая. Но первая была всего лишь голубем королевской породы с гордым прямым хохолком из перьев, а вторая — попугаем-совой. Похоже, птицы на Остине не отличались от своих сородичей с других островов. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — они просто перелетают с острова на остров — или их заносит буря.

Был как раз полдень, когда Карвер достиг вершины самой высокой горы на острове, где на поверхность выходил пласт черного базальта. Карвер взобрался по выветренному склону и стоял рядом с Лилит, глядя на центральную долину острова Остин.

Внизу простирался дикий лес, далеко, в самом центре долины, сверкал водоем, над которым парила какая-то птица. Оттуда, сообразил Карвер, должно быть, вытекает ручей, возле которого он уже побывал. Но нигде он не видел следов присутствия человека — ни дымка, ни расчищенной просеки,— ничего.

Девушка робко дотронулась до его руки и указала на холм с противоположной стороны.

— *Пабо*,— сказала она трепещущим голосом.— *Р-р-р-р! Пабо, лешать*.— Она снова указала на восток.

Карвер сощурился, пристально вглядываясь в восточные холмы, потом вздрогнул. Он разглядел что-то у самой воды.

Не веря своим глазам, он потянулся за биноклем. Казалось, перед ним какая-то полуземлянка, увитая лозой. Но это могли быть и стены развалившегося домика.

Солнце клонилось к западу. Слишком поздно начинать исследование сегодня, но можно сделать это завтра. Карвер отметил в памяти местонахождение странного жилища, потом стал спускаться с горы.

По мере приближения темноты Лилит старалась отклониться к западу, упрямо повторяя «Нет, нет!», упираясь, иногда робко таща его за руку.

Карвер снова проголодался, несмотря на плоды, которые Лилит то и дело срывала для него. На берегу он подстрелил великолепного Cygnus Atratus, черного австралийского лебедя. Затем он собрал плавник и, как только на остров опустилась тьма, разжег костер.

Лилит прошептала почтительно: «О-о-о!», обошла костер, присела на корточки позади Карвера и с любопытством наблюдала за тем, как пришелец пронзил лебедя деревянным шампуром и начал его жарить. Ее чувствительные ноздри задергались, вдыхая ароматы горящего дерева и поджаристого мяса.

Когда блюдо было готово, Карвер отрезал ей кусок мяса, плотного и жирного, точно жареный гусь, и опять улыбнулся, видя ее растерянность. Лилит ела предложенный кусок, но крайне осторожно: не оставалось никаких сомнений, что она предпочла бы сырое и кровоточащее мясо. Кончив есть, она тщательно соскребла жир с пальцев мокрым песком и сполоснула их в оставшейся от прилива луже.

— Тебе пора спать,— дружелюбно сказал зоолог.— Я бы хотел, чтобы ты устроилась где-то поблизости, но я не настаиваю на этом.

Девушка улыбнулась, но ничего не сказала. Карвер растянулся на песке и вскоре уснул.

Спустя час или два он проснулся и увидел, что Лилит неотрывно смотрит на угасающие угольки костра. Он уснул и вскоре снова проснулся; теперь огонь совсем погас, а Лилит стояла. Он наблюдал за ней, а она тем временем повернулась к лесу. У него упало сердце: она уходила.

Но она остановилась, склонившись над чем-то темным — телом одного из убитых им созданий. Попыталась его поднять, но, обнаружив, что зверь слишком тяжел, поволокла его к кромке прибоя и столкнула в море.

Она медленно вернулась, подняла меньший труп, понесла его в руках, опустила в волны и неподвижно стояла в течение нескольких долгих минут над черной водой. Возвращаясь, Лилит на мгновение повернулась лицом к поднимающейся луне, и Карвер видел, как в глазах ее блеснули слезы. Он понял, что стал свидетелем похоронного обряда.

В тишине он наблюдал за ней. Лилит села на песок недалеко от черной кучки золы и замерла, вслушиваясь в звуки ночи. Не отрываясь, она глядела на восток. После недолгого раздумья она вскочила на ноги и устремилась к деревьям.

Карвер насторожился и вскоре понял, что слышит из-за деревьев слабое потявкиванье. Лилит собрала свою стаю. Карвер тихонько вытащил пистолет и приподнялся на одной руке.

Снова появилась Лилит. У нее за спиной крались дикие животные, и рука Карвера крепче сжала пистолет.

Но нападения не последовало. Девушка произнесла какую-то тихую команду, и звери исчезли, а она одна вернулась к своему месту на песке.

Только теперь она легла на землю и безмятежно заснула. И Карвер неожиданно понял: она собрала свою стаю для того, чтобы они охраняли ее от той опасности, которая грозила им с востока.

Разбудил Карвера рассвет. Лилит все еще спала, скорчившись на песке, точно ребенок, и некоторое время он постоял, разглядывая ее. Она была очень красива, и теперь, когда он не видел ее янтарных глаз, она уже не казалась островной нимфой или дриадой, но просто очаровательной дикаркой. Но если его подозрения были справедливы, он мог бы с таким же успехом влюбиться в сфинкса, или в русалку, или в кентавра. Он не хотел додумывать эту мысль до конца.

— Лилит! — позвал он резко.

Она проснулась, вздрогнув от ужаса, и с минуту она смотрела на Карвера с откровенной паникой в глазах; потом вспомнила, вздохнула и робко улыбнулась.

От звериной свиты Лилит не осталось и следа, хотя Карвер подозревал, что она находится где-то поблизости. Позавтракал он плодами, сорванными для него

девушкой, затем еще раз осмотрел свой пистолет и зашагал в восточном направлении. Лилит тут же запротестовала. Она схватила его за руку и потащила назад, испуганно всхлипывая и повторяя:

— Нет, нет, нет! *Лешать*!

— Гм-м-м,— проворчал Карвер.— Не бойся, милая, у меня достаточно патронов...

Он пошел по течению ручья в глубь леса. Лилит застыла на месте, не решаясь следовать за ним. Он обернулся, еще раз окинул взглядом ее изящную стройную фигуру, потом помахал ей рукой и зашагал дальше. Лучше уж ей оставаться там, где она стояла. Лучше уж ему никогда не видеть ее больше, потому что она была слишком прекрасна.

Но Лилит испуганно закричала:

— Алан! А-алан!

Он повернулся, удивленный, что она запомнила его имя, и обнаружил, что девушка подбежала к нему и идет рядом. Она побледнела и выглядела здорово перепуганной, но не пожелала отпустить его.

Пока он не замечал никаких признаков опасности. Здесь было то же самое безумное множество разных видов растительности, те же самые не поддающиеся классификации листья, плоды и цветы. Только — или ему это показалось? — здесь было меньше птиц.

Одно обстоятельство затрудняло их продвижение. Временами восточный берег речушки казался более открытым, чем тот, по которому они шли, но Лилит упорно отказывалась дать ему перейти туда. Как только он пытался это сделать, она так отчаянно и с такой силой вцеплялась в него, что Карвер наконец смирился. Казалось, ручей был разделительной линией, рубежом или — он нахмурился — границей.

К полудню они вышли к виденной им накануне хижине. Бревенчатые стены все еще держались прочно, а тростниковая крыша давным-давно обрушилась. Но что в первую очередь поразило Карвера, так это то, что хижина не была туземной. Это был домик белого человека, очевидно, трехкомнатный.

Он стоял на восточном берегу, но теперь ручей сузился до небольшой канавки, на дне которой журчали

крошечные потоки воды. Карвер перескочил на ту сторону, невзирая на испуганный вскрик Лилит. Но, поглядев ей в лицо, он остановился. Ее щеки побелели от страха, а губы вытянулись в напряженную тонкую линию, выражая мрачную решимость. Она выглядела так, как должен был выглядеть мученик на арене со львами, когда нехотя перешла за Карвером. Она как будто бы говорила: «Если уж тебе суждено умереть, так я умру рядом с тобой».

Однако в хижине не нашлось ничего такого, что могло бы внушить страх. Там не было никаких животных, кроме крошечного крысоподобного существа, которое обратилось в бегство, как только появились люди. Карвер хотел подойти к окну, но внезапно споткнулся обо что-то. Он посмотрел вниз и увидел человеческий череп и человеческую бедренную кость. А затем обнаружились и другие кости, в беспорядке разбросанные по полу. Должно быть, после того как этот человек умер, над его останками пировали какие-то хищники.

Карвер украдкой посмотрел на Лилит, но она не заметила костей, а если и заметила, они для нее ничего не значили.

Карвер пошарил в бывшем посудном шкафу и наткнулся на что-то твердое и круглое — на этот раз это был не череп, но обыкновенный кувшин.

Карвер поднял его. Сосуд был запечатан, и пробка, покрытая пылью и грязью, намертво застряла в горлышке. Карвер разбил кувшин о бревно. То, что он вытащил из обломков, оказалось записной книжкой, пожелтевшей по краям и ломкой от времени. Он тихонько выругался, когда несколько страниц рассыпались у него в руке, но те, что остались, оказались крепче. Карвер присел на бревно и проглядел записи, сделанные несмываемыми чернилами.

Там стояла дата — и имя. Амброз Каллан, 25 октября 1921 года. Карвер нахмурился. В 1921 году, пятнадцать лет назад он учился в начальной школе, но имя Амброза Каллана он уже где-то слышал.

Он прочел еще несколько выцветших строк и вспомнил об экспедиции Каллана. Профессор Амброз Каллан из Северного университета...

Он встрепенулся — Лилит дергала его за руку и стонала:

— Алан, *лешать*!

Он проследил за ее взглядом, но ничего не увидел. Ее зрение, безусловно, острее, чем его, но все же... Вот! Что-то двигалось в глубоких послеполуденных лесных тенях. На какую-то секунду он ясно увидел это существо — того злобного пигмея с кошачьими глазами, которого он едва не подстрелил в первый день. Кто-то похожий на то существо? Нет, это тот самый, ведь здесь, на Остине, ни одно создание не напоминает другое.

Тварь исчезла, прежде чем Карвер успел вытащить оружие, но следом крались другие. Карвер выстрелил, и тварь пронзительно завизжала.

Не мешкая, Карвер сунул записную книжку в карман, ухватил Лилит за руку и потащил ее к выходу из хижины.

— *Лешать*! — захныкала Лилит, а потом отчаянно завыла, призывая свою стаю.

До конца своих дней не мог забыть Карвер эту фантастическую битву. Их с Лилит должны были убить немедленно, если бы не вмешательство ее телохранителей. Нападающие по-кошачьи подвывали и норовили вскочить на загривок защитникам людей. Те, по-собачьи лязгая зубами, стояли кольцом вокруг Карвера и Лилит. Зоолог выстрелами расчищал себе дорогу, отступая к побережью. Они уже выскочили на песок, когда у него кончились патроны. Теперь вся надежда была лишь на войско Лилит, но и оно редело на глазах. Карвер схватил бесполезный теперь пистолет за ствол, намереваясь использовать его в последней схватке как дубинку. И вдруг, когда он уже потерял надежду, кошки внезапно обратились в бегство. Они отступили прочь — к деревьям!

Карвер перевел дух. В глаза ему бросился слабый мерцающий отсвет на листьях ближайших деревьев. Он обернулся. Ему не почудилось! На берегу, там, где зоолог оставил свой ящик с припасами, горел костер, а на фоне огня виднелись человеческие фигуры. Так это огонь отпугнул нападающих! Карвер вгляделся как

следует. В море, на фоне догорающего заката, виднелся знакомый силуэт. «Фортуна»!

— Лилит,— позвал он, задыхаясь,— посмотри туда! Пойдем!

Девушка стояла, опустив голову. Псы-мутанты отпрянули в укрытие за коралловой грядой, подальше от ужасного огня. Алан Карвер внезапно осознал, что оказался перед труднейшей задачей, которую ему когда-либо задавала жизнь.

Он мог оставить ее здесь. И, вне всякого сомнения, это было лучшее, что можно было сделать, потому что он не мог на ней жениться. Никто не мог бы на ней жениться, а она была слишком красивой, чтобы взять ее туда, где она будет среди мужчин. Дети! Что за детей родит Лилит?

Ни один порядочный мужчина не отважится проверить, не тяготеет ли над Лилит проклятие острова Остин.

Он сделал шаг, второй по направлению к костру. Потом вернулся.

— Пойдем, Лилит,— позвал он нежно.— Многие люди поженились, жили и умерли, не родив детей. Наверное, мы тоже так сможем.

«Фортуна», скользила по зеленым волнам к северу, к Новой Зеландии. Хэлбертон с тоской смотрел на тонкую полоску за кормой, в которую превратился остров Остин.

— Бесполезно, Вэнс,— усмехнулся Карвер.— Вы не смогли бы классифицировать эту флору и за сотню лет, а если бы и смогли, какой в том смысл? В любом случае, там по одному экземпляру каждого вида.

— Я бы отдал два больших пальца и один средний за возможность попробовать,— возразил Хэлбертон.— У тебя было целых три дня, а могло быть и больше, если бы ты не ранил Маллоа. Они бы ушли прямехонько домой на Чатамы, но из-за раны им пришлось повернуть на Маккуэри.

— Значит, удачный был выстрел. Ваш костер отпугнул всех кошек.

— Ты все-таки называешь их кошками?

— Конечно. И если ты как следует задумаешься над моим рассказом, ты поймешь почему. Поначалу весь остров казался мне безумным. Ни одного устойчивого вида — лишь единичные экземпляры. Я пребывал в недоумении, пока не встретил Лилит. Тут я заметил, что она отличает по запаху съедобные плоды от ядовитых. Кошкообразного зверя, которого я подстрелил, она обнюхала и решила съесть, потому что он — враг, но собачьих, которых я убил, она не тронула, потому что они были из ее стаи.

— Так что же? — нахмурился Хэлбертон.

— Запах — результат деятельности специальных секреторных желез. Именно тогда я начал подозревать, что физиология всех живых организмов на острове Остин такова же, какова она повсюду. Изменена всего лишь внешняя форма. Понятно?

— Ничуть.

— Сейчас поймешь. Ты, разумеется, помнишь, что такое хромосомы? Это носители наследственности. Человек имеет сорок восемь хромосом, которые получает по двадцать четыре от каждого родителя.

— Столько же,— вставил Хэлбертон,— и у помидора.

— Да, но сорок восемь хромосом помидора несут другую наследственность, иначе можно было бы скрестить человека с помидором. Но в хромосомах заложен не только «генеральный план» организма, но и все индивидуальные вариации. Например, за цвет глаз отвечает один из генов в третьей паре хромосом.

— Все это мне известно. Переходи прямо к Амброзу Каллану и его записной книжке.

— К этому я и веду. Набор этих вариаций довольно ограничен. Никто, например, никогда не видел человека, обладающего волосами небесно-голубого цвета.

— Никто такого и не хочет! — воскликнул Хэлбертон.

— И это потому,— продолжал Карвер,— что в человеческих хромосомах отсутствуют детерминанты, несущие небесно-голубую окраску волос. Но — и вот тут-то мы подходим к идее Каллана — предположим, мы могли бы увеличить количество хромосом. Что тогда? У человека ли, у помидора ли, вместо сорока восьми было бы четыреста восемьдесят, а возможное число

вариаций выросло бы в десять раз. Например, рост может достигать двадцати пяти футов! А по форме человек может напоминать все, что угодно. То есть почти все в пределах класса млекопитающих. А уж по интеллекту...— он задумчиво умолк.

— Но каким образом,— вставил Хэлбертон,— Каллан предлагал оснастить организм лишними хромосомами?

— Не знаю как,— серьезно ответил Карвер.— Часть его записок рассыпались в прах, и описание эксперимента, должно быть, пропало вместе с этими страницами. Морган использует сильную радиацию, но у него совершенно иные и цель, и результат. Он не меняет количество хромосом. Все, что мне известно,— это что Каллан с женой прожили на Остине четыре или пять лет. Эта часть его записок достаточно ясна. Он начал опыты с растениями возле своей лачуги, а нескольких кошек и собак привез с собой. А потом он открыл, что эти изменения распространяются, как болезнь.

— Распространяются,— эхом отозвался Хэлбертон.

— Разумеется. Каждое дерево, над которым он поработил, разбрасывало на ветер многохромосомную пыльцу, а что касается кошек... Так или иначе, вскоре аномалии переполнили остров, вытесняя нормальные растения и животных. Мутировали также крысы и летучие мыши. Остин стал островом уродов, где ни один детеныш не походил на своих родителей.

— И что же случилось с самим Калланом?

— Ну, Каллан ведь был биологом, а не специалистом по радиации. Не знаю уж в точности, что случилось. Когда человек долгое время подвергается воздействию Х-лучей, это приводит к ожогам, язвам, к злокачественным опухолям. Возможно, Каллан не предпринял достаточно предосторожностей, или, возможно, он работал с недопустимо высокой дозой радиации. Во всяком случае, его жена заболела первой — у нее начала расти злокачественная опухоль. У Калланов был радиопередатчик, и они вызвали шлюп с Чатамских островов. Судно разбилось о коралловый риф, Каллан впал в отчаяние и умудрился каким-то образом сломать свой передатчик. Когда умерла его жена, он ее

похоронил, но, когда умер он сам, похоронить его было некому. О нем позаботились потомки его кошек.

— Да? А как насчет Лилит?

— С Лилит все в порядке,— улыбнулся Карвер.— Она дочь капитана шлюпа, и Каллан спас ее, когда судно погибло у кораллового рифа. Ей было тогда пять лет — получается, что сейчас ей около двадцати. А что до ее языка — ну, следовало бы мне, наверное, разобрать те по-детски искаженные слова, которые она произносила. Например, я считал, что она говорит «пошли» — «come on» — по-английски, а это было французское слово «comment». А «пабо» означало просто «pas bon» — «нехорошо». Она повторяла это, когда находила ядовитые плоды. А «лешать», которое я принял за «лежать», было французским «les chats» — кошки. За пятнадцать лет вокруг нее собирались мутированные собаки — ведь, несмотря на их внешний вид, они были, в конечном счете, собачьей природы и преданы своей хозяйке. А между двумя группами шла постоянная война.

— Но вы уверены, что Лилит избежала облучения?

— Ее зовут Люсьенн,— мечтательно произнес Карвер,— но я, кажется, предпочитаю имя Лилит.— Он улыбнулся стройной девушке, одетой в брюки Джеймсона и в его собственную рубашку; она стояла на корме и смотрела назад, на Остин.— Да, я в этом уверен. Когда она попала на этот остров, Каллан уже успел разрушить свое оборудование, которое убило его жену и почти убило его самого. Он полностью уничтожил всю аппаратуру, зная, что с течением времени те аномалии, которые он создал, обречены на вымирание.

— Обречены?

— Да. Нормальная наследственность, стабилизированная эволюцией, сильнее. Нормальные особи уже появляются на окраинах острова, и в один прекрасный день окажется, что на Остине не больше аномалий, чем на любом другом отдаленном изолированном острове. Природа всегда настаивает на своем.

БЛУЖДАЮЩИЕ МОРЯ

Тед Уиллинг оказался одним из немногих свидетелей катастрофы века. Вернее, свидетелей-то было предостаточно — без малого полтора миллиона. Но выжили едва ли несколько десятков, и среди них — Тед. Его самолет вылетел на рассвете из Сан-Хуан-дель-Норте и в момент ноль находился там, где из озера Никарагуа вытекает бурый поток, чтобы семьдесят пять миль спустя влиться в озеро Манагуа. Тед собирался заснять местность с помощью стереокамеры, чтобы затем топографический отдел Геологической службы Соединенных Штатов мог составить карту и наметить русло будущего Никарагуанского канала. Соединенные Штаты приобрели права на эту местность еще в начале столетия — и с тех пор лелеяли планы построить здесь канал, соперничающий с Панамским.

Место было как раз подходящим. Река Сан-Хуан соединяла Никарагуа с Атлантическим океаном, далее широкая протока вела из Никарагуа в Манагуа, так что эти два озера казались единым внутренним морем. Оставался тонкий перешеек между Манагуа и Тихим океаном. Если его преодолеть, можно будет значительно разгрузить заполненный кораблями Панамский канал и получить с этого неплохую прибыль.

Сквозь облака Тед разглядел конусообразную вершину горы Омепетек. Она была окутана дымным шлейфом. Тед вспомнил, как сейсмологи из Службы говорили о том, что гора в последнее время неспокойна, и

хотел уже изменить курс, но тут Омепетек взорвалась, точно римская свеча.

Сверкнул белый ослепительный огонь. Вверх рванулся столб дыма, мгновенно превратившийся в гриб. Несколько секунд в полной тишине было слышно лишь жужжание мотора и пощелкивание камеры, затем раздался страшный грохот, как будто треснула крыша ада.

«Слишком быстро...— подумал Тед,— почему так быстро?»

И тут его самолет словно подбросила вверх гигантская рука. Внизу озеро бушевало и кипело. О восточный берег разбилась колоссальная волна, и Тед успел заметить, как несколько людей бегут по банановой роще, спасая свою жизнь. И тут же, как по волшебству, вокруг самолета встал стеной белый туман.

Стрелка альтиметра дважды крутанулась и подпрыгнула, стрелка компаса завращалась, и Тед уже не знал, в какой стороне земля и каков запас высоты.

Ценой неимоверных усилий ему удалось выровнять самолет и подняться над туманом. И тут же его прошиб холодный пот. Казалось, что он летит вверх ногами всего в нескольких футах над землей. Потом он понял, что темная полоса сверху — просто слой дыма и пыли. Лучи солнца, проходя сквозь него, становились голубыми.

Альтиметр показывал десять тысяч, и Тед повел самолет вверх. На высоте двадцати тысяч воздух стал чище и топограф повернул на северо-восток в сторону аэропорта в Блуфилдсе.

Но Блуфилдс тоже затянуло пылевым туманом. Тед повернул на север, сжигая последнюю канистру керосина. Вдалеке показался столб огня, справа от него — второй, и третий. Первый — Омепетек. А другие два? Фуэго и Таджумулько? Тед не хотел верить собственным глазам.

Три часа спустя туман все еще клубился внизу, а пылевая крыша опускалась, как будто хотела раздавить легкий самолет. Теперь он, должно быть, обогнул Никарагуа и находился где-то над Гондурасом. Тед знал, что выбор небогат — спускаться или падать. С неожиданным спокойствием он потянул рукоятку на себя,

скользнул вниз и погрузился в туман. В эти секунды Тед сожалел об одном — что он не может попрощаться с Кэй Лавелл, которая была далеко отсюда, в Вашингтоне, вместе со своим отцом, старым сэром Джошуа Лавеллом, послом Великобритании в США.

Когда стрелка альтиметра показала две сотни, самолет внезапно вынырнул из тумана, словно поезд из тоннеля. Внизу ревел дикий океан. Казалось, гребни волн вот-вот коснутся брюха машины. Тед предположил, что перед ним залив Гондураса, взбаламученный землетрясением.

Тед повернул к западу, прикидывая, на сколько минут хватит горючего. Но ему наконец повезло. Он увидел землю, потом — о чудо! — город, а затем долгожданное посадочное поле.

Это был Белиз в Британском Гондурасе. Едва самолет коснулся земли, к нему сразу подбежали техники.

— Янки везет как всегда! — заметил один из них.

— Сегодня везение мне пригодилось,— ответил Тед.— Что случилось?

— Дьявол заворочался, только и всего.

— Это я видел. Какие-нибудь известия из Никарагуа есть?

— Никаких. Радио замолкло, и телеграф не работает.

Внезапно начался сильный дождь, и люди поспешно укрылись в ангаре.

Сутки напролет телеграфисты Белиза пытались достучаться до Гаваны. Наконец связь была установлена, и три дня спустя, когда схлынул поток правительственных сообщений, Тед смог доложить о происшедшем старику Эйсу Гаунту, своему вашингтонскому шефу. Его настойчивость была вознаграждена: топограф получил приказ срочно прибыть в столицу Соединенных Штатов, а это означало не только возвращение к цивилизованной жизни, но и встречу с Кэй Лавелл.

Тед без приключений перелетел через Юкатанский канал, оставил самолет в Гаване, а затем с комфортом устроился в кресле карибского лайнера и развернул свежую газету.

Он читал отчет о катастрофе и в который раз поражался тому, что еще жив. Все Огненное Кольцо — цепь вулканов по берегам Тихого океана — теперь и вправду полыхало огнем. У Аниакчаке на Аляске оторвало вершину, Фудзияма изрыгнула массу лавы, на атлантическом берегу снова проснулись Ла Суфриер и ужасный Пеле.

Но все это не шло ни в какое сравнение с «работой» вулканов на Панамском перешейке. От Москито Бэй до Рио Коко образовался настоящий океан! Половина Панамы, семь восьмых Никарагуа, вся территория Коста-Рики стали его дном. Северная Америка оторвалась от Южной, а соединявший их перешеек исчез совсем.

В Вашингтоне Тед прямо из аэропорта отправился к Эйсу Гаунту. Сухой неприветливый техасец допросил его с пристрастием, сказал, что стоящей информации в его докладе возмутительно мало, и приказал явиться вечером в офис.

Вашингтон, как и весь остальной мир, пребывал в сильном волнении из-за землетрясения, но, как водится, в столице США разговор шел не столько о полутора миллионах смертей, сколько о других экономических последствиях катастрофы. В конце концов погибшие были в основном латиноамериканцами и китайцами.

В доме посла Лавелла Тед застал множество взволнованных политиков. Очевидно, что новое водное пространство невероятно увеличивало морскую мощь Соединенных Штатов. Отпала нужда охранять уязвимый для нападений Канал. Целый военный флот мог беспрепятственно пройти из Атлантического океана в Тихий. Разумеется, страна потеряет доходы от сбора транзитных пошлин, но эта потеря будет уравновешена сэкономленной стоимостью укреплений и охраны.

По счастью, все были так увлечены дискуссией, что Тед смог без помех поболтать с Кэй.

Вечером в офисе Геологической службы также собрались высокопоставленные гости. Здесь был Голдсборо — непосредственный начальник Эйса Гаунта. Здесь же были Максуэлл — секретарь военного ведомства и

флота и даже Джон Вэриш Государственный Секретарь.

Эйс Гаунт прочистил горло и начал:

— Кто-нибудь из вас любит миног?

Гости опешили.

— Ну, я люблю,— заявил Голдсборо, которой когда-то был консулом в Венеции,— а что?

— А то — что лучше бы вам завтра же купить партию миног, потому что послезавтра их уже не будет.

— Не будет миног?

— Не будет миног. Миноги, знаете ли, выводятся в Саргассовом море, а Саргассового моря больше не будет.

— Может, хватит травить байки? — возмутился Голдсборо.— Я ведь занятой человек. Не будет больше Саргассова моря, и что?

— Похоже, скоро вы будете заняты еще больше,— сухо заявил Эйс Гаунт.— Разрешите мне задать еще один вопрос.— Кто-нибудь из вас знает, какая точка Американского континента расположена на широте Лондона?

Голдсборо нетерпеливо дернулся,

— Не понимаю, куда вы клоните, Эйс,— буркнул он,— но мне сдается, что Нью-Йорк и Лондон расположены почти на одной параллели. Или, возможно, Нью-Йорк чуть севернее, поскольку мне известно, что климат в нем немного холоднее.

— Ха! — произнес Эйс Гаунт.— Есть возражения?

Возражений не было.

— Что ж,— объявил глава Службы,— тогда вы все ошибаетесь. Лондон примерно на тысячу миль севернее Нью-Йорка. Он находится на широте Южного Лабрадора!

— Лабрадора! Но это практически Арктика?

Эйс Гаунт развернул большую карту.

— Посмотрите сюда,— предложил он,— Нью-Йорк расположен на широте Рима. Вашингтон напротив Неаполя, Норфолк — Туниса, а Джексонвилль — пустыни Сахара. И исходя из этих фактов, джентльмены, я пришел к выводу, что следующим летом мы увидим жесточайшую войну в истории всего мира!

Максуэлл откашлялся:

— Конечно, конечно! Будет война и не будет миног. Я с интересом слежу за ходом ваших мыслей, Эйс, но... Видите ли, я не люблю миног.

— Еще минутку,— сказал глава Геологической службы.

— Вы уверены? — спросил Тед, когда чиновники покинули офис.— Вы совершенно уверены?

— Что ж, давай начнем сначала,— пробурчал Эйс Гаунт, поворачиваясь к карте.— Вот экваториальное течение, которое прежде омывало берега Гватемалы, Сальвадора, Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы. А здесь, в Атлантике, было Северное Экваториальное течение, оно направлялось вокруг Кубы в Залив и давало начало Гольфстриму. Средняя скоростью — три узла в час, ширина — шестьдесят миль, глубина — сто морских саженей, а средняя температура достигала пятидесяти градусов. Вот здесь оно встречалось с Лабрадорским течением и поворачивало к востоку, неся тепло всем странам Западной Европы. Вот почему Англия была сравнительно теплой страной, вот почему в Южной Франции был субтропический климат, вот почему люди могли жить даже в Норвегии и Швеции. Взгляни на Скандинавию, Тед, она же лежит на широте Центральной Гренландии, на уровне Баффинова залива.

— Знаю,— Тед кивнул.— Но вы уверены насчет... всего остального?

— Смотри сам,— огрызнулся Эйс Гаунт.— Перешейка больше нет. Экваториальное противотечение, двигаясь со скоростью два узла в час, полностью снесет то, что называлось Центральной Америкой, и ударит по Северному Пассатному течению как раз к югу от Кубы. Неужели ты не догадываешься, что происходит сейчас с Гольфстримом? Он сдвинется к востоку, к бывшему Саргассовому морю, и повернет к югу, вдоль африканского побережья. Не пройдет и шести месяцев, как Германия и Франция неожиданно станут сердечными друзьями, а Франция и Россия — злейшими врагами. Вам понятно, почему?

— Н-нет.

— Потому что в Европе около двухсот миллионов жителей. Двести миллионов, Тед! А без Гольфстрима в Англии и Германии установится климат Лабрадора, во Франции — климат Ньюфаундленда, а в Скандинавии — Баффиновой земли. И сколько человек тогда смогут прокормить эти земли? Возможно, три или четыре миллиона, да и то с трудом. И куда же денутся остальные?

— А куда?

— Англия попробует выдавить избыток населения в свои колонии. Индия безнадежно перенаселена, но Южная Африка, Канада и Австралия смогут принять миллионов двадцать пять. У Франции есть Северная Африка, хотя она уже населена довольно плотно. А остальные — ну, вы же можете догадаться, Тед.

— Попробую. Сибирь, Южная Америка и... Соединенные Штаты!

— Хорошая догадка. Так вот почему Россия с Францией перестанут быть лучшими друзьями. Южная Африка плохо приспособлена для белого человека, так что остаются Сибирь и Северная Америка. Ах, какая будет из-за этого война!

— Как раз тогда, когда мир вроде бы пришел в равновесие,— пробормотал Тед.

— Все газеты кричат о гибели полутора миллионов в Центральной Америке.— продолжал Гаунт.— Через год они поймут, что эти полтора миллиона были лишь передовым отрядом.

— Но, Господи Боже мой! — вырвалось у Теда.— Неужели с этим ничего нельзя сделать?

— Конечно, можно,— ответил техасец.— Если у тебя есть на примете какое-нибудь славное послушное землетрясение, которое поднимет на прежнее место те сорок тысяч квадратных миль земли. Ну а если нет, остается принять предложение Максуэлла: строить подводные лодки — и еще раз подводные лодки. Беженцы не смогут наводнить страну, если ни один из них не доберется до побережья.

Эйс Гаунт ненамного опередил в своих прогнозах блестящего сэра Финеаса Грея из Королевского Обще-

ства. К счастью (или к несчастью, зависит от того, который берег Атлантики вы называете своим домом), сэр Финеас был известен в мире журналистики как автор многих дутых сенсаций, и его мрачные предсказания были помещены английскими и континентальными газетами в разделах «Слухи» и «Аномальные новости». Правда, то и дело какой-нибудь океанограф на внутренних газетных полосах соглашался с сэром Финеасом.

Тем временем приближалось Рождество, и Тед проводил дни в рутинной топографической работе в конторе, а вечера — с Кэй Лавелл. Рождественские каникулы они встретили почти помолвленными. То есть они-то были помолвлены, но сэр Лавелл об этом пока не знал.

Четырнадцатого января первая волна холода накатилась на Европу. В Лондоне и Париже столбик ртути показывал двадцать градусов ниже нуля. Затем область высокого давления сдвинулась к востоку, и установилась обычная температура.

Но ненадолго. Двадцать первого другой поток холодного воздуха двинулся в западном направлении, и английские и континентальные журналисты решили пощекотать нервы читателей. Конечно же, сэр Финеас Грей безумец,— но предположите только, что он прав! Только предположите такое. Ведь это же немыслимо! Безопасность и величие Германии (или Франции, или Бельгии, или Англии) просто не могут зависеть от существования крошечной полоски суши на другой стороне земного шара.

С приходом третьей волны арктических холодов европейцы встревожились по-настоящему. Вероятно, сэр Финеас был прав. И что же тогда? Что можно сделать? Жители Парижа и Берлина роптали, и даже уравновешенный Осло стал свидетелем бунтов, так же, как и консервативный Лондон. Германское правительство пошло на уступки Франции в извечном споре о границе, и Франция ответила любезной нотой. Россия запротестовала, ее вежливо проигнорировали; Европа определенно начала перестраиваться, причем очень быстро.

Но Америка, за исключением некоторых ученых и членов правительства, проявляла к этим событиям интерес лишь время от времени. Дамы из высшего обще-

ства основали несколько благотворительных фондов в помощь страдающим от холода беднякам, но эти фонды были не слишком популярны. Газеты были озабочены непрерывным ростом иммигрантской квоты — начинался исход из стран Гольфстрима.

К середине февраля Европу охватила настоящая паника. Италия, Испания, Балканские страны и Россия оказались в одной упряжке. Россия тотчас забыла свою многолетнюю вражду с Японией, а Япония (вот странное дело!) потеряла интерес к Курилам. Двести миллионов европейцев, и в том числе многомиллионные армии, жадно выискивали пустые места на карте мира. Никто не знал, где грянет гром, но никто не сомневался, что гроза неизбежна.

Время секретов закончилось. Тед во всем признался Кэй. Они сидели у камина в посольском доме, и топограф боялся оторвать взгляд от пламени в очаге и увидеть лицо своей любимой.

— Да, я об этом знал с самого начала,— повторил он.— Дня через два после землетрясения на Перешейке.

— Тогда почему ты мне не сказал?

— Не мог. Тогда это было служебной тайной.

— Это несправедливо! — взорвалась Кэй.— Почему это должно было случиться с Англией? Я же родилась в Уорвикшире, Тед, так же, как папа, как его отец, и отец того тоже, и весь наш род, восходящий к Вильгельму Завоевателю. Неужели ты думаешь, что я могу без слез представить себе мамин розовый сад голым и опустошенным, как... как тундра?

— Мне очень жаль,— вздохнул Тед,— но что я могу... что мы все можем с этим поделать? Я просто радуюсь, что ты здесь, на этой стороне Атлантики, в безопасности!

— В безопасности! — вспыхнула она.— Да, я-то в безопасности, а что ты скажешь о моем народе? Я в безопасности, потому что нахожусь в Америке, удачливой стране, на земле избранных! Почему это случилось с нами?! Ваши берега тоже огибает Гольфстрим. Почему же Америка не дрожит и не мерзнет, и не боится, а наоборот — до краев полна теплом, комфортом и безразличием? Разве это справедливо?

— Гольфстрим,— начал объяснять пристыженный Тед,— не влияет на наш климат так заметно, потому что, во-первых, мы находимся много южнее Европы, а во-вторых, наши преобладающие ветры идут с запада, как и в Англии. Но наши ветры дуют с суши к Гольфстриму, а английские — от Гольфстрима к суше!

— Но это несправедливо! Это несправедливо!

— Разве я могу что-то изменить, Кэй?

— О, думаю, что нет,— внезапно согласилась она.— Но твой народ мог бы что-то сделать! Посмотри-ка сюда! Послушай!

Она схватила «Таймс» недельной давности:

— Послушай — ты только послушай! «И во имя человечности мы просим, чтобы наши братья и сестры по нации и по языку открыли для нас ворота. Разрешите нам поселиться на обширных территориях, где теперь только племена индейцев охотятся и пасут быков. И не мы одни выиграем от такого переселения, потому что мы — здоровое, трудолюбивое, соблюдающее и уважающее законы гражданское население, а не браконьеры, не разбойники с большой дороги и не гангстеры. Мы станем покупателями ваших товаров, мы привезем с собой сокровища нашей культуры. И, наконец, мы станем солдатами. Солдатами, которые будут сражаться на вашей стороне в грядущих неизбежных войнах. Вспомните, что один только штат Техас располагает количеством земли, достаточным для того, чтобы обеспечить двумя акрами каждого мужчину, женщину и ребенка».

Кэй остановилась и сурово взглянула на Теда:

— Ну?

Он фыркнул:

— Индейцы и быки! Ты когда-нибудь видела в Соединенных Штатах хоть одного из них?

— Нет, но...

— А что касается Техаса, конечно же, там найдется по два акра на каждого во всем мире, но автор твоей статьи сможет прокормить на этих двух акрах хотя бы одну корову? Ллано Эстакаде — всего лишь солончаковая пустыня. А в остальной части Техаса вода на вес золота. Если так рассуждать, то почему бы не пере-

ехать всем в Гренландию: бьюсь об заклад, что там найдется и по шесть акров на человека!

— Вероятно, это правда, но...

— А если говорить о большом количестве покупателей, то чем они собираются расплатиться? Золотом и бумажными деньгами, так? Золото сойдет, но что проку в фунте, если он не обеспечен британским кредитом? Твое громадное количество здоровых граждан просто пополнит ряды безработных! Заработная плата начнет снижаться, а продукты и жилье будут не по карману большинству из иммигрантов.

— Ладно,— чуть слышно отозвалась Кэй.— Ты прав, но чего стоит твоя правота, когда пятьдесят миллионов англичан остались умирать от голода и холода. Если бы у каких-нибудь бедняков с твоей улицы не было дров на зиму, ты, наверное, пожалел бы их? А что же тогда сказать о целом народе?

— А почему ты не вспоминаешь о других народах? — мрачно возразил Тед,— О миллионах европейцев, которые точно так же сражаются с голодом и холодом?

— Но Англия вам не чужая,— не сдавалась Кэй.— Вы взяли у нас язык, литературу, законы — позаимствовали всю свою цивилизацию. Почему же теперь вы забыли о том времени, когда были английской колонией? Без нас вы ничего бы собой не представляли, если говорить по правде.

— Мы считаем иначе. Во всяком случае, ты не хуже меня понимаешь, что Соединенные Штаты не могут открыть двери одной нации и исключить все остальные. Въехать должны все — или никто, и это означает, что никто!

— А это означает войну,— горько произнесла она.— О Тед! У меня там родня — тетки, кузины, друзья. Неужто ты думаешь, что я могу равнодушно стоять в стороне, когда они там гибнут?

— Знаю. Я сожалею, Кэй, но ведь никто не виноват. Кого можно винить?

— И поэтому, я полагаю, никто не должен ничего предпринимать. Так поступают благоразумные американские герои?

— Ты сама знаешь, что несправедлива ко мне! Что мы можем сделать?

— Вы могли бы впустить нас к себе! А если нет, мы придем незваными!

— Кэй, ни одна нация не может победить Америку! Даже если бы вам удалось победить наш флот, как ты думаешь, далеко ли продвинется ваша армия, высадившись на берег? Это будет как поход Наполеона в Россию. А где Европа найдет продовольствие, чтобы обеспечить оккупантов? Неужели ты думаешь, они смогут жить на подножном корму? Говорю тебе, ни одна разумная страна не попытается этого сделать!

— Ни одна разумная страна — может быть! — не отступала Кэй.— Ты что, думаешь, ты имеешь дело с разумными людьми?

Тед пожал плечами.

— Они пришли в отчаяние! — продолжала Кэй.— И я их не виню. Вы будете воевать не только с Британией, но и со всей Европой, и союзников у вас не будет.

— Кэй,— он покачал головой,— я не могу с тобой спорить. Я понимаю, что тебе больно об этом думать. Но ведь даже если бы я согласился со всем, что ты говоришь,— а я этого не могу,— как я могу помочь Британии? Я же не Президент и не Конгресс. Давай на сегодня прекратим этот разговор, милая, я не могу видеть тебя несчастной.

— Несчастной! А разве я могу быть счастливой, когда все, что я люблю, погребено под арктическими снегами!

— Все, Кэй? — переспросил он.— Неужели ты забыла, что у тебя есть кое-что и по эту сторону Атлантики?

— Да, забыла,— холодно произнесла она.— Я сказала то, что думаю. Я ненавижу Америку.

— Кэй!

— И вот еще что. Я не выйду замуж за американца... если он... если он не сумеет отстроить Перешеек! Если Англия замерзнет, я замерзну вместе с ней, а если Англия будет сражаться, ее враги станут моими врагами!

Девушка вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Иногда Тед заходил на заседания Конгресса. Здесь, как нигде, ясно ощущался накал воцарившейся в Америке истерии.

Тед как зачарованный слушал предложение партии левых, согласно которому каждая американская семья должна была принять к себе двух европейцев и разделить с ними свои доходы на три части. Республиканцы считали, что жители континента должны быть подвергнуты добровольной стерилизации. Сенатор штата Аляска предлагал ввести для европейцев специальные деньги, чтобы они могли покупать необходимые продукты и при этом не взвинчивали цены на американском рынке. В одном представители всех партий были единодушны: необходимо инвестировать большие суммы в строительство подводных лодок, бомбардировщиков, истребителей и баллистических ракет.

В остальном Вашингтон, казалось, жил обычной жизнью. Были и танцы, и веселые разговоры за обедом в избранном обществе, и театральные премьеры — но за смехом прятался страх. Однажды министр Франции в гневе удалился с приема, потому что оркестр заиграл модный в этом сезоне «Гольфстримский блюз». Несколько дней об этом случае говорили все вашингтонцы.

Тед больше не видел Кэй. Он пытался поговорить с ее отцом, но сэр Джошуа лишь сухо отвечал, что дочь нездорова и никого не принимает.

Все понимали, что летом мир неминуемо захлестнет война. Маленькая Венгрия направила свою армию к западу, без сомнения, опасаясь вторжения из Австрии и Германии. Тед счел это хорошей новостью. Если Германия предполагает начать агрессию против соседей по материку, значит, у Америки будет на одного врага меньше.

Но британский флот уже собирался в Атлантике. Этот океан поистине стал трассой мирового значения, потому что на его западном берегу сконцентрировался весь боевой американский флот, а на севере и на юге курсировали десятки тысяч маленьких суденышек. Все кто мог спешили найти тепленькое местечко в Африке или Австралии. Каждая европейская колония принимала неслыханный поток иммигрантов. Но этот поток

в действительности был лишь тоненькой струйкой. Уезжали люди, у которых было достаточно золота для того, чтобы оплатить путешествие. Миллионы остались прикованными к родине. Одни владели землей, которая теперь не стоила ни гроша, другие — капиталами, вложенными в дело. Третьи просто были слишком бедны, чтобы купить билет на пароход.

Прямолинейная маленькая Голландия оказалась первой страной, открыто предложившей полный вывоз населения. Тед прочел ноту, напечатанную в прессе двадцать первого февраля. По существу, голландцы просто повторяли аргументы, прочитанные Кэй в лондонской газете: воззвание к человечности, обещание честного и труда на благо страны-спасительницы и призыв помнить о дружбе, какая всегда существовала между двумя нациями; коммюнике заканчивалось просьбой дать немедленный ответ по причине «крайности ситуации». Немедленный ответ и последовал.

Он тоже был напечатан в прессе. В учтивых выражениях Соединенные Штаты сообщали, что они не вправе принять население одной страны, отказав при этом остальным европейцам. Американцы, разумеется, примут голландских иммигрантов по полному размеру их квоты. Возможно даже, что данная квота будет увеличена, но снять ее совсем немыслимо.

Март принес с собой юго-западный ветер. В Южных Штатах началась весна, а в Вашингтоне закапало с крыш; но в странах Гольфстрима все еще властвовала арктическая зима. Только в краю басков и в Южной Франции иногда веяло весной — это прорывались сквозь Пиренеи теплые ветры — вестники отклонившегося течения.

Напряжение в прессе и на политическом Олимпе не ослабевало. Ноты, представительства и коммюнике так и летали между державами, точно вспугнутые голуби, но тон этих посланий уже не отличался голубиной кротостью. Теперь они содержали жесткие требования и не менее твердые отказы.

Эйс Гаунт, как и пристало пророку, с горечью видел, что его предсказания сбылись в полной мере. Дошло до того, что правительство значительно сократило

ассигнования Геологической службе — ведь ее исследования уже не играли решающей роли. Геологи сделали все, что могли, теперь они должны были уйти, уступив свое место военным.

Америка, Африка и Австралия переживали экономический подъем — ведь в их банки рекой хлынули европейские капиталы. Экспорт продовольствия невероятно вырос. Франция и ее колонии, которые с дней второго обесценивания франка так упорно держались за золото, теперь имели заметное преимущество, поскольку на золотые слитки можно было купить больше зерна, скота и угля. Зато страны бумажных денег, особенно Британия, мало чем могли помочь своим подданным, замерзающим в каменных коттеджах, лачугах или дворцах.

Одиннадцатого марта, когда столбики ртути термометров в Лондоне опустились до двадцати восьми градусов ниже нуля, Тед наконец принял решение. Вашингтон наводняли слухи, что дипломатические отношения с Англией вот-вот будут разорваны (как они уже были разорваны с Францией). Это означало, что сэра Джошуа вышлют из страны, Кэй попадет в ледяной ад Европы и будет навсегда потеряна. Пусть вся Европа погибнет, но хотя бы одну гордую дочь Британии молодой топограф намеревался спасти во что бы то ни стало.

Дверь открыла горничная.

— Мисс Лавелл нет дома,— холодно известила она.— Я сказала вам об этом по телефону...

— Я подожду,— упрямо ответил Тед.

Он невозмутимо устроился в холле. Не прошло и пяти минут, как появилась сама Кэй.

— Я не звала тебя,— заявила она с порога.

— Я не уйду.

— Я не хочу тебя видеть, Тед.

— Есть только один способ от меня избавиться — выслушать то, что я собираюсь сказать.

Она со вздохом проводила его в гостиную.

— Ну что?

— Кэй, ты меня любишь?

— Нет, не люблю.

— Кэй, ты любишь меня хотя бы настолько, чтобы стать моей женой и остаться здесь, в безопасности?

В ее карих глазах внезапно блеснули слезы.

— Я тебя ненавижу. Я всех вас ненавижу. Вы — нация убийц. Вы — точно головорезы из Восточной Индии, только те убивают во имя религии, а вы — во имя патриотизма.

— Я не стану с тобой спорить, Кэй. Я только спрашиваю... ты любишь меня?

— Ну ладно,— призналась она с внезапной усталостью,— люблю.

— И выйдешь за меня замуж?

— Нет. Нет. Я не выйду за тебя, Тед. Я возвращаюсь в Англию.

— Тогда выйди за меня замуж и уезжай. Я не могу удержать тебя, но потом — если от этого мира останется хоть что-то — я смогу снова привезти тебя сюда. Пусть мы будем по разные стороны фронтов, но все же, хотя бы перед Богом, мы будем вместе. Разве ты не понимаешь?

— Понимаю, но... нет.

— Почему, Кэй? Ты же сказала, что любишь меня?

— Потому что люблю,— прошептала она сквозь слезы.— Я не могу быть твоей женой и ненавидеть твой народ. Если бы ты был на нашей стороне, Тед, клянусь, я вышла бы за тебя завтра же, или сегодня, хоть через пять минут,— но все не так. Это будет просто несправедливо по отношению к тебе.

— Ты бы не хотела, чтоб я стал предателем,— хмуро заключил он.— Я знаю, Кэй,— ты не могла бы любить предателя.— Он помолчал.— Значит — до свидания?

— Да.— Она опустила глаза.— Официально это пока не объявлено, но папу уже отозвали. Завтра он представит свой отзыв государственному секретарю, а послезавтра мы уезжаем в Англию. Это означает — прощай.

— Это означает войну,— согласился Тед.— Я-то надеялся, что, несмотря ни на что... Видит Бог, я сожа-

лею, Кэй. Я понимаю тебя... кажется, понимаю, но... все это чертовски тяжело. Чертовски тяжело!

Она улыбнулась сквозь слезы.

— Правда, Тед, чертовски тяжело! Только представь, вернуться домой, на родину, которая вроде... ну, вроде Рокфеллеровых Гор в Антарктиде. Говорю тебе, я бы предпочла, чтоб Англия а не Панама. затонула в море! Так было бы легче, много легче... Если бы она затонула, если бы волны сомкнулись над самой вершиной Бен Макдуй!

— Волны бушуют над куда более высокими вершинами, чем Бен Макдуй,— хмуро ответил Тед.— Это...— Внезапно его лицо как будто окаменело.— Это Сьерра Мадре! — крикнул он так громко, что девушка отпрянула.— Главный хребет! Сьерра-Мадре! Сьерра-Мадре!

— Ч-что? — выдохнула Кэй.

— Сьерра! Выслушай меня! Ты доверяешь мне? Сделаешь то, что я попрошу? Для нас! Я имею в виду — для мира! Сделаешь?

— Я... я...

— Кэй, удержи своего отца, пусть никто не знает что его отозвали. Мне нужно хотя бы десять дней — может даже неделя. Ты сможешь?

— Как? Как я смогу?

— Не знаю. Заболей. Скажи, что не переживешь путешествия. Умоляй его не предъявлять свои документы до тех пор, пока не поправишься. Или... или скажи ему, что Соединенные Штаты через несколько дней сами попросят его остаться. Это правда — клянусь, что это правда, Кэй!

— Но... но он мне не поверит!

— Он должен поверить! Не знаю, как ты это сделаешь, но задержи его здесь! И пусть он доложит Министерству иностранных дел о том, что предстоят новые изменения в политике США — очень значительные изменения. Это правда, Кэй.

— Правда? Какие же?

— Некогда объяснять. Ты сделаешь, как я прошу?

— Я... я попробую.

— Ты... ох, да ты просто чудо!

Он заглянул в ее большие карие глаза, покрыл поцелуями ее лицо и умчался прочь.

Эйс Гаунт, как всегда, хмурился, разглядывая карту вымершего Солтон-Си, когда Тед без доклада ворвался в его кабинет. Поджарый техасец поднял голову и сухо улыбнулся.

— Я все понял! — выкрикнул Тед.

— Тяжелый случай,— констатировал Эйс Гаунт.— И каков диагноз?

— Нет, я хочу сказать... Слушайте, Служба Наблюдения уже провела измерения глубины над Перешейком?

— «Дельфин» все еще там,— ответил старик.— Нельзя же нанести на карту сорок тысяч квадратных миль океанского дна за время обеденного перерыва.

— А где они измеряют? — быстро спросил Тед.

— Над Перл-Кей-Пойнт, Блуфилдс, Манки-Пойнт и Сан-Хуан-дель-Норте, разумеется. Естественно, в первую очередь они измеряют уровень воды над бывшими городами.

— А где «Марлин»?

— Отдыхает в Ньюпорт-Ньюз. Мы не можем оплатить работу обоих из этого годового бюджета.

— К чертям собачьим этот бюджет! Отправьте туда еще и «Марлин», и любое другое судно, которое может доставить электрический лот!

— Слушаюсь, сэр, сию минуту, сэр,— сухо произнес Эйс Гаунт.— Когда это вы начали замещать Голсборо в министерстве внутренних дел, мистер Уиллинг?

— Прошу прощения,— ответил Тед.— Я не отдаю приказы, но я кое-что задумал. Кое-что такое, что поможет нам выбраться из этой заварухи.

— В самом деле? Звучит многообещающе. Еще один международный проект по выкачиванию денег?

— Да нет же,— вспыхнул Тед.— Сьерра-Мадре! Разве вы не понимаете?

— Грубо говоря — нет.

— Тогда послушайте! Я летал над каждой милей затонувшей территории. Я составлял карты и фотографировал ее, я делал геодезические съемки. Я знаю этот

кусок суши так же хорошо, как бугры и ямы на моей собственной постели!

— Мои поздравления — ну, и что из этого?

— Смотрите!

Он развернул топографическую карту Центральной Америки и начал говорить. Через некоторое время Эйс Гаунт повернулся на стуле, и в его бледно-голубых глазах сверкнул огонек интереса.

То, что за этим последовало, стало достоянием историков и писателей. Рассказ о том, как «Дельфин» и «Марлин» исследовали хребты погруженных в воду Кордильер,— сам по себе первоклассный приключенческий роман. Тайная борьба дипломатов трех великих морских держав — роман почти готический. Но самая увлекательная история из всех — это строительство Межконтинентальной Кордильерской Стены.

Догадка Теда подтвердилась: слой воды над затонувшими горами Сьерра-Мадре был не так уж велик. Уже тридцать первого марта началось строительство Стены. К концу сентября над уровнем моря поднялась дамба в две сотни миль длиной. Ширина ее колебалась от ста восьмидесяти до двухсот сорока футов, а высота над уровнем моря достигала девяноста футов.

И могучий поток, за которым следили сотни океанографов, снова изменил направление. Двигаясь к северу, он сначала обогнул берега Франции, затем — Англии и, наконец, пришел в Скандинавию. И наступила зима — такая же мягкая, как прежде, и вздох облегчения вырвался у всех народов мира.

По большей части Кордильерская Межконтинентальная Стена была построена Соединенными Штатами. Шовинисты сокрушались, что опять Дядя Сэм выглядит простофилей, оплачивая проект стоимостью в пятьсот миллионов долларов ради спасения Европы. Никто и не заметил, что на британских морских базах в Тринидаде, на Ямайке и в Белизе встала на якорь большая часть Королевского Атлантического флота. И никто не спросил, кстати, почему давно забытые военные долги снова выплыли на свет Божий и были без

долгих проволочек оплачены европейскими державами.

Истина заключается в том, что Кордильерская Межконтинентальная Стена дала Соединенным Штатам мировую гегемонию. С южной оконечности Техаса, из Флориды, из Пуэрто-Рико тысячи американских самолетов могли теперь в любой момент бомбардировать Стену. Ни один европейский народ не смог бы забыть об этом.

И более того. Если любая страна Востока, на климат которой Гольфстрим не оказывает никакого влияния, вздумала бы грозить Соединенным Штатам, военная мощь всей Европы обратилась бы против нее — Европа просто не могла рисковать Америкой.

Можно сказать, что Соединенные Штаты контролируют европейскую политику силами нескольких бомбардировщиков, хотя обычно об этом предпочитают молчать. Таковы результаты строительства барьера, официально известного под названием Кордильерской Межконтинентальной Стены, но который газетчики чаще называют Стеной Уиллинга.

Тед и Кэй провели медовый месяц на Карибах, наблюдая за землечерпательными и строительными работами. И однажды, когда они лежали на палубе в купальных костюмах, загорая на тропическом солнце, Тед задал жене вопрос, мучивший его последние полгода.

— Ты мне так и не рассказала, как тебе удалось задержать сэра Джошуа в Штатах. Это помогло оттянуть войну и подготовить первый проект Стены. Как же ты это сделала?

Кэй улыбнулась, отчего у нее на щеках появились ямочки:

— О, сначала я объявила, что заболела, ужасно заболела.

— Я же знал, что он на этом попадется.

— Но он не попался. Он сказал, что морское путешествие пойдет мне на пользу.

— И тогда — что же ты сделала?

— Ну, видишь ли, у него что-то вроде идиосинкразии к хинину. Он ведь служил в Индии, и там оказалось, что у него редкое заболевание, которое врачи называют хининовой крапивницей.

— Ну и?

— Разве непонятно? Его коктейль перед обедом содержал немного хинина, а также его вино, его чай, сахар и соль. Он жаловался, что все кажется ему горьким, и я говорила, что это из-за несварения желудка.

— А потом?

— Ну, потом я дала ему таблетку от несварения желудка, но в ней снова была хорошая доза хинина, и через два часа он сделался розовый, как лососина, и так чесался, что не мог усидеть спокойно.

Тед засмеялся:

— Не говори мне, что это его удержало!

— Не только это,— Кэй скромно потупилась.— Я заставила его вызвать врача, моего друга, который без конца просил меня выйти за него замуж,— и я его вроде бы подкупила, чтобы он сказал папе... что это рожистое воспаление.

— Итак?

— Итак, нас на две недели посадили на карантин! И я продолжала кормить папу хинином, и... ну, карантин у нас был очень строгий. Он не мог выйти из своей комнаты, а значит, и всех нас просто не могли выдворить из страны!

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ АДАПТАЦИИ

Чтобы немного перевести дух и собраться с мыслями во время этого сложного для него разговора, Дэниел Скотт перевел взгляд с добродушного лица Германа Баха на перспективу за окном. Темные глаза Скотта не увидели там ничего интересного — только обычный городской квартал, но зато он получил небольшую передышку. Доктор Бах прекрасно понимал затруднения своего молодого коллеги и поэтому с легкой насмешкой проговорил:

— Да ладно вам темнить, дорогой друг. Рассказывайте дальше. Вы только что высказали мысль, что любое выздоровление — это проявление способности организма к адаптации. И что?

— Я поставил перед собой вопрос,— с энтузиазмом заговорил Скотт.— Существует ли возможность повышения адаптации? И для ответа на него принялся изучать организмы, у которых эта способность выражена наиболее ярко. Конечно я прежде всего обратил внимание на насекомых: утратив крыло или ножку, они без проблем отращивают потерянные элементы. Даже отсеченная голова способна прирасти к новому телу. Но, увы, я так и не узнал, почему так происходит,— уныло закончил он свою тираду и вновь замолчал.

— Конечно, все зависит от гормонов. Именно они управляют всеми процессами любого организма,— заметил доктор Бах.

— Это-то я знаю. Вопрос в том — как? Но ответ на него я решил оставить напоследок, а пока принялся

выискивать среди насекомых чемпиона по адаптации. И как вы думаете, на ком я остановился?

— Вы выбрали таракана,— рассмеялся Бах.

— Не угадали,— улыбнулся в ответ доктор Скотт.— Чем насекомое выше в своем развитии, тем ниже у него способность к регенерации. Поэтому чемпионом — скорее, чемпионкой! — оказалась фруктовая мушка дрозофила. Ею, в свое время, заинтересовался доктор Морган, когда добивался в своих опытах устойчивых мутаций. Так вот, эта мушка, обработанная воздействием рентгеновского излучения, производила белоглазое потомство, хотя дрозофил изначально характеризует красный оттенок глаз. Эта особенность осталась неизменной и у последующих поколений подвергшихся облучению мух. Именно дрозофилы послужили мне материалом для изготовления экстракта, который я затем ввел в кровь коровы. Спустя неделю я изготовил из вытяжки, полученной от этой живой лаборатории, сыворотку, полагая, что в нее должны были перейти адаптационные особенности дрозофил.

— И вам удалось установить это? — заинтересованно спросил Герман Бах.

— Да, я вводил сыворотку больным туберкулезом морским свинкам. И, представьте себе, они прекрасно справились с болезнью! Аналогично я вылечил бешенство у собаки, и даже перелом позвоночника у несчастной кошки. И вот теперь я подхожу к самой сути проблемы...— Скотт замолчал, словно мобилизуя все силы для продолжения разговора. Затем решительно произнес: — Я прошу вас, коллега, дать мне возможность испробовать сыворотку на одном из ваших больных.

Выпалив это единым духом, он уставился на старого доктора, а тот недовольно нахмурил брови.

— Вам не кажется, что вы слишком торопитесь? — спросил он.— Для точности эксперимента вам бы следовало провести еще некоторое количество опытов, в том числе на обезьянах, и только после положительных результатов переходить на человека, испробовав сыворотку, например, на себе.

Дэниел Скотт удрученно вздохнул.

— На мне бессмысленно — я, увы, совершенно здоров. Обезьяну же надо покупать, а у меня нет денег. Я обращался в Биологический Исследовательский Центр с просьбой выделить мне животных для опытов, но они отказали — вероятно, я оказался не слишком убедителен.

— А если заинтересовать Стоумена? — несколько нерешительно предложил Бах.

— Ну нет! Как только этот хищник от науки почует поживу, он сметет всех — в том числе и нас с вами. Вот его уж наверняка следует обходить стороной! Подумайте, может быть, вы доверите мне провести эксперимент на каком-нибудь безнадежно больном пациенте? — Доктор Бах лишь покачал головой.— О Господи! Неужели мне не соблазнить вас перспективой величайшего открытия? — воскликнул Дэниел Скотт.

— Я не слишком честолюбив, дорогой мой,— ответил старик.— А опыты на людях всегда переходят из медицинской категории в нравственную.— Он помолчал, явно обдумывая что-то, а затем сказал: — Я могу пообещать вам вот что. Если кто-нибудь из моих пациентов окажется в коме, с которой не сможет справиться уже ни один врач, я позову вас и разрешу ввести сыворотку.

— Что ж, я вынужден согласиться, но, по-видимому, мне придется ждать целую вечность,— грустно проговорил молодой человек. Однако жизнь показала, что он ошибся.

Спустя примерно неделю в лаборатории Дэниела Скотта заработала селекторная связь: механический голос весьма официально сообщил, что его ждут в кабинете заведующего клиникой, доктора Баха. Дэниел немедленно поспешил на зов начальника и увидел, что тот пребывает в величайшем волнении.

— Появилась возможность применить вашу сыворотку на деле, если мы, конечно, еще успеем это сделать,— нервно проговорил Герман Бах, торопливо выходя из кабинета и сделав знак Дэниелу следовать за собой.— Пойдемте в изолятор — ваш пациент там.

— Я тотчас догоню вас, только возьму сыворотку,— сказал Скотт, убегая в сторону своей лаборатории.

И в самом деле — он оказался возле двери в изолятор одновременно с доктором Бахом. Тот сумрачно взглянул на полного энтузиазма коллегу и шагнул в крошечную палату, в которой размещались только койка и тумбочка.

На койке лежал человек, до подбородка укрытый простыней. Под тканью едва угадывалось тело, по-видимому, худое и изможденное. Скотт перевел взгляд на лицо и невольно воскликнул:

— Это же совсем ребенок!

Перед ним лежала молодая девушка с синюшными губами и темными провалами на месте щек. Заострившийся нос, закрытые глаза и спутанные черные волосы, лишенные живого блеска, свидетельствовали о том, что врачебная помощь здесь, пожалуй, уже не требуется. Однако огненные пятна на скулах говорили о том, что она пока жива. На табличке в ногах постели Дэниел прочел имя — Кира Зелас. Он вопросительно взглянул на Баха, тот кивнул.

— Последний градус чахотки,— сказал он.— Через пару часов ее не станет.

Умирающая, услышав голоса, приоткрыла глаза с бесцветной радужкой. Даже это слабое усилие вызвало приступ мучительного кашля — из угла рта потекла струйка крови.

— Вы меня слышите? — спросил старый врач, наклонившись к девушке, и когда та чуть опустила веки, сказал: — Я привел доктора Скотта, мисс Зелас. Он создал новую сыворотку, и, я думаю, вам не повредит испробовать ее на себе.

— Мне уже ничто не повредит,— прошелестело в ответ.

Скотт тем временем отломил кончик ампулы и набрал ее содержимое в шприц.

— Надо вводить ее в вену,— негромко сказал он, передавая готовый для инъекции шприц Баху.

Тот кивнул и вынул вялую руку девушки из-под простыни. Обработав место укола спиртом, он ввел иглу в едва заметную ниточку вены. Все это время девушка совершенно не реагировала на действия врачей, даже укол иглы остался, казалось бы, незамеченным ею, что только подтверждало неотвратимость близкого конца.

Дэниел не надеялся, что его сыворотка поможет этому полутрупу и, когда оба врача покинули палату, сказал об этом Баху.

— Я даже не думаю, что ее жизненных сил хватит на то, чтобы заставить сердце разогнать сыворотку по сосудам,— огорченно проговорил он.— Этот моторчик может остановиться в любой момент. Мои подопытные находились все же в более хорошем состоянии.

— К сожалению, только в подобном случае я не нарушаю врачебную этику, разрешив применение непроверенного препарата,— угрюмо ответил ему старый врач.

Они мрачно разошлись по кабинетам, сожалея — один по невольному попустительству, другой — по утраченным возможностям.

Однако следующее утро принесло им неожиданное облегчение: девушка все еще была жива.

— В сущности, это невероятно: я не ошибся в диагнозе, да и вы сами видели ее состояние,— взволнованно сказал доктор Бах вызванному в его кабинет Дэниелу.— И, на мой взгляд, ей стало немного лучше. Чудеса да и только!

Через неделю стало очевидным, что больная пошла на поправку: пугающую синюшность губ заменила легкая розоватость, немного округлились щеки, и даже почти белые глаза наполнились глубоким фиалковым цветом. Девушка расцветала, словно полуувядший бутон, вовремя напоенный влагой.

Однако вскоре доктор Бах стал утрачивать свой оптимизм.

— Похоже, ваша сыворотка, коллега, имеет какое-то странное воздействие,— сказал он Дэниелу.— С тем, что у нее исчезли все признаки туберкулеза, я уже примирился: мы, в сущности, и ожидали подобного после чудесного воскрешения пациентки. Но меня обескураживает другое. Нынче утром я взял у нее на анализ кровь из вены, и, можете себе представить, след от укола полностью исчез за те секунды, которые мне понадобились, чтобы поднести к нему ватку!

Спустя еще неделю, встал вопрос о выписке Киры Зелас из клиники.

— Она совершенно здорова,— вынужден был констатировать Герман Бах.— Но я совершенно не представляю, как с ней поступить. С одной стороны, она больше не моя пациентка, а с другой — я не хочу терять ее из виду, чтобы иметь возможность наблюдать за развитием событий. Чует мое сердце, что на этом не кончится! И, кроме того, возвращение в прежнюю среду может вызвать рецидив болезни.

— А чем она занималась до того, как попала в клинику? — с любопытством спросил Скотт.

— Работала модисткой в мастерской, получая по двадцать пять центов за час. Никакой специальности у нее нет, образования тоже, да и воспитанной ее трудно назвать. Но очень хваткая девушка,— с удивлением заметил старик.— Помогает сестрам, те на нее не нахвалятся — говорят, что усваивает все буквально на лету, а в свободное время много читает. Хотя девушки считают, что она просто просматривает книги — уж очень часто приходится их обменивать. Что и говорить — поразительная адаптация к обстоятельствам.

— Вот именно — поразительная,— мрачновато сказал Дэниел, задумчиво листая историю болезни Киры Зелас.

Некоторое время мужчины обсуждали, где бы пристроить бывшую пациентку, но здравое решение пришло лишь в голову многоопытного доктора Баха.

— Я могу взять девушку в помощь своей экономке,— заявил он.— Вы помните миссис Гейц, Дэниел? Очень серьезная особа. Она сможет присматривать за мисс Зелас, пока я в клинике. Таким образом, мы обеспечим и возможность наблюдения и не нарушим каноны морали,— хихикнул старый доктор.

Дэниел Скотт согласился с разумностью предложения своего старшего коллеги.

Во время обхода Герман Бах сообщил Кире Зелас об изменении ее судьбы, и, похоже, она искренне обрадовалась этому.

— Выписку из клиники мы оформим завтра,— уточнил Бах.— А сейчас я немедленно позвоню миссис Гейц, чтобы она приготовила комнату. Вам же, мисс Зелас, я разрешаю погулять — у нас здесь великолепный парк.

Она тотчас же направилась к лифту, и Скотт проводил взглядом угловатую фигурку в стареньком черном платье, слишком свободном для ее похудевшего за время болезни тела. Стряхнув неприятное чувство неизвестно откуда взявшейся тревоги, он продолжил обход пациентов и спустя некоторое время вновь оказался в своем кабинете.

Вскоре его срочно вызвали в приемный покой: принесли пожилого мужчину, у которого был пробит череп. К сожалению, помощь опоздала — от полученной травмы неизвестный старик скончался.

Составляя врачебное заключение, Скотт поинтересовался у сопровождавшего носилки полицейского, что же произошло.

— Вы присутствовали при несчастном случае? — Дэниел решил уточнить обстоятельства этого печального события.

— Несчастного случая? — возмутился полисмен.— Это самое обыкновенное убийство! Да взгляните сами!

Он распахнул дверь и предложил Дэниелу выйти наружу. Несколько поодаль от входа в клинику, на подъездной аллее стоял черный полицейский автомобиль, окруженный возбужденной толпой. Из-за деревьев парка, по направлению к нему, шли трое — два высоких человека в форме и между ними фигурка в свободно болтавшемся черном платье. Кира Зелас.

— Вот эта особа в черном хладнокровно раскроила голову старика каменюгой, а когда тот упал, забрала у него бумажник! — все еще не в силах успокоиться говорил полисмен.— И это на глазах у прохожих! Она даже не посчитала нужным сбежать!

Взяв у Скотта заключение, он поспешил к своим коллегам, и автомобиль уехал, увозя в тюрьму недавнюю пациентку доктора Баха.

* * *

— Не будем пороть горячку! — настаивал на своем доктор Бах, когда неделю спустя оба врача устроились у камина в его гостиной, чтобы обсудить результаты следствия.

— Но я просто обязан сообщить о разработанной мной сыворотке! — не уступал Скотт.— Может быть, она настолько повлияла на мозг девушки, что та теперь не в состоянии отвечать за свои поступки, и ее нужно лечить, а не сажать в тюрьму!

— Завтра, на судебном заседании, мы и решим, как поступить,— продолжал убеждать своего коллегу доктор Бах.— Если все окажется уж совсем скверным, мы всегда сможем выступить в качестве свидетелей. Вот тогда и поднимем вопрос о ее частичной невменяемости, что является следствием тяжелой болезни: туберкулез все-таки.

Бах все-таки настоял на выжидательной политике, и когда на следующее утро они заняли места в зале суда и принялись следить за процессом, Скотт лишний раз убедился в мудрости старого доктора.

Выступал свидетель обвинения — владелец маленького торгового павильона, стоявшего у входа в парк. Он рассказал, что очень хорошо знал пожилого джентльмена, который часто приходил кормить голубей. Именно для таких любителей природы он и держал пакетики с птичьим кормом.

— В этот раз у несчастного старика не оказалось мелочи,— продолжал рассказывать свидетель,— и он достал из бумажника крупную купюру. Я заметил, что у него там толстая пачка банкнот. К сожалению, это увидела и обвиняемая. Она подняла камень и ударила старика по затылку, а когда тот упал, забрала бумажник.

Судья потребовал описать злодейку.

— Очень неприятная особа,— ответил продавец.— Темноволосая, худая, в старом черном платье. Глаза без выражения — не то карие, не то темно-синие.

Поднялся назначенный судом защитник Киры Зелас. Явно нервничая, молодой адвокат спросил свидетеля:

— Вы видите описанную вами особу в зале суда?

— Само собой! — вызывающе ответил продавец.— А кто же тогда сидит за барьером?

— Ваше дело не задавать вопросы, а отвечать на них,— строго заметил судья.

Свидетель кивнул и показал на барьер.

— Она вон там.

— Помнится, вы описали ее худой, темноволосой и темноглазой.— Но его тон резко изменился, когда он обратился к своей подзащитной: — Прошу вас, мисс Зелас, встать и снять шляпку,— чуть ли не робко предложил он.

Девушка за барьером поднялась, и Скотт с трудом удержался от удивленного восклицания. Перед ними стояла красавица с голубыми глазами и блестящими платиновыми волосами. Великолепную фигуру облегала черная ткань, но теперь было абсолютно все равно — рубище это или роскошный наряд.

— Прошу заметить, господин судья, цвет волос и глаз — натуральный. Мисс Зелас не применяла красителей или контактных линз. При необходимости можно провести анализ. Моя подзащитная готова пожертвовать локоном, но, естественно, не глазом,— чуть улыбнулся он, обретая, наконец, уверенность от одобрительного смеха в зале.

— Именно эта дама на ваших глазах убила несчастного старика? — строго обратился адвокат к ошарашенному свидетелю.

Тот помотал головой, лишившись от изумления дара речи, потом прокашлялся и хрипло сказал:

— Нет.

Посоветовшись с судьей, адвокат предложил Кире Зелас выйти из-за барьера и занять место, предназначенное свидетелям. Затем попросил ее рассказать, как все произошло на самом деле.

Она сообщила суду, что довольно долго лечилась в клинике доктора Баха, и на следующий день была уже назначена выписка. По совету врачей она вышла погулять в парк. Неожиданно к ней бросилась какая-то особа в черном, сунула ей в руки раскрытый бумажник и скрылась за кустами.

— Набежавшая толпа окружила меня, приехала полиция, и я оказалась в тюрьме. Меня никто не желал слушать, и вот...— закончила свою речь Кира Зелас, беспомощно разведя руками.

Ее голос звучал так трогательно, что у Дэниела возникло непроизвольное желание немедленно, сокрушая всех, броситься на ее защиту. Он подумал, что все пред-

ставители сильного пола испытывали сейчас такие же чувства: об этом свидетельствовал гневный ропот мужских голосов, раздавшийся в зале.

— Что было в бумажнике, мисс Зелас? — задал следующий вопрос защитник.

— Я успела рассмотреть визитные карточки, права. Были еще какие-то бумаги. И все,— с подкупающей искренностью ответила девушка.

— Заметили ли вы в нем пачку денег?

— По-моему, денег в бумажнике не было,— прозвучал ответ.

— Но в вашей сумочке полиция обнаружила семьсот долларов. Объясните их происхождение,— предложил адвокат.

— Это мои деньги. Я же сказала, что должна была на следующее утро выписываться из клиники, вот и забрала их из сейфа,— просто объяснила мисс Зелас, недоуменно пожав плечами.

— Лгунья! — прошептал доктор Бах прямо в ухо Дэниела.— Когда ее привезли, весь ее капитал состоял из двух долларов и тридцати центов. Ну и штучка!

— Вы не сомневаетесь, что именно эта красавица лежала в клинике? — спросил Скотт, не в силах отвести глаз от прекрасного лица.

— Да вы приглядитесь внимательней! — возмутился доктор Бах.— Черты лица остались прежними, этого не изменишь. Вы просто ослеплены ее новым обликом. Подумать только, на что способна ваша сыворотка...

Внезапно Дэниел заметил, что в тот момент, когда солнечный луч касался платиновых волос, они становились темнее. Он указал Баху на это невиданное зрелище.

— Вот я и говорю — все ваша сыворотка,— проворчал доктор Бах.

Дэниел Скотт вновь пристально вгляделся в отвечавшую на вопросы красавицу. Ну, конечно. Инъекция оздоровила тело погибавшей девушки — в этом он не сомневался. Но действие препарата пошло значительно дальше: оно изменило сам организм, вызвав к жизни те самые силы, которые заставляют хамелеона менять окраску в зависимости от цвета окружающей среды.

Между тем заседание суда стремительно подходило к концу. На заявление защиты о прекращении дела судья ответил согласием.

К оправданной мисс Зелас тут же рванулись репортеры, фотографы старались изо всех сил, ослепляя окружавших вспышками блицев. Дэниел побоялся, что Кира Зелас исчезнет в этой толчее, и потащил доктора Баха к проходу. Когда Кира проплывала мимо них — словно планета в окружении спутников,— он негромко окликнул ее. Девушка мгновенно остановилась, и внимание прессы теперь переключилось на двух мужчин.

— Позвольте представить вам моих спасителей — главу клиники доктора Баха и его коллегу Дэниела Скотта,— мелодичным голосом проговорила она.

Сделав несколько снимков, пишущая братия устремилась к телефонам, оставив, наконец, в покое предмет сенсационного судебного разбирательства. Воспользовавшись передышкой, все трое вышли из зала через боковую дверь, и доктор Бах заметил, что предложение, которое он в свое время сделал мисс Зелас, остается в силе.

— Если, конечно, у вас нет иных планов,— галантно добавил старик.

Выяснилось, что других планов у мисс Зелас пока что нет, и она с радостью воспользуется гостеприимством доктора Баха и его экономки, миссис Гейц.

Скотт потрясенно увидел, что внешность девушки под лучами солнца невероятно изменилась: локоны, выглядывавшие из-под шляпки, теперь стали черными как ночь, загадочные глаза замерцали фиалковым светом, а кожа лица приобрела оттенок, более подходивший креолке. И она по-прежнему оставалась невыразимо прекрасной.

Герман Бах предложил сейчас же поехать к нему. Кира не возражала, но попросила отвезти ее сначала в супермаркет, сославшись на то, что весь ее гардероб — это заношенное черное платье. В результате в доме доктора Баха они появились, нагруженные многочисленными пакетами и свертками.

Из всех комнат дома Кира облюбовала библиотеку, и теперь, нарядившись в роскошное шелковое платье,

расположилась там, словно всю жизнь прожила среди этой роскоши.

Скотт еще в машине высказал ей свое неудовольствие по поводу безудержной траты чужих денег, и теперь этот разговор возник снова.

— Я трачу собственные деньги: по суду они принадлежат мне,— спокойно возразила Кира.

Кстати, именно ее чудовищное спокойствие потрясло Дэниела Скотта ничуть не меньше, чем удивительная красота бывшего заморыша. Эта невозмутимость бесила молодого врача, и он резко сказал:

— Это деньги убитого вами старика!

— Конечно. Мне нужны были деньги, и я взяла их у него.

— Да, после убийства. И наш долг отдать вас в руки правосудия,— гневно заявил Скотт.

Между тем доктор Бах с интересом следил за этой перепалкой, пока воздерживаясь от комментариев. Девушка перевела взгляд с Дэниела на старого врача и насмешливо сказала:

— Это уже было, уважаемые господа. И суд меня оправдал. А в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов дважды за одно и то же преступление не судят.— Увидев, как вытянулись их лица, она пояснила: — Я очень много читала с тех пор, как начала выздоравливать. И в камере тоже: адвокат был так любезен, что перетаскал мне всю свою юридическую библиотеку. Почитаю и здесь.— Она обвела рукой набитые фолиантами стеллажи.— Надеюсь, среди этих книг не только справочники по медицине. И для сведения: я читаю очень быстро и мгновенно запоминаю все прочитанное. А сейчас я хочу отдохнуть — уж очень утомительным выдался день.

Когда мисс Зелас величественно покинула библиотеку, мужчины ошарашенно уставились друг на друга.

— Давайте сначала вы,— предложил Дэниелу доктор Бах.

Тот кивнул и медленно заговорил:

— Как известно, именно от адаптации зависит выживаемость организма. Я имею в виду, конечно, живую материю. Свойство приспособиться к внешним ус-

ловиям делает организм тем более совершенным, чем выше в нем это качество. Я уже говорил как-то о насекомых. Теперь поговорим о людях. На солнце кожа покрывается темным загаром — так человек защищается от ультрафиолетовой части спектра. То же свойство — но уже врожденное — мы видим у жителей экваториальных областей планеты. По сравнению с ними, северные народы почти альбиносы: для собственного оздоровления они приспособлены поглощать солнечные лучи. Человек, теряющий правую руку, приучается успешно пользоваться левой. А способность регенерации тканей при заживлении ран? Это все разновидности адаптации живого организма.

Несмотря на то что Скотт говорил известные вещи, доктор Бах с интересом слушал его, не перебивая.

— Случай с Кирой Зелас выходит за рамки обычной адаптации,— продолжал между тем Дэниел.— Мы наблюдаем совершенно невероятное явление. Она изменяет цвет кожи, волос и глаз мгновенно. Так же мгновенно исчезают даже следы уколов. Но это неосознанные действия. А вот в суде она использовала это свое качество сознательно, очаровав всех неземной красотой — которая, кстати, после прекращения дела несколько поубавилась,— а также подчеркнутым призывом слабого существа к рыцарским чувствам мужчин. Я в полной мере испытал это на себе. А ее чудовищная обучаемость? Вспомните, что рассказывали сестры в клинике. Сейчас эту девушку никто бы не назвал невоспитанной и серой. Чертова сыворотка вызвала в организме Киры Зелас какую-то непредвиденную биохимическую реакцию, вследствие чего ее способность к адаптации невероятно возросла. И я пока не нахожу ответа на вопрос — что же произошло?

Старый врач задумчиво покачал гловой, нахмурил брови и задумчиво проговорил:

— Объяснение, друг мой, может быть только одно. Развитием человека управляет мозг и разветвленая сеть нервной ткани. Именно они создают человека темнокожим или белым, умным или глупым, высокими или низким — да всего и не перечислишь. В свою очередь, степень развития мозга и всей нервной системы суще-

ственно зависит от так называемой шишковидной железы, а иначе — гипофиза, расположенного над мозжечком. Ученые древности считали, что именно там находит себе убежище душа человека. Значит, уже тогда роль гипофиза считалась наиважнейшей. Вероятно, сыворотка вызвала гипертрофированное развитие гипофиза, а это целиком зависит от количества гормона, именуемого пинеалином. Вспомните, биохимики мира безуспешно пытаются получить этот гормон: он обеспечил бы власть над человечеством — ни больше ни меньше. По-видимому, колдуя над сывороткой, вы случайно выделили эту голубую мечту всех параноиков, стремящихся к мировому господству. И если это так, то созданное вашим снадобьем чудовище — а иначе говоря, бывшая Кира Зелас — являет собой совершенный организм с неограниченной адаптацией и абсолютной неуязвимостью.

— Боже мой! — только и смог прошептать Дэниел Скотт.

— И этого мало,— сочувственно глядя на своего молодого коллегу, продолжил доктор Бах.— Существуют два вида адаптации: биологическая и нравственная. С биологической все просто — вспомните уже упоминаемого хамелеона или сезонное изменение цвета шкурки соболей, зайцев и других зверьков. С человеком все обстоит гораздо сложнее: если он не может приспособиться к среде обитания, он изменяет саму среду. Вся сущность прогресса опирается именно на это — перестроить по воле человека окружающий мир. И мы даже не можем предположить, куда повернет в своем развитии эта носительница избыточного пинеалина: мы можем только наблюдать за Кирой Зелас и надеяться на благополучный исход. Как знать, может быть, эта девушка демонстрирует нам модель человека, находящегося на следующей ступени эволюционной лестницы.

— Но любая эволюция предполагает постепенный переход количества в качество,— возразил доктор Скотт.

— Да, так считал Дарвин,— заметил Герман Бах.— Но я думаю, что появление нового качества подобно взрыву. Посудите сами, какой прок длительно отращивать крылья, если уже изначально не видна определен-

ная выгода полета. Точно так же и зрение. Глаз должен был появиться сравнительно быстро, чтобы обладатель нового качества понял свое преимущество перед слепыми сородичами и сумел выжить при изменившихся обстоятельствах существования. Этого взгляда придерживаются сторонники мутационной теории. А мутации — возьмите все тех же белоглазых дрозофил — происходят в весьма короткие сроки, если для этого созданы определенные условия. Вот и с Кирой Зелас произошел подобный мутационный скачок. Вот только — куда? Уж не к сверхчеловеку ли?

Дэниел Скотт покинул дом доктора Баха в полном смятении чувств. Он не спал всю ночь и ранним утром вновь оказался в кабинете своего старшего коллеги. Они обсудили план дальнейших действий, и — как следствие — Бах, на правах начальства, подписал заявление Скотта об отпуске, а сам, сославшись на легкое недомогание, поручил заботу о своей клинике заместителю. В то же утро Дэниел перебрался в дом старого доктора, надеясь защитить того в случае непредвиденных эксцессов. Естественно, его интересовала и сама Кира Зелас.

Однако находиться с ней под одной крышей стало серьезным испытанием для Дэниела Скотта. Инстинктивно или сознательно Кира воплотила в себе черты очаровательного женского образа, руководствуясь, по-видимому, скрытым в подсознании молодого человека идеалом. Скорее всего, девушке захотелось развлечься, а ограниченность окружения делала Дэниела вполне подходящей мишенью.

Его неудержимо влекло к ней, хотя разум противился этому, напоминая, что перед ним почти нечеловеческое существо, склонное в своей безнравственности даже к убийству.

Тем временем внешне все обстояло весьма благополучно. Кира быстро приспособилась к укладу дома, охотно помогала миссис Гейц, много читала и умно поддерживала вечерние беседы у камина.

Постепенно справился со своими эмоциями и Дэниел. Он вернулся к наблюдениям за подопытными животными и решил исследовать мозг одной из морских

свинок, которая — как и Кира — обладала способностью мгновенно избавляться от следов уколов и порезов.

Дэниел Скотт усыпил животное и вскрыл черепную коробку. Призванный для консультации доктор Бах установил ярко выявленную гипертрофию шишковидной железы.

— Похоже, я оказался прав,— заметил он.— Однако статистические данные подобных случаев, к сожалению, отсутствуют. Я уверен, что операция на гипофизе морской свинки даст определенные результаты, но это еще не означает, что человек прореагирует адекватно. Но попробовать следует.

Проведенная операция показала, что у морской свинки появилась нормальная реакция на уколы. Осмотрев прооперированное животное, доктор Бах сказал:

— Я думаю, следует добраться и до гипофиза нашей подопечной.— Увидев, как изменилось выражение лица Скотта, он добавил: — Мы не сможем сторожить ее вечно. Рано или поздно проявятся неведомые нам наклонности, и очень хотелось бы предупредить это. Однако как ее усыпить?

Дэниел прекрасно понимал справедливость выводов Баха, но тем не менее страшно расстроился, когда заметил, что вместо какого-то витаминного препарата, тот сделал ей укол морфия. Кира — как и в клинике — по-прежнему не отказывалась от любых процедур, предписанных ей старым доктором, и очередная инъекция не удивила ее.

Оба врача исподтишка наблюдали за действием наркотика, но Кира лишь потерла глаза, с прежним оживлением участвуя в вечерней беседе.

Когда она, наконец, удалилась к себе, Бах предложил применить хлороформ.

— Мгновенная анестезия должна подействовать,— постарался он убедить сам себя, доставая вату и флакон с жидкостью, обладавшей сладковатым запахом.

Дождавшись, когда вокруг все стихнет, они беззвучно вошли в комнату Киры и, при слабом свете ночника, увидели, что девушка крепко спит. Со словами — «Этим можно усыпить и слона» — доктор Бах поднес к ее носу вату, пропитанную хлороформом.

Эффект превзошел все их ожидания. Вместо того чтобы погрузиться в наркотическое забытье, Кира открыла глаза и усмехнулась.

— Зря стараетесь, господа,— насмешливо проговорила она.— Думаете, нынче вечером я не распознала морфий? А теперь еще и эта гадость! Мне не хотелось бы, чтобы вы принялись экспериментировать с кинжалом, поэтому сама продемонстрирую один любопытный опыт.

С этими словами она взяла со столика нож для разрезания бумаг и с силой воткнула его себе в грудь по самую рукоятку. Затем вынула лезвие из раны, стерла проступившую кровь, и врачи с содроганием увидели, что на ее коже не осталось и следа ужасного удара.

— Я неуязвима,— сказала девушка.— Примите это как факт. А теперь ступайте, я хочу спать.

Пристыженные медики удалились в буфетную и немного посидели там, чтобы с помощью бокала вина обрести прежнее равновесие духа.

— Похоже, эксперименты подобного рода следует прекратить,— со вздохом заметил Бах.— Думаю, даже электрический стул окажется бессильным: она тут же приспособится к среде, наполненной электричеством. Пожалуй, здесь требуется только стотонный локомотив,— невесело усмехнулся старик и предложил расходиться по спальням.

За завтраком никто не обмолвился ни словом о ночном происшествии. Кира затем ушла в библиотеку, а мужчины отправились в лабораторию, чтобы понаблюдать за подопытными животными и кое-что обсудить без свидетелей.

К обеду мисс Зелас не вышла: миссис Гейц сообщила, что девушка покинула дом еще утром. «Началось»,— подумал Скотт. «Продолжается»,— мелькнуло в голове у Баха. Они оба оказались правы.

Кира появилась только вечером. Еще с порога гостиной она заявила сидевшему там Скотту:

— Я случайно наехала на ребенка, и он, кажется, умер. Но меня никто не видел, так что нечего беспокоиться.

Не только новое преступление, но и тот спокойный тон, каким было сделано признание, потрясли Дэние-

ла. Когда к нему вернулась способность говорить, он потребовал объяснений.

— Мне надоело торчать в доме,— капризно начала мисс Зелас.— Я решила погулять, но поскольку езда на автомобиле гораздо интереснее, чем простая ходьба, я села в машину с работающим двигателем. Остолоп, ее владелец, не выключил зажигание, отправившись покупать цветы. Я, естественно, рванула с места, чтобы не слышать его воплей, но на одном из перекрестков прямо под колеса бросился мальчишка. Он, видите ли, помчался за мячом.

— И вы не остановились, чтобы помочь? — едва не задохнулся от волнения Скотт.

— Нет, конечно,— ответила красавица.— Напротив, я прибавила газу, а когда убедилась, что меня не преследуют, вернулась к перекрестку, чтобы послушать, о чем там судачат. Машина с трупом уже уехала, так что я все равно ничем не смогла бы помочь — разве что отдать себя в руки полиции.

— И тем не менее это обязательно надо сделать,— решительно проговорил Дэниел.— На вашей совести угон автомобиля, смерть ребенка, и, кроме того, вы скрылись с места преступления. Закон такого не прощает.

— Значит, надо изменить закон или встать над ним,— хладнокровно заявила Кира Зелас.— Я чувствую, что способна сделать это и, пожалуй, в ближайшее время займусь усовершенствованием мира.

У Скотта создалось впечатление, что он говорит с безумной. Чтобы выиграть время, он сказал:

— Это следует обсудить. Дайте мне слово, что не покинете этот дом, пока мы все не решим.

Кира пожала плечами и снисходительно произнесла:

— Хорошо, если уж вы так настаиваете, Дэниел. Отложим все до утра.

Но утром ничего решать не пришлось: Кира Зелас исчезла. Вместе с ней исчезли ее туалеты и деньги, лежавшие в бумажниках врачей и в кошельке экономки. Как ей удалось незаметно покинуть дом, так и осталось загадкой — двери и окна оказались запертыми изнутри, как того требовал установленный порядок.

Скотта больше всего уязвила ложь девушки.

— Подумать только, солгать с таким невинным лицом! — горячился он.

— Ничего странного,— философски заметил Бах.— Лгущих во имя выживания существ в природе сколько угодно. Это явление называется мимикрией, и она никому не казалось безнравственной.

— Но мисс Зелас — человек, а для любого из людей понятие «порядочность» не пустой звук,— не успокаивался Дэниел.

Доктор Бах снова усмехнулся.

— Я не стал бы выражаться столь категорически — и насчет человека, и насчет порядочности. Но одно я понял твердо: у нашего чудовища началась вторая фаза адаптации. Теперь она примется за переустройство мира.

— И что же нам делать? — растерянно спросил Дэниел.

— Ничего. Остается только ждать.

* * *

Дни складывались в недели, но никаких сведений о Кире Зелас не поступало. Несостоявшиеся экспериментаторы вернулись к свои обязанностям: доктор Бах вновь вознесся на начальственный Олимп, а доктор Скотт первым делом уничтожил все следы своих биохимических опытов. Он усыпил морских свинок, кошку и собаку, подвергшихся воздействию сыворотки, а также расколотил ампулы с опасным препаратом.

Однажды по селектору последовало предписание немедленно явиться в кабинет руководителя клиники. Дэниел поспешил на вызов и застал доктора Баха за чтением газеты.

— Взгляните-ка на это.— Старик с брезгливой миной подтолкнул газетные листы в сторону Скотта.— Похоже, начинается следующий акт.

В заметке, проглоченной единым духом, говорилось, что восходящее светило юриспруденции, обворожительная Кира Зелас, почтила своим вниманием известнейшего финансиста N. Корреспондент многозначительно

упоминал также о ее экстравагантных нарядах и удивительном макияже, отдав должное и успешной самозащите на процессе по ложному обвинению очаровательной дамы в убийстве. Этот бред занял целую полосу светской хроники.

— Под этим N наверняка скрывается значительная фигура — кто-нибудь вроде министра финансов,— прокомментировал заметку Бах, увидев, что Дэниел уже прочел ее.— Здесь, правда, не указано, каким образом в этих кругах возникла фигура Киры Зелас, но с ее красотой и беспринципностью это оказалось, думается, не таким уж сложным делом.

Дэниел пожал плечами.

— Мне кажется, что все закончится пшиком,— заметил он.— В нашей стране еще не было случая, чтобы женщина надолго удержалась у власти.

— Так то женщина,— усмехнулся доктор Бах.— А здесь речь идет о Кире Зелас. Эти марионетки в правительстве даже не понимают, какого зверя пустили они в политический огород.

Каждый день приносил что-нибудь новенькое. То писали об общественных мероприятиях, которые украсила своим присутствием необыкновенная Кира Зелас. То проскальзывали намеки на некие интриги, раскачивавшие политический корабль. Наиболее ретивые журналисты иногда говорили о теневом кабинете министров, пересказывали сплетни, делали намеки. Но всякий раз — завуалированно или напрямую — упоминалась все та же Кира Зелас.

Постепенно тон сообщений изменился. Теперь редко можно было уловить иронию или, не дай Бог, сарказм: заметки приобрели вполне благопристойное звучание, что несомненно свидетельствовало о возросшей роли нового политического деятеля.

Дэниел Скотт инстинктивно ощущал угрозу, исходившую от созданного прессой образа Киры Зелас. Но, возможно, это ему только казалось, а тревога жила в нем самом. Он не мог решить, что именно появилось в мире вместо смертельно больной модистки: гений, безумец с манией величия, чудовищная нелюдь или человек будущего? Он видел перед собой невероятно пре-

красную женщину с открытым взглядом невинных глаз, и это мешало ему реально оценивать происшедшее. Именно тогда он понял, что имел в виду Герман Бах, когда говорил:

— Какое счастье, что я уже старик.

* * *

Внезапно в доме доктора Баха появилась сама виновница их тревог.

Герман Бах пригласил Скотта заглянуть к нему вечером, чтобы обсудить странную нечувствительность одного из пациентов к лекарственным препаратам. Подобный случай упоминался в недавней публикации одного из журналов, и Бах считал, что следует вместе обсудить ее достоверность.

Именно тогда мужчин встретила в вестибюле взволнованная миссис Гейц и сообщила о нежданной гостье.

— Чем обязаны такой чести, мисс Зелас? — церемонно спросил доктор Бах красавицу, уютно расположившуюся в кресле у камина.

— Просто захотелось взглянуть на вас. Здесь так спокойно, и все располагает к отдыху,— с благодушной доброжелательностью сытого хищника проговорила она.

— Вероятно, просто кончились деньги,— угрюмо проворчал Скотт.

Кира резко повернулась на его реплику.

— Кстати, сколько я вам должна? — Она раскрыла сумочку, набитую пачками долларов.— Неужели вы решили, что я обокрала вас? Фи! Я просто взяла в долг необходимую мне сумму.

— Да что там деньги! Вы обманули нас, нарушив вами же данное слово! — возмущенно сказал Дэниел.

Мисс Зелас насмешливо улыбнулась.

— Поразительно, какой вы старомодный, Дэниел! Вам, вероятно, очень трудно жить.— Она окинула взглядом все еще стоявших мужчин и сказала: — Надо проще смотреть на мир, господа.

Доктор Бах на правах хозяина пригласил их в столовую, где миссис Гейц уже расставляла приборы. Во время ужина разговор, естественно, перешел на поли-

тику. Тон задал доктор Бах, невинно поинтересовавшись:

— Ну и как? Вы уже приступили к переделке законов?

— Проще не переделывать их, а заменить новыми,— резонно заметила Кира Зелас.

— Именно поэтому вас называют восходящим светилом юриспруденции? — ехидно спросил Скотт.

Кира искренне рассмеялась.

— Это все выдумки журналистов! Но знаний, конечно, мне хватает, как вы догадываетесь. Я хорошо разбираюсь в существующих законах и, главное, умею их применять. Но самое забавное состоит в том, что, опираясь на статьи законов, вполне реально доказать их полную несостоятельность. Пользуясь этим, можно заварить такую кашу, что всему миру не расхлебать, если, конечно, не найдется хотя бы одна трезвая голова. А она как раз перед вами — из меня получится весьма дальновидный политик. Мой принцип — разделяй и властвуй! Вот так-то, господа.

— И ваше окружение поддерживает подобные планы? — поинтересовался доктор Бах.

Девушка пожала плечами.

— Конечно, нет. Любыми методами они стараются помешать мне. Это и не удивительно. Еще древние римляне говаривали: «Homo homini lupus est»[1]. Но я хорошо умею расправляться с противниками. Вы же читаете газеты — поэтому наверняка знаете о некоторых громких процессах. Думаю, что смогу извести под корень любую крамолу.

Подобные речи в устах существа неземной красоты казались не только неуместными, но даже кощунственными. Дэниел Скотт изумленно смотрел на нее, почти не раскрывая рта, тогда как доктор Бах старательно направлял беседу в нужное ему русло. Так, он затронул проблемы войны и мира и услышал в ответ:

— Если для достижения поставленной мною цели потребуется война, что ж, значит, таков ход истории. Без жертв ничего не достигнешь, но при этом целесооб-

[1] Человек человеку волк (лат.).

разно, чтобы расплачивался кто-то другой.— Она рассмеялась собственной шутке.

Поражал неприкрытый цинизм ее высказываний. Любая тема рассматривалась ею с точки зрения махрового эгоцентризма. На первое место выдвигалось гипертрофированное понимание собственной значимости.

Дэниел Скотт вздохнул с облегчением, когда мисс Зелас отправилась, наконец, отдохнуть, и спросил доктора Баха:

— Интересно, сколько в ее словах было пустой бравады?

— Ни капли,— уверенно ответил Герман Бах.— Здесь налицо явные признаки паранойи, отягощенной манией величия. Она больна и нуждается в лечении. Но подобные больные не допускают даже мысли о своем нездоровье. Для общества, в сущности, они не представляют опасности, если в их руках не оказывается власть. В случае Киры Зелас все осложняется тем, что у нее-то как раз имеются огромные возможности для осуществления любых бредовых замыслов. Я имею в виду абсолютную беспринципность этого существа, многократно усиленную быстрым аналитическим умом, присущим, скорее, не человеку, а компьютеру. Ее необходимо остановить!

Решительные слова старика застали Дэниела врасплох.

— Но что мы можем сделать? — растерянно спросил он.

— Вы прекрасно это знаете,— неумолимо ответил доктор Бах.— Просто все ваше естество противится необходимости делать операцию. Но, поймите, это единственный выход!

— Есть еще опека! — из последних сил сопротивлялся Скотт.

— Для этого надо доказать ее недееспособность, коллега,— насмешливо проговорил старый врач.— А кто поверит нам на слово? Фактов-то нет! Да она обведет вокруг пальца любую комиссию и повернет дело так, что нас самих упекут в психушку. Лучше подумайте, каким образом дать ей наркоз. Эта проблема посложнее прочих: вы же сами видели мои безуспешные попытки усыпить это чудовище.

Дэниел Скотт прекрасно понимал правоту доктора Баха, но все же сделал еще одну попытку:

— Давайте завтра утром снова поговорим с Кирой. Как знать, может быть, за ночь ее планы переменятся...

— Хорошо,— уступил Бах.— Попробуем поговорить, если она, конечно, не успеет удрать до этого.

Дэниел облегченно вздохнул и, приглашенный стариком заночевать у него, остался в доме Баха, чтобы — на всякий случай — быть под рукой.

* * *

Всю ночь Дэниел почти не спал. С первыми лучами солнца он, чтобы спозаранку не беспокоить миссис Гейц, сам сварил себе кофе и, взяв дымящуюся чашку в библиотеку, устроился там, просматривая газеты. Вскоре там появилась и Кира Зелас.

Ее пристрастие к черному цвету, зародившееся, по-видимому, еще во времена недавней бедности, вынуждавшей убогую модисточку выбирать немаркие тона одежды, теперь лишь усугубляло красоту нового облика. В этот ранний час черный шелк утреннего «неглиже» оттенял матовую белизну лица и подчеркивал платиновый блеск волос, выразительно выделяя на белом фоне ярко-голубые глаза и капризный рисунок розовых губ.

Дэниел подумал, что каждая женщина наверняка позавидовала бы свойству Киры обходиться без помощи косметики, являя в то же время образец идеального — для любой секунды суток — макияжа. Он пожалел, что по сути своей натуры не является Мефистофелем: тот продал Фаусту молодость в обмен на душу, а он вполне мог бы заработать огромные деньги, торгуя эликсиром красоты. Правда, возросшее количество сумасшедших, а также озверевшие визажисты существенно подорвали бы его коммерцию.

Прекрасно сознавая силу своего обаяния, девушка устроилась напротив молодого врача и приступила к атаке.

— Я вернулась сюда, Дэниел, только из-за вас,— мягко начала она.— Вы сразу понравились мне — я ощу-

тила в вас ту силу, которая всегда притягивает женщин. Чувствую, что и я небезразлична вам. Из нас получилась бы прекрасная пара,— нежно улыбнулась соблазнительница.— Предлагаю вам разделить со мной тот путь, по которому я намерена идти. Вам не стоит бояться осложнений: политическую борьбу я освоила в совершенстве. Но мне нужна опора, и вы, со своим пониманием добра и зла, станете моим прибежищем в этом порочном мире.

Скотту казалось, что от нее можно ожидать чего угодно, но только не подобного предложения: он оказался беззащитен перед ним. Сердце рвалось безоглядно подчиниться желаниям этой удивительной девушки, он весь пылал — но, казалось, в висках безостановочно отдается только одно слово: «Думай! Думай! Думай!»

Не дождавшись мгновенного ответа, Кира Зелас поднялась, подошла к нему и, положив руки на плечи, внимательно заглянула в глаза.

— Завтра я возвращаюсь в Вашингтон,— тихо сказала она.— Надеюсь, любимый, мы поедем вместе.

Она бесшумно вышла из библиотеки.

Постепенно Дэниел Скотт успокоился. Сердце перестало выпрыгивать из груди, дыхание восстановилось, и он с удивлением понял, что может вполне трезво оценивать ситуацию — с уходом Киры Зелас пропало и наваждение.

В библиотеку нерешительно заглянул доктор Бах.

— Мне казалось, вы не один,— заметил он, входя, наконец, в помещение.— Я ошибался, друг мой?

Скотт покачал головой.

— Нет. Отсюда только что ушла Кира. Она зала меня с собой в Вашингтон,— чуть дрогнувшим голосом сказал он. Увидев ужас на лице старика, он поторопился его успокоить: — Я не поеду, хотя она будет ждать ответа до утра.

Герман Бах без сил рухнул в кресло.

— Она сильнее вас, Дэниел! Но если вы не сможете выстоять перед ее напором, все будет кончено! С вами, во всяком случае: вы ведь не сможете идти по трупам. А я не знаю, чем помочь вам.— Старик в отчаянии

сжал руки.— То есть, конечно, знаю, но совершенно не представляю, как это осуществить?!

Весь день, прошедший, казалось бы, в обычных заботах, оба врача напряженно думали над проблемой наркоза. Скотт старался не оставаться с Кирой наедине, и в этом ему активно помогал доктор Бах, затеяв после обеда прогулку на автомобиле, в которой участвовала и миссис Гейц.

Вечером, когда все разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть перед ужином, Дэниел зазвал к себе старшего коллегу, шепнув ему долгожданные слова: «Я придумал!»

— Решение лежало буквально на поверхности! — возбужденно заговорил доктор Скотт.— Еще ни одно живое существо не могло выжить без кислорода. Следовательно, надо заменить его углекислым газом! Вот только как это осуществить?

— Нет ничего проще,— деловито ответил старый врач.— В лаборатории есть баллон с углекислотой, мы поставим его в соседней со спальней Киры комнате, а шланг протянем вдоль труб парового отопления.

Доктор Бах, большой любитель раритетов, бережно сохранял в своем особняке атмосферу старинного дома. Используя новейшие достижения бытовой техники, он замаскировал современные светильники под газовые рожки, установил в помещениях климатические установки, но не убрал батарей водяного отопления, а приборы для приготовления пищи удобно разместил в огромной кухонной плите. Только в каминах по-прежнему горел настоящий огонь — доктор Бах не мог заставить себя заменить живое пламя электрическими подделками.

Теперь его страсть к старине сыграла заговорщикам на руку.

Стараясь не шуметь, они перетащили из лаборатории баллон, и Бах молча показал Дэниелу, куда именно следует проталкивать шланг. Скотт кивком подтвердил свое согласие, и мужчины вернулись в гостиную, договорившись провести подготовку к эксперименту сразу после ужина: Герман Бах станет развлекать дам беседой, а Дэниел смажет оконные петли в комнате

Киры, просунет в отверстие в стене конец шланга от баллона и подготовит в лаборатории операционный стол. Обеспечивать газонепроницаемость рам решили ночью: Кира предпочитала свежий воздух, и запертые окна ее насторожили бы. Весь замысел облегчало то, что комната девушки находилась на первом этаже.

— Если углекислый газ лишь ненадолго заставит ее потерять сознание, вы успеете сделать операцию на гипофизе? — взволнованно спросил Дэниел.

Доктор Бах успокоил своего младшего коллегу, заявив, что в последнее время только тем и занимался, что оттачивал технику процесса, тренируясь на морских свинках.

* * *

Ужин прошел в приятной беседе, которая затем продолжилась в гостиной. Кира Зелас поддерживала разговор с умением и грацией светской львицы, и Дэниел не переставал удивляться безграничным возможностям человека к адаптации. Он вновь оказался во власти этого чарующего существа и едва не ответил согласием на вопрос Киры, решил ли доктор Скотт сопровождать ее завтра утром.

Но она сама подсказала ему путь к отступлению, нежно проворковав:

— Я вскоре вернусь в ваш гостеприимный дом, доктор Бах, если вы не возражаете, конечно.

Герман Бах, естественно, не возражал: витиевато формулируя приглашение приезжать в любое время, он свирепо взглянул на Дэниела из-под кустистых бровей. Тот понял намек и сообщил Кире, что дела заставляют его задержаться в клинике, поэтому вопрос о переезде в Вашингтон они решат во время ее следующего визита.

Пожелав господам доброй ночи, Кира Зелас ушла к себе.

— Ждать осталось недолго,— заметил Бах.— Быстрое засыпание — тоже проявление адаптации.

После того как свет в комнате Киры погас, они выждали еще немного, а потом каждый приступил к своей части программы: старик принялся законопачи-

вать мокрой ватой щелки вокруг шланга, а Скотт, выбравшись наружу, занялся уплотнением оконных рам, предварительно бесшумно опустив их. Затем он снова вошел в дом, зажег свечку и тихо отворил дверь в комнату девушки. Она безмятежно спала, натянув до подбородка простыню, и перед глазами Дэниела промелькнула картина из, казалось бы, такого далекого прошлого: накрытый простыней полутруп в изоляторе.

С трудом переведя дыхание, он поставил свечку на стол, вышел в коридор и, повернув ключ в замке двери, тщательно заткнул щели по ее периметру. Затем отправился в соседнюю комнату.

— Подождите минут пять,— хриплым шепотом сказал он доктору Баху,— а затем открывайте вентиль. Когда она потеряет сознание, я постучу в стену.

Дэниел вновь покинул дом и остановился возле окна, за которым виднелась горящая свеча. Прошла целая вечность, прежде чем пламя начало мигать: комната постепенно заполнялась газом. Наконец, свеча погасла — следовательно, концентрация двуокиси углерода поднялась до десяти процентов. В такой атмосфере должно погибнуть любое живое существо, но организм Киры Зелас приспособился к тому ничтожному количеству кислорода, которое еще оставалось в воздухе. Требовалось ждать, пока его полностью не заменит углекислота.

Скотту почудилось, что уже близок рассвет — от долгой неподвижности затекли ноги. Оглянувшись, он с удивлением заметил, что его все еще окружает ночная тьма, и вновь перевел взгляд в глубину комнаты. Свет ночника позволял угадывать предметы, и он заметил, что девушка беспокойно заметалась в постели. Затем она поднялась и неверными шагами направилась к двери. Безрезультатно подергав ручку, она пошла к окну.

Дэниел видел, как выражение ужаса постепенно исказило черты прекрасного лица: угасавшее сознание подсказало Кире, что она попала в ловушку. Из последних сил она размахнулась, чтобы разбить кулаком стекло, но потеряла равновесие и упала. По неловкой и неподвижной позе лежавшей, Скотт понял, что девушка потеряла сознание. Рывком подняв раму, он тут же резко откинулся назад: от волны газа, ударившей

ему в лицо, он едва не задохнулся. Однако следовало спешить. Дэниел перемахнул через подоконник и ударил каблуком в стену. Шипение газа немедленно прекратилось, а еще через несколько секунд он услышал скрип ключа.

Когда доктор Бах отворил дверь, на пороге уже стоял Дэниел с девушкой на руках. Оба врача устремились в лабораторию, и вот уже бесчувственное тело покоится на операционном столе. Затянув крепящие ремни, молодой человек уступил место опытному хирургу и, пока тот заканчивал предварительные процедуры, в последний раз полюбовался на прекрасного ангела с черной дьявольской душой. На глаза набежали невольные слезы, но усилием воли он прогнал их: надо было ассистировать доктору Баху.

Тот решил провести операцию на гипофизе, добравшись до него через носоглотку, что, во-первых, существенно сокращало время, а, во-вторых, не оставляло наружных шрамов. В обычных условиях доктор Бах предпочел бы трепанацию черепа, что позволило бы лучше изучить невероятный феномен, но в данном случае победил рационализм, а не научное любопытство.

Девушка еще не успела очнуться, как операция уже была успешно завершена. Мгновенные признаки этого показались ошеломленным врачам почти колдовством: волосы начали темнеть, стремительно теряя свое платиновое сияние, чуть заметная под полуопущенными веками радужка из голубой превратилась в фиалковую. Единственной отличительной чертой этой девушки от той, что недавно умирала в клинике Баха, было ее явное здоровье: щеки не ввалились, темные волосы не утратили блеска, лицо своей невинностью напоминало спящего ангела.

Дэниел Скотт уже не сдерживал слез. Старик не мог понять, что оплакивает его молодой коллега, а спросить не хватило духу. Сам же он смотрел на приходившую в себя девушку и сожалел о том, что не видел, как выглядела она в тот момент, когда поднимала камень, чтобы убить.

ПРЕДЕЛ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Жизнь профессора математики в Восточном университете небогата приключениями. Многие считают, что преподаватели влачат жалкое существование в мире книг и ученых премудростей, а учителя математики вообще жуткие зануды и сухари, и их предмет самая скучная наука. И все же даже в мире бездушных цифр есть свои мечтатели: Максвелл, Лобачевский, Эйнштейн и многие другие. Великий Альберт Эйнштейн был одним из немногих, кто сумел соединить философскую мечту с экспериментальной наукой и разрушить прочную связь математических символов.

И не забудьте, что «Приключения Алисы в Стране Чудес» написал мечтатель, серьезно занимавшийся математикой. Конечно, я не ставлю себя в один ряд с ними. Я мыслю достаточно приземленно, и не предаюсь пустым фантазиям. Преподавание — моя профессия. По крайней мере, мой основной заработок. Иногда, когда подворачивается случай, я занимаюсь обработкой статистических данных для промышленных корпораций. В телефонной книге обо мне так и написано: «Абнер Ааронс — статистика и математические консультации». Эта сфера деятельности дает дополнительный доход. Бывает, что среди прочего попадается интересный материал. Но в основном приходится вычерчивать графики изменений в сфере потребления для производителей и высчитывать прирост населения для предприятий коммунальный услуг.

Временами предприимчивые рекламные агентства просят подсчитать, сколько понадобится банок сардин, чтобы заполнить Панамский канал. Они используют такого рода информацию как наживку для покупателей. Работа эта не очень увлекательная, но весьма прибыльная.

Вот почему я не удивился, когда в одном июльское утро мне позвонили. Университет был закрыт уже несколько недель. Летний семестр должен был начаться без присутствия моей драгоценной персоны. Я собирался отдохнуть пару дней на речке в штате Вермонт, где отлично клевали речные форели. Причем вне зависимости от того, кто вытаскивал их на берег: боксер-профессионал, президент или профессор математики. Я хотел поехать один. Три четверти года, проведенные перед аудиторией безмозглых головастиков, которых называют студентами колледжа, отбили всякое желание видеть людей. Потребность в общении временно притупилась.

Однако я не настолько расточителен, чтобы пренебречь возможностью получить лишний пенни. Звонок с предложением работы оказался весьма кстати, ведь уже тот скромный отдых, который я планировал, грозил пробить брешь в скудном бюджете преподавателя, к тому же условия звучали заманчиво: простое и прибыльное дельце.

— Меня зовут Курт Строн,— представился звонивший.— Я химик-экспериментатор. Только что закончил серию опытов и хочу, чтобы вы свели результаты в таблицы и сделали выводы. Вы ведь беретесь за такую работу?

Я дал утвердительный ответ.

— Необходимо, чтобы вы зашли за материалами.— Вещал слащавый голос.— Я не могу выходить.— За этим последовал адрес, где-то на западной стороне, семнадцатая улица.

Обычно все данные мне доставляли с посыльным или присылали по почте. Но иногда я забирал их и сам, так что в просьбе не было ничего необычного. Я согласился и сказал, что скоро буду. И действительно не стал затягивать дело. Чем скорее я справлюсь с

этой работой, тем скорее получу возможность отдохнуть.

Я поспешил на метро, такси для профессора роскошь, а личный автомобиль — недостижимая мечта. И вскоре уже входил в подъезд одного из невзрачных коричневых домов, еще встречающихся на Западной авеню. Строн впустил меня. Я сразу понял, почему он просил меня приехать. Он был страшно искалечен: обожженная левая сторона тела напоминала иссохшую шишковатую кору старого дуба. Из-за увечий он с трудом ковылял даже по квартире. Еще я отметил в нем маленькие пронзительные глазки и темные жесткие волосы.

Он довольно любезно меня поприветствовал, пригласил войти в маленькую библиотеку. Там он устроился за столом, заваленным бумагами, лицом ко мне, окинул меня своими глубоко посаженными глазами и усмехнулся.

— Вы хороший математик, доктор Ааронс? — спросил он. Это был даже не вопрос, а прямая насмешка.

— Я всегда работал качественно,— ответил я, слегка удивленный.

Он нетерпеливо взмахнул рукой.

— Конечно, конечно! Я не сомневаюсь в ваших практических умениях. Но хорошо ли вы разбираетесь в отвлеченных понятиях? В теории чисел или в пространственной математике?

Я начал раздражаться. Было в этом человеке что-то неприятное.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к статистике? Давайте материалы, и я уйду.

Он усмехнулся, похоже, ситуация явно забавляла его.

— На самом деле, доктор Ааронс, сказал он, самодовольно ухмыляясь,— эксперимент еще не завершен. Точнее, он только начинается.

— Что? — я действительно разозлился.— Знаете, мне не до шуток...

Я встал, чтобы уйти.

— Одну минуту,— холодно ответил Строн,— в его руке угрожающе блеснул синеватой сталью пистолет, направленный на меня. Открыв рот от удивления, я опустился на стул. Признаюсь, что запаниковал, уви-

дев устремленные на меня безжалостные бусинки-глаза и ствол пистолета.

— Согласно правилам хорошего тона, вы должны выслушать меня, доктор Ааронс.— Мне не нравилась приторная сладость его голоса, но что я мог поделать? — Как я сказал, эксперимент только начинается. Эксперимент — это вы!

— Что! — воскликнул я, надеясь, что он шутит.

— Вы математик, не так ли? — продолжил Строн.— Отлично! Это будет честная игра. Математики, мой друг, это дичь, на которую я охочусь.

«Передо мной сумасшедший!» — Поняв это, я попытался успокоиться. Лучше всего было не спорить с ним. Я попробовал внести в происходящее хоть какую-то ясность:

— Зачем на нас охотиться? Мы безвредные люди.

Его глаза свирепо вспыхнули.

— Безвредные? Безвредные! Благодаря одному из ваших коллег я стал калекой! — Он показал изуродованные руку и ногу.— Из-за его неверных расчетов.— Он придвинулся ближе.— Послушайте, доктор Ааронс, я химик, вернее, когда-то был им. Успешно работал со взрывчатыми веществами. Один из проклятых математиков вывел для меня формулу. Точка в десятичной дроби оказалась не на том месте и — бах! Теперь вы все — мои жертвы! — Строн замолчал, на губах заиграла злая улыбка.— Я просто восстанавливаю справедливость.

Представьте себе, в каком ужасе я находился, сидя лицом к лицу с маньяком-убийцей, державшим в руке пистолет. Я слышал, что в подобных случаях лучший способ поведения — потакать сумасшедшим. Использовать убеждение и соглашаться!

— Мистер Строн,— сказал я,— конечно, вы имеете право требовать правосудия. Я вас понимаю. Но, мистер Строн, неразумно вымещать свой гнев на мне. Это несправедливо!

Он дико засмеялся и ответил:

— Вы привели очень веский довод, доктор Ааронс. Что же, вам просто не повезло. Ваше имя оказалось первым в телефонной книге. Если бы ваш коллега оставил мне хоть малейший шанс, я был бы терпимее. Но

я поверил его дурацким расчетам! — Лицо Строна исказила злая гримаса.— У вас будет больше шансов, чем у меня. Если вы действительно хороший математик, то найдете возможность спастись. Я не имею ничего против настоящих служителей цифр,— его взгляд стал зловещим,— но не переношу тупиц, мошенников и глупцов. У вас будет шанс! — Ухмылка вернулась на его лицо, но в глазах, сверкавших поверх пистолета, ничего не дрогнуло.

У меня не было другого выхода, кроме как продолжать этот отвратительный фарс. Прямое сопротивление, несомненно, спровоцировало бы вспышку гнева, поэтому я просто поинтересовался:

— Что же вы хотите от меня, мистер Строн?

Он оскалился:

— У меня есть очень справедливое предложение, сэр. Очень честное, на самом деле.

— Хотелось бы узнать, в чем оно заключается? — спросил я, надеясь на его замешательство.

— Конечно, узнаете. Вот оно! Вы математик и говорите, что хороший. Отлично! Я вас проверю. Я задумал некоторую математическую величину, числовую последовательность, если так вам понятнее. У вас есть десять вопросов, чтобы отгадать ее. Назовете правильно, и вы свободны. Если же нет,— он усмехнулся,— тогда я причислю вас к племени мошенников, против которых я веду войну, и последствия для вас будут весьма печальны.

Ничего себе! Я обрел голос только несколько минут спустя и начал бормотать слова протеста:

— Но, мистер Строн, это же абсолютно невозможно! Числовой ряд бесконечен! Как я могу угадать эту цифру всего за десять вопросов? Один шанс из миллиона, из миллиарда, что я справлюсь! Дайте выполнимое задание.

Он терпеливо выслушал упреки, слегка покачивая пистолетом.

— Доктор Ааронс! Вы слушали невнимательно. Я сказал, не число, а числовая последовательность. Это понятие гораздо шире понятия числа. Я не вычитаю эту подсказку из десяти вопросов. Цените мое велико-

душие! — Он засмеялся.— Правила нашей маленькой игры таковы. Вы можете задавать мне любые вопросы, кроме прямого: «Что это за выражение?». Я обязан отвечать на них настолько подробно и полно, насколько позволяют мои знания. Вы можете задавать сколько угодно вопросов за один раз, но отвечать я буду только на два в день. Это даст вам время подумать,— снова ужасный оскал,— да и мое время ограничено.

— Но, мистер Строн,— попробовал возразить я,— я не могу оставаться здесь пять дней. Завтра же моя жена заявит в полицию о моем исчезновении.

В его глазах загорелся сумасшедший гнев.

— Доктор Ааронс, вы играете нечестно. Я знаю, что вы не женаты. Я все разузнал о вас прежде, чем пригласить сюда. Вас никто не будет искать. Не пытайтесь лгать мне и помешать восстановить справедливость. Докажите, что вы хороший математик и имеете право на существование.— Он внезапно встал — Прошу вас, сэр, поднимитесь по лестнице и пройдите в ту дверь.

Выбора у меня не было, мне оставалось только подчиниться! Короткий пистолет в его руке служил достаточно веским аргументом, по крайней мере, для такого не склонного к авантюрам человека, как я. Я встал, гордо прошествовал через комнату, поднялся по лестнице и вошел в указанную дверь. За ней оказалась маленькая комнатка с небольшим световым люком в потолке, который, как показал беглый осмотр был заперт. Меблирована она была достаточно неплохо для пленника: кушетка, стул с прямой спинкой, глубокое кресло и письменный стол.

— Вот,— сказал мой «гостеприимный» хозяин,— ваша келья. На столе графин с водой и полный справочник по математике, которым вы можете пользоваться.— Он посмотрел на часы.— Сейчас без десяти четыре. Вы можете думать над вопросами до четырех часов завтрашнего дня. Обдумайте их хорошенько! Лишние десять минут — это подарок, чтобы вы не сомневались в моей щедрости.— Строн подошел к двери.— Я прослежу, чтобы вы получили обед вовремя. Желаю всего наилучшего.

Как только щелкнул замок, я приступил к осмотру комнаты. Световой люк, дверь... Пытаться вырваться

отсюда бесполезно! Меня надежно и бесславно заперли. Около получаса я усердно исследовал свою камеру. Надо отдать должное Строну, она идеально служила своей цели. Массивная дверь запиралась снаружи на засов, световой люк защищала прочная решетка, в придачу ко всему толстые стены... нет ни малейшей надежды выбраться. Итак, Абнер Ааронс — заключенный!

Мои мысли вернулись к безумной игре, которую вел Строн. Возможно, я сумею разгадать его загадку. По крайней мере, целых пять дней, пока идет игра, я нахожусь в безопасности. За это время может произойти все что угодно. На столе я нашел сигары. Стараясь успокоится, закурил одну и принялся размышлять.

Конечно, бессмысленно рассматривать задачу только с количественной точки зрения. Можно использовать все попытки, спрашивая: «Это число больше или меньше миллиона, тысячи, ста?»

Но путем такого отсева найти невозможно. Кроме того, это может быть простая или десятичная дробь, мнимое число, такое, как квадратный корень из минус единицы, или любое сочетание этих чисел. Эти размышления подсказали мне первый вопрос. Когда от сигары остался один окурок, я окончательно его сформулировал. Возможности его задать долго ждать не пришлось. В начале седьмого дверь отворилась.

— Отойдите от двери, мистер Ааронс,— послышался голос моего тюремщика. Этот сумасшедший вошел, толкая перед собой столик на колесиках, на котором был сервирован полный ужин: бульон, ростбиф и бутылка вина. В здоровой руке он держал пистолет.

— Надеюсь, вы с пользой провели время,— усмехнулся он.

— Да, у меня уже готов первый вопрос,— ответил я.

— Хорошо, доктор Ааронс, очень хорошо! Давайте послушаем.

— Итак,— начал я,— всю бесконечность математики разделяют на действительные и мнимые числа, в пределах которых находится любое числовое выражение. Действительные включают в себя положительные и отрицательные числа, простые и десятичные дроби, любые множества. Мнимые — это результаты опера-

ций с числом E, которое по-другому можно выразить как квадратный корень из минус единицы.

— Правильно, доктор Ааронс. Это элементарно!

— Так что же? Загаданная вами величина действительная или мнимая?

— Очень хороший вопрос, доктор! Очень хороший! Мой ответ, если он вам поможет: эта величина может быть любой!

Меня озарило! Разгадка ясна, как божий день! Любой студент, изучающий математику, знает, что лишь одна цифра является и одновременно и действительным, и мнимым числом. «Это — ноль! Я знаю ответ!» — эти слова звучали в ушах, как грохот барабанов! Мне стоило больших усилий оставаться внешне спокойным.

— Мистер Строн,— сказал я,— величина, которую вы задумали, ноль?

Он засмеялся. Неприятный дребезжащий звук разнесся по комнате.

— Нет, доктор Ааронс. Я так же, как и вы, знаю, что ноль — одновременно и действительное, и мнимое число. Позвольте обратить ваше внимание на мой предыдущий ответ. Я не сказал, что эта величина одновременно и мнимая, и действительная. Я сказал, что она может быть любой! — Он направился к двери.— Вынужден указать, что у вас осталось восемь попыток. Со своим поспешным ответом вы попали пальцем в небо. Доброго вам вечера!

Он ушел. За дверью послышался глухой звук засова, входившего в гнезда. Терзаемый отчаянием, я опустился в кресло, даже не притронувшись к роскошному ужину.

Прошло много времени, прежде чем мои мысли снова обрели ясность. Не знаю точно, сколько именно, я не смотрел на часы. Вскоре я, однако, несколько оправился, настолько, что выпил немного вина и съел ростбиф. Бульон, к сожалению, безнадежно остыл. Затем я задумался над третьим вопросом.

Я проанализировал всю имеющуюся информацию: намеки Строна относительно терминов, ответы на первый и второй вопросы... Он определенно указывал на некое числовое выражение. Значит, исключена возмож-

ность использования символов «*X*» и «*Y*». Величина либо действительная, либо мнимая, но не ноль. Я начал перебирать возможные варианты. Квадратный корень действительного числа может дать мнимое число. Если в величине больше, чем одна цифра, или используется показатель степени, тогда загаданное им число, без сомнения, квадратный корень мнимого числа. Внезапно меня посетила еще одна идея! На клочке бумаги я нацарапал несколько символов, затем, чувствуя себя абсолютно опустошенным, бросился на кровать и уснул. Но покоя не было и во сне. Мне снилось, что Строн столкнул меня в море, кишащее зубастыми математическими чудовищами.

Утром меня разбудил скрип двери. Комната была освещена светом, проникавшим через люк в потолке. Строн вошел, балансируя на одной руке подносом, в другой он по-прежнему держал уже намозоливший глаза постолет. Он поставил на столик полдюжины накрытых крышками тарелок и забрал остатки ужина.

— У вас плохой аппетит, доктор Ааронс,— прокомментировал он.— Неужели вы позволите, чтобы нервное напряжение повлияло на ваши умственные способности? — Он ухмыльнулся, наслаждаясь шуткой.— Больше вопросов пока нет? Это не принципиально. До четырех часов завтрашнего дня у вас есть время подготовить еще два вопроса.

— У меня есть вопрос,— ответил я, окончательно проснувшись, встал и расправил на столе листок бумаги.— Число, мистер Строн, можно выразить путем различных операций. Например, число 4 можно получить в результате умножения $2 \times 2 = 4$, сложения $3 + 1$, деления $8 \div 2$ или вычитания $5 - 1$, возведения в степень 2^2, извлечения квадратного корня $\sqrt{16}$ или $\sqrt[3]{64}$. Все это различные способы представления числа 4. На листке я написал все символы математических операций. Вот мой вопрос: какие из этих знаков использованы в задуманном выражении?

— Очень тщательно продумано, доктор Ааронс! Вы соединили несколько вопросов в одном.— Он взял со стола листок бумаги и указал на первый знак в моем списке — знак вычитания, простое тире!

Это тире, обыкновенная горизонтальная палочка, зачеркнула все мои рассуждения. Проработанная теория об извлечении квадратного корня из мнимого числа, для получения действительного не подтвердилась. Путем сложения или вычитания действительно число никак не перейдет в мнимое. Только с помощью умножения, возведения в степень или деления можно совершить такое математическое чудо! Я снова оказался в полной растерянности и долго не мог собраться с мыслями.

Часы складывались в дни мучительно медленно и неотвратимо быстро, становясь пыткой для приговоренного к смерти. Я был словно парализован. Странные, парадоксальные ответы обезоружили меня. Но я продолжал бороться.

Четвертый вопрос:

— Есть ли мнимые числа в выражении?

Четкий, холодный ответ:

— Нет.

Пятый:

— Сколько однозначных чисел в этой последовательности?

Ответ снова четкий:

— Два.

Получив новую пищу для размышлений, я сформулировал очередную задачу: какие два однозначных числа, соединенные знаком минус, образуют либо действительное, либо мнимое число?

«Это невозможно,— думал я.— Этот маньяк просто издевается надо мной!»

И все же это было слишком изобретательное, слишком остроумное сумасшествие. Я готов поклясться, что Строн был искренен в желании добиться справедливости, пусть даже таким извращенным путем.

На шестом вопросе на меня снизошло вдохновение! По правилам игры Строн обязан был отвечать на любой вопрос, кроме прямого: «Что это за выражение?» По-моему, я нашел выход! Я едва дождался следующей встречи и торопливо спросил:

— Мистер Строн, вот вопрос, на который по правилам нашей игры вы обязаны ответить! Если поставить после вашего выражения знак равенства, какое число

будет стоять после него? Чему равна задуманная вами числовая последовательность?

В ответ раздался дьявольский смех. Почему? Неужели я смутил его?

— Умно, доктор Ааронс! Очень умно! Она равна любому числу!

Кажется, в отчаянии я крикнул:

— Любому? Любому! Вы обманщик! Ваша игра — мошенничество! Такого выражения не существует!

— Оно есть, доктор! Хороший математик смог бы вычислить его.— Строн вышел, продолжая смеяться.

Я не спал всю ночь. Час за часом, сидя за проклятым столом, я собирал клочки информации, анализировал, вспоминал. И все-таки нашел решение! Вернее, несколько его вариантов. Бог мой, чего мне это стоило! До конца безумной игры оставалось два дня и четыре вопроса. Решение проблемы постепенно вырисовывалось, но от нервозности ситуации в голове все смешалось. Чувство самосохранения требовало, чтобы я действовал постепенно, проверяя свою догадку оставшимися вопросами. Но все мое существо восставало против невыносимого напряжения, в котором я жил последние дни: «Сделай ставку на последние четыре вопроса. Задай их все сразу и прекрати эту агонию любым способом».

Я подумал, что нашел ответ. О, этот сумасшедший оказался дьявольски умен! Он указал на знак вычитания, и я мыслил в ложном направлении. На самом же деле он, вероятно, имел в виду знак простой дроби. Графически они идентичны — обыкновенные тире. Но один означает вычитание, а другой деление. $1 - 1 = 0$, но $1 \div 1 = 1$! Если Строн подразумевал знак деления, тогда проблема легко решается. Выражение, которое буквально означает любое число,— это $0 \div 0$! Да, ноль, разделенный на ноль. Для лучшего понимания этого утверждения привел пример: возьмем произведение $2 \times 3 = 6$. По-другому можно сказать, что в шести три раза по два. Теперь рассмотрим равенство $0 \times 6 = 0$. Совершенно верно, не так ли? В этом произведении шесть раз по нулю. Таким образом, частное — ноль, деленный на ноль, равно любому числу, действительному или мнимому.

Я решил, что победил этого хитрого дьявола.

Он пришел на закате с неизменной усмешкой на лице.

— Ваши вопросы, доктор Ааронс? Осталось всего четыре попытки.

Я спокойно посмотрел на него.

— Мистер Строн, числовая последовательность, которую вы загадали, ноль, деленный на ноль?

Он растянул губы в гримасе улыбки:

— Нет, сэр, вовсе нет.

Я не растерялся. У меня был припасен еще один вариант решения. Существовал еще символ, отвечавший всем условиям. Я задал восьмой вопрос:

— Тогда это бесконечность, разделенная на бесконечность?

Он растянул губы еще шире.

— Нет, доктор Ааронс.

Я слегка запаниковал! Развязка замаячила в ужасающей близости. Лишь одним способом можно было проверить, обман его игра или нет. Я использовал девятую попытку.

— Мистер Строн, когда вы указали на тире, как математический символ, который использовали в вашем выражении, вы имели в виду знак деления или вычитания?

— Знак вычитания, доктор Ааронс. У вас остался всего один вопрос. Не хотите ли подождать до завтра?

Он с наслаждением улыбался, полностью уверенный, что победа в этой безумной игре осталась за ним. Я колебался, терзаемый муками нерешительности. Ужасающая перспектива еще одной ночи сомнений заставила меня принять решение.

— Я задам его сейчас, мистер Строн.

Это решение должно быть верным. Другого не было. Час за часом мучительно размышляя над ответом. Я перебрал все возможные варианты.

— Выражение, которое вы задумали, бесконечность минус бесконечность?

Да, я угадал! Я понял это по тому, как разочарованно вспыхнули его глаза.

— Сам дьявол подсказал вам ответ! — взвизгнул Строн. Мне показалось, что у него на губах появились

клочья пены. Он опустил пистолет, и я осторожно приблизился к двери. Он даже не шелохнулся, чтобы остановить меня, стоял молча. И лишь когда я вышел на лестничную площадку, тогда...

— Стойте! — закричал Строн.— Вы же все расскажете! Подождите, доктор Ааронс!

В два прыжка я преодолел лестницу, оказался внизу и рывком открыл дверь. Строн кинулся за мной, целясь из пистолета. Я услышал выстрел, когда уже выскользнул за дверь и бросился в спасительный свет улицы.

Конечно, я сообщил о нем в полицию. Его схватили, когда он пытался сбежать из дома, и отправили к психиатру. Как я позже выяснил, история его оказалась правдивой. Он действительно был покалечен во время взрыва в лаборатории.

Что касается разгадки, то все очень просто. Бесконечность — самая большая математическая величина, больше, чем любое мыслимое число. Попробую объяснить поподробнее.

Математический символ бесконечности — перевернутая восьмерка ∞.

Возьмем сумму $\infty + 6 = \infty$. Утверждение абсолютно верно, так как к бесконечности невозможно прибавить ничего, что сделало бы ее больше, чем она есть. Бесконечность сама по себе самое большое из всех возможных чисел. Из этого равенства получается, что $\infty - \infty = 6$. Вот и все! Вместо 6 может быть любое число.

Разность бесконечностей равна любой величине, действительной или мнимой, от нуля до ∞.

Курт Строн на самом деле играл честно!

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЙ АДАМ
(Перевод А. Полуды) 5

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ
(Перевод Г. Весниной) 225

БЕЗУМНЫЙ ПРОФЕССОР 313

Под знаком «Если»
(Перевод Г. Весниной) 315

Идеал
(Перевод Г. Усовой) 338

ЗА ПОЯСОМ АСТЕРОИДОВ 359

Искупительная пирамида
(Перевод Г. Усовой) 361

Свихнувшаяся луна
(Перевод Г. Весниной) 387

Планета сомнений
(Перевод И. Гуровой) 415

ВЕНЕРИАНСКИЕ ХРОНИКИ 445

Планета-хищник
(Перевод Г. Весниной) 447

Сила воли
(Перевод Г. Весниной) 494

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ 529
Марсианская одиссея
(Перевод Г. Весниной) 531
Долина желаний
(Перевод Г. Весниной) 558

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ АДАПТАЦИИ 581
Очки Пигмалиона
(Перевод Г. Усовой) 583
Остров Протея
(Перевод Г. Усовой) 600
Блуждающие моря
(Перевод Г. Усовой) 623
Высшая степень адаптации
(Перевод Г. Весниной) 644
Предел бесконечности
(Перевод Е. Лариной) 673

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

Стенли Вейнбаум

Черное Пламя

Сборник фантастических повестей и рассказов

Ответственный за выпуск *И. Петрушкин*
Составитель *А. Лидин*
Ведущий редактор *П. Киракозов*
Редакторы *Я. Забелина, О. Орещенко, Е. Первушина*
Художественные редакторы *В. Андреева, О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*
Верстка: *П. Савченков*
Корректоры *Е. Зверькова, В. Челенко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Стенли Вейнбаум (1902–1935 гг.).

Автор «Марсианской Одиссеи» и «Безумной Луны».

Предшественник «золотого века» американской научной фантастики, далеко опередивший свое время и предвосхитивший в своих работах темы и сюжеты, получившие развитие в фантастике позднего — классического! — периода...

Стенли Вейнбаум прожил короткую жизнь — и успел издать до смешного мало. Однако НИ ОДНО из его произведений по сию пору, по сей день не утратило своего обаяния!..

ISBN 5-17-012639-5